

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ВРЕМЕННИКЪ

ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО

ЛИЦЕЯ.

Книга девяностая.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1905.

Printed in Russia
Digitized by Google

Digitized by Google

ВРЕМЕННИКЪ

ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО

ЛИЦЕЯ.

Книга девяностая.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1 9 0 5.

Digitized by Google

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ Лицея *Э. Берендтсъ.*

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

девяностой книги Временника Лицея.

Государственный Совѣтъ въ Россіи въ первый вѣкъ его образованія и дѣятельности (30 марта 1801—1901 года). Историко-юридическій очеркъ ординарнаго профессора *В. Г. Щеглова* V—XI – 1—187

Суверенитетъ. Историческое развитіе идеи суверенитета и ея правовое значеніе. И. д. экстраординарнаго профессора *Н. И. Палієнко.* (Окончаніе) . . 177—567

Историческое развитіе идеи суверенитета и ея правовое значеніе. (Положенія) . . . . . 1—3

Психологическія основы и юридическая конструкція формъ виновности въ уголовномъ правѣ. (Положенія). И. д. экстраординарнаго профессора *Г. С. Фельдштейна* . . . . . 1—5

Юридическая библіографія №№ 64 и 65.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВѢТЪ

ВЪ РОССІИ

въ первый вѣкъ его образованія и дѣятельности (30 марта 1801—1901 года).

Историко—юридическій очеркъ.

Ординарнаго Профессора Демидовскаго Юридическаго Лицея

В. Г. ЩЕГЛОВА.

ЯРОСЛАВЛЬ
1903.

Digitized by Google

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій*

MAR 14 1934

Digitized by Google

Настоящая брошюра, посвященная столѣтнему юбилею русскаго государственнаго совѣта, въ то же время является дополненіемъ къ трудамъ автора объ этомъ высшемъ русскомъ учрежденіи: Государственный Совѣтъ въ Россіи (т. I, 1892,.) и Государственный Совѣтъ въ царствованіе Императора Александра I (т. II, вып. I, 1895 г.) Въ послѣдней книгѣ авторомъ были разработаны, между прочимъ, и архивные документы, которые относятся къ дѣятельности главнаго департамента въ составѣ государственнаго совѣта при Александрѣ I,—департамента законовъ. На очереди—изученіе и научная разработка еще болѣе многочисленныхъ архивныхъ документовъ, которые касаются дѣятельности остальныхъ департаментовъ—государственной экономіи, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и военнаго въ царствованіе Александра I. Авторъ давно уже работаетъ надъ многочисленными архивными матеріалами, которые отчасти напечатаны, хотя и не всюду въ полномъ видѣ, въ архивѣ государственнаго совѣта, издаваемомъ Калачевымъ, отчасти же продолжаютъ печататься и въ настоящее время въ государственной канцеляріи. Большое къ нимъ дополненіе представляетъ собою ея юбилейное изданіе: „Государственный совѣтъ“, 1801—1901 г. Въ этой книгѣ на основаніи подлинныхъ архивныхъ данныхъ „данъ краткій очеркъ образованія и важнѣйшихъ событій въ жизни

Digitized by Google

государственнаго совѣта за сто лѣтъ его существованія". Въ сжатомъ изложеніи читатель знакомится съ исторіей образованія многихъ законодательныхъ актовъ въ теченіе всего прошлаго столѣтія, на сколько въ нихъ принималъ участіе государственный совѣтъ въ качествѣ законодательнаго учрежденія. Въ текстѣ помѣщены подлинныя разсужденія членовъ государственнаго совѣта по поводу того или другого вопроса, внесеннаго на его обсужденіе. Все оффиціальное юбилейное изданіе содержитъ много систематизированныхъ его авторомъ, драгоцѣнныхъ матеріаловъ относительно государственнаго управленія и участія въ немъ государственнаго совѣта въ продолженіе всего прошлаго столѣтія. Но вѣковая исторія самого государственнаго совѣта изложена по необходимости слишкомъ сжато. Обращается особенное вниманіе на измѣненія въ составѣ совѣта въ каждое изъ царствованій въ XIX вѣкѣ: Императора Александра I, Николая I, Александра II, Александра III и Николая II. При обозрѣніи дѣятельности государственнаго совѣта въ истекшее столѣтіе его существованія авторъ оффиціальнаго юбилейнаго изданія матеріаловъ останавливается главнымъ образомъ на важнѣйшихъ событіяхъ въ русской исторіи, на сколько они отразились въ дѣятельности государственнаго совѣта (отечественной войнѣ 1812 г. восшествіи на престолъ Николая I, изданіи при немъ полнаго собранія и свода законовъ, реформахъ Александра II—крестьянской, административной, судебной и др.). Авторъ удѣлилъ мало мѣста въ юбилейномъ изданіи обозрѣнію дѣятельности государственнаго совѣта въ царствованіе его основателя Императора Александра I, хотя въ первой четверти XIX ст. государственный совѣтъ много и съ большой энергіей потру-

Digitized by Google

дился съ явной и несомнѣнной пользою для благосостоянія всего русскаго населенія [1]).

Впрочемъ, авторъ юбилейнаго изданія матеріаловъ о государственномъ совѣтѣ и не задается цѣлью написать подробную исторію его дѣятельности въ теченіе всего вѣка, что „было бы исторіей русскаго законодательства въ теченіе всего XIX вѣка и должно составить предметъ особаго научнаго изслѣдованія." Уже напечатанные труды автора настоящей брошюры по исторіи образованія и дѣятельности русскаго государственнаго совѣта представляютъ собою начало этой исторіи законодательства. На различныхъ моментахъ въ вѣковой дѣятельности высшаго законодательнаго учрежденія въ Россіи отражаются разныя эпохи въ ея исторіи. Въ связи съ этими послѣдними находятся и учрежденія государственнаго совѣта, появившіяся въ теченіе XIX ст.: въ 1801, 1810 и 1842 г. Не останавливаясь долго на исторіи русскаго высшаго управленія въ XVIII ст., учрежденіи непремѣннаго совѣта (1801 г.) и образованіи государственнаго совѣта (1810 г.), разсмотрѣнныхъ обстоятельно въ цитированныхъ его трудахъ, авторъ въ настоящей своей брошюрѣ болѣе подробно занимается Учрежденіемъ государственнаго совѣта, изданномъ въ 1842 г., также какъ послѣдующими въ немъ измѣненіями, которыя вошли въ Учрежденіе 1901 г. [2]) Обозрѣніе дѣятельности государственнаго совѣта, начиная съ царствованія Николая I и оканчивая текущимъ царствованіемъ Императора Николая II, дается

---

[1]) См. мое сочиненіе: Государственный совѣтъ въ царствованіе Александра I (II т., I вып.),

[2]) См. статьи автора въ „Россіи" („Государственный совѣтъ при Николаѣ I", № 692, 30 марта 1901 г.) и „Сѣверномъ Краѣ" (№№ 131, 133 и 134 за 1901 г.).

Digitized by Google

авторомъ по оффиціальному юбилейному изданію о государственномъ совѣтѣ, которое при всемъ высокимъ научномъ интересѣ заключающихся въ немъ матеріаловъ доступно лишь сравнительно небольшому количеству лицъ и учрежденій. Нѣкладывая подробное изложеніе всей исторіи дѣятельности государственнаго совѣта при Александрѣ I до послѣдующихъ выпусковъ своего о немъ труда, авторъ останавливается теперь только на важнѣйшихъ ея актахъ, связанныхъ съ выдающимися событіями въ жизни русскаго общества въ XIX в. Въ заключеніе авторъ разматриваетъ Учрежденіе государственнаго совѣта 1901 г., на основаніи котораго русскій государственный совѣтъ дѣйствуетъ въ настоящее время.

Своей настоящей юбилейной брошюрой, тѣсно связанной съ трiдами автора о рссскомъ государственномъ совѣтѣ, онъ желаетъ указать на всю важность образованія государственнаго совчта въ XIX ст., какъ спеціально законодательнаго учрежденія въ Россіи, „принадлежащаго къ самому составу имперіи и предназначеннаго установить порядкомъ и утвердить благосостояніе имперіи *на законѣ*“ [1]). Умеръ Александръ Первый, основатель государственнаго совѣта. Не стало и графа Сперанскаго, съ именемъ котораго неразрывно связано образованіе высшихъ русскихъ учрежденій съ государственнымъ совѣтомъ во главѣ. Въ теченіе XIX ст. появилось много новыхъ учрежденій въ области центральнаго управленія: произошли значительныя измѣненія въ образованныхъ въ его области учрежденіяхъ при Александрѣ I. Со времени основанія при

[1]) Слова Александра I въ рѣчи 1 января 1810 г. при открытіи государственнаго совѣта.

Digitized by Google

этомъ государѣ государственнаго совѣта Россія переживаетъ пятое царствованіе. Въ теченіе всего этого времени государственный совѣтъ, какъ постоянное „публичное установленіе“ для обезпеченія законности въ управленіи и „средоточія всѣхъ дѣлъ высшаго управленія“, преимущественно же какъ законодательное учрежденіе по своему назначенію и существу его организаціи и дѣятельности продолжаетъ стоять непоколебимо и твердо во главѣ высшаго русскаго государственнаго управленія. Въ началѣ второго столѣтія существованія русскаго государственнаго совѣта къ нему вполнѣ примѣнимы сказанныя на первыхъ порахъ его дѣятельности знаменательныя слова графа Сперанскаго, что „великія государства движутся установленіями, лица перемѣняются и умираютъ, а духъ установленій живетъ въ теченіе многихъ столѣтій и охраняетъ оныя“.

Ярославль
май 1903 года

Digitized by Google

Digitized by Google

Первая глава.

Высшее русское управленіе въ XVIII столѣтіи.

Мысль о празднованіи столѣтняго юбилея русскаго государственнаго совѣта въ 1901 году имѣла свое основаніе въ особомъ значеніи непремѣннаго совѣта, возникшаго сто лѣтъ тому назадъ (30 марта 1801 г.) въ царствованіе Александра I. Согласно съ общимъ характеромъ всѣхъ реформъ, предпринятыхъ въ высшемъ управленіи при этомъ государѣ, непремѣнный совѣтъ долженъ былъ служить къ обезпеченію законности въ государственномъ управленіи. Положимъ, обосновать его на идеѣ законности было еще цѣлью всей преобразовательной дѣятельности Петра I. Но въ теченіе всего XVIII ст. ея осуществленію препятствовали многочисленныя, неблагопріятныя обстоятельства во внутренней жизни русскаго государства. Отсутствіе опредѣленнаго порядка въ наслѣдованіи русскаго престола при частыхъ смѣнахъ на немъ государей въ связи съ борьбой за преобладаніе при дворѣ и въ управленіи русской и иноземной, особенно нѣмецкой партіи и другими причинами сильно тормозило необходимыя реформы въ русскомъ государственномъ управленіи, центральномъ и мѣстномъ. Лишь съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II, много сдѣлавшей въ теченіе своего продолжительнаго царствованія для упорядоченія государственнаго управленія, идея законности нашла примѣненіе въ мѣстномъ управленіи (учр. о губерніяхъ 1775 г.), а затѣмъ была подготовлена почва для реформы въ томъ же направленіи и въ сферѣ высшаго русскаго управленія.

Digitized by Google

До Екатерины II здѣсь мы наблюдаемъ безпрерывную смѣну однихъ высшихъ учрежденій другими, обыкновенно однородныхъ и конкурирующихъ между собой изъ за преобладанія въ управленіи. Такъ рядомъ съ сенатомъ, оставшимся въ русскомъ управленіи со времени его основанія въ продолженіе всего XVIII ст., возникали такія разнообразныя по названію и значенію высшія учрежденія, какъ Верховный Тайный Совѣтъ при Екатеринѣ I. Кабинетъ въ царствованіе Анны Ивановны, Конференція при Елизаветѣ Петровнѣ и Совѣтъ при Высочайшемъ Дворѣ въ царствованіе Екатерины II. Въ средѣ всѣхъ этихъ высшихъ учрежденій XVIII ст. сенатъ занимаетъ то или другое мѣсто, смотря потому, какую роль берутъ на себя другія, конкурирующія съ нимъ учрежденія. Почему сенатъ сохранилъ постоянное мѣсто въ государственномъ управленіи, оказался устойчивымъ въ то время, какъ другія, сродныя съ его функціями, высшія учрежденія исчезали одно за другимъ, этотъ важный вопросъ въ исторіи высшаго русскаго управленія въ XVIII ст. вообще и государственнаго совѣта въ особенности разсматривается всесторонне въ моемъ изслѣдованіи объ этомъ послѣднемъ русскомъ учрежденіи [1]).

Не входя въ подробности изложенія этого вопроса, позволимъ себѣ лишь указать на разнообразныя причины указаннаго явленія въ высшемъ русскомъ управленіи, съ которымъ связывалось смѣшеніе законодательства, управленія и суда въ разнообразныхъ высшихъ учрежденіяхъ XVIII ст., не исключая и самого сената. Во главѣ этихъ причинъ слѣдуетъ поставить сознаваемую въ XVIII ст. потребность въ высшемъ учрежденіи, которое могло бы завѣдывать важнѣйшими дѣлами управленія и, прежде всего, законодатель-

---

[1]) См. II томъ I вып. изслѣдованія о русскомъ государственномъ совѣтѣ введеніе.

Digitized by Google

ствомъ. Идея о такомъ учрежденіи съ спеціальнымъ значеніемъ законодательнаго и высшаго административнаго проходитъ красною нитью въ исторіи управленія въ XVIII ст., начиная съ Петра I и оканчивая царствованіемъ Екатерины II и Павла I. Въ этомъ отношеніи всѣ высшія учрежденія XVIII в. однородны: всѣ они вызываются къ жизни, главнымъ образомъ, потребностью въ высшемъ правительственномъ, преимущественно законодательномъ учрежденіи въ Россіи. Со всѣми ними немедленно вступаетъ въ молчаливую, но упорную борьбу сенатъ, отстаивавшій свое высшее, пріобрѣтенное при Петрѣ I правительственное значеніе.

Въ свою очередь, и каждое изъ вновь возникшихъ высшихъ учрежденій—Верховный Тайный Совѣтъ, Кабинетъ, Конференція и Совѣты при Екатеринѣ II и Павлѣ I—стремятся занять главное мѣсто въ высшемъ управленіи, отнимая его у сената. Какому изъ соперниковъ сената удавалось стать во главѣ управленія, скорѣе и успѣшнѣе захватить въ свои руки дѣла центральнаго управленія, предъ тѣмъ долженъ былъ склоняться сенатъ, невольно подчинявшійся своему болѣе могущественному сопернику. Такъ второстепенная роль сената въ управленіи XVIII ст. совпадаетъ съ сильнымъ правительственнымъ авторитетомъ въ управленіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, отчасти же Кабинета и Конференціи во вторую половину царствованія Елизаветы Петровны. Наоборотъ, въ первую его половину сенатъ является съ первенствующей ролью въ высшемъ управленіи, которую придала ему дочь Петра I [1]).

Важное значеніе въ опредѣленіи взаимныхъ отношеній сената и всѣхъ остальныхъ высшихъ учрежденій въ XVIII ст. имѣетъ еще стремленіе русской аристократіи захватить въ свои руки все управленіе государствомъ. Особенно сильно

---

[1]) Ibidem, 4—29 стр.

Digitized by Google

это стремленіе выразилось послѣ смерти Петра I при Екатеринѣ I, когда надъ старо-боярской, родовитой партіей взяло верхъ въ государственномъ управленіи новое, худородное дворянство „табели о рангахъ“, которое пріобрѣло себѣ вліяніе на управленіе вслѣдствіе несомнѣнныхъ заслугъ государству при Петрѣ I. Органомъ этой новой знати въ русскомъ обществѣ и управленіи явился Верховный Тайный Совѣтъ, въ которомъ сосредоточиваются всѣ государственныя дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ сената отнято названіе его „правительствующимъ“, замѣненное „высокимъ“. Верховный Тайный Совѣтъ присвоилъ себѣ право законодательства и исключительнаго вліянія на всю администрацію въ государствѣ. Свое политическое значеніе Верховный Тайный Совѣтъ сохранилъ въ кратковременное царствованіе Петра II, не смотря на паденіе всесильнаго князя Меньшикова, котораго замѣнили въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ родовитые князья Долгорукіе и Голицины. Раздоры въ средѣ правящей знати и еще болѣе надменное, гордое отношеніе верховниковъ къ среднему дворянству при всемъ сочувствіи послѣдняго ихъ плану объ ограниченіи самодержавной власти Анны Ивановны въ пользу аристократіи были причинами полной неудачи „затѣйки“ верховниковъ, а затѣмъ паденія политическаго значенія и самого Верховнаго Тайнаго Совѣта. Но вмѣстѣ съ нимъ не исчезли претензіи русской аристократіи на привиллегированную роль въ государственномъ управленіи.

Представители служебной аристократіи изъ нѣмцевъ, ставшихъ всесильными при Аннѣ Ивановнѣ, избрали своимъ органомъ управленія Кабинетъ, дѣятельность котораго получила въ это время политическій характеръ. Нѣмецкая аристократическая партія господствуетъ въ Кабинетѣ и всемъ государственномъ управленіи въ царствованіе правительницы Анны Леопольдовны. „Высокій“ сенатъ былъ вполъ

Digitized by Google

нѣ подчиненъ Кабинету, котораго замѣнила въ высшемъ управленіи Конференція, учрежденіе тоже съ аристократическимъ составомъ и значительнымъ политическимъ вліяніемъ (съ 1757 г.). Аристократическія политическія тенденціи ожили въ началѣ царствованія Екатерины II, когда графъ Панинъ предложилъ въ „Уставѣ верховному правительству“ императрицѣ образовать особое „верховное мѣсто *лежислаціи* или законоданія“, которое Панинъ называетъ „Императорскимъ совѣтомъ“. Однако за этимъ названіемъ, указывающимъ на общую въ XVIII ст. потребность въ законодательномъ учрежденіи, скрывалось у графа Панина съ его единомышленниками изъ высшей, служебной знати твердое и рѣшительное намѣреніе добиться виднаго участія въ государственномъ управленіи вмѣстѣ съ ограниченіемъ власти императрицы. Отсылая читателя къ разбору проэкта графа Панина объ учрежденіи совѣта въ нашемъ сочиненіи [1]), мы указываемъ лишь на тотъ фактъ, что проэктъ Панина, сначала одобренный и принятый Екатериной II, потомъ былъ ею отвергнутъ, когда противники графа Панина раскрыли императрицѣ истинный его замыселъ. Въ тоже время Екатерина II поручаетъ (въ 1763 г.) фельдмаршалу Миниху составить проэктъ объ устройствѣ верховнаго управленія въ Россіи. Минихъ ставитъ во главѣ его совѣтъ, который долженъ былъ, по его мысли, наполнить пустоту между верховной властью и совѣтомъ. Это новое учрежденіе въ проэктѣ Миниха „облегчаетъ труды императрицы по управленію дѣлами имперіи“ и, значитъ, является чисто-монархическимъ, лишеннымъ политическаго характера, установленіемъ. Мысль Миниха о такомъ совѣтѣ, который руководился бы одними мудрыми рѣшеніями государыни, была осуществлена Екатериной II въ

([1]) См. 58—72 стр.

Digitized by Google

1768 г., когда былъ образованъ Совѣтъ при Высочайшемъ Дворѣ [1]).

На обѣ причины, обусловливающія собою отмѣченныя нами особенности въ исторіи высшаго русскаго управленія въ XVIII ст., указываетъ и авторъ юбилейнаго сочиненія о русскомъ государственномъ совѣтѣ [2]), хотя его замѣчанія по этому поводу довольно общаго характера и недостаточно объясняютъ дѣйствительное состояніе всего высшаго управленія и взаимныя отношенія высшихъ русскихъ учрежденій въ XVIII ст. Признавая возникновеніе мысли объ образованіи государственнаго совѣта задолго до XIX вѣка, авторъ сообщаетъ о попыткахъ ея осуществленія въ теченіе XVIII ст., при чемъ мало оттѣняетъ вліяніе аристократическихъ тенденцій на организацію, дѣятельность и взаимныя отношенія между Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, Кабинетомъ, Конференціей и Совѣтомъ. Послѣдній при Петрѣ I, кромѣ высшаго административнаго учрежденія, былъ также и законодательнымъ. Неизвѣстно, какова была бы дальнѣйшая судьба сената, не остался бы онъ надолго въ русскомъ управленіи не только высшимъ административнымъ, но и законодательнымъ учрежденіемъ, если бы не произошли особыя обстоятельства по смерти Петра I, выдвинувшія на первый планъ въ управленіи аристократическій элементъ. Верховный Тайный Совѣтъ и Кабинетъ Министровъ—высшія учрежденія не только законодательныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и политическія. Оба они „присвоили себѣ скоро распорядительныя и наблюдательныя положенія“ не потому, что они стали „посредниками между Верховной властью и управленіемъ“, что могло бы повлечь за собою только сосредоточеніе въ этихъ учрежденіяхъ законодательства и высшей адми-

---

[1]) Ibidem, 23—25 и 75 стр.

[2]) См. введеніе, 1—111 стр.

Digitized by Google

нистраціи [1]), а въ силу аристократическаго ихъ состава и вліянія знати на весь ходъ государственнаго управленія. Поэтому-то, между прочимъ, уменьшилась власть и значеніе сената въ управленіи, на что указываетъ и авторъ юбилейнаго изданія. Его авторъ дѣлаетъ мимоходомъ замѣчаніе о Конференціи, придастъ ей небольшое значеніе въ государственномъ управленіи въ царствованіе Елизаветы Петровны, до конца котораго сенатъ, по его словамъ, „дѣйствовалъ, какъ первое государственное мѣсто".

Въ царствованіе Екатерины II еще съ большею очевидностью, продолжаетъ авторъ юбилейнаго изданія, выяснилось, что законодательное соображеніе государственныхъ нуждъ и интересовъ, принадлежа верховной власти, затруднено какъ множествомъ, такъ и необработанностью дѣлъ, подлежащихъ Высочайшему разсмотрѣнію и рѣшенію. Помимо сената, необходимо было особое учрежденіе, предназначенное для этого дѣла. Относительно организаціи этого учрежденія съ законодательными функціями мнѣнія раздѣлились, но только иначе, чѣмъ какъ говоритъ авторъ юбилейнаго изданія. Совѣту, какъ „частному государеву кабинету, негласному и неотвѣтственному" противопоставлялся совѣтъ не только, какъ „открытое", публичное установленіе съ точно опредѣленнымъ образомъ дѣятельности и отношеній къ другимъ высшимъ учрежденіямъ, особенно сенату. Дѣло шло на этотъ разъ, какъ мы видѣли, объ императорскомъ совѣтѣ, съ образованіемъ котораго соединялись опредѣленные политическіе планы у графа Панина и извѣстной части русской аристократіи. „Собранныя Императрицей мнѣнія" отъ противниковъ проэкта Панина, конечно, были не въ

---

[1]) На такой мотивъ въ пользу необходимости образованія государственнаго совѣта въ Россіи указываетъ Минихъ, который былъ противъ всякихъ аристократическихъ стремленій Панина.

Digitized by Google

его пользу, указывали на неудобства и даже опасности „обязательнаго и государственнымъ закономъ установленнаго совѣта“. Именно эта опасность заключалась въ явномъ стремленіи автора проэкта ограничить власть Императрицы. Панинъ хотѣлъ достигнуть этого избраніемъ изъ среды знатнаго дворянства и имъ самимъ шести непремѣнныхъ членовъ совѣта, которые должны были оставаться несмѣняемыми и имѣли право законодательной иниціативы и собственнаго суда другъ надъ другомъ. Поэтому правъ былъ Вильбуа—наиболѣе прямой и рѣшительный противникъ проэкта Панина,—когда онъ замѣчалъ, что Панинъ подъ видомъ защиты монархіи тонкимъ образомъ склоняется къ аристократическому правленію: вліятельные члены совѣта могутъ съ теченіемъ времени подняться до значенія соправителей и воля императрицы будетъ связана избранными въ совѣтъ членами. Поэтому Екатерина и не рѣшилась учредить „обязательный совѣтъ“, которому она предпочла, образованный ею въ 1768 г. по случаю предстоящей войны съ Турціей, совѣтъ временный, негласный, въ родѣ частнаго кабинета, который такъ усердно рекомендовали Императрицѣ противники проэкта Панина.

Къ причинамъ, обусловливавшимъ отмѣченную нами не устойчивость и смѣну въ XVIII в. различныхъ высшихъ учрежденій однихъ другими, нужно отнести еще неопредѣленность во взглядахъ и фактическомъ значеніи личнаго и коллегіальнаго начала организаціи учрежденій. Введеніе Петромъ I коллегій въ русское управленіе не положило конецъ въ немъ господствовавшему въ Московской Руси началу личнаго порученія тѣхъ или другихъ дѣлъ разнымъ учрежденіямъ. Въ теченіе XVIII стол. мы наблюдаемъ полное смѣшеніе личнаго и коллегіальнаго принципа въ организаціи высшихъ учрежденій, указывающее на недостатокъ правильныхъ понятій о дѣйствительной роли того и другого начала въ

Digitized by Google

управленіи, необходимости пріуроченія учрежденій, организованныхъ только на личномъ началѣ болѣе къ одному ихъ роду, а коллегіальныхъ къ другому. Рядомъ съ коллегіальными учрежденіями со времени Петра возникаютъ постоянно органы управленія съ личной организаціей, вызываемые къ жизни безпрерывно растущими въ русскомъ обществѣ XVIII ст. новыми культурными потребностями. Неотложная нужда въ ихъ настоятельномъ удовлетвореніи заставляетъ русскихъ государей того вѣка создавать разныя должности, поручаемыя отдѣльнымъ лицамъ. Помимо того, въ самыхъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ XVIII ст. постепенно выдѣляются своимъ особеннымъ вліяніемъ на дѣла управленія отдѣльные ихъ члены, къ дѣятельности которыхъ всегда примѣшивались личные интересы. Такъ большую роль въ управленіи получилъ въ теченіе XVIII ст. генералъ-прокуроръ, на котораго Петръ I возложилъ въ сенатѣ обязанность сохраненія единства въ дѣятельности его и всей администраціи и уничтоженія въ ней произвола. Значеніе генералъ-прокурора въ сенатѣ и управленіи на столько придавало ему силу и вліяніе, что возстановленная въ началѣ управленія Анны Ивановны должность генерала-прокурора была, по предложенію членовъ кабинета, упразднена и снова возстановлена лишь въ концѣ того же царствованія въ „генеральныхъ собраніяхъ“ сената съ кабинетомъ. При Екатеринѣ II генералъ-прокуроръ получилъ такія чрезвычайныя полномочія въ сенатѣ и всемъ управленіи, что сдѣлался центромъ и главой всего центральнаго и мѣстнаго управленія: въ его рукахъ были сосредоточены самыя разнообразныя задачи государственнаго управленія. Большими правами обладалъ генералъ-прокуроръ и при Павлѣ I. Должность генералъ-прокурора была въ XVIII ст. въ Россіи учрежденіемъ съ министерскимъ характеромъ. Нужда въ развитіи такого рода учрежденія выразилась еще въ самостоятельномъ со

Digitized by Google

времени Петра I и до Александра I положеніи въ высшемъ управленіи трехъ коллегій—военной, адмиралтейской или морской и иностранной. Въ пору исключительнаго господства въ государствѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта эти три первыя коллегіи существовали рядомъ съ нимъ въ качествѣ особыхъ вѣдомствъ, министерствъ, а ихъ президенты пользовались особыми правами въ самомъ совѣтѣ. Независимое положеніе сохраняютъ эти коллегіи и по отношенію къ Кабинету, а генералъ-директоры ихъ и въ немъ самомъ. Подчиненные въ концѣ царствованія Анны Ивановны и еще болѣе при Елизаветѣ Петровнѣ сенату, три первыхъ коллегіи въ царствованіе Екатерины II окончательно выдѣляются изъ сената и въ то время, какъ остальныя коллегіи постепенно закрываются, военная, морская и иностранная управляются на правахъ самостоятельныхъ частей управленія.

Въ теченіе первой половины XVIII ст. личное начало беретъ верхъ надъ коллегіальнымъ въ организаціи самихъ важнѣйшихъ коллегій съ политическимъ характеромъ—Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета.—Члены обоихъ этихъ учрежденій охраняли свою независимость отъ остальныхъ и стремились захватить въ свои руки самостоятельныя части управленія. Члены Совѣта и Кабинета не составляли истинной коллегіи, а были настоящими министрами. Соединеніе ихъ представляла и Конференція. Настоящей коллегіей оставался въ первую половину лишь одинъ сенатъ, да и то въ его средѣ по временамъ личное начало (генералъ-прокуроръ) брало верхъ надъ коллегіальнымъ. Тоже самое состояніе сената мы наблюдаемъ и при Екатеринѣ II, когда при всей коллегіальности рѣшеній сената онъ подчиняется генералъ-прокурору. Но, кромѣ него, отдѣльными частями управленія завѣдывали въ это царствованіе многія другія должностныя лица (генералъ-рекеймейстеръ, вице-канцлеръ, оберъ-прокуроръ, а также князь Безбородко, князь

Digitized by Google

Зубовъ, Потемкинъ и много другихъ). Личное начало совершенно парализуетъ коллегіальное при Павлѣ I, когда появились первыя министерства въ Россіи (министерство финансовъ, коммерціи), въ которыхъ однако были совершенно спутаны оба принципа организаціи учрежденій. Коллегіямъ предоставлены функціи единоличныхъ учрежденій, а на эти послѣднія возложены задачи, свойственныя коллегіямъ [1]).

Среди этого разнообразія безпрерывно смѣняющихся высшихъ учрежденій въ XVIII ст., неопредѣленности ихъ состава и путаницы, хаоса въ нихъ дѣлъ выдается, по своей устойчивости и постепенному развитію функцій управленія, одной за другой, сенатъ Петра Великаго. Положимъ, сенатъ постигла общая всѣмъ высшимъ учрежденіямъ XVIII в. судьба: его роль въ управленіи постоянно колебалась въ зависимости отъ общаго характера всего царствованія и особеннаго значенія тѣхъ или другихъ высшихъ учрежденій, которыя возникали и изчезали почти въ каждое изъ царствованій XVIII ст. Сенатъ также не избѣжалъ рѣзкихъ переходовъ отъ первенствующаго положенія въ управленіи, когда онъ носилъ соотвѣтствующее названіе „правительствующаго“ къ роли второстепеннаго, подчиненнаго другому, высшему надъ нимъ учрежденію, оставляющему своему побѣжденному сопернику одинъ эпитетъ „высокаго“. Тѣмъ не менѣе сенатъ никогда не забывалъ времени своего выдающагося значенія въ государственномъ управленіи—царствованія Петра I, когда онъ игралъ роль не только высшаго административнаго и судебнаго, но даже и законодательнаго учрежденія. Эта обширность власти сената, смѣшеніе въ его вѣдомствѣ разнообразныхъ по существу дѣлъ при Петрѣ I повредили его главному назначенію стать органомъ законности въ управленіи. Появленіе другихъ въ немъ уч-

---

[1]) Ibidem, 75—96 стр.

Digitized by Google

реждений должно было ослабить значеніе сената, отъ котораго постепенно отходятъ къ нимъ разныя задачи управленія. Не говоря уже о времени царствованія Петра I, когда образованныя послѣ сената коллегіи (въ 1718 г.) конкурировали съ ними въ дѣлахъ внутренняго управленія, съ появленіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, а затѣмъ и Кабинета сенатъ потерялъ свои законодательныя и высшія, правительственныя права. Ему теперь остаются второстепенныя, административныя дѣла и рѣшеніе обыкновенныхъ судебныхъ случаевъ.

Сенатъ оживаетъ вновь съ паденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта при Аннѣ Ивановнѣ, когда изъ массы дѣлъ управленія, смѣшанныхъ до сихъ поръ въ разныхъ высшихъ учрежденіяхъ, начинаетъ выдѣляться и переходить къ сенату судебная функція. Поэтому-то возстанавливается должность генералъ-прокурора въ сенатѣ, упраздненная верховниками по смерти Петра I. Въ тоже время сенатъ вспоминаетъ и о своихъ законодательныхъ правахъ и предпринимаетъ нѣсколько важныхъ мѣръ законодательнаго характера. Но затѣмъ вслѣдствіе политическаго значенія Кабинета сенатъ отходитъ на задній планъ, хотя правительственное значеніе его не падаетъ до такой степени, какъ въ пору господства въ управленіи Верховнаго Тайнаго Совѣта. За сенатомъ въ царствованіе Анны Ивановны упрочивается роль высшаго судебнаго учрежденія въ имперіи. Она не отнимается отъ сената вполнѣ и въ кратковременное царствованіе Ивана Антоновича, когда сенатъ долженъ былъ признать верховный авторитетъ могущественнаго Кабинета. Въ первую половину царствованія Елизаветы Петровны власть сената развивается до небывалой даже при Петрѣ I высоты. Въ одно и тоже время сенатъ сдѣлался законодательнымъ, административнымъ и судебнымъ учрежденіемъ. Но особенно выдвигается участіе сената въ судебной функціи: не даромъ

Digitized by Google

„прежде бывшая сила и власть“ сената была возстановлена вслѣдствіе того обстоятельства, что „правосудіе весьма въ слабость пришло“. Первою обязанностью сената было „пещись о повсемѣстномъ возстановленіи надлежащаго порядка и правосудія“ въ имперіи. Судъ былъ предоставленъ сенату и съ возвышеніемъ Конференціи. На сенатъ, какъ высшій органъ правосудія и законности въ государственномъ управленіи, было обращено особенное вниманіе Петра II и Екатерины II. Наконецъ, и Павелъ I смотрѣлъ на сенатъ, какъ на высшее судебное учрежденіе въ государствѣ, по его словамъ, „единственно судебное мѣсто“, какимъ онъ и былъ главнымъ образомъ, въ царствованіе Павла I [1]).

Въ заключеніе этого краткаго очерка исторіи высшаго русскаго управленія въ XVIII ст. необходимо упомянуть объ образованіи Екатериной II особаго учрежденія для законодательныхъ дѣлъ — Совѣта при Высочайшемъ Дворѣ. Мы уже упоминали о планѣ графа Панина объ образованіи императорскаго совѣта, какъ и о запискѣ Миниха относительно учрежденія въ Россіи государственнаго совѣта. Екатерина II не согласилась на осуществленіе проэкта Панина, но идея Миниха о государственномъ совѣтѣ, какъ помощникъ государынѣ въ ея трудахъ по управленію государствамъ, принята была императрицей. Екатерина, какъ извѣстно, создала Совѣтъ при Высочайшемъ Дворѣ, чѣмъ удовлетворялась давно назрѣвшая, органическая потребность въ высшемъ правительственномъ учрежденіи съ законодательной функціей по преимуществу [2]). Этотъ совѣтъ и сталъ теперь „верховнымъ мѣстомъ лежислаціи или законоданія“. Хотя

[1]) 99—136 стр.,

[2]) 137—142 стр., Авторъ юбилейнаго изданія замѣчаетъ также, что Екатерина II собиралась возможно лучше обезпечить основательное и всестороннее обсужденіе законодательныхъ вопросовъ, и что совѣтъ сталъ совѣщательнымъ мѣстомъ по всѣмъ дѣламъ высшей политики и внутренняго государственнаго устройства и управленія (введеніе, III ст.).

Digitized by Google

въ немъ разсматриваются самыя разнообразныя дѣла, наблюдается даже полное смѣшеніе задачъ управленія, однако, несомнѣнно, что Совѣтъ при Высочайшемъ Дворѣ явился въ высшемъ русскомъ управленіи первымъ учрежденіемъ съ правительственнымъ авторитетомъ, на который возлагается задача помогать государю въ обсужденіи и рѣшеніи важнѣйшихъ законодательныхъ вопросовъ. Съ значеніемъ такого законодательнаго учрежденія Екатерининскій совѣтъ является и въ царствованіе Павла I. Смѣшеніе функцій въ совѣтѣ, какъ и другихъ высшихъ учрежденіяхъ, увеличилось еще болѣе въ это царствованіе.

Тѣмъ не менѣе въ концѣ XVIII ст. обособленіе функцій управленія подвинулось на столько далеко въ высшемъ русскомъ управленіи, что для каждой изъ нихъ существовало свое спеціальное учрежденіе, предназначенное для той или другой задачи управленія: для законодательства—совѣтъ, судебныхъ дѣлъ—сенатъ, внутренняго управленія, главныхъ его отраслей—министерства. Кромѣ того, задачи администраціи вѣдаются особыми, отдѣльными лицами,—предвѣстниками министровъ Александра I. Къ его времени былъ разчищенъ путь для необходимыхъ реформъ въ высшемъ русскомъ управленіи, подготовлена для нихъ нужная почва и намѣчено самое направленіе, въ какомъ должны были совершиться всѣ эти реформы и въ томъ числѣ надлежащее образованіе русскаго государственнаго совѣта.

Вторая глава.

Государственный совѣтъ въ царствованіе Императора Александра I (организація совѣта въ 1801 и 1810 гг.).

Однимъ изъ первыхъ актовъ реформаторской дѣятельности Императора Александра I было образованіе (30 марта 1801 г.) непремѣннаго совѣта, которымъ былъ сдѣланъ первый шагъ къ упорядоченію всего высшаго управленія и

Digitized by Google

организаціи его на началѣ законности. Въ отличіе отъ Совѣта при Высочайшемъ Дворѣ, учрежденія, по словамъ указа 30 марта, „временнаго и рѣдко занимавшагося предметами существенными, „новый Совѣтъ названъ“ непремѣннымъ не въ лицахъ, его составляющихъ, но въ самомъ установленіи“. Этотъ совѣтъ долженъ былъ стать постояннымъ: онъ „учрежденъ при особѣ государя для разсужденія и уваженія дѣлъ государственныхъ“. Непремѣнному совѣту поручается одно „соображеніе“ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ, ему по „Наказу Совѣту“ вручается законодательство, обсужденіе государственныхъ постановленій, основныхъ и обыкновенныхъ законовъ (коренныхъ или непремѣнныхъ и временныхъ законовъ). Наказъ прямо обозначаетъ назначеніе непремѣннаго совѣта: онъ „не долженъ никогда упускать изъ виду высшаго своего предустановленія, которое состоитъ въ томъ, чтобы постановить силу и блаженство имперіи россійской *на незыблемомъ основаніи закона*“. Наказъ еще болѣе оттѣняетъ законодательное значеніе Непремѣннаго Совѣта, когда онъ опредѣляетъ, что „поручаемое совѣту дѣло относится только къ части законодательной, исполнительная же предоставляется Сенату и мѣстамъ, ему подвластнымъ“. Наказъ перечисляетъ даже нѣкоторые предметы предстоящей законодательной дѣятельности совѣта, обращаетъ его вниманіе на положеніе и увеличеніе крестьянскаго сословія въ Россіи, гдѣ оно „источникъ силы и богатства государственнаго“, развитіе земледѣлія, промышленности и торговли, народное просвѣщеніе, внѣшнюю политику, какъ и на все внутреннее гражданское устройство. Совѣту, кромѣ обсужденія и рѣшенія обыкновенныхъ дѣлъ, входящихъ въ его компетентность, предоставлено наказомъ, если совѣтъ найдетъ нужнымъ привести въ ясность коренныя части государственнаго управленія, не прерывая прочихъ своихъ упражненій, представлять государю о составленіи особыхъ коммиссій“.

Digitized by Google

Въ этомъ правѣ Непремѣннаго Совѣта ходатайствовать предъ Верховной Властью объ образованіи особыхъ коммиссій по разнымъ, важнымъ вопросамъ государственнаго управленія авторъ юбилейнаго изданія видитъ предоставленіе Совѣту права законодательной инициативы [1]). Не говоря, однако, о невѣрномъ пониманіи авторомъ наказа Совѣту, который только можетъ представлять государю о составленіи особыхъ коммиссій, но не возбуждать вопроса о новыхъ законахъ въ русскомъ государствѣ, въ лицѣ самодержавнаго русскаго монарха сосредоточивается все государственное управленіе съ главнѣйшей его функціей—законодательствомъ. Русскому Государю принадлежитъ инициатива всѣхъ законовъ и безъ его дозволенія высшему русскому законодательному учрежденію—государственному совѣту нельзя приступить къ обсужденію какого либо законопроэкта. Если же различнымъ высшимъ учрежденіямъ (напр., сенату, синоду, министрамъ и др.) принадлежитъ право возбуждать вопросы о новыхъ законахъ, то это право, называемое „оффиціальной инициативой“ закона, не составляетъ собственно инициативы закона: отъ воли государя всегда зависитъ дать ходъ заявленію того или другого учрежденія о необходимости новаго закона или оставить его безъ всякихъ послѣдствій. Обозрѣніе дѣятельности непремѣннаго или, какъ называется онъ въ журналѣ перваго своего засѣданія по вопросу о присягѣ членовъ, государственнаго совѣта доказываетъ, что самъ онъ, твердо держась взгляда на законодательную свою роль въ управленіи, никогда не присвоивалъ себѣ инициативы закона. Обыкновенно совѣтъ разсматривалъ и обсуждалъ законопроэкты, представляемые въ него по Высочайшему повелѣнію отдѣльными министрами, сенатомъ или синодомъ. Иногда же самъ государь предлагалъ совѣту обсуждать тотъ или другой законопроэктъ [2]).

---

[1]) См. 5 стр. юбилейнаго изданія матеріаловъ о государственномъ совѣтѣ.
[2]) См. мое сочиненіе, II т., 1 вып., 219—220 стр.

Digitized by Google

Только однажды непремѣнный совѣтъ обратилъ вниманіе на упоминаемыя въ Наказѣ „коренныя государственныя постановленія“. Именно въ началѣ его дѣятельности въ средѣ членовъ совѣта появилась мысль о составленіи новаго государственнаго уложенія, въ которомъ были бы опредѣлены общія основанія государственнаго устройства, особенно же гражданскаго и уголовнаго судопроизводства. Графъ Завадовскій представилъ государю проэктъ „удобнѣйшаго составленія *общаго плана законовъ*“ и, съ его согласія, внесъ свой проэктъ въ совѣтъ, въ которомъ, однако онъ не получилъ дальнѣйшаго движенія. Этотъ фактъ доказываетъ, что непремѣнному совѣту въ лицѣ отдѣльныхъ его членовъ принадлежало, правда, важное право оффиціальнаго возбужденія законовъ, но никогда собственно иниціатива закона.

„Наказъ“ непремѣнному совѣту, вручая ему право участія въ иниціативѣ закона способомъ, свойственнымъ русскому государству, какъ неограниченной монархіи, предоставилъ Совѣту важное въ эпоху реформъ при Александрѣ I право содѣйствія государю въ его работахъ по преобразованію всего государственнаго управленія. Согласно своему „Наказу“, Совѣтъ долженъ былъ потребовать „послѣ устройства внутренняго своего порядка“ отъ всѣхъ учрежденій подробныя свѣдѣнія о состояніи всѣхъ частей управленія; на основаніи этихъ свѣдѣній совѣту предоставлялось „положить удобнѣйшія и легчайшія средства къ поправленію и довершенію всего управленія“. Иначе говоря, непремѣнному совѣту предоставлялась возможность принять участіе въ качествѣ законодательнаго учрежденія въ предстоящихъ реформахъ всего государственнаго управленія. Эта законодательная роль совѣта сохранена за нимъ во все время его существованія, не смотря на нѣкоторое недовѣріе къ нему и предубѣжденіе членовъ „неоффиціальнаго комитета“ [1]).

[1]) См. мое сочиненіе II т., 1 вып., 167—175 и 351 стр. (примѣч.).

Digitized by Google

Призванные молодымъ императоромъ къ великому дѣлу реформы русскаго управленія, эти члены (графъ Строгановъ, графъ Кочубей, Новосильцевъ, князь Чарторыйскій и др.), видѣли въ непремѣнномъ совѣтѣ учрежденіе, созданное старой консервативной партіей (Трощинскимъ), нерасположенной къ реформамъ. Поэтому члены коммиссіи не признавали за совѣтомъ характера публичнаго учрежденія и даже презрительно отзывались обо всей его дѣятельности, какъ это сдѣлалъ князь Чарторыйскій и даже самъ Сперанскій. На самомъ дѣлѣ, какъ показываетъ изученіе всѣхъ актовъ дѣятельности непремѣннаго совѣта, она сосредоточивалась въ области законодательства. Въ своей спеціальной работѣ о русскомъ государственномъ совѣтѣ мы подробно разсмотрѣли всю важную и обширную дѣятельность непремѣннаго совѣта въ области законодательства [1]). Итогомъ ея изученія былъ нашъ выводъ, что непремѣнный совѣтъ былъ законодательнымъ учрежденіемъ во все время своего существованія; въ его компетентность входили, помимо участія въ реформахъ (напр., сената), обсужденіе и рѣшеніе важныхъ и самыхъ разнообразныхъ предметовъ публичнаго и частнаго права. Правда, съ совѣтомъ конкурировали въ дѣлѣ законодательства комитетъ министровъ и сенатъ. Но у послѣдняго отнято было право законодательства еще въ 1803 г., когда сенатъ лишился предоставленнаго ему при преобразованіи (въ 1802 г.) права толкованія законовъ. Дѣятельность комитета министровъ въ сферѣ законодательства менѣе важна и обширна сравнительно съ непремѣннымъ совѣтомъ, который только одинъ имѣлъ право толкованія, дополненія и отмѣны законовъ. Комитетъ министровъ, ставшій законодательнымъ учрежденіемъ вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ (въ 1805 и 1808 гг.), за-

[1]) Ibidem, 2 и 3 главы. Авторъ юбилейнаго изданія упоминаетъ лишь о нѣсколькихъ актахъ дѣятельности непремѣннаго совѣта: присоединеніи Грузіи къ Россіи, отношеніяхъ ея къ Англіи, о дѣлѣ о крестьянахъ—9—13 стр.

Digitized by Google

нимался единственно законодательствомъ по отдѣльнымъ предметамъ государственнаго управленія.

Непремѣнный совѣтъ стоялъ на высотѣ своего призванія, былъ настоящимъ законодательнымъ учрежденіемъ въ русскомъ управленіи. Основная, законодательная роль совѣта не измѣнялась случайнымъ внесеніемъ въ нее, по желанію государя, административныхъ и судебныхъ дѣлъ: изъ нихъ первыми завѣдывали въ первую эпоху реформъ министры, комитетъ министровъ и, отчасти, сенатъ. Послѣдній же являлся высшимъ судебнымъ учрежденіемъ въ государствѣ. Это смѣшеніе главныхъ функцій управленія въ высшихъ учрежденіяхъ первой эпохи реформъ при Александрѣ I не препятствовало спеціализаціи въ нихъ законодательства (въ непремѣнномъ совѣтѣ), администраціи (министерствахъ съ комитетомъ министровъ) и суда (въ сенатѣ).

Процессъ спеціализаціи функцій управленія закончился во вторую эпоху реформъ при Александрѣ I еще большимъ обособленіемъ каждой изъ нихъ въ отдѣльныхъ высшихъ учрежденіяхъ. Извѣстно, какими широкими планами задавался при реформахъ въ это время самъ государь вмѣстѣ съ дѣятельнымъ своимъ помощникомъ, графомъ Сперанскимъ.

Представленный имъ Александру Павловичу „Проэктъ уложенія государственныхъ законовъ“ имѣлъ своей цѣлью, по словамъ автора, „посредствомъ законовъ и установленій утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сей власти болѣе правильности, постоянства и истинной силы [1]). Общій предметъ преобразованія, заявляетъ Сперанскій въ самомъ „Проэктѣ“, состоитъ въ томъ, чтобы правленіе доселѣ самодержавное постановить и учредить на непремѣняемомъ законѣ. Отсюда необходимость установленій, дѣйствующихъ въ составленіи

[1]) См. пермское письмо Сперанскаго.

Digitized by Google

закона и его исполненіи". Сперанскій отводитъ государственному совѣту первое мѣсто въ ряду высшихъ учрежденій, изъ которыхъ государственная дума занимается обсужденіемъ законовъ, сенатъ—судомъ, а министерство—управленіемъ. На совѣтъ возлагается объединеніе всего высшаго управленія и особенно содѣйствіе монарху въ предложеніи и утвержденіи закона: совѣтъ названъ въ „Проэктѣ" сословіемъ, „въ коемъ всѣ дѣйствія порядка законодательнаго, суднаго и исполнительнаго въ главныхъ ихъ основаніяхъ соединяются и чрезъ него восходятъ къ державной власти и отъ нея изливаются.

Посему всѣ законы, уставы и учрежденія въ первыхъ ихъ начертаніяхъ предлагаются и разсматриваются въ государственномъ совѣтѣ и потомъ дѣйствіемъ державной власти поступаютъ къ предназначенному имъ совершенію въ порядкѣ законодательномъ, судномъ и исполнительномъ" [1]).

Въ коренныхъ законахъ, опредѣляющихъ всѣ существенныя части государственнаго устройства (права державной власти, законы, возникающіе изъ нихъ, и права поданныхъ) указаны составъ совѣта, компетентность каждаго изъ 4-хъ его департаментовъ и общаго собранія совѣта, какъ и форма постановленій, исходящихъ изъ совѣта (для новыхъ законовъ, уставовъ и учрежденій и ихъ дополненій форма манифестовъ съ вступительной формулой: „внявъ мнѣнію государственнаго совѣта, повелѣваемъ или учреждаемъ"; для объясненій же законовъ, уставовъ и учрежденій форма докладовъ государю, утверждающаго ихъ словами: быть по сему)".

---

[1]) Эта 1-я статья коренныхъ законовъ въ одной изъ черновыхъ редакцій „Проэкта" редактируется болѣе точнымъ и опредѣленнымъ образомъ. Въ порядкѣ государственныхъ установленій совѣтъ, сказано здѣсь, составляетъ сословіе, въ коемъ всѣ части управленія въ главныхъ ихъ отношеніяхъ къ законодательству соображаются и чрезъ него восходятъ къ Верховной Императорской Власти. (Юбил. изданіе, 16 стр.).

Digitized by Google

Намѣреніе Сперанскаго преобразовать русское управленіе по западно-европейскимъ, конституціоннымъ образцамъ не могло осуществиться вслѣдствіе колебаній и сомнѣній государя. Не теряя надежды на то, что со временемъ весь „Проэктъ“ цѣликомъ получитъ свое примѣненіе, Сперанскій желалъ убѣдить Александра немедленно приступить къ реформамъ, начать ихъ съ государственнаго совѣта, какъ учрежденія, которое уже имѣлось въ Россіи. Въ представленной государю „Запискѣ о необходимости учрежденія государственнаго совѣта“ Сперанскій доказываетъ, что невозможно остаться въ управленіи такому „безгласному, произвольному и неопредѣленному“ учрежденію, какимъ являлся непремѣнный совѣтъ. Онъ не можетъ стать истиннымъ законодательнымъ учрежденіемъ, какъ и комитетъ министровъ, „предустановленный для соображенія однѣхъ мѣръ исполнительныхъ“. Сперанскій отступаетъ отъ своего „Проэкта“, когда онъ называетъ въ „Запискѣ“ совѣтъ не центральнымъ мѣстомъ *соединенія законовъ, администраціи и суда*“, а „установленіемъ для *общаго соображенія* дѣлъ государственныхъ въ отношеніи ихъ къ *части законодательной*“. Очевидно, что авторъ „Проэкта“ рѣшился сдѣлать одинъ государственный совѣтъ средоточіемъ законодательства, которымъ по „Проэкту“ являлась еще и государственная дума. Но и по „Запискѣ“, какъ и „Проэкту“, государственный совѣтъ долженъ былъ служить идеѣ законности, водворять въ управленіи „законъ твердый и постоянный“, изгонять изъ него „произволъ и личное довѣріе, измѣняющееся по случаямъ и обстоятельствамъ“. Государственный совѣтъ, какъ постоянное учрежденіе съ строго опредѣленной, законодательной функціей, долженъ устранить и безпорядокъ, смѣшеніе во всѣхъ частяхъ управленія.

Государственный совѣтъ былъ открытъ 1 января 1810 г. чѣмъ и закончилось образованіе въ Россіи этого учрежденія съ его законодательнымъ значеніемъ въ управленіи. Все

Digitized by Google

„Образованіе совѣта“ 1810 г. проникнуто такой идеей, на которую указалъ самъ Александръ Павловичъ въ рѣчи, произнесенной при открытіи государственнаго совѣта. Государь заявлялъ здѣсь о своемъ всегдашнемъ желаніи „утвердить благосостояніе имперіи на законѣ, а законъ неподвиженъ на постановленіяхъ. Бытіе вновь учреждаемаго для этой цѣли совѣта—средоточія всѣхъ дѣлъ высшаго управленія—станетъ на чредѣ установленій непремѣнныхъ и къ самому существу имперіи принадлежащихъ“. Его задачей будетъ „установить порядки и оградить имперію добрыми законами“. Манифестъ, изданный по поводу образованія совѣта, устанавливалъ органическую связь государственнаго совѣта 1810 г. съ прежними реформами въ русскомъ государственномъ управленіи. „Истинный разумъ всѣхъ усовершеній государственнаго устройства состоялъ въ Россіи, говорилось въ манифестѣ, до сихъ поръ въ томъ, чтобы по мѣрѣ просвѣщенія и расширенія общественныхъ дѣлъ учреждать постепенно образъ правленія на твердыхъ и непремѣняемыхъ основаніяхъ закона. Но законы гражданскіе, продолжалъ манифестъ, сколь бы они не были совершенны, безъ государственныхъ установленій не могутъ быть тверды. Въ числѣ сихъ установленій государственный совѣтъ издавна занималъ важное мѣсто. Въ началѣ своемъ онъ былъ временнымъ и преходящимъ, но при вступленіи Нашемъ на престолъ, наименовавъ его государственнымъ, Мы тогда же предназначали дать ему образованіе, свойственное публичнымъ установленіямъ“.

„Коренные законы“ совѣта въ его Образованіи 1810 г. придаютъ ему значеніе законосовѣщательнаго учрежденія, чрезъ который проходятъ и разсматриваются въ немъ всѣ проэкты законовъ, уставовъ и учрежденій. Совѣтъ названъ сословіемъ, въ коемъ соображаются всѣ части управленія въ ихъ отношеніи къ законодательству и чрезъ него восходятъ къ Верховной Императорской Власти. Совѣтъ состоитъ изъ

Digitized by Google

особъ, призываемыхъ въ оное сословіе Высочайшею довѣренностью и министровъ—его членовъ по своему званію. Предсѣдатель въ совѣтѣ—самъ государь или назначенное имъ особое лицо изъ среды членовъ совѣта. Въ совѣтѣ 4 департамента: 1) законовъ, 2) гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, 3) государственной экономіи и 4) департаментъ военныхъ дѣлъ. „Образованіе 1810 г.“ перечисляетъ дѣла, „поступающія предварительно на уваженіе (обсужденіе) государственнаго совѣта“, значитъ, дѣла законодательнаго характера. Поэтому „во всѣхъ положеніяхъ департамента даже по дѣламъ частнымъ заключенія совѣта изображаются въ общемъ видѣ закона или учрежденія, дабы разрѣшеніемъ одного случая можно было объять всѣ другіе, съ нимъ однородные“ (41 §). Во второй части „Образованія государственнаго совѣта 1810 г.“ содержатся всѣ постановленія относительно организаціи совѣта, его компетентности, образа засѣданій совѣта, производства въ нихъ дѣлъ, особеннаго порядка разсмотрѣнія законовъ, формы постановленій и установленій, принадлежащихъ къ совѣту: коммиссіи составленія законовъ, коммиссіи прошеній и государственной канцеляріи.

Образованіе 1810 г. во многомъ воспроизводитъ „Проэктъ“ Сперанскаго относительно преобразованія высшихъ русскихъ учрежденій, хотя и съ нѣкоторыми измѣненіями, внесенными въ Образованіе изъ „Записки“ Сперанскаго. Такимъ образомъ, все „Образованіе“ 1810 г. выражаетъ главное стремленіе императора Александра I организовать всѣ русскія учрежденія „на твердыхъ и непремѣняемыхъ основаніяхъ закона“. Это доказывается названіемъ всѣхъ опредѣленій въ „Образованіи“ относительно устройства и функцій государственнаго совѣта коренными законами. На совѣтъ перенесена вся законодательная власть, которая въ „Проэктѣ“ Сперанскаго была раздѣлена между государственной думой и совѣтомъ. „Образованіе“ различаетъ между законами, уста-

Digitized by Google

вами и учрежденіями, которые разсматриваются въ совѣтѣ особеннымъ порядкомъ и издаются въ особой, торжественной формѣ манифестовъ, въ которые включена знаменательная формула: „внявъ мнѣнію государственнаго совѣта“. Различіе между законами, съ одной стороны, уставами и учрежденіями съ другой указываетъ на попытку автора „Образованія“ отдѣлить акты законодательной и исполнительной власти и тѣмъ положить твердую опору для сдерживанія произвола въ дѣятельности органовъ администраціи и обезпеченія законности въ управленіи. Всѣ эти постановленія имѣютъ своей задачей ввести путемъ дѣятельности государственнаго совѣта въ русское управленіе идею законности; многія изъ нихъ въ „Образованіи“ совѣта намѣчаютъ и дальнѣйшій путь реформъ, согласный съ либеральными взглядами Александра I и Сперанскаго. Такъ II и III п. коренныхъ законовъ совѣта заключаютъ въ себѣ мысль о содѣйствіи съ его стороны Верховной власти въ предложеніи и санкціи закона [1]). На возможное дальнѣйшее развитіе права иниціативы закона въ государственномъ совѣтѣ указываетъ статья (195 §) „Образованія“, въ силу которой въ учрежденную при совѣтѣ коммиссію прошеній могли подаваться частными лицами проэкты по разнымъ вопросамъ. Проэкты, признанные въ ней уважительными, отсылались по принадлежности министрамъ, (112 §), которые поручали ихъ разсмотрѣніе особымъ комитетамъ; заслуживающіе особеннаго уваженія, проэкты поступаютъ потомъ въ совѣтъ (113 §), который подвергаетъ ихъ обсужденію.

Въ своей работѣ о государственномъ совѣтѣ въ царствованіе Александра I мы отмѣтили всѣ другія черты „Образованія“ 1810 г., внесенныя въ него изъ „Проэкта“ Спе-

[1]) По „Проэкту“ Сперанскаго предложеніе и утвержденіе закона предоставляется правительству, которому помогаетъ „предлагать законы съ зрѣлостью“ государственный совѣтъ съ правильно организованнымъ устройствомъ.

Digitized by Google

ранскаго съ цѣлью сохранить въ организаціи государственнаго совѣта основную идею „Проэкта", чтобы „правленіе доселѣ самодержавное постановить и учредить на непремѣнномъ законѣ". Для его образованія теперь назначается одинъ государственный совѣтъ, „бытіе котораго установляется, по Проэкту, не произволомъ, но коренным государственнымъ закономъ". Въ „Образованіи" 1810 г. идея объ ограниченіи власти русскаго государя государственнымъ совѣтомъ, помимо названія его „сословіемъ и публичнымъ установленіемъ" съ опредѣленнымъ коренными законами устройствомъ, выражена наиболѣе ясно въ формулѣ „внявъ мнѣнію государственнаго совѣта, постановляемъ или учреждаемъ". Не входя здѣсь въ разборъ противоположнаго взгляда на значеніе этой формулы и всего „Образованія" 1810 г. [1]), мы ограничиваемся выводомъ, полученнымъ нами изъ разбора возраженій противъ защищаемаго нами положенія объ ограничительномъ характерѣ „Образованія" въ отдѣльныхъ его §§, которые внесены сюда изъ „Проэкта" Сперанскаго съ явнымъ намѣреніемъ продолжать намѣченныя реформы при возможности примѣнительно къ ихъ началу—„Образованію" совѣта 1810 г. Наша мысль о томъ, что Сперанскій связывалъ съ образованіемъ совѣта 1810 г. такое намѣреніе продолжать свои реформы въ духѣ идей своего „Проэкта", подтверждается также словами Сперанскаго въ его отчетѣ государственнаго совѣта за 1810 г. „Однимъ симъ учрежденіемъ (т. е. образованіемъ совѣта 1810 г.) сдѣланъ уже, говоритъ Сперанскій, безмѣрный шагъ отъ самовластія къ истиннымъ формамъ монархическимъ. Два года тому назадъ умы самые смѣлые едва представляли возможнымъ, чтобы русскій императоръ могъ съ приличіемъ сказать въ своемъ указѣ „внявъ мнѣнію совѣта": два года тому назадъ сіе показалось бы

[1]) См. 1 вып. II т. моего сочиненія, 473 - 488 стр.

Digitized by Google

оскорбленіемъ Величества. Слѣдовательно, пользу сего учрежденія должно измѣнять не столько по настоящему, сколько по будущему его дѣйствію. Тѣ, кои не знаютъ связи и истиннаго мѣста, какое совѣтъ занимаетъ въ намѣреніяхъ Вашихъ, не могутъ чувствовать его важности. Они ищутъ тамъ конца, гдѣ полагается еще только начало; они судятъ объ огромномъ зданіи по одному краеугольному камню".

Конечно, измѣненія во взглядахъ самого государя Александра Павловича, которыя повели къ удаленію отъ Двора Сперанскаго и водворенію на его мѣстѣ до конца царствованія Александра I всесильнаго Аракчеева, должны были отразиться на всемъ ходѣ русскаго управленія, а также и въ дѣятельности государственнаго совѣта. Все, что намекало въ его „Образованіи" на прежніе планы Сперанскаго, сдѣлалось мертвой буквой, особенно въ пору наибольшаго развитія могущества Аракчеева. Потому вполнѣ понятно, что изъ двухъ главныхъ началъ, на которыхъ была основана организація государственнаго совѣта по его „Образованію" 1810 г. ограниченія власти русскаго государя и принципа самодержавной его власти — во вторую половину царствованія Александра I взялъ верхъ послѣдній. Фактически государственный совѣтъ сталъ въ это время только законосовѣщательнымъ учрежденіемъ, который лишается первоначальнаго значенія истинно публичнаго, законодательнаго учрежденія, пока наконецъ у совѣта не была отнята почти вся и самая законодательная власть комитетомъ министровъ и сильнѣйшимъ изъ нихъ Аракчеевымъ [1]).

---

[1]) Авторъ юбилейнаго изданія не придаетъ какого-либо значенія сличенію устройства совѣта по „Проэкту" Сперанскаго и „Образованію 1810 г., не затрагиваетъ вопроса объ ограничительномъ характерѣ совѣта и послѣ замѣчанія о смущеніи многихъ формулой: „внявъ мнѣнію" ограничивается воспроизведеніемъ мнѣнія проф. Коркунова объ ея формальномъ значеніи, которое опровергается нами на основаніи подробнаго изученія дѣятельности совѣта при Александрѣ I.

Digitized by Google

Организація государственнаго совѣта, данная ему въ 1810 г., оставалась во всю остальную половину царствованія Александра I за исключеніемъ отмѣченныхъ нами въ ней измѣненій, почти въ томъ же видѣ. Важнѣйшимъ дополненіемъ въ устройствѣ совѣта, имѣвшимъ, впрочемъ, временный характеръ, является образованіе въ немъ комитета предсѣдателей департаментовъ государственнаго совѣта; на этотъ комитетъ было возложено разсмотрѣніе окончательнаго образованія министерствъ. Онъ же обсуждалъ общее учрежденіе министерствъ и проэкты отдѣльныхъ министерствъ, проэктъ Сперанскаго о преобразованіи сената и многіе важные административные вопросы. Комитетъ предсѣдателей дѣйствовалъ въ 1810—1811 г.г. 19 января 1811 г. въ немъ были составлены правила, въ которыхъ устанавливался порядокъ обсужденія дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ. Въ 1816 г. вмѣсто подлинныхъ журналовъ совѣта на Высочайшее усмотрѣніе стали представляться экстракты изъ нихъ (меморіи). Въ 1818 г. было постановлено, что „одинъ законъ долженъ быть всегда существеннымъ основаніемъ сужденій и заключеній совѣта“,—который пользуется при нихъ свободой мнѣній, не удаляясь однако отъ существа дѣла.

Въ теченіе второй половины царствованія Александра I въ организаціи совѣта были вводимы, по различнымъ обстоятельствамъ, временныя правила о соединеніи различныхъ департаментовъ или о временной передачѣ дѣла изъ одного департамента въ другой. Такъ въ 1812 г. соединеннымъ департаментамъ законовъ и государственной экономіи были предоставлены особыя полномочія относительно необходимыхъ финансовыхъ мѣръ и расходованія государственныхъ доходовъ въ случаяхъ, нетерпящихъ отлагательства. Въ 1814—1815 г. совѣтъ былъ уполномоченъ, по случаю отъѣзда государя изъ столицы, приводить въ дѣйствіе свои рѣшенія по цѣлому ряду дѣлъ. Въ 1816—1817 г. комиссіи прошеній предоставлено

Digitized by Google

право вносить всѣ дѣла, поступающія на ея разсмотрѣніе, не ожидая Высочайшихъ повелѣній, прямо отъ себя съ своими заключеніями на окончательное разрѣшеніе въ государственный совѣтъ, сенатъ и комитетъ министровъ. Въ 1813 г. въ совѣтъ были переведены изъ него разныя судебныя дѣла въ департаментъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, куда стали поступать потомъ изъ департамента законовъ, даже законодательныя дѣла. Всѣ подобнаго рода дополненія къ организаціи совѣта должны были измѣнять коренное, законодательное его назначеніе въ государственномъ управленіи и вносить путаницу въ разсмотрѣніе дѣлъ въ самихъ департаментахъ государственнаго совѣта.

Третья глава.

Дѣятельность государственнаго совѣта съ 1810—1825 г.

Дѣятельность государственнаго совѣта (съ 1810 г. по 1825 г.) отличается въ первые годы—1810—1814 г.—живымъ, энергичнымъ характеромъ, но затѣмъ въ силу цѣлаго ряда обстоятельствъ (разочарованія государя въ своихъ либеральныхъ взглядахъ, удаленія Сперанскаго и др.) совѣтъ постепенно утрачиваетъ свою самостоятельность въ дѣлѣ законодательства. Въ него начинаетъ поступать много административныхъ и даже судебныхъ дѣлъ: впрочемъ, дѣлами внутренняго управленія и безъ того должны были заниматься всѣ департаменты совѣта, за исключеніемъ департамента законовъ. Разсматривая дѣятельность этого важнѣйшаго въ составѣ совѣта департамента, мы находимъ въ ней ясныя черты трудовъ совѣта, какъ истиннаго законодательнаго учрежденія. Государственному совѣту въ департаментѣ законовъ принадлежитъ право толкованія законовъ, уставовъ и учрежденій, дополненія, изъясненія смысла и условій примѣненія законовъ. Совѣтъ проводилъ въ своей дѣятельности основной

Digitized by Google

взглядъ на законъ, какъ высшее выраженіе воли государя, облеченное въ формы, установленныя „Образованіемъ" 1810 г. (манифеста и мнѣній государственнаго совѣта). Законодательная дѣятельность совѣта касается самыхъ разнообразныхъ предметовъ, какъ въ области публичнаго, такъ и частнаго права, уголовнаго и процессуальнаго права. Не вдаваясь въ подробности [1]), мы можемъ здѣсь отмѣтить связь дѣятельности государственнаго совѣта 1810 г. съ работами по разнымъ аналогичнымъ вопросамъ непремѣннаго совѣта. Такъ совѣтъ 1810 г. продолжалъ дѣло преобразованія разныхъ учрежденій (сената и общихъ губернскихъ учрежденій), которое было предпринято непремѣннымъ совѣтомъ. Продолжается работа государственнаго совѣта надъ вопросами о государственной службѣ, правахъ разныхъ сословій. Только совѣтъ 1801 г. подъ давленіемъ реакціоннаго движенія въ европейскомъ обществѣ въ первой четверти XIX ст. высказался по вопросу о прекращеніи продажи людей безъ земли, рѣшенномъ непремѣннымъ совѣтомъ въ положительномъ смыслѣ, въ рѣзкомъ, реакціонномъ духѣ. По другимъ вопросамъ публичнаго права (финансовъ, государственнаго хозяйства, организаціи арміи и флота, торговли, промышленности, земледѣлія, народнаго продовольствія и образованія и путей сообщенія) дѣятельность совѣта 1810 г. была не менѣе прогрессивной, какъ и работы непремѣннаго совѣта въ той же области. Государственный совѣтъ стремился къ развитію частной иниціативы въ экономической жизни, за исключеніемъ казеннаго хозяйства, уравненію отправленія всякаго рода повинностей и уплаты податей разными сословіями, развитію торговли и промышленности, улучшенію земледѣльческой культуры, обезпеченію народнаго продовольствія, распространенію образованія во всей странѣ и развитію путей сообщенія.—Государственный

[1]) См. 5-ю главу 2 вып. II т. моего сочиненія.

Digitized by Google

совѣтъ ставилъ своей главной задачей въ сферѣ частнаго права сохраненіе выработавшихся исторически взглядовъ на основы семьи и исправленіе разныхъ ненормальныхъ въ ней отношеній. Совѣтъ такъ же развиваетъ далѣе общіе принципы русскаго имущественнаго и наслѣдственнаго права.

Въ первые годы своей дѣятельности (1810—1816 г.) департаментъ законовъ посвятилъ много времени обсужденію проэктовъ гражданскаго, уголовнаго и торговаго уложенія и устава гражданскаго судопроизводства, внесенныхъ въ совѣтъ самимъ государемъ. Александръ Павловичъ придавалъ большое значеніе разсмотрѣнію этихъ проэктовъ, которое должно было обезпечить осуществленіе завѣтной цѣли всей дѣятельности государя—примѣненіе идеи законности въ русскомъ управленіи. Однако, дѣло это затормозилось по недостатку систематическаго свода дѣйствующихъ въ Россіи законовъ, появившагося въ послѣдующее царствованіе. Кромѣ того, къ концу царствованія Александръ Павловичъ ослабѣлъ къ этому законодательному дѣлу, которое не могло успѣшно быть окончено еще вслѣдствіе вражды нѣкоторыхъ членовъ совѣта къ автору проэктовъ (Сперанскому) и несомнѣннаго ихъ французскаго происхожденія. Наконецъ, государственный совѣтъ прилагалъ большія усилія къ тому, чтобы установить правильный и однообразный порядокъ отправленія правосудія во всемъ государствѣ, который долженъ былъ обезпечить отдѣльнымъ гражданамъ и цѣлымъ сословіямъ ихъ личные и имущественные интересы. По отношенію къ уголовнымъ преступленіямъ законодательная дѣятельность государственнаго совѣта отличается мягкимъ, гуманнымъ характеромъ.—

Изъ другихъ актовъ дѣятельности государственнаго совѣта, о многочисленности и важности которыхъ говорятъ нѣсколько напечатанныхъ Калачевымъ томовъ „Архива государственнаго совѣта“, авторъ юбилейнаго изданія останавливается на постановленіи чрезвычайнаго собранія соединен-

Digitized by Google

наго присутствія членовъ всѣхъ департаментовъ Государственнаго Совѣта, Святѣйшаго Синода и Правительствующаго Сената. Это необычайное собраніе высшихъ учрежденій имперіи во главѣ съ совѣтомъ состоялось по случаю полученія подписаннаго императоромъ Александромъ въ Парижѣ (8 мая 1814 г.) манифеста о прекращеніи войны съ Франціей и о водвореніи всеобщаго мира въ Европѣ. Въ этомъ общемъ, чрезвычайномъ собраніи, единственномъ въ теченіе столѣтняго существованія государственнаго совѣта, „Синодъ, Совѣтъ и Сенатъ постановили: принести Государю Императору отъ лица торжествующей Россіи поздравленіе и благодарность за всѣ его великіе труды, приложить къ Его имени титулъ Благословеннаго съ начертаніемъ его на особо воздвигнутомъ въ Петербургѣ памятникѣ. Императоръ Александръ не согласился, однако, на принятіе титула и сооруженіе памятника. „Да соорудится мнѣ памятникъ въ сердцахъ вашихъ, отвѣчалъ государь, на ходатайство Синода, Совѣта и Сената, какъ оный сооруженъ въ чувствахъ моихъ къ Вамъ. Да благословитъ меня въ сердцахъ своихъ народъ мой, какъ Я его благословляю въ моемъ сердцѣ“ [1]).

Слѣдующее дѣло, на которомъ останавливается авторъ юбилейнаго изданія,—дѣло о преданіи суду государственнаго совѣта его члена, военнаго министра, князя Горчакова, обвиненнаго въ нанесеніи убытковъ казнѣ невыгодными поставками. Обвиняемый умеръ вскорѣ послѣ начала дѣла (въ 1817 г), но судъ надъ нимъ продолжался еще цѣлый годъ, и дѣло было оставлено безъ послѣдствій за смертью Горчакова [2]). Это былъ единственный случай при Александрѣ I привлеченія министра къ отвѣтственности за его дѣятельность предъ государственнымъ совѣтомъ, когда онъ выступилъ въ несвойственной ему, какъ законодательному учрежденію, роли Верховнаго Суда.

[1]—[2]) Стр. 27—29.

Digitized by Google

Третье и послѣднее дѣло, привлекшее вниманіе автора юбилейнаго изданія, интересно какъ по оживленнымъ и необычнымъ въ государственномъ совѣтѣ преніямъ въ концѣ царствованія Александра I (въ 1821 г.), такъ еще болѣе по рескрипту государя совѣту, въ которомъ выражалось неудовольствіе императора по поводу способа разсмотрѣнія всего дѣла. Оно заключалось въ проэктѣ министра финансовъ, графа Гурьева, въ видахъ увеличенія государственныхъ доходовъ обложить налогомъ всякія наслѣдства, ввести гербовую бумагу высшей цѣнности, распространить вексельныя пошлины на иностранные капиталы и возвысить пошлины на крѣпостные акты, торговыя книги и паспорта. Для того, чтобы обезпечить правильное взиманіе всѣхъ этихъ налоговъ, министръ финансовъ предлагалъ поощрять доносы, наказывать строго за всякую утайку и ошибку въ написаніи акта и, кромѣ того, учредить 578 новыхъ правленій.

Проэктъ Гурьева встрѣтилъ ожесточенныя нападки въ соединенныхъ департаментахъ Гражданскихъ и Духовныхъ дѣлъ и Государственной Экономіи, куда онъ былъ внесенъ. Въ мнѣніи департаментовъ, въ основаніе котораго лежало мнѣніе извѣстнаго энергичнаго дѣятеля царствованія Александра I, графа Н. С. Мордвинова, дѣлаются ссылки на римскую исторію к феодальныя времена: „налогъ съ наслѣдства установленъ Императоромъ Августомъ, когда римскій народъ потерялъ свою свободу и подвергся рабству, когда жизнь и собственность не были уважаемы, когда имперія управлялась доносчиками и наполнялись сокровища властелина. Феодальныя же времена, когда была взимаема пошлина съ наслѣдственныхъ имѣній, были дикими и непросвѣщенными временами, и что дѣлаютъ нынѣ у турокъ для собиранія съ народа денегъ, не можетъ то быть примѣромъ для вновь издаваемыхъ въ Россіи законовъ“. Указавъ затѣмъ на несовмѣстность съ россійскими кроткими узаконеніями новаго устава гербовыхъ

Digitized by Google

пошлинъ съ его угрозою доносовъ и примѣръ Англіи, гдѣ „податью обложены и свѣтъ солнца, и собаки, но отвергнутъ налогъ съ наслѣдства, какъ оскорбленіе святыни родственныхъ правъ“, соединенные департаменты рѣшительно отвергаютъ вмѣстѣ съ налогомъ на наслѣдство и проэктируемое Гурьевымъ возвышеніе всякихъ пошлинъ. Департаменты также возстаютъ противъ уголовнаго характера его устава о пошлинахъ, который „сочтено нужнымъ въ предусмотрѣніи народной ненависти при его исполненіи оградить многочисліемъ наказаній и преслѣдователей, коихъ число, состоящее въ новыхъ для сего финансовыхъ чиновникахъ, простирается до 4,522“.

Соединенные департаменты по поводу проэктируемаго устава о пошлинахъ дѣлаютъ важное замѣчаніе по адресу министерства финансовъ, которое „возрастая постепенно съ 1812 г. распространило свою власть прямо или косвенно на всѣ части государственнаго управленія. Введеніе предполагаемаго устава о сборѣ гербовыхъ пошлинъ поставило бы въ полную зависимость отъ министерства финансовъ „всѣ прочія гражданскія присутственныя мѣста и всѣ гражданскія права“. Въ заключеніе департаменты говорятъ, что „министръ финансовъ продолжаетъ требовать новыхъ налоговъ и кромѣ налоговъ не находитъ иныхъ способовъ къ наполненію въ государственныхъ доходахъ недостатка, о дѣйствительности коего департаменты не могутъ знать, ибо предъ государственнымъ совѣтомъ министръ финансовъ съ 1812 г., по управленію его, строгую соблюдаетъ тайну и всю воспріялъ на себя отвѣтственность“.

Журналъ соединенныхъ департаментовъ, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и государственной экономіи, былъ подписанъ тремя членами государственнаго совѣта (Мордвиновымъ, Саблуковымъ и Пестелемъ) и къ журналу было приложено особое мнѣніе члена совѣта—графа Потоцкаго, въ дѣйствительности согласное съ мнѣніемъ департаментовъ.

Digitized by Google

Въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, когда обсуждалось мнѣніе департаментовъ о проэктѣ графа Гурьева, послѣдній, не опровергая по существу, назвалъ его „неосновательнымъ произведеніемъ ума, въ которомъ желали употребить всевозможное краснорѣчіе къ личному токмо его оскорбленію, а не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы безпристрастно разсмотрѣть и опровергнуть его проэктъ“. Поэтому министръ отказался входить въ подробный разборъ мнѣнія трехъ членовъ совѣта, а мнѣніе графа Потоцкаго назвалъ „комнатнымъ какимъ-то разговоромъ“. Министръ финансовъ, „не имѣя дара школьнаго краснорѣчія“, ограничился напоминаніемъ совѣту необходимости „при нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствахъ, при общемъ броженіи умовъ въ Европѣ, когда италіянскіе карбонары желаютъ можетъ быть, чтобы мы вовсе не имѣли арміи, большихъ пожертвованій на содержаніе надлежащей для того военной силы“.

Возникшее въ общемъ собраніи разногласіе по этому дѣлу было примирено предложеніемъ М. М. Сперанскаго внести въ совѣтъ новый проэктъ, которымъ не примѣнялись бы существующія узаконенія; всѣ же существенныя къ нимъ дополненія со стороны министерства финансовъ должны быть разсмотрѣны особо по предварительному соображенію съ различными министерствами. Это мнѣніе Сперанскаго, принятое въ совѣтѣ, было Высочайше утверждено. Но когда, мѣсяцъ спустя, въ общемъ собраніи совѣта разсматривался проэктъ указа сенату по тому же дѣлу въ послѣднемъ засѣданіи былъ объявленъ совѣту Высочайшій рескриптъ, гдѣ указывалось на разныя неправильности, допущенныя въ совѣтѣ при обсужденіи дѣла.

„Департаменты, сказано въ рескриптѣ, уклонясь отъ порядка въ разсужденіяхъ, удалясь отъ силы вопроса и смѣшавъ въ заключеніяхъ своихъ одинѣ мѣры съ другими, превратили совѣщанія въ личности и дѣлу государственному при-

Digitized by Google

дали видъ частныхъ пристрастій. Департаменты уклонились отъ порядка, не пригласивъ къ своимъ заключеніямъ ни департамента законовъ, ни управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, ни министра юстиціи, ни министра финансовъ, такъ какъ всѣ сіи лица должны были участвовать въ сихъ совѣщаніяхъ. Симъ нарушены уставы совѣта, пренебрежено чувство приличія, потеряно уваженіе къ собственному ихъ званію". Рескриптъ далѣе замѣчаетъ, что департаменты „удалились отъ вопроса" въ своихъ разсужденіяхъ, „совершенно противныхъ истинѣ и настоящему вещей положенію". Мнѣніе департаментовъ о состояніи русскихъ финансовъ ошибочно; незнаніе ихъ показываетъ необрежность со стороны департаментовъ. „Сверхъ того, не могутъ ли, не обязаны ли даже департаменты совѣта требовать отъ министерствъ всѣхъ нужныхъ имъ свѣдѣній"? Въ рескриптѣ отвергается мнѣніе департаментовъ, что министерство финансовъ распространило власть свою почти на всѣ части государственнаго управленія: „министерство финансовъ, какъ и всякое другое, не можетъ ни расширять, ни стѣснять власти своей внѣ назначенныхъ ему предѣловъ; предѣлы сіи постановлены въ уставахъ и учрежденіяхъ, Мною утвержденныхъ". Въ заключеніе рескрипта сказано, что замѣчанія сдѣланы въ немъ „на тотъ конецъ, дабы государственный совѣтъ въ дѣлахъ, ему предлагаемыхъ, пользуясь всей свободой мнѣнія, точнѣе вникалъ въ силу вопросовъ, не удалялся бы отъ существа ихъ и, не предаваясь влеченію мыслей постороннихъ и неопредѣлительныхъ, основывалъ бы свои заключенія на свѣдѣніяхъ положительныхъ, а не на однихъ простыхъ показаніяхъ" [1]).

Необычный, рѣзкій тонъ всего рескрипта высшему учрежденію въ управленіи—государственному совѣту далъ поводъ

[1]) См. 31—37 стр.

Digitized by Google

автору оффиціальной юбилейной исторіи совѣта замѣтить, что онъ приписывался преобладающему вліянію графа Аракчеева на всѣ дѣла управленія. Назначенный въ 1821 г. членомъ государственнаго совѣта, сибирскій генералъ-губернаторъ М. М. Сперанскій не имѣлъ уже прежняго своего значенія и долженъ былъ выслушивать на ряду съ другими членами совѣта Высочайшій ему выговоръ за допущенныя неправильности въ разсужденіяхъ. Государственный совѣтъ утрачиваетъ свое самостоятельное положеніе въ государственномъ управленіи. Въ слѣдующемъ же году государственный совѣтъ, вѣроятно, не безъ вліянія того же всемогущаго графа Аракчеева, снова получаетъ немилостивый рескриптъ, названный въ юбилейной исторіи совѣта „характернымъ“. Рескриптъ отмѣчаетъ двоякое „неприличіе“ въ особомъ мнѣніи члена совѣта, Литты, приложенномъ къ протоколу совѣта по дѣлу объ обсужденіи проэкта гражданскаго уложенія. Первое „неприличіе“ заключалось въ изложеніи сужденій графа Литты на французскомъ языкѣ, который долженъ быть замѣненъ русскимъ. Второе „неприличіе“ состояло „въ язвительномъ выраженіи (ce reproche d'idiotisme) графа Литты по отношенію къ членамъ совѣта, предложившимъ и принявшимъ новую редакцію главы о бракахъ“ [1]).

Въ такой суровой формѣ выражается теперь отношеніе къ государственному совѣту императора Александра Павловича, видимо охладѣвшаго къ этому славному дѣлу первой половины своего царствованія вмѣстѣ съ знаменитымъ дѣятелемъ этого времени—М. М. Сперанскимъ.

Авторъ оффиціальной исторіи государственнаго совѣта, замѣчая о большемъ затишьи въ дѣятельности государственнаго совѣта въ послѣдніе годы царствованія Александра I, входитъ въ объясненіе этого факта. Для этого онъ сопостав-

[1]) Ibidem, 39 стр.

Digitized by Google

ляетъ возвышенныя намѣренія, отвлеченныя политическія идеи и стремленія юности государя съ послѣдующимъ рѣзкимъ измѣненіемъ во взглядахъ и планахъ самого государя, „рѣшительнымъ и задерживающимъ дѣйствіемъ внѣшнихъ отношеній на ходъ внутреннихъ дѣлъ“ въ государствѣ. Авторъ совершенно вѣрно указываетъ на отвлеченный характеръ общественныхъ и политическихъ идеаловъ императора и сотрудниковъ его реформаторской дѣятельности въ обѣ ея эпохи. Первые совѣтники Александра—члены неоффиціальнаго комитета—вмѣстѣ съ государемъ видѣли настоятельную необходимость „въ систематической работѣ надъ реформой всего безобразнаго зданія государственной администраціи“—наслѣдія предшествующихъ царствованій. Безчисленныя злоупотребленія въ управленіи, господство здѣсь произвола, безпорядочное состояніе всѣхъ дѣлъ управленія были хорошо извѣстны юнымъ реформаторамъ, которые стремились лишь къ водворенію законности въ русскомъ управленіи путемъ созданія закономѣрныхъ учрежденій по образцу западноевропейскихъ. Быть можетъ, въ искреннемъ убѣжденіи реформаторовъ какъ первой эпохи преобразованій, такъ и второй—М. М. Сперанскаго въ возможности такимъ образомъ достигнуть цѣли своей дѣятельности лежала большая доля увлеченія Западомъ и его политическими порядками. Но въ этомъ случаѣ русскіе реформаторы раздѣляли общую судьбу европейскихъ государственныхъ дѣятелей начала XIX ст., непоколебимо вѣровавшихъ въ магическую силу новыхъ идей и созданныхъ для ихъ осуществленія политическихъ учрежденій. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что государь Александръ I раздѣлялъ вѣру Сперанскаго въ совершенство западно-европейскихъ учрежденій еще въ 1808 г., предъ началомъ реформъ во вторую половину царствованія Александра I. Однако, это убѣжденіе реформаторовъ было скоро подорвано неблагопріятнымъ стеченіемъ внѣшнихъ об-

Digitized by Google

стоятельствъ послѣ 1810 г., а еще болѣе, окружавшими государя съ его вѣрнымъ, но слишкомъ довѣрчивымъ и неосторожнымъ помощникомъ, людьми, которые, по ихъ прежнему оптимистическому мнѣнію, были въ Россіи лучше западноевропейскихъ установленій. Не столько внѣшнія событія, сколько среда, гдѣ приходилось проводить довольно важныя реформы въ государственномъ управленіи, подорвала въ корнѣ возможный, вѣроятный успѣхъ даже въ томъ отдаленномъ отъ „Проэкта“ Сперанскаго видѣ, въ которомъ новыя учрежденія (совѣтъ, министерства) нисколько не противорѣчили основному, монархическому духу русскаго государственнаго устройства. Въ такой же средѣ людей, мало или совсѣмъ нерасположенныхъ къ новымъ, реформаторскимъ планамъ, приходилось Александру Павловичу приступать къ первымъ попыткамъ административныхъ преобразованій. Противорѣчія между космополитическими, въ духѣ идей просвѣтительной французской философіи XVIII в., нравственными и политическими идеями, всѣмъ соціально-политическимъ міровоззрѣніемъ юнаго Александра и окружающими его до возшествія на престолъ условіями придворной жизни, оказали сильное и неизгладимое впечатлѣніе на всю его молодую, воспріимчивую, живую натуру. Съ первыхъ лѣтъ сознательной жизни въ душѣ Александра развивались подозрительность, недовѣрчивость къ окружающимъ; въ его характерѣ появились скрытность, нерѣшительность, нетвердость въ намѣреніяхъ, сомнѣнія, колебанія и нестойкость въ ихъ проведеніи въ жизнь. Возвышенный умъ, благородные порывы мягкаго, нѣжнаго и сострадательнаго сердца соединялись въ Александрѣ Павловичѣ съ слабостью воли, нерѣшительностью, податливостью всякимъ постороннимъ внушеніямъ, часто даже враждебнымъ всему складу его мыслей и наклонностей. Вотъ эта-то двойственность въ характерѣ императора Александра I, ставшія въ зрѣлые годы его жизни уже постоянной его чертой, и была

Digitized by Google

одной изъ главныхъ причинъ неудачъ реформъ, такъ широко задуманныхъ государемъ и такъ мало похожихъ при ихъ осуществленіи на свои первоначальные образцы.

Среди безпрерывной смѣны настроеній, взглядовъ, убѣжденій, лицъ, событій, которыми характеризуется царствованіе Александра Павловича, есть одна общая черта всей его дѣятельности, оказавшая вліяніе на образованіе государственнаго совѣта, опредѣлившая отнынѣ его коренную роль въ государственномъ управленіи. Съ начала до конца жизни Александръ I глубоко вѣрилъ и старался въ своей всей дѣятельности держаться убѣжденія, что главная ея задача—основать весь русскій общественный и политическій строй *на началѣ законности*. Государь всегда заявлялъ, что законъ выше его воли и что самъ онъ—только исполнитель закона. При реформѣ всѣхъ высшихъ учрежденій было поставлено первою ихъ цѣлью—ограниченіе произвола отдѣльныхъ лицъ и водвореніе при помощи создаваемыхъ учрежденій законности въ русской общественной жизни. Мы уже видѣли, какъ эта идея законности была проведена при образованіи непремѣннаго совѣта. Та-же идея проникаетъ все устройство государственнаго совѣта и министерствъ 1810—1811 гг., какъ и организацію другихъ, предполагаемыхъ въ планѣ Сперанскаго политическихъ институтовъ. Даже въ то время, когда Александръ разочаровался въ своихъ юношескихъ идеалахъ и сильно охладѣлъ ко всякимъ реформамъ, онъ не оставлялъ любимой своей мысли о закономѣрныхъ, свободныхъ учрежденіяхъ для всей Россіи, проэктъ которыхъ онъ даже поручилъ составить въ 1818 г. Новосильцеву. Завѣтная мечта Александра Павловича не осуществилась, но основная его мысль о законности, какъ базисѣ управленія, нашла мѣсто въ устройствѣ государственнаго совѣта, осталась его главнымъ назначеніемъ по самому существу этого высшаго, законодательнаго учрежденія въ русскомъ государствѣ.

Digitized by Google

Четвертая глава.

Государственный Совѣтъ въ царствованіе Николая I.

Начало царствованія императора Николая I ознаменовалось особыми событіями, которыя отразились въ организаціи и дѣятельности государственнаго совѣта. Въ его архивѣ сохранились документы, на основаніи которыхъ можно судить, что государственному совѣту принадлежала необыкновенная роль въ тревожные дни, послѣдовавшіе за кончиной Александра Павловича. Немногимъ изъ членовъ совѣта былъ извѣстенъ актъ отреченія отъ престола великаго князя, Константина Павловича, которое онъ далъ Августѣйшему брату по случаю развода съ первой своей женой и женитьбы на княгинѣ Ловичъ. Всѣ бумаги по этому дѣлу хранились въ особыхъ конвертахъ, которые были положены въ московскомъ успенскомъ соборѣ, синодѣ, совѣтѣ и сенатѣ. Тайна, которою было облечено все это дѣло, была причиной того обстоятельства, что въ средѣ членовъ совѣта произошли колебанія, нерѣшительность и разногласія относительно присяги новому государю. Въ то время, какъ нѣкоторые члены совѣта присягнули Великому князю Константину Павловичу, тотчасъ же по полученіи извѣстія о кончинѣ Александра I, остальные члены недоумѣвали, не знали какъ поступить, коль скоро сталъ извѣстнымъ фактъ отреченія отъ престола Константина Павловича, о которомъ они узнали изъ вскрытаго въ засѣданіи совѣта конверта съ бумагами по этому дѣлу. Нѣкоторые члены предлагали сначала совсѣмъ не вскрывать этого конверта въ то время, какъ другіе, наоборотъ, настаивали на томъ, чтобы познакомиться съ содержаніемъ бумагъ, которые въ немъ находились. Смущеніе еще болѣе увеличилось, когда въ совѣтѣ появился его членъ, С.-Петербургскій военный губернаторъ, графъ Милорадовичъ и заявилъ, что

Digitized by Google

Великій князь Николай Павловичъ уже присягнулъ на подданство старшему своему брату. Ни манифестъ отъ 16 Августа 1823 г., въ которомъ возвѣщалось о твердости и неизмѣнности въ порядкѣ наслѣдованія русскаго престола съ устанавливаемой перемѣной его преемства, ни копія съ собственноручнаго письма Константина Павловича на имя покойнаго государя, гдѣ Цесаревичъ заявлялъ категорически о своемъ отреченіи отъ престола, не могли прекратить колебаній и нерѣшительности въ средѣ членовъ совѣта. Только когда въ немъ самъ Николай Павловичъ заявилъ о своемъ непреклонномъ рѣшеніи остаться въ подданствѣ у своего брата, которому онъ предлагалъ присягнуть и всѣмъ членамъ совѣта, послѣдній in corpore принесъ эту присягу въ присутствіи самого государя [1]).

Еще болѣе знаменательно, чѣмъ засѣданіе государственнаго совѣта 27 ноября 1823 г., было секретное его собраніе 13 декабря того же года, въ которое члены совѣта были созваны по рескрипту Николая Павловича; послѣдній сообщилъ совѣту, по предложенію новаго государя, Константина Павловича объ его рѣшеніи. До начала засѣданія М. М. Сперанскимъ былъ составленъ, по порученію Великаго Князя, манифестъ, который былъ показанъ въ тоже утро наслѣднику русскаго престола, маленькому семилѣтнему Великому Князю, Александру Николаевичу подъ строгимъ запрещеніемъ кому-либо разсказывать о содержаніи манифеста [2]). Долго ждали члены совѣта обѣщавшихъ прибыть въ его засѣданіе Великихъ князей, Николая и Михаила Павловича, который долженъ былъ пріѣхать въ столицу въ этотъ день. Когда, однако, прошло четыре часа на-

---

[1]) Юбилейное изданіе, 41—46 стр.

[2]) Новый наслѣдникъ русскаго престола на столько былъ напуганъ этимъ необыкновеннымъ событіемъ въ его дѣтской жизни, что сильно расплакался. (Ibidem, 47 стр.)

Digitized by Google

праснаго и томительнаго ожиданія, въ засѣданіе совѣта прибылъ одинъ Великій князь Николай Павловичъ, который занялъ мѣсто предсѣдателя и прочелъ самъ манифестъ о принятіи имъ Императорскаго Сана. Въ этомъ манифестѣ, гдѣ излагались предшествующія съ кончины Александра I событія, заявлялось отъ имени Николая Павловича о причинѣ допущенной медленности въ признаніи законнымъ сдѣланнаго Константиномъ Павловичемъ отреченія отъ престола. „Мы въ актахъ сихъ (манифестѣ отъ 16 августа 1823 г. и письмѣ Цесаревича Константина Павловича съ отреченіемъ отъ престола) видѣли, говорилось въ манифестѣ 13 декабря 1825 г., отреченіе Его Величества, при жизни Государя Императора учиненное и согласіемъ Его Величества утвержденное; но не желали и не имѣли права сіе отреченіе, въ свое время *всенародно необъявленное и въ законъ необращенное* признавать навсегда невозвратнымъ. Симъ желали Мы утвердить уваженіе Наше къ первому коренному отечественному закону о непоколебимости въ порядкѣ наслѣдованія престола. И вслѣдствіе того Мы настояли, чтобы и все государство послѣдовало Нашему примѣру. И сіе учинили Мы, не въ прекаканіе дѣйствительности воли, изъявленной Его Высочествомъ, и еще менѣе въ преслушаніе воли покойнаго Государя Императора, но дабы оградить коренной законъ о порядкѣ наслѣдія престола, дабы отклонить самую тѣнь сомнѣнія въ чистотѣ намѣреній нашихъ и дабы предохранить любезное отечество наше отъ малѣйшей, даже и мгновенной неизвѣстности о законномъ его государѣ“. Въ манифестѣ потомъ объявлялось о новомъ подтвержденіи Цесаревичемъ неизмѣнной своей воли объ отреченіи отъ русскаго престола и принятіи Николаемъ Павловичемъ Императорскаго сана. По прочтеніи манифеста государь оставилъ засѣданіе совѣта, члены котораго рѣшили принести присягу новому своему государю на завтра. То было

Digitized by Google

14 декабря, отъ печальныхъ событій котораго государственный совѣтъ стоялъ въ сторонѣ [1]).

Ночное засѣданіе (13—14 декабря 1825 г.) относится къ числу замѣчательныхъ собраній государственнаго совѣта въ первомъ вѣкѣ его дѣятельности: въ этомъ засѣданіи произошло восшествіе на престолъ Императора Николая I. Поэтому въ началѣ протокола этого засѣданія (до прочтенія манифеста) Николай Павловичъ называется Великимъ Княземъ съ титуломъ Высочества, а въ концѣ протокола (по прочтеніи манифеста) Императоромъ съ титуломъ Величества. Необыкновенное значеніе всего манифеста 13 декабря произвело такое сильное впечатлѣніе на членовъ государственнаго совѣта, что при чтеніи его самимъ государемъ члены совѣта, сначала сидѣвшіе на своихъ мѣстахъ, стали подыматься одинъ за другимъ по мѣрѣ того, какъ выяснялась вся важность событій, пока наконецъ не встали всѣ. Государь, замѣтивъ это, поднялся самъ и закончилъ манифестъ стоя. „По окончаніи чтенія государственный совѣтъ, сказано въ документахъ, благоговѣйно поклонился государю“ [2]).

Исключительныя обстоятельства, при которыхъ началось царствованіе Николая I, въ связи съ наступившимъ во всей Европѣ въ началѣ XIX ст. реакціоннымъ движеніемъ противъ преобразовательныхъ идей XVIII в. опредѣлили общій характеръ всего продолжительнаго царствованія Николая Павловича. Въ своей рѣчи, произнесенной въ государственномъ совѣтѣ при обсужденіи изготовленнаго по Его повелѣнію свода законовъ, государь самъ излагаетъ свои взгляды

---

[1]) Можно думать, что въ числѣ причинъ этихъ событій было указанное въ манифестѣ несоблюденіе правила объ обнародованіи акта объ отреченіи Цесаревича отъ престола и переходѣ его къ Великому Князю, Николаю Павловичу. Отсюда возникли неизвѣстность, колебанія въ публикѣ относительно законности наслѣдованія русскаго престола Великимъ Княземъ, Николаемъ Павловичемъ.

[2]) Юбилейное изданіе матеріаловъ о государственномъ совѣтѣ, 47—52 стр.

Digitized by Google

на задачи своей дѣятельности. Съ первыхъ дней своего царствованія Николай Павловичъ, вступившій на престолъ неожиданно и безъ готовой программы, руководящихъ идей въ предстоящемъ дѣлѣ государственнаго управленія, обратилъ вниманіе на состояніе разныхъ его частей, „о коихъ раньше онъ не имѣлъ почти никакого свѣдѣнія“ и, прежде всего, на состояніе правосудія и законодательства. Государь высказалъ свое убѣжденіе, что источникъ всѣхъ неустройствъ въ учрежденіяхъ и управленіи заключается въ томъ, что „всегда обращались къ составленію новыхъ законовъ, а не къ соглашенію на твердыхъ началахъ старыхъ“. Поэтому государь рѣшилъ принять въ своей правительственной дѣятельности начала, противоположныя принципамъ предъидущаго царствованія,—„не созидать новыхъ законовъ, но привести въ порядокъ старые“ [1]). Въ рескриптѣ государственному совѣту отъ 3 января 1827 г. государь заявляетъ, что „установленіе порядка твердаго, равно ограждающаго общее благо и пользы каждаго, будетъ всегдашнею цѣлью его ревностныхъ желаній и попеченій“ [2]). Въ рѣчи къ совѣту при разсужденіяхъ по крестьянскому вопросу было намѣчено направленіе возможныхъ реформъ въ русской государственной жизни. „Все должно идти постепенно, сказалъ здѣсь государь; и не можетъ и не должно быть сдѣлано разомъ или вдругъ“ [3]).

Авторъ юбилейнаго изданія, оцѣнивая общее направленіе всего царствованія Николая I, справедливо замѣчаетъ, что оно указало другой путь для правительственной дѣятельности, во многихъ отношеніяхъ противоположный минувшему царствованію, особенно первой его половинѣ. Теперь, господствовавшая ранѣе въ средѣ всего образованнаго европейскаго общества, вѣра въ могущество учрежденій въ дѣлѣ развитія народной жизни должна была уступить силѣ опыта, его ука-

---

[1—3]) Юбилейное изданіе, 56, 78 и 65 стр.

Digitized by Google

заніямъ на необходимость приспособленія учрежденій къ дѣйствительности, наличнымъ условіямъ, при которыхъ происходитъ ихъ осуществленіе. Недаромъ самъ Сперанскій— душа всѣхъ реформъ Александра I, обѣщавшихъ коренное преобразованіе государственнаго строя Россіи, теперь заявлялъ въ комитетѣ 6 декабря 1826 г., что „государства устрояются не новизнами, а постоянствомъ правилъ, что продолжать начатое, довершать незаконченное, исправлять то, что совратилось съ своего пути—въ томъ состоитъ все дѣло, вся мудрость законодателя". Идеи уступали мѣсто дѣйствительности, замѣчаетъ авторъ юбилейнаго изданія, и продолжаетъ характеризовать царствованіе Николая I, какъ время осторожнаго отношенія къ существующему порядку. „Отсюда вытекала потребность устранять все, что могло бы обнаружить перерывъ въ ходѣ дѣлъ, установившемся въ минувшее царствованіе. Внутреннія условія и внѣшнія обстоятельства, быстро измѣняясь, затрудняли спокойное и послѣдовательное продолженіе всего начатаго въ предшествующее царствованіе. Тогда было возбуждено много вопросовъ, проникавшихъ до самыхъ основъ русскаго государственнаго строя; но одни изъ нихъ остались только предметомъ обсужденія; къ практическому разрѣшенію другихъ едва успѣли приступить.

При такихъ условіяхъ признано было цѣлесообразнымъ не возбуждать внутреннихъ тревогъ и продлить отсрочку нерѣшенныхъ вопросовъ, способныхъ взволновать умы. Противъ неурядицы въ управленіи и судѣ обращались: бдительный личный надзоръ Императора, строгія предписанія и слѣдствія, сенаторскія ревизіи. Была установлена негласная провѣрка дѣйствій органовъ управленія посредствомъ цѣлаго ряда секретныхъ комитетовъ, которые пересматривали основанія существующаго общественнаго порядка. Въ этихъ комитетахъ, въ разныхъ комиссіяхъ, докладныхъ запискахъ

Digitized by Google

отдѣльныхъ лицъ по разнымъ частямъ управленія и общественнаго строя излагались проэкты и планы реформъ, которые иногда получали предварительное одобреніе государя, но въ большинствѣ оставлялись безъ движенія, какъ преждевременные, соображенные болѣе для будущаго, чѣмъ для настоящаго“ [1]).

Къ числу такихъ комитетовъ съ широкими притомъ полномочіями относительно реформы всего существующаго государственнаго управленія относится комитетъ, образованный въ началѣ царствованія Николая Перваго 6 декабря 1826 г. Въ составъ его взошли высшіе сановники имперіи: графъ Кочубей, князь А. Н. Голицынъ, графъ Дибичъ, графъ А. А. Толстой, И. В. Васильчиковъ и М. М. Сперанскій. Дѣлопроизводителями комитета были назначены статсъ-секретари: Д. В. Дашковъ, Д. И. Блудовъ, а потомъ баронъ Корфъ. Комитету 6 декабря 1826 г. было поручено: 1) „пересмотрѣть всѣ бумаги, найденныя въ кабинетѣ Императора Александра, 2) пересмотрѣть нынѣшнее государственное управленіе, 3) изложить мнѣніе, а) что предполагалось, б) что осталось, в) что осталось бы кончить, 4) изложить мнѣніе, что нынѣ хорошо, чего оставить и чѣмъ замѣнить, 5) то, что найдено въ кабинетѣ, что Балашеву поручено было, что сами члены предположатъ“.

Комитетъ, слѣдовательно, долженъ былъ, прежде всего, заняться разборомъ и изученіемъ бумагъ, найденныхъ въ кабинетѣ Императора Александра I послѣ его смерти, и на основаніи всего этого матеріала, къ которому присоединялись еще записки постороннихъ лицъ, составить общій очеркъ состоянія всей администраціи въ концѣ царствованія Александра I и вмѣстѣ съ тѣмъ намѣтить и необходимыя преобразованія въ высшей администраціи. Весь этотъ богатый матеріалъ, очутившійся въ рукахъ членовъ комитета, показалъ имъ до какого крайняго предѣла дошло смѣшеніе функцій

Digitized by Google

управленія въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Авторы многочисленныхъ записокъ—бывшіе дѣятели александровскаго царствованіи и другія лица—согласны всѣ въ томъ, что комитетъ министровъ сдѣлался во вторую половину царствованія Александра I высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, гдѣ сосредоточились всѣ дѣла управленія въ явный ущербъ остальнымъ высшимъ учрежденіямъ. Такъ сенаторъ Сумароковъ замѣчаетъ, что комитетъ министровъ сталъ въ это время, „верховнымъ министерствомъ, равнымъ государственному совѣту и сенату и отъ нихъ независимымъ". Благодаря сосредоточенію въ комитетѣ министровъ всѣхъ дѣлъ управленія, министры—члены комитета сдѣлались совершенно независимыми въ своей дѣятельности, „не отдавали отчетовъ ни въ дѣйствіяхъ своихъ, ни въ суммахъ, они—цари въ своихъ дѣлахъ". Въ дѣятельности всѣхъ правительственныхъ учрежденій къ концу александровскаго царствованія наблюдается полное отсутствіе единства. „Комитетъ министровъ, сенатъ, государственный совѣтъ суть мѣста верховныя, одно другому неподсудныя и одно съ другимъ несцѣпляющіяся". Авторъ „Записки объ устройствѣ верховныхъ правительственныхъ мѣстъ въ Россіи" указываетъ на необычайное развитіе въ государственномъ управленіи власти кабинета министровъ и отдѣльныхъ его членовъ, и констатируетъ сильное увеличеніе исполнительной власти на счетъ законодательной. „Государственный совѣтъ состоитъ, говоритъ онъ, большею частью изъ особъ, неучаствующихъ въ управленіи, и потому по необходимости поставленъ въ противоборство съ сенатомъ и министерствами". Одинъ изъ видныхъ дѣятелей александровскаго царствованія и другъ Сперанскаго, Балугьянскій, въ своемъ „Разсужденіи о средствахъ исправленія учрежденій и законодательства въ Россіи" замѣчаетъ, что комитетъ министровъ завладѣлъ при Александрѣ I, особенно же въ послѣдніе годы его царствованія, почти всею законо-

Digitized by Google

дательною властью. Тотъ же фактъ подтверждаетъ графъ Кочубей въ своей „Запискѣ о положеніи имперіи и о мѣрахъ къ прекращенію безпорядковъ и введенію лучшаго устройства въ разныхъ отрасляхъ, правительство составляющихъ". Тотъ же Кочубей писалъ Сперанскому, когда онъ былъ генералъ-губернаторомъ въ Сибири: „Государственныя установленія наши все въ той же запутанности. Всѣ понемногу однородними дѣлами занимаются и какъ на выдержку дѣйствуютъ. Все относится на государя". Уменьшеніе значенія государственнаго совѣта, какъ законодательнаго учрежденія, и усиленіе на его счетъ комитета министровъ вызывалось тѣмъ обстоятельствомъ, что „министры, по словамъ Балугьянскаго, подносили узаконенія прямо на утвержденіе Государя о предметахъ, коихъ предварительное разсмотрѣніе принадлежало по существу самому государственному совѣту". Въ связи съ этимъ находится тотъ фактъ, что „въ послѣднія времена (царствованія Александра I) многія дѣла, принадлежащія къ законодательному дѣйствію государственнаго совѣта, отняты у него и присвоены особеннымъ комитетамъ". Слова Балугьянскаго о передачѣ изъ совѣта дѣлъ въ особые комитеты подтверждаются Сперанскимъ, который замѣчаетъ, что „съ 1812 г. измѣнился весь порядокъ, установленный для обсужденія дѣлъ въ совѣтѣ, который пересталъ быть мѣстомъ соображенія для законодательства и содѣлался мѣстомъ судебнымъ по дѣламъ, изъ сената входящимъ". Сенаторъ Барановъ упоминаетъ о многихъ примѣрахъ, что утвержденные самимъ Государемъ приговоры снова разсматривались въ сенатѣ, совѣтѣ, комиссіи прошеній или у министровъ" Онъ рѣшительно возстаетъ противъ такого превращенія государственнаго совѣта въ высшее судебное учрежденіе. „Порядокъ сей терпимъ быть не можетъ, ибо никто изъ тяжущихся не увѣренъ въ томъ, что ему принадлежитъ. Государственный совѣтъ по разногласнымъ въ сенатѣ мнѣніямъ сдѣлался ре-

Digitized by Google

визіоннымъ мѣсто мъ сего послѣдняго". На превращеніе го сударственнаго совѣта въ высшую судебную инстанцію обращаетъ вниманіе еще авторъ „Записки о лучшемъ устройствѣ дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ". По словамъ Балугьянскаго, „канцелярія совѣта, подъ именемъ государственной, имѣетъ видъ общей, верховной канцеляріи, управляющей всѣми дѣлами государства и измѣняющей предположенія министровъ и сената. Совѣтъ перевершаетъ эти предположенія, а иногда дѣлаетъ имъ новую редакцію, что, съ одной стороны, рождаетъ негодованіе оныхъ мѣстъ, а съ другой сопряжено съ потерей времени". Одинаковые взгляды на состояніе высшей администраціи къ началу царствованія Николая I со стороны лицъ, близко стоявшихъ къ дѣлу государственнаго управленія, подтверждаются также Н. Тургеневымъ, который былъ ближайшимъ свидѣтелемъ дѣятельности совѣта, самъ участвовалъ въ ней, а по возвращеніи Сперанскаго изъ Сибири въ Петербургъ имѣлъ съ нимъ сношенія. Тургеневъ удостовѣряетъ, что государственный совѣтъ вскорѣ послѣ „Образованія" въ 1810 г. „лишился значенія учрежденія, препятствовавшаго произволу министровъ и стремившагося водворить порядокъ и правильность во всемъ ходѣ управленія. Департаментъ законовъ не занимался общимъ законодательствомъ и, послѣ освобожденія отъ надзора совѣта военныхъ и финансовыхъ дѣлъ, оказался обремененнымъ одними только гражданскими и уголовными дѣлами. Всѣ же остальные департаменты совѣта потеряли постепенно всякое вліяніе на министерство".

Таковъ былъ разнообразный и цѣнный матеріалъ, которымъ комитетъ 6 декабря 1826 г. долженъ былъ руководиться въ своей предстоящей, преобразовательной дѣятельности. Сперанскій—душа комитета,—вынесшій изъ личнаго опыта твердое убѣжденіе въ невозможности полнаго возвращенія къ своимъ прежнимъ планамъ, заявилъ себя, повиди-

Digitized by Google

мому сторонникомъ идеи о возстановленіи въ томъ видѣ александровскихъ учрежденій, какой соотвѣтствовалъ измѣнившимся обстоятельствамъ и характеру и намѣреніямъ Николая I. Въ такомъ направленіи и началась дѣятельность комитета 6 декабря 1826 г. относительно преобразованія высшихъ учрежденій и въ томъ числѣ и государственнаго совѣта.

Комитетъ 6 декабря, признавая дѣйствительными всѣ недостатки въ центральныхъ учрежденіяхъ при Александрѣ I, указанные разными лицами, авторами разныхъ цитированныхъ нами „Записокъ", счелъ нужнымъ пересмотрѣть устройство всѣхъ высшихъ учрежденій александровскаго царствованія. Результатомъ этого подробнаго и обстоятельнаго ихъ пересмотра было рѣшеніе комитета возстановить почти цѣликомъ первоначальную организацію государственнаго совѣта по „Образованію" 1810 г. Исходя изъ принципа о совершенномъ отдѣленіи законодательной власти отъ правительственной и судебной, комитетъ рѣшилъ „положить конецъ неправильному раздѣленію и смѣшенію вѣдомствъ" въ различныхъ учрежденіяхъ. Въ совѣтѣ должны поэтому быть сосредоточены одни законодательныя, важнѣйшія политическія и правительственныя дѣла и контроль за финансовымъ управленіемъ и за дѣйствіями министровъ.

Въ этихъ видахъ комитетъ призналъ подлежащими разсмотрѣнію государственнаго совѣта ежегодные отчеты министровъ и другихъ главныхъ правительственныхъ мѣстъ. Совѣту предоставлялось по этимъ отчетамъ дѣлать свои замѣчанія, которыя потомъ докладывались государю. „Государственный совѣтъ обязанъ, по мнѣнію комитета, обращать вниманіе Верховной Власти на открываемые имъ при разсмотрѣніи отчетовъ упущенія, злоупотребленія или иные безпорядки по разнымъ частямъ управленія, но вѣдомство его не прости-

Digitized by Google

рается далѣе сего перваго изслѣдованія, а обвиняемый только съ Высочайшаго соизволенія предается суду“ [1]).

Комитетъ высказалъ еще предположеніе объ изъятіи изъ вѣдомства совѣта поступавшихъ въ него изъ сената судебныхъ дѣлъ, а также дѣлъ объ отчужденіи казенныхъ имуществъ въ частное владѣніе и внутреннихъ мѣръ, пріемлемыхъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ или для успѣшнаго исполненія существующихъ законовъ [2]). Члены совѣта не могли присутствовать въ судебномъ сенатѣ и наоборотъ. Министры должны были присутствовать въ государственномъ совѣтѣ по своему званію. Далѣе предположено было соединить департаментъ законовъ съ гражданскимъ, перенести въ послѣдній изъ департамента государственной экономіи науки, упразднить военный департаментъ и въ нужныхъ и особенныхъ случаяхъ образовывать при совѣтѣ временныя коммиссіи для предварительнаго разсмотрѣнія важныхъ дѣлъ. Комитетъ стремится точно установить предѣлы власти министровъ, для чего онъ остановился на опредѣленіи различія между законами, уставами и учрежденіями и мѣры участія министровъ въ ихъ образованіи. Государственную канцелярію предположено переименовать въ канцелярію государственнаго совѣта, форму его мнѣній замѣнить манифестами, гдѣ должны заключаться новые законы, ихъ изъясненія и дополненія. Сперанскій не отказывается отъ мысли установить въ русскомъ государственномъ управленіи отвѣтственность министровъ за нарушенія закона передъ особымъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ. Точно также долженъ былъ въ проэктированномъ комитетомъ строѣ высшихъ учрежденій утратить свое исключительное вліяніе въ управленіи комитетъ министровъ, тормозившій развитіе законодательнаго значенія государствен-

---

[1]) Юбилейное изданіе, 68—69 стр.

[2]) Ibidem.

Digitized by Google

наго совѣта въ русскомъ управленіи. Комитетъ 6 декабря полагаетъ соединить комитетъ министровъ съ правительствующимъ сенатомъ, первымъ его департаментомъ, ссылаясь на то, что „комитетъ министровъ—учрежденіе новое, о коемъ не объявлено никакимъ публичнымъ актомъ, манифестомъ и которое по существу своему и первоначальному назначенію должно быть просто собраніемъ министровъ для совѣщанія о нѣкоторыхъ общихъ мѣрахъ". А между тѣмъ, замѣчаетъ далѣе комитетъ 6 декабря, „занятія комитета министровъ постепенно сдѣлались судебными, исполнительными и совѣщательными, министры стали вносить дѣла однородныя въ совѣтъ, сенатъ и комитетъ по своему произволу и нерѣдко комитетъ министровъ послѣ долгихъ преній и съ немалой потерей времени признавалъ дѣло непринадлежащимъ его разсмотрѣнію и требовалъ на сіе заключеніе Высочайшаго утвержденія. Таковою неопредѣленностью поданъ былъ министрамъ поводъ вносить въ комитетъ все безъ разбора, чего не хотѣли они брать на свою отвѣтственность, при чемъ одни разрѣшали сами всѣ случаи, а другіе обращали въ комитетъ даже самыя мелочи и требовали на оныя Высочайшаго утвержденія".

Таковое было мнѣніе комитета 6 декабря 1826 г. о необходимыхъ измѣненіяхъ въ высшей русской администраціи, особенно же въ организаціи государственнаго совѣта. Въ комитетѣ было высказана ясно мысль о необходимости сдѣлать государственный совѣтъ настоящимъ законодательнымъ учрежденіемъ согласно съ „Образованіемъ" 1810 г. и съ этою цѣлью сосредоточить въ совѣтѣ все законодательство и выдѣлить изъ него, за исключеніемъ важнѣйшихъ правительственныхъ дѣлъ, административныя и судебныя дѣла. Возможность новаго, совершеннаго смѣшенія въ государственномъ совѣтѣ всякаго рода дѣлъ, невходящихъ въ область законодательства, предположено устранить точнымъ

Digitized by Google

установленіемъ предѣловъ власти министровъ и упраздненіемъ комитета министровъ, какъ самостоятельнаго высшаго правительственнаго учрежденія [1]).

На общій характеръ предположеній въ реформахъ, умѣренное, хотя и не вполнѣ консервативное настроеніе большинства членовъ комитета 6 декабря въ вопросѣ о преобразованіи высшаго русскаго управленія, повидимому, оказала вліяніе записка одного изъ высшихъ сановниковъ, которая находится въ дѣлахъ комитета и озаглавлена: „Memoires sur le Conseil d'Empire de Russie“ [2]). Авторъ этого мемуара, стоявшій близко къ порученію, данному Николаемъ I комитету 6 декабря, старается избѣжать всякаго упрека въ конституціонномъ образѣ мыслей при изложеніи своего проэкта реорганизаціи государственнаго совѣта въ Россіи. Но въ тоже время въ этомъ мемуарѣ отражаются новыя теченія въ русскомъ обществѣ, появившіяся въ немъ въ предшествующее царствованіе.

Въ предисловіи къ мемуару авторъ его упоминаетъ о представленномъ государю своемъ планѣ реорганизаціи министерствъ, гдѣ онъ указывалъ на огромную отвѣтственность абсолютнаго монарха въ его управленіи государствомъ, выгодную его агентамъ и очень опасную самому монарху. Въ связи съ этой мыслью находится опредѣленіе въ мемуарѣ цѣлей основанія Александромъ I государственнаго совѣта. Эти цѣли—выполненіе своего внутренняго призванія (la sublime vocation), религіозно-нравственной обязанности и затѣмъ желаніе государя сложить съ себя огромную отвѣтственность за управленіе. Авторъ мемуара находитъ, что

---

[1]) См. Журналы Комитета 6 декабря 1826 г. въ Сборникѣ Имп. Русск. Ист. Общества, LXXIV; ср. мое сочиненіе: Государственный совѣтъ въ Россіи, I т., 918—925 стр.

[2]) Въ описи дѣлъ комитета этотъ мемуаръ помѣченъ въ числѣ довольно большаго количества бумагъ, поступившихъ въ него въ 1828—1830 гг.. Весь мемуаръ—на французскомъ языкѣ.

Digitized by Google

первая цѣль достигнута только отчасти, а вторая осталась совершенно невыполненной. Вотъ почему, замѣчаетъ авторъ мемуара, упрекали Александра I во всѣхъ ошибкахъ и ужасахъ заговоровъ, которыми онъ былъ окруженъ въ теченіе многихъ лѣтъ! Большого вниманія заслуживаетъ указаніе автора на существенные недостатки въ организаціи александровскаго совѣта. Прежде всего, онъ состоялъ изъ ограниченнаго числа лицъ, принадлежащихъ къ Двору. Члены совѣта мало были знакомы съ положеніемъ дѣлъ въ управленіи и не пользовались довѣріемъ въ обществѣ, которое смотрѣло на государственный совѣтъ, какъ на придворный совѣтъ. Члены его были отвѣтственны только лично предъ государемъ. Въ кругѣ вѣдомства совѣта смѣшивались публичныя дѣла съ частными, законодательныя съ правительственными, хотя послѣднія и относились къ министерствамъ. Поэтому совѣтъ никогда не зналъ о цѣли своего существованія, общая точка зрѣнія терялась въ немъ изъ за частныхъ предметовъ. А это отражалось на взглядахъ самого государя. Совѣтъ, продолжаетъ авторъ мемуара, былъ ограниченъ въ своей дѣятельности только отвѣтами на вопросы монарха, не былъ способенъ къ самостоятельной дѣятельности. Для государственнаго совѣта оставалась закрытой масса дѣлъ. Въ тоже время члены совѣта по его организаціи занимались многими посторонними дѣлами, что отвлекало ихъ вниманіе отъ главныхъ занятій совѣта. Наконецъ, авторъ мемуара указываетъ на весь вредъ обременепія совѣта судебными дѣлами, которыми парализовалась дѣятельность сената и самого совѣта.

Для устраненія указанныхъ недостатковъ въ организаціи совѣта, сходныхъ съ мнѣніемъ о нихъ комитета, авторъ мемуара предлагаетъ избраніе въ него членовъ дворянствомъ и городами; для замѣщенія каждой вакансіи должно быть избрано по два кандидата отъ дворянскаго сословія. Городамъ

Digitized by Google

предоставляется выбрать 1/3 часть кандидатовъ. Сфера дѣятельности избранныхъ такимъ образомъ сословіями ихъ депутатовъ должна быть точно обозначена. Авторъ мемуара видитъ выгоду отъ такого пополненія состава совѣта въ томъ, что такимъ путемъ будетъ обезпечена полная подготовленность членовъ совѣта къ своему спеціальному дѣлу, предоставлена имъ возможность преслѣдовать въ своей дѣятельности общіе интересы. Наконецъ, при выборной организаціи совѣта отвѣтственность будетъ возложена на членовъ совѣта, избранныхъ націей. Авторъ мемуара предупреждаетъ возможное возраженіе противъ его предложенія о выборномъ составѣ совѣта, не будетъ ли такая новизна опасной для самодержавной власти русскаго государя. Истинный авторитетъ каждаго монарха выражается говоритъ онъ, въ публичномъ мнѣніи его отечества и всей Европы объ его царствованіи. Съ другой стороны, трудно остановить поступательный ходъ страны. При свѣтѣ просвѣщенія монархъ долженъ заботиться объ увеличеніи могущества государства, не отставая отъ своихъ сосѣдей. Исторія послѣднихъ 40 лѣтъ показываетъ безполезность всякихъ усилій для остановки развитія всей страны. Поэтому монархъ долженъ подумать, чтобы сдѣлать для своего народа все, не прибѣгая, однако, къ конституціонному порядку. Авторъ мемуара спѣшитъ оговориться, что онъ не предлагаетъ конституціи въ Россіи по французскому или англійскому образцу. Выборные сословіями, члены совѣта—только совѣтники монарха по вопросамъ о народныхъ нуждахъ. Они зависимы отъ воли монарха въ своей дальнѣйшей дѣятельности, не обладаютъ законодательною властью, могутъ только предлагать вопросы общественнаго блага и безсильны повредить авторитету монарха.

Авторъ мемуара доказываетъ, что при предлагаемой имъ организаціи совѣта установится болѣе близкая связь между главой государства и его подданными: посредниками между ними будутъ избранные изъ среды народа члены совѣта.

Digitized by Google

Авторъ мемуара увѣренъ, что въ ихъ средѣ никогда не зародится мысль о присвоеніи себѣ правъ законодательной власти и ниспроверженіи существующаго порядка: это было бы противорѣчіемъ проэктированному устройству совѣта и нелегальнымъ актомъ, который не могло бы одобрить публичное мнѣніе страны. Государь въ такомъ случаѣ всегда могъ бы воспользоваться своимъ нравственнымъ авторитетомъ и даже физической силой для устраненія такого рода членовъ совѣта изъ его среды. Ему могли бы также помочь министры своимъ моральнымъ вліяніемъ на дѣятельность членовъ совѣта. Кромѣ того, въ Россіи привыкли повиноваться монарху и совѣтъ своею дѣятельностью на пользу общаго блага можетъ предупредить всякія революціи какъ религіозныя, такъ и политическія. Для устраненія всякихъ тревогъ относительно какого-либо рода опасности отъ осуществленія проэкта новой организаціи государственнаго совѣта авторъ мемуара рисуетъ въ довольно привлекательномъ видѣ картину благосостоянія русскаго государства въ началѣ царствованія Николая I. Русскому народу нѣтъ основаній возмущаться: онъ не фанатиченъ, духовенство вліяетъ на него мало, налоги распредѣлены правильно, финансы въ полномъ порядкѣ. Въ Россіи не совершается ничего похожаго на то, что происходило при Людовикѣ XVI во Франціи: нѣтъ произвольныхъ арестовъ по lettres de cachet, не совершается никакихъ насилій.

Сообразно новому составу государственнаго совѣта указывается авторомъ мемуара и сфера дѣятельности совѣта. Это или дѣла, поступающія въ него по волѣ монарха, или же возбуждаемыя самимъ совѣтомъ. Вся дѣятельность государственнаго совѣта сосредоточивается въ области народной промышленности, торговли, финансовъ, народнаго просвѣщенія и полиціи. Дипломатическія и военныя дѣла исключаются изъ вѣдомства совѣта, который не можетъ знать ихъ хорошо.

Digitized by Google

но въ тоже время можетъ приписать себѣ слишкомъ большое значеніе въ государственномъ управленіи, если будетъ заниматься дипломатическими сношеніями и военными дѣлами. Авторъ мемуара выражаетъ увѣренность, что предлагаемый имъ планъ новой организаціи государственнаго совѣта обезпечитъ всему государственному управленію необходимое единство и твердость принциповъ, нужные для развитія въ народѣ, свободномъ отъ крѣпостного права, уваженія къ закону.

Авторъ мемуара, кромѣ всѣхъ этихъ соображеній о назначеніи, роли государственнаго совѣта въ управленіи, составѣ и кругѣ дѣлъ совѣта, даетъ проэктъ манифеста о вновь образованномъ совѣтѣ, гдѣ находится и подробная организація совѣта. Въ началѣ манифеста говорится, что государственный совѣтъ, образованный Александромъ I въ 1801 г. и усовершенствованный въ 1810 г., въ проэктированномъ авторомъ мемуара видѣ не только долженъ участвовать въ обсужденіи вопросовъ по предложенію государя, но и самъ возбуждать новые законодательные вопросы. Новый совѣтъ долженъ владѣть не только довѣріемъ монарха, но и всего народа и разсматривать одни общія дѣла.

Вся организація совѣта изложена авторомъ мемуара въ шести главахъ (68 статьяхъ). Въ первой изъ нихъ (объ основахъ организаціи совѣта) опредѣляется (1 ст.) назначеніе государственнаго совѣта только для законодательства (обсужденія законовъ и регламентовъ, предложенныхъ совѣту верховной властью, и вопросовъ, возбуждаемыхъ самимъ совѣтомъ по разнымъ вопросамъ управленія). Всѣ правительственныя дѣла, принадлежащія вѣдѣнію министерствъ, исключены изъ сферы дѣятельности совѣта. Первая глава устанавливаетъ порядокъ избранія членовъ совѣта, который должно установить тѣсную его связь съ отдѣльными частями имперіи, губернскимъ дворянствомъ и городами, опредѣляетъ размѣръ

Digitized by Google

содержанія дворянствомъ и городами своихъ депутатовъ—членовъ совѣта и особый видъ отвѣтственности двухъ категорій членовъ совѣта, назначаемыхъ государемъ и избираемыхъ сословіями. Проэктъ устанавливаетъ пять комиссій въ государственномъ совѣтѣ, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ пяти членовъ (народной промышленности, торговли, финансовъ, народнаго просвѣщенія и полиціи). Эти комиссіи не отдѣльные департаменты съ самостоятельнымъ кругомъ дѣлъ, а лишь простые отдѣлы одного и того же высшаго учрежденія—государственнаго совѣта для обсужденія встрѣчающихся законодательныхъ вопросовъ. Во второй главѣ излагаются обязанности членовъ государственнаго совѣта обѣихъ категорій, 3-я опредѣляетъ организацію канцеляріи совѣта, 4—5-я главы устанавливаютъ формы и порядокъ засѣданій въ немъ, веденіе дѣлъ въ совѣтѣ, въ которомъ сначала разсматриваются дѣла, предложенныя государемъ, а потомъ членами совѣта. Шестая глава посвящена подробному перечисленію всѣхъ предметовъ, по которымъ могутъ возбуждаться въ государственномъ совѣтѣ законодательные вопросы (о народной промышленности, торговлѣ и проч.). Въ концѣ всего проэкта организаціи государственнаго совѣта въ Memoires sur le Conseil d'Empire de Russie помѣщены присяга членовъ совѣта, штатъ его канцеляріи и примѣчанія къ отдѣльнымъ статьямъ учрежденія государственнаго совѣта.

Въ мемуарѣ о русскомъ государственномъ совѣтѣ отражаются тѣ же политическіе взгляды, которыми отличается „Проэктъ уложенія государственныхъ законовъ“ графа Сперанскаго и „Образованіе совѣта 1810 г.“. Очевидно стремленіе автора мемуара внести въ организацію государственнаго совѣта новые принципы, до сихъ поръ неизвѣстные въ устройствѣ высшихъ русскихъ учрежденій, а также и совѣта. Главный изъ этихъ новыхъ принциповъ—это введеніе въ составъ государственнаго совѣта членовъ, избран-

Digitized by Google

ныхъ дворянскимъ и городскимъ сословіемъ и обязанныхъ заботиться объ общихъ интересахъ страны, нуждахъ всего народа, быть посредниками между монархомъ и подданными. Эти депутаты въ совѣтѣ содержатся на счетъ своихъ довѣрителей и отвѣчаютъ предъ ними за злоупотребленія своими важными полномочіями. Авторъ мемуара особенно тщательно подчеркиваетъ въ нѣсколькихъ его мѣстахъ самостоятельное значеніе этой группы членовъ государственнаго совѣта, на которую онъ возлагаетъ важную миссію установить и поддержать постоянную связь высшаго законодательнаго сословія въ Россіи съ отдѣльными ея частями. Государственный совѣтъ, по мысли автора мемуара, долженъ снять съ государя большую долю отвѣтственности, которую онъ несетъ предъ русскимъ народомъ за управленіе. Государственный совѣтъ долженъ перестать быть придворнымъ учрежденіемъ и превратиться въ публичное, законодательное установленіе. Авторъ мемуара надѣляетъ въ своемъ проэктѣ государственный совѣтъ правомъ законодательной иниціативы, которой обладаютъ всѣ члены совѣта по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ компетентность совѣта по проэкту автора мемуара.

Если мы обратимся къ названному „Проэкту“ графа Сперанскаго, то мы найдемъ здѣсь тѣже мысли о составѣ государственнаго совѣта и его назначеніи въ русскомъ государственномъ управленіи. „Всякое правленіе, чтобы быть законнымъ, должно, говоритъ Сперанскій, основываться на волѣ народа, А такъ какъ весь народъ въ цѣлости не можетъ блюсти за тѣмъ, чтобы правительство оставалось въ предѣлахъ, предписанныхъ закономъ, то совершенно необходимо, чтобы было сословіе, которое, становясь между нимъ и правительствомъ, было достаточно просвѣщенно, чтобы понимать, какіе есть истинные предѣлы власти, достаточно независимо, чтобы ея не бояться, и достаточно связано интересами съ

Digitized by Google

народомъ, чтобы никогда не имѣть покушенія измѣнять ему". Эту задачу Сперанскій возлагаетъ на высшій классъ, обязанный блюсти за исполненіемъ законовъ и равный по своему политическому положенію въ государствѣ англійской аристократіи. „Народъ (все-то, что не входитъ въ аристократію) довѣряетъ аристократіи блюсти за исполненіемъ законовъ, такъ какъ она обязана представлять его". Высшій классъ въ Россіи—дворянство—долженъ по образцу англійской аристократіи занимать первыя государственныя должности. „Низшему же классу необходимо будетъ принадлежать большая часть богатствъ и образованности страны; онъ будетъ отличаться только дарованіями, способностями и добродѣтелью". Дворянство только владѣетъ землею, населенными имѣніями, и поэтому оно обладаетъ политическими правами. Среднее сословіе—часть низшаго класса имѣетъ нѣкоторыя изъ числа послѣднихъ. Если ко всѣмъ этимъ разсужденіямъ Сперанскаго о значеніи дворянства и средняго сословія присоединить его взглядъ на участіе ихъ въ разныхъ думахъ, особенно высшей—государственной изъ депутатовъ, выбранныхъ изъ среды этихъ сословій [1]), то сходство взглядовъ Сперанскаго и автора мемуара невольно бросится въ глаза. Оно еще болѣе увеличится, если мы припомнимъ, что и въ „Проэктѣ" Сперанскаго, какъ и потомъ его „Образованіи совѣта 1810 г." онъ названъ публичнымъ установленіемъ; въ „Проэктѣ" совѣтъ тоже „содѣйствуетъ державной власти въ предложеніи и утвержденіи закона".

Но помимо этого сходства проэкта у автора мемуара относительно реорганизаціи государственнаго совѣта съ „Проэктомъ" Сперанскаго, замѣчается много сходнаго съ мемуаромъ и въ „Образованіи совѣта" 1810 г. Сюда относятся всѣ

---

[1]) См. мое сочиненіе о русскомъ государственномъ совѣтѣ, т. 1, 834—836, 840, 843—844 и 849—850 стр.

Digitized by Google

отступленія авторомъ мемуара отъ основной мысли проэкта о государственномъ совѣтѣ, какъ самостоятельномъ учрежденіи съ выбраннымъ составомъ и законодательными правами публичнаго установленія. Послѣднее названіе присвоено совѣту и по его „Образованію 1810 г.“, но имъ, какъ и проэктомъ мемуара подчеркнута мысль, что организаціей совѣта не ослабляется сила самодержавной власти русскаго государя. Только въ „Образованіи 1810 г.“ этотъ послѣдній принципъ проведенъ болѣе послѣдовательно, чѣмъ въ мемуарѣ: въ первомъ не говорится ни о выбранныхъ въ совѣтѣ членахъ, депутатахъ сословій, ни о правѣ законодательной иниціативы совѣта. Очевидно, что проэктъ его реорганизаціи въ мемуарѣ ближе къ „Государственному уложенію“ Сперанскаго, чѣмъ къ его „Образованію“ совѣта въ 1810 г. Невольно напрашивается вопросъ, не принадлежатъ ли Memoires sur le Conseil d' Empire de Russie перу графа Сперанскаго, со взглядами котораго такъ много въ немъ общаго? На положительное рѣшеніе этого вопроса наводитъ, кромѣ отмѣченныхъ нами аналогичныхъ чертъ въ мемуарѣ съ одной стороны и „Проэктѣ уложенія государственныхъ законовъ“ и „Образованіи“ совѣта 1810 г. съ другой, еще упоминаніе авторомъ мемуара въ его началѣ о представленномъ имъ государю планѣ реорганизаціи министерствъ, гдѣ онъ, какъ мы видѣли, указывалъ на огромную отвѣтственность абсолютнаго монарха.

Мы не знаемъ, какой этотъ планъ, гдѣ онъ находится и каково его содержаніе, но упоминаемая въ немъ идея объ отвѣтственности монарха, которую авторъ мемуара желаетъ сложить съ него на членовъ совѣта, вмѣстѣ съ налагаемой на совѣтъ обязанностью развить въ народѣ уваженіе къ закону составляли всегда любимыя и основныя идеи всего политическаго міровоззрѣнія М. М. Сперанскаго, которыя онъ высказалъ такъ смѣло въ эпоху реформъ Александра I, но

Digitized by Google

долженъ былъ отказаться тогда при ихъ осуществленіи отъ многихъ своихъ завѣтныхъ убѣжденій. Въ царствованіе же Николая I тотъ же Сперанскій говоритъ еще болѣе осторожнымъ языкомъ, не мечтая объ „уновленіяхъ“, а лишь о „продолженіи начатаго, довершеніи неоконченнаго, раскрытіи предначертаній, исправленіи того, что временемъ, обстоятельствами, покушеніемъ исполнителей или ихъ злоупотребленіемъ совратилось съ своего пути“. Но не мечталъ ли также всегда Сперанскій о возможности „продолжать начатое“ послѣ эпохи реформъ при Александрѣ I, когда онъ писалъ ему изъ своей ссылки (изъ Перми) по поводу нареканій на его реформаторскую дѣятельность, что „полезнѣе можетъ быть было бы всѣ установленія плана, приготовивъ вдругъ, открыть одновременно“? Напомнивши государю объ его рѣшеніи производить реформы постепенно, Сперанскій объяснялъ „источникъ ложныхъ страховъ и неправильныхъ понятій о реформахъ тѣмъ, что, не зная плана правительства, судили намѣренія его по отрывкамъ и, не видя точной цѣли и конца перемѣнъ, страшились вредныхъ уновленій“. Сперанскій совѣтовалъ тогда Александру I „переходъ отъ настоящихъ установленій къ новымъ такъ учредить, чтобы онъ казался самымъ простымъ и естественнымъ, новыя установленія казались возникающими изъ прежнихъ“ [1]).

Не предрѣшая вопроса о томъ, не принадлежитъ ли разсматриваемый нами мемуаръ о государственномъ совѣтѣ перу Сперанскаго, мы все-таки можемъ отмѣтить въ этомъ интересномъ документѣ слѣды такого же крайне осторожнаго отношенія автора мемуара къ существующему порядку вещей. Предлагая организацію государственнаго совѣта на половину изъ депутатовъ дворянства и городского сословія и надѣляя совѣтъ правомъ самостоятельнаго участія въ законодатель-

[1]) См. мое сочиненіе о русскомъ государственномъ совѣтѣ, I т., 864 стр.

Digitized by Google

ствѣ, авторъ мемуара въ тоже время спѣшитъ завѣрить членовъ комитета 6 декабря, что его планъ реорганизаціи совѣта на такихъ началахъ не представляетъ никакой опасности для самодержавной власти русскаго государя. Указывая на примѣръ сосѣднихъ съ Россіей государствъ, которымъ нельзя пренебрегать русскимъ государямъ, авторъ оговаривается, что онъ не имѣетъ въ виду конституцій Франціи и Англіи, и даже рѣшительно заявляетъ, что въ средѣ самостоятельно избранныхъ сословіями членовъ совѣта съ важнымъ правомъ законодательной иниціативы никогда не зародится мысль о присвоеніи себѣ правъ законодательной власти, о ниспроверженіи существующаго порядка. Очевидно, что всѣ эти противорѣчія въ проэктѣ реорганизаціи государственнаго совѣта вытекаютъ изъ желанія, съ одной стороны, ввести въ него новые элементы въ духѣ преобразовательныхъ плановъ времени Александра I, а съ другой, показать, что такими „уновленіями“ не нарушаются основанія русскаго политическаго устройства, въ которомъ сохраняется законная самодержавная власть русскаго государя.

Подобный осторожный пріемъ проведенія новыхъ идей и принциповъ свойственъ былъ М. М. Сперанскому во все время его реформаторской дѣятельности при Александрѣ Павловичѣ. Въ началѣ подготовки къ ней, въ „Проэктѣ учрежденія губернскихъ мѣстъ (1802—1803 г.)“ Сперанскій даетъ организацію высшихъ учрежденій въ Россіи, основанныхъ на „недѣлимости власти самодержавной“, но въ тоже время „возводящихъ народное мнѣніе ближе къ идеямъ монархическимъ и ставящимъ Россію на одной чредѣ съ прочими государствами европейскими“. Въ проэктированныхъ въ 1802—1802 г. Сперанскимъ установленіяхъ (двухъ сословіяхъ—законодательномъ и исполнительномъ сенатѣ) „государь благонамѣренный, по его словамъ, не найдетъ никакихъ препятствій къ усовершенію сихъ предположеній, но самодержецъ, кото-

Digitized by Google

рый бы захотѣлъ употребить во зло неограниченную его волю, встрѣтилъ бы твердую преграду своимъ насиліямъ, ежели не въ самыхъ сихъ установленіяхъ, то въ полной увѣренности, привычкахъ народныхъ особливо, когда привычки сіи долголѣтнимъ продолженіемъ добраго царства въ сердцахъ укрѣпится". Сперанскій находитъ главную пользу учрежденій по проэкту 1802—1813 г. „въ удобности, какую сей образъ правленія имѣетъ, чтобы со временемъ превратиться въ совершенную монархическую систему: когда созрѣетъ возможность лучшаго управленія вслѣдствіе развитія просвѣщенія и благопріятныхъ обстоятельствъ, тогда, думаетъ Сперанскій, безъ всякой точной перемѣны и въ тѣ же такъ сказать рамы вмѣстится другое устройство, не на видимомъ порядкѣ, но на внутреннемъ и вещественномъ основанное" [1])

Такъ писалъ Сперанскій въ 1803 г., когда онъ былъ вдали отъ реформъ въ управленіи, но тѣже основныя политическія воззрѣнія, только глубже, основательнѣе и подробно развитыя, Сперанскій высказалъ и въ 1809 г. въ своемъ „Проэктѣ уложенія государственныхъ законовъ", гдѣ онъ также старается ввести новыя политическія учрежденія въ русскомъ государствѣ съ цѣлью превращенія его въ истинную, совершенную монархію, гдѣ „власть правительства была бы утверждена на постоянныхъ началахъ и тѣмъ самымъ сообщалось бы дѣйствію сей власти болѣе правильности, достоинства и истинной силы" [2]). Въ „Образованіи совѣта" 1810 г. Сперанскій долженъ былъ ограничиться соединеніемъ двухъ разнородныхъ началъ организаціи—политическихъ учрежденій „совершенной" (ограниченной, по мысли Сперанскаго) монархіи и идеи о сохраненіи самодержавной власти русскаго государя. Мемуаръ о русскомъ государственномъ совѣтѣ близокъ по двойственному характеру своихъ основныхъ

[1]) Ibidem, 820—821 стр.

[2]) Пермское письмо Сперанскаго.

Digitized by Google

идей къ „Образованію совѣта 1810 г.“, но авторъ мемуара болѣе опредѣленно, прямо и рѣшительно выражаетъ мысль о самостоятельной законодательной роли государственнаго совѣта при предполагаемомъ его устройствѣ и тѣмъ примыкаетъ къ „Проэкту уложенія государственныхъ законовъ“.

Если мы резюмируемъ всѣ наши сравненія мемуара съ „Проэктами“ Сперанскаго 1803 и 1809 г. и „Образованіемъ совѣта 1810 г.“, то мы можемъ остановиться на естественномъ предположеніи, что авторъ мемуара тотъ же М. М. Сперанскій, который, какъ мы знаемъ, былъ въ числѣ членовъ комитета 6 декабря и могъ воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ, чтобы попытаться еще разъ провести въ жизнь свои завѣтныя политическія убѣжденія, хотя бы и въ болѣе скромной формѣ организаціи государственнаго совѣта, какъ самостоятельнаго законодательнаго учрежденія съ характеромъ выборнаго, народнаго относительно половины своего состава. Но если мемуаръ и не былъ написанъ самимъ Сперанскимъ, то заслуживаетъ, все-таки, особеннаго вниманія тотъ фактъ, что въ немъ такъ много политическихъ идей, высказанныхъ Сперанскимъ въ царствованіе Александра I и положенныхъ въ измѣненномъ видѣ въ основаніе его реформъ въ высшей русской администраціи. Слѣдовательно, потребность въ дальнѣйшихъ реформахъ въ томъ же направленіи послѣдовательнаго проведенія въ русскомъ государственномъ управленіи идеи законности продолжала жить и въ царствованіе Николая I при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для такихъ реформъ. Комитетъ 6 декабря быть можетъ, не безъ вліянія извѣстнаго намъ мемуара [1]), а еще болѣе самого Сперанскаго, возможнаго его ав-

---

[1]) **Примѣчаніе.** Комитетъ 6 декабря продолжалъ работать систематически до 1831 г. и, значитъ, могъ обсуждать мемуаръ, поданный въ него въ 1828—30 г. (См. Корфъ: „Жизнь гр. Сперанскаго“, II т., 335—336 стр.).

Digitized by Google

тора ясно и категорически, высказалъ какъ мы видѣли мысль о необходимости сдѣлать государственный совѣтъ, согласно его „Образованію“ въ 1810 г., настоящимъ законодательнымъ учрежденіемъ.

Предположенія комитета были одобрены государемъ, но не осуществились въ царствованіе Николая I. Вмѣсто этого были сдѣланы разныя дополненія къ „Образованію совѣта 1810 г.“ и было издано новое учрежденіе совѣта, значительно видоизмѣнившее основанія „Образованія 1810 г.“ и уклонившееся и отъ предположеній комитета 6 декабря о государственномъ совѣтѣ, какъ только законодательномъ учрежденіи въ русскомъ государственномъ управленіи.

Пятая глава.

Государственный совѣтъ въ царствованіе Николая I.

(продолженіе).

На первыхъ порахъ въ устройствѣ государственнаго совѣта были сдѣланы лишь нѣкоторыя частичныя измѣненія, большинство которыхъ лишь отчасти относится къ законодательной функціи совѣта. Такой именно характеръ имѣетъ учрежденіе въ 1832 г. особаго департамента въ составѣ совѣта по дѣламъ Царства Польскаго. Въ грамотѣ ему было возвѣщено, что „дѣла законодательства и другія особенныя предположенія по Царству Польскому, кои по свойству своему должны быть предварительно и тщательно соображены съ существующими въ другихъ частяхъ Имперіи постановленіями и общими оной пользами, а равно и годовыя смѣты, представленныя совѣтомъ Царства на Высочайшее утвержденіе, вносятся въ Россійскій государственный совѣтъ“.

На общій, законодательный же характеръ дѣятельности совѣта указываетъ опредѣленіе, что по законодательнымъ воп-

Digitized by Google

росамъ, относительно военнаго и морского управленія, военный и адмиралтействъ—совѣты должны дѣлать представленія въ государственный совѣтъ какъ въ случаяхъ превышающихъ ихъ власть, такъ одинаково и въ дѣлахъ, которыя имѣютъ связь съ прочими частями управленія. Въ такое же отношеніе къ государственному совѣту поставленъ и государственный контроль.

Наряду съ этими немногими шагами къ возвращенію совѣту законодательной роли въ управленіи предприняты мѣры, не только ограничивающія законодательную функцію совѣта, но, кромѣ того, снова вносящія въ его вѣдомство административныя и судебныя дѣла, на выдѣленіи которыхъ такъ единодушно настаивали члены комитета 6 декабря 1826 г. вмѣстѣ съ авторами разныхъ „Записокъ". Такъ изъ состава государственнаго совѣта по его „Образованію" 1810 г. были выдѣлены сначала комиссія составленія законовъ, а затѣмъ и коммисія прошеній. Первая была преобразована во II отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи; точно также и комиссія прошеній поступила въ непосредственное вѣдѣніе Е. И. В. Изъяты были потомъ также изъ вѣдомства совѣта всѣ новые законы съ дополненіями и измѣненіями къ нимъ, которые касались военной части, если только они не были связаны съ другими частями управленія. Такого рода законопроэкты представлялись непосредственно на Высочайшее усмотрѣніе помимо совѣта, хотя въ его составѣ и находился департаментъ военныхъ дѣлъ по Учрежденію государственнаго совѣта 1842 г., какъ и по „Образованію" его 1810 г. Выдѣленіе военныхъ законопроэктовъ изъ компетенціи государственнаго совѣта совершилось, впрочемъ, уже въ 1843 г., послѣ изданія „Учрежденія" 1842 г. Мы привели этотъ фактъ здѣсь для общей характеристики исторіи государственнаго совѣта при Николаѣ I: ограниченія законодательной его функціи продолжались до самаго конца цар-

Digitized by Google

ствованія Николая I. Такъ въ 1851 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, въ силу котораго и „вообще новыя положенія, касающіяся предметовъ двухъ или нѣсколькихъ вѣдомствъ, представляются въ извѣстныхъ случаяхъ за общимъ подписомъ всѣхъ министровъ или главноуправляющихъ, до управленія коихъ сіи положенія относятся, по собственному благоусмотрѣнію Государя, прямо Его Величеству". Эта статья—исключеніе изъ общаго правила относительно разсмотрѣнія всѣхъ законодательныхъ вопросовъ въ государственномъ совѣтѣ одинаково по „Образованію" 1810 года, какъ и по „Учрежденію" 1842 года.

Ко времени изданія этого „Учрежденія" государственный совѣтъ былъ уже заваленъ всякаго рода посторонними его главному назначенію дѣлами, особенно же судебными. Такъ, на разсмотрѣніе совѣта вносились дѣла, въ которыхъ встрѣчаются несогласія въ мнѣніяхъ общаго собранія сената и военнаго совѣта. Въ подобнаго рода случаяхъ государственный совѣтъ ставился въ несвойственное ему положеніе высшаго посредника въ дѣлахъ административныхъ и судебныхъ: особенно много приходилось совѣту разсматривать судебныхъ дѣлъ. Въ 1834 г. совѣту указаны „способы для точнѣйшаго соображенія многосложныхъ и запутанныхъ судебныхъ дѣлъ". Такъ министръ юстиціи долженъ былъ сопровождать въ совѣтъ печатныя записки по дѣламъ, рѣшаемымъ въ сенатѣ, и въ общихъ собраніяхъ совѣта при рѣшеніи такого рода дѣлъ должны были участвовать всѣ министры. Входитъ даже въ правило перенесеніе въ извѣстныхъ случаяхъ изъ сената въ государственный совѣтъ судебныхъ дѣлъ; при чемъ исполненіе рѣшеній сената останавливается, пока не послѣдуетъ окончательное постановленіе совѣта. Въ немъ рѣшаются теперь и уголовныя дѣла, въ которыхъ государственному совѣту было предоставлено право облегчать участь осужденнаго, что вызывало и монаршее къ нему снисхож-

Digitized by Google

деніе. Изъ административныхъ дѣлъ до изданія „Учрежденія“ 1842 г., было предположено вносить въ государственный совѣтъ дѣла, вступающія въ сибирскій комитетъ. Наконецъ, были выработаны въ тоже время довольно подробныя правила дѣлопроизводства въ государственномъ совѣтѣ.

Учрежденіе государственнаго совѣта 1842 г., въ которомъ онъ получилъ полное и окончательное образованіе въ царствованіе Николая I, было выработано въ особомъ комитетѣ, составленномъ изъ князя Васильчикова (предсѣдателя), графовъ Левашева и Киселева, Блудова, Марченки и государственнаго секретаря, барона Корфа. Послѣдній, вмѣстѣ съ княземъ Васильчиковымъ, былъ въ числѣ членовъ комитета 6 декабря 1826 года, главный взглядъ котораго на необходимость возстановленія „Образованія 1810 г.“ долженъ былъ лечь и въ основаніе „Учрежденія“ 1842 года. И на самомъ дѣлѣ, въ именномъ указѣ государственному совѣту, данномъ по поводу изданія его „Учрежденія“, заявлялось, что начала и главныя основанія его тѣ же, что и „Образованія 1810 г., и что и впредь они будутъ сохранены неприкосновенными, „какъ цѣли своей и общему духу нашихъ государственныхъ установленій вполнѣ сообразныя“. Вмѣстѣ съ тѣмъ было признано необходимымъ сдѣлать въ „Образованіи“ 1810 г. нѣкоторыя перемѣны по случаю новаго изданія свода законовъ и пересмотрѣть отдѣльныя части „Образованія“, для полнаго ихъ между собою соглашенія. Государственный совѣтъ въ „Учрежденіи“ 1842 г. названъ, какъ и въ „Образованіи“ 1810 г., сословіемъ, хотя съ этимъ словомъ теперь уже не соединялось какого-либо представленія о немъ, какъ самостоятельной политической корпораціи. Такъ можно заключить изъ того, что въ „Учрежденіи“ 1842 г. въ числѣ „коренныхъ законовъ“, опредѣляющихъ по „Образованію“ 1810 г. составъ, существо и главныя формы дѣйствій государственнаго совѣта, нѣтъ двухъ

Digitized by Google

основныхъ положеній, вытекающихъ изъ названія его сословіемъ въ 1 пунктѣ коренныхъ законовъ. „Посему,—сказано въ „Образованіи“ 1810 г.,—всѣ законы, уставы и учрежденія въ первообразныхъ ихъ начертаніяхъ предлагаются и разсматриваются въ государственномъ совѣтѣ, а потомъ дѣйствіемъ державной власти поступаютъ къ предназначенному имъ совершенію. Никакой законъ, уставъ и учрежденіе не исходитъ изъ совѣта и не можетъ имѣть совершенія безъ утвержденія верховной власти“.

Смыслъ этихъ пунктовъ заключается въ предоставленіи права совѣту участвовать въ предложеніи и обсужденіи всѣхъ законовъ, уставовъ и учрежденій, всѣ проэкты которыхъ должны быть вносимы въ совѣтъ. Значитъ, въ 1810 г. устанавливался опредѣленный порядокъ составленія законовъ въ русскомъ государствѣ, отъ котораго по „Учрежденію“ 1842 г. допускались извѣстныя и довольно большія отклоненія. Большое различіе между „Учрежденіемъ“ 1842 г. и „Образованіемъ “1810 г. заключается въ обозначеніи круга предметовъ дѣятельности государственнаго совѣта. Этотъ кругъ въ „Учрежденіи“ 1842 сравнительно съ „Образованіемъ“ 1810 значительно разнится введеніемъ въ вѣдомство совѣта массы всякаго рода административныхъ и судебныхъ дѣлъ. Отнынѣ совѣтъ долженъ заниматься особенно много разнаго рода финансовыми вопросами самаго разнообразнаго характера, отъ разсмотрѣнія предположенныхъ доходовъ и расходовъ городовъ и ежегодныхъ смѣтъ столичныхъ думъ до дѣлъ объ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, учрежденій компаній на акціяхъ и пр. Государственному совѣту предоставлено также обсужденіе дѣлъ о возведеніи въ дворянское званіе, лишеніи его и утвержденіи въ почетныхъ достоинствахъ—баронскомъ, княжескомъ и графскомъ. По отношенію къ сенату совѣтъ явился высшей судебной инстанціей по многочисленнымъ дѣламъ. Въ числѣ этихъ судебныхъ

Digitized by Google

дѣлъ упоминается о производствѣ слѣдствія надъ министрами и генералъ-губернаторами, въ случаѣ обвиненій, удостоенныхъ Высочайшаго уваженія. Эта карательная мѣра по отношенію къ министрамъ была по „Учрежденію“ 1842 г. единственной формой ихъ отвѣтственности въ управленіи своими частями. Въ „Образованіи“ 1810 г. министры были обязаны представлять въ совѣтъ ежегодные отчеты по управленію принадлежащихъ имъ частей. Такого рода мѣра не содержала въ себѣ полной отвѣтственности министровъ по „Образованію“ 1810 года: въ отчетахъ, вносимыхъ ими въ совѣтъ, сообщались уже результаты той дѣятельности, безпрерывное теченіе которой ускользало отъ контроля совѣта. Отвѣтственность министровъ, устанавливаемая, кромѣ „Образованія 1810 г.“, еще Общ. уст. минист. 1811 года, оставалась и при Александрѣ I въ дѣйствительности, по замѣчанію Трощинскаго, „мечтательною и идеальной“. При преобразованіи сената, которое предполагалось дать ему Сперанскимъ послѣ „Образованія“ совѣта и учрежденія министерствъ, часть сената долженъ былъ составить верховный уголовный судъ, который могъ судить каждаго министра въ случаяхъ, когда откроются его важныя государственныя вины. Но этотъ судъ не былъ организованъ и отвѣтственность министровъ осталась въ области благихъ пожеланій. Впрочемъ, въ первые годы дѣятельности совѣта 1810 г. его департаменты, за исключеніемъ департамента законовъ, до котораго не касался контроль надъ дѣятельностью министровъ, сдерживали произволъ министровъ; но затѣмъ они стали совершенно независимыми отъ совѣта въ своей административной дѣятельности.

Редакторы „Учрежденія“ 1842 г. совершенно отказались отъ мысли о постоянномъ контролѣ совѣта надъ дѣйствіями министровъ, власть и вліяніе которыхъ въ государственномъ управленіи могли теперь развиваться безпрепят-

Digitized by Google

ственно: принятіе такой экстраординарной мѣры, какъ назначеніе слѣдствія надъ министромъ по Высочайшему усмотрѣнію, могло происходить только въ особенныхъ, чрезвычайныхъ случаяхъ. А такъ какъ по „Учрежденію“ 1842 г. компетентность государственнаго совѣта расширена разнообразными административными дѣлами, то тѣмъ самымъ допущена и возможность усиленнаго вліянія на дѣятельность совѣта и министровъ-членовъ государственнаго совѣта по ихъ званію. Въ „Учрежденіи“ 1842 г. есть еще цѣлый рядъ статей, которыми ослабляется главное, законодательное значеніе государственнаго совѣта въ управленіи. „Учрежденіе“ закрѣпляетъ отдѣльное отъ совѣта существованіе II отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи, съ которымъ совѣтъ могъ входить въ сношенія „при разсмотрѣніи высшихъ новыхъ постановленій, клонящихся къ отмѣнѣ и дополненію существующихъ законовъ, испросивъ на то предварительно Высочайшее соизволеніе“. Совѣтъ обязанъ доводить до свѣдѣнія II-го отдѣленія Собственной Е. И. В. канцеляріи свои рѣшенія въ случаяхъ, когда они касались неполноты закона или его недостатка, „для соображеній канцеляріи этихъ дополненій или составленія закона на будущее время“. Мы уже указывали на значеніе превращенія комиссіи составленія законовъ, бывшей по „Образованію“ 1810 г., въ составѣ государственнаго совѣта, въ отдѣльное отъ него учрежденіе съ особыми законодательными задачами. Соображенія, заставившія образовать II-е отдѣленіе Собственной Е. И. В. канцеляріи, заслуживаютъ полнаго одобренія. Но на тотъ фактъ, что при департаментѣ законовъ не стало теперь собственной канцеляріи,—комиссіи составленія законовъ, которая вырабатывала всѣ законопроэкты прежде внесенія ихъ въ департаментъ законовъ, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на уменьшеніе законодательнаго значенія самого государственнаго совѣта, отъ котораго отошли по „Учрежденію“ составленіе проэктовъ законовъ и дополненія къ нимъ.

Digitized by Google

По 40 § „Образованія“ 1810 г. „заключенія совѣта по дѣламъ частнымъ изображаются въ общемъ видѣ закона или учрежденія, дабы разрѣшеніемъ одного случая можно было объять всѣ другіе, съ нимъ однородные“. По этому § рѣшеніямъ совѣта по частнымъ дѣламъ придана сила общихъ законодательныхъ нормъ, что расширяетъ законодательную область дѣятельности государственнаго совѣта. Въ „Учрежденіи“ 1842 г. только сказано, что по дѣламъ частнымъ департаменты всѣ свои заключенія основываютъ единственно на силѣ существующихъ законовъ. Впрочемъ, въ томъ же 40 § говорится далѣе, что неполнота или недостатокъ закона, обнаружившіеся при обсужденіи частнаго случая, должны быть исправлены, но это дѣло составленія новаго закона или дополненіе стараго возлагалось уже не на совѣтъ, а на II-е отдѣленіе Собственной Е. И В. канцеляріи. 49 § „Учрежденія“ 1842 г. соотвѣтствуетъ по своему содержанію 39 § „Образованія“ 1810 г.; въ обоихъ §§ указаны случаи, когда законодательныя положенія департаментовъ поступаютъ, помимо общаго собранія государственнаго совѣта, непосредственно на Высочайшее усмотрѣніе. Это тѣ случаи, когда дѣло касается изъясненія точнаго разума существующихъ законовъ въ приложеніи ихъ къ частнымъ случаямъ, если при этомъ не предполагается новый законъ, уставъ или учрежденіе и не требуется отмѣна прежнихъ постановленій или ихъ дополненіе. Различіе между „Образованіемъ“ 1810 и „Учрежденіемъ“ 1842 г. въ изложеніи указанныхъ §§ заключается лишь въ томъ, что положенія совѣта поступаютъ по „Образованію“ на Высочайшее усмотрѣнію, въ подлинныхъ журналахъ, а по „Учрежденію“ въ краткихъ изъ нихъ извлеченіяхъ—меморіяхъ.

Меморіи были введены въ совѣтъ еще при Александрѣ I по причинамъ, которыя, по словамъ Сперанскаго, „опредѣлить трудно“. Но самъ же онъ вслѣдъ за этимъ объясняетъ

Digitized by Google

всѣ неудобства замѣны подлинныхъ журналовъ для рѣшеній государственнаго совѣта меморіями. „Здѣсь, говоритъ Сперанскій, встрѣчаются два вопроса: 1) чѣмъ удостовѣрено, что сіи выписки представляютъ дѣло во всей полнотѣ его и ясности, и 2) если онѣ представляютъ его во всей полнотѣ и ясности, достойной верховнаго рѣшенія государя, то почему же онѣ не суть журналы и списки съ журналовъ?“ По словамъ сенатора Баранова,—горячаго защитника законодательнаго значенія въ управленіи государственнаго совѣта,—„меморіи обыкновенно излагаются столь кратко, что почти ни въ которой изъ нихъ полнаго объ обстоятельствахъ дѣла понятія имѣть не можно“. Не смотря на такія основательныя сомнѣнія компетентныхъ лицъ относительно меморій, онѣ введены „Учрежденіемъ“ 1842 г. вообще для всѣхъ обыкновенныхъ дѣлъ и положеній, составляемыхъ какъ въ общихъ собраніяхъ, такъ и отдѣльныхъ департаментахъ государственнаго совѣта. Только заключенія департамента Царства Польскаго подносятся на Высочайшее усмотрѣніе *въ подлинныхъ журналахъ*, вѣроятно, въ виду особенной важности этого рода дѣлъ для судьбы польскаго края послѣ тревожныхъ въ немъ событій 1832—1833 гг. Впрочемъ, вскорѣ послѣ изданія „Учрежденія“ 1842 г. подлинные журналы по дѣламъ Царства Польскаго тоже замѣнены меморіями, представляемыми на Высочайшее усмотрѣніе, какъ и дѣла прочихъ департаментовъ совѣта. Едва ли нужно доказывать, на сколько зависѣли основательность, сила и убѣдительность всѣхъ разсужденій членовъ совѣта по важнѣйшимъ законодательнымъ вопросамъ отъ того, какъ точно и умѣло были составлены меморіи въ канцеляріи государственнаго совѣта. При малѣйшемъ, хотя бы и неумышленномъ, отступленіи меморій отъ подлинныхъ журналовъ засѣданій въ департаментахъ совѣта могла пострадать и вся аргументація членовъ въ пользу извѣстнаго рѣшенія законодательнаго во-

Digitized by Google

проса, а вмѣстѣ съ тѣмъ понесли бы существенный ущербъ въ своихъ интересахъ отдѣльныя лица или цѣлые общественные классы, которыхъ касалось то или другое рѣшеніе государственнаго совѣта.

Намъ остается разсмотрѣть послѣднюю часть „Учрежденія“ 1842 г.: порядокъ засѣданій въ департаментахъ и общемъ собраніи государственнаго совѣта, „пространство власти и образъ его дѣйствій“ и порядокъ представленія дѣлъ на Высочайшее усмотрѣніе, а также и учрежденіе государственной канцеляріи. Всѣ эти вопросы относятся къ внѣшней, формальной сторонѣ дѣятельности совѣта, въ которой, однако, есть нѣкоторыя особенныя черты по „Учрежденію“ 1842 г., заслуживающія того, чтобы ихъ здѣсь отмѣтить. „Учрежденіе“ 1842 г. устанавливаетъ сначала въ общихъ чертахъ порядокъ вступленія и производства дѣлъ въ департаменты совѣта (15—52 §§), затѣмъ уже болѣе подробно регламентируетъ весь ходъ засѣданій въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, придавая особенную важность его рѣшеніямъ требованіемъ крайней внимательности, осторожности, обдуманности и основательности со стороны членовъ общаго собранія совѣта (§§ 53—80). Но въ „Учрежденіи“ 1842 г. нѣтъ статьи „Образованія“ 1810 г., по которой рѣшенія большинства членовъ совѣта считаются принятыми имъ. Если эти рѣшенія содержали въ себѣ законы, уставы и учрежденія, которыя издавались въ формѣ манифестовъ, въ послѣдніе включалась извѣстная формула: „внявъ мнѣнію его“. Въ „Учрежденіи“ 1842 г. нѣтъ и слѣда этой формулы, возбуждавшей въ обществѣ при Николаѣ I столько тревожныхъ толковъ и напрасныхъ опасеній за сохраненіе самодержавной власти русскаго государя, который допускалъ въ лицѣ Александра I употребленіе ея въ манифестахъ. Чтобы положить предѣлъ всякимъ сомнѣніямъ относительно законосовѣщательнаго только значенія государственнаго совѣта, въ

Digitized by Google

„Учрежденіи“ сказано, что въ случаѣ разномыслія въ журналъ совѣта вносится только два мнѣнія (за и противъ рѣшенія) съ приложеніемъ особыхъ мнѣній членовъ совѣта (80—81 §§). Съ выдѣленіемъ изъ его состава комиссіи составленія законовъ устраненъ и особый порядокъ разсмотрѣнія въ совѣтѣ (департаментѣ законовъ) всѣхъ законовъ, уставовъ и учрежденій, которые подведены подъ обыкновенные акты дѣятельности государственнаго совѣта. Его членамъ вмѣняется въ обязанность „вникать при полной свободѣ мнѣній со всею точностью въ силу вопросовъ, не удаляясь отъ существа ихъ, и, не предавалсь влеченію мыслей постороннихъ и неопредѣлительныхъ, основывать свои заключенія на сужденіяхъ положительныхъ“ (29 §). По частнымъ дѣламъ существеннымъ основаніемъ всѣхъ сужденій и заключеній всегда долженъ быть одинъ законъ.

Рѣшенія совѣта раздѣляются „Учрежденіемъ“ 1842 г. на дѣла, требующія собственноручнаго Высочайшаго подписанія въ силу ихъ особенной важности, и менѣе важныя дѣла, нетребующія такой подписи. Изъ первыхъ законы, уставы и учрежденія издаются въ формѣ манифестовъ. По „Образованію“ 1810 г. въ такой же формѣ издаются и всѣ дополненія уставовъ и учрежденій, чѣмъ поднималось законодательное значеніе этихъ дополненій и самого государственнаго совѣта. По „Учрежденію“ 1842 г. дополненіямъ уставовъ и учрежденій не присвоена форма манифестовъ; для нихъ оставлена обычная для всѣхъ остальныхъ актовъ дѣятельности совѣта форма „мнѣній государственнаго совѣта“, въ которой издаются единогласныя положенія, требующія собственноручнаго Высочайшаго подписанія. При разногласіи въ рѣшеніяхъ издаются Именные указы. По дѣламъ, менѣе важнымъ и поэтому нетребующимъ собственноручнаго Высочайшаго утвержденія, Высочайшія повелѣнія объявляются предсѣдателемъ государственнаго совѣта. Въ

Digitized by Google

„Учрежденіи“ 1842 г. установлены еще особыя Высочайшія повелѣнія, которыя относятся къ опредѣленію членовъ совѣта и его канцеляріи, словесныя Высочайшія повелѣнія, объявляемыя совѣту его предсѣдателемъ, и Высочайшія примѣчанія, которыя излагаются въ Высочайшемъ повелѣніи. Въ „Образованіи“ 1810 года, кромѣ манифестовъ и мнѣній государственнаго совѣта, упоминались еще и Высочайшія повелѣнія объ опредѣленіи членовъ и чиновъ совѣта, и Высочайшія примѣчанія, которыми государь „предлагалъ совѣту обратить вниманіе на особенные предметы“. „Учрежденіе“ 1842 г. оставляя за канцеляріей государственнаго совѣта названіе государственной, образовывало въ ней пять отдѣленій сообразно числу департаментовъ совѣта. По „Образованію“ 1810 г. въ канцеляріи совѣта было только три отдѣленія и комиссія составленія законовъ, занимающая мѣсто канцеляріи при департаментѣ законовъ. „Учрежденіе“ подробно опредѣляетъ „образъ производства“ дѣлъ въ каждомъ изъ отдѣленій канцеляріи государственнаго совѣта, надѣленномъ многочисленнымъ составомъ чиновниковъ; на нихъ возлагаются особенныя обязанности сообразно ихъ занятіямъ въ канцеляріи государственнаго совѣта.

Въ остальное время царствованія Николая I вновь изданно „Учрежденіе государственнаго совѣта“ 1842 г. Въ немъ произошли лишь небольшія, незначительныя измѣненія, которыя касались введенія однообразнаго рѣшенія дѣлъ въ совѣтѣ и устраненія препятствій къ безпрепятственной его дѣятельности. Продолжалось также увеличеніе числа административныхъ дѣлъ, поступавшихъ въ совѣтъ. Таковы были многочисленные и разнообразные вопросы о земскихъ повинностяхъ, смѣтахъ, раскладкахъ земскихъ суммъ и пр.

Сравненіе „Учрежденія государственнаго совѣта“ 1842 г. съ его „Образованіемъ“ 1810 г. показало, на сколько въ первомъ были сохранены главныя начала и основанія въ

Digitized by Google

организаціи совѣта александровскаго царствованія. Мы теперь можемъ также судить, были ли приняты во вниманіе редакторами „Учрежденія“ 1842 г. безспорныя указанія разныхъ компетентныхъ людей на недостатки въ устройствѣ совѣта въ началѣ царствованія Николая I и тѣ поправки, которыя эти лица, а затѣмъ и сами члены комитета 6 декабря 1842 г., считали необходимыми при настоящей реформѣ государственнаго совѣта. По „Учрежденію“ 1842 г. совѣтъ не только не сдѣлался законодательнымъ учрежденіемъ, какимъ онъ являлся по преимуществу по „Образованію“ 1810 г., но, какъ мы видѣли, вообще законодательное значеніе совѣта было значительно ослаблено разными ограниченіями и исключеніями, а также и обремененіемъ совѣта массою всякаго рода административныхъ и судебныхъ дѣлъ. Эти дѣла, чуждыя основному духу организаціи русскаго государственнаго совѣта, заполняли время, нужное для выполненія совѣтомъ законодательной его миссіи, отнимали у его членовъ силы, необходимыя для посторонняго и обстоятельнаго разсмотрѣнія разнообразныхъ законодательныхъ вопросовъ. „Учрежденіе“ 1842 г. подробной регламентаціей всей дѣятельности государственнаго совѣта стѣснило самостоятельность въ выраженіи мнѣній и сужденій его членовъ, у которыхъ могли оказаться „постороннія и неопредѣленныя мысли“, но также и важныя, вѣскія соображенія, полезныя при разсмотрѣніи важныхъ законодательныхъ вопросовъ.

Но какъ ни значительны отступленія „Учрежденія государственнаго совѣта“ 1842 г. отъ его „Образованія“ 1810 г. между ними есть та тѣсная, внутренняя, глубокая связь, которая заставляетъ принимать государственный совѣтъ царствованія Николая I за учрежденіе, одинаковое по общему духу и назначенію въ управленіи съ государственнымъ совѣтомъ времени царствованія Александра I. Какъ по „Об-

Digitized by Google

разованію“ 1810 г. такъ и по „Учрежденію“ 1842 года, совѣтъ высшее въ государствѣ, постоянное учрежденіе съ законодательными функціями по преимуществу, учрежденіе законосовѣщательное, предназначенное и при Николаѣ I, какъ и Александрѣ I для достиженія великой цѣли—водворять въ государствѣ порядокъ и осуществлять идею законности.

Шестая глава.

Государственный совѣтъ въ царствованіе Николая I.

(окончаніе).

Значеніе государственнаго совѣта, какъ законодательнаго учрежденія, выразилось въ царствованіе Николая I въ участіи его въ важнѣйшемъ для русскаго государства „дѣлѣ составленія законовъ“, изданіи I полнаго собранія законовъ россійской имперіи и свода законовъ. Необходимость въ собраніи существующихъ законовъ и ихъ систематизаціи чувствовалась давно, но въ эпоху реформъ при Александрѣ I, когда вмѣстѣ съ предпринятыми преобразованіями въ высшей администраціи была образована въ составѣ государственнаго совѣта десятая со времени Петра I комиссія составленія законовъ, думали только о сочиненіи новыхъ уложеній и уставовъ по всѣмъ частямъ. Дѣйствующіе въ Россіи законы должны были служить только дополненіемъ и усовершеніемъ общихъ началъ законовѣдѣнія, которыя были положены въ основаніе проэктированныхъ уложеній и уставовъ. Въ работахъ коммиссіи принялъ дѣятельное участіе Сперанскій, который рѣшительно направилъ ихъ на путь заимствованій цѣликомъ изъ Франціи готовыхъ образцовъ для уложеній и уставовъ. „Сперанскій приступилъ, по словамъ Корфа, прямо къ концу, т. е. къ сочиненію новаго уложенія, не приготовивъ ни *начала*—собранія законовъ, ни *середины*—свода ихъ;

Digitized by Google

онъ предпочиталъ скорѣе творить, нежели углубляться въ изысканія малоизвѣстныхъ ему прежнихъ законовъ, всегда очень трудныя и притомъ неблистательныя, даже и тогда, когди они бываютъ успѣшны“ [1]).

Немного позже, при Николаѣ I тотъ же Сперанскій собственнымъ примѣромъ доказалъ, что „изысканія прежнихъ законовъ“ при всей ихъ трудности могутъ быть „блистательными“, вполнѣ „успѣшными“. Но въ пору своего увлеченія реформаторскими планами, захватившими все русское государственное устройство, Сперанскій не могъ иначе вести дѣло составленія законовъ, какъ только распространеніемъ и на эту часть своей дѣятельности того же общаго ея направленія— кореннаго измѣненія существующихъ законовъ въ духѣ общихъ началъ реформы, готовыхъ ея образцовъ. Такимъ образцомъ для новаго русскаго законодательства явился Наполеоновъ кодексъ, изъ котораго были сдѣланы заимствованія въ системѣ и содержаніи для работъ комиссіи, а потомъ—государственнаго совѣта по составленію новаго гражданскаго уложенія. Эти работы, однако, пріостановились еще при самомъ Сперанскомъ, который въ своемъ отчетѣ 1810 г. сознался всю трудность дѣла при отсутствіи нужной подготовки въ его помощникахъ: Сперанскому одному въ качествѣ директора коммиссіи приходилось вынести на своихъ плечахъ составленіе новыхъ проэктовъ, снабжать ихъ необходимыми объясненіями, докладывать государю и проводить въ самомъ государственномъ совѣтѣ.

Замедленіе всего дѣла составленія проэктовъ новаго уложенія вызывалось и рѣзкими порицаніями дѣятельности директора комиссіи составленія законовъ со стороны враждебныхъ къ реформамъ людей. Отголоскомъ ихъ мнѣній явилась извѣстная „Записка о древней и новой Россіи“ Карамзина,—

---

[1]) *Корфъ*: Жизнь графа Сперанскаго, I томъ, 156 стр.

Digitized by Google

принципіальнаго противника всѣхъ новшествъ при Александрѣ I и защитника старыхъ порядковъ. Карамзинъ не только прямо назвалъ проэктъ русскаго гражданскаго уложенія буквальнымъ переводомъ Наполеонова кодекса, „книжки, слѣпленной шестью или семью эксъ-адвокатами и якобинцами", но и старался доказать, что въ немъ ничего нѣтъ достойнаго заимствованія для новаго русскаго уложенія. Насъ, однако, интересуютъ не рѣзкія выходки Карамзина по адресу его автора и не всегда удачныя старанія русскаго историка доказать, вопреки дѣйствительному состоянію русскаго законодательства, полную непримѣнимость общихъ началъ права, которыя вполнѣ соотвѣтствовали, по крайней мѣрѣ, на Западѣ Европы, требованіямъ науки и уровню правоваго развитія общества въ началѣ XIX ст. Страстная полемика Карамзина съ Сперанскимъ и всѣми реформаторами хорошо понятна съ точки зрѣнія, на которой стоялъ самъ Карамзинъ и вся партія охранителей историческаго склада всѣхъ русскихъ учрежденій. Въ разсужденіяхъ Карамзина о трудахъ комиссіи составленія законовъ важна одна, вполнѣ правильная его мысль „сперва собрать законы по предметамъ, потомъ соединить однородныя части въ цѣлое и наконецъ исправить то, что по настоящему гражданскому состоянію Россіи потребуетъ перемѣны". Карамзинъ совѣтовалъ при отсутствіи людей, „способныхъ къ составленію прагматическаго кодекса издать полную сводную книгу русскихъ законовъ по всѣмъ частямъ, *согласивъ противорѣчія и замѣнивъ лишнее нужнымъ*". Карамзинъ полагалъ, что „для сей сводной книги не требуется великихъ усилій разума, ни генія, ни отличныхъ знаній ученыхъ; не будемъ ею хвалиться въ Европѣ, но облегчимъ способы правосудія въ Россіи".

Карамзинъ былъ не правъ, когда онъ такъ уменьшалъ значеніе работъ будущаго дѣятеля по собранію и своду русскихъ законовъ, которые на самомъ дѣлѣ гораздо труднѣе,

Digitized by Google

нежели подражанія при составленіи проэктовъ уложенія уже по готовымъ образцамъ. Нашъ историкъ совершенно не подозрѣвалъ ни того, что Сперанскій измѣнитъ свои взгляды на дѣло составленія уложеній, ни тѣмъ болѣе, что самъ Сперанскій возмется за трудное и отвѣтственное дѣло кодификаціи на историческихъ началахъ и выкажетъ въ этой работѣ „великія усилія разума, отличныя ученыя знанія“ и геніальное умѣнье начать и довести въ сравнительно короткое время такой колоссальный трудъ. Неизвѣстно, зналъ ли Императоръ Николай I о мнѣніи Карамзина, высказанномъ имъ въ своей „Запискѣ“ объ организаціи на историческихъ основаніяхъ составленія кодекса русскихъ законовъ и важности его для обезпеченія правосудія въ странѣ. Скорѣе можно думать, что личное убѣжденіе государя въ необходимости „не созидать новыхъ законовъ, но привести въ порядокъ старые“ и знакомство Николая Павловича съ печальнымъ состояніемъ правосудія, вытекавшимъ изъ крайней путаницы въ массѣ противорѣчивыхъ законовъ, заставили государя подумать о собираніи и систематизаціи ихъ въ первый же моментъ своего царствованія. 31 января 1826 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ, въ которомъ государь заявлялъ, что онъ беретъ въ „свое собственное вѣдѣніе дѣло составленія законовъ“. На основаніи этого указа комиссія составленія законовъ была выдѣлена изъ состава государственнаго совѣта и преобразована во II отдѣленіе собственной Е. И. Величества канцеляріи. На это новое учрежденіе, во главѣ котораго былъ поставленъ Балугьянскій, другъ и вѣрный помощ-Сперанскаго еще въ царствованіе Александра Павловича, возложена была вся обширная и сложная работа по составленію перваго въ Россіи полнаго собранія ея законовъ, начиная со времени Алексѣя Михайловича до Николая I, и свода дѣйствующихъ законовъ при послѣднемъ государѣ. Душою всего дѣла былъ самъ Сперанскій, которому пору-

Digitized by Google

чилъ его Николай Павловичъ, придававшій громадное юридическое значеніе этой, по словамъ государя, „монументальной работѣ“ [1]).

Среди тѣхъ задачъ управленія, которыя Николай I намѣтилъ въ своей дѣятельности при восшествіи на престолъ, прекращеніе неурядицы въ отправленіи правосудія, пристрастія и произвола судей было на твердой очереди. Для этого нужно было сдѣлать общедоступными, ясными для пониманія всѣхъ и каждаго законы, которые находились въ хаотическомъ состояніи. Только люди съ спеціально юридической подготовкой, юристы-практики могли разобраться въ необозримой массѣ законовъ и рѣшать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, какой изъ нихъ нужно примѣнить къ дѣлу. Возникающія отсюда злоупотребленія въ дѣятельности судей или вѣрнѣе секретарей судовъ могли быть прекращены только собраніемъ всѣхъ законовъ въ одно цѣлое и выдѣленіемъ изъ нихъ дѣйствующихъ опредѣленій права, примѣнимыхъ къ существующимъ общественнымъ отношеніямъ. Такова была задача „Полнаго Собранія Законовъ“, начатаго съ Уложенія Алексѣя Михайловича, какъ древнѣйшаго сборника русскихъ законовъ, еще во многомъ сохраняющихъ свою силу, и „Свода законовъ“, которые были извлечены изъ тѣхъ же законовъ въ видѣ уложеній и уставовъ. Эти два памятника русскаго законодательства были созданы Сперанскимъ въ теченіе семи лѣтъ при упорномъ трудѣ и энергичной дѣятельности по выработанному имъ научному плану кодефикаціи [2]) Изъ собираемыхъ повсюду узаконеній со времени

---

[1]) Ibidem, II т., 316 стр.

[2]) *Сперанскій*: „Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о сводѣ законовъ“. С.-П Б. 1833 года. Здѣсь авторъ опредѣляетъ „существо дѣла“ въ работѣ надъ предполагаемымъ сводомъ законовъ, который долженъ быть „общимъ составомъ законовъ и въ семъ понятіи обнимать всѣ части законодательства во всей ихъ совокупности“. Далѣе излагаются главныя правила кодефикаціи, заимствованныя изъ исторіи составленія Corpus juris, у Бэкона Веруламскаго, намѣчается об-

Digitized by Google

Уложенія 1649 г. составлялись, подъ наблюденіемъ Сперанскаго, историческія обозрѣнія всего движенія русскаго законодательства по каждой основной части свода. Въ этихъ обозрѣніяхъ отдѣляли отъ законовъ, уже утратившихъ свое практическое значеніе, законоположенія, примѣнимыя къ жизни, и сводили послѣднія въ уложенія и уставы, предназначенные для свода законовъ. Самъ Сперанскій составлялъ нужныя для этихъ работъ программы, гдѣ подъ особыми оглавленіями указывались предметы каждой части съ ея подраздѣленіями.

Печатаніе полнаго собранія законовъ было закончено въ 1830 г.; сводъ законовъ былъ готовъ къ январю 1833 года, 19 января 1833 года было созвано чрезвычайное собраніе государственнаго совѣта, гдѣ предсѣдательствовалъ князь В. П. Кочубей. Въ засѣданіи присутствовалъ самъ Николай Павловичъ, который произнесъ замѣчательную рѣчь. Упомянувши о томъ, что первымъ предметомъ, на который было обращено вниманіе государя при восшествіи его на престолъ, было правосудіе, составляющее такъ сказать надобность „каждаго государства“, Николай Павловичъ замѣтилъ, что „въ самой своей молодости слышалъ о недостаткахъ у насъ въ оном, о ябедѣ, о лихоимствѣ, о неимѣніи полныхъ законовъ, или объ смѣшеніи оныхъ отъ чрезвычайнаго множества указовъ, нерѣдко одинъ другому противорѣчащихъ“. Труды комиссіи составленія законовъ „не имѣли никакихъ послѣдствій главнѣйше оттого, что всегда обращались къ составленію новыхъ законовъ, а не къ соглашенію на твердыхъ началахъ старыхъ“. Согласно общему взгляду государя,

---

щій планъ свода и въ заключеніе указываются на „работы пріуготовительныя“ (полное собраніе законовъ и въ томъ числѣ „исторически важныхъ, какъ памятникъ вѣка, какъ указаніе его общественныхъ нравовъ, какъ изображенье его гражданской жизни, полезное и для науки“) и „работы окончательныя“ (технические указанія того, какъ распоряжаться собраннымъ законодательнымъ матеріаломъ).

Digitized by Google

который легъ въ основаніе всей его дѣятельности, было рѣшено, „чтобы не созидать новыхъ законовъ, но привести въ порядокъ старые". Государь указалъ потомъ, какимъ образомъ Второе отдѣленіе Собственной Е. В. Канцеляріи, замѣнившее упраздненную комиссію составленія законовъ, выполнило начертанный планъ его работъ, раздѣленныхъ на три разныя и постепенныя части. Первая состояла въ собраніи всѣхъ указовъ и приведеніи ихъ въ хронологическій порядокъ. Затѣмъ изъ многочисленныхъ указовъ нужно было составить сводъ тѣхъ узаконеній, которыя имѣютъ дѣйствительную силу въ настоящее время. Таковы двѣ первыя задачи дѣятельности II отдѣленія Собственной Е. В. Канцеляріи, итогомъ которой было 56 томовъ I Полнаго Собранія законовъ и 15 томовъ свода законовъ. „Только послѣ того, когда будетъ извѣстно, что мы имѣемъ и въ чемъ заключаются наши недостатки, возможно приступить къ усовершенію и дополненію законовъ". Государь замѣчаетъ, что онъ самъ постоянно занимается этимъ и прибавилъ, что „и государственный совѣтъ доселѣ всякій годъ разсматривалъ многія постановленія, всегда ту цѣль имѣвшія, чтобы исправлять открывающіеся въ узаконеніяхъ нашихъ недостатки нужными поясненіями и дополненіями".

Въ заключеніе своей рѣчи Николай Павловичъ упомянулъ еще о томъ, что по Его повелѣнію помѣщены въ сводѣ основные законы о наслѣдіи русскаго престола и правахъ и преимуществахъ членовъ Императорской фамиліи. Эти законы, всѣмъ извѣстные и изданные въ разныя царствованія (при Павлѣ I, Александрѣ I) и дополненные при Николаѣ I постановленіемъ о правителѣ государства, въ сводѣ законовъ соединены вмѣстѣ.

Государю отвѣчалъ Министръ Юстиціи, Д. В. Дашковъ, признавшій вмѣстѣ съ другими ораторами несомнѣнную и чрезвычайную пользу великаго труда. Авторъ его—М. М.

Digitized by Google

Сперанскій замѣтилъ о неизбѣжныхъ въ немъ недостаткахъ, исправленіе которыхъ должно предоставить времени и опыту.

Затѣмъ государь обратился къ членамъ совѣта съ предложеніемъ высказать свое мнѣніе о силѣ и времени, съ какого сводъ законовъ долженъ начать свое дѣйствіе. При этомъ возникли три предположенія: 1) признать ли статьи „Свода" единственнымъ основаніемъ въ рѣшеніи дѣлъ при условіи, чтобы текстъ законовъ имѣлъ значеніе источника и не примѣнялся къ дѣлу, 2) признать статьи „Свода" дѣйствующимъ закономъ въ тѣхъ только случаяхъ, гдѣ нѣтъ сомнѣній ни о существованіи закона, ни о его смыслѣ. Въ случаѣ же сомнѣнія оно разрѣшается самимъ текстомъ закона. Третье предположеніе совѣта, чтобы текстъ законовъ былъ единственнымъ основаніемъ при рѣшеніи дѣлъ, а статьи „Свода" только вспомогательнымъ средствомъ къ ихъ пріисканію, было оставлено въ виду того соображенія, что тогда Сводъ законовъ не получилъ бы никакого обязательнаго значенія и сравнялся бы съ частнымъ сборникомъ законовъ. Что касается первыхъ двухъ предположеній, то послѣ продолжительныхъ преній государственный совѣтъ остановился на первомъ, хотя въ слѣдующемъ общемъ собраніи (26 января) и возникло въ меньшинствѣ членовъ и въ томъ числѣ у Сперанскаго мнѣніе, что слова въ рѣшеніи совѣта „разослать сводъ во всѣ присутственныя мѣста" нужно понимать въ томъ смыслѣ, что бы разослать его къ руководству вмѣстѣ съ существующими законами. Это сомнѣніе въ значеніи этихъ словъ было разрѣшено самимъ государемъ, который написалъ на подлинномъ журналѣ общаго собранія государственнаго совѣта отъ 26 января, что „сводъ разсылается нынѣ же какъ *положительный законъ*, исключительное дѣйствіе котораго начнется съ 1 января 1835 года". До того же времени дозволялось руководствоваться сводомъ, только въ томъ отношеніи, чтобы выписывать всѣ законы,

Digitized by Google

которые находятся подъ извѣстной статьей „Свода“, въ приговоръ или опредѣленіе судей, но о самой статьѣ Свода въ нихъ не упоминать.

Проэктъ манифеста объ изданіи Свода законовъ по разсмотрѣніи его въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, былъ Высочайше утвержденъ 31 января 1833 г. На значеніе этого акта въ законодательной дѣятельности Верховной власти въ Россіи и ея органа въ государственномъ управленіи—государственнаго совѣта указываютъ слова манифеста: „Симъ (т. е., изданіемъ свода законовъ) исполнились, сказано здѣсь, желанія предковъ нашихъ, въ теченіе 126 лѣтъ почти непрерывно продолжающіяся“ [1]).

31 января текущаго года минуло 70 лѣтъ со времени манифеста объ изданіи полнаго собранія законовъ и ихъ свода. На разстояніи почти трехъ четвертей столѣтія съ опубликованія этого знаменательнаго акта въ дѣятельности государственнаго совѣта возможно дать и правильную оцѣнку этому важному, крупному событію государственной и общественной жизни Россіи въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Полное собраніе законовъ было тогда первой и важнѣйшей попыткой собрать и вмѣстѣ соединить въ одно цѣлое всѣ законы, изданные почти въ теченіе 300 лѣтъ. Въ сводѣ законовъ была систематизирована, распредѣлена по извѣстнымъ, выработаннымъ наукой права, рубрикамъ вся необозримая хаотическая масса законовъ россійской имперіи. Теперь они стали доступными каждому образованному человѣку и каждый могъ знать, а многіе и пользоваться сводомъ законовъ для своихъ потребностей, не прибѣгая къ сомнительной и обыкновенно дорого стоющей комиссіи практиковъ-юристовъ. Только съ изданіемъ свода законовъ оканчивается на Руси московская „волокита“, начинается эпоха

---

[1]) Юбилейное изданіе, 55—59 стр.

Digitized by Google

истиннаго правосудія, является возможность проводить въ жизнь идею законности. Сводъ законовъ измѣнился во многихъ своихъ частяхъ въ послѣдующія царствованія послѣ Николая I. Много было внесено въ него существенныхъ перемѣнъ въ періодъ знаменательныхъ реформъ Александра II— крестьянской, земской, судебной. Продолжалось дополненіе въ разныхъ частяхъ свода законовъ и въ послѣдующія царствованія. Настоящій сводъ законовъ не похожъ по своему содержанію на свой первоначальный образецъ. Но онъ одинаково и теперь, какъ 70 лѣтъ тому назадъ, остается общерусскимъ законодательнымъ кодексомъ, основаніемъ всего дѣйствующаго законодательства, фундаментомъ, на которомъ продолжается дальнѣйшее его развитіе сообразно системѣ, положенной въ основу свода законовъ его авторомъ—графомъ Сперанскимъ.

При изданіи Полнаго Собранія и Свода законовъ государь обратилъ вниманіе на несовершенство нашихъ уголовныхъ законовъ, давно уже невыгодно отражавшееся въ дѣятельности судовъ. Было предположено не ограничиваться частными исправленіями, а составить совершенно новый проэктъ уголовнаго уложенія. Этотъ проэктъ, въ составленіи котораго принимали участіе сначала М. М. Сперанскій, а потомъ Д. В. Дашковъ и Д. Н. Блудовъ, былъ внесенъ въ 1844 г. въ государственный совѣтъ. Въ новомъ проэктѣ уголовнаго уложенія обращалось особенное вниманіе на опредѣленіе существа и относительной тягости каждаго наказанія и несоразмѣрность наказаній, которую предполагалось устранить введеніемъ нѣсколькихъ степеней каждаго наказанія. Новый проэктъ уголовнаго уложенія былъ предварительно разсмотрѣнъ въ особой комиссіи изъ нѣсколькихъ членовъ государственнаго совѣта. Коммиссія разсмотрѣла проэктъ въ 50 засѣданіяхъ, продолжавшихся въ теченіе 11 мѣсяцевъ (съ 26 апрѣля 1844 г. по 26 марта 1845 г.), при-

Digitized by Google

няла главныя основанія проэкта, но сочла нужнымъ сдѣлать въ немъ нѣкоторыя измѣненія. Такъ были уменьшены ею наказанія за преступленія противъ вѣры или—въ состояніи аффекта и въ нетрезвомъ видѣ. Исключены изъ проэкта: смертная казнь за отцеубійство и одиночное заключеніе за преступленія противъ семейныхъ правъ. Наоборотъ увеличены наказанія за преступленія противъ особы Государя и Высочайшихъ особъ, за квалифицированную кражу, поединокъ и другія преступленія. Кромѣ того, нѣкоторыя лица освобождены отъ тѣлеснаго наказанія.

Внесенный комиссіей въ общее собраніе государственнаго совѣта, проэктъ новаго уголовнаго уложенія былъ здѣсь одобренъ, при чемъ предварительно было объявлено Высочайшее повелѣніе объ отмѣнѣ наказанія кнутомъ. 15 августа 1845 г. новое уголовное уложеніе было Высочайше утверждено.

Государственный совѣтъ участвовалъ при Николаѣ I въ обсужденіи мѣръ, которыми государь думалъ улучшить бытъ государственныхъ крестьянъ. Крестьянскій вопросъ былъ однимъ изъ предметовъ постоянныхъ заботъ Николая I во все время его царствованія. Однако, къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ государь приступилъ лишь послѣ того, какъ въ 1834 г. возвратился въ С.-Петербургъ, назначенный членомъ государственнаго совѣта, полномочный предсѣдатель диванов княжествъ Молдавіи и Валахіи, Генералъ-Адъютантъ, потомъ графъ Киселевъ. Поводомъ къ реформѣ въ бытѣ крестьянъ было незадолго введенное въ Дунайскихъ княжествахъ положеніе о крестьянахъ, живущихъ на владѣльческихъ земляхъ. Николай Павловичъ, согласно общей своей консервативной политикѣ, рѣшился заняться только частью крестьянскаго вопроса, не затрагивая самого крѣпостного права помѣщиковъ надъ крестьянами. Именно было предположено устроить сначала бытъ крестьянъ, принадлежащихъ государству.

Digitized by Google

До сихъ поръ ими завѣдывало Министерство Финансовъ, управлявшее ими лишь въ интересахъ казны. Графъ Киселевъ предполагалъ не только лучше обставить государственныхъ крестьянъ въ экономическомъ отношеніи, но также и оградить принадлежащія имъ земли отъ захвата ихъ сосѣдними помѣщиками. Съ этою цѣлью былъ составленъ проэктъ объ образованіи новаго министерства государственныхъ имуществъ, принятый съ нѣсколькими измѣненіями въ общемъ собраніи государственнаго совѣта и утвержденный государемъ въ 1837 году. На это новое министерство, ввѣренное графу Киселеву, и было возложено управленіе государственными крестьянами и ихъ имуществами.

Николай Павловичъ рѣшился вслѣдъ затѣмъ облегчить и положеніе помѣщичьихъ крестьянъ. Весь ходъ этого дѣла внѣ государственнаго совѣта и въ немъ самомъ показываетъ, на сколько въ это время велики были опасенія за возможность смуты въ умахъ и волненій въ русскомъ обществѣ при какихъ-либо рѣшительныхъ мѣрахъ относительно кореннаго рѣшенія крестьянскаго вопроса. Самое разсмотрѣніе проэкта [1]), составленнаго графомъ Киселевымъ, велось въ глубокой тайнѣ особымъ секретнымъ комитетомъ подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта, князя И. В. Васильчикова. Для того, чтобы не возбудить какихъ-либо подозрѣній относительно характера работъ этого комитета, онъ былъ названъ даже „Комитетомъ для уравненія земскихъ повинностей въ западныхъ губерніяхъ“. Въ проэктѣ графа Киселева вполнѣ сохранялась помѣщичья власть надъ крестьянами, какъ полицейская, такъ и судебная. Предоставлялось только крестьянамъ заключать съ ихъ помѣщиками, если послѣдніе пожелали бы вступить съ ними въ соглашеніе, договоры, въ

[1]) Онъ былъ названъ „Запиской о средствахъ къ усиленію дѣйствія закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ“, изданнаго при Александрѣ I (въ 1803 г.).

Digitized by Google

силу которыхъ помѣщиками уступалась крестьянамъ опредѣленная часть ихъ земли въ временное владѣніе подъ условіемъ выполненія крестьянами въ пользу помѣщиковъ извѣстнаго рода повинностей или оброка: это исполненіе повинностей обезпечивалось круговой отвѣтственностью крестьянъ, а также помощью администраціи и власти самыхъ помѣщиковъ. Такого рода помѣщичьимъ крестьянамъ, пріобрѣтавшимъ съ правомъ владѣнія поземельнымъ участкомъ своего помѣщика и личную свободу, присвоивалось названіе „обязанныхъ крестьянъ“. Они могли приносить жалобы на притѣсненія землевладѣльцевъ въ общія судебныя мѣста.

Проэктъ графа Киселева, приравнивавшій помѣщичьихъ „обязанныхъ“ крестьянъ относительно отправленія государственныхъ повинностей съ государственными и на самомъ дѣлѣ оставлявшій первыхъ въ большой зависимости отъ ихъ помѣщиковъ, встрѣтилъ возраженія, прежде всего, среди членовъ самого секретнаго комитета. Князь А. С. Меньшиковъ высказалъ мнѣніе, что „въ крестьянскомъ дѣлѣ ничего не слѣдовало пока предпринимать, а предоставить все времени и силѣ обстоятельствъ“. Но большинство членовъ комитета не раздѣляло такого взгляда князя Меньшикова, не соглашалось и съ графомъ Киселевымъ, чтобы законъ точно опредѣлялъ обязательныя нормы земельныхъ надѣловъ для крестьянъ и ихъ повинностей въ пользу своихъ помѣщиковъ, пожелавшихъ вступить съ ними въ такого рода соглашенія. Проэктъ большинства членовъ секретнаго комитета предоставлялъ большую свободу при заключеніи договора между помѣщиками и крестьянами, но при непремѣнномъ условіи сохраненія полнаго права вотчинной собственности помѣщиковъ на ихъ землю, уступаемую ими крестьянамъ въ пользованіе за извѣстную сумму денегъ или же натуральныя повинности.

Проэктъ секретнаго комитета поступилъ сначала на раз-

Digitized by Google

смотрѣніе соединенныхъ департаментовъ законовъ и государственной экономіи государственнаго совѣта, гдѣ вызвалъ большое разногласіе и даже рѣзкія возраженія. Такъ графъ А. Д. Гурьевъ выступилъ противъ самой мысли образовать особый рядъ помѣщичьихъ крестьянъ подъ названіемъ „обязанныхъ“. Гурьевъ заранѣе предсказывалъ, что одно обнародованіе указа объ этомъ „вселитъ смуту въ умахъ. У крѣпостныхъ людей давно уже имѣется сознаніе, что Царь хочетъ дать свободу, а помѣщики того не желаютъ. Кто, спрашивалъ Гурьевъ, въ силахъ оспаривать несчастную мысль сію, когда она подкрѣпится всѣмъ составомъ проэкта закона“? Пять членовъ [1]) пришли „къ полному убѣжденію въ пользѣ и необходимости издать нынѣ же составленный комитетомъ проэктъ указа“. А одинъ членъ [2]) считалъ нужнымъ упомянуть въ немъ, что на обязанности помѣщиковъ должны лежать исправный взносъ обязанными крестьянами податей и обезпеченіе ихъ продовольствія.

Первоначальное предположеніе ограничиться представленіемъ изъ департаментовъ меморіи по дѣлу, во избѣжаніе огласки о немъ, государю было оставлено, по его желанію. Николай Павловичъ приказалъ внести проэктъ закона объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ въ общее собраніе государственнаго совѣта. Въ него прибылъ самъ государь и произнесъ здѣсь длинную рѣчь, въ которой выяснилъ свои взгляды на дѣло и значеніе предложеннаго совѣту законопроэкта въ настоящемъ состояніи Россіи.

„Крѣпостное право въ нынѣшнемъ его положеніи у насъ, сказалъ государь, есть зло для всѣхъ ощутительное и очевидное, но прикасаться къ нему теперь было бы дѣломъ еще болѣе гибельнымъ“. Указавши на намѣреніе Александра I

---

[1]) Графъ В. В. Левашовъ, Д. Н. Блудовъ, А. С. Лавинскій, графъ Ѳ. П. фонъ-деръ Паленъ и Т. А. Тучковъ.

[2]) Графъ А. Д. Гурьевъ.

Digitized by Google

дать крѣпостнымъ крестьянамъ свободу, отъ котораго онъ потомъ отказался, какъ отъ преждевременной и невозможной, Николай Павловичъ заявилъ, что и онъ не рѣшится на это: „въ настоящую эпоху всякій помыселъ о томъ былъ бы преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и на благо государства. Пугачевскій бунтъ показалъ, до чего можетъ доходить буйство черни".

Выражая такого рода опасенія за общественное спокойствіе въ странѣ въ случаѣ немедленнаго освобожденія крестьянъ, государь не скрываетъ отъ себя, что „теперь мысли уже не тѣ, какія бывали прежде, и всякому благоразумному наблюдателю ясно, что нынѣшнее положеніе не можетъ продолжаться навсегда". Государь находитъ двѣ причины „перемѣны мыслей" по крестьянскому вопросу: это „собственная неосторожность помѣщиковъ, которые даютъ своимъ крѣпостнымъ несвойственное ихъ состоянію высшее воспитаніе, а чрезъ то, развивая въ нихъ новый кругъ понятій, дѣлаютъ ихъ положеніе еще болѣе тягостнымъ. Нѣкоторые же помѣщики злоупотребляютъ своею властью, противъ чего безсиленъ и самый законъ". Государь находитъ одинъ только выходъ изъ такого затруднительнаго положенія: „не должно давать вольности, но должно проложить дорогу къ переходному состоянію и съ нимъ связать охраненіе вотчинной собственности на земли". Средствомъ для достиженія этой цѣли является представленный въ совѣтъ проэктъ закона, уже не новаго, а только развитія закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ устраненіемъ вреднаго его начала—отчужденія отъ помѣщиковъ поземельной собственности. Государь заявляетъ категорически, что „желательно видѣть ее навсегда неприкосновенною въ рукахъ дворянства. Земля—собственность не крестьянъ, которые на ней поселены, а помѣщиковъ. Новый законъ даетъ каждому благонамѣренному владѣльцу способы улучшить положеніе его крестьянъ и, не стѣсняя пра-

Digitized by Google

ва собственности помѣщика, предоставляетъ все доброй волѣ каждаго и влеченію собственнаго его сердца".

Исходя изъ общаго своего убѣжденія, что „все должно идти постепенно и не можетъ и не должно быть сдѣлано разомъ или вдругъ", Николай Павловичъ замѣчаетъ, что новый законъ, одинаково ограждая интересы помѣщиковъ и крестьянъ, „содержитъ въ себѣ одни общія начала и первыя указанія". Практическое примѣненіе закона укажетъ на подробности въ его приложеніи. „Законъ долженъ вмѣщать въ себѣ одни главныя начала; частности разрѣшатся по мѣрѣ частныхъ случаевъ".

Въ заключеніе своей рѣчи государь предложилъ членамъ совѣта откровенно высказать свои мнѣнія по поводу проэкта новаго закона, и высказалъ по адресу членовъ совѣта упрекъ въ разглашеніи всего дѣла, которое вызвало „преувеличенную о немъ народную молву".

Въ преніяхъ по вопросу объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ посредствомъ новаго закона о договорахъ между помѣщиками и крестьянами объ отдачѣ имъ въ пользованіе участковъ помѣщичьей земли княземъ Голицынымъ было предложено въ виду дѣйствительнаго примѣненія новаго закона ограниченіе власти помѣщика инвентарями. Но государь не согласился на такое стѣсненіе доброй воли помѣщиковъ. Послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній относительно текста закона онъ былъ принятъ въ государственномъ совѣтѣ и 2 апрѣля 1842 г. утвержденъ государемъ не безъ опасенія за возможность „всякихъ превратныхъ о нихъ толковъ" и даже „волненій" [1]).

Изъ многочисленныхъ дѣлъ, бывшихъ на разсмотрѣніи государственнаго совѣта въ царствованіе Николая I, обращаетъ на себя вниманіе вопросъ о новомъ уставѣ учебныхъ

[1]) Юбилейное изданіе матеріаловъ, 60—68 стр.

Digitized by Google

заведеній четырехъ учебныхъ округовъ, обсуждавшихся въ совѣтѣ въ ноябрѣ 1828 г. По проэкту устава были значительно повышены оклады содержанія учебнаго персонала. Совѣтъ принялъ этотъ проэктъ, но противъ общаго мнѣнія совѣта возражалъ Министръ Финансовъ, графъ Е. Ф. Канкринъ, который находилъ, „что едва ли было бы прилично утвердить новые оклады для учителей, какъ превышающіе даже жалованье совѣтниковъ правленій и равняющіеся содержанію предсѣдателей палатъ". Императоръ Николай, утвердивъ рѣшеніе большинства, прибавилъ по поводу особаго мнѣнія Министра Финансовъ замѣчательныя слова: „если актрисамъ и танцовщицамъ даются по контрактамъ оклады выше самихъ г.г. министровъ и симъ никто не обижается, то тѣмъ менѣе вижу причинъ отказывать въ семъ единомъ способѣ пріобрѣтать людей полезныхъ для образованія юношества" [1]).

Дѣятельность государственнаго совѣта въ царствованіе Николая I разширилась тѣмъ, что ему было поручено разсматривать смѣты всѣхъ министерствъ и главныхъ управленій. Съ начала пятидесятыхъ годовъ ежегодныя смѣты расходовъ обсуждались въ департаментѣ государственной экономіи. Съ 1854 г. этотъ порядокъ возведенъ въ постоянное правило, при чемъ департаментъ государственной экономіи обязанъ былъ заключать разсмотрѣніе смѣтъ въ первыхъ числахъ декабря. Было предоставлено совѣту и право контроля за исполненіемъ своихъ рѣшеній. Такъ въ 1853 г. 22 августа послѣдовали два Высочайшихъ повелѣнія, изъ которыхъ однимъ предписывалось министрамъ и главно-управляющимъ отдѣльными частями государственнаго управленія въ тѣхъ случаяхъ, когда въ силу рѣшенія совѣта они должны сдѣлать распоряженія о приведеніи ихъ въ исполненіе, или же—

[1]) Ibidem, 81 стр.

Digitized by Google

вступить въ сношеніе съ учрежденіями по поводу какого либо вопроса, сообщать государственному секретарю о сдѣланныхъ ими распоряженіяхъ. Во второмъ Высочайшемъ повелѣніи была объявлена воля государя, чтобы въ совѣтъ были представляемы своевременно министрами и главноуправляющими объясненія въ случаяхъ, когда въ рѣшеніяхъ совѣта указаны сроки для представленія ему какихъ либо соображеній и мнѣній, а о тѣхъ и другихъ совѣту не доложено.

Всѣми этими распоряженіями государственному совѣту придавалась, повидимому, извѣстнаго рода самостоятельность въ государственномъ управленіи. Можно думать, что на этотъ разъ былъ сдѣланъ шагъ, согласно заключенію комитета 6 декабря 1826 г., къ контролю надъ министрами, по крайней мѣрѣ, въ финансовой сторонѣ ихъ дѣятельности. Но въ тоже время въ дѣятельности совѣта при Николаѣ I есть факты, которые указываютъ скорѣе на умаленіе его правительственнаго авторитета, паденіе его значенія въ качествѣ перваго въ имперіи законодательнаго установленія, за которымъ оставлено учрежденіемъ 1842 г. названіе совѣта сословіемъ, но только не съ характеромъ публичнаго установленія. Не разъ совѣту дѣлались Высочайшія замѣчанія и выговоры по поводу того, что члены его нарушили „государственную тайну“ по тѣмъ или другимъ вопросамъ, обсуждаемыхъ въ совѣтѣ и возбуждавшихъ вниманіе и общества. Такъ при обсужденіи въ совѣтѣ крестьянскаго вопроса Николай Павловичъ поставилъ на видъ совѣту неумѣстность разглашенія его членами дѣла, по которому они должны хранить „государственную тайну“. Членамъ совѣта дано было предостереженіе, что на будущій разъ виновные будутъ судимы за подобные проступки „по строгости законовъ, какъ за государственное преступленіе“ [1]). Члены совѣта могли

[1]) Юбилейное изданіе, 66 стр.

Digitized by Google

быть на этотъ разъ и не виноваты въ „публичной“, естественно „преувеличенной народной молвѣ“ о дѣлѣ, которымъ лучшіе люди начала XIX вѣка интересовались вслѣдствіе самого его характера и знакомства многихъ въ прошлое царствованіе съ западно-европейскими освободительными идеями и новыми общественными порядками. Предостереженіе, данное совѣту по этому вопросу, было отголоскомъ общаго направленія внутренней политики въ Россіи въ царствованіе Николая I, отличавшееся глубоко консервативнымъ характеромъ.

Тѣмъ же объстоятельствомъ отчасти объясняется рескриптъ государя предсѣдателю государственнаго совѣта, графу В. П. Кочубею по рѣшенному въ 1831 г. дѣлу о возвышеніи въ росписи на 1832 г. нѣкоторыхъ казенныхъ сборовъ, въ томъ числѣ и таможенныхъ сборовъ на разные товары, съ временною прибавкою на всѣ вообще привозные товары 12½%. Рескриптъ графу Кочубею указываетъ на „неосмотрительность и недостатокъ вниманія“ къ дѣлу со стороны членовъ совѣта, которые допустили важную ошибку—обратное дѣйствіе закона по данному предмету. Предписывая совѣту исправить эту существенную ошибку, рескриптъ хвалитъ „благородную откровенность“ участвовавшихъ въ обсужденіи дѣла лицъ, которыя признали, что они „несовершенно вникнули въ смыслъ постановленія“. Въ заключеніе въ рескриптѣ высказывается увѣренность, что „впредь никогда уже не будетъ поставленъ на видъ государственному совѣту недостатокъ вниманія въ какомъ бы то ни было дѣлѣ“. Однако, скоро снова представился случай, когда понадобилось напомнить совѣту о поверхности и неосмотрительности въ его сужденіяхъ. Въ 1837 г. въ совѣтѣ разсматривалось дѣло о привиллегіи на учрежденіе общества пароходства по рѣкамъ Волгѣ, Окѣ и Шекснѣ полковникомъ Шиповымъ. Нѣшено было удовлетворить его просьбу, но членъ совѣта,

Digitized by Google

князь К. Ф. Друцкой-Любецкій указалъ на вредъ даваемой Шипову монополіи относительно учрежденія пароходства на важнѣйшихъ русскихъ рѣкахъ и требовалъ новаго пересмотра всего дѣла, поверхностно разсмотрѣннаго въ совѣтѣ. Меморія по дѣлу возвратилась въ совѣтъ съ внушительнымъ, строгимъ выговоромъ ему за „неизвинительную легкость“ въ обсужденіи всего вопроса, отъ котораго „зависитъ благоденствіе милліоповъ“. Предсѣдателю совѣта было предписано „строго впредь смотрѣть, чтобы дѣла обсуждались, а не пропускались“, чтобы самое обсужденіе дѣла производилось „съ крайней и должной осторожностью“ [1]). Съ еще большею суровостью Императоръ относился къ какимъ либо ошибкамъ, допущеннымъ чинами государственной канцеляріи. Авторъ юбилейнаго изданія сообщаетъ случай, когда въ меморіи, представленной государю по дѣлу объ учрежденіи мѣстныхъ управленій государственными имуществами, было замѣчено по адресу чиновъ государственной канцеляріи: „много описокъ: того, кто повѣрялъ столь небрежно, посадить на сутки на гауптвахту“ [2]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ совѣту высказывались государемъ благодарность и признательность за его дѣятельность. Такъ было въ 1827 г, когда послѣ тревожныхъ событій въ началѣ царствованія Николая I, государь благодарилъ членовъ совѣта за „ревностное исполненіе своего долга“ и выражалъ надежду, что совѣтъ поможетъ ему „въ предначертаніи необходимыхъ въ государствѣ исправленій“. Позже государственный совѣтъ также не разъ удостоивался выраженій благодарности государя за его труды. Но рядомъ съ ними слѣдовали замѣчанія и выговоры по поводу неосмотрительности и небрежности, обнаруживавшихся въ разныхъ случаяхъ. Нельзя, конечно, оспаривать всей справедливости

---

[1]) Юбилейное изданіе, 78=80 стр.

[2]) Ibidem, 83 стр.

Digitized by Google

такихъ строгихъ внушеній совѣту при несомнѣнныхъ промахахъ въ рѣшеніи имъ дѣлъ. Но тотъ фактъ, что государственному совѣту, законодательному учрежденію, занимавшему въ управленіи первое мѣсто, дѣлались государемъ такого рода личныя замѣчанія, внушенія и выговоры, показываетъ, что положеніе совѣта въ царствованіе Николая I не соотвѣтствовало его назначенію въ государствѣ. Оно напоминаетъ собою роль государственнаго совѣта въ послѣдніе годы царствованія Александра I, когда совѣту тоже дѣлались государемъ замѣчанія и выговоры за „неопредѣлительныя и постороннія мысли и потерю чувства приличія“. При Александрѣ I такое необычное отношеніе государя къ совѣту можно было приписать преобладанію въ управленіи Аракчеева. Теперь во всемъ немъ видна воля самого Николая Павловича, далекаго отъ возвращенія къ реформаторскимъ планамъ царствованія своего брата, продолженію ихъ въ устройствѣ учрежденій. Поэтому государственный совѣтъ былъ въ царствованіе Николая I скорѣе частнымъ кабинетомъ государя, гдѣ рѣшались, сообразно его желанію, правительственныя дѣла, чѣмъ публичнымъ установленіемъ, предназначеннымъ для самостоятельнаго рѣшенія важнѣйшихъ государственныхъ, законодательныхъ дѣлъ. Въ юбилейномъ изданіи есть характерное указаніе на фактъ, иллюстрирующій такое отсутствіе самостоятельности въ рѣшеніяхъ совѣта даже по важнѣйшимъ вопросамъ управленія. Когда въ 1838—1839 г.г. Министръ Финансовъ, графъ Канкринъ внесъ въ совѣтъ проэктъ о фиксаціи курса ассигнацій съ послѣдующими мѣрами, направленными къ измѣненію денежной системы въ Россіи, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи обнаружились большія разногласія по вопросу. Самъ графъ Канкринъ представилъ государю вмѣстѣ съ меморіей совѣта особую записку съ цѣлью примиренія разногласія въ средѣ членовъ совѣта. Николай Павловичъ согласился съ министромъ

Digitized by Google

финансовъ, но вслѣдствіе особаго ходатайства предсѣдателя совѣта, князя Васильчикова приказалъ вновь разсмотрѣть дѣло въ общемъ собраніи государственнаго совѣта. Онъ собрался, не смотря на наступленіе вакантнаго времени, въ полномъ составѣ и противъ предложенія графа Канкрина намѣревались выступить нѣкоторые члены совѣта съ вѣскими возраженіями. Но въ началѣ засѣданія князь Васильчиковъ получилъ собственноручную записку государя, въ которой онъ выражалъ желаніе, чтобы совѣтъ принялъ мнѣніе министра финансовъ. Когда записка была прочтена въ засѣданіи совѣта, члены его нашли, что въ ней уже выражена воля государя, которая требуетъ теперь лишь исполненія. Поэтому вопросъ не обсуждался въ совѣтѣ [1]).

Седьмая глава.

Государственный Совѣтъ въ царствованіе Александра II.

Царствованіе Императора Александра II ознаменовалось въ исторіи Россіи XIX столѣтія цѣлымъ рядомъ реформъ въ общественномъ устройствѣ и государственномъ управленіи, оставившихъ слѣдъ въ жизни русскаго общества до настоящаго времени. Александръ Павловичъ рѣшительно вступилъ на путь реформъ, необходимость которыхъ вызывалась всѣмъ тяжелымъ, безотраднымъ состояніемъ русскаго общественнаго быта въ половинѣ прошлаго столѣтія. Теперь нельзя было безъ явнаго вреда всему государству слѣдовать политикѣ только „упорядоченія существующаго, подготовки общественнаго мнѣнія къ нововведеніямъ въ будущемъ при сохраненіи во всемъ стараго порядка. Обдумывать медленно возможныя перемѣны въ тиши секретныхъ коми-

[1]) Юбилейное изданіе, 83—84 стр.

Digitized by Google

тетовъ изъ боязни огласки“ [1]) было уже немыслимо въ то время, когда въ обществѣ назрѣла „общая потребность обновленія“ въ всѣхъ частяхъ общественной и государственной жизни. Нужны были немедленныя и коренныя реформы въ русскомъ сословномъ строѣ общественныхъ отношеній, мѣстномъ управленіи, организаціи суда, въ народномъ и государственномъ хозяйствѣ, печати, области народнаго просвѣщенія и другихъ сторонахъ общественной жизни. Императоръ Александръ II самъ хорошо сознавалъ и необходимость и неотложность реформъ и, прежде всего, крестьянской реформы. Въ рѣчи, произнесенной 28 января 1861 г., въ засѣданіи государственнаго совѣта, государь заявилъ рѣшительно, что „дѣло объ освобожденіи крестьянъ жизненный для Россіи вопросъ, отъ котораго будетъ зависѣть развитіе ея силы и могущества; откладывать этого дѣла нельзя, всякое дальнѣйшее промедленіе можетъ быть пагубно для государства, крѣпостное право не можетъ вѣчно продолжаться и что поэтому лучше, чтобы преобразованіе это совершилось сверху, чѣмъ снизу. [2])“

Въ неразрывной связи съ крѣпостной реформой находилась реформа мѣстнаго управленія, реорганизація суда и многихъ другихъ общественныхъ учрежденій. Освобожденіе милліоновъ крѣпостныхъ крестьянъ изъ подъ зависимости отъ ихъ помѣщиковъ измѣняло въ корнѣ всѣ общественныя отношенія, создавало большую массу новыхъ, свободныхъ гражданъ въ русскомъ государствѣ, нуждающихся въ общихъ съ остальными сословіями условіяхъ хозяйственной жизни, обезпеченіи личности и плодовъ своего свободнаго труда. Всѣ эти реформы, послѣдовавшія въ царствованіе Александра II, одна за другой, требовали особенно энергичнаго ему содѣйствія со стороны высшаго въ государствѣ, законодательнаго учрежденія, государственнаго совѣта. Самъ Царь Освободитель

[1]—[2]) Ibidem, 88, 94 и 96 стр.

Digitized by Google

съ первыхъ же шаговъ своей реформаторской дѣятельности, призвалъ совѣтъ, въ помощь себѣ, назвалъ его въ первомъ же своемъ обращеніи къ его членамъ въ день своего восшествія на престолъ „высшимъ въ государствѣ сословіемъ, которое должно подавать собою примѣръ всего благороднаго, полезнаго и честнаго". Государь высказалъ увѣренность, что „иныхъ дѣйствій онъ и не ожидаетъ отъ этого высшаго учрежденія". [1]) Государственный совѣтъ вполнѣ оправдалъ возлагаемыя на него царемъ надежды, явился достойнымъ своего высшаго положенія въ государственномъ управленіи и, раздѣляя высоко гуманныя убѣжденія Александра Николаевича, выражалъ свои мнѣнія прямо, откровенно и свободно, не стѣсняясь возникавшимъ нерѣдко разногласіемъ со взглядами государя. Самъ онъ относился къ государственному совѣту съ совершеннымъ довѣріемъ, видѣлъ въ немъ необходимаго и полезнаго помощника въ задуманныхъ широкихъ реформахъ, предназначенныхъ къ обновленію всей русской жизни въ духѣ западно-европейскихъ культурныхъ началъ. Многіе изъ членовъ совѣта и его предсѣдателей, особенно же Великій Князь Константинъ Николаевичъ горячо принялись за проэктированныя реформы, всестороннее обсужденіе ихъ въ совѣтѣ, подготовку къ нему внѣ совѣта въ качествѣ членовъ разныхъ комитетовъ. В. К. Константинъ Николаевичъ, бывшій предсѣдателемъ государственнаго совѣта около 16 лѣтъ, былъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей въ русской государственной жизни 60—70-хъ годовъ. Авторъ юбилейнаго изданія отмѣчаетъ особенное умѣнье Великаго Князя привлекать выдающихся государственныхъ дѣятелей въ среду государственнаго совѣта и государственной канцеляріи. Великій Князь ревностно охраняетъ достоинство совѣта и заботится объ упроченіи его авторитета и значенія. Въ Архивѣ государ-

[1]) Ibidem, 89—90 стр.

Digitized by Google

ственнаго совѣта хранятся данныя о плодотворной дѣятельности въ государственномъ совѣтѣ также предсѣдателей департамента государственной экономіи, К. В. Чевкина и А. А. Абазы. Первый, по словамъ журнала засѣданія департамента по случаю его кончины (8 ноября 1875 г.), ближайшимъ образомъ участвовалъ въ обсужденіи важнѣйшихъ преобразованій послѣдняго двадцатипятилѣтія, горячо сострадалъ народнымъ нуждамъ и съ непоколебимымъ рвеніемъ относился къ мѣрамъ, имѣвшимъ цѣлью возвышеніе нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія народа. Совѣтъ еще точнѣе характеризуетъ дѣятельность своего почившаго члена, когда упоминаетъ о томъ, какъ много Чевкинъ содѣйствовалъ установленію истиннаго основанія государственныхъ финансовъ—равновѣсія между государственными доходами и расходами. [1]) Скончавшемуся въ 1895 г. А. П. Абазѣ. [2]) государственный совѣтъ вмѣнялъ въ большую заслугу „дѣятельное и просвѣщенное участіе въ разрѣшеніи и проведеніи въ жизнь всѣхъ главнѣйшихъ мѣропріятій, направленыхъ къ развитію экономическихъ силъ государства, благоустроенію его финансовъ.“ По словамъ журнала засѣданія совѣта (26 янв. 1895 г.) „съ именемъ А. А. Абазы неразрывна связана исторія отечественныхъ финансовъ за послѣднее 25-лѣтіе“, изъ которыхъ болѣе 10 лѣтъ падаетъ на царствованіе Александра II.

Въ рядахъ членовъ государственнаго совѣта при Александрѣ II находится много именъ, также неразрывно связанныхъ съ разными при немъ реформами и дѣятельностью въ разныхъ отрасляхъ государственнаго управленія. Таковы были: Я. И. Ростовцевъ, баронъ Н. И. Корфъ, князь А. М. Горчаковъ, Е. П. Ковалевскій, графъ Н. Н.

---

[1]) и [3]) Юбелейное изданіе, 132—133 стр.

[2]) А. А. Абаза былъ Предсѣдателемъ Департамента Государственной Экономіи въ царствованіе Александра III и продолжалъ оставаться имъ и при Николаѣ II до самой своей смерти. (Ibidem).

Digitized by Google

Муравьевъ-Амурскій, князь И. И. Васильчиковъ, графъ Д. А. Милютинъ, А. В. Головнинъ, графъ М. Х. Рейтернъ, Д. Н. Замятнинъ, графъ К. И. Паленъ, графъ И. Д. Деляновъ, графъ Лорисъ-Меликовъ, Д. Н. Набоковъ. Въ числѣ государственныхъ секретарей при Александрѣ II состояли: В. П. Бутковъ, князь С. Н. Урусовъ, Д. М. Сольскій, Е. А. Перетцъ и др. [1]).

Таковъ былъ блестящій составъ государственнаго совѣта въ царствованіе Александра II, когда были сдѣланы важныя дополненія къ учрежденію совѣта, которыя касались, главнымъ образомъ, болѣе точнаго опредѣленія его компетентности въ качествѣ законодательнаго учрежденія и порядка движенія дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ. Изъ числа его департаментовъ перестали въ началѣ царствованія Александра II функціонировать департаментъ военныхъ дѣлъ. Въ 1854 г. было послѣднее засѣданіе этого департамента, въ которомъ было разсмотрѣно только одно дѣло. Съ тѣхъ поръ въ него не поступало никакихъ дѣлъ и послѣ увольненія въ отпускъ послѣдняго предсѣдателя военнаго департамента, князя И. Л. Шаховскаго, въ него не назначалось въ царствованіе Александра II ни предсѣдателей, ни членовъ. 1 января 1862 г. былъ закрытъ департаментъ дѣлъ Царства Польскаго вмѣстѣ съ возстановленіемъ государственнаго совѣта Царства Польскаго, на который и возложено разсмотрѣніе проэктовъ новыхъ законовъ и уставовъ, годовой росписи доходовъ и расходовъ Царства и отчетовъ главноначальствующимъ разными частями управленія въ Царствѣ [2]). Въ самое учрежденіе русскаго государственнаго совѣта было внесено чрезвычайно важное и существенное измѣненіе, которое касалось права министровъ самостоятельно вносить въ государственный совѣтъ свои предположенія объ

[1]—[2]) Ibidem, 133—136 и 125—126 стр.

Digitized by Google

измѣненіи существующихъ и изданіи новыхъ законовъ. Поводомъ къ разрѣшенію этого вопроса послужило, сдѣланное въ совѣтѣ, представленіе министра внутреннихъ дѣлъ, С. С. Ланского объ отмѣнѣ сроковъ дозволеннаго русскимъ подданнымъ пребыванія за границей. Большинство членовъ совѣта высказалось за отмѣну такихъ сроковъ, меньшинство же полагало установить этотъ срокъ въ пять лѣтъ. Государь согласился съ меньшинствомъ, но на меморіи общаго собранія по этому дѣлу замѣтилъ, что „министру внутреннихъ дѣлъ не слѣдовало входить съ подобнымъ представленіемъ объ отмѣнѣ дѣйствующаго закона прямо въ государственный совѣтъ, не испросивъ предварительно на то Моего разрѣшенія, что принять впредь къ руководству по всѣмъ министерствамъ и главнымъ управленіямъ. *Совѣтъ не предлагаетъ, а долженъ разсматривать проэкты новыхъ законовъ, которые, по Моему приказанію, представляются на разсмотрѣніе* [1]).

Предсѣдатель государственнаго совѣта, князь А. Ѳ. Орловъ доложилъ Государю, что „по существу дѣйствовавшихъ до нынѣ постановленій министры и главноуправляющіе отдѣльными частями имѣли право входить съ представленіями въ государственный совѣтъ объ отмѣнѣ закона, не испрашивая на то предварительно разрѣшенія Государя“. Князь Орловъ указываетъ на то, что Высочайшая резолюція по этому предмету „измѣняетъ дѣйствующія статьи свода законовъ“. Докладывая Государю, что въ государственномъ совѣтѣ уже принято къ исполненію распоряженіе Александра II „не предлагать, но только разсматривать новые законы“, князь Орловъ представилъ вмѣстѣ съ тѣмъ проэктъ циркулярнаго отношенія по этому предмету государственнаго секретаря ко всѣмъ министрамъ и главно-

---

[1]) Юбилейное изданіе, 121 - 122 стр. Курсивъ нашъ.

Digitized by Google

управляющимъ. Государь написалъ на запискѣ князя Орлова: „хотя по существующимъ правиламъ министръ внутреннихъ дѣлъ и имѣлъ право войти съ своимъ представленіемъ прямо въ совѣтъ, но такъ какъ въ дѣлѣ семъ заключается не одинъ только законодательный вопросъ, но и политическій, то ему ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало вносить оный на обсужденіе совѣта, не испросивъ предварительно Моего разрѣшенія, что я ему и замѣтилъ при личномъ докладѣ. Вновь предполагаемый порядокъ будетъ во всѣхъ отношеніяхъ правильнѣе и осторожнѣе, въ особенности при теперешнемъ настроеніи умовъ“ [1]).

Все это дѣло чрезвычайно важно для сужденія о правахъ государственнаго совѣта, какъ законодательнаго учрежденія въ русской имперіи въ первую половину его вѣковой дѣятельности, при Александрѣ I и Николаѣ I. Въ сводъ законовъ 1833 г. взошли дѣйствующія законоположенія, къ числу которыхъ мы должны отнести, согласно заявленію князя Орлова, и право не только министровъ—членовъ государственнаго совѣта, но и всѣхъ остальныхъ его членовъ предлагать законы *прямо* на обсужденіе совѣта. Этимъ же правомъ пользовались до 1857 г., по словамъ Орлова, главноуправляющіе отдѣльными частями государственнаго управленія. Положимъ, въ самомъ учрежденіи государственнаго совѣта 1842 г., которое взошло въ сводъ законовъ цѣликомъ, нѣтъ прямыхъ и точныхъ указаній на такого рода важныя законодательныя права министровъ и, равныхъ имъ по власти, главноуправляющихъ отдѣльными частями управленія. Подобное право развилось очевидно изъ того общаго характера Учрежденія 1842 г., въ силу котораго совѣтъ былъ лишенъ права контроля надъ дѣятельностью министровъ и власть ихъ могла развиваться безпрепятствен-

[1]) Ibidem, 123 стр.

Digitized by Google

но, въ особенности въ виду расширенія административной компетентности совѣта въ ущербъ коренному его законодательному значенію. Едва ли только министры могли воспользоваться своею большою самостоятельностью и независимостью въ совѣтѣ для присвоенія себѣ права законодательнаго почина въ царствованіе Николая I, который не допускалъ никакого умаленія правъ монархической власти. Мы видѣли, въ какомъ подчиненіи волѣ Николая Павловича находился государственный совѣтъ во все его царствованіе. Въ началѣ же царствованія его преемника, отличавшагося свободолюбивыми стремленіями, возможны были случаи указаннаго рода. На самый образъ дѣйствій, какъ на обычный въ первые годы царствованія Александра II, указываетъ и самъ государь въ своемъ послѣднемъ замѣчаніи, когда онъ говорилъ, что „по существующимъ правиламъ министръ внутреннихъ дѣлъ имѣлъ право войти съ своимъ представленіемъ въ совѣтъ“. Государь находилъ, что это право относится къ законодательнымъ вопросамъ. Значитъ, за министрами признавалось право законодательной иниціативы, о которомъ не мечтали даже члены государственнаго совѣта по образованію 1810 г., а тѣмъ болѣе учрежденію 1842 г. Простой случай заставилъ Александра Николаевича обратить вниманіе на неправильное, несоотвѣтствующее духу всего монархическаго строя русскаго государства, пониманіе министрами своего участія въ законодательной власти. Государственному совѣту указано на его только совѣщательное значеніе, въ которомъ не можетъ соединяться право законодательной иниціативы, принадлежащее въ Россіи одному государю. Поэтому Александръ II и замѣчаетъ категорически, что „Совѣтъ не предлагаетъ, а только разсматриваетъ проэкты новыхъ законовъ“, которые представляются въ совѣтъ по волѣ государя.

Законодательное значеніе совѣта усилилось съ судебной

Digitized by Google

реформой, въ основаніе которой легло отдѣленіе судебной власти отъ административной и законодательной. Поэтому судебныя дѣла не стали поступать въ государственный совѣтъ, какъ высшую судебную инстанцію. Самъ совѣтъ старался отстранять отъ себя судебныя дѣла, хотя, повидимому, они не переставали переходить изъ сената въ совѣтъ даже послѣ судебной реформы. Въ 1869 г. въ немъ состоялось, утвержденное государемъ, мнѣніе, чтобы министръ юстиціи непосредственно подносилъ на утвержденіе государя опредѣленія сената по нѣкоторымъ дѣламъ, до этихъ поръ поступавшимъ изъ него въ совѣтъ. Поэтому, начиная съ 1870 г., всѣ уголовныя дѣла, а также дѣла, рѣшенныя единогласно, не доходили до совѣта; ему, значитъ, оставались теперь только рѣшенія по судебнымъ дѣламъ, относительно которыхъ произошло въ сенатѣ разногласіе.—Коренное преобразованіе нашей смѣтной системы въ 1862 г. отозвалось на расширеніи финансовой дѣятельности государственнаго совѣта. При новомъ порядкѣ составленія и утвержденія государственныхъ смѣтъ въ Департаментѣ Государственной Экономіи совѣтъ постоянно долженъ былъ заниматься разсмотрѣніемъ смѣтъ, составленныхъ всѣми вѣдомствами. Такъ государственный совѣтъ сдѣлался высшимъ учрежденіемъ по вопросамъ государственнаго хозяйства. Совѣту же, какъ высшему органу контроля за ходомъ всего государственнаго управленія, поручено разсматривать ежегодные отчеты министровъ и главноуправляющихъ и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ учрежденій. Для этой цѣли образовывались въ составѣ совѣта изъ его членовъ особыя комиссіи. Членамъ государственнаго совѣта было предоставлено наравнѣ съ лицами свиты Его Величества и Статсъ-секретарями право являться прямо къ государю, не испрашивая предварительно на это разрѣшенія, при полученіи особыхъ назначеній или наградъ, также при отъѣздѣ и возвращеніи; это личное право членовъ совѣта возвышало ихъ значеніе въ ряду

Digitized by Google

высшихъ сановниковъ государства. Порядокъ движенія дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ былъ измѣненъ въ царствованіе Александра II введеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ правилъ. Такъ было предписано, чтобы тѣ дѣла, которыя требуютъ предварительнаго соображенія разныхъ вѣдомствъ, вносились министромъ въ государственный совѣтъ съ отзывами отъ этихъ вѣдомствъ и съ окончательными заключеніями. На основаніи этихъ отзывовъ министра, очевидно съ тою же цѣлью полноты содержанія дѣлъ и безпрепятственнаго, скораго ихъ разсмотрѣнія въ совѣтѣ, было установлено, чтобы министры и главноуправляющіе входили къ государю съ докладами о назначеніи срока для обсужденія въ совѣтѣ представленныхъ туда ими дѣлъ только послѣ предварительнаго соглашенія съ предсѣдателемъ государственнаго совѣта. Отъ обычнаго порядка представленія на Высочайшее утвержденіе рѣшеній совѣта въ меморіяхъ сдѣлано нѣкоторое отступленіе. Въ особыхъ обстоятельствахъ, когда представлялось необходимымъ испросить Высочайшее повелѣніе въ другомъ порядкѣ, значитъ, допускалось представленіе подлиннаго протокола засѣданія совѣта по дѣлу государю. Только и на этотъ разъ требовалось также предварительное соглашеніе съ предсѣдателемъ совѣта министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями, которымъ предоставлялось дѣлать доклады государю [1]).

Въ первой и капитальной реформѣ Александра II-го— крестьянской государственный совѣтъ принималъ съ начала до конца самое дѣятельное участіе. Въ 1856 г. подъ предсѣдательствомъ государя былъ образованъ „Негласный комитетъ“ изъ нѣкоторыхъ членовъ государственнаго совѣта и министровъ. Производство дѣлъ въ этомъ комитетѣ было возложено на государственнаго секретаря В. П. Буткова и

[1]) Юбилейное изданіе, 124—125 стр.

Digitized by Google

чиновъ государственной канцеляріи, которые все время работали надъ крестьянской реформой и впослѣдствіи. „Негласный комитетъ“ въ 1858 г. былъ переименованъ въ Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи. Въ этотъ комитетъ былъ назначенъ сначала членомъ, а съ 1860 г. предсѣдателемъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Въ „Негласномъ комитетѣ“ разсматривался вопросъ объ освобожденіи, хотя бы безъ земли, крѣпостныхъ крестьянъ въ трехъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ по желанію дворянъ этихъ губерній, выраженному въ ихъ адресѣ на Высочайшее имя. Результатомъ обсужденія въ „Негласномъ комитетѣ“ этого адреса былъ Высочайшій рескриптъ на имя Виленскаго генералъ-губернатора, Назимова. Рескриптомъ было разрѣшено дворянству этихъ губерній приступить къ составленію проэктовъ предполагаемой реформы въ крестьянскомъ быту Ковенской, Виленской и Гродненской губерній. Въ послѣднихъ были открыты особые комитеты, для дѣятельности которыхъ рескриптъ далъ общія правила. Согласно рѣшенію „Негласнаго комитета“, копія съ рескрипта Назимову была препровождена Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ губернаторамъ и предводителямъ дворянства „для свѣдѣнія и соображенія“ въ случаѣ, если бы въ другихъ губерніяхъ дворянство задумало поступить по примѣру дворянства сѣверо западныхъ губерній. Одно за другими отозвались сначала дворянство столичныхъ губерній и нижегородское, а потомъ и другія. Во всѣхъ губерніяхъ учреждены губернскіе комитеты, программу дѣятельности которыя выработалъ Главный Комитетъ.

Для составленія систематическихъ сводовъ его всѣхъ проэктовъ, составленныхъ въ губернскихъ комитетахъ, и проэкта общаго положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, были учреждены особыя „Редакціонныя

Digitized by Google

комиссіи". Предсѣдателемъ ихъ былъ назначенъ членъ Государственнаго Совѣта и предсѣдатель „Главнаго комитета", Я. И. Ростовцевъ, котораго авторъ юбилейнаго изданія справедливо называетъ „душой крестьянскаго дѣла". Но Ростовцеву недолго пришлось стоять въ его главѣ. Въ началѣ февраля 1860 г. онъ скончался, оставивши записки, гдѣ были изложены его взгляды на крестьянскую реформу. Послѣ него предсѣдателемъ „Редакціонныхъ коммиссій" былъ назначенъ графъ В. Н. Панинъ. Въ 1859 г. всѣ проэкты положеній, выработанныхъ въ губернскихъ комитетахъ, поступили сначала въ редакціонныя коммиссіи, а оттуда въ Главный комитетъ, который посвятилъ обсужденію ихъ болѣе 40 засѣданій. Изъ Главнаго же комитета весь огромный матеріалъ по крестьянской реформѣ былъ внесенъ прямо въ общее собраніе государственнаго совѣта, гдѣ разсматривался въ 17 засѣданіяхъ, съ 28 января по 17 февраля 1861 г., вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ. Въ трехъ дополнительныхъ засѣданіяхъ (въ февралѣ и мартѣ) обсуждалось въ общемъ собраніи совѣта устройство быта фабричныхъ, горнозаводскихъ и иныхъ разрядовъ сельскихъ обывателей.

Въ первомъ, торжественномъ засѣданіи государственнаго совѣта, въ которомъ присутствовали всѣ наличные его члены и министры, государь произнесъ знаменательную рѣчь, гдѣ высказалъ свой взглядъ на необходимость и неотложность крестьянской реформы и изложилъ вкратцѣ историческій ходъ всего дѣла, начиная съ царствованія Павла I. Государь заявилъ рѣшительно о своей неизмѣнной волѣ довести до конца дѣло объ освобожденіи крестьянъ, съ которымъ связаны важнѣйшіе интересы всего русскаго народа и государства. Упомянувъ о довѣріи крестьянскаго крѣпостнаго населенія къ дѣятельности его правительства и спокойномъ ожиданіи имъ мѣръ, направленныхъ къ освобожденію отъ помѣ-

Digitized by Google

щиковъ, государь замѣтилъ, что дворяне, матеріальныхъ интересовъ которыхъ оно такъ близко касается, сами вызвались начать все это дѣло. Освобожденіе крестьянъ не можетъ совершиться безъ нѣкоторыхъ пожертвованій со стороны помѣщиковъ. Государственный совѣтъ долженъ былъ сдѣлать все, что нужно для огражденія выгодъ помѣщиковъ. Но въ то же время „основаніемъ всего дѣла должно быть улучшеніе быта крестьянъ не на словахъ только и не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ". Александръ Николаевичъ указалъ на попытки своихъ предшественниковъ, чувствовавшихъ все зло крѣпостнаго права, если не прямо его уничтожить, то по крайне мѣрѣ ограничить произволъ помѣщичьей власти. Однако, изданный Николаемъ I, указъ объ обязанныхъ крестьянахъ не достигъ своей цѣли, такъ какъ „исполненіе этого закона было обставлено такими формами, которыя останавливали его дѣйствіе". Въ очеркѣ начала реформы въ царствованіи Александра II государь заявилъ, что „Мы желали, давая личную свободу крестьянамъ и признавая землю собственностью помѣщиковъ, не сдѣлать изъ крестьянъ людей бездомныхъ и потому вредныхъ какъ для помѣщика, такъ и для государства. Эта мысль служила основаніемъ работъ, представленныхъ теперь государственному совѣту главнымъ комитетомъ. Мы хотѣли избѣгнуть того, что происходило за границей, гдѣ преобразованіе совершалось почти вездѣ насильственнымъ образомъ". Крестьяне были освобождены безъ земли въ Остзейскихъ губерніяхъ, какъ и въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ бѣдственное положеніе безземельныхъ крестьянъ обратило вниманіе Александра II и его покойнаго родителя и побудило ихъ принять нужныя мѣры для улучшенія ихъ быта.

Послѣ рѣчи государя государственный совѣтъ немедленно приступилъ къ подробному обсужденію проэкта новаго закона объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости и организаціи ихъ быта въ качествѣ но-

Digitized by Google

ваго сословія гражданъ русскаго государства. Единогласно и въ положительномъ смыслѣ были рѣшены вопросы объ отмѣнѣ крѣпостнаго права помѣщиковъ на крестьянъ, которые живутъ на ихъ земляхъ, и дарованіи имъ правъ свободнаго сельскаго состоянія. При обсужденіи подробностей проэкта обнаружилось въ средѣ членовъ совѣта различіе взглядовъ, показывающее, что не всѣ они дѣйствительно желали улучшенія быта освобождаемыхъ крестьянъ „на самомъ дѣлѣ". Александръ Николаевичъ, вѣрный своему твердому слову, принималъ на этотъ разъ и послѣ тѣ мнѣнія членовъ совѣта, все равно, представляли ли они большинство или меньшинство въ совѣтѣ, которыя клонились къ явной пользѣ для освобождаемыхъ крестьянъ. Такъ, когда обсуждался вопросъ о размѣрѣ надѣловъ и повинностей крестьянъ, меньшинство членовъ совѣта, настаивая на правѣ собственности помѣщиковъ на ихъ землю, полагало, что въ этомъ случаѣ все должно быть предоставлено добровольному соглашенію крестьянъ съ помѣщиками. Правительство можетъ вмѣшаться въ это дѣло лишь въ томъ случаѣ, если послѣдуетъ соглашеніе между сторонами по истеченіи опредѣленнаго времени. Большинство, наоборотъ, не отвергало необходимости добровольнаго соглашенія между помѣщиками и крестьянами, но только утверждало, что при немъ должны быть соблюдены взаимныя выгоды обѣихъ сторонъ. Большинство также опасалось, чтобы крестьяне не пострадали отъ произвола помѣщиковъ при такого рода добровольныхъ сдѣлкахъ и потому настаивало на вмѣшательствѣ въ это дѣло правительства. Государь согласился съ мнѣніемъ большинства. Точно также онъ примкнулъ къ большинству членовъ совѣта, когда обсуждался въ немъ вопросъ объ учрежденіи самостоятельнаго крестьянскаго самоуправленія. Меньшинство отвергало въ принципѣ связь между освобожденіемъ крестьянъ съ опредѣленными надѣлами земли и дарованіемъ имъ правъ самоуправ-

Digitized by Google

ленія. Меньшинство членовъ совѣта находило выгоднымъ въ интересахъ обѣихъ сторонъ сохранить власть помѣщика съ извѣстными ея ограниченіями, а не учреждать вмѣсто нея волость, гдѣ избранный самими крестьянами начальникъ (старшина) будетъ руководить ими на новомъ пути. Поэтому меньшинство предлагало признать каждое сельское общество не за волость, а только административную единицу.

Большинство, наоборотъ, находило, что право освобожденныхъ крестьянъ имѣть собственное управленіе есть неизбѣжное слѣдствіе ихъ освобожденія: подобно прочему свободному сельскому сословію въ русскомъ государствѣ, и вновь освобожденные крестьяне должны имѣть выборныя учрежденія для завѣдыванія дѣлами общественнаго хозяйства, полиціи и суда. По вопросу объ учрежденіи должности мировыхъ посредниковъ государь согласился съ меньшинствомъ, которое изъ опасенія преобладанія дворянства при выборѣ мировыхъ посредниковъ предлагало предоставить уѣздному дворянскому собранію только повѣрять списки лицъ, имѣющихъ право быть мировыми посредниками. Большинство же членовъ совѣта, добиваясь такого преобладанія дворянства при замѣщеніи столь важной при соглашеніяхъ помѣщиковъ съ крестьянами должности, желало, чтобы уѣздное дворянское собраніе составляло и самый списокъ лицъ, которыя пользовались особымъ довѣріемъ дворянства и потому и предлагались имъ въ мировые посредники.

Въ день подписанія манифеста объ освобожденіи крестьянъ было объявлено объ учрежденіи въ составѣ государственнаго совѣта постояннаго установленія, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя, Константина Николаевича, Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія для всей имперіи на общихъ и однообразныхъ началахъ. Главному Комитету поручалось высшее наблюденіе за введеніемъ въ дѣйствіе законоположеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣ-

Digitized by Google

постной зависимости, разсмотрѣніе законопроэктовъ въ дополненіе къ этимъ законоположеніямъ, а также составленіе и обсужденіе предположеній объ устройствѣ крестьянъ государственныхъ, дворцовыхъ и др., какъ и наблюденіе за введеніемъ въ дѣйствіе составленныхъ въ совѣтѣ положеній объ этихъ крестьянахъ и проч. Въ Главномъ Комитетѣ былъ разсмотрѣнъ вопросъ о примѣненіи къ государственнымъ крестьянамъ главныхъ началъ Положенія 19 февраля 1861 г. Здѣсь были выработаны всѣ общія начала организаціи быта государственныхъ крестьянъ по аналогіи съ устройствомъ помѣщичьихъ крестьянъ. Только вопросъ о правахъ казны и крестьянъ на отведенныя имъ земли возбудилъ споры въ Главномъ Комитетѣ. Надъ этою же частью проэкта Положенія о государственныхъ крестьянахъ остановился и государственный совѣтъ въ общемъ своемъ собраніи (17 декабря 1862 г.). Члены его раздѣлились; меньшинство предлагало признать за крестьянами право собственности на казенныя земли, которыми они могли по мірскимъ приговорамъ пользоваться, но только не отчуждать. Большинство же утверждало, что казенныя земли, на которыхъ живутъ государственные крестьяне, составляютъ собственность казны и крестьяне могли только пользоваться ими. Въ дѣйствительности какъ мы видимъ, мнѣнія большинства и меньшинства сходились въ томъ, что государственнымъ крестьянамъ должно быть предоставлено одно пользованіе казенными землями. Большинство, однако, обратило вниманіе на разницу въ положеніи помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ касательно права собственности на землю: при томъ условіи, что казенная земля поступила бы въ собственность крестьянскаго общества, исчезало бы всякое различіе между помѣщичьими и государственными крестьянами, которое вытекало изъ особеннаго ихъ отношенія—первыхъ къ помѣщикамъ, а вторыхъ къ государству. Поэтому государь согласился съ мнѣніемъ большинства

Digitized by Google

членовъ совѣта. Въ основаніе поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ были положены слѣдующія начала, составленныя министрами государственныхъ имуществъ, финансовъ и внутреннихъ дѣлъ вмѣстѣ съ членами государственнаго совѣта и статсъ-секретаремъ Н. А Милютинымъ: 1) существующіе въ обществахъ государственныхъ крестьянъ земельные надѣлы сохраняются за ними въ томъ же размѣрѣ, 2) государственные крестьяне за пользованіе отведенными имъ надѣлами платятъ, распредѣляемую поровну между всѣми членами извѣстнаго крестьянскаго общества, оброчную подать, которая опредѣляется закономъ и можетъ бытьимъ возвышена. Кромѣ того, въ проэктѣ говорится о возможномъ переходѣ государственныхъ крестьянъ въ полныхъ собственниковъ земель, которыя находятся въ ихъ владѣніи. Проэктъ былъ сначала разсмотрѣнъ въ Главномъ Комитетѣ, а потомъ въ общемъ собраніи государственнаго совѣта. 24 ноября 1864 г. онъ былъ утвержденъ государемъ. 18 января 1866 г. было также утверждено мнѣніе государственнаго совѣта о преобразованіи общественнаго управленія государственныхъ крестьянъ на общихъ основаніяхъ Положенія 19 февраля.

Государственный совѣтъ участвовалъ и въ дальнѣйшихъ преобразованіяхъ быта крестьянъ различныхъ другихъ наименованій—дворцовыхъ, удѣльныхъ и проч., такъ же какъ и надѣленіи землею крестьянъ Царства Польскаго и распространеніи дѣйствія Положенія 19 февраля на отдаленныя окраины Россійской имперіи [1]).

Восьмая глава.

Государственный совѣтъ въ царствованіе Александра II.

(Окончаніе).

Вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ послѣдовали реформы *земская* и *судебная*, въ которыхъ государственный

[1]) Юбилейное изданіе, 91—104 стр.

Digitized by Google

совѣтъ также принималъ дѣятельное и ближайшее участіе. Тѣсная, неразрывная связь съ дарованіемъ свободы крѣпостному населенію Россіи преобразованія мѣстнаго управленія и реорганизаціи суда сознавалась еще при подготовкѣ крестьянской реформы въ 1859 г. Въ мартѣ того же года Высочайшимъ повелѣніемъ было предписано озаботиться устройствомъ исполнительной и слѣдственной частей, обсудить необходимость предоставленія хозяйственному управленію въ уѣздѣ большаго достоинства, большей самостоятельности и большаго довѣрія, а также опредѣлить степень участія каждаго сословія въ хозяйственномъ управленіи. На этихъ началахъ было рѣшено составить проэктъ преобразованія губернскихъ земско-хозяйственныхъ учрежденій. Разработка этого проэкта была поручена особой комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, въ которой членами были лица, впослѣдствіи вступившія въ составъ государственнаго совѣта [1]). Выработанное въ этой коммиссіи положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ, отличавшееся сословнымъ характеромъ, вмѣстѣ съ временными правилами ихъ дѣятельности было представлено предсѣдателемъ коммиссіи, Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ въ государственный совѣтъ. Положеніе разсматривалось въ соединенномъ присутствіи департаментовъ законовъ и государственной экономіи при участіи съ совѣщательнымъ правомъ голоса въ первыхъ восьми засѣданіяхъ столичныхъ губернскихъ предводителей дворянства и городскихъ головъ. Пріостановившееся на нѣкоторое время разсмотрѣніе положенія [2]) было возобновлено въ декабрѣ 1863 г. въ общемъ собраніи государственнаго совѣта. Здѣсь вызвалъ прежде всего разногласіе въ средѣ членовъ совѣта вопросъ о составѣ земскихъ

---

[1]) В. А. Татариновъ, М. Н. Островскій, Н. Н. Стояновскій и К. К. Гротъ.

[2]) Эта остановка произошла вслѣдствіе того обстоятельства, что въ тоже время составлялся внѣ совѣта уставъ о земскихъ повинностяхъ.

Digitized by Google

учрежденій. Лишь нѣсколько членовъ высказались противъ сословнаго начала проэкта, которое выразилось въ раздѣленіи избирателей на три собранія: землевладѣльческое, городское и сельское. Этотъ порядокъ избранія гласныхъ тремя сословными группами, отдѣльно другъ отъ друга, не соотвѣтствовалъ, по мнѣнію четырехъ членовъ совѣта, [1]) самой цѣли образованія земскихъ учрежденій призвать къ завѣдыванію мѣстными хозяйственными дѣлами всѣ классы общества, которые составляютъ земство въ смыслѣ соединенія жителей одной мѣстности для удовлетворенія общихъ хозяйственныхъ нуждъ. Однако, подавляющее большинство членовъ совѣта (40) было противъ предложенія меньшинства, находило, что подобное соединеніе избирателей въ одно собраніе было бы механическимъ и противорѣчило нравамъ и понятіямъ крестьянъ. Мнѣніе большинства было утверждено государемъ.

Тѣже сословныя тенденціи, характеризующія все земское положеніе, обнаружились въ совѣтѣ при разсмотрѣніи вопроса о томъ, кто долженъ быть предсѣдателемъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній. Относительно перваго изъ этихъ собраній меньшинство членовъ совѣта считало избраніе предсѣдателя самимъ губернскимъ собраніемъ согласнымъ съ общимъ выборнымъ началомъ его организаціи. Большинство же въ виду важнаго значенія губернскаго земскаго собранія въ мѣстномъ управленіи полагало назначить въ его предсѣдатели губернскаго предводителя дворянства, какъ лицо, признанное благонадежнымъ и способнымъ къ управленію дѣлами дворянскаго сословія.

Что же касается уѣзднаго земскаго собранія, то мнѣнія членовъ совѣта относительно порядка замѣщенія въ собраніи должности его предсѣдателя раздѣлились поровну. Одна

---

[1]) Это были: баронъ М. Корфъ 2-й, Бахтинъ, князь Суворовъ и Тимовскій.

Digitized by Google

половина членовъ совѣта рекомендовала предоставить избирать предсѣдателя самому собранію, другая же половина указывала на уѣзднаго предводителя дворянства, какъ на желательнаго предсѣдателя уѣзднаго земскаго собранія. Государь по обоимъ вопросамъ примкнулъ къ мнѣнію о предоставленіи поста предсѣдателя въ земскихъ собраніяхъ предводителямъ дворянства.

Въ 1870 г. въ государственномъ совѣтѣ разсматривалось новое *городовое положеніе*. При обсужденіи его проэкта было выслушано въ совѣтѣ мнѣніе особой коммиссіи, въ которой участвовали представители столицъ и нѣкоторыхъ другихъ городовъ, а также и лица, знакомыя съ условіями городского хозяйства и управленія. Въ основаніе Городоваго Положенія 1870 г., утвержденнаго государемъ въ іюнѣ того же года, легло предоставленіе органамъ городскаго управленія, куда входили лица, выбранныя всѣми городскими обывателями, безъ различія сословія и состоянія, широкой самостоятельности въ вопросахъ городскаго хозяйства и управленія. Его органы поэтому имѣли право издавать, по соглашенію съ мѣстными правительственными учрежденіями, постановленія по предметамъ городского благоустройства, обязательныя для всѣхъ жителей города. Мѣстная правительственная власть имѣла по отношенію къ органамъ городского управленія одно право надзора за законностью его дѣйствій и распоряженій [1]).

Вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ Александръ II приступилъ къ *судебной реформѣ*. Согласно желанію государя, въ октябрѣ 1861 г. въ государственномъ совѣтѣ были установлены основныя начала будущаго судоустройства и судопроизводства. Соединенные департаменты законовъ и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ при участіи министра юстиціи

---

[1]) Юбилейное изданіе, 105—108 стр.

Digitized by Google

и чиновъ государственной канцеляріи подробно разсмотрѣли существовавшій порядокъ судопроизводства и составили предположенія относительно его преобразованія, которыя были одобрены въ главномъ общимъ собраніемъ государственнаго совѣта. Здѣсь были приняты единогласно судъ присяжныхъ и начало несмѣняемости судей въ административномъ порядкѣ. Основныя положенія преобразованія судебной части въ Россіи были Высочайше утверждены 29 сентября 1862 г. Эти основанія заключались въ полномъ отдѣленіи судебной власти отъ административной, несмѣняемости судей въ административномъ порядкѣ, устности и гласности суда вмѣсто прежняго канцелярскаго производства, введеніи въ гражданскій процессъ состязательнаго принципа съ сохраненіемъ слѣдственнаго порядка лишь въ предварительномъ слѣдствіи по уголовнымъ дѣламъ. Въ рѣшеніи послѣднихъ участвуетъ судъ присяжныхъ, установленъ мировой институтъ для извѣстнаго рода гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Созданы двѣ аппеляціонныхъ инстанціи для тѣхъ и другихъ дѣлъ. „Въ составѣ сената образованъ Верховный Кассаціонный Судъ для надзора за правильнымъ отправленіемъ правосудія. Въ судахъ образованы прокуратура и адвокатура и нотаріальныя учрежденія. Исполненіе рѣшеній судовъ возложено на судебныхъ приставовъ при нихъ.

Эти общія положенія, разработанныя въ государственномъ совѣтѣ, легли въ основаніе трудовъ особой комиссіи, составленной подъ общимъ руководствомъ государственнаго секретаря, В. П. Буткова. Коммиссія раздѣлялась на три части: гражданскую, уголовную и судоустройственную. Въ 1863 г. коммиссія закончила свои занятія, и въ тоже время проэкты учрежденій судебныхъ мѣстъ и уставовъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводства поступили на обсужденіе сначала соединенныхъ департаментовъ законовъ, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, а иногда и государственной экономіи, а потомъ

Digitized by Google

общее собраніе государственнаго совѣта. Разсмотрѣніе судебныхъ уставовъ закончено въ октябрѣ 1864 г., а въ ноябрѣ была представлена государю меморія общаго собранія совѣта со всѣми разногласіями по отдѣльнымъ статьямъ судебныхъ уставовъ. Государь разрѣшилъ эти разногласія, относившіяся къ отдѣльнымъ вопросамъ судопроизводства, гражданскаго и уголовнаго. Утвержденіе государемъ новыхъ судебныхъ уставовъ послѣдовало 20-го ноября 1864 г. Въ одно время съ общей судебной реформой обсуждался въ государственномъ совѣтѣ проэктъ о своевременности отмѣны тѣлесныхъ наказаній. Иниціатива этого вопроса принадлежала русскому посланнику въ Брюсселѣ, князю Н. А. Орлову. Записка его была передана въ Комитетъ, образованный при второмъ отдѣленіи собственной Е. И. В. Канцеляріи для составленія проэкта новаго военнаго устава о наказаніяхъ. Комитетъ согласился съ основнымъ взглядомъ князя Орлова, что „тѣлесныя наказанія не соотвѣтствуютъ ни духу времени, ни достоинству человѣка, а лишь ожесточаютъ нравы, не достигая главной своей цѣли—устрашенія преступниковъ“. Послѣ того, какъ представители разныхъ вѣдомствъ, военный министръ Милютинъ, начальникъ морскаго вѣдомства, Великій Князь Константинъ Николаевичъ высказались за отмѣну тѣлесныхъ наказаній въ арміи и флотѣ, проэктъ закона поступилъ въ государственный совѣтъ и былъ здѣсь послѣ его обсужденія принятъ. Результатомъ рѣшенія этого вопроса въ законодательномъ порядкѣ былъ указъ сенату (17 апр. 1863 г.); „О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ существующей нынѣ системѣ наказаній, уголовныхъ и исправительныхъ“. Этимъ указомъ отмѣнялись тяжелыя тѣлесныя наказанія по гражданскому и военному вѣдомству и совершенно освобождались отъ нихъ извѣстные разряды лицъ. [1])

[1]) Юбилейное изданіе, 114—115 стр.

Digitized by Google

Кромѣ дѣятельнаго участія въ трехъ главнѣйшихъ реформахъ царствованія Александра II,—крестьянской, административной и судебной—государственный совѣтъ игралъ видную роль въ то время во многихъ другихъ частяхъ государственнаго управленія, также подвергшихся измѣненіямъ въ большей или меньшей степени. Такъ въ области народнаго просвѣщенія въ 1863 г. былъ изданъ университетскій уставъ, который предоставилъ университетамъ въ лицѣ ихъ совѣтовъ—колегіальныхъ органовъ—широкія права самоуправленія.

Университетскій уставъ 1863 г. прежде, чѣмъ онъ взошелъ на разсмотрѣніе въ государственный совѣтъ, прошелъ нѣсколько инстанцій. Сначала проэктъ устава былъ составленъ при непосредственномъ участіи Министра Народнаго Просвѣщенія, А. В. Головнина, университетскихъ совѣтовъ и ученыхъ, русскихъ и иностранныхъ, которымъ онъ былъ разосланъ министерствомъ. Полученныя отъ университетовъ и отдѣльныхъ лицъ замѣчанія были разсмотрѣны въ Ученомъ Комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія и затѣмъ послѣ обсужденія проэкта въ особомъ совѣщаніи изъ нѣсколькихъ лицъ [1]) и доклада государю о заключеніи особаго совѣщанія въ совѣтѣ министровъ проэктъ былъ окончательно разсмотрѣнъ въ государственномъ совѣтѣ и послѣ его одобренія здѣсь утвержденъ государемъ [2]).

Особеннымъ порядкомъ шла разработка проэкта о среднемъ образованіи какъ до внесенія его въ государственный совѣтъ, такъ и въ немъ самомъ. Гимназическая реформа возбудила вниманіе всего русскаго общества, обсуждалась съ разныхъ сторонъ въ газетахъ и журналахъ и также прямо и рѣшительно была поставлена и самимъ правительствомъ на первую очередь въ ряду вопросовъ просвѣщенія русскаго

---

[1])—[2]) Ibidem, 116 стр.

Digitized by Google

народа. Проэктъ о реформѣ средней школы прежде, чѣмъ поступить въ общее собраніе государственнаго совѣта прошелъ двѣ стадіи въ предварительномъ его обсужденіи. Сначала предположенія Министра Народнаго Просвѣщенія, графа Д. А. Толстого, были разсмотрѣны въ особой коммиссіи [1]), откуда его проэктъ былъ внесенъ въ особое присутствіе въ составѣ самого государственнаго совѣта [2]). Только послѣ этого все дѣло о реорганизаціи средней русской школы перешло въ общее собраніе государственнаго совѣта. Въ его засѣданіи (15 мая 1876 г.) предметомъ оживленныхъ преній сдѣлался вопросъ о роли реальнаго образованія въ странѣ. Всѣ члены совѣта соглашались, что кромѣ классическихъ гимназій значеніе средней школы должно быть признано за реальными училищами. Члены совѣта расходились въ томъ лишь существенномъ для судьбы реальнаго образованія вопросѣ, могутъ ли наравнѣ съ окончившими классическую гимназію быть допущены безъ экзамена въ университеты и получившіе образованіе въ реальныхъ училищахъ? Большинство членовъ совѣта высказалось въ утвердительномъ смыслѣ, мотивируя свое мнѣніе тѣмъ соображеніемъ, что „нельзя признать справедливымъ, чтобы въ университетъ, въ этотъ храмъ разумѣнія науки, возбраняли входъ тѣмъ именно молодымъ людямъ, которые занимались изученіемъ наукъ попреимуществу—наукъ положительныхъ, а допускались бы въ него исключительно изучавшіе языки древніе, языки мертвые“. Меньшинство членовъ совѣта, въ которомъ находится и графъ Д. А. Толстой, не раздѣляло та-

[1]) Особая коммиссія состояла изъ предсѣдателя, графа С. Г. Строганова, и членовъ совѣта: Валуева, Тройницкаго и Министра Народнаго Просвѣщенія.

[2]) Въ особомъ присутствіи при томъ же предсѣдателѣ были членами: наслѣдникъ Цесаревичъ, Александръ Александровичъ, принцъ П. Г. Ольденбурскій, министры народнаго просвѣщенія и финансовъ, члены государственнаго совѣта: графы Литке, Путятинъ, Панинъ, Головнинъ, князь Урусовъ, Чевкинъ, Валуевъ, Милютинъ, Гротъ, и Тито въ.

Digitized by Google

кого взгляда большинства на преимущества „положительныхъ наукъ предъ мертвыми языками“. Меньшинство обосновываетъ свое противоположное мнѣніе на примѣрѣ Западной Европы, гдѣ „только гимназіи, основными предметами коихъ являются оба древніе языка и математика, признаются подготовительными къ университетамъ учебными заведеніями“. Члены совѣта, сторонники воззрѣнія на превосходство классической системы образованія предъ реальной, заявили категорически, что вездѣ, гдѣ „только процвѣтаютъ науки, въ томъ числѣ науки естественныя и медицинскія, однѣ только гимназіи съ полнымъ классическимъ курсомъ называются учеными школами, и только даваемое ими образованіе признается пригоднымъ для приготовленія къ поступленію въ университетъ“. На этомъ основаніи большинство членовъ совѣта отказалось признать за реальными училищами одинаковыя права съ классическими гимназіями относительно поступленія въ университетъ. Мнѣніе меньшинства было утверждено государемъ.

Новое положеніе о печати, облегчившее свободное выраженіе мнѣній, было разсмотрѣно въ государственномъ совѣтѣ въ 1864 г., который отозвался на обнаружившуюся въ концѣ 60-хъ годахъ въ русскомъ обществѣ потребность въ развитіи періодическихъ изданій и литературы. Въ первый разъ проэктъ устава о цензурѣ былъ внесенъ въ государственный совѣтъ въ 1859 году Министромъ Народнаго Просвѣщенія Е. П. Ковалевскимъ. Его проэктъ встрѣтилъ сильныя возраженія въ департаментѣ законовъ, гдѣ было указано на предлагаемыя проэктомъ стѣсненія для свободы мысли, уже достаточно повредившія умственной жизни Россіи въ 1848 г. Замѣнившій въ 1851 г. Ковалевскаго, А. В. Головнинъ снова возбудилъ вопросъ о пересмотрѣ законодательства о цензурѣ, высказался за ея передачу изъ вѣдомства Министерства На-

Digitized by Google

роднаго Просвѣщенія, гдѣ она была въ то время, въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

Министръ Народнаго Просвѣщенія мотивировалъ это свое предположеніе „обязанностью Министерства Народнаго Просвѣщенія покровительствовать литературѣ, заботиться о развитіи, преуспѣяніи оной, содѣйствовать движенію впередъ науки, для чего необходима свобода анализа". Отсюда Головнинъ выводилъ заключеніе, что Министерство Народнаго Просвѣщенія, „находясь къ литературѣ въ отношеніяхъ болѣе близкихъ, чѣмъ всякое другое вѣдомство, не можетъ быть строгимъ ея судьей. Цензура, находясь въ вѣдѣніи этого министерства, принимаетъ направленіе болѣе снисходительное, стремящееся къ тому, чтобы медленно и осторожно отодвигать границы, поставленныя свободѣ разсужденія". На основаніи этихъ соображеній Головнина цензура согласно, Высочайшему повѣленію, была передана въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, откуда въ 1864 г. Министромъ П. А. Валуевымъ былъ внесенъ въ государственный совѣтъ новый проэктъ о печати, которымъ расширялась значительно власть Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ этой области. Это, между прочимъ, выразилось въ смѣшеніи въ проэктѣ предупредительной и карательной цензуры, на что указали въ совѣтѣ его члены—А. С. Норовъ, Д. А. и Н. А. Милютины. Дѣло о новомъ законопроэктѣ о печати не получило принципіальнаго разрѣшенія въ государственномъ совѣтѣ: было рѣшено вмѣсто составленія общаго цензурнаго устава ограничиться изданіямъ временныхъ правилъ впредь до указанія опыта. Какъ въ департаментѣ законовъ, такъ потомъ и общемъ собраній государственнаго совѣта голоса раздѣлились по вопросу о роли главнаго управленія по дѣламъ о печати. Большинство совѣта готово было признать за нимъ большую самостоятельность, но меньшинство желало оставить за главнымъ управленіемъ только совѣщательный голосъ. Мнѣніе мень-

Digitized by Google

министва было утверждено государемъ. Новое положеніе о печати извѣстно подъ именемъ временныхъ о ней правилъ, (6 апр. 1863 г.), которыми Александръ Николаевичъ „желалъ дать отечественной печати возможное облегченіе и удобство“ [1]).

Къ числу важныхъ дѣлъ, въ которыхъ государственный совѣтъ участвовалъ въ царствованіе Александра II, авторъ юбелейнаго изданія относитъ еще разработку главныхъ основаній акцизной системы питейныхъ сборовъ. Департаментъ государственной экономіи, гдѣ сначала обсуждался законопроэктъ, согласился съ министромъ финансовъ, что существовавшіе до того времени (1860 г.) винные откупа должны быть устранены и замѣнены одной общей для всей имперіи акцизной системой, которая и была введена повсюду послѣ окончательнаго рѣшенія вопроса въ государственномъ совѣтѣ (3 и 5 окт. 1860 г.) [1]).

Въ связи съ важнѣйшей изъ реформъ Александра II, крестьянской, находится введеніе общей воинской повинности. Только съ освобожденіемъ крестьянъ, вошедшихъ въ число равноправныхъ съ остальными сословіями гражданъ русскаго государства, сдѣлалось возможнымъ равномѣрно распредѣлить въ населеніи всей страны всѣ государственныя повинности, а также и воинскую. Поэтому вопросъ о введеніи всеобщей воинской повинности былъ возбужденъ вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ. Въ 1862 г. въ составѣ военнаго министерства была учреждена особая комиссія для выработки закона о воинской повинности согласно новымъ требованіямъ и условіямъ общественной русской жизни. Въ 1873 г. Военный Министръ, Д. А. Милютинъ составилъ законопроэктъ о военной повинности, для обсужденія котораго было образовано въ составѣ государственнаго совѣта

[1]) Ibidem, 116—117 стр.
[1]) Юбилейное изданіе, 115 стр.

Digitized by Google

особое присутствіе подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Николаевича [1]). Изъ особаго присутствія проэктъ поступилъ прямо въ общее собраніе государственнаго совѣта, гдѣ была выяснена обстоятельно вся необходимость предполагаемой реформы при новомъ складѣ общественнаго строя въ Россіи, при современныхъ условіяхъ міровой соціальной и политической жизни. Государственный совѣтъ нашелъ, что обязательная для каждаго воинская служба и необходима, и безусловно справедлива. „Независимость, честь и величіе отечества должны быть, по мнѣнію совѣта, одинаковы священны каждому, безъ различія сословій и состояній. Каждый подданный пользуется, наравнѣ съ другими, защитой и покровительствомъ законовъ государства, а потому каждый изъ нихъ, въ свою очередь, естественно обязанъ стать въ ряды защитниковъ родины, въ случаѣ угрожающей ей опасности. Къ тому же, безъ принятія начала общеобязательной военной службы для каждаго подданнаго была бы невозможна организація войскъ вполнѣ удовлетворительная и соотвѣтствующая современнымъ потребностямъ“. Государственный совѣтъ отмѣчаетъ и особенное значеніе всеобщей воинской повинности для поднятія умственнаго и нравственнаго уровня развитія арміи, также какъ и увеличенія въ обществѣ почета и уваженія къ военной службѣ, которыя она должна имѣть вслѣдствіе важнаго своего значенія въ жизни всего общества. Уставъ о воинской повинности на этихъ новыхъ началахъ былъ подписанъ Александромъ II января 1874 года. Вмѣстѣ въ тѣмъ было повелѣно оставить при государственномъ совѣтѣ на правахъ департамента особое присутствіе по воинской повинности, на которое было возложено „предварительное размо-

[1]) Членами особаго присутствія были: всѣ предсѣдатели и члены департамента законовъ и государственной экономіи и члены совѣта: Наслѣдникъ Цесаревичъ, Александръ Александровичъ, Великіе князья: Владиміръ Александ-

Digitized by Google

трѣніе законодательныхъ предположеній, которыя будутъ возникать по связи ихъ съ установленіемъ общей воинской повинности, а также разрѣшеніе возможныхъ сомнѣній и важныхъ затрудненій при введеніи устава объ общей воинской повинности“ [1]).

Подводя итоги всей обширной и плодотворной дѣятельности государственнаго совѣта въ первые восемнадцать лѣтъ царствованія Императора Александра II, авторъ юбилейнаго изданія замѣчаетъ, что въ теченіе этого времени „былъ преобразованъ весь нашъ внутренній строй. Россія покрылась сѣтью разнородныхъ новыхъ учрежденій, крестьянскихъ, земскихъ судебныхъ и другихъ. Общественная дѣятельность изъ столицъ распространилась повсемѣстно. Съ пробужденіемъ общественныхъ силъ получилъ громадное развитіе народный трудъ; быстро и непредвидѣнно перемѣщались его средоточія, создавалась масса новыхъ занятій, возникали новыя предпріятія. Едва ли когда русская жизнь била такимъ ускореннымъ пульсомъ и русскому законодательству приходилось нормировать ее съ такимъ усиленнымъ вниманіемъ. Потому дѣятельность государственнаго совѣта, который былъ призванъ принять ближайшее участіе въ разработкѣ реформъ, никогда не была такой напряженной, какъ именно за этотъ періодъ времени“ [2])

Самъ государственный совѣтъ далъ правильную оцѣнку своей дѣятельности въ царствованіе Императора Александ-

---

идровичъ, Николай и Михаилъ Николаевичи, принцъ П. Г. Ольденбурскій, князь Барятинскій, графы Бергъ и Гейденъ, баронъ Лидевалъ, князь Суворовъ, Игнатьевъ, Государственный Канцлеръ и всѣ министры.

[1]) Въ составъ этого особаго присутствія вошли: предсѣдатель государственнаго совѣта, предсѣдатели департаментовъ законовъ и государственной экономіи, министры военный, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, морской, Великій Князь Николай Николаевичъ, графъ Шуваловъ, Валуевъ. На правахъ членовъ приглашались и остальные министры по дѣламъ ихъ вѣдомствъ.

[2]) Юбилейное изданіе, 119—121 стр.

Digitized by Google

ра II, когда въ поднесенномъ государю въ день двадцатипятилѣтія со дня вступленія его на престолъ (19 февр. 1880 г.) журналѣ адресѣ назвалъ себя „ближайшимъ участникомъ въ осуществленіи предначертаній государя по законодательству и высшему управленію, постояннымъ свидѣтелемъ трудовъ монарха по главнымъ отраслямъ преобразовательной дѣятельности Александра Николаевича". Указавши на тотъ фактъ, что „совершившіяся въ настоящее царствованіе преобразованія и усовершенствованія въ законахъ обновили весь строй государства, государственный совѣтъ считаетъ для себя „высокимъ счастіемъ", что онъ былъ призванъ къ обсужденію и окончательной разработкѣ законодательныхъ мѣропріятій. Изъ ихъ числа совѣтъ ставитъ на первый планъ, какъ это признавалъ и самъ Александръ II [1]) крестьянскую реформу. „Освобожденіе крестьянъ возымѣло начало, говорилъ отъ лица государственнаго совѣта его предсѣдатель, Великій Князь, Константинъ Николаевичъ, отъ лица самого государя развивалось и зрѣло подъ непосредственнымъ его руководствомъ и исполнено успѣшно силой державной его воли, встрѣченной единодушнымъ сочувствіемъ дворянства при спокойствіи и довѣріи сельскаго населенія. Великое, святое дѣло совершилось. Наименованіе освободителя въ благодарной памяти народной навсегда остались связаннымъ съ именемъ Александра II. Дарованіе крестьянамъ правъ свободныхъ гражданъ и введеніе затѣмъ суда гласнаго, устнаго и равнаго для всѣхъ подданныхъ въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ, по всѣмъ отраслямъ управленія,

[1]) Когда въ царствованіе Александра III въ государственномъ совѣтѣ разсматривался вопросъ о переводѣ всѣхъ временно обязанныхъ крестьянъ на выкупѣ по распоряженію правительства министръ финансовъ А. А. Абаза, между прочимъ сообщилъ присутствующимъ слова покойнаго государя, сказанныя имъ по этому поводу; „Изъ всего, что могли мы совершить крестьянскую реформу я считаю самымъ важнымъ дѣломъ моего царствованія" (Юбил. изданіе 145=146 стр.

Digitized by Google

узаконеній и улучшеній дали странѣ новую жизнь. Россія возмужала и развилась“ [1]).

Государь благодарилъ государственный совѣтъ за всю его дѣятельность и помощь ему въ реформахъ и высказалъ надежду, что совѣтъ „будетъ по прежнему помогать ему въ предстоящихъ еще трудахъ“. Но надежда Александра Николаевича не осуществилась. 1 марта 1881 г. его не стало.

Девятая глава.

Государственный совѣтъ въ царствованіе Императора Александра III.

Царствованіе Александра III началось при тяжелыхъ условіяхъ русской общественной жизни. Событіе 1 марта, прервавшее такъ внезапно жизнь и плодотворную для народнаго благостоянія дѣятельность Царя-Освободителя, обратило вниманіе правительства на необходимость успокоить общество, взволнованное жестокой кончиною Александра II, ободрить смущенные умы къ предстоящей дѣятельности на пути, уже начертанномъ покойнымъ государемъ. Реформы Александра II создали новый строй общественной жизни, дали Россіи новыя общественныя учрежденія. Неожиданная смерть государя помѣшала дальнѣйшему развитію началъ, положенныхъ въ основаніе совершенныхъ имъ реформъ, которыя не могли такъ скоро быть осуществлены въ русской жизни, еще неуспѣвшей отрѣшиться отъ дореформенныхъ порядковъ, нравовъ и воззрѣній. Эти нравы и воззрѣнія сохранились въ царствованіе Александра III, во многомъ парализовали дальнѣйшее проведеніе въ жизнь реформъ, предпринятыхъ его отцомъ, давали имъ иное направленіе, особенно подъ вліяніемъ тре-

---

[1]) Ibidem, 139—137 стр.

Digitized by Google

вожнаго состоянія русскаго общества въ началѣ царствованія Александра Александровича. Тѣмъ не менѣе русская общественная жизнь не могла возвратиться къ дореформеннымъ порядкамъ: такъ были жизненны, сообразны съ потребностями русскаго общества коренныя начала реформъ Александра II. Главная изъ нихъ—крестьянская продолжала развиваться и завершаться въ существенныхъ своихъ основахъ. Въ связи же съ послѣдовательнымъ проведеніемъ этой реформы Александра II находились многія мѣры, предпринятыя Александромъ III относительно развитія благосостоянія крестьянскаго населенія. Таковы были: отмѣна подушной подати, ограниченіе семейныхъ раздѣловъ въ крестьянскомъ быту, организація переселеній крестьянъ, учрежденіе крестьянскаго поземельнаго банка и др.

Вмѣстѣ съ заботами о крестьянахъ въ царствованіе Александра III было обращено вниманіе на положеніе дворянскаго сословія, обезпеченіе матеріальнаго его благосостоянія, потрясеннаго крестьянской реформой. Продолжались работы по организаціи мѣстнаго управленія—земскаго, городскаго самоуправленія, хотя со значительными отклоненіями отъ первоначальныхъ положеній, земскаго и городскаго.

Помимо всѣхъ этихъ постановленій, направленныхъ къ удовлетворенію сословныхъ и общественныхъ интересовъ въ царствованіе Александра Александровича былъ предпринятъ рядъ мѣръ съ цѣлью развитія *народнаго и государственнаго хозяйства*. Такъ были преобразованы нѣкоторые существующіе и введены новые налоги. Расширена значительно сѣть желѣзныхъ дорогъ. Учреждена винная монополія, усилены тарифныя пошлины, обращено вниманіе на состояніе государственнаго кредита, равновѣсіе государственныхъ расходовъ съ доходами. Въ области народнаго просвѣщенія также были произведены различныя дополненія и измѣненія въ существующихъ учрежденіяхъ. При Александрѣ III поя-

Digitized by Google

вился важный законъ „Объ узаконенныхъ и усыновленныхъ дѣтяхъ“. Наконецъ, въ тоже царствованіе были организованы на новыхъ основаніяхъ армія и флотъ и изданъ рядъ законовъ, регулирующихъ многія другія стороны народной жизни.

Государственный совѣтъ принималъ участіе въ обсужденіи всѣхъ законопроэктовъ по разнымъ частямъ государственнаго управленія. Но его роль была уже иная сравнительно со временемъ царствованія Александра II. При его преемникѣ рѣчь шла о проведеніи реформъ Александра II въ жизнь, что уже не требовало особенно напряженной работы и самостоятельной дѣятельности со стороны законодательнаго учрежденія страны. Но въ томъ случаѣ, когда обсуждались законопроэкты, имѣющіе тѣсную связь съ реформами прошлаго царствованія, совѣтъ твердо держался главныхъ ихъ основаній. Такъ было дѣло, напримѣръ, когда совѣтъ разматривалъ предположеніе министра финансовъ обнародовать въ возможно скорѣйшемъ времени выработанный въ совѣтѣ законъ объ обязательномъ выкупѣ крестьянъ въ виду распространяемыхъ между крестьянами слуховъ, что царствующій государь по наущенію помѣщиковъ хочетъ вновь закрѣпостить крестьянъ. Совѣтъ какъ въ соединенномъ присутствіи департаментовъ законовъ и государственной экономіи вмѣстѣ съ главнымъ комитетомъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, такъ и общемъ собраніи согласился съ предположеніемъ министра финансовъ и призналъ необходимымъ при изданіи новаго закона соблюсти одинаково интересы обѣихъ сторонъ [1]). Государственный совѣтъ высказывался прямо и свободно и по многимъ другимъ вопросамъ, касающимся разныхъ сторонъ общественной жизни, на которыя обращалось вниманіе правительства въ царствованіе Александра III. Къ сожалѣнію въ юбилейномъ изданіи слиш-

[1]) Ibidem, 146,—147, 163—164, 178 стр.

Digitized by Google

комъ кратко, иногда въ нѣсколькихъ фразахъ, говорится объ обсужденіи въ государственномъ совѣтѣ такихъ важныхъ законоположеній, какъ новое земское положеніе (12 іюня 1890 г.) или новое городовое положеніе (11 іюня 1892 г.). Изъ книги матеріаловъ, архивныхъ данныхъ по исторіи государственнаго совѣта не видно, какъ онъ отнесся къ предложеннымъ на его разсмотрѣніе измѣненіямъ въ важнѣйшихъ законодательныхъ актахъ царствованія Александра II. Точно также въ юбилейномъ сборникѣ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, что было говорено въ государственномъ совѣтѣ при обсужденіи проэкта университетскаго устава 1884, разсмотрѣніи вопроса о крестьянскихъ поселеніяхъ и др. Нельзя вывести опредѣленнаго заключенія объ отношеніи государственнаго совѣта къ увеличенію сословныхъ преимуществъ дворянскаго сословія въ мѣстномъ управленіи.

Обращаясь къ измѣненіямъ въ составѣ и дѣятельности государственнаго совѣта въ царствованіе Александра III, мы встрѣчаемся съ заявленіемъ автора юбилейнаго изданія, что „степень и свойство участія государственнаго совѣта въ дѣлахъ законодательства и государственнаго хозяйства подвергались въ то время существеннымъ измѣненіямъ. Въ совѣтѣ сосредоточились всѣ предположенія по дѣламъ законодательнымъ, кромѣ предположеній законодательства военнаго“ [1]).

Въ зависимости отъ этаго, прибавляетъ авторъ юбелейнаго изданія, дѣятельность государственаго совѣта, получила особое развитіе [2]). Мы отлагаемъ провѣрку этого заявленія автора до болѣе подробнаго разсмотрѣнія дѣятельности государственнаго совѣта въ царствованіе Александра III [3]). Теперь же отмѣтимъ нѣкоторыя измѣненія въ составѣ совѣта, ка-

---

[1]—[2]) Ibidem, 146,—147, 163—164, 178 стр.

[3]) См. ниже.

Digitized by Google

сающіяся упраздненія бывшихъ въ его составѣ и ставшихъ излишними разныхъ учрежденій и введенія нѣкоторыхъ новыхъ сообразно назрѣвшимъ потребностямъ въ расширеніи круга дѣятельности государственнаго совѣта.

Въ началѣ царствованія были закрыты комитеты по дѣламъ Царства Польскаго и Кавказскаго края и дѣла ихъ стали поступать прямо въ извѣстные департаменты государственнаго совѣта. Въ 1881 г. было закрыто особое присутствіе по воинской повинности, выполнившее наиболѣе существенныя задачи по введенію новаго устава объ общей воинской повинности. Неоконченныя въ особомъ присутствіи дѣла переданы въ департаментъ законовъ. Дѣла же, которыя могли поступать впредь въ особое присутствіе, предписано направлять въ высшія государственныя учрежденія, сообразно ихъ роду. 25 мая 1882 г. былъ закрытъ и главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія также вслѣдствіе исполненія порученнаго ему дѣла и въ „видахъ сближенія дѣлъ объ устройствѣ сельскаго состоянія съ общимъ порядкомъ дѣлъ законодательныхъ, правительственнымъ и судебныхъ“.

Къ числу новыхъ учрежденій при государственномъ совѣтѣ относится образованная въ 1883 г. особая комиссія для пересмотра порядка пріема и направленія жалобъ и прошеній, приносимыхъ на Высочайшее имя [1]). Согласно предположеніямъ коммиссіи, которыя были разсмотрѣны въ государственномъ совѣтѣ, пріемъ для предварительнаго разсмотрѣнія этихъ прошеній былъ возложенъ на предсѣдателя канцеляріи прошеній. Но жалобы на опредѣленія департаментовъ сената сосредоточены въ особомъ присутствіи. Для составленія постоянныхъ правилъ о порядкѣ принятія и

---

[1]) Въ составѣ этой комиссіи находились: министры юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, бывшій статсъ-секретарь у принятія прошеній и генералъ-адъютантъ Рихтеръ.

Digitized by Google

направленія жалобъ и прошеній, приносимыхъ на Высочайшее имя, была утверждена особая комиссія [1]).

Наиболѣе важное измѣненіе въ составѣ государственнаго совѣта въ царствованіе Александра III относилось къ спеціальной области дѣятельности государственнаго совѣта—законодательству. Какъ самостоятельная, вытекающая изъ самаго назначенія совѣта, функція его дѣятельности, законодательство было сосредоточено въ государственномъ совѣтѣ въ царствованіе Александра I. Въ то время въ составѣ совѣта была образована комиссія составленія законовъ, на которую была возложена подготовка законопроэктовъ, поступавшихъ потомъ въ департаментъ законовъ. Такимъ образомъ, въ совѣтѣ была сосредоточена кодификаціоная работа по изготовленію проэктовъ новыхъ законовъ вмѣстѣ съ ихъ обсужденіемъ. При Николаѣ I, какъ извѣстно, комиссія составленія законовъ, дѣятельность которой оказывалась мало соотвѣтствовавшей ея назначенію, была преобразована (въ 1826 г.) во II-е отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи. На это новое учрежденіе были возложены работы по составленію изданій I полнаго собранія и свода законовъ. Такъ отъ государственнаго совѣта отошла важная часть его законодательной дѣятельности и совѣту осталось одно обсужденіе законопроэктовъ, изготовленныхъ въ отдѣльномъ, самостоятельномъ и несвязанномъ съ нимъ непосредственно учрежденіи. Обширныя задачи и сложные труды кодификаціи въ горячую эпоху реформъ Александра II оказались не подъ силу II отдѣленію, оторванному отъ совѣта, къ которому кодификація принадлежитъ органически. Поэтому въ 1897 г. возникъ въ самомъ II отдѣленіи вопросъ о сближеніи ея работъ съ дѣятельностью государственной канцеляріи. Статсъ секретарь, князь С. Н. Урусовъ, стоявшей во главѣ II от-

[1]) Юбилейное изданіе, 178—180 стр.

Digitized by Google

дѣленія, предложилъ передать II отдѣленію въ завѣдываніе государственному секретарю. Въ работахъ II отдѣленія должны были участвовать и чины государственной канцеляріи. Благодаря такой совмѣстной ихъ дѣятельности, должна оказаться излишнею тормозящая законодательныя дѣла переписка между двумя учрежденіями, дѣятельность которыхъ будетъ болѣе плодотворной отъ соединенія ихъ силъ. Мысль князя Урусова осталась на этотъ разъ безъ примѣненія. Много позже (въ 1881 г.) она возникаетъ снова и, согласно Высочайшему повелѣнію, образуется въ составѣ совѣта спеціально сліяніе II отдѣленія съ государственной канцеляріей въ особое совѣщаніе [1]). Здѣсь было рѣшено, что тѣсная связь между основными трудами государственнаго совѣта (т. е. законодательствомъ) и кодификаціонными работами II отдѣленія требуетъ сліянія послѣдней съ совѣтомъ. Поэтому признано необходимымъ образовать вмѣсто II отдѣленія кодификаціонный отдѣлъ при государственномъ совѣтѣ во главѣ съ главноуправляющимъ изъ среды членовъ государственнаго совѣта. Въ 1883 г. особымъ совѣщаніемъ было рѣшено, что вслѣдъ за новымъ изданіемъ свода законовъ кодификаціонный отдѣлъ долженъ войти въ составъ государственной канцеляріи. Эта важная и трудная работа была совершена кодификаціоннымъ отдѣломъ въ теченіе десяти лѣтъ. 18 сент. 1893 г. онъ переданъ въ завѣдываніе государственному секретарю, которому предоставлено право присутствовать въ Комитетѣ Министровъ. Въ помощь государственному секретарю, труды котораго значительно увеличились съ сліяніемъ кодификаціоннаго отдѣла съ государственной канцеляріей, была создана должность товарища государственнаго секретаря. Права и обязанности главноуправляющаго кодификаціоннымъ отдѣломъ были при-

---

[1]) Предсѣдателемъ особаго совѣщанія былъ предсѣдатель государственнаго совѣта, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ.

Digitized by Google

своены государственному секретарю. При обсужденіи всякаго рода законодательныхъ дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ государственный секретарь со своимъ товарищемъ могли давать свои объясненія объ отношеніи возбужденнаго вопроса къ существующему законодательству и разработкѣ свода законовъ. Для исполненія работъ по изданію полнаго собранія и свода законовъ образовано въ составѣ государственной канцеляріи новое отдѣленіе, — „свода законовъ“ [1]) которое перешло и въ Учрежденіе Государственнаго Совѣта 1901 года. Такимъ образомъ, окончательное сліяніе кодификаціоннаго отдѣла съ государственной канцеляріей усилило законодательное значеніе государственнаго совѣта, придало его законодательной дѣятельности большую цѣльность и единство, которыя выгодно отразились и на развитіи главной законодательной роли совѣта въ государственномъ управленіи и на всемъ, общемъ характерѣ его дѣятельности.

На коренной и широкій характеръ законодательной дѣятельности государственнаго совѣта указываютъ особыя комиссіи, которыя учреждались въ составѣ совѣта по поводу размотрѣнія важныхъ вопросовъ управленія. Такъ въ 1881 г. была образована особая комиссія изъ 4-хъ членовъ совѣта [2]) „для подробной разработки проэктовъ законоположеній объ укрѣпленіи правъ на недвижимое имущество. Заключенія этой комиссіи вносились на обсужденіе соединенныхъ департаментовъ законовъ, экономіи и гражданскаго департамента. Въ 1883 г. была учреждена коммиссія для выработки проэкта правилъ объ особыхъ преимуществахъ гражданской службы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Имперіи. Въ этой комиссіи, помимо членовъ государственнаго совѣта (Е. П. Старицкаго В. М. Маркуса и В. П. Галагана), въ качествѣ лицъ, зна-

[1]) Ibidem, 181—184 стр.

[2]) М. Н. Любощинскаго, Б. П. Мансурова, Н. И. Стояновскаго и Е. П. Старицкаго.

Digitized by Google

комыхъ съ условіями жизни и службы въ различныхъ, отдаленныхъ частяхъ нашего отечества были приглашены: князь М. С. Волконскій, Н. С. Петровъ М. Н. Галкинъ-Враской и А. Н. Куропаткинъ [1]). Въ 1891 г. была образована для предварительнаго разсмотрѣнія проэкта правилъ объ арміи особое присутствіе изъ департаментовъ законовъ и государственной экономіи и членовъ государственнаго совѣта [2]). Въ томъ же году учреждена особая комиссія для обсужденія возбужденнаго дворянскими собраніями вопроса о мѣрахъ къ поддержанію дворянскаго замлевладѣнія. Въ эту комиссію взошли представители министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, государственныхъ имуществъ и юстиціи, и, кромѣ того, управляющій департаментомъ удѣловъ, князь Л. Д. Вяземскій и сенаторъ Н. Б. Шидловскій. Въ 1894 г. въ соединенныхъ департаментахъ гражданскомъ, законовъ и экономіи состоялось заключеніе о необходимости образовать особую комиссію для предварительнаго обсужденія представленія Министра Юстиціи о преобразованіи межевой части [3]).

Образованіе въ составѣ совѣта особыхъ комиссій и присутствій по поводу размотрѣнія какихъ-либо важныхъ вопросовъ, при чемъ въ эти коммиссіи входили не только отдѣльные члены государственнаго совѣта и цѣлые его департаменты, но и особо приглашаемыя лица, было важнымъ нововведеніемъ въ совѣтѣ, отвѣчавшимъ безпрестанно развивавшимся многочисленнымъ потребностямъ русской общественной жизни. Въ настоящее царствованіе право образовывать

---

[1]) Всѣ эти лица вошли потомъ въ составъ государственнаго совѣта въ качествѣ его членовъ.

[2]) Великаго Князя Владиміра Александровича и Николая Николаевича младшаго, министровъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, юстиціи, государственныхъ имуществъ, императорскаго двора, князей Голицына и Вяземскаго и Рихтера.

[3]) Ibidem, 180—181 стр.

Digitized by Google

комиссіи для разсмотрѣнія важнѣйшихъ вопросовъ присвоено Учрежденіемъ 1901 г. отдѣльнымъ департаментамъ государственнаго совѣта.

Крестьянская реформа осталась незаконченой послѣ неожиданной смерти Александра II. Въ послѣдующее царствованіе были еще крестьяне, которые отбывали въ пользу помѣщиковъ денежныя или натуральныя повинности за отведенные имъ въ пользованіе земельные надѣлы. Къ началу царствованія Александра III накопилось много недоимокъ по выкупнымъ крестьянскимъ платежамъ. Поэтому было предположено, съ одной стороны, предоставить крестьянамъ, которые оставались въ обязательныхъ отношеніяхъ къ своимъ помѣщикамъ, выкупать свои надѣлы, а съ другой понизить и размѣръ выкупныхъ платежей. Правила о порядкѣ перевода временно обязанныхъ крестьянъ, но только въ нечерноземныхъ мѣстностяхъ, были составлены министромъ финансовъ А. А. Абазой и внесены въ государственный совѣтъ въ мартѣ 1881 г. При разсмотрѣніи его предположеній въ соединенномъ присутствіи главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія и департаментовъ законовъ и государственной энономіи Великій Князь Константинъ Николаевичъ заявилъ, что покойный государь Александръ Николаевичъ, бывшій сначала противъ обязательнаго выкупа, потомъ склонился къ мысли о необходимости этой мѣры, которая и была одобрена имъ незадолго до кончины (20 февр. 1881 г.). Министръ финансовъ при этомъ сообщилъ совѣту подлинныя слова Александра II,который замѣтилъ, что сначала онъ былъ противъ обязательнаго выкупа.„Мнѣ хотѣлось, сказалъ А. А. Абазѣ покойный государь, дать время помѣщикамъ устроиться съ крестьянами домашнимъ образомъ, отнюдь не допуская надъ ними насилія, но я никакъ не ожидалъ, чтобы въ двадцать лѣтъ дѣло это не могло окончиться, а потому полагаю нынѣ, что оно

Digitized by Google

должно быть совершено". Государь еще добавилъ, что „можно было назначить небольшой срокъ для совершенія выкупа, но вообще пора кончить это дѣло во всей Россіи". Соединенное присутствіе совѣта приняло предположенія министра финансовъ, но только признало, во исполненіе желанія покойнаго государя, желательнымъ произвести выкупъ во всѣхъ мѣстностяхъ одновременно и къ извѣстному сроку (1 янв. 1883 г.). Общее Собраніе государственнаго совѣта согласилось съ соединеннымъ присутствіемъ, но только, при этомъ опредѣлило, чтобы вознагражденіе помѣщикамъ за переходящіе въ собственность крестьянъ надѣлы ограничилось выкупною ссудой по Положенію о выкупѣ 19 февр. 1861 г.

Предположенія совѣта объ обязательномъ выкупѣ, какъ о пониженіи выкупныхъ платежей и сложеніи недоимокъ съ крестьянъ—собственниковъ, для которыхъ эти платежи были понижены, были утверждены государемъ. Вопросъ о способахъ пониженія выкупныхъ платежей и размѣрахъ пониженія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ былъ предложенъ особому совѣщанію, въ которомъ кромѣ высшихъ сановниковъ (министровъ графа Н. П. Игнатьева, М. Н. Островскаго и Н. Х. Бунге) участвовали многіе свѣдущіе люди—эксперты, приглашенные по выбору министровъ [1]). Министры и эксперты сошлись въ общемъ мнѣніи о распространеніи выкупныхъ платежей на черноземныя и степныя мѣстности 35 губерній, ассигнованіи для осуществленія этой мѣры 12 милл. рублей и сложеніи во всей Имперіи накопившихся недоимокъ въ выкупныхъ платежахъ. Размѣръ общаго пониженія предположено ограничить однимъ рублемъ съ душеваго на-

[1]) Всего было приглашено 13 экспертовъ изъ числа предсѣдателей и гласныхъ губернскихъ земскихъ собраній и предводителей дворянства. Въ числѣ экспертовъ былъ также предсѣдатель Московскаго общества сельскаго хозяйства Шатиловъ.

Digitized by Google

дѣла. Когда все дѣло о выкупныхъ платежахъ было внесено сначала въ соединенное присутствіе, а потомъ общее собраніе государственнаго совѣта, въ томъ и другомъ снова возникли пренія о размѣрѣ пониженія. Большинство членовъ совѣта согласилось съ мнѣніемъ особаго совѣщанія, но меньшинство возражало противъ одинаковаго размѣра пониженія выкупныхъ платежей при рѣзкомъ различіи экономическаго положенія крестьянъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, какъ и размѣра казенныхъ суммъ на эту операцію, опредѣляемыхъ особымъ совѣщаніемъ. Меньшинство предлагало уменьшить ихъ на 3 милліона рублей.

Государь утвердилъ мнѣніе большинства членовъ совѣта. Въ силу новаго закона обязательныя отношенія крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ прекратились во всей Россіи, хотя по отдѣльнымъ мѣстностямъ Россіи эти отношенія исчезали постепенно. Послѣдній остатокъ экономически зависимыхъ, сословно-обязательныхъ отношеній былъ упраздненъ въ Россіи въ 1892 г. когда калмыкамъ—простолюдинамъ были дарованы, согласно предположенію министра государственныхъ имуществъ, М. Н. Островскаго, принятому единогласно въ государственномъ совѣтѣ, всѣ личныя права сельскихъ обывателей и навсегда отмѣнено право высшихъ калмыцкихъ сословій (нойонговъ и зайсанговъ) на подвластныхъ калмыковъ. Взамѣнъ сбора, который взимался съ калмыковъ простолюдиновъ въ пользу владѣльцевъ послѣднимъ было назначено въ извѣстномъ размѣрѣ вознагражденіе изъ общественнаго калмыцкаго капитала [1]).

Всѣми этими мѣрами относительно прекращенія экономической зависимости крестьянъ отъ ихъ помѣщиковъ крестьяне превратились въ собственниковъ своихъ надѣловъ и вмѣ-

---

Юбил. изданіе, (144—151 стр.)

Digitized by Google

стѣ съ тѣмъ сдѣлались свободными гражданами русскаго государства. Для развитія благосостоянія ставшаго теперь самостоятельнымъ крестьянскаго сословія было предпринято въ царствованіе Александра III много очень важныхъ мѣръ, въ обсужденіи которыхъ принималъ живое участіе государственный совѣтъ. Однѣ изъ этихъ мѣръ касались непосредственно увеличенія матеріальнаго благосостоянія всего крестьянскаго населенія. Таковы были: отмѣна тяжкой для него подушной подати, ограниченіе частыхъ поземельныхъ раздѣловъ въ крестьянскихъ семьяхъ, подрывающихъ ихъ экономическую самостоятельность, и предоставленіе возможности самимъ крестьянамъ пріобрѣтать поземельную собственность при помощи спеціально учрежденнаго въ интересахъ крестьянскаго сословія крестьянскаго поземельнаго банка. Другаго рода мѣры были тѣ, которыя обезпечивали крестьянскимъ обществамъ и отдѣльнымъ въ нихъ лицамъ свободу передвиженія по Россіи съ цѣлью самимъ отыскать лучшія условія экономической жизни. Сюда относятся облегченія, созданныя для крестьянскаго сословія пересмотромъ паспортной системы, особенно же организація переселеній крестьянъ въ мѣстности, еще незаселенныя съ непочатой почвой и благопріятными для земледѣлія климатическими условіями.

Нужда въ отмѣнѣ подушной подати, которою было издавна обложено крестьянское населеніе въ Россіи, ясно сознавалась въ царствованіе Александра II, который выразилъ твердое намѣреніе отмѣнить подушную подать, замѣнивши ее другими налогами и сборами. Это рѣшеніе было принято Александромъ Николаевичемъ, не смотря на трудность изыскать вмѣсто подушной подати, доставляющей государственному казначейству 60 мл. рублей, новые источники дохода. Въ 1881 г. въ министерствѣ финансовъ были составлены предположенія объ отмѣнѣ подушной подати въ извѣстной срокъ и замѣнѣ ея въ государственномъ бюджетѣ нѣсколько

Digitized by Google

увеличенными, уже существующими налогами. Проэктъ министра финансовъ, Н. Х. Бунге былъ внесенъ сначала въ особое совѣщаніе [1]), а затѣмъ соединенные департаменты и общее собраніе государственнаго совѣта. Въ этомъ послѣднемъ произошло при обсужденіи вопроса „рѣдкое, по словамъ автора юбилейнаго изданія, разногласіе, которое касалось не сущности представленія, а лишь одной фразы Именнаго Высочайшаго указа сенату". Меньшинство находило неудобнымъ включать въ указъ заявленіе о намѣреніи правительства „начать отмѣну подушной подати": всякаго рода обѣщанія реформъ меньшинство считало опасными, такъ какъ изъ нихъ могутъ возникнуть „неправильныя понятія или несбыточныя, преувеличенныя надежды". Однако, большинство членовъ совѣта не раздѣляло такихъ тревожныхъ опасеній меньшинства, полагало, что отмѣной подати для трехъ разрядовъ плательщиковъ дѣйствительно только что начинается реформа—отмѣна всѣхъ вообще подушныхъ сборовъ, которая была обѣщана народу въ Высочайшемъ повелѣніи 25 марта 1861 г. Это мнѣніе большинства было утверждено государемъ. Подушная подать была отмѣнена навсегда съ 1 января 1887 г. для всего крестьянскаго населенія имперіи, за исключеніемъ Сибири [2]).

Большое значеніе въ дѣлѣ улучшенія благосостоянія крестьянскаго населенія имѣлъ законъ объ ограниченіи семейныхъ раздѣловъ. Съ 1861 по 1882 г. раздѣлилось болѣе двухъ милліоновъ крестьянскихъ семействъ. Возникновеніе новыхъ крестьянскихъ хозяйствъ, въ которыхъ недоставало силъ, нужныхъ для правильнаго ихъ хода и развитія, повело къ упадку благосостояніи сельскаго населенія во многихъ мѣстностяхъ Россіи. Положеніе 19 февр. 1861 г. заклю-

---

[2]) Ibidem, 151--153 стр.

[1]) Въ особое совѣщаніе взошли: М. К. Рейтернъ, графы Э. Т. Барановъ Д. А. Толстой, М. Н. Островскій, Д. М. Сольскій и Н. Х. Бунге.

Digitized by Google

чало въ себѣ нѣкоторыя статьи, вызывающія такое тяжелое матеріальное состояніе освобожденныхъ крестьянъ. Въ силу Положенія крестьянскія общества могли сами распоряжаться землею, принадлежащей имъ въ качествѣ надѣловъ. „Міръ“ могъ свободно распоряжаться надѣлами своихъ членовъ: для этого требовалось, согласно Положенію, одно согласіе на передѣлъ общинной земли, въ составъ которой входили надѣлы, двухъ частей домохозяевъ, присутствующихъ на сходѣ. Отсюда вытекало естественное опасеніе у зажиточныхъ крестьянъ, чтобы обработанные ими, доходные поземельные участки не были отобраны сходомъ и переданы въ другія руки. Кромѣ этого тормозящаго развитіе крестьянскаго хозяйства и узаконеннаго Положеніемъ факта, къ такому же результату вело разрѣшеніе съ 1870 г. сельскимъ обществамъ отчуждать постороннимъ лицамъ надѣльныя ихъ земли съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій. Въ концѣ 70-хъ годовъ уже немало было случаевъ подобнаго отчужденія надѣльныхъ участковъ, выкупленныхъ отдѣльными крестьянами, были также случаи продажи земель цѣлыми крестьянскими обществами. Крестьянскіе надѣлы переходили десятками, а иногда и сотнями въ руки лицъ, которыя не принадлежали къ крестьянскому сословію, къ нерѣдко полному раззоренію его членовъ.

Всѣ эти обстоятельства, при которыхъ совершалось систематическое и неизбѣжное распаденіе хозяйства въ сельскихъ обществахъ, грозили всему дальнѣйшему развитію матеріальнаго благосостоянія крестьянъ. Поэтому въ 1886 г. министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Д. А. Толстой внесъ въ государственный совѣтъ представленіе относительно обезпеченія правильной дѣятельности сельскихъ сходовъ при передѣлѣ поземельныхъ участковъ и предупрежденія самовольныхъ семейныхъ разъѣловъ. Проэктъ графа Толстого содержитъ подробное опредѣленіе порядка дѣйствій членовъ при разсмо-

Digitized by Google

трѣніи дѣлъ о семейныхъ раздѣлахъ и устанавливаетъ надзоръ за дѣятельностью сходовъ. Въ видѣ общаго правила было предложено постановленіе, чтобы семейные раздѣлы допускались только съ согласія старшаго члена семьи. Государственный совѣтъ принялъ проэктъ графа Толстого, который былъ утвержденъ государемъ.

Въ 1893 г. министръ внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретарь И. И. Дурново внесъ въ государственный совѣтъ проектъ, въ которомъ опредѣлялись предметы передѣловъ и ихъ наименьшій срокъ, какъ и порядокъ составленія приговоровъ о передѣлахъ и организація надзора за производствомъ такого рода дѣлами. Въ проэктѣ указаны и мѣры для сохраненія участковъ за домохозяевами, которые улучшали ихъ обработкой за время своего владѣнія. Впредь до общаго пересмотра, предоставлялось проэктомъ министру внутреннихъ дѣлъ дѣйствіе узаконеній, которыми опредѣляются поземельныя права крестьянскаго населенія, пріостанавливать. Наконецъ, въ проектѣ привсдены мѣры, которыми ограничиваются права крестьянъ по распоряженію ихъ надѣлами.

При разсмотрѣніи проэкта Дурново въ государственномъ совѣтѣ, соединенномъ присутствіи департаментовъ законовъ, государственной экономіи и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ единогласно установлены порядокъ разрѣшенія крестьянскимъ обществамъ отчуждать ихъ надѣльныя земли извѣстной цѣнности и надзоръ за ними въ этомъ случаѣ со стороны соотвѣтствующихъ учрежденій. Въ общемъ собраніи государственнаго совѣта меньшинство членовъ полагало оставить въ немъ дѣйствующее законодательство по этому предмету. Но большинство находило возможнымъ допустить отчужденіе надѣльной земли продажею или дареніемъ не только сельскимъ же обывателямъ, но и лицамъ другихъ сословій съ соблюденіемъ особыхъ условій. Мнѣніе большинства было утверждено государемъ 14 декабря 1893 г. Этимъ

Digitized by Google

закономъ было установлено общее правило, что выдѣлъ отдѣльныхъ домохозяевъ и досрочный выкупъ ими участковъ изъ общинной земли, до уплаты выкупной ссуды, допускается только съ согласія общества и на условіяхъ, опредѣленныхъ приговоромъ сельскаго схода. Послѣдней мѣрой, предпринятой въ царствованіе Александра III, въ видахъ лучшаго обезпеченія крестьянскаго населенія землею, было изданіе въ 1882 г. положенія о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ: ссуды изъ этого банка крестьянскимъ обществамъ на льготныхъ условіяхъ облегчили пріобрѣтеніе земли крестьянамъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи.

Въ царствованіе Александра III при дѣятельной помощи государственнаго совѣта были выработаны законоположенія, направленныя къ поднятію матеріальнаго благосостоянія русскаго дворянства. Послѣднее при осуществленіи крестьянской реформы потерпѣло большой ущербъ въ своемъ хозяйствѣ и при новыхъ условіяхъ общественной жизни не могло сразу и само безъ помощи правительства пріобрѣсти экономическую самостоятельность. Въ связи съ ея поднятіемъ находилась отведенная въ тоже время дворянскому сословію видная роль въ мѣстномъ управленіи, которая возвышалл дворянство надъ всѣми другими русскими сословіями и обезпечивала ему сильное вліяніе на все государственное управленіе. На это первенствующее политическое значеніе русскаго дворянства указываютъ слова Высочайшаго рескрипта, даннаго дворянству въ столѣтній юбилей со дня пожалованія ему Екатериной II грамоты (21 апрѣля 1885 г.). Здѣсь было сказано, что „Россійскіе дворяне и нынѣ, какъ и въ прежнее время, должны сохранять первенствующее мѣсто въ предводительствѣ ратномъ, въ дѣлахъ мѣстнаго управленія и суда и безкорыстномъ попеченіи о нуждахъ народа“.

При освобожденіи крестьянъ явилась нужда въ преобра-

Digitized by Google

зованіи мѣстнаго управленія. Но въ теченіе царствованія Александра II были предприняты нѣкоторыя отдѣльныя мѣры въ этомъ отношеніи и то, главнымъ образомъ, въ интересахъ болѣе цѣлесообразнаго проведенія крестьянской реформы. Такой именно характеръ имѣло учрежденіе должности мировыхъ посредниковъ, упраздненной въ 1894 г. со введеніемъ земскихъ и судебныхъ (мировыхъ) установленій. Въ послѣдующее время царствованія Александра Николаевича начаты подготовительныя работы къ коренной реорганизаціи мѣстнаго управленія, въ которой приняли участіе нѣкоторые сенаторы, впослѣдствіи члены государственнаго совѣта[1]) Эти лица были командированы въ нѣкоторыя губерніи для знакомства на мѣстѣ съ положеніемъ дѣла. Отчеты сенаторовъ поступили въ учрежденную въ началѣ царствованія Александра III особую коммиссію, гдѣ предсѣдательствовалъ членъ государственнаго совѣта, М. С. Каховъ. Эта коммиссія работала пять лѣтъ, въ теченіе которыхъ былъ приведенъ въ систему матеріалъ относительно мѣстнаго управленія, собранный сенаторами, и выработаны проэкты положеній объ устройствѣ всѣхъ видовъ мѣстнаго управленія (сельскаго, волостного, уѣзднаго и губернскаго). Въ 1886 г. „Кахановская“ коммиссія была закрыта и дѣла ея переданы въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Д. А. Толстой призналъ невозможнымъ приступить немедленно къ коренному преобразованію всѣхъ мѣстныхъ учрежденій, рѣшилъ, что слѣдуетъ начать это дѣло съ крестьянскихъ установленій, а потомъ уже перейти къ земскимъ и городскимъ. Въ вопросѣ о реформѣ крестьянскихъ учрежденій графъ Толстой нашелъ, что имъ недостаетъ сильной власти на мѣстахъ, а также и надзора за дѣятельностью крестьянскаго управле-

[1]) Это были: А. А. Половцевъ, С. А. Мордвиновъ, И. И. Шамшинъ и М. Е. Ковалевскій.

Digitized by Google

нія. Поэтому было предположено на мѣстѣ упраздняемыхъ, уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій образовать новые органы крестьянскаго управленія, которые могли бы завѣдывать имъ и сохранять порядокъ и спокойствіе въ мѣстности. Эти новые органы были названы *земскими начальниками*, изъ которыхъ составлялись особые съѣзды. Должность земскаго начальника, назначаемаго правительствомъ, рѣшено предоставить мѣстному дворянству, при чемъ кандидаты изъ его среды должны были удовлетворять извѣстнымъ условіямъ. Во главѣ уѣзднаго съѣзда земскихъ начальниковъ поставленъ уѣздный предводитель дворянства. Въ числѣ членовъ съѣзда находятся предсѣдатель уѣздной земской управы и уѣздный исправникъ. Установлена также извѣстная система надзора за дѣятельностью земскихъ начальниковъ, уѣздныхъ ихъ съѣздовъ и губернскихъ присутствій со стороны правительственныхъ органовъ.

Соединенное присутствіе департаментовъ законовъ, государственной экономіи и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ[1]) куда внесенъ былъ этотъ проэктъ графа Д. А. Толстого, занялось принципіальнымъ вопросомъ, предварительное рѣшеніе котораго оно признало чрезвычайно важнымъ не только въ виду предполагаемаго назначенія новыхъ мѣстныхъ учрежденій для крестьянскаго управленія, но также и вообще для дѣятельности остальныхъ органовъ мѣстнаго управленія. Соединенное присутствіе нашло нѣкоторое противорѣчіе въ представленіи министра внутреннихъ дѣлъ по этому вопросу. Министръ, съ одной стороны, указываетъ на безпорядки во всемъ строѣ мѣстнаго управленія, препятствующіе правильному развитію общественной и частной жизни, съ дру-

---

[1]) Въ засѣданіяхъ соединеннаго присутствія департаментовъ государственнаго совѣта на этотъ разъ участвовали особо приглашенные члены: А. Е. Тимашевъ, К. К. Гротъ, Б. П. Мансуровъ и К. П. Побѣдоносцевъ и ближайшіе сотрудники графа Толстого.

Digitized by Google

гой же предлагаетъ создать новую должность земскаго начальника, которая спеціально предназначается для обновленія и упорядоченія крестьянскаго управленія и не имѣетъ никакого отношенія и связи съ остальными административными учрежденіями. При разрѣшеніи вопроса о характерѣ должности земскихъ начальниковъ, ея роли въ мѣстномъ управленіи меньшинство членовъ общаго собранія (13) согласилось съ предложеніемъ графа Толстого образовать должность земскихъ начальниковъ съ спеціальнымъ назначеніемъ органа, завѣдующаго крестьянскимъ управленіемъ. Но значительное большинство (39) склонилось къ мнѣнію, что должность земскаго начальника должна быть введена въ систему мѣстныхъ правительственныхъ установленій, а не стоять отъ нихъ въ сторонѣ изолированною и одинокою. Высочайше утверждено было мнѣніе меньшинства членовъ государственнаго совѣта[1]).

Въ такомъ же спеціальномъ, сословномъ духѣ былъ рѣшенъ и вопросъ относительно преобразованія мѣстнаго судопроизводства, сосредоточеннаго теперь въ рукахъ городскихъ судей и земскихъ начальниковъ. Нужно, однако, замѣтить, что опять большинство членовъ государственнаго совѣта высказалось „за допущеніе постороннихъ лицъ въ судебныя засѣданія городскихъ присутствій“, очевидно, желая такимъ путемъ внести въ организацію общественный элементъ. Но меньшинство примкнуло къ противоположному мнѣнію графа Толстого, которое и было утвер-

[1]) Въ дѣлахъ архива государственнаго совѣта резолюція Александра III по этому предмету выражена въ слѣдующихъ словахъ: „соглашаясь съ мнѣніемъ 13 членовъ, желаю, чтобы мировые судьи въ уѣздахъ были упразднены для того, чтобы обезпечить нужное количество земскихъ начальниковъ въ уѣздѣ и облегчить уѣзду тяжесть платежей. Часть дѣлъ мировыхъ судей можетъ перейти къ земскимъ начальникамъ и въ волостные суды, а меньшая часть, болѣе важныя дѣла, могла бы отойти къ окружнымъ судамъ“.

Digitized by Google

ждено государемъ. Положеніе о земскихъ начальникахъ было санкціонировано 12 іюля 1889 г., а правила о производствѣ судебныхъ дѣлъ земскими начальниками и городскими судьями утверждены 12 іюля того же года.

Дальнѣйшій ходъ преобразованій въ мѣстномъ управленіи царствованія Александра III находился въ зависимости, съ одной стороны, отъ финансовыхъ соображеній, а съ другой отъ успѣха подготовительныхъ работъ. Послѣ реформы крестьянскихъ учрежденій на очереди стояла земская реформа. Поводомъ къ ней послужили слѣдующія соображенія. Прежде всего, обнаружились извѣстныя неудобства обособленности земства среди правительственныхъ учрежденій относительно удовлетворенія мѣстныхъ хозяйственныхъ нуждъ: послѣднее Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ 1 января 1864 г. было предоставлено самому земству. Оказалось также рѣзкое несоотвѣтствіе между неограниченнымъ правомъ самообложенія и значительной распорядительной властью земства и недостаткомъ средствъ для исполненія его распоряженій: мѣстные правительственные органы не считали себя обязанными содѣйствовать этому исполненію. По адресу земства высказывался упрекъ въ превышеніи предоставленныхъ ему полномочій въ сферѣ хозяйственныхъ интересовъ. Наконецъ, находили неудовлетворительнымъ самый составъ земскихъ учрежденій, въ которыхъ благодаря низкому цензу участвовали лица, имѣющія отдаленное отношеніе къ хозяйственнымъ интересамъ мѣстности. Признанъ недостаточнымъ еще правительственный надзоръ за земскими учрежденіями.

Всѣ эти недостатки въ земскихъ учрежденіяхъ графъ Д. А. Толстой думалъ устранить своимъ проэктомъ новаго земскаго положенія, въ которомъ земское дѣло признано государственнымъ и на этомъ основаніи для завѣдыванія имъ призвано мѣстное дворянство, какъ элементъ населенія, наибо-

Digitized by Google

лѣе благонадежный, заинтересованный въ мѣстномъ благоустройствѣ и способный облегчить правительству заботы о нуждахъ населенія. Дворянамъ поэтому было предоставлено преобладающее численное значеніе при выборахъ въ земскіе гласные, при которыхъ сохранился прежній сословный характеръ. Правительственная власть облечена въ проэктѣ графа Толстого правомъ ближайшаго наблюденія и контроля за дѣятельностью земскихъ учрежденій. Противъ его проэкта были сдѣланы въ государственномъ совѣтѣ на столько многочисленныя возраженія, что пришлось снова переработать его въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Какого рода были эти замѣчанія, мы не узнаемъ отъ автора юбилейнаго сборника, который лишь замѣчаетъ, что они касались главнымъ образомъ различныхъ подробностей. Значитъ, были замѣчанія и по существу дѣла, да и относительно самыхъ подробностей проэкта этихъ замѣчаній набралось такъ много, что явилась нужда въ передѣлкѣ всего проэкта. Вторично внесенный уже преемникомъ графа Толстого, И. Н. Дурново въ государственный совѣтъ проэктъ былъ здѣсь принятъ безъ существенныхъ возраженій и утвержденъ государемъ 12 іюня 1870 года.

Авторъ юбилейнаго изданія разсматриваетъ вопросъ о преобразованіи мѣстнаго управленія въ царствованіе Александра III только съ точки зрѣнія интересовъ дворянскаго сословія, которому было отведено такое видное мѣсто въ новыхъ крестьянскихъ и земскихъ учрежденіяхъ. Поэтому вслѣдъ за изложеніемъ вопроса о земской реформѣ и нѣсколькихъ словъ о новомъ городовомъ положеніи [1]) говорится о мѣрахъ къ подъему матеріальнаго благосостоянія дворянства, которыя были проведены въ царствованіе Алексан-

[1]) Сказано только, что „два года спустя (послѣ изданія новаго земскаго положенія), издано пересмотрѣнное на тѣхъ-же началахъ новое городовое положеніе".

Digitized by Google

дра III. Важнѣйшей изъ этихъ мѣръ было учрежденіе государственнаго дворянскаго земельнаго банка (3 іюня 1885 г.), который обезпечивалъ дворянамъ удешевленный кредитъ на самыхъ льготныхъ условіяхъ. Въ интересахъ же увеличенія матеріальнаго благосостоянія дворянства были приняты и нѣкоторыя другія мѣры [1]).

Кромѣ выработанныхъ при участіи государственнаго совѣта новыхъ положеній, крестьянскихъ, земскихъ и городскихъ, отличающихся сословнымъ характеромъ, въ царствованіе Александра III было обращено вниманіе на общее состояніе *народнаго и государственнаго хозяйства*. Съ развитіемъ экономическихъ отношеній внутри страны, усиленіемъ хозяйственнаго оборота внѣ ея, при неизбѣжномъ увеличеніи государственныхъ расходовъ, при неурожайныхъ годахъ и военныхъ событіяхъ какъ и совершенныхъ преобразованіяхъ потребовались особенно напряженныя усилія правительства для устраненія неизбѣжныхъ финансовыхъ затрудненій. Поэтому министерство финансовъ представляло въ государственный совѣтъ многочисленные и разнообразные проэкты, которые касались увеличенія существующихъ податей и налоговъ и введенія новыхъ. Были увеличены нѣкоторые косвенные и поземельные налоги и—съ недвижимыхъ городскихъ имуществъ. Введены новые налоги—дополнительный процентный и раскладочный сборъ съ предпріятій, содержимыхъ по гильдейскимъ свидѣтельствамъ, сборъ съ доходовъ съ денежныхъ капиталовъ и пошлины съ безмезднаго перехода имуществъ. Состояніе государственныхъ финансовъ было такъ затруднительно, что согласно волѣ государя было признано необходимымъ обложить сборомъ на ряду съ капиталами, которые находятся во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, также и значительные денежные капиталы, при-

---

[1]) Ibidem 157 - 165 стр.

Digitized by Google

надлежащіе Министерству Императорскаго Двора и удѣловъ. Подобнаго рода суммы въ иностранныхъ государствахъ въ виду спеціальнаго ихъ назначенія освобождаются отъ всякаго рода налоговъ. По волѣ императора Александра III денежные капиталы Министерства Двора и удѣльнаго вѣдомства не только были привлечены къ уплатѣ общегосударственнаго налога, но вмѣстѣ съ тѣмъ Министерству Двора предписано покрывать происходящую отсюда убыль въ средствахъ изъ своихъ собственныхъ средствъ безъ дополнительныхъ ассигнованій изъ государственнаго казначейства.

При введеніи новыхъ налоговъ имѣлось въ виду обложенія разныхъ родовъ имущества производить сообразно съ доходами его собственниковъ, Министерство финансовъ даже предполагало введеніе въ государствѣ общаго подоходнаго налога. Но государственный совѣтъ, куда поступилъ такого рода проэктъ изъ министерства финансовъ, призналъ несвоевременнымъ такого рода коренную реформу въ источникахъ государственныхъ доходовъ: къ ней одинаково неподготовлены какъ администрація, такъ и само общество, гдѣ возможно ожидать систематическаго уклоненія отъ правильныхъ свѣдѣній о дѣйствительномъ доходѣ съ имуществъ его собственниковъ. Тѣмъ не менѣе государственный совѣтъ согласился съ министромъ финансовъ въ принципѣ о необходимости обосновать обложеніе всего населенія въ пользу государства на чистомъ доходъ съ имуществъ. Нѣкоторое приближеніе къ подоходному налогу представляетъ собою государственный квартирный налогъ, который установленъ на томъ основаніи, что расходъ на квартиру находится въ извѣстномъ, постоянномъ соотношеніи съ бюджетомъ извѣстнаго лица. Поэтому квартирный налогъ составляетъ 2—10 проц. платы за квартиру лицъ, доходъ которыхъ превышаетъ извѣстный его minimum съ имущества, освобождающій отъ уплаты этого налога, смотря по отдѣльнымъ мѣстностямъ, различію городовъ и въ нихъ имущественныхъ слоевъ населенія.

Digitized by Google

Изъ косвенныхъ налоговъ вниманіе правительства было обращено на наиболѣе распространенные акцизные сборы съ табаку и питей. Однако, предположеніе министра финансовъ, И. А. Вышнеградскаго о введеніи въ Россію табачной регаліи, обѣщавшее казнѣ большія выгоды, не нашло одобренія въ средѣ государственнаго совѣта. Послѣ того, какъ министерство финансовъ собрало, согласно желанію совѣта, подробныя данныя о состояніи табачной промышленности въ Россіи и представило ихъ въ совѣтъ, здѣсь его члены пришли къ тому заключенію, что единовременная затрата казною болѣе 80 милл. рублей на введеніе въ странѣ табачной монополіи не оправдалась бы ожидаемыми отъ нея доходами и, кромѣ того, стѣснила бы сильно развитіе у насъ табачной промышленности. Поэтому проэктъ министра финансовъ былъ отклоненъ государственнымъ совѣтомъ.

Иначе онъ отнесся къ предположеніямъ о введеніи казенной продажи питей. Главною цѣлью преобразованія въ дѣлѣ питейной продажи было поставлено еще до введенія винной монополіи увеличеніе государственныхъ доходовъ, а также и улучшеніе народной нравственности путемъ противодѣйствія развитію пьянства въ народѣ. Составленный въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ министромъ финансовъ Н. Х. Бунге, проэктъ ограниченія неумѣреннаго потребленія въ народѣ крѣпкихъ напитковъ былъ тщательно разсмотрѣнъ сначала въ особыхъ совѣщаніяхъ свѣдущихъ людей по питейному дѣлу, приглашенныхъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи[1]), а потомъ въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ. Послѣ обстоятельнаго разсмо-

[1]) Въ эксперты были приглашены, лица, занимающія самыя разнообразныя должности: губернскій предводитель дворянства, предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ и ихъ члены и гласные, непремѣнный членъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, чиновникъ особыхъ порученій при министерствѣ двора, городской голова. Всего 10 человѣкъ.

Digitized by Google

трѣнія всего дѣла, государственный совѣтъ счелъ необходимымъ прежде окончательнаго его разрѣшенія учредить особыя губернскія комиссіи, которымъ и поручить представить въ Министерство финансовъ соображенія о правильной организаціи торговли питіями въ интересахъ народной нравственности. Это мнѣніе государственнаго совѣта было утверждено государемъ. На основаніи данныхъ, добытыхъ на мѣстахъ губернскими коммиссіями, былъ составленъ министерствомъ финансовъ новый проэктъ о раздробительной торговлѣ крѣпкими напитками. Предполагалось воспретить открытіе питейныхъ домовъ и кабаковъ—притоновъ разгула и ростовщичества и разрѣшать раздробительную торговлю крѣпкими напитками заведеніямъ, гдѣ подается горячая пища. Кромѣ того, у крестьянскихъ обществахъ отнято право выдавать разрѣшительные приговоры на открытіе питейныхъ заведеній, но имъ дозволено составлять приговоры съ цѣлью запретить питейную продажу въ селеніяхъ, гдѣ она до того времени существовала. Этотъ проэктъ послѣ его обсужденія въ государственномъ совѣтѣ былъ утвержденъ государемъ 14 мая 1885 года.

Когда вступилъ въ управленіе министерствомъ финансовъ С. Ю. Витте, онъ нашелъ, что въ дѣлѣ урегулированія торговли крѣпкими напитками слѣдуетъ обратиться рѣшительно къ системѣ казенной монополіи, сосредоточенія въ рукахъ государства какъ производства, такъ и продажи крѣпкихъ напитковъ, оптовой и розничной. Мотивомъ къ переходу отъ частной предпріимчивости къ казенному завѣдыванію всѣмъ питейнымъ дѣломъ были какъ соображенія финансоваго свойства, такъ и доводы моральнаго характера. При казенной продажѣ питей разсчитывали имѣть крупные доходы, нужные для удовлетворенія безпрерывно возрастающихъ государственныхъ расходовъ. Съ другой стороны, продажа вина потребителямъ казенными агентами, которые не

Digitized by Google

заинтересованы, какъ частные торговцы, въ спаиваніи народа и сбытѣ недоброкачественнаго вина, должно было повести къ уменьшенію большихъ злоупотребленій, вредно отзывающихся на матеріальномъ благосостояніи и нравственности народа. С. Ю. Витте предположилъ въ видѣ опыта ввести казенную продажу питей сначала только въ четырехъ заволжскихъ губерніяхъ [1]). Это послѣднее предложеніе министра финансовъ заставило примкнуть къ его мнѣнію о винной монополіи большинство членовъ государственнаго совѣта, которые полагали, что такимъ путемъ можетъ быть рѣшенъ вопросъ, въ состояніи-ли правительство взять въ свои руки питейное дѣло, чтобы достигнуть предположенныхъ при реформѣ цѣлей.

Государственный совѣтъ поручилъ также министру финансовъ ввести извѣстныя поправки въ его проэктъ и внести его вновь на разсмотрѣніе совѣта. Мнѣніе большинства совѣта было утверждено государемъ. Вслѣдъ за тѣмъ исправленный С. Ю. Витте проэктъ положенія о казенной продажѣ питей былъ подвергнутъ обсужденію государственнаго совѣта, а затѣмъ утвержденъ государемъ (6 іюня 1894 года).

Къ дѣятельности государственнаго совѣта въ области государственнаго хозяйства относятся выработанныя въ немъ мѣры, касающіяся таможенныхъ и желѣзнодорожныхъ тарифовъ, организаціи желѣзнодорожнаго дѣла въ государствѣ и установленія равновѣсія между государственными доходами и расходами. Въ 1887 г. въ министерствѣ финансовъ былъ предпринятъ общій пересмотръ таможеннаго тарифа, результатомъ котораго былъ проэктъ о взиманіи усиленныхъ пошлинъ тарифа. Проэктъ различаетъ двойной таможенный тарифъ—максимальный и минимальный; изъ нихъ первый

[1]) Пермской, Уфимской, Самарской и Оренбургской.

Digitized by Google

предположено примѣнять къ товарамъ изъ странъ, которыя не предоставятъ русскимъ товарамъ льготныхъ условій ввоза и транзита. Минимальный тарифъ, наоборотъ, долженъ примѣняться по отношенію къ странамъ, которыя обезпечатъ Россіи таможенныя льготы.

Проэктъ И. А Вышнеградскаго былъ разсмотрѣнъ въ государственномъ совѣтѣ и утвержденъ государемъ (11 іюня 1891 г.). Однимъ изъ послѣдствій новаго закона было заключеніе торговаго договора между Россіей и Германіей, испытавшихъ одинаково всѣ невыгоды высокихъ таможенныхъ пошлинъ на товары, ввозимые изъ одного государства въ другое. Государственный совѣтъ, согласно волѣ государя, разсматривалъ текстъ договора до его ратификаціи. Это былъ рѣдкій случай въ вѣковой дѣятельности государственнаго совѣта, когда онъ воспользовался правомъ, предоставленнымъ ему 53 ст. учрежденія государственнаго совѣта (изд. 1892 г.). На этотъ разъ было собрано чрезвычайное общее собраніе государственнаго совѣта, гдѣ вопросъ подробно и обстоятельно разсматривался какъ съ экономической, такъ и съ политической стороны, тщательно взвѣшены взаимныя выгоды обоихъ государствъ отъ заключенія торговаго договора, который и рѣшено принять и поднести чрезъ министра иностранныхъ дѣлъ на Высочайшую ратификацію.

Развитіе желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи въ царствованіе Александра III заставило правительство позаботиться объ обезпеченіи своего вліянія на устройство и эксплоатацію желѣзныхъ дорогъ, при которыхъ часто нарушались интересы частныхъ лицъ предпринимателями. По 1885 г. былъ изданъ общій уставъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, гдѣ содержатся общія правила для урегулированія всего желѣзнодорожнаго дѣла. Тоже соображеніе о соблюденіи общегосударственныхъ интересовъ заставило правительство обратить особое вниманіе на желѣзнодорожные тарифы,

Digitized by Google

устанавливаемые часто на основаніи частныхъ коммерческихъ интересовъ, не всегда совпадающихъ съ общими торгово-промышленными интересами страны. Поэтому Министерство путей сообщенія составило проэктъ, въ силу котораго подчинялись правительственному надзору тарифы прямого сообщенія, о которыхъ не говорится въ уставахъ желѣзнодорожныхъ обществъ. Когда этотъ проэктъ былъ внесенъ въ государственный совѣтъ, послѣдній согласился съ мыслью о необходимости правильнаго надзора за дѣятельностью желѣзнодорожныхъ обществъ въ дѣлѣ установленія и измѣненія тарифовъ со стороны правительства, какъ „верховнаго охранителя и защитника законныхъ интересовъ страны". Въ тоже время государственный совѣтъ призналъ необходимымъ поручить отдѣльнымъ вѣдомствамъ разработать вопросъ о способахъ осуществленія правительственнаго надзора. Въ изданномъ въ 1889 г. Положеніи о желѣзнодорожныхъ тарифахъ и учрежденіяхъ по тарифнымъ дѣламъ введенъ порядокъ, чтобы желѣзнодорожныя общества доводили обо всѣхъ измѣненіяхъ въ тарифѣ до свѣдѣнія правительства, которое можетъ признать новый тарифъ вреднымъ государственной пользѣ и пріостановить его или же указать на необходимыя въ немъ измѣненія. Наконецъ, былъ установленъ еще особый порядокъ разсмотрѣнія всѣхъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ въ соединенномъ присутствіи изъ комитета министровъ и департамента государственной экономіи.

Наконецъ, по отношенію къ *государственному бюджету* на долю государственнаго совѣта въ царствованіе Александра III выпала трудная задача послѣ цѣлаго ряда годовъ, въ теченіе которыхъ безпрерывно увеличивался дефицитъ, заставлявшій прибѣгать къ займамъ, установить соотвѣтствіе государственныхъ расходовъ съ доходами. Поэтому департаментъ государственной экономіи вмѣстѣ съ министромъ

Digitized by Google

финансовъ и государственнымъ контролеромъ долженъ былъ тщательно разсматривать ежегодно смѣты государственныхъ доходовъ и расходовъ, провѣрять правильность требованій со стороны каждаго изъ вѣдомствъ и соображать возможность удовлетворенія всѣхъ предположенныхъ расходовъпри наличномъ состояніи государственной казны. Въ результатѣ всей этой финансовой дѣятельности государственнаго совѣта за все время царствованія Александра III (1881—1894 г.) было увеличеніе государственныхъ расходовъ. Улучшенъ балансъ въ государственномъ бюджетѣ на 217 милліоновъ рублей. Сталъ исчезать изъ него дефицитъ. А на общее развитіе народно-хозяйственной жизни за это время указываетъ тотъ фактъ, что въ государственныхъ сберегательныхъ кассахъ за послѣднее десятилѣтіе (1884—1894 г.) вклады увеличилось съ 12 до 288 милліоновъ рублей[1]).

Относительно остальныхъ сторонъ дѣятельности государственнаго совѣта въ цавствованіе Александра III въ юбилейномъ изданіи находятся немногія, довольно общія и краткія указанія, изъ которыхъ трудно вывести заключеніе о степени участія совѣта въ дѣлѣ разработки того или другого законодательнаго акта. Такъ, напоминая о стремленіяхъ покойнаго государя къ упроченію мирныхъ отношеній между европейскими государствами, за что онъ получилъ наименованіе Царя Миротворца, авторъ юбилейнаго изданія замѣчаетъ, что государственный совѣтъ явился дѣятельнымъ помощникомъ при осуществленіи мирной программы Александра III[2]). Чрезъ совѣтъ прошли проэкты объ организа-

[1]) Юбилейное изданіе, 165—173 стр.

[2]) Въ рескриптѣ военному министру, П. С. Ванновскому было сказано: „Отечеству нашему несомнѣнно нужна армія сильная и благоустроенная, стоящая на высотѣ современнаго развитія военнаго дѣла, но не для агрессивныхъ цѣлей, а единственно для огражденія цѣлости и государственной чести Россіи. Охраняя неоцѣнимыя блага мира, вооруженныя силы Россіи должны развиваться и

Digitized by Google

ціи запаса и ополченія и подготовки офицеровъ, какъ и улучшеніи состава нашего военнаго флота. Въ сферѣ народнаго просвѣщенія въ государственномъ совѣтѣ обсуждался университетскій уставъ въ теченіе 20 засѣданій. По многимъ вопросамъ были высказаны различныя мнѣнія, но какія, неизвѣстно. Очевидно, однако, что большинство членовъ государственнаго совѣта было не на сторонѣ проэкта министра народнаго просвѣщенія, И. Д. Делянова: „по всѣмъ возникшимъ разногласіямъ государь утвердилъ мнѣніе меньшинства членовъ государственнаго совѣта, согласное съ предположеніями министра народнаго првсвѣщенія". Не встрѣтило сочувствія и одобренія и предложеніе И. Д. Делянова относительно коренного переустройства реальныхъ училищъ. Согласно съ проэктомъ они „должны были служить подготовительными заведеніями для вновь проэктированныхъ техническихъ училищъ съ сокращеніемъ курса ихъ до пяти лѣтъ и съ лишеніемъ воспитанниковъ сихъ училищъ права поступать въ высшія техническія учебныя заведенія". Этотъ проэктъ возбудилъ въ государственномъ совѣтѣ большія пренія. Лишь 8 членовъ поддерживали мнѣніе министра, 34 члена совѣта были противъ него. Проэктъ, согласно волѣ государя, былъ „оставленъ безъ послѣдствій" и министру народнаго просвѣщенія даны государемъ лично указанія по этому предмету. Какъ объяснилъ потомъ графъ И. Д. Деляновъ въ государственномъ совѣтѣ при обсужденіи новаго своего представленія о реальныхъ и промышленныхъ училищахъ, эти указанія ему государя касались продолжительности курса реальныхъ училищъ, кото-

---

совершенствоваться наравнѣ съ другими отраслями государственной жизни, не выходя изъ предѣловъ тѣхъ средствъ, которыя доставляются имъ увеличивающееся народонаселеніемъ и улучшающимися экономическими отношеніями".

Digitized by Google

рый было Высочайше повелѣно распредѣлить на шесть лѣтъ и столько же классовъ. Поэтому не было надобности возвращаться къ первоначальной мысли о коренномъ переустройствѣ реальныхъ училищъ. Все дѣло ограничилось нѣкоторыми частными измѣненіями въ уставѣ реальныхъ училищъ 1872 г.

Чрезъ государственный совѣтъ прошли основныя положенія о главныхъ типахъ промышленныхъ училищъ: ремесленныхъ, низшихъ и среднихъ техническихъ. При участіи совѣта было изданo нѣсколько законоположеній по организаціи техническаго образованія въ Россіи: нормальное положеніе и штатъ техническихъ желѣзнодорожныхъ училищъ, положеніе о техническомъ училищѣ почтово-телеграфнаго вѣдомства, преобразованномъ впослѣдствіи въ электротехническій институтъ, о горныхъ и другихъ училищахъ.

При Александрѣ III развиваются особенно церковно-приходскія школы на ряду съ народными земскими училищами, и—вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Важнѣйшимъ актомъ въ сферѣ *гражданскихъ правоотношеній* въ царствованіе Александра III является законъ объ узаконенныхъ и усыновленныхъ. Когда въ государственномъ совѣтѣ обсуждался вопросъ о порядкѣ усыновленія лицами, которыя пользуются правами почетнаго гражданства, было обращено вниманіе вообще на несправедливость запрещенія лицамъ высшихъ сословій вводить незаконнорожденныхъ дѣтей въ родную имъ семью. Министръ Юстиціи, Манассеинъ внесъ, согласно желанію совѣта, въ него проэктъ подробныхъ правилъ относительно узаконенія незаконно-рожденныхъ дѣтей какъ послѣдующимъ бракомъ ихъ родителей, такъ и безъ этого брака, но съ соблюденіемъ въ послѣднемъ случаѣ особыхъ условій. Въ проэктѣ былъ указанъ и порядокъ усыновленія лицами различныхъ сословій. Съ проэктомъ Манассеина согласилось большинство членовъ госу-

Digitized by Google

дарственнаго совѣта и только 3 его члена высказали опасенія, чтобы проэктированный законъ не „поколебалъ святыню жизни—бракъ и семью“. Мнѣніе большинства было утверждено государемъ (12 марта 1892 г.).

Послѣдніе акты дѣятельности государственнаго совѣта при Александрѣ III, о которыхъ упоминается въ юбилейномъ изданіи, относятся къ мѣрамъ развитія естественныхъ богатствъ нашей страны, тѣсно связанныхъ съ земледѣліемъ, сплоченія отдѣльныхъ частей имперіи въ одно неразрывное цѣлое и устройства среднеазіатскихъ владѣній. Такимъ образомъ, были разсмотрѣны въ государственномъ совѣтѣ и потомъ изданы правила относительно сбереженія лѣсовъ и объ охотѣ. Въ виду улучшенія земледѣлія въ странѣ было преобразовано, согласно съ мнѣніемъ государственнаго совѣта, министерство государственныхъ имуществъ въ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ (21 марта 1894 г.). Послѣдовали узаконенія при участіи совѣта о введеніи въ однѣхъ окраинахъ (въ Балтійскомъ краѣ) національныхъ языка и административныхъ учрежденій; въ другихъ (на Кавказѣ) сближенъ мѣстный строй управленія съ общегосударственнымъ. Управленіе Кавказомъ вручено главноначальствующему гражданскою частью, при которомъ образованъ совѣтъ для предварительнаго обсужденія наиболѣе важныхъ вопросовъ управленія.

Наконецъ, въ средне-азіатскихъ владѣніяхъ Россіи рядомъ законодательныхъ актовъ постепенно водворяются основные элементы гражданской жизни, наименѣе культурныя окраины нашего отечества сближаются съ общегосударственнымъ строемъ, основными гражданскими учрежденіями и политическимъ бытомъ русскаго государства[1]).

---

[1]) Юбилейное изданіе, 174—178 стр.

Digitized by Google

Десятая глава.

Государственный совѣтъ въ царствованіе Императора Николая II.

Нынѣ царствующій государь императоръ Николай II въ первомъ своемъ манифестѣ выразилъ свою волю словами „блюсти завѣты своего родителя". Поэтому въ первые же годы его царствованія продолжается дѣятельность высшихъ правительственныхъ учрежденій, и въ ихъ числѣ и государственнаго совѣта, по осуществленію многихъ задачъ управленія, намѣченныхъ въ прошлое царствованіе. Мы ограничимся только краткимъ обозрѣніемъ важнѣйшихъ законодательныхъ актовъ первыхъ годовъ царствованія Николая II съ его начала (20 окт. 1894 г.) и до знаменательнаго въ продолжительной дѣятельности русскаго государственнаго совѣта дня —1 марта 1901 г., когда исполнилось сто лѣтъ со времени его основанія.

Обращаемся сначала къ тѣмъ измѣненіямъ въ *составѣ* и *компетентности* государственнаго совѣта, которыя произошли въ первые годы царствованія Николая II. 1 января 1900 г. въ составѣ государственнаго совѣта былъ образованъ новый департаментъ — промышленности, наукъ и торговли. Въ этомъ департаментѣ стали разсматриваться всѣ дѣла, которыя относятся къ области народнаго просвѣщенія, промышленности разныхъ видовъ и торговли. Въ настоящее царствованіе продолжаетъ развиваться, практиковавшееся часто въ прошлое царствованіе, образованіе при государственномъ совѣтѣ особыхъ совѣщаній и коммиссій для предварительнаго разсмотрѣнія законопроэктовъ по особенно важнымъ и сложнымъ вопросамъ государственнаго управленія. Такъ въ 1895 г. были образованы двѣ коммиссіи при государственномъ совѣтѣ—одна для выработки законоположеній по ус-

Digitized by Google

тройству Черноморскаго побережья Кавказа, другая—для пересмотра устава о службѣ гражданской и другихъ постановленій, относящихся до службы гражданской. Въ 1896 г. была учреждена особая коммиссія при совѣтѣ, которой поручено разсмотрѣніе вотчиннаго устава, въ 1897 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ образованіи особаго совѣщанія при государственномъ совѣтѣ для всесторонняго выясненія современныхъ нуждъ дворянскаго сословія и мѣръ къ ихъ удовлетворенію. Наконецъ, въ 1900 г. было образовано особое совѣщаніе при государственномъ совѣтѣ для разсмотрѣнія вопросовъ о признаніи за дворянствомъ Прибалтійскихъ губерній правъ полной собственности на дворянскія имѣнія, состоявшія въ его вѣдѣніи, и объ условіяхъ поземельнаго устройства крестьянъ, водворенныхъ на земляхъ этихъ имѣній. Согласно манифесту 3 февраля 1899 года послѣдовало расширеніе дѣятельности государственнаго совѣта включеніемъ въ кругъ его дѣлъ проэктовъ законовъ, общихъ для Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго. Проэкты такихъ законовъ отнынѣ должны были разсматриваться государственнымъ совѣтомъ на общихъ основаніяхъ при участіи генералъ-губернатора и министра, статсъ-секретаря Великаго Княжества Финляндскаго, а также тѣхъ членовъ финляндскаго сената, которые будутъ для этого назначены Высочайшимъ повелѣніемъ [1]).

Съ начала настоящаго царствованія продолжаются заботы правительства о благосостояніи *крестьянскаго и дворянскаго сословій.* Въ 1896 г. были приняты мѣры для облегченія крестьянамъ уплаты выкупнаго долга. Въ 1899 г. послѣдовали два Высочайше утвержденныхъ мнѣнія госу-

[1]) Составленіе комиссій по особенно важнымъ вопросамъ государственнаго управленія вошло, по Учрежденію государственнаго совѣта 1901 г., въ компетентность его департаментовъ. Также сюда включено и обсужденіе законопроэктовъ, общихъ для Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго.

Digitized by Google

дарственнаго совѣта, которыя направлены къ облегченію платежей крестьянскимъ населеніемъ. Въ одномъ изъ нихъ предписывается подробное разслѣдованіе хозяйственнаго положенія особенно обремененныхъ по выкупнымъ платежамъ недоимками селеній, дабы разъяснить плательщикамъ ихъ права по дарованнымъ льготамъ. При этомъ министру финансовъ предоставлены широкія полномочія для облегченія выкупныхъ платежей и пониженія ихъ размѣровъ. Во второмъ законѣ идетъ рѣчь о смягченіи условій круговой поруки и о возможности полной ея отмѣны при уплатѣ крестьянами окладныхъ сборовъ. При взиманіи этихъ сборовъ надзоръ за правильнымъ ихъ поступленіемъ въ казну предоставленъ, на ряду съ податными инспекторами, земскимъ начальникамъ. Въ государственномъ совѣтѣ пересмотрѣнъ уставъ крестьянскаго поземельнаго банка, при чемъ введены новыя правила его дѣятельности, которыми облегчается крестьянамъ пользованіе помощью банка. Самому крестьянскому банку разрѣшено, въ видѣ опыта, покупать подходящія имѣнія, разбивать ихъ на участки и продавать крестьянамъ.

Положеніе дворянства послѣ освобожденія крестьянъ и до настоящаго времени авторъ юбилейнаго изданія характеризуетъ слѣдующими словами. „Быстрый потокъ народной жизни въ оба минувшія царствованія непрестанно колебалъ устои дворянскаго сословія. Примѣниться къ новымъ условіямъ и занять соотвѣтствующее мѣсто въ ряду общественныхъ силъ, вызванныхъ къ жизни перемѣнами новѣйшаго времени, стало для дворянства исторической задачей. При осуществленіи этой задачи первенствующее въ Имперіи сословіе должно было опереться на содѣйствіе государства". Помощь съ его стороны была оказана въ значительныхъ размѣрахъ въ прошлое царствованіе. Тѣже особенныя заботы о судьбѣ русскаго дворянства вызвали въ началѣ насто-

Digitized by Google

ящаго царствованія образованіе упомянутаго нами особаго совѣщанія, предсѣдателемъ котораго былъ назначенъ предсѣдатель комитета министровъ и членъ государственнаго совѣта, И. Н. Дурново [1]). Въ рескриптѣ на его имя указывалось на „затрудненія, переживаемыя мѣстнымъ дворянствомъ", удостовѣрялось, что „дворянскому сословію для блага Россіи необходимо сохранить занимаемое имъ доселѣ въ ея судьбахъ мѣсто" и выражалась воля государя „изыскать средства облегчить современное положеніе дворянства, всегда самоотверженно служившаго родинѣ". На первыхъ порахъ своей дѣятельности особое совѣщаніе, которое продолжаетъ работать и въ настоящее время, внесло въ государственный совѣтъ нѣсколько важныхъ для улучшенія положенія дворянства законопроэктовъ, которые возбудили большія пренія въ государственномъ совѣтѣ. Эти проэкты новыхъ законовъ касались вопросовъ: о заповѣдности дворянскихъ имѣній въ виду облегченія дворянамъ ихъ устройства, объ образованіи дворянскаго юношества въ особыхъ пансіонахъ-пріютахъ, учреждаемыхъ съ пособіемъ отъ казны. Въ этомъ же законопроэктѣ предполагалось предоставить дворянамъ юношамъ стипендіи въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Третій законопроэктъ возбуждалъ вопросъ объ измѣненіи условій, при которыхъ пріобрѣтаются и утрачиваются права потомственнаго дворянства.

Для разсмотрѣнія всѣхъ этихъ законопроэктовъ въ департаментахъ государственнаго совѣта присутствовали, по особому Высочайшему повелѣнію, съ правомъ голоса члены особаго совѣщанія: статсъ-секретари Куломзинъ и Плеве и

---

[1]) Въ составъ особаго совѣщанія вошли: членъ государственнаго совѣта, графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ и Н. С. Абаза, министры внутреннихъ дѣлъ, земледѣлія и государственныхъ имуществъ и финансовъ, статсъ-секретари—А. Н. Куломзинъ и В. К. Плеве, егермейстеры—графъ С. Д. Шереметевъ и Д. С. Сипягинъ.

Digitized by Google

егермейстеръ Сипягинъ. Въ юбилейномъ сборникѣ архивныхъ матеріаловъ приводятся разсужденія членовъ совѣта только по послѣднему вопросу—о пріобрѣтеніи и утратѣ правъ потомственнаго дворянства. Въ средѣ членовъ совѣта произошло коренное разногласіе по этому вопросу. Меньшинство членовъ государственнаго совѣта высказало мнѣніе, что „существованіе дворянства необходимо не въ видѣ награды за служебныя заслуги, а въ качествѣ сословія, которое, обладая извѣстными традиціями, служило бы для правительства непоколебимой опорой при проведеніи въ жизнь государственныхъ задачъ". По мнѣнію меньшинства, „продолжительная служба не даетъ еще увѣренности въ томъ, что награждаемый по воспитанію, по образу жизни и по нравственному облику приготовленъ къ воспринятію дворянскихъ понятій". Поэтому меньшинство отвергало въ принципѣ пріобрѣтеніе дворянскаго достоинства за службу государству, и признавало, что „для поднятія значенія дворянскаго сословія" оно должно пріобрѣтаться исключительно пожалованіемъ Верховною Властью.

Большинство членовъ государственнаго совѣта, наоборотъ, главное значеніе придавало коренному, освященному исторіей, началу нашего законодательства относительно государственной службы, что отличіе въ ней неразрывно связывается съ пріобрѣтеніемъ дворянства. Въ глазахъ большинства теоретическія соображенія не могутъ имѣть мѣста въ вопросѣ объ организаціи государственныхъ установленій, къ которымъ принадлежитъ и дворянство: здѣсь въ рѣшеніи вопроса нужно опираться на историческую почву.

Для предупрежденія же появленія въ средѣ дворянства чуждыхъ ему элементовъ достаточно повысить требованія для полученія дворянскаго достоинства по отношенію къ лицамъ, которыя находятся на государственной службѣ. Поэтому большинство предлагало сохранить настоящій по-

Digitized by Google

рядокъ пріобрѣтенія правъ потомственнаго дворянства всѣми существующими способами (Высочайшимъ пожалованіемъ, чинами по службѣ и орденами). Государь согласился съ мнѣніемъ большинства членовъ государственнаго совѣта.

Въ интересахъ матеріальнаго обезпеченія дворянства выработанъ, разсмотрѣнъ въ совѣтѣ и Высочайше утвержденъ проэктъ о дарованіи дворянскимъ обществамъ права на выморочныя городскія недвижимости потомственныхъ дворянъ. Для того, чтобы дворянскія имѣнія оставались въ средѣ дворянства, въ уставъ государственнаго дворянскаго поземельнаго банка введено правило, что банкъ долженъ продавать купленные имъ у дворянъ земельные участки преимущественно потомственнымъ дворянамъ, или, по крайней мѣрѣ, крестьянамъ. въ послѣднемъ случаѣ съ особаго разрѣшенія министра финансовъ.

Въ области *народно-хозяйственной жизни и государственнаго хозяйства* въ юбилейномъ сборникѣ отмѣчается рядъ новыхъ законоположеній большой важности, которыя прошли чрезъ государственный совѣтъ. Это были: положеніе о государственномъ промысловомъ налогѣ (утв. 8 іюня 1898 г.), новый уставъ о гербовомъ сборѣ (утв. 10 іюня 1900 г.), правила о предѣльности земскаго обложенія, новое положеніе объ обезпеченіи народнаго продовольствія. По поводу всѣхъ этихъ новыхъ законовъ авторъ юбилейнаго изданія ограничивается однимъ ихъ перечисленіемъ, хотя каждое изъ нихъ, особенно два послѣднихъ закона, значительно съузившіе компетентность земства, могли возбудить въ государственномъ совѣтѣ разнообразныя сужденія и пренія. Лишь относительно правилъ объ обезпеченіи народнаго продовольствія сказано въ юбилейномъ сборникѣ, что при ихъ обсужденіи „государственный совѣтъ единогласно привѣтствовалъ отмѣну круговой за продовольственныя ссуды

Digitized by Google

поруки“[1]). Совѣтъ „принималъ ближайшее участіе при разработкѣ положенія о всероссійской росписи 1895 г. при обсужденіи мѣропріятій, связанныхъ съ распространеніемъ казенной продажи питей въ различныхъ мѣстностяхъ россійской имперіи и по вопросу о преобразованіи центральныхъ установленій министерства путей сообщенія“ (въ 1899 г.). Когда въ государственномъ совѣтѣ обсуждался проэктъ о *денежной реформѣ*, онъ „не менѣе, чѣмъ когда либо, остался вѣренъ своему назначенію—быть чуткимъ, но въ тоже время сдержаннымъ цѣнителемъ мѣропріятій, жизненныя послѣдствія коихъ не поддаются предвидѣнію скорому и точному“. Мнѣніями государственнаго совѣта были подготовлены главныя основанія новой денежной реформы, основанной на золотой валютѣ. Новый монетный уставъ, разсмотрѣнный въ государственномъ совѣтѣ, утвержденъ 7 іюня 1799 г.

Въ дѣлѣ *народнаго просвѣщенія* въ первые годы настоящаго царствованія при помощи государственнаго совѣта изданы правила для низшихъ ремесленныхъ школъ, безплатно надѣлены землею и лѣсомъ сельскія училища, церковно-приходскія школы и школы грамоты.

Разсмотрѣны условія учрежденія различныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, особенно техническихъ. Открыты вновь: политехническіе институты въ Кіевѣ и Варшавѣ, технологическій институтъ въ Томскѣ, высшее горное училище въ Екатеринославлѣ, инженерное училище въ Москвѣ. Во Владивостокѣ учрежденъ восточный институтъ. Сдѣланы крупные шаги на пути расширенія высшаго женскаго образованія, именно открыты женскій медицинскій институтъ въ Петербургѣ, высшіе женскіе курсы въ Москвѣ. Женщинамъ-вра-

[1]) Высочайшимъ манифестомъ 26 февр. 1903 г. круговая порука въ крестьянскомъ имущественномъ быту отмѣнена окончательно.

Digitized by Google

чамъ предоставлены извѣстнаго рода права государственной службы.

Въ началѣ царствованія Николая II совершилось постепенное распространеніе дѣйствія судебныхъ уставовъ Императора Александра II на все пространство Россійской Имперіи. Въ 1898 г. въ государственный совѣтъ былъ внесенъ проэктъ новаго уголовнаго уложенія министромъ юстиціи, Муравьевымъ и предсѣдателемъ особо учрежденной для составленія уложенія, редакціонной коммиссіи, Э. В. Фришемъ. Для предварительнаго разсмотрѣнія проэкта образовано при государственномъ совѣтѣ особое совѣщаніе, которое подъ предсѣдательствомъ Э. В. Фриша составлено изъ многихъ лицъ[1]).

Одинъ изъ важнѣйшихъ законодательныхъ вопросовъ, рѣшенію котораго государственный совѣтъ особенно энергично содѣйствовалъ въ концѣ своей столѣтней дѣятельности, совпавшей съ началомъ настоящаго царствованія, былъ вопросъ объ отмѣнѣ *ссылки* въ Сибирь преступниковъ. Давно уже сознавалась необходимость этой мѣры, потерявшей свое колонизаціонное значеніе для Сибири съ проведеніемъ чрезъ нее желѣзной дороги, усиленіемъ свободнаго переселенія крестьянъ изъ Россіи и общимъ культурнымъ развитіемъ сибирскаго коренного населенія. До настоящаго царствованія не было ничего сдѣлано для окончательнаго рѣшенія вопроса объ отмѣнѣ ссылки. По почину царствующаго государя Николая II начаты работы по осуществленію этой мѣры. Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Государь

---

[1]) Членами особаго совѣщанія были назначены: министръ юстиціи, Н. В. Муравьевъ, его товарищъ, П. М. Бутовскій, государственный секретарь В. К. Плеве, сенаторъ Н. С. Таганцевъ и члены государственнаго совѣта: И. И. Розингъ, С. А. Мордвиновъ, М. Н. Галкинъ Враской,, Н. Н. Герардъ, И. И. Шамшинъ, И. Я. Голубевъ, Д. Г. фонъ Дервизъ, В. В. Верховскій и А. А. Сабуровъ.

Digitized by Google

высказалъ, что „давно пора избавить Сибирь отъ наводненія ея всѣми отбросами Европейской Россіи, въ особенности теперь, когда западная ея часть уже соединена желѣзной дорогой". Въ 1899 г. подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя состоялось особое совѣщаніе изъ высшихъ сановниковъ Имперіи[1]), результатомъ котораго было рѣшеніе: „приступить къ безотлагательному разрѣшенію вопроса объ отмѣнѣ или ограниченіи ссылки, назначаемой какъ по суду, такъ и въ порядкѣ административномъ, по приговорамъ сельскихъ обществъ". Внесенный министромъ юстиціи въ государственный совѣтъ, проэктъ по этому предмету обсуждался сначала въ соединенныхъ его департаментахъ, а потомъ общемъ собраніи. При обсужденіи проэкта было высказано членами совѣта общее мнѣніе о безотлагательномъ исключеніи изъ нашего уголовнаго законодательства ссылки, какъ общей мѣры взысканія. „Въ дѣйствующей лѣстницѣ наказаній ссылка составляетъ, говорилось въ совѣтѣ, наслѣдіе прошлаго, которое широко ею пользовалось вмѣстѣ съ пытками и тѣлесными наказаніями въ качествѣ карательныхъ мѣръ. Но пытки устранены изъ числа этихъ мѣръ еще въ XVIII вѣкѣ, а тѣлесныя наказанія, въ видѣ кнута и плетей, постепенно отмѣнялись въ теченіе XIX столѣтія. Начало XX вѣка должно быть ознаменовано и отмѣною пытки—этого послѣдняго вида несправедливыхъ, отжившихъ каръ". 10 іюня 1900 г. было Высочайше утверждено мнѣнія большинства членовъ государственнаго совѣта, согласно съ которымъ ссылка въ Сибирь нынѣ является отмѣненной за общія преступленія и значительно ограничена ссылка административная.

---

[1]) Въ особомъ совѣщаніи участвовали: предсѣдатель комитета министровъ, министры внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, путей сообщенія, императорскаго двора, военный морской и юстиціи, статсъ-секретарь А. В. Фришъ и А. И. Куломзинъ.

Digitized by Google

По отношенію къ Сибири было предприняты въ началѣ царствованія Императора Николая II многія мѣры, предназначенныя къ поднятію матеріальнаго благосостоянія населенія Сибири и ея пріобщенія къ общимъ благамъ культуры. Такъ были преобразованы сибирскія поземельныя отношенія законами о поземельномъ устройствѣ поселянъ сибирскихъ губерній (Тобольской, Томской, Иркутской и Енисейской) и о поземельномъ устройствѣ населенія Забайкальской области. Введены губернскія установленія и крестьянское управленіе, общія Имперія, податная система преобразована на новыхъ, болѣе справедливыхъ основаніяхъ. Въ 1896 г. распространены на Сибирь судебные уставы Императора Александра II,—а вмѣстѣ съ тѣмъ стала постепенно исчезать общія черты сибирской юстиціи—медленность, волокита, формализмъ, отдаленность и недоступность суда, низкій уровень юридическаго образованія судебнаго персонала въ старыхъ сибирскихъ судахъ, общее недовѣріе жителей Сибири къ правосудію и его представителямъ.

Наконецъ, съ начала царствованія Николая II работаетъ сибирскій комитетъ подъ предсѣдательствомъ самого государя и при участіи департамента государственной экономіи. Задача этого комитета—провести чрезъ всю Сибирь желѣзную дорогу—предпріятіе, которое по своему большому культурному и стратегическому значенію и огромнымъ казеннымъ средствамъ, употребленнымъ на постройку нѣсколькихъ тысячъ верстъ желѣзнодорожной сѣти, принадлежитъ къ величайшимъ событіямъ міровой важности [1]).

Въ заключеніе нашего краткаго историческаго очерка образованія и дѣятельности государственнаго совѣта въ Россіи въ теченіе миновавшаго столѣтія его существованія мы остановимся на Учрежденіи государственнаго совѣта 1 мар-

[1]) Юбилейное изданіе архивныхъ матеріаловъ, 200—208 стр.

Digitized by Google

та 1901 г., разсмотримъ его отношеніе къ предшествующимъ учрежденіямъ (1842 и 1810 г.) и постараемся опредѣлить значеніе юбилейнаго учрежденія для дѣятельности государственнаго совѣта въ наступившемъ, второмъ вѣкѣ его исторіи.

Празднованіе государственнымъ совѣтомъ своего столѣтняго юбилея (1801—1901 г.) седьмого мая 1901 г. ознаменовалось Высочайшимъ ему пожалованіемъ новаго Учрежденія государственнаго совѣта, которымъ должна опредѣляться его организація въ наступившемъ второмъ вѣкѣ существованія этого высшаго русскаго государственнаго установленія. Новое Учрежденіе внесло много важныхъ измѣненій въ устройство государственнаго совѣта, не нарушая главнаго, законодательнаго характера его дѣятельности въ истекшемъ столѣтіи. Учрежденіемъ 1901 г. закрѣплены за совѣтомъ многія формы его дѣятельности, которыя фактически давно уже принадлежали къ компетентности государственнаго совѣта. Мы остановимся на Учрежденіи 1901 г., главнымъ образомъ, на новыхъ его §§, которые встрѣчаются въ разныхъ отдѣленіяхъ Учрежденія, измѣняя различныя въ нихъ положенія о составѣ, компетентности и дѣятельности государственнаго совѣта.

Въ число членовъ совѣта включаются, кромѣ министровъ, главноуправляющіе отдѣльными частями (5 §). Въ засѣданіяхъ совѣта участвуетъ финляндскій генералъ-губернаторъ, министръ статсъ-секретарь Великаго Княжества Финляндскаго, Высочайше назначенные сенаторы, члены финлядскаго сената, когда въ совѣтѣ разсматриваются законопроэкты относительно всей Имперіи со включеніемъ Финляндіи, а также и проэкты законовъ, которые примѣняются только въ ея предѣлахъ, но касаются общегосударственныхъ потребностей или находятся въ связи съ законодательствомъ Имперіи (15 §). Учрежденіе указываетъ, какими должностными лицами, кро-

Digitized by Google

мѣ товарищей, могутъ замѣнять себя министры Императорскаго двора и удѣловъ, военный и управляющій морскимъ министерствомъ (56 §)

Такъ въ государственномъ совѣтѣ находятъ представительство всѣ части государственнаго управленія, кромѣ военныхъ дѣлъ. Военный департаментъ совѣта, въ которомъ должны были разсматриваться дѣла этого рода, исключенъ Учрежденіемъ 1901 г. изъ состава совѣта, и военныя дѣла сосредоточены въ спеціальныхъ совѣтахъ—военномъ и адмиралтействъ—совѣтѣ. Въ составъ государственнаго совѣта по Учрежденію 1901 г. входятъ теперь 4 департамента: 1) законовъ, 2) гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, 3) государственной экономіи и 4) промышленности, наукъ и торговли. Послѣдній возникъ недавно и вводится въ составъ государственнаго совѣта Учрежденіемъ 1901 г. Созданіе особаго въ немъ департамента, который предназначенъ вѣдать торгово-промышленныя дѣла, какъ и интересы науки, вызванъ быстрымъ за послѣдніе десятки лѣтъ торгово-промышленнымъ развитіемъ страны, какъ и настоятельной нуждой всего многочисленнаго ея населенія въ распространеніи образованія. Трудно объяснить, почему Учрежденіе 1901 г. не опредѣляетъ компетентность каждаго изъ департаментовъ государственнаго совѣта, о которой говорится точно въ его Образованіи 1810 и Учрежденіи 1842 г и послѣднемъ изданіи Учрежденія въ 1892 г. Учрежденіе 1901 г. ограничивается однимъ общимъ правиломъ о распредѣленіи всѣхъ дѣлъ, поступающихъ въ государственный совѣтъ, между департаментами по ихъ свойству и принадлежности (32 §). Опредѣленіе этого свойства дѣлъ зависитъ по Учрежденію 1901 г. отъ государственнаго секретаря, на имя котораго они поступаютъ (44 §). При чемъ, если въ одномъ департаментѣ находится значительное число дѣлъ, то, по распоряженію предсѣдателя государственнаго совѣта, нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть переданы въ другой департаментъ, менѣе обре-

Digitized by Google

мененный (33 §). Такимъ образомъ, торгово-промышленныя дѣла могутъ быть переданы, напр., въ департаментъ дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ, этого рода дѣла въ департаментъ государственной экономіи, дѣла чисто законодательнаго характера, относящіяся къ департаменту Законовъ, въ какой либо изъ остальныхъ департаментовъ совѣта

Важнѣйшее нововведеніе въ Учрежденіи 1901 г. составляетъ расширеніе права предсѣдателей департаментовъ приглашать въ ихъ засѣданія лицъ, непринадлежащихъ къ составу совѣта, но „могущихъ быть полезными по свойству дѣла“ (14 и 16 §§). Предсѣдателямъ департаментовъ могутъ помогать въ этихъ случаяхъ министры: они могутъ сноситься съ предсѣдателями относительно приглашенія въ департаменты постороннихъ лицъ, которыя „могутъ принести пользу своими объясненіями“. Для предварительнаго соображенія и разработки особо важныхъ и сложныхъ законопроэктовъ въ составѣ государственнаго совѣта образуются даже особыя совѣщанія и подготовительныя комиссіи (49 §). Въ тѣхъ и другихъ, кромѣ членовъ совѣта, министровъ и главноуправляющихъ, могутъ принимать также участіе и постороннія лица, отъ которыхъ слѣдуетъ ожидать спеціальныхъ свѣдѣній по тому или другому вопросу. Особыя совѣщанія и подготовительныя комиссіи подробно организованы въ Учрежденіи 1901 г. относительно состава, дѣлопроизводства и ихъ роли въ совѣтѣ. Члены комиссіи изъ числа постороннихъ лицъ могутъ быть наравнѣ съ другими членами—высшими должностными лицами—приглашаемы для представленія своихъ объясненій въ самыя засѣданія государственнаго совѣта (97—104 §§.)

Такое значительное расширеніе состава государственнаго совѣта по Учрежденію 1901 г. вызывается необходимостью разсмотрѣнія сложныхъ, разнообразныхъ и многочисленныхъ законодательныхъ вопросовъ, составляющихъ компетентность государственнаго совѣта по Учрежденію 1901 г. Сравнительно съ

Digitized by Google

позднѣйшимъ Учрежденіемъ государственнаго совѣта 1892 г. въ число предметовъ дѣятельности внесены: отчеты государственнаго контролера по исполненію государственной росписи, кассовые отчеты министра финансовъ, дѣла объ учрежденіи заповѣдныхъ имѣній и законопроэкты, общіе для Имперіи и Финляндіи, или примѣнимые въ ея предѣлахъ, если они касаются общегосударственнымъ потребностей или находятся въ связи съ законодательствомъ Имперіи (9, 14, 26 и 31 §§).

Включеніе въ компетентность государственнаго совѣта всѣхъ этихъ дѣлъ объясняется необходимостью особеннаго вниманія совѣта къ правильному ходу государственнаго хозяйства, провѣрки произведенныхъ государственныхъ расходовъ, постояннаго наблюденія за состояніемъ наличныхъ суммъ въ казначействѣ. Обсужденіе въ совѣтѣ законопроэкторъ, касающихся Великаго Княжества Финляндскаго, вытекаетъ изъ того факта, что оно составляетъ неразрывную часть русскаго государства, объединено съ нимъ общими интересами. Разсмотрѣніе государственнымъ совѣтомъ дѣлъ о заповѣдныхъ имѣніяхъ отвѣчаетъ особенному вниманію правительства къ благоустройству высшаго въ русскомъ обществѣ сословія—дворянства. Понятно также, почему Учрежденіе 1901 г. требуетъ обязательнаго присутствія въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго контролера и министра финансовъ при обсужденіи государственной росписи (финансовыхъ смѣтъ министерствъ и главныхъ управленій). Учрежденіе 1901 г возводитъ въ этомъ случаѣ въ общее правило то, что по Учрежденію 1892 г. было исключеніемъ: согласно съ 51 его § государственный контролеръ и министръ финансовъ присутствуютъ въ департаментѣ государственной экономіи лишь въ случаѣ несогласія министровъ и главноуправляющихъ съ сдѣланными въ департаментѣ замѣчаніями. Одинъ государственный контролеръ присутствовалъ въ департаментѣ государственной экономіи при обсужденіи представленій объ ас-

Digitized by Google

сигнованіи сверхсмѣтныхъ кредитовъ и о дополненіи разными статьями росписанія сборовъ и доходовъ, неподлежащихъ внесенію въ финансовыя смѣты.

Учрежденіе государственнаго совѣта 1901 г. сравнительно съ Учрежденіями 1842 и 1892 г. значительно расширяетъ компетентность государственнаго секретаря, возстановляя тѣмъ порядокъ, который существовалъ въ концѣ царствованія Александра I и въ началѣ царствованія Николая I, хотя и по инымъ государственнымъ соображеніямъ. Мы уже видѣли, что государственному секретарю предоставлено Учрежденіемъ 1901 г. право распредѣлять поступающія въ государственный совѣтъ дѣла между департаментами „по ихъ свойству и принадлежности“ (32 §). Возможно предположить, что государственный секретарь направитъ, въ силу тѣхъ или другихъ соображеній политическаго или административнаго характера, дѣла по существу законодательнаго значенія въ какой либо изъ департаментовъ совѣта, но не въ департаментъ законовъ. Или же, наоборотъ, какому-либо правительственному, административному вопросу будетъ придано государственнымъ секретаремъ особенное, законодательное значеніе, такъ что дѣло подобнаго рода перейдетъ въ департаментъ законовъ. Неудобства такого порядка очевидны: законодательные вопросы будутъ разсматриваться съ административной точки зрѣнія департаментомъ, который не вѣдаетъ такого рода дѣлъ и такимъ путемъ затормозится обычное теченіе законодательства, появленіе новыхъ законовъ. Съ другой стороны, нельзя признать полезнымъ для развитія благосостоянія страны и созданіе ряда законовъ, въ которые возведены, хотя бы и важныя, правительственныя мѣры. Такъ въ средѣ самаго государственнаго совѣта закрѣпляется обходъ вѣдомства однихъ департаментовъ другими, встрѣчавшійся до сихъ поръ на практикѣ по отношенію особенно къ департаменту законовъ со стороны другихъ учрежденій или отдѣльныхъ лицъ, обходъ

Digitized by Google

поэтому наиболѣе подрывающій главное, законодательное значеніе государственнаго совѣта.

Учрежденіе 1901 г. возлагаетъ затѣмъ на государственнаго секретаря, въ вѣдѣніи котораго находится государственная канцелярія, а также и государственная типографія по особому о ней, новому въ Учрежденіи 1901 г. положенію [1]), кромѣ производства дѣлъ по государственному совѣту, разработку и изданіе свода законовъ, мѣстныхъ узаконеній Россійской Имперіи и полнаго собранія законовъ (20 §). Съ этою цѣлью въ Учрежденіе 1901 г. вводится особый „Порядокъ изданія свода законовъ и мѣстныхъ узаконеній, какъ и П. С. З. Россійской Имперіи“ (132—139 §§). Сводъ законовъ, общихъ и мѣстныхъ, какъ и продолженія къ своду и все Полное Собраніе Законовъ составляются по распоряженіямъ государственнаго секретаря. „Если при изданіи новаго свода или внесеніи въ него отдѣльныхъ узаконеній явятся вопросы, которые не разрѣшаются кодификаціоннымъ порядкомъ, или обнаружится неполнота или недостаточность дѣйствующаго закона, государственный секретарь или министръ, до вѣдомства котораго относится предметъ, входитъ въ государственный совѣтъ съ представленіемъ о *разъясненіи, измѣненіи или дополненіи* подлежащихъ статей свода или другихъ узаконеній. Государственному же секретарю предоставляется входить въ совѣтъ съ своими представленіями также и въ томъ случаѣ, когда при изготовленіи новаго закона или какой-либо части свода законовъ, окажется необходимымъ сдѣлать столь *существенныя*, противъ прежняго изданія, *измѣненія* въ *расположеніи и изложеніи узаконеній*, что отъ сего могло бы измѣниться значеніе закона“ (134—135 §§ [2]).

---

[1]) Оно помѣщено въ приложеніи къ Учрежденію государственнаго совѣта 1901 г. (1—14 §§).

[2]) Курсивъ нашъ.

Digitized by Google

Въ силу этихъ §§ Учрежденія 1901 г. государственный секретарь уравнивается съ министрами въ правѣ возбуждать въ государственномъ совѣтѣ новые законодательные вопросы, вносить въ него предложенія объ измѣненіи, дополненіи прежнихъ законовъ или разъясненіи ихъ смысла. Слѣдовательно, Учрежденіе 1901 г. надѣляетъ государственнаго секретаря важнѣйшимъ правомъ оффиціальной *законодательной инициативы*, которой онъ не имѣлъ ни по Образованію государственнаго совѣта 1810 г., ни по его Учрежденію 1842 или—изданному въ 1892 г. По учрежденію 1901 г. оффиціальная инициатива законовъ изъ всѣхъ членовъ государственнаго совѣта принадлежитъ однимъ только министрамъ (43 §). Государственному секретарю предоставляется даже право, обусловливаемое разрѣшеніемъ предсѣдателя государственнаго совѣта и соглашеніемъ съ подлежащими вѣдомствами, „издавать отдѣльныя отъ свода законоположенія съ изложеніемъ разсужденій, на которыхъ они основаны“ (139 §).

Предоставленныя Учрежденіемъ 1901 г. государственному секретарю, широкія права въ области законодательства не означаютъ, однако, того, что онъ обладаетъ правами, несвойственными его званію и положенію въ государственномъ совѣтѣ. Государственный секретарь по Учрежденію 1901 года не „первенствующее лицо въ законодательномъ сословіи“, какимъ онъ былъ къ концу царствованія Александра I [1]). Особенныя права государственнаго секретаря по Учрежденію 1901 года объясняются исторіей государственнаго совѣта въ истекшемъ столѣтіи его существованія. Комиссія составленія законовъ, образованная при департаментѣ законовъ въ государственномъ совѣтѣ 1810 года, была преобразована въ 1826 г. во II отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи, которое

[1]) Такъ выражается о власти государственнаго секретаря современникъ Александра I, авторъ „Записки объ устройствѣ верховныхъ правительственныхъ мѣстъ въ Россіи“.

Digitized by Google

приняло дѣятельное участіе въ изданіи I Полнаго Собранія Законовъ и свода законовъ, а также въ дальнѣйшемъ исправленіи и совершенствованіи законовъ. II отдѣленіе въ 1882 г. преобразовано въ кодификаціонный отдѣлъ при государственномъ совѣтѣ, во главѣ котораго поставленъ главноуправляющій изъ членовъ государственнаго совѣта. Кодификаціонный отдѣлъ въ 1893 года былъ упраздненъ. Дѣла кодификаціоннаго отдѣла были переданы въ государственную канцелярію, въ одно изъ его отдѣленій—свода законовъ. По силѣ 176 § это отдѣленіе государственной канцеляріи спеціально занято разработкой и изданіемъ свода законовъ и мѣстныхъ узаконеній, а также изданіемъ П. С. З. и другими дѣлами, которыя относятся къ этому предмету. Такъ исторически образовалось право государственнаго секретаря завѣдывать важнымъ и сложнымъ дѣломъ изданія свода и полнаго собранія законовъ. Для выполненія этой отвѣтственной задачи государственному секретарю предоставлено Учрежденіемъ 1901 года непосредственное и самостоятельное участіе въ дѣлѣ законодательства, на сколько оно нужно для ближайшей цѣли его дѣятельности—изданія свода и полнаго собранія законовъ.

Недавнія событія въ исторіи отношеній Финляндскаго княжества къ Россійской Имперіи вызвали внесеніе въ государственный совѣтъ всѣхъ законопроэктовъ, касающихся общихъ съ имперскими интересовъ Финляндіи. Такъ какъ государственный секретарь есть въ тоже время и министръ статсъ-секретарь Великаго Княжества Финляндскаго, то онъ вмѣстѣ съ Высочайше назначенными сенаторами выступаетъ наравнѣ съ остальными членами государственнаго совѣта при обсужденіи новыхъ законопроэктовъ относительно Финляндіи.

Наконецъ, на государственнаго секретаря возлагается обязанность представлять Его Императорскому Величеству ежегодные отчеты по дѣлопроизводству государственнаго совѣта

Digitized by Google

за каждую истекшую сессію. Въ этихъ отчетахъ заключаются свѣдѣнія о дѣлахъ, разсмотрѣнныхъ совѣтомъ въ теченіе отчетнаго періода, и личномъ составѣ совѣта и государственной канцеляріи (179 §). О такого-же рода отчетахъ говоритъ 30 § Учрежденія 1901 г., который буквально повторяетъ 179 §, съ тѣмъ различіемъ, что по 30 § ежегодные отчеты о состояніи и дѣятельности государственнаго совѣта повергаются на Высочайшее воззрѣніе его предсѣдателемъ, а по 179 § тоже дѣлаетъ государственный секретарь. Такъ какъ по учрежденію 1901 г. ежегодные отчеты указаннаго содержанія составляетъ государственный секретарь, то, очевидно, что предсѣдатель государственнаго совѣта на самомъ дѣлѣ только представляетъ Государю Императору отчеты, изготовленные ранѣе въ государственной канцеляріи подъ непосредственнымъ руководствомъ государственнаго секретаря. А это послѣднее обстоятельство увеличиваетъ и безъ того немалое вліяніе государственнаго секретаря на весь ходъ дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ.

Учрежденіе 1901 года содержитъ нѣсколько новыхъ правилъ, регулирующихъ предварительную дѣятельность министровъ по подготовкѣ законодательныхъ вопросовъ, возбужденіе которыхъ въ государственномъ совѣтѣ предоставлено министрамъ по Учрежденію 1901 г. Нужно замѣтить, что Учрежденіе 1901 г. увеличиваетъ власть министровъ на счетъ государственнаго совѣта тѣмъ, что предоставляетъ имъ право, дѣлать непосредственные доклады Государю по дѣламъ, которыя въ силу 24 § Учрежденія изданія 1892 г. поступали на предварительное уваженіе государственнаго совѣта. Министры же сами разрѣшаютъ дѣла, которыя относятся къ ихъ компетентности на основаніи учрежденій о министерствахъ, комитета министровъ и сената: по Учрежденію 1892 г. всѣ дѣла такого рода тоже поступали на предварительное уваженіе государственнаго совѣта. Но взамѣнъ такого расширенія власти министровъ Учрежденіе 1901

Digitized by Google

г. требуетъ отъ нихъ вносить дѣла въ государственный совѣтъ, для которыхъ по существу предмета нужно предварительное соображеніе различныхъ вѣдомствъ, лишь по полученіи отъ нихъ отзывовъ и присоединеніи къ послѣднимъ своихъ заключеній (45 §). Съ цѣлью лучшей подготовки дѣла къ разсмотрѣнію въ государственномъ совѣтѣ министръ можетъ потребовать его назадъ, если только дѣло не заслушано въ департаментѣ. Если же департаментъ или общее собраніе уже приступили къ разсмотрѣнію дѣла, то оно можетъ быть возвращено министру вслѣдствіе распоряженій департамента или общаго собранія (53 §). Учрежденіе 1901 года предоставляетъ совѣту право слѣдить за исполненіемъ министрами предначертаныхъ въ совѣтѣ и Высочайше утвержденныхъ мѣръ, осуществленіемъ выработанныхъ въ немъ и Высочайше одобренныхъ положеній. Министры поэтому обязаны своевременно доводить до свѣдѣнія государственнаго совѣта о послѣдовавшихъ по симъ положеніямъ распоряженіяхъ и о движеніи означенныхъ дѣлъ (38 §). Такимъ образомъ, государственный совѣтъ контролируетъ дѣятельность министровъ, на сколько близко она соприкасается съ законодательствомъ, исполненіе состоявшихся въ совѣтѣ рѣшеній, примѣненіе на дѣлѣ цѣлыхъ положеній.

Учрежденіе 1901 г. заключаетъ полныя и подробныя правила относительно порядка представленія дѣлъ на Высочайшее усмотрѣніе, производства дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ, а также и дѣлопроизводства въ государственной канцеляріи. Во всѣхъ этихъ правилахъ есть нѣсколько новыхъ §§. Такъ, согласно съ 122 и 123 §§, дѣлаются въ порядкѣ представленія дѣлъ на Высочайшее усмотрѣніе нѣкоторыя отступленія отъ принятаго въ Учрежденіи 1842 г. правила—всѣ положенія государственнаго совѣта представлять Государю въ меморіяхъ. И Учрежденіе 1901 г. принимаетъ тотъ же общій порядокъ (114 §). Но въ исключительныхъ случаяхъ, въ виду

Digitized by Google

особыхъ обстоятельствъ, предвидится возможность иного порядка: объ измѣненіи принятыхъ правилъ по какому-либо дѣлу или даже его части при самомъ внесеніи дѣла въ государственный совѣтъ испрашивается Высочайшее повелѣніе чрезъ предсѣдателя государственнаго совѣта (122 §). Ему же, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами, предоставляется испрашивать докладами Высочайшія повелѣнія по предметамъ, касающимся производства дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ или службы его членовъ (123 §).

Въ порядкѣ производства дѣлъ въ департаментахъ ихъ положенія, касающіяся ассигнованія суммъ изъ государственнаго казначейства и образованія особыхъ совѣщаній и подготовительныхъ комиссій, представляются въ меморіяхъ непосредственно на Высочайшее усмотрѣніе (69 §). Въ послѣдствіи мы возвратимся къ этимъ совѣщаніямъ и комиссіямъ. Теперь же замѣтимъ, что Учрежденіе 1901 года вводитъ еще нѣкоторыя правила съ цѣлью обезпеченія правильнаго теченія дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ. Если въ какомъ либо департаментѣ совѣта, за отсутствіемъ или болѣзнью, останется менѣе трехъ присутствующихъ членовъ, считая въ томъ числѣ и предсѣдателя, то составъ его пополняется младшимъ изъ наличныхъ членовъ общаго собранія (12 §). По Учрежденію 1892 г. не было опредѣлено, откуда долженъ пополняться составъ департамента, изъ другихъ департаментовъ или общаго совѣта. Учрежденіе 1901 г устанавливаетъ ежегодный распорядокъ распредѣленія предсѣдателей и членовъ по департаментамъ (13 §) вмѣсто полугодичнаго по Учрежденію 1892 г., менѣе удовлетворяющаго требованіямъ обстоятельнаго знакомства, изученія дѣлъ департаментовъ, которыя подлежатъ рѣшенію ихъ членовъ съ предсѣдателемъ во главѣ.

Учрежденіе 1901 г. указываетъ опредѣленные сроки для внесенія законодательныхъ дѣлъ въ государственный совѣтъ, какъ наиболѣе важнѣйшихъ въ его вѣдомствѣ: эти дѣла вно-

Digitized by Google

сятся въ совѣтъ не позднѣе 15 марта, а особо сложныя—не позднѣе 1 марта. Кромѣ того, для частныхъ дѣлъ, очевидно, тоже съ законодательнымъ значеніемъ, установленъ особый срокъ внесенія ихъ въ совѣтъ, куда они должны поступать не позднѣе 1-го мая (48 §). Возможно и назначеніе особыхъ сроковъ въ исключительныхъ случаяхъ, но только по Высочайшему повелѣнію (47 §). Собранія государственнаго совѣта прерываются на лѣтніе мѣсяцы, при чемъ продолжительность вакантнаго времени опредѣляется каждый годъ Высочайшими повелѣніями, которыя объявляются совѣту его предсѣдателемъ (29 §).

Въ заключеніе остановимся на особыхъ совѣщаніяхъ и подготовительныхъ коммисіяхъ, составляющихъ важнѣйшее нововведеніе въ организацію государственнаго совѣта по Учрежденію 1901 г. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе, что иниціатива относительно образованія особыхъ совѣщаній и подготовительныхъ комиссій принадлежитъ департаментамъ государственнаго совѣта: положенія ихъ объ учрежденіи тѣхъ и другихъ представляются на Высочайшее утвержденіе (49 §). Такъ какъ эти положенія департаментовъ составляются по поводу особо сложныхъ и важныхъ законопроэктовъ, то можно сказать, что отдѣльнымъ департаментамъ совѣта въ этихъ случаяхъ in corpore представляется починъ, оффиціальная иниціатива въ законодательныхъ вопросахъ; *косвенно* въ качествѣ членовъ департаментовъ участвуютъ въ возбужденіи новыхъ законодательныхъ вопросовъ и отдѣльные члены государственнаго совѣта. Члены департаментовъ, отъ которыхъ исходитъ починъ въ образованіи особаго совѣщанія по извѣстному законодательному вопросу, могутъ быть назначены Высочайшей волей и въ члены этихъ совѣщаній, участвовать въ составленіи ихъ заключеній по дѣлу, которыя потомъ вносятся на уваженіе того-же департамента, какой возбудилъ это дѣло (97 и 100 §).

Digitized by Google

Въ подготовительныхъ комиссіяхъ одинъ изъ членовъ совѣта можетъ быть назначенъ предсѣдателемъ комиссіи, которая составляется изъ чиновъ государственной канцеляріи, членовъ другихъ вѣдомствъ, а также и лицъ, которыя по своимъ знаніямъ и опыту могутъ принести пользу участіемъ въ трудахъ комиссій (101 §). Комиссіи представляютъ въ совѣтъ составленные ими проэкты (104 §), которые разсматриваются, очевидно, въ томъ же департаментѣ, откуда исходилъ починъ въ ихъ образованіи.

Организація этихъ совѣщаній и комиссій въ государственномъ совѣтѣ, члены котораго принимаютъ такое дѣятельное участіе, съ начала до конца, въ возбужденіи и обсужденіи важныхъ законодательныхъ вопросовъ, „коренныхъ частей государственнаго управленія“, не новизна въ государственномъ совѣтѣ. Подобное его право въ Учрежденіи 1901 г. напоминаетъ, предоставленное еще Непремѣнному Совѣту Наказомъ ему право „представлять государю о составленіи особыхъ комиссій для разсмотрѣнія коренныхъ частей государственнаго управленія“. Такого рода право совѣщаній и комиссій поднимаетъ высоко жизненное значеніе законодательныхъ работъ государственнаго совѣта, устанавливаетъ ихъ непосредственную, живую связь съ насущными потребностями общества, требующими настоятельнаго удовлетворенія. Въ особенно важныхъ законодательныхъ работахъ, для которыхъ нуженъ и особенный, энергичный трудъ компетентныхъ въ дѣлѣ лицъ съ государственною мудростью и опытомъ въ обсужденіи и рѣшеніи государственныхъ дѣлъ высшихъ чиновниковъ—членовъ государственнаго совѣта—соединяется всестороннее знаніе свѣдующими людьми истинныхъ нуждъ разнообразнаго населенія обширнаго нашего отечества. Созданіемъ въ составѣ государственнаго совѣта совѣщаній и комиссій изъ свѣдующихъ лицъ сдѣланъ большой шагъ впередъ къ тщатель-

Digitized by Google

ному и полному изученію всѣхъ отдѣльныхъ сторонъ жизни русскаго народа, своевременному и плодотворному удовлетворенію законодательнымъ путемъ многочисленныхъ и сложныхъ запросовъ русской общественной жизни. Сложныя и трудныя задачи культурнаго развитія страны, вытекающія изъ нуждъ ея населенія въ преобразованіяхъ по разнымъ частямъ управленія и важнаго современнаго положенія Россіи среди другихъ государствъ Запада и Востока, требуютъ неустанной и безпрерывной работы высшаго законодательнаго и правительственнаго учрежденія въ русскомъ государствѣ—государственнаго совѣта. Поэтому—то вмѣстѣ съ расширеніемъ его состава значительно увеличены компетентность государственнаго совѣта и контроль его надъ государственными финансами. Развитіе законодательныхъ работъ совѣта вызываетъ частыя изданія новыхъ законовъ, пополненіе или свода законовъ и безпрерывное накопленіе законодательныхъ актовъ, входящихъ въ полное собраніе законовъ. Отсюда понятна усиленная дѣятельность государственнаго секретаря въ государственномъ совѣтѣ и его особенное вліяніе не только на дѣлопроизводство въ государственной канцеляріи, но, отчасти, и на всю дѣятельность самого совѣта. Благодаря малочисленности членовъ совѣта и его департаментовъ и рѣдкимъ засѣданіямъ въ нихъ и общихъ собраніяхъ государственнаго совѣта масса законодательныхъ работъ падаетъ на государственную канцелярію во главѣ съ государственнымъ секретаремъ. Учрежденіе 1901 г. закрѣпляетъ за государственнымъ совѣтомъ вѣковое значеніе законосовѣщательнаго и высшаго правительственнаго установленія въ государственномъ управленіи, отдѣляя судебныя дѣла въ особое присутствіе при совѣтѣ, гдѣ предварительно разсматриваются жалобы на опредѣленія департаментовъ правительствующаго сената. Заключенія этого присутствія, послѣ Высочайшаго ихъ утвержденія, поступаютъ въ общее собраніе сената, такъ что самъ совѣтъ уже

Digitized by Google

не вѣдаетъ судебныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, Учрежденіе государственнаго совѣта 1901 года, не измѣняя главнаго законосовѣщательнаго его характера въ высшемъ государственномъ управленіи, ввело въ организацію совѣта много важныхъ нововведеній, значительно пополнило составъ совѣта новыми членами, а его компетентность новыми дѣлами, расширило власть министровъ въ совѣтѣ, усилило законодательное значеніе департаментовъ и косвенно ихъ членовъ, сильно увеличило предоставленіемъ права оффиціальной иниціативы закона вліяніе на дѣла въ совѣтѣ государственнаго секретаря и упорядочило все теченіе дѣлъ въ совѣтѣ и государственной канцеляріи.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе—I. **Первая глава** (1—14 стр.).

Высшее русское управленіе въ XVIII столѣтіи.

Высшія русскія учрежденія XVIII вѣка—Сенатъ, Верховный Тайный Совѣтъ, Кабинетъ, Конференція и Совѣты при Екатеринѣ II и Павлѣ I. Условія, при которыхъ складывались взаимныя отношенія между ними.

Вторая глава (14—28 стр.).

Государственный Совѣтъ въ царствованіе Императора Александра I.

Организація Непремѣннаго Совѣта 1801 г. Общія черты его дѣятельности. Государственный Совѣтъ по „Уложенію государственныхъ законовъ" графа Сперанскаго. Образованіе государственнаго совѣта въ 1810 г. Послѣдующія измѣненія въ его организаціи при Александрѣ I.

Третья глава (28—39 стр.)

Дѣятельность государственнаго совѣта въ 1810—1825 г.

Общее обозрѣніе дѣятельности департамента законовъ въ области публичнаго и частнаго права. Дѣятельность государственнаго совѣта за это время по юбилейному изданію архивныхъ матеріаловъ. Общее заключеніе о характерѣ дѣятельности государственнаго совѣта въ царствованіе Александра I.

Четвертая глава (40—66 стр.

Государственный Совѣтъ въ царствованіе Императора Николая I.

Дѣятельность совѣта въ первые годы царствованія Николая I

Digitized by Google

Работы комитета 6 дек. 1826 г. надъ реорганизаціей высшаго русскаго управленія, особенно государственнаго совѣта. Memoires sur le Conseil d'Empire de Russie.

Пятая глава (66—79 стр.)

Государственный Совѣтъ въ царствованіе Николая I. (продолженіе).

Измѣненія въ организаціи государственнаго совѣта по его образованію въ 1810 г. Учрежденіе государственнаго совѣта 1842 г. Сравненіе его съ образованіемъ совѣта 1810 г.

Шестая глава (79—100 стр.)

Государственный Совѣтъ въ царствованіе Николая I. (окончаніе).

Дѣятельность совѣта по составленію I Полнаго Собранія и свода законовъ Россійской Имперіи. Вопросы объ улучшеніи быта государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, новыхъ уставахъ учебныхъ заведеній, разсмотрѣніе смѣтъ министерствъ и главныхъ управленій. Общее заключеніе о характерѣ дѣятельности государственнаго совѣта въ царствованіе Николая I.

Седьмая глава (100—116 стр.)

Государственный Совѣтъ въ царствованіе Императора Александра II.

Общій характеръ царствованія Александра II. Отношеніе государственнаго совѣта и отдѣльныхъ его членовъ къ преобразовательной дѣятельности Александра II. Измѣненіе въ составѣ и положеніи государственнаго совѣта. Участіе его въ крестьянской реформѣ.

Восьмая глава (116—129 стр.)

Государственный Совѣтъ въ царствованіе Александра II (окончаніе).

Земское и городовое положеніе въ государственномъ совѣтѣ. Участіе его въ судебной реформѣ, преобразованіе высшихъ и сред-

Digitized by Google

ихъ учебныхъ заведеній, пересмотрѣ законовъ о печати, составленіи устава объ общей воинской повинности. Общая характеристика дѣятельности государственнаго совѣта въ царствованіе Александра II.

Девятая глава.

Государственный Совѣтъ въ царствованіе Императора Александра III.

Общій характеръ царствованія и роль государственнаго совѣта въ государственномъ управленіи въ это время. Измѣненія въ составѣ и компетентности государственнаго совѣта. Дѣятельность совѣта въ осуществленіи началъ крестьянской реформы Александра II. Мѣропріятія относительно улучшенія всего быта крестьянскаго населенія. Преобразованіе мѣстнаго управленія въ связи съ мѣрами для поднятія матеріальнаго благосостоянія и государственнаго значенія рускаго дворянства. Законопроэктъ о земскихъ начальникахъ въ государственномъ совѣтѣ. Преобразованіе земскаго и городскаго самоуправленія. Мѣры для развитія народнаго и государственнаго хозяйства, народнаго просвѣщенія, гражданскихъ правоотношеній.

Десятая глава.

Государственный Совѣтъ въ царствованіе Имппператора Николая II.

Измѣненіе въ составѣ компетентности государственаго совѣта Мѣры относительно развитія благосостоянія крестьянскаго дворянскаго сословія, народно-хозяйственной жизни и государственнаго хозяйства и народнаго просвѣщенія. Распространеніе дѣйствій судебныхъ уставовъ 1864 г. Отмѣна ссылки въ Сибирь и мѣры для развитія благостоянія ея населенія.

Учрежденіе Государственнаго Совѣта 1 марта 1901 года.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Замѣченныя опечатки.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
26	2 сверху.	измѣнять	измѣрять
35	12 „	необрежность	небрежность
38	2 снизу.	ставшія	ставшая
48	8 сверху.	однородноми.	однородними
57	3 снизу.	должно установить.	долженъ установить
76	15 „	нетребующія	не требующія
95	1 сверху.	обсуждавшихся	обсуждавшійся
97	9 „	отличавшееяся	отличавшагося
97	5 снизу.	поверхности	поверхностности
107	7 „	въ которомъ	съ которымъ
108	6 сверху.	переходитъ	переходить
113	10 „	тѣ	всѣ
135	13 „	кодификаціоная	кодификаціонная
136	1 „	отдѣленію	отдѣленіе
139	21 „	энономіи	экономіи
144	2 снизу.	разъѣловъ	раздѣловъ
153	10 „	доходъ	доходѣ
154	9 „	уваженіе	усмотрѣніе
161	9 „	лацамъ	лицамъ

Въ оглавленіи опечатки: III стр. 1 строка напечатано I. надо читать VII—XI. 4-я строка сверху вмѣсто глава—глава. на IV стр.—10 строка сверху напечатано Поколая—надо читать Николая, на V стр. 1 строка снизу 1 марта. надо читать 30 марта. Тоже опечатка въ заголовкѣ. 2 строка снизу напечатано бластояніе надо читать благосостояніе. на 9—вмѣсто Императора—Императора.

Digitized by Google

que les pouvoirs soient à jamais divisés il ne faut pas qu'ils soient entierement séparés». Сійесъ развиваетъ ученіе объ учредительной власти народа, въ которой выражается единство государственной власти, и которой противопоставляются остальныя учрежденныя (constitués) власти. Clermont Tonnaire и Бенжаменъ Констанъ требуютъ введенія въ число государственныхъ властей умѣряющей и контролирующей королевской власти: эта идея находитъ себѣ дальнѣйшее развитіе у Гегеля а за нимъ у Лоренца Штейна въ его ученіи о воплощающей единство государства, нейтральной и умѣряющей борьбу властей и общественныхъ классовъ, королевской власти.

Какъ бы то ни было, но идея раздѣленія властей и конституціоннаго государства Монтескье, хотя и послужила фундаментомъ для конституціонныхъ реформъ и дальнѣйшихъ конституціонныхъ теорій, но подверглась болѣе или менѣе значительнымъ измѣненіямъ, которыя необходимо требовались принципомъ единства государственной власти. Поэтому всѣ новѣйшія конституціи, принимая въ большемъ или меньшемъ объемѣ принципъ распредѣленія различныхъ функцій государства между различными органами, все же стремятся установить органъ, объединяющій дѣйствіе всѣхъ властей въ государствѣ. Такой органъ провозглашается носителемъ суверенитета. Въ государствахъ, построенныхъ на монархическомъ принципѣ, такимъ носителемъ суверенитета признается монархъ, на республиканскомъ—народъ. Въ дѣйствительности же, какъ увидимъ ниже, въ конституціонныхъ государствахъ—нѣсколько органовъ государственной власти, которые лишь въ ихъ органическомъ соединеніи совмѣстно осуществляютъ единую, верховную власть государства.

Во всякомъ случаѣ, большая заслуга конституціонной теоріи въ ея дальнѣйшемъ развитіи состоитъ въ томъ, что, отринувъ окончательно идею абсолютизма власти, она признаетъ самого правителя членомъ государства, вводитъ правителя въ

Digitized by Google

государственное цѣлое, какъ его составную часть, подчиняетъ его законамъ, распредѣляетъ осуществленіе функцій верховной власти между нѣсколькими органами въ цѣляхъ большаго обезпеченія законности и свободы гражданъ, и признаетъ, что суверенитетъ принадлежитъ не одному монарху, такъ какъ послѣдній—лишь представитель или высшій органъ государства, но принадлежитъ государству, какъ цѣлому, и лишь осуществленіе суверенной власти можетъ быть поручено нѣсколькимъ органамъ, изъ которыхъ каждый, имѣя свои особыя функціи, дѣйствуетъ въ связи съ другими органами, не нарушая, такимъ образомъ, начала единства государственной власти.

Но таковы были успѣхи конституціонной доктрины лишь впослѣдствіи, когда государственной теоріи удалось болѣе точно выяснить юридическую природу государства и государственной власти, ея органовъ и функцій. Въ первоначальной же стадіи конституціонной теоріи въ XVII и XVIII вѣкѣ тотъ дуализмъ въ пониманіи государства, который былъ завѣщанъ новому времени средними вѣками, расчленявшій государственное единство на два противоположныхъ элемента—правительство и народъ, стремившихся другъ друга ограничить и входившихъ въ извѣстные компромиссы между собою, не былъ еще вполнѣ побѣжденъ. Правительству противопоставляли неотъемлемыя естественныя права человѣка и гражданина или права народа, какъ самостоятельнаго цѣлаго, въ которыхъ суверенитетъ государственной власти находилъ свои границы. Государство какъ бы расчленялось на двѣ личности—правительства и народа, и тѣ, которые стремились утвердить принципъ государственнаго единства, находили его въ отождествленіи личности государства съ личностью правителя или отождествляли государство съ совокупностью гражданъ т. е. суверенным народомъ, противопоставляемымъ подчиненному ему правительству. Доктрина раздѣленія властей, какъ она была развита Монтескье, еще болѣе расшатывала единство и

Digitized by Google

верховенство государственной власти, такъ какъ самая государственная власть оказывалась расчлененной на нѣсколько мало согласованныхъ другъ съ другомъ и останавливающихъ другъ друга властей.

§ 17.

Руссо и его ученіе о суверенитетѣ.

Новое рѣшительное утвержденіе принципа единства государственной власти и абсолютнаго суверенитета принадлежитъ въ XVIII вѣкѣ знаменитому Жанъ Жакъ Руссо.

Какъ когда-то Боденъ и особенно Гоббесъ развивали свою идею абсолютнаго суверенитета въ интересахъ абсолютной монархической власти, такъ Жанъ Жакъ Руссо примѣняетъ эту идею къ утвержденію принципа абсолютнаго народнаго верховенства и подобно Гоббесу доводитъ идею абсолютнаго суверенитета до самыхъ крайнихъ послѣдствій. Ученіе о суверенитетѣ Руссо, несмотря на его противорѣчіе фактамъ дѣйствительной жизни и цѣлый рядъ крупныхъ логическихъ ошибокъ, представляетъ собой все же замѣчательное завершеніе ученія о народномъ суверенитетѣ, которое онъ проводитъ самымъ радикальнымъ образомъ и съ неслыханной до того времени смѣлостью. Далѣе, его ученіе представляетъ собой замѣчательную комбинацію всѣхъ предшествовавшихъ ученій о суверенитетѣ: Бодена и его школы въ отношеніи самаго понятія суверенитета, ученій монархомаховъ XVI и XVII вѣка о народномъ суверенитетѣ, идей Альтузія о неотчуждаемости народнаго суверенитета, ученій естественной школы о договорномъ основаніи государства и государственной власти и естественныхъ правахъ человѣка, ученія Гоббеса о безграничности суверенитета, и ученій конституціонной доктрины о политической свободѣ и раздѣленіи властей.

Въ своемъ знаменитомъ сочиненіи «Contrat social ou

Digitized by Google

principes du droit politique», изданномъ впервые въ 1752 г. [1]), Руссо развиваетъ такъ свое ученіе о суверенитетѣ: когда люди въ естественномъ состояніи дошли такого положенія, что собственныхъ силъ каждаго человѣка оказалось недостаточно для самосохраненія, такъ какъ обстоятельства, вредящія ихъ самосохраненію, оказались выше ихъ личныхъ силъ, людямъ во избѣжаніе гибели, ничего болѣе не оставалось, какъ соединить свои силы, чтобы этими соединенными силами защищать силу и свободу каждаго.

Для этого нужно организовать союзъ въ такой формѣ, чтобы онъ защищалъ и охранялъ посредствомъ всей общей силы личность и блага каждаго его члена, и въ которомъ бы каждый, соединяясь со всѣми, повиновался бы только самому себѣ, оставаясь столь же свободнымъ, какъ и раньше [2]).

Такъ какъ всѣ люди рождаются свободными и ни одинъ человѣкъ не имѣетъ отъ природы власти надъ другими, а сила не можетъ порождать права, то для установленія всякаго законнаго авторитета среди людей остается только одно средство: договоръ [3]). Основанія этого общественнаго договора въ силу самой природы своей таковы, что малѣйшее ихъ нарушеніе влечетъ за собой ничтожность всего договора и возвращеніе всѣхъ въ первобытное состояніе свободы.

Основанія эти слѣдующія: полное и безусловное отчужденіе каждаго со всѣми его правами всѣмъ другимъ договаривающимся, т. е. общественному союзу... Такъ какъ это отчужденіе дѣлается въ одинаковой мѣрѣ каждымъ, то получается равное положеніе всѣхъ, всѣ являются равными и никто не имѣетъ интереса пользоваться своимъ положеніемъ въ ущербъ другимъ. Каждый, отдавая (se donnant) себя всѣмъ, въ сущности не отдаетъ себя никому, такъ какъ каждый уступаетъ другимъ то, что онъ получаетъ въ свою очередь отъ нихъ и

[1]) Цитируемъ по парижскому изданію сочиненій Руссо „Nouvelle édition revue d'après les meilleurs textes. Garnier Frères.

[2]) Contr. social. L. I, ch. VI.

[3]) Contr. social. L. I ch. IV.

Digitized by Google

сверхъ того получаетъ силу для охраны того, что онъ имѣетъ. Этимъ доказательствомъ Руссо неудачно пытается устранить то противорѣчіе, которое возникаетъ между подчиненіемъ по общественному договору и основнымъ принципомъ Руссо о неотчуждаемости личной свободы [1]). Такимъ образомъ каждый сообща съ другими подчиняетъ свою личность и всю свою силу верховному руководству общей воли, оставаясь при этомъ нераздѣльной частью цѣлаго. Какъ только такой общественный договоръ заключенъ, онъ порождаетъ моральное и коллективное тѣло, составленное изъ столькихъ членовъ, сколько лицъ въ договаривающемся собраніи, и имѣющее свое единство, свое общее я, свою жизнь и волю. Это публичное лицо, носившее когда то имя «cité», а въ настоящее время имя республики или политическаго тѣла, называется «Etat», когда оно пассивно, и суверенъ, когда оно дѣйствуетъ. Въ сравненіи же съ другими такими же политическими тѣлами оно называется «puissance»—державой. Совокупность его членовъ называется народомъ. Поскольку они участвуютъ въ суверенной власти, они зовутся гражданами, поскольку же являются подчиненными законамъ государства—подданными [2]).

Самый фактъ жительства на территоріи такъ образованнаго государства является молчаливымъ присоединеніемъ къ общественному договору и подчиненіемъ суверенитету государства [3]).

Отчуждая себя и свои права всецѣло въ пользу государства, человѣкъ вмѣсто естественной свободы и неограниченнаго права на все, чего онъ можетъ достичь, получаетъ гражданскую свободу и правовую собственность [4]). Руссо утверждаетъ принципъ полнаго, неограниченнаго ничѣмъ су-

---

[1]) Ср. Janet: Histoire de la science politique. 3 ed. 1887. t. II, p. 429 сл.
[2]) L. I, ch. VI.
[3]) L. IV, ch. II.
[4]) L. I, ch. VIII.

Digitized by Google

верепитета государства надъ его членами, такъ какъ всѣ безусловно и всецѣло подчиняютъ свою личность общественному союзу.

Гражданская свобода членовъ государства въ сущности сводится у Руссо лишь къ равенству всѣхъ предъ законами всемогущаго государства [1]). Общественное тѣло т. е. народъ (peuple en corps, en personne), состоящій изъ индивидовъ, всецѣло отдавшихъ ему свою власть и права, и есть носитель суверенной власти, органомъ которой является общая воля, la volonté générale. Выраженіемъ этой общей воли служитъ законъ, поэтому законодательная власть и составляетъ содержаніе суверенитета [2]).

Суверенитетъ это абсолютная, независимая, неотчуждаемая и недѣлимая власть народа, направляемая его общей волей. «Если, говоритъ Руссо, государство является моральнымъ лицомъ, жизнь котораго заключается въ единеніи его членовъ, и если самой важной его заботой является его самосохраненіе, лицо это нуждается во всеобщей и направляющей силѣ, для того чтобы приводить въ движеніе и располагать каждой частью способомъ наиболѣе пригоднымъ для цѣлаго. Какъ природа даетъ каждому человѣку абсолютную власть надъ всѣми его членами, такъ и общественный договоръ даетъ политическому тѣлу абсолютную власть надъ всѣми его членами; и эта самая власть, направляемая общей волей, и носитъ, какъ я сказалъ, названіе суверенитета [3])». Для подданныхъ нѣтъ никакой нужды въ гарантіяхъ противъ суверена, такъ какъ онъ состоитъ изъ нихъ же самихъ, а потому всегда является тѣмъ, чѣмъ долженъ быть [4]). Суверенитетъ — непогрѣшимъ. Суверенитетъ—власть независимая, такъ какъ суверенъ существуетъ лишь въ силу святости общественнаго

---

[1]) L. I ch. IX.
[2]) L. III ch. XII.
[3]) L. II ch. IV p. 257.
[4]) L. I ch. VII p. 250.

Digitized by Google

договора, а потому суверенъ не можетъ налагать на себя никакихъ обязательствъ, нарушающихъ первоначальный общественный договоръ, т. е. ни отчуждать, ни измѣнять какую либо часть самого себя, или подчиняться другому суверену. Иначе это было бы самоуничтоженіемъ суверенной власти и полной гибелью свободы. Суверенъ не можетъ обязывать даже самого себя. Онъ ни связанъ ни конституціей, ни законами, которые являются лишь выраженіемъ его воли Для него необязателенъ даже общественный договоръ, такъ какъ суверенная общая воля народа можетъ постановить единогласно о его прекращеніи [1]), и тогда наступаетъ вновь естественное состояніе свободы. Суверенитетъ неотчуждаемъ, такъ какъ является всегда осуществленіемъ общей воли. Суверенъ, носитель суверенной общей воли, будучи коллективнымъ лицомъ, не можетъ быть представленъ кѣмъ либо другимъ. Можно переносить власть, но не волю [2]). Отсюда слѣдуетъ неотчуждаемость законодательной власти народа, такъ какъ лишь общая воля можетъ обязывать индивидовъ [3]). Какъ замѣчаетъ справедливо Ландманъ, [4]) Руссо высказываетъ о неотчуждаемости законодательной власти ту же мысль, что и Боденъ, отвергавшій какъ несогласное съ идеей суверенитета всякое самостоятельное право участія въ законодательствѣ какого либо другого органа, кромѣ суверена. Эти органы могутъ имѣть лишь совѣщательный характеръ, но силу свою законъ получаетъ лишь только отъ самого суверена, которымъ у Руссо является самъ народъ. Противъ утвержденія Гуго Гроція, что подобну тому, какъ отдѣльная личность можетъ отдать себя въ рабство другому лицу, такъ и народъ, какъ совокупность отдѣльныхъ лицъ, можетъ отчудить всѣ свои права, отдать себя въ полное подчиненіе монарху, Руссо возражаетъ, что отчудить значитъ

---

[1]) L. I ch. VII стр. 249.
[2]) L. I ch. VIII, p. 249, L. III, ch. XVI, p. 308, L. II, ch. I p. 254.
[3]) L. II, ch. VII. p. 266.
[4]) Landmann: Der Souveränetätsbegriff стр. 123, 70.

Digitized by Google

«продать» или «подарить». Человѣкъ можетъ продать свою свободу лишь для того, чтобы поддержать, сохранить свое существованіе, но дѣло въ томъ, что монархъ самъ получаетъ средства къ существованію отъ своихъ подданныхъ. Такимъ образомъ вышло бы, что подданные отчуждаютъ свою личность съ условіемъ, что у нихъ возмутъ также и имущество. Что же сохраняютъ тогда подданные? Скажутъ, гражданское спокойствіе. Но войны, жадность монарха и тиранія его министерствъ могутъ еще болѣе разрушать ихъ спокойствіе и благополучіе, чѣмъ ихъ собственные раздоры Наконецъ, спокойно живутъ даже въ тюрьмѣ!

Безвозмездное же отчужденіе своей свободы—нелѣпость. Такой актъ самъ по себѣ незаконенъ и ничтоженъ уже потому, что совершающій его не можетъ быть признанъ нормальнымъ человѣкомъ. Народъ, совершающій такой актъ, былъ бы собраніемъ сумасшедшихъ. Сумасшествіе же не родитъ права [1]).

Всякій договоръ народа съ опредѣленными лицами о подчиненіи имъ уже потому ничтоженъ, что онъ былъ бы частнымъ актомъ, а не общимъ, какимъ, по мнѣнію Руссо, является законъ. Законъ, какъ выраженіе общей воли, всегда имѣетъ общій характеръ, касается всей совокупности подданныхъ (sujets en corps) и отвлеченныхъ дѣйствій, но никогда не касается людей, какъ опредѣленныхъ индивидовъ, и ихъ частныхъ актовъ.

«La loi réunissant l'universalité de la volonté et celle de l'objet» воля суверена, направленная на частный предметъ, не есть законъ, но административное распоряженіе, декретъ. Это не актъ суверенитета, но распоряженіе должностныхъ лицъ [2]).

Договоръ народа съ тѣмъ или другимъ опредѣленнымъ лицомъ о подчиненіи поэтому не законъ, не актъ суверенной воли, и, слѣдовательно, незаконенъ.

---

[1]) L. I ch. IV, p. 243.
[2]) L. II, ch. VI, p. 263.

Digitized by Google

Руссо для подкрѣпленія принципа неотчуждаемости суверенитета совершенно отвергаетъ развиваемое до него даже сторонниками народнаго суверенитета ученіе о договорѣ подчиненія, слѣдующемъ за договоромъ о соединеніи въ государство. «Нѣтъ другого договора въ государствѣ», восклицаетъ Руссо, «кромѣ договора о соединеніи: договоръ этотъ исключаетъ всякій другой. Всякій другой договоръ нарушилъ бы первый» [1]) Это исключеніе договора о подчиненіи изъ договорной теоріи государства Гирке называетъ настоящимъ революціоннымъ актомъ, такъ какъ изъ него вытекали всѣ радикальныя послѣдствія теоріи Руссо. Установленіе правительства представляетъ лишь просто актъ порученія власти суверенньмъ народомъ подчиненному правительству.

«Именно здѣсь», говоритъ Гирке, «кроется основная идея ученія Руссо, изъ которой логически вытекаютъ всѣ, имъ впервые высказанныя и до него неслыханныя, положенія. Разрушеніе договора о подчиненіи открыло ему дорогу къ разрушенію всякаго права властвованія. Стоитъ лишь собраться неограниченному въ своемъ полновластіи народному собранію, какъ рушатся всѣ установленныя власти и весь существующій государственный строй. Такимъ образомъ Руссо развиваетъ свою программу постоянной революціи». [2]).

Суверенитетъ далѣе не представляемъ. Суверенитетъ— общая воля, а воля не можетъ быть представлена. Поэтому Руссо въ противоположность Монтескье отрицаетъ принципъ народнаго представительства. Народные депутаты только коммиссары, а не представители народа и ничего не могутъ рѣшать окончательно. Санкція закона принадлежитъ необходимо и исключительно самому суверену—народу [3]).

Англійскій народъ ошибочно считаетъ себя свободнымъ.

---

[1]) L. III, ch. XVII. p. 309.

[2]) Gierke: Joh. Alth. стр. 91—92.

Ср. также: Bluntschli: Geschichte d. allg. Staatsr. und Politik. 1864 г. стр. 320.

[3]) Contrat. s. L. III, ch. XV, p. 306.

Digitized by Google

Онъ свободенъ, пока выбираетъ членовъ парламента, а какъ только послѣдніе избраны, онъ—рабъ и ничто (Il est esclave, il n'est rien). Но въ большихъ государствахъ всему народу трудно непосредственно осуществлять свой суверенитетъ, потому Руссо рекомендуетъ образованіе небольшихъ государствъ, заключающихъ между собой оборонительные союзы противъ большихъ [1]). Суверенитетъ, какъ общая воля, недѣлимъ по тѣмъ же причинамъ, по которымъ неотчуждаемъ. Именно воля можетъ быть общей или частной. Лишь воля всего народа есть общая воля—актъ суверенитета, законъ. Воля же части народа—частная воля, и какъ таковая—актъ исполнительной власти, административное распоряженіе, но не законъ [2]). Поэтому Руссо отвергаетъ доктрину о раздѣленіи властей. Наши политики, говоритъ Руссо, [3]) не имѣя возможности раздѣлить суверенитетъ въ принципѣ, дѣлятъ его въ объектѣ; именно дѣлятъ его на силу и волю, на власть исполнительную и законодательную, на право налоговъ, судебное и военное, на внутреннее управленіе и международную власть. Они или смѣшиваютъ всѣ эти части или раздѣляютъ ихъ. Это все равно, что составлять тѣло человѣка изъ нѣсколькихъ тѣлъ... Такимъ образомъ обращаютъ суверена въ фантастическое тѣло, искусственно составленное изъ разныхъ частей. Права, которыя считаютъ частями суверенитета, ему подчинены и предполагаютъ всегда верховную волю, эманаціей которой они являются. Эта верховная, законодательная власть принадлежитъ всегда народу въ цѣломъ. Поэтому Руссо отвергаетъ обычное дѣленіе формъ государства на монархію, аристократію и демократію, смотря потому, является ли суверенъ одинъ, немногіе или всѣ. Суверенъ у Руссо является всегда народъ, слѣдовательно, единственной государственной формой у него является лишь демократія. Самъ же онъ ви-

---

[1]) L. III, ch. XIII, p. 304.
[2]) L. II, ch. II, p. 255.
[3]) Тамъ же.

Digitized by Google

дать въ монархіи и демократіи лишь формы правительства, которыя установляетъ суверенный народъ.

Политическое тѣло имѣетъ волю—законодательную власть, и силу ее исполняющую—исполнительную власть т. е. правительство. Правительство представляетъ собою посредствующее моральное тѣло въ государствѣ, установленное между подданными и сувереномъ для ихъ взаимныхъ сношеній, на которое возложено сувереномъ исполненіе законовъ и поддержаніе гражданской и политической свободы. Члены этого тѣла—должностныя лица [1]). «Il y a cette difference essentielle entre ces deux corps», говоритъ Руссо, «que l'Etat existe par lui même et que le gouvernement n'existe que par le souverain» [2]). Правительство осуществляетъ поэтому свою власть именемъ суверена, является уполномоченнымъ послѣдняго, и суверенъ всякій разъ, какъ ему заблагоразсудится, можетъ ограничивать, измѣнять и отнимать полномочія всѣхъ должностныхъ лицъ. Но если правительство узурпируетъ суверенитетъ, то общественный договоръ разрушается, и всѣ лица возвращаются въ состояніе своей естественной свободы [3]). Суверенъ можетъ уполномочить къ управленію одно лицо, сосредоточить въ рукахъ одного должностного лица все управленіе, такъ что всѣ другія должностныя лица получаютъ свою власть отъ этого лица, тогда получается самая обычная форма правленія—монархія. Или суверенъ возлагаетъ управленіе на весь народъ или самую большую часть народа, такъ что получается больше гражданъ—должностныхъ лицъ, чѣмъ простыхъ гражданъ, частныхъ лицъ, мы тогда имѣемъ демократію. Наконецъ, народъ можетъ возложить управленіе на небольшое количество гражданъ, такъ что число простыхъ гражданъ превышаетъ число должностныхъ лицъ, это—аристократія. Руссо отвергаетъ, какъ мы видѣли, смѣшанную форму государственнаго устрой-

---

[1]) L. III, ch. I, p. 277. сл.
[2]) L. III, ch. II, p 280.
[3]) L. III. ch. X, p. 300.

Digitized by Google

ства, такъ какъ субъектомъ суверенитета, общей воли, у него является всегда одинъ народъ. Но отвергая смѣшанную форму государственнаго устройства, Руссо признаетъ смѣшанную форму исполнительной власти, правительства. «Собственно говоря, замѣчаетъ онъ въ книгѣ III, гл. VII «О смѣшанныхъ правительствахъ», «нѣтъ простой формы правительства. Нужно, чтобы единый вождь имѣлъ преданныхъ ему агентовъ; нужно, чтобы народное правительство имѣло вождя. Такимъ образомъ въ распредѣленіи исполнительной власти существуетъ всегда градація отъ большаго числа къ меньшему съ тѣмъ различіемъ, что или большее число зависитъ отъ меньшаго, или наоборотъ. Бываетъ и равное распредѣленіе, если установленныя части (les parties constitutives) находятся во взаимной зависимости, какъ устроено, напримѣръ, правительство въ Англіи, или же авторитетъ каждой части, хотя независимъ, но незначителенъ и недостаточенъ, какъ въ Польшѣ. Эта послѣдняя форма плоха, такъ какъ здѣсь нѣтъ единства въ правительствѣ и государству недостаетъ связи.

Въ тотъ моментъ, когда суверенный народъ законнымъ образомъ сходится въ собраніе, всякая дѣятельность правительства и полномочія исполнительной власти прекращаются, и личность послѣдняго гражданина дѣлается столь же священной, какъ и личность перваго министра, такъ какъ тамъ, гдѣ выступаетъ представляемый, нѣтъ больше представителя [1]). Эти собранія предназначаются для поддержанія общественнаго договора и рѣшаютъ первоначально два вопроса:

1) Угодно ли суверену сохранить существующую форму правленія?

2) Угодно ли народу оставить управленіе въ рукахъ тѣхъ же уполномоченныхъ?

Постановленіе суверена относительно формы правленія есть законъ, такъ какъ тутъ—выраженіе общей воли, назна-

[1]) L. III, ch. XIV.

Digitized by Google

ченіе же правителей есть административный актъ, такъ какъ тутъ воля направлена на частное и народъ, слѣдовательно, отправляетъ здѣсь правительственную функцію Какъ же возможно допустить существованіе правительственнаго акта, когда нѣтъ еще самого правительства?

Тутъ, отвѣчаетъ Руссо, открывается одна изъ удивительныхъ особенностей политическаго тѣла, посредствомъ которыхъ примиряются повидимому противорѣчивыя явленія. Именно суверенитетъ здѣсь внезапно превращается въ демократію, такъ что безъ всякаго видимаго измѣненія и въ силу одного лишь новаго отношенія всѣхъ ко всѣмъ, граждане дѣлаются магистратами и обращаются отъ общихъ актовъ къ частнымъ, отъ закона къ исполненію, и совершаютъ, такимъ образомъ, административный актъ, назначеніе должностныхъ лицъ. Таково, заключаетъ Руссо, преимущество демократическаго правленія, что оно можетъ быть установлено на дѣлѣ однимъ простымъ актомъ общей воли [1]).

Мы видимъ, такимъ образомъ, изъ всего сказаннаго, что Руссо строго отдѣляетъ исполнительную власть отъ законодательной. Онъ еще послѣдовательнѣе, чѣмъ Монтескье, распредѣляетъ различныя функціи власти между различными органами, но при этомъ ставитъ исполнительную власть въ совершенное подчиненіе законодательной и не устанавливаетъ тѣхъ взаимныхъ сдержекъ властей, которыя, какъ мы видѣли выше, привели у Монтескье къ установленію въ государствѣ нѣсколькихъ независимыхъ другъ отъ друга властей.

Монтескье, какъ мы уже видѣли, раздѣляетъ верховную власть на три въ сущности независимыхъ другъ отъ друга власти, Руссо, исходя также изъ принципа раздѣленія властей, различаетъ лишь двѣ власти—законодательную и исполнительную, но подчиняетъ совершенно послѣднюю законодательной власти, общей волѣ суверенаго народа, государства, и, такимъ образомъ, послѣдо-

[1]) L. III, ch. XVII.

Digitized by Google

вательно проводитъ идею единства и недѣлимости высшей власти, суверенитета. [1])

И въ этомъ заключается то рѣзкое отличіе ученія Руссо отъ ученія Монтескье, которое неосновательно отрицаетъ Максимъ Ковалевскій [2]).

Субъектомъ, носителемъ суверенной власти у Руссо, является только народъ [3]), образующій собой въ силу общественнаго договора живое и единое цѣлое—государство «republique», «corps politique», «moi commun», «corps moral et collectif». Можно было бы подумать, что Руссо считаетъ носителемъ суверенитета не народъ, а государство, какъ моральную личность, политическое тѣло. У него мы находимъ даже весьма часто сравненіе государства съ человѣческимъ тѣломъ, съ его законами жизни и смерти [4]). Принципъ политической жизни, говоритъ Руссо, заключается въ суверенной власти. Законодательная власть —сердце государства, исполнительная— его мозгъ, дающій движеніе всѣмъ частямъ. Если мозгъ парализованъ, индивидъ еще можетъ жить, хотя человѣкъ и лишается разума, но, если остановилась дѣятельность сердца, животное умираетъ. Политическое тѣло, какъ и тѣло человѣка, начинаетъ умирать со дня рожденія и въ себѣ самомъ носитъ причины своего разрушенія.

Но, несмотря на это сравненіе государства съ тѣломъ человѣка, оно не является въ представленіи Руссо юридической личностью въ современномъ смыслѣ слова и субъектомъ суверенной власти. При разсмотрѣніи его ученія оказывается, что государство онъ понимаетъ лишь какъ сумму всѣхъ составляющихъ этотъ «corps politique» индивидовъ.

---

[1]) Ср. Landmann: Der Souveränetätsbegriff стр. 134.

[2]) См. Максимъ Ковалевскій: Происхожденіе современной демократіи. 1895 г. т. I, стр. 612 сл.

Ср. возраженіе Esmein: Elements de droit const. 1899, стр. 140, пр. I, стр. 276.

[3]) Contrat social: L III, ch. I.

[4]) L. III, ch. X—XII.

Digitized by Google

Хотя Руссо и различаетъ общую волю отъ воли всѣхъ, говоря «есть большое различіе между волей всѣхъ и общей волей: первая направлена на общій интересъ, а вторая имѣетъ въ виду частный интересъ и является такимъ образомъ лишь суммой частныхъ воль», однако тутъ же добавляетъ: «но если отбросить всѣ воли, которыя другъ другу болѣе или менѣе противорѣчатъ, то остается въ результатѣ лишь общая воля». Это исключеніе противорѣчивыхъ воль изъ общаго числа голосовъ оправдывается у Руссо тѣмъ, что при голосованіи въ собраніи народа каждый гражданинъ спрашивается не о томъ, одобряетъ ли онъ предложенный законъ или нѣтъ, но согласно-ли съ общей волей это предложеніе, и, если его мнѣніе расходится съ мнѣніемъ большинства, то значитъ онъ ошибся въ опредѣленіи того, въ чемъ заключается общая воля, съ которой онъ долженъ согласовать свое мнѣніе. Лишь общественный договоръ по самой своей природѣ требуетъ единогласія и не соглашающіеся на его заключеніе не включаются въ число членовъ, его заключившихъ [1]). Чѣмъ болѣе мнѣнія въ собраніяхъ приближаются къ единогласію, тѣмъ болѣе авторитетна (est dominante) общая воля. Итакъ оказывается, что общая воля сводится къ суммѣ отдѣльныхъ воль, направленныхъ на общій интересъ, а воля всѣхъ—та же сумма отдѣльныхъ воль, но направленныхъ на частный интересъ. Другими словами, субъектъ общей воли, суверенъ, государство, является лишь совокупностью индивидовъ, составляющихъ народъ [2]).

Что Руссо понимаетъ государство какъ совокупность гражданъ, подтверждается еще и тѣмъ, что онъ отвергаетъ принципъ народнаго представительства, такъ какъ общая воля исходитъ отъ суверена и потому выражается всѣмъ народомъ въ его собраніи, формальное же исключеніе изъ

---

[1]) L. IV, ch. II.

[2]) L. I, ch. VII, p. 250.

Digitized by Google

голосованія хотя бы одного гражданина отнимаетъ отъ воли характеръ общности [1]).

Руссо даже высчитываетъ какой частью суверенитета обладаетъ каждый гражданинъ соотвѣтственно со всѣмъ числомъ гражданъ въ государствѣ; напримѣръ въ государствѣ, гдѣ 10000 гражданъ, каждый гражданинъ имѣетъ одну десятитысячную часть суверенитета [2]).

Въ виду такового воззрѣнія на государство, какъ на совокупность гражданъ, суверенитетъ у Руссо не есть суверенитетъ государства, но народный суверенитетъ [3]).

Но, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Ландманнъ, [4]) столь энергичныя и послѣдовательныя старанія Руссо утвердить идею единаго и неизмѣннаго носителя суверенитета содѣйствовали и выясненію идеи государственнаго суверенитета.

Политическое значеніе доктрины Руссо было громадно. Какъ когда-то Боденъ и Гоббесъ дали теоретическое основаніе абсолютной монархической власти и суверенитета, такъ Руссо примѣнилъ идею суверенитета для обоснованія безграничной власти народа, передъ общей волей котораго склоняются всѣ государственныя учрежденія, весь государственный порядокъ, всѣ права и вся личность гражданина. И несмотря на то, что Руссо, въ противность Гоббесу, исходнымъ началомъ своего ученія принимаетъ естественную свободу человѣка и цѣлью общественнаго договора ставитъ охраненіе свободы гражданина, его ученіе о полновластіи народа поразительно напоминаетъ ученіе Гоббеса о суверенитетѣ монарха [5]).

[1]) L. II, ch. II, note 1: Pour qu'une volonté soit générale, il n'est pas toujours nécessaire qu'elle soit unanime, mais il est necessaire que toutes les voix soient comptées; toute exclusion formelle rompt la généralité.

[2]) L. III, ch. I, p. 278.

[3]) Ср. Landmann: Der Souveränetätsbegriff. 134—136.

Gierke: Joh. Alth. стр. 203 сл.

[4]) Назв. соч. 136 стр.

[5]) О вліяніи Гоббеса на Руссо. Ср. Esmein: Elements de droit const. fr. 1899 г. стр. 146.

А. Мишель: Идея государства стр. 35.

Digitized by Google

Послѣ всецѣлаго отчужденія всѣхъ своихъ правъ въ пользу государства, т. е. народа, индивидъ получаетъ только тѣ права, какія соблаговолитъ дать ему суверенный народъ, ничѣмъ неограниченная общая воля. Всѣ блага и собственность гражданинъ получаетъ лишь въ силу уступки со стороны государства, которое одно является истиннымъ собственникомъ и распорядителемъ имуществъ, принадлежащихъ гражданамъ, которые являются такимъ образомъ лишь «dépositaires du bien public.»

Предѣлы и объемъ свободы гражданина опредѣляются исключительно усмотрѣніемъ суверена. Въ этомъ отношеніи Руссо, подобно Гоббесу, не дѣлаетъ исключенія даже для религіи; хотя онъ проповѣдуетъ терпимость ко всѣмъ религіознымъ убѣжденіямъ, не противорѣчащимъ государственному благу, но въ результатѣ, подобно Гоббесу, подчиняетъ во имя государственнаго единства и суверенитета религію и церковь государству, рекомендуя государству въ интересахъ самосохраненія установленіе догматовъ государственной религіи и изгнаніе, какъ негодныхъ гражданъ, всѣхъ невѣрующихъ въ эти догматы.

Мы видимъ, такимъ образомъ, какъ идея народнаго суверенитета, развиваемая съ среднихъ вѣковъ въ качествѣ оборонительнаго средства противъ абсолютизма и деспотизма монархической власти, въ ученіи Руссо получаетъ явно аггрессивный характеръ и вмѣсто монархическаго абсолютизма ставитъ неограниченное народовластіе, признавая въ неограниченномъ и неотчуждаемомъ національномъ суверенитетѣ единственно правомѣрную основу всякаго государства. Какъ идеи Монтескье, такъ еще болѣе Руссо и его послѣдователей, Вольтера, Мабли и другихъ, получили самое широкое распространеніе и глубоко проникли во всѣ слои французскаго общества, стремившагося къ измѣненію ненавистнаго для него политическаго строя [1]). Особенно идеи Руссо сдѣлались догматами

[1]) Ковалевскій: Происхожденіе современной демократіи. 1895 г. т. I, стр. 612 сл.

Digitized by Google

французской демократіи и, какъ справедливо замѣчаетъ профессоръ Эсменъ, [1]) часто повторяются, хотя и въ новыхъ формахъ, и въ наши дни. Національныя собранія въ періодъ великой революціи объявили ихъ основными началами, на которыхъ долженъ быть воздвигнутъ строй новаго общества. Ихъ стремятся осуществить на практикѣ, и цѣлый рядъ конституцій отражаетъ въ себѣ политическія начала, провозглашенныя Монтескье и Руссо. Принципы Монтескье смягчили лишь крайній радикализмъ доктринъ Руссо. Особенно идея Монтескье о народномъ представительствѣ, отвергаемая Руссо, но защищаемая не только Вольтеромъ, но даже такимъ сторонникомъ Руссо, какъ Сійесъ, была принята огромнымъ большинствомъ политиковъ времени революціи и сдѣлалась основнымъ принципомъ всѣхъ конституцій даже самыхъ демократическихъ. Даже старинныя непосредственныя демократіи Швейцаріи должны были обратиться къ представительной формѣ правленія. Но самый принципъ народнаго суверенитета, какъ его формулировалъ знаменитый женевскій философъ, несмотря на всѣ превратности, [2]) которыя пришлось испытать этому принципу въ періодъ конвента, террора, консульства, имперіи, реставраціи и режима Наполеона III-го, прочно утверждается въ политическомъ сознаніи французской демократіи.

Даже знаменитый современникъ Руссо, Вольтеръ, несмотря на его рѣзкую критику многихъ крайнихъ положеній «Contrat social», все же принимаетъ и энергично поддерживаетъ основы ученія Руссо о народномъ суверенитетѣ и единствѣ верховной власти. Онъ объявляетъ, что суверенитетъ и законодательная власть всегда принадлежатъ народу, которому безусловно подчинена исполнительная власть. Въ государствѣ можетъ быть только одна верховная власть, которой безусловно подчиняется все въ государствѣ. Вольтеръ при этомъ

[1]) Esmein: Eléments de droit const. fr. 1899 стр. 140.

[2]) См. D'Eichthal: La souveraineté du peuple. Стр. 79 сл.

Digitized by Google

съ особенной рѣзкостью оспариваетъ притязанія церкви и духовной власти на какое-нибудь господство въ государствѣ. Свѣтскую власть Вольтеръ сравниваетъ съ главой дома, духовную—съ воспитателемъ его дѣтей. Глава дома не можетъ терпѣть, чтобы воспитатель его дѣтей имѣлъ какую-либо власть въ домѣ. Воспламенный ненавистью къ господству и вліянію католической церкви, Вольтеръ восклицаетъ, что нѣтъ болѣе нелѣпаго, унизительнаго и преступнаго деспотизма и издѣвательства надъ Евангеліемъ, какъ господство священниковъ и особенно христіанскихъ [1]).

Идеи Руссо о народномъ суверенитетѣ наравнѣ съ американскими деклараціями правъ и сѣверно-американской конституціей оказываютъ огромное вліяніе на законодательство революціоннаго періода.

Составленная по образцу американскихъ деклараций, особенно деклараціи штата Виргиніи, и принятая національнымъ собраніемъ 26 августа 1789 по предложенію Лафайета, знаменитая декларація правъ человѣка и гражданина провозглашаетъ въ п. 3: Le principe de toute souveraineté réside essentiellement dans la nation. Nul corps, nul individu ne peut exercer d'autorité, qui n'en emane expréssement. И хотя декларація правъ въ п. 2 противопоставляетъ этому суверенитету естественныя и неотчуждаемыя права человѣка, свободу, собственность, безопасность и сопротивленіе насилію, сохраненіе которыхъ является цѣлью каждаго политическаго общества, [2]) но въ п. 4 добавляетъ, что границы осуществленія

---

[1]) См. Voltaire: Idées Républicaines 1765 г., V, стр. 187.

[2]) О заимствованіи положеній о естественныхъ и неотчуждаемыхъ правахъ человѣка во французской декларации не у Руссо, какъ думаетъ Жане, но изъ американскихъ bill of Rigts, особенно изъ декларации Виргиніи, которыя въ свою очередь почерпнули эти идеи изъ религіозно-политическихъ ученій пуританъ, переселившихся въ Америку, а именно Roger Williams и его послѣдователей, см. Jellinek: Erklärung der Menchen- und Bürgerrechte.

Ср. также возраженіе Rehm'a: Allg. Staatslehre стр. 247 сл., что идея естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка заимствована творцами

Digitized by Google

этихъ правъ устанавливаются закономъ, а въ п. 6 законъ опредѣляется какъ выраженіе общей воли, въ образованіи которой участвуютъ всѣ граждане или ихъ представители, т. е. самъ суверенъ. Далѣе въ слѣдующихъ статьяхъ декларація указываетъ цѣлый рядъ ограниченій государственной власти, гарантирующихъ права гражданской свободы, равенства и собственности, и даже объявляетъ въ п. 16, что всякое общество, въ которомъ не обезпечена гарантія правъ и не установлено раздѣленіе властей, не имѣетъ конституціи, но самое опредѣленіе границъ осуществленія этихъ правъ ставитъ опять таки въ зависимость отъ общей воли, т. е. отъ суверенаго народа. Въ результатѣ получается, какъ и у Руссо, неограниченный суверенитетъ народа.

Этотъ принципъ народнаго или національнаго суверенитета полагается затѣмъ въ основу французскихъ конституцій 1791, 1793, 1795. Онъ прямо выраженъ въ республиканской конституціи 1848 г. и подразумѣвается въ современной конституціи Франціи, основанной на законахъ 1875 г.

Причемъ въ конституціи 1791 г. народный суверенитетъ, какъ и у Руссо, объявляется единымъ, недѣлимымъ, неотчуждаемымъ и не подлежащимъ давности (La souveraineté est une, indivisible, inaliénable et imperscriptible).

Ученіе Руссо о суверенитетѣ является въ области политическихъ ученій самымъ выдающимся и послѣднимъ завершеніемъ теорій, отождествлявшихъ суверенитетъ съ абсолютной властью монарха или народа. Въ этомъ отношеніи, какъ замѣчаетъ справедливо Гирке, доктрина Руссо могла быть превзойденной лишь въ частностяхъ, но не въ принципѣ.

Даже крайнія партіи французской революціи стремились ни къ чему иному, какъ возможно болѣе полному проведенію идей «Contrat social», и революціонная теорія не только не

американскихъ декларацій изъ ученій Локка и особенно изъ комментарій Блэкстона. Возраженія Еллинека: Das Recht des mod. Staates: 374 прим. I.

Digitized by Google

могла форсировать идеи ея родоначальника, но вынуждена была во многихъ отношеніяхъ смягчить его ученіе для примѣненія къ жизни, какъ это мы видимъ, напримѣръ, у Сійеса [1]).

§ 18.

Ученіе Канта о суверенитетѣ.

Въ исходѣ XVIII-го вѣка Германія дѣлается страной, гдѣ начинаетъ развиваться новое воззрѣніе на суверенитетъ и государство.

Именно философія Канта открываетъ новую эру идей и въ этой области [2]).

Въ политическомъ ученіи Канта мы видимъ отраженіе идей Руссо, Монтескье, Гоббеса и Бодена.

Подобно Гоббесу онъ смотритъ на естественное состояніе, какъ на состояніе общей борьбы. Поэтому выходъ изъ него и заключеніе общественнаго договора необходимо предписываются разумомъ. Кантъ затѣмъ заимствуетъ у Руссо всю внѣшнюю сторону его ученія объ общественномъ договорѣ и народномъ суверенитетѣ [3]). Въ ученіи о раздѣленіи властей онъ находится подъ вліяніемъ Руссо и Монтескье, въ ученіи же о безусловномъ верховенствѣ государственной власти сказывается также вліяніе Бодена и Гоббеса. Но такъ какъ въ основу своего государственнаго ученія Кантъ ставитъ свой философскій принципъ катего-

[1]) Gierke: Joh. Alth. стр. 204.

[2]) Ср. Gierke: Joh. Alth. стр. 207 сл.

Чичеринъ: Ист. пол. ученій ч. 3. 1874 г. стр. 356 сл.

Новгородцевъ: Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ. 1901 г. стр. 133 сл.

Dock: Revolution und Restauration über die Souveränetät. 1900 г. стр. 56 сл.

А. Мишель: Идея государства 44 сл.

[3]) Ср. Aguiléra: L'idée du droit en Allemagne depuis Kant jusqu'à nos jours 1893 стр. 64 сл.

Digitized by Google

рическаго императива разума и нравственной автономіи воли, то внутренній характеръ его ученія значительно иной, нежели у упомянутыхъ писателей; въ частности же идея суверенитета у него получаетъ, какъ мы увидимъ ниже, далеко не тотъ смыслъ, что у Руссо.

Прослѣдимъ теперь ученіе Канта о государственной власти и суверенитетѣ.

Какъ право, такъ и государство Кантъ выводитъ изъ апріорнаго требованія разума, категорическаго императива и свободы воли. Разумъ предписываетъ людямъ выйти изъ естественнаго состоянія, представляющаго собой постоянное нарушеніе права и царство произвола, соединиться и подчинить себя такому порядку, въ которомъ дѣйствуетъ общій законъ, опредѣляющій права каждаго, и власть, охраняющая эти права; другими словами, изъ естественнаго состоянія перейти въ гражданское [1]).

Государство именно и представляетъ собою такое соединеніе многихъ людей подъ юридическими законами. Исключительная цѣль его заключается въ охранѣ права. Актъ, въ силу котораго люди образуютъ государство, есть первоначальный договоръ, по которому всѣ и каждый отказываются отъ своей внѣшней беззаконной свободы, чтобы получить свободу обратно не въ меньшихъ размѣрахъ въ качествѣ гражданъ государства [2]). Договоръ этотъ является не фактомъ дѣйствительной жизни, но идеей разума, требующаго правомѣрнаго государства. Въ виду этого верховная власть должна быть устроена такъ, чтобы всеобщая свобода самоопредѣленія не была подавлена, чтобы порядокъ сочетался съ законностью и равенствомъ, или, какъ говоритъ Руссо, «должно найти такую форму союза, посредствомъ которой каждый, соединяясь со всѣми, повиновался бы однако только самому себѣ».

[1]) Rechtslehre: II Th. § 44.
[2]) Rechtslehre: II Th. § 47.

Digitized by Google

Лишь тогда, когда каждый распоряжается самъ собою, онъ не можетъ причинять себѣ обиды: volenti non fit injuria. Гражданская свобода именно и состоитъ въ повиновеніи только тому закону, на который гражданинъ далъ свое согласіе.

Слѣдуя такимъ образомъ ученію Руссо, Кантъ объясняетъ, что въ разумномъ и правомѣрномъ государствѣ законодательная власть можетъ принадлежать лишь согласной, соединенной волѣ народа, въ которой каждый о всѣхъ и всѣ о каждомъ постановляютъ одно и тоже [1]).

Народъ, какъ носитель этой апріорно соединенной воли, является въ силу первоначальнаго договора общимъ для всѣхъ подданныхъ владыкой и сувереномъ.

Кантъ строго отдѣляетъ правительственную власть отъ законодательной и различаетъ три власти въ каждомъ государствѣ: суверенную законодательную власть, принадлежащую соединенной волѣ народа, исполнительную власть, принадлежащую правителю, и судебную—судьѣ.

Эти три власти Кантъ называетъ тремя моральными лицами въ соединенной волѣ, государственными званіями (Staatswürden), вытекающими изъ самой идеи государства. Отношеніе этихъ властей такое же, какъ трехъ членовъ силлогизма: законъ—большая посылка, правительственное распоряженіе, согласное съ закономъ,—малая посылка и судебное рѣшеніе—заключеніе [1]).

Правительство исполняетъ законы. Соединеніе законодательной власти съ исполнительной привело бы къ деспотизму.

Правитель (Rex, Regent, princeps), являющійся только «представителемъ соединенной воли», подчиненъ законодательной власти, которая можетъ его смѣстить, измѣнить его распоряженія, но не наказывать, такъ какъ наказаніе есть актъ исполнительной власти и принадлежитъ только правителю.

[1]) Rechtslehre: II Th. § 46.

[1]) Rechtslehre: II Th. § 45.

Digitized by Google

Судебная власть не можетъ принадлежать ни законодателю, ни правителю, но лишь лицамъ избраннымъ самимъ народомъ изъ его среды. Эти представители народа, присяжные, выносятъ приговоры, на основаніи которыхъ судебныя мѣста примѣняютъ законъ къ дѣлу.

Въ такой координаціи и субординаціи трехъ властей достигается автономія государства по законамъ свободы и наибольшее согласіе государственнаго порядка съ началами права, т. е. съ благомъ государства, съ его цѣлью, разумнымъ порядкомъ, хотя бы этимъ и не достигалось счастье отдѣльныхъ лицъ, которое, какъ правильно думаетъ Руссо, можетъ быть лучше и полнѣе быть достигнутымъ даже въ естественномъ состояніи и при деспотическомъ правленіи [1]). Какова же лучшая форма правленія?

Въ своемъ сочиненіи: «Къ вѣчному міру», Кантъ различаетъ двѣ формы управленія (die Form der Regierung): республиканскую и деспотическую.

Республиканскій образъ управленія заключается въ обособленіи законодательной власти отъ исполнительной, деспотическій же—въ ихъ сліяніи въ одномъ лицѣ. Чистая, непосредственная демократія, гдѣ законодательная власть не отдѣляется отъ исполнительной, такъ какъ всѣ граждане непосредственно участвуютъ во власти, ведетъ неизбѣжно къ деспотизму.

Принципъ истиннаго республиканизма необходимо требуетъ народнаго представительства. Но суверенитетъ безусловенъ и неотчуждаемъ, поэтому кто-бы не осуществлялъ законодательную власть, онъ господствуетъ только надъ совокупностью подданныхъ, надъ народной массой, а не надъ самимъ народомъ, какъ носителемъ соединенной воли, лежащей въ основаніи всякаго общественнаго договора.

Что же касается формъ не управленія, а властвованія (Beherrschung), то онѣ различаются по субъектамъ верховной

[1]) Rechtslehre: II Th. § 49.

Digitized by Google

власти, и отсюда различіе автократіи, аристократіи и демократіи. Но, говоря о формахъ управленія, Regierung, Кантъ чистую демократію относитъ, какъ мы видимъ, къ деспотическому образу правленія, такъ какъ въ ней исполнительная власть не отдѣлена должнымъ образомъ отъ законодательной, слѣдовательно, Кантъ придаетъ лишь второстепенное значеніе формамъ государственнаго властвованія, такъ какъ республиканскій принципъ управленія—обособленіе властей—можетъ существовать въ каждой изъ перечисленныхъ формъ властвованія, въ монархіи и въ аристократіи. Хотя Кантъ и придаетъ извѣстное значеніе формамъ властвованія по степени соотвѣтствія ихъ идеальной цѣли—достиженія свободы и равенства всѣхъ гражданъ, но именно въ виду возвышенности этой цѣли онъ признаетъ всѣ историческія формы государствъ несовершенными. Его не удовлетворяютъ ни античныя республики, ни англійскій парламентъ, ни представительныя монархіи, въ которыхъ онъ видитъ лишь замаскированный произволъ. «Приближеніе къ идеальному государству», какъ справедливо замѣчаетъ г. Новгородцевъ, «Кантъ усматриваетъ скорѣе въ извѣстныхъ принципахъ и стремленіяхъ, въ духѣ правленія, чѣмъ въ какихъ-либо опредѣленныхъ учрежденіяхъ[1])».

Идеальное государство должно вполнѣ осуществить принципы свободы и равенства всѣхъ гражданъ.

Такое государство является у Канта лишь идеею, которой ничто не соотвѣтствуетъ въ дѣйствительности, но которая должна быть конечною цѣлью историческаго развитія народовъ. Однако это несоотвѣтствіе вызываетъ у него не протестъ противъ дѣйствительности, а стремленіе примириться съ нею. Обязанность стремиться къ этой идеальной цѣли лежитъ на правительствѣ. Поэтому Кантъ объявляетъ необходимымъ требованіемъ разума для каждаго народа: признать священной и

[1]) Новгородцевъ: Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ. Стр. 143.

Digitized by Google

неприкосновенной всякую власть, каково бы-ни было ея устройство и оказывать ей безусловное повиновеніе.

Всякое сопротивленіе верховной власти, всякая революція недопустима, такъ какъ это противорѣчитъ понятію верховной власти и всегда является отрицаніемъ права и основъ гражданственности, преступленіемъ противъ высшаго закона. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что власть происходитъ отъ Бога, такъ какъ она независима отъ людей, подданные могутъ только жаловаться, но не сопротивляться [1]).

Каково бы ни было происхожденіе верховной власти, говоритъ Кантъ въ своемъ «Ученіи о правѣ», предшествовалъли ей договоръ о подчиненіи или же власть явилась сначала и затѣмъ уже установился законъ, для народа, который находится подъ владычествомъ гражданскаго закона, все это безцѣльныя и угрожающія опасностью разсужденія. Законъ, который столь священенъ, что было-бы преступленіемъ, хотя бы на мгновеніе подвергать его сомнѣнію, представляется какъ бы исходящимъ не отъ людей, а отъ высшаго законодателя. Таково именно значеніе положенія: «всякая власть происходитъ отъ Бога». Оно выражаетъ не историческую основу государственнаго устройства, а идею или практическій принципъ разума, который гласитъ: «существующей законодательной власти слѣдуетъ повиноваться, каково бы ни было ея происхожденіе» [2]).

Мы видимъ здѣсь апоѳеозъ повиновенія государственной власти, какой можно встрѣтить развѣ у Гоббеса. Но въ отличіе отъ Гоббеса и подобныхъ ему абсолютистовъ, Кантъ, какъ это еще замѣтилъ Ансельмъ Фейербахъ, [3]) не говоритъ, что глава государства не можетъ быть неправымъ, и что на-

[1]) Rechtslehre: II Th. Allg. Anm. A.

[2]) Rechtslehre: II Theil. Allg. Anmerk: A.

[3]) A. Feuerbach: Anti-Hobbes, oder über die Grenzen der höchsten Gewalt. 1798 гл. 6 стр. 82.

См. Новгородцевъ: Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ стр. 139.

Digitized by Google

родъ по отношенію къ нему не имѣетъ никакихъ правъ. Народъ, говоритъ Кантъ, имѣетъ свои неотъемлемыя права, «seine unverlierbaren Rechte», которыя только не защищены принужденіемъ, но всё же существуютъ.

Подданный не можетъ отъ нихъ отказаться, даже если бы хотѣлъ. Верховная власть можетъ ошибаться, и подданный долженъ имѣть полномочіе заявить публично свой голосъ, но съ разрѣшенія власти. Общій принципъ народныхъ правъ выражается такъ: чего народъ не можетъ постановить о себѣ, того не можетъ о немъ постановить и законодатель. Права эти имѣютъ чисто нравственный характеръ, выражаясь лишь въ свободѣ слова, въ критикѣ правительства. Вотъ единственное ограниченіе суверенной власти у Канта, указывающее вмѣстѣ съ тѣмъ, что понятіе суверенитета превращается у него въ требованіе разума и чисто нравственную идею [1]). Суверенитетъ принадлежитъ у Канта не тому или другому конкретному лицу, но разуму, предписывающему всякой личности въ государствѣ свои законы.

Законъ есть выраженіе чистаго разума въ волѣ. Онъ вытекаетъ, слѣдовательно, не изъ воли эмпирическаго человѣка (homo phaenomenon), а изъ чистой разумной воли идеальнаго человѣка (homo noumenon). Суверенитетъ принадлежитъ соединенной волѣ всѣхъ, но именно потому, что такая соединенная воля наиболѣе выражаетъ принципъ разума и автономіи воли. Не народъ, какъ сумма отдѣльныхъ личностей, собственно является создателемъ и охранителемъ права, но общественная справедливость, какъ выраженіе общаго всѣмъ разума и автономіи воли. Суверенитетъ народа и его законодательная власть поэтому у Канта означаютъ лишь ту философскую мысль, что истиннымъ сувереномъ является соединяющій отдѣльныя личности практическій разумъ, выражающійся въ вытекающемъ изъ апріорныхъ началъ и всѣхъ обязывающемъ разумномъ законѣ. Поэтому Кантъ единственно правомѣр-

1) Ср. Новгородцевъ: Кантъ и Гегель. Стр. 138 сл.

Digitized by Google

нымъ государствомъ считаетъ лишь то, въ которомъ законъ самодержавенъ и не связанъ ни съ какой личностью [1]). Кантъ признаетъ, что этотъ идеальный принципъ можетъ осуществляться при всякой формѣ государственнаго устройства, лишь бы носитель суверенитета издавалъ такіе законы, какіе дала-бы апріорно-объединенная воля народа.

Кантъ не дошелъ до признанія самого государства органическимъ цѣлымъ, личностью и носителемъ суверенитета. Личностью онъ признавалъ только индивидовъ. Государство Кантъ разсматриваетъ какъ моральную личность, какъ единое самостоятельное цѣлое, лишь въ международныхъ отношеніяхъ. Внутри же государства Кантъ называетъ, какъ мы видѣли, моральными лицами лишь три власти.

Индивидуалистическое воззрѣніе Канта приводитъ его къ тому, что государство у него отождествляется съ совокупностью всѣхъ соединившихся гражданъ, и суверенная воля— съ соединенной волей всѣхъ. [2]).

Но въ силу чисто абстрактнаго и формальнаго пониманія всѣхъ элементовъ государственной идеи, вытекающей изъ законовъ чистаго разума, и установленнаго различія между homo phaenomenon и homo noumenon [3]), волей конкретной личности и волей, выражающей собой «чистый, правовой, законодательный разумъ», Кантъ замѣнилъ въ сущности суверенитетъ конкретныхъ лицъ, суверенитетомъ отвлеченнаго закона разума.

Такимъ образомъ былъ нанесенъ ударъ столь долго господствовавшимъ теоріямъ, отождествлявшимъ суверенитетъ

---

[1]) Rechtslehre § 52.
Ср. Lasson: System der Rechtsphilosophie. 1882 г. стр. 99.
Новгородцевъ: Назв. соч. стр. 133 сл.
Gierke: Joh. Alth. стр. 207—209.
Dock: Revolution und Restauration über die Souveränetät. Стр. 74.
[2]) Gierke: Joh. Alth. стр. 208.
Чичеринъ: Ист. пол. ученій, ч. 3, стр. 357.
Dock: Revolution und Restauration über die Souveränetät 1900 стр. 73 сл.
[3]) Einleitung in die Rechtslehre. Стр. 42.

Digitized by Google

съ властью и волей того или другого конкретнаго элемента и органа государства, монарха или народа.

Дальнѣйшее развитіе идеи государства у Шеллинга и Гегеля привело, какъ увидимъ ниже, къ тому, что суверенитетъ былъ признанъ неразрывно связаннымъ съ государствомъ, какъ моральной личностью, имѣющею собственную сущность, независимую отъ составляющихъ его индивидовъ.

Здѣсь мы должны отмѣтить еще одну черту, отличающую ученіе Канта о суверенитетѣ отъ общепринятыхъ ученій о немъ предшествующей естественноправовой доктрины.

Господствующее воззрѣніе естественноправовой доктрины видѣло въ естественномъ правѣ юридическое ограниченіе государственной власти. Верховная власть не ограничена положительнымъ правомъ, законами отъ нея самой исходящими, но находитъ свои границы въ другомъ, еще до государства существующемъ, независимомъ отъ него, правѣ естественномъ. И въ силу философскихъ началъ ученія Канта въ идеальномъ государствѣ, согласномъ съ чистыми принципами права (der Staat in der Idee, wie er nach reinen Rechtsprincipien sein soll), господствуетъ разумъ. Законъ разума, такимъ образомъ, является границей государственной власти. Но при переводѣ идеи Канта на языкъ современныхъ юридическихъ понятій оказывается, что государственная власть юридически всемогуща, ничѣмъ юридически не ограничена, и формально суверенитетъ у Канта абсолютенъ. Дѣло въ томъ, что Кантъ, хотя и признаетъ право чисто апріорнымъ идеальнымъ началомъ разума, независимымъ отъ государственной власти, и признаетъ далѣе единственною цѣлью своего правомѣрнаго конституціоннаго государства охрану права, но въ то же время утверждаетъ, что это право получаетъ свою санкцію и осуществленіе лишь въ государствѣ въ силу положительнаго закона, такъ какъ правовое состояніе дѣлается возможнымъ лишь въ силу безусловнаго подчиненія всѣхъ государственной волѣ и ея закону, отсюда

Digitized by Google

же вытекаетъ абсолютная недозволенность всякаго сопротивленія власти и революціи [1]).

Самыя обязанности правительства и неотчуждаемыя права народа, на которыя указываетъ Кантъ, имѣютъ у него, какъ мы выше показали, чисто нравственный характеръ, а не юридическій [2]). Отсюда вытекаетъ, что Кантъ въ сущности уничтожаетъ то раздвоеніе права на естественное и положительное, которое существовало у писателей естественноправовой доктрины, такъ какъ естественное право получаетъ у него дѣйствительное значеніе, является дѣйствующей обязательной нормой, лишь поскольку оно дѣйствуетъ, какъ положительное право, исходящее отъ суверенной законодательной воли, въ отношеніи которой Кантъ не признаетъ никакихъ юридическихъ гарантій. Въ результатѣ всего этого получается, что высшая государственная власть, суверенитетъ, съ формальной юридической стороны у Канта также абсолютна, какъ и у Гоббеса [3]).

Во всякомъ случаѣ, идеалистическое государственное ученіе Канта, несмотря на все обиліе сходствъ съ ученіемъ естественноправовой доктрины, и въ особенности съ ученіемъ Руссо, получаетъ иной оригинальный характеръ, вслѣдствіе того, что великій философъ всѣ основы государственной власти и ея суверенитетъ выводитъ изъ апріорныхъ началъ разума. Онъ изображаетъ идеальное государство (der Staat in der Idee, wie er nach reinen Rechtsprincipien sein soll), построенное на чистыхъ принципахъ права, которые должны служить руководящимъ правиломъ (нормой) для всякаго эмпирическаго, дѣйствительнаго государства. И самый общественный договоръ и суверенитетъ соединенной воли народа у него не факты, не нѣчто дѣйствительно существующее и бывшее, но только необходи-

---

[1]) Rechtslehre II Th. § 44 и Allg. Anm. A.

[2]) Ср. также R. Mohl: Geschichte und Litteratur d. Staatsw. B. I. 1855 стр. 331.

[3]) Ср. Gierke: Joh. Alth. стр. 304, 315.

Digitized by Google

мыя требованія разума. Вотъ почему истиннымъ сувереномъ является у него въ сущности не народъ и его законы, а идеальное начало, разумъ и его требованія. Верховный властелинъ въ государствѣ—разумъ. Во имя законовъ разума Кантъ требуетъ безусловнаго подчиненія правительству при всякой формѣ государственнаго устройства, такъ какъ правительство—слуга этого разума и призвано къ осуществленію его законовъ. На мѣсто суверенитета конкретнаго главы государства, народа или монарха, Кантъ подставляетъ, такимъ образомъ, суверенитетъ абстрактнаго начала—разума.

§ 19.

Ученіе Фихте о суверенитетѣ.

Индивидуалистическая теорія Руссо приходитъ къ неограниченному полновластію государства, въ смыслѣ народа, надъ его членами. Индивидуалистическое ученіе Канта, выводящее какъ свободу индивида, такъ и государственную власть изъ абстрактныхъ началъ разума, также стремится привести въ гармонію эти два начала и даже въ противорѣчіе съ основными своими посылками объявляетъ, что безусловное повиновеніе и преклоненіе передъ волей государственной власти, какова бы она ни была, составляетъ священнѣйшую обязанность гражданина и категорическое предписаніе самого разума. Къ другому результату приходитъ Фихте. Въ своемъ болѣе раннемъ ученіи о государствѣ онъ развиваетъ до послѣдней крайности всѣ индивидуалистическія основы ученія Руссо и приходитъ въ результатѣ къ замѣнѣ суверенитета государства суверенитетомъ индивида.

Право есть выраженіе внѣшней свободы индивида. Присущая человѣку свобода есть его коренное, первоначальное право. Но это первоначальное право есть фикція, которую

Digitized by Google

мы получаемъ путемъ отвлеченія отъ дѣйствительныхъ юридическихъ отношеній. Эти дѣйствительныя юридическія отношенія и дѣйствительныя права возникаютъ лишь въ силу взаимнаго признанія людьми свободы каждаго во внѣшнемъ мірѣ. Чтобы внѣшняя свобода и дѣятельность одного не сталкивалась съ внѣшнею свободою другого, необходимо, чтобы люди согласились другъ съ другомъ размежевать и ограничить свою свободу. Для этого каждый долженъ напередъ объявить сферу своего владѣнія, и другіе должны признать его объявленіе. Такое взаимное соглашеніе устанавливаетъ дѣйствительное право каждаго и превращаетъ его владѣніе въ собственность, но для обезпеченія такъ установленнаго договоромъ права отъ нарушеній, люди должны организовать власть, которая бы разрѣшала споры и защищала бы право каждаго. Поэтому сверхъ договора о собственности всѣ и каждый взаимно заключаютъ еще договоръ объ обезпеченіи (Schutzvertrag). Каждый обѣщаетъ всѣмъ защищать ихъ собственность своими силами, подъ условіемъ, что и другіе будутъ дѣлать то же самое. Такимъ образомъ образуется союзъ, связь, соединяющая всѣхъ въ одно цѣлое. Наконецъ, всѣ и каждый взаимно еще обязываются договоромъ о соединеніи защищать такъ возникшее цѣлое и быть членами этого цѣлаго Такъ возникаетъ путемъ государственно-гражданскаго договора государство, какъ цѣлое, обезпечивающее признанныя права каждаго изъ договаривающихся, и являющееся высшимъ судьей въ ихъ спорахъ. Это цѣлое является носителемъ общей воли, выразителемъ общаго закона, которому должны подчиняться всѣ граждане. Подчиненіе власти этого цѣлаго должно быть всецѣлымъ и безусловнымъ, иначе каждый опять станетъ судьей своего права. Но свобода каждаго остается непарушенной и при такомъ подчиненіи, потому что, подчиняясь общей волѣ, гражданинъ, насколько онъ дѣйствуетъ справедливо, подчиняется своей же собственной неизмѣнной волѣ и добровольно признанному надъ собой закону.

Digitized by Google

Единственнымъ законодателемъ является лишь собственная разумная воля человѣка. Чужая воля не можетъ быть для насъ закономъ, даже воля Божества, если бы она была несогласна съ закономъ разума. Поскольку гражданинъ исполняетъ свои гражданскія обязанности, вытекающія изъ договора, и не нарушаетъ законныхъ границъ своей свободы, онъ является въ публичноправовой сферѣ соучастникомъ въ верховной власти, въ суверенитетѣ, а въ своей частной сферѣ является свободнымъ лицомъ, но не подданнымъ. Подданнымъ же онъ дѣлается лишь тогда, когда нарушаетъ свои обязанности, такъ какъ тогда государство выступаетъ въ качествѣ судьи надъ нарушившимъ договоръ.

Хотя вступленіе въ государство и заключеніе государственно-гражданскаго договора указывается человѣку самимъ разумомъ, но не только самое вступленіе въ государство и заключеніе договора, но и дальнѣйшее пребываніе въ немъ и подчиненіе государству зависитъ исключительно отъ доброй воли и согласія каждаго индивидуума. Государство держится лишь добровольнымъ согласіемъ наличныхъ его членовъ, и договоръ отцовъ не связываетъ потомства ихъ. Каждый отдѣльный человѣкъ имѣетъ право, когда ему заблагоразсудится, отказаться отъ государственнаго договора и выйти изъ государственнаго союза, и каждое большинство въ государствѣ имѣетъ точно также право, когда угодно, основать новое государство. Принципъ непарушимости договоровъ противорѣчитъ неотчуждаемымъ правамъ человѣка. Воля отдѣльной личности является единственнымъ законодателемъ, и цѣль государства заключается только въ обезпеченіи собственности, правъ и свободы индивида, какъ естественныхъ, первоначальныхъ, неотчуждаемыхъ правъ человѣка. Политическая свобода состоитъ въ правѣ не признавать никакого другого закона, кромѣ того, который каждый самъ себѣ даетъ, добровольно подчиняясь общему закону. Воля государства, суверенная общая воля, у Фихте представляетъ собой ничто иное,

Digitized by Google

какъ сумму всѣхъ индивидуальныхъ воль. На этомъ основаніи онъ требуетъ единогласія при рѣшеніи законодательныхъ вопросовъ и ни въ какомъ случаѣ не признаетъ принудительно-обязательной силы за волей большинства: несогласное съ этой волей меньшинство свободно можетъ выйти изъ государства.

Народъ—верховная власть въ государствѣ, источникъ всѣхъ властей и отвѣтственъ только передъ Богомъ. Ему подчинена всякая установленная власть въ государствѣ въ томъ числѣ и власть, установленная для верховнаго надзора надъ правительственною властью. Если же надзирающая и исполнительная власти, сговорившись, сообща посягаютъ на свободу народа, то народъ имѣетъ право возстать. Это его законное право, такъ какъ суверенный народъ никогда не можетъ считаться бунтовщикомъ, и граждане связаны закономъ лишь подъ условіемъ взаимнаго соблюденія его всѣми другими. На этомъ основаніи Фихте въ своихъ «Beiträge zur Berichtigung des Urtheils über die französiche Revolution» 1793 доказываетъ правомѣрность французской революціи, такъ какъ сущность каждой революціи заключается въ отказѣ отъ прежняго гражданскаго договора и заключеніи новаго. «Что можетъ быть на землѣ выше народа!» восклицаетъ Фихте въ своемъ «Основаніи естественнаго права». Фихте противупоставляетъ тутъ народъ правительству и, такимъ образомъ, понятіе о народномъ суверенитетѣ у него то же, что и у Руссо. Фихте прямо объявляетъ, что отдѣльныя лица въ своемъ соединеніи, вся масса гражданъ, и являются сувереномъ въ собственномъ смыслѣ слова. Но всѣ эти крайне индивидуалистическія воззрѣнія и ученіе о народномъ суверенитетѣ не мѣшаютъ Фихте развивать въ «Прикладномъ естественномъ правѣ» и въ сочиненіи «Замкнутое торговое государство» идеи государственнаго соціализма, полнѣйшей полицейской опеки гражданина государствомъ, и рекомендовать такое государственное устройство, при которомъ полиція и днемъ и ночью слѣдила-бы за каж-

Digitized by Google

дымъ гражданиномъ, а порядокъ былъ бы такой, что все «ходило-бы по стрункѣ».

Индивидуалистическое воззрѣніе Фихте не могло, конечно, привести его къ пониманію государства, какъ особой коллективной личности, независимой отъ составляющихъ ее индивидовъ и обладающей самостоятельными правами верховнаго властвованія. Государство сводится у Фихте къ совокупности, къ суммѣ суверенныхъ индивидовъ. И хотя Фихте часто называетъ государство «организованнымъ реальнымъ цѣлымъ», «организмомъ» и даже «органической формой правленія Божества», «моральнымъ мистическимъ лицомъ», но при ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ понятій оказывается, что государство въ такомъ смыслѣ у Фихте является ничѣмъ инымъ, какъ искусственнымъ учрежденіемъ «Künstliche Anstalt», чисто отвлеченнымъ понятіемъ «nichts als ein abstracter Begriff», и реальными личностями и субъектами правъ являются только физическія личности, индивиды, договорное соединеніе которыхъ и составляетъ государственное цѣлое. Общій интересъ, которому, по мнѣнію Фихте, долженъ служить общественный организмъ сводится лишь къ взаимодѣйствію личныхъ цѣлей [1]). Поэтому-то Фихте и разсматриваетъ въ своихъ «Основахъ естественнаго права» международное право, какъ всемірное гражданское право, въ основѣ котораго лежатъ не отношенія государствъ другъ къ другу, но лишь взаимныя отношенія гражданъ различныхъ государствъ. Однако въ послѣднихъ своихъ философскихъ трудахъ Фихте значительно измѣняетъ свое индивидуалистическое и чисто механическое воззрѣніе на государство и право.

Въ своемъ «Ученіи о Государствѣ» 1813 года

---

[1]) Gierke: Joh. Alth. стр. 119, 205, 206.

Чичеринъ: Ист. пол. уч. ч. 3 стр. 416 сл.

Bluntschli: Geschichte d. allg. Staatsr. und Politik. 1864 г. стр. 357 сл.

Dock: Revolution und Restauration über die Souveränetät 1900 стр. 46 сл., стр. 70.

А. Мишель: Идея государства стр. 47 сл.

Digitized by Google

Фихте разсматриваетъ уже государство, какъ политическій союзъ, являющійся не продуктомъ личныхъ человѣческихъ цѣлей, но орудіемъ Бога, Верховнаго разума, для осуществленія при посредствѣ права нравственнаго идеала, нравственнаго воспитанія человѣчества. Государство это подготовительная стадія для осуществленія Царства Божія на землѣ. Власть въ государствѣ должна принадлежать учителямъ, воспитателямъ человѣчества, т. е. тѣмъ, которые докажутъ на дѣлѣ, что они являются высшими умами своего вѣка. Эти учителя выбираютъ изъ своей среды умнѣйшаго верховнымъ правителемъ государства. Цѣль государства— цѣль рода, къ которой оно направляетъ всѣхъ индивидовъ. Каждый долженъ быть орудіемъ государства въ достиженіи этой цѣли. Еще ранѣе въ «рѣчахъ къ германскому народу» 1808 г. Фихте проповѣдуетъ идею народнаго единства и національности. Единство народа создается общей исторіей, языкомъ, нравами и образомъ мыслей. Самостоятельность и свобода народа заключаются въ томъ, что путемъ самобытнаго развитія къ царству разума и свободы каждый народъ обращается въ обширное государство. Насильственное водвореніе чужой культуры въ народную среду наноситъ смертельный ударъ ея развитію.

Такимъ образомъ Фихте покидаетъ свое индивидуалистическое и механическое воззрѣніе на государство и приближается къ болѣе глубокому органическому пониманію государства. Въ часности идея народнаго суверенитета у него, какъ и у Канта, замѣняется здѣсь суверенитетомъ разума, осуществленіе котораго Фихте вручаетъ, подобно Платону, умнѣйшимъ учителямъ человѣчества, высшему человѣческому разуму своего времени и своего народа. Еще болѣе энергично, чѣмъ Кантъ, настаиваетъ Фихте въ своемъ «Ученіи о Государствѣ» [1]) на нравственной идеѣ государства и при-

[1]) Fichte: Staatslehre oder über das Verhältniss des Urstaates zum Vernunftreich. 1813. W. IV стр. 434.

Digitized by Google

знаетъ абсолютнымъ долгомъ совѣсти людей соединяться въ государство и посредствомъ свободной воли стремиться къ осуществленію идеальнаго государства разума. Правовой законъ содержитъ вмѣстѣ съ тѣмъ нравственное велѣніе каждому признавать этотъ законъ и исполнять его. Всякій, кто не желаетъ принимать участія въ осуществленіи этого идеальнаго государства, не можетъ быть терпимъ въ обществѣ и его должно укрощать, какъ дикую силу природы.

Итакъ, въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Фихте мы видимъ, какъ и у Канта, начало разрыва съ атомистическимъ воззрѣніемъ на государство естественноправовой доктрины и признаніе его особою и независимою отъ составляющихъ его индивидовъ сущностью, союзомъ, выражающимъ собой исторически развившееся національное единство и культуру. Союзъ этотъ имѣетъ суверенную власть и является принудительнымъ учрежденіемъ, для того, чтобы посредствомъ права, какъ принудительнаго порядка, воспитать постепенно людей къ осуществленію на землѣ высшихъ идеаловъ разума, нравственности и свободы. Въ этомъ заключается, по мнѣнію Фихте, миссія государства, съ осуществленіемъ которой оно дѣлается излишнимъ [1]).

§ 20.

Значеніе органическаго ученія о государствѣ Шеллинга для развитія идеи суверенитета государства.

Философія Шеллинга, ученика Фихте, представляетъ собою дальнѣйшій шагъ въ признаніи самостоятельной сущности государства. Въ своихъ сочиненіяхъ, посвященныхъ философіи природы, Шеллингъ приходитъ къ заключенію, что природа представляетъ собой единый живой организмъ въ

[1]) Bluntschli: Gesch. d. allg. Staatsrechts стр. 377 сл.
Lasson: System der Rechtsphilosophie 1882 стр. 100—103.

Digitized by Google

безконечномъ движеніи и развитіи, въ которомъ отдѣльные организмы являются лишь рядомъ ступеней, чрезъ которыя развивается единая міровая сила, Божественная воля, мірообразующій разумъ [1]). Такъ и въ своей «Философіи духа» Шеллингъ развиваетъ ученіе о міровой душѣ и Божественной волѣ, которая въ своемъ развитіи раскрывается въ природѣ и человѣкѣ и порождаетъ государство. Поэтому государство—не произвольное созданіе людей, преслѣдующее какія-либо отдѣльныя внѣшнія цѣли ихъ, и не является средствомъ для достиженія тѣхъ или другихъ поставленныхъ человѣкомъ цѣлей, но представляетъ собой разумный порядокъ, обладающій принудительной силой, внѣшній организмъ свободно достигнутой гармоніи необходимости и свободы, непосредственное и видимое изображеніе абсолютной жизни. Государство—божественная форма, во всемъ блескѣ отражающая все величіе и возвышенность Божества, [2]) всемірной, абсолютной воли. Политическое ученіе Шеллинга весьма мало развито и не имѣетъ цѣльнаго характера, но идея Шеллинга о государствѣ, какъ объ организмѣ, независимомъ въ своемъ возникновеніи и развитіи отъ отдѣльныхъ личностей, надъ которыми оно господствуетъ, какъ объективномъ единствѣ, какъ живомъ организмѣ, обладающемъ самостоятельной жизнью и принудительной силой, послужила исходнымъ началомъ для цѣлаго направленія въ государственной наукѣ, такъ называемаго органическаго ученія о государствѣ, [3]) которое несмотря на всѣ свои ошибки и крайности въ отождествленіи природы государства съ природой естественныхъ организмовъ,

---

[1]) Ср. Чичеринъ: Ист. пол. уч. ч. 4 стр. 14 сл.

[2]) См. особенно: Vorlesungen über die Methode des akad. Studiums. 1803 г. W. W. I, Vorl. X.

[3]) См. объ этомъ: R. v. Mohl. Gesch. und. Litteratur der Staatswissenschaften т. I, стр. 258 сл.

H. Preuss: Die Persönlichkeit des Staates organich und indiwidualistisch betrachtet (Archiv f. öffentl. Recht v. Laband und Stoerk. IV стр. 63 сл.).

Ср. также V. Krieken: Ueber die sogenannte organische Staatstheorie 1873 стр. 65 сл.

Digitized by Google

имѣетъ ту большую заслугу, что окончательно подорвало господствовавшее до этого времени механическое воззрѣніе на государство. Разъ государство было признано самостоятельнымъ цѣлымъ, возникающимъ и развивающимся независимо отъ воли индивидовъ, и обладающимъ самостоятельною, независимою отъ индивидовъ, волей, которой подчиняются эти послѣдніе, логически слѣдуетъ, что обладателемъ верховной власти и носителемъ государственнаго суверенитета являются не тѣ или другія конкретныя личности или совокупность ихъ въ государствѣ, ни монархъ, ни весь народъ или какая-либо часть народа, но государство, какъ цѣлое, какъ общественный союзъ, охватывающій жизнь цѣлаго ряда поколѣній и обладающій въ силу своей организаціи самостоятельными и независимыми отъ составляющихъ его индивидовъ правами властвованія.

Отсюда логически вытекало и признаніе самого государства субъектомъ суверенной власти.

§ 21.

Ученіе Гегеля о суверенитетѣ.

Вслѣдъ за Шеллингомъ Гегель окончательно разрываетъ связь съ прежнимъ индивидуалистическимъ и атомистическимъ воззрѣніемъ на государство.

Задача философіи, по мнѣнію Гегеля, заключается въ познаніи и объясненіи существующаго.

«Дѣйствительно то, что разумно, и разумно то, что дѣйствительно». Бытіе есть то же, что разумъ.

Гегель отождествляетъ законы бытія съ законами мышленія и признаетъ задачей философіи познаніе разума, идеи, какъ постоянной и вѣчной субстанціи, раскрывающейся въ безконечномъ богатствѣ міровыхъ формъ и явленій [1]).

[1]) Hegel: Grundlinien der Philosophie des Rechts; Vorrede стр. 17—18.

Digitized by Google

Гегель представляетъ согласно этому міръ, какъ діалектическое саморазвитіе абсолютнаго духа, мышленія, постоянно развивающаго изъ первоначальнаго единства противоположности и сводящаго ихъ къ высшему, болѣе совершенному единству. Конечное единство есть идея, составляющая внутреннюю цѣль бытія и движущую пружину его развитія [1]).

Такимъ образомъ, всѣ отдѣльные моменты бытія являются только отдѣльными моментами развитія абсолютнаго мышленія.

Духъ развивается по тремъ ступенямъ: духъ субъективный, объективный и абсолютный.

Субъективный духъ—это духъ, самъ въ себѣ взятый, въ совокупности своихъ внутреннихъ опредѣленій. Свободная, разумная, самоопредѣляющаяся воля—высшая ступень этого духа.

Объектированіе, осуществленіе этой свободной воли во внѣшнемъ мірѣ, составляетъ область объективнаго духа.

Свобода или объективный духъ составляетъ право въ обширномъ смыслѣ слова, какъ бытіе свободной воли; оно развивается по тремъ ступенямъ: абстрактное право, мораль и нравственность. Нравственность представляетъ собой сочетаніе абстрактнаго права и морали въ человѣческихъ союзахъ: семьѣ, обществѣ, государствѣ.

Государство такимъ образомъ—лишь частное проявленіе мірового духа, именно проявленіе объективнаго духа.

Противоположность субъективнаго и объективнаго духа снимается въ высшемъ конечномъ единствѣ, въ абсолютномъ духѣ. Діалектическіе моменты его развитія—искусство, религія и философія.

Философія и представляетъ собой мышленіе абсолютной истины, сама себя мыслящая идея, истина, самопознающій разумъ.

Сообразно съ этими принципами Гегель ставитъ задачей философіи государства объяснить, что изъ себя представляетъ

[1]) Ср. Чичеринъ: Ист. пол. ученій ч. 4 1877 г. стр. 573 сл.

Digitized by Google

государство въ дѣйствительности, а не каково оно должно быть [1]).

Государство—духъ, который осуществляется въ мірѣ сознательно, тогда какъ въ природѣ онъ осуществляется лишь какъ спящій духъ.

Государство есть высшая форма проявленія объективнаго духа, высшая форма осуществленія нравственности.

Первоначальное единство семьи и развившіяся противоположности гражданскаго общества находятъ въ государствѣ свое высшее объединеніе. Государство есть дѣйствительность нравственной идеи и конкретной свободы, нравственный духъ, сознательно раскрывающійся въ мірѣ, субстанціональная воля, обладающая своимъ особымъ самосознаніемъ и разумомъ. Государство является не средствомъ служенія интересамъ отдѣльныхъ лицъ, но абсолютною самоцѣлью, въ которой свобода превращается въ высшее право, и поэтому государство имѣетъ высшее право въ отношеніи отдѣльныхъ личностей, а высшая обязанность послѣднихъ—быть членами государства.

На этомъ основаніи Гегель отвергаетъ договорную теорію государства. Онъ признаетъ заслугу Руссо въ томъ, что послѣдній видитъ основу государства въ общей волѣ, но ошибка Руссо, какъ и Фихте, по мнѣнію Гегеля, заключается въ выводѣ общей воли изъ воли отдѣльныхъ личностей, между тѣмъ какъ воля государства есть нѣчто объективное, само по себѣ разумное и независимое въ своемъ основаніи и выраженіи отъ признанія и воли отдѣльныхъ лицъ.

Государство—божественный путь въ мірѣ, основой его служитъ власть разума, осуществляющагося въ видѣ воли. Но, представляя себѣ такимъ образомъ идею государства, говоритъ Гегель, нужно имѣть въ виду не отдѣльныя, дѣйствительно существующія государства, но самую идею, этого истиннаго Бога (diesen wirklichen Gott).

---

[1]) Grundl. Vorrede стр. 18.

Digitized by Google

Государство существуетъ въ мірѣ среди произвола, зла, ошибокъ и случайностей и потому можетъ искажаться, но, несмотря на это, сама идея его неизмѣнна, подобно тому, какъ и человѣкъ, несмотря на всѣ свои недостатки, остается все же человѣкомъ [1]).

Охарактеризовавъ такъ идею государства, Гегель указываетъ, что діалектическое развитіе этой идеи выражается въ трехъ моментахъ:

a) Государство, какъ непосредственная дѣйствительность, индивидуальное государство, представляетъ собой организмъ, государственное устройство или внутреннее государственное право;

b) государство въ его отношеніяхъ къ другимъ государствамъ—внѣшнее государственное право;

c) государство, какъ общая, родовая идея и абсолютная сила въ отношеніи къ дѣйствительно существующимъ государствамъ, духъ осуществляющійся въ процессѣ всемірной исторіи.

Дѣйствительно существующія государства имѣютъ каждое свою индивидуальность и обособленность.

Какъ таковыя, государства независимы другъ отъ друга, ихъ взаимное отношеніе имѣетъ чисто внѣшній характеръ. Связующимъ ихъ звеномъ и абсолютнымъ судьей ихъ является лишь возвышающійся надъ ними духъ, осуществляющійся во всемірной исторіи. Всякіе же соединенія и союзы государствъ—всегда относительны и ограничены [2]).

Государство—дѣйствительность конкретной свободы, заключающейся въ томъ, что личность и ея интересы находятъ въ государствѣ съ одной стороны свое полное развитіе и признаніе (въ сферѣ семьи и гражданскаго общества), съ другой же стороны они связаны съ интересами общаго, какъ своей конечной цѣли. Именно, въ силу такого взаимодѣй-

[1]) Grundl. § 258.

[2]) Grundlinien der. Ph. d. R. § 259.

Digitized by Google

ствія и единства общаго и частнаго, принципъ современныхъ государствъ имѣетъ такую силу и глубину [1]).

Для сферъ частнаго права и частнаго блага, для семьи и гражданскаго общества, государство является съ одной стороны внѣшнею необходимостью и высшею силою, которой подчиняются, и отъ которой зависятъ законы и интересы этихъ сферъ; съ другой же стороны, государство является присущею имъ цѣлью, и черпаетъ свою силу въ единствѣ своей конечной всеобщей цѣли и особенныхъ интересовъ индивидовъ Единство это выражается въ томъ, что индивиды имѣютъ въ той мѣрѣ обязанности въ отношеніи къ государству, въ какой мѣрѣ и права [2]).

Въ силу этого въ государственномъ устройствѣ существуетъ разумное сочетаніе свободы и необходимости [3]).

Государство—организмъ, т. е. развитіе идеи въ ея различіяхъ. Эти различныя стороны единаго государственнаго организма—его власти [4]).

Гегель признаетъ раздѣленіе властей весьма важной гарантіей общественной свободы, но отвергаетъ принципъ полной самостоятельности и взаимнаго ограниченія властей, такъ какъ онъ ведетъ къ борьбѣ властей и разрушенію государства. Государственныя власти это лишь моменты одного и того же единаго понятія; будучи различны въ своей дѣятельности, каждая изъ нихъ всё же содержитъ въ себѣ элементы другой, и такъ образуется согласіе и гармонія властей [5]).

Такихъ властей три: [6]) a) законодательная, опредѣляющая и устанавливающая общее; b) правительственная власть (включая судъ и полицію), подводящая частное подъ общее, въ формѣ исполненія и суда; c) королевская власть, которая

---

[1]) Grundl. d. Ph. d. R. § 260.
[2]) Grundl. § 261.
[3]) Grundl. § 265.
[4]) Тамъ же §§ 269 и 272.
[5]) Grundl. § 272.
[6]) Grundl. § 273.

Digitized by Google

завершаетъ выраженіе воли государства и потому является его началомъ и завершеніемъ.

Изъ всѣхъ политическихъ формъ конституціонная монархія новаго времени является наиболѣе полнымъ развитіемъ идеи государства, такъ какъ въ ней отдѣльные моменты этой идеи (власти) достигли наибольшаго обособленія и затѣмъ объединенія въ высшемъ единствѣ—въ королевской власти [1]). Королевская власть, которой принадлежитъ высшее, послѣднее рѣшеніе, выражаетъ собой самоопредѣленіе и личное единство государства. Конкретное содержаніе этого рѣшенія дается монарху постановленіями народнаго представительства, и въ хорошо устроенномъ конституціонномъ государствѣ монарху остается только дать чисто формальную санкцію этимъ постановленіямъ, которыми онъ самъ связанъ, сказать: «да», «я хочу»! и поставить какъ бы точку надъ «і» [2]).

Отъ рѣшающей власти, которая принадлежитъ монарху, отличается правительственная власть, исполняющая, примѣняющая и охраняющая эти верховныя рѣшенія и законы.

Въ законодательной власти участвуютъ: монархъ, которому принадлежитъ высшее рѣшеніе, т. е. санкція закона, правительство, какъ совѣщательный органъ, знающій потребности государственной власти и конкретныя условія ея дѣятельности, и, наконецъ, народное представительство въ видѣ сословнаго элемента. Народное представительство осуществляетъ въ законодательствѣ моментъ субъективной формальной свободы. Оно предназначается для общественнаго выраженія существенныхъ интересовъ и потребностей различныхъ сферъ населенія, и для публичнаго контроля (offentliche Censur) правительственной дѣятельности [3]).

Основное опредѣленіе государства состоитъ въ субстанціональномъ единствѣ, идеальности (Idealität, Idealismus) его

[1]) Grundl. §§ 273 и 275.
[2]) Grundl. § 280.
[3]) Grundl. §§ 300, 301, 302, 311.

Digitized by Google

моментовъ, въ томъ числѣ, государственныхъ властей и ихъ дѣятельности.

Эта идеальность, единство всѣхъ особыхъ моментовъ государства и различій, развившихся въ немъ, составляетъ животворящее начало государства, его суверенитетъ, и именно внутренній суверенитетъ [1]). Государство это самоопредѣляющаяся и вполнѣ суверенная воля, которой принадлежитъ послѣднее высшее рѣшеніе.

Суверенитетъ, какъ «идеальность» государства, идея органическаго единства всѣхъ моментовъ государства представляетъ собой, говоритъ Гегель, субъективность, индивидуальность государства, отвлеченное самоопредѣленіе воли, которой принадлежитъ высшее рѣшеніе. Это идеальное единство, личность государства, находитъ свое дѣйствительное осуществленіе и выраженіе только въ единой физической личности и волѣ монарха.

Поэтому о суверенитетѣ народа, утверждаетъ Гегель, можно говорить лишь въ томъ случаѣ, если подъ народомъ разумѣютъ цѣлое, само государство, но отнюдь нельзя противопоставлять, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, суверенитетъ народа суверенитету монарха. И какъ нѣкогда Гоббесъ, Гегель утверждаетъ, что идея народнаго суверенитета представляетъ крупное заблужденіе, такъ какъ народъ безъ монарха, съ личностью котораго необходимо связано все строеніе и единство государства, не представляетъ собой государство, а безформенную массу. Итакъ, суверенитетъ означаетъ собой лишь личность государственнаго цѣлаго, которая находитъ свое дѣйствительное выраженіе въ личности монарха (ist die Souverainetät als die Personlichkeit des Ganzen, und diese in der ihrem Begriff gemäszen Realität als die Person des Monarchen.) [2]).

Конечно, такая идея суверенитета не приложима къ

[1]) Grundl. §§ 275—278.

[2]) Grundl §§ 279, 349.

Digitized by Google

республиканскому государству, но республику, какъ и другіе образы правленія, кромѣ конституціонной монархіи, Гегель относитъ къ низшимъ формамъ государственнаго развитія, въ которыхъ общая идея не достигла еще полнаго своего разчлененія и развитія, и потому такія формы не представляютъ собой государства, какъ его понимаетъ Гегель [1]).

Государство есть «дѣйствительность субстанціональной воли», которая сама себя мыслитъ, знаетъ и осуществляетъ [2]). Такимъ образомъ это не есть воля индивидовъ или народа, а, основанная на абсолютной волѣ, воля самого государства, какъ самобытной, самосознающей личности. Народъ же не только не знаетъ, чего хочетъ эта разумная воля, но даже и того, чего онъ самъ хочетъ [3]).

Совершенная самостоятельность, свобода, исключительная самобытность и индивидуальность государства, какъ личности, въ отношеніи къ другимъ государствамъ составляетъ его внѣшній суверенитетъ.

Государство есть абсолютная власть на землѣ и, какъ таковая, является суверенной, самостоятельной личностью въ отношеніи къ другимъ государствамъ и имѣетъ абсолютное правомочіе требовать отъ нихъ признанія этой самостоятельности.

Нѣтъ власти и суда, рѣшеніямъ которыхъ государство могло бы подчиняться [4]).

Въ основаніи взаимнаго отношенія государствъ лежитъ принципъ ихъ идеальности, ихъ суверенитета. Поэтому государства находятся въ отношеніи другъ къ другу въ естественномъ состояніи, и ихъ права получаютъ свою дѣйствительность (Wirklichkeit) не во власти организованной надъ государствами, но въ ихъ собственной абсолютной волѣ [5]).

---

[1]) Ср. Grundl. §§ 273, 279.
[2]) Grundl. §§ 257, 270.
[3]) Grundl. § 301.
[4]) Grundl. §§ 321, 330.
[5]) Grundl. § 333.

Digitized by Google

Вотъ почему «вѣчный миръ», какъ его представляетъ Кантъ, можетъ покоиться лишь на согласіи государствъ, на ихъ же суверенной волѣ, а потому онъ и подверженъ случайностямъ; споръ между государствами можетъ быть рѣшенъ только войной [1]). Война является наивысшимъ подтвержденіемъ верховной независимости государствъ, ихъ идеальности [2]).

Таково ученіе Гегеля о суверенитетѣ.

Въ своемъ идеалистическомъ построеніи государства Гегель выдвинулъ идею личности государства, сводящей къ единству все разнообразіе заключающихся въ государствѣ элементовъ.

Эта единая личность является живымъ цѣлымъ, обладающимъ самосознаніемъ и волей. Эта воля, какъ сила создавшая государство и властвующая въ немъ, не есть какая-либо индивидуальная воля или совокупность индивидуальныхъ воль, какъ учили представители естественнаго права и индивидуалистическаго воззрѣнія на государство, но независимая отъ воли индивидуумовъ, совершенно самобытная воля личности государства.

Само государство является у Гегеля дѣйствительностью субстанціональной воли. Воля эта самоопредѣляющаяся и вполнѣ суверенная, содержащая въ себѣ моментъ послѣдняго т. е. высшаго рѣшенія (въ лицѣ монарха), которая все въ государствѣ сводитъ къ органическому единству.

Единство всѣхъ моментовъ государства, всѣхъ его властей и дѣятельности, и образуетъ суверенитетъ государства (внутренній суверенитетъ).

Государство далѣе, какъ вполнѣ исключительная и самобытная воля и единство, какъ абсолютная власть на землѣ, является вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ независимой, суверенной во внѣшнихъ отношеніяхъ волей (внѣшній суверенитетъ).

Такимъ образомъ, идея суверенитета у Гегеля означаетъ не только верховность и независимость государственной власти,

1) Grundl. § 333, 334.
2) Grundl. § 324.

Digitized by Google

но и органическое единство всѣхъ частей государства. Если свести въ одну формулу все, что Гегель говоритъ о суверенитетѣ, получится слѣдующее общее понятіе: суверенитетъ—это присущія личности государства, единство, верховенство и независимость.

Но въ своемъ ученіи о суверенитетѣ Гегель, хотя и называетъ государство абсолютной властью на землѣ, далекъ отъ абсолютистскихъ тенденцій писателей, которые, подобно Гоббесу, проповѣдывали ничѣмъ неограниченную волю властителя.

Гегель, напротивъ, называетъ деспотизмомъ и беззаконіемъ такое правленіе, гдѣ всякая воля монарха или народа имѣетъ силу закона или его замѣняетъ.

Суверенитетъ, какъ идеальное единство всѣхъ моментовъ государственной воли и жизни, требуетъ, напротивъ, надлежащаго соединенія, гармоническаго сочетанія цѣлей и дѣятельности всѣхъ элементовъ государства (сословій, властей, корпорацій) съ интересами и цѣлью цѣлаго, т. е. государства.

Въ силу этого всѣ особенныя сферы въ государствѣ, осуществляя въ мирное время свои спеціальныя задачи и удовлетворяя своимъ собственнымъ потребностямъ, въ то же время безсознательною силою вещей взаимно поддерживаютъ другъ друга и цѣлое. Съ другой же стороны, путемъ прямого воздѣйствія правительственной власти сферы эти ограничиваются и приводятся къ служенію цѣлому. Лишь въ моментъ крайней нужды суверенитетъ требуетъ, чтобы всѣ особые отдѣльные элементы государства жертвовали собой для спасенія цѣлаго.

Гегель рѣшительно отвергаетъ смѣшеніе суверенитета съ голой силой и видитъ его дѣйствительное осуществленіе и выраженіе въ закономѣрной конституціонной монархіи новаго времени, въ которой онъ находитъ настоящее развитіе и органическое сочетаніе всѣхъ моментовъ государственной жизни [1]).

[1]) Grundl. § 278.

Digitized by Google

Да и основное воззрѣніе Гегеля на государство, какъ на діалектическое развитіе идеи въ ея различіяхъ, какъ на воплощеніе нравственной идеи, въ которой отдѣльные моменты, право и мораль, сливаются въ высшемъ единствѣ, не могло, конечно, допускать односторонняго развитія въ государствѣ начала власти въ ущербъ гражданской свободѣ. «Сущность новаго государства, замѣчаетъ Гегель, заключается въ томъ, что общее въ немъ связано съ полной свободой, особенностями и благополучіемъ индивидовъ» [1]).

Въ наши задачи не входитъ всестороннее изложеніе и оцѣнка государственнаго ученія Гегеля. Мы желали лишь выяснить точку зрѣнія Гегеля на суверенитетъ и ея значеніе для дальнѣйшаго развитія идеи суверенитета.

Мы видѣли уже, какъ философское ученіе Канта, позднѣйшее ученіе Фихте и идеи Шеллинга положили начало воззрѣнію на государство, какъ на объективный, разумный, правовой порядокъ, единое живое цѣлое, независимое въ своемъ основаніи и дѣятельности отъ воли индивидовъ его составляющихъ.

Философія Гегеля довершаетъ развитіе этой идеи [2]).

Такимъ образомъ, взамѣнъ прежняго дуалистическаго воззрѣнія на государство, противопоставлявшаго какъ двѣ особыя личности правительство народу и отождествлявшаго государство съ тѣми или другими элементами государства, [3]) которымъ и приписывается суверенитетъ, развивается монистическое воззрѣніе на государство, какъ на суверенную личность, единое цѣлое, носителя властвованія, обнимающаго собой всѣ элементы, входящіе въ его составъ, пра-

[1]) Grundl. § 260.

[2]) Ср. А. Мишель: Идея государства стр. 143—145.

[3]) Реализація идеи личности и суверенитета государства въ личности монарха у Гегеля имѣетъ чисто формальное значеніе и онъ не дѣлаетъ отсюда какихъ-либо выводовъ въ пользу абсолютизма монарха, какъ напримѣръ Гоббесъ.

Digitized by Google

вительство и народъ, какъ его составныя органическія части. Индивидуалистическое воззрѣніе естественноправовой доктрины 18 вѣка на государство и суверенитетъ Гегелемъ окончательно подорвано. Въ этомъ отношеніи Гегель дошелъ до крайностей. Государство у Гегеля—это идеальный, самобытный, независимый отъ индивидовъ, организмъ, въ которомъ проявляется абсолютный духъ и его воля. Анри Мишель замѣчаетъ, что Гегель превосходитъ всѣ формы реакціи противъ идей 18 вѣка той высотой, какой достигаетъ у него понятіе о государствѣ. Государство уже занимало большое мѣсто у теократовъ, исторической школы и у Бентама, но у Гегеля оно получаетъ такую полноту, величіе и могущество, что надо вернуться къ древнимъ временамъ, чтобы встрѣтить что-нибудь подобное. Индивидъ ничто; государство—все; государство это—Богъ. Цѣль государства—торжество самого государства. У государства есть своя, независимая отъ людей его составляющихъ, миссія. Индивидъ, какъ часть цѣлаго, имѣетъ высшую обязанность быть членомъ государства, служить его цѣли и не въ правѣ предпочесть себя этому цѣлому; онъ долженъ желать блага цѣлаго и добиваться его. Правда, Гегель въ своемъ абстрактномъ построеніи государства стремится органически сочетать то, что онъ называетъ «особеннымъ» и «общимъ», идею индивидуальной свободы и права и идею объективнаго порядка и власти, и потому, какъ мы замѣтили выше, далекъ отъ абсолютистскихъ тенденцій и отъ идеала Платона [1]), но, какъ справедливо замѣчаетъ Анри Мишель, право, о которомъ идетъ рѣчь у Гегеля, и которое онъ называетъ «свободной волею», представляетъ собой объективную волю, стоящую выше индивидуальныхъ воль, двигающую ими и опредѣляющую ихъ. Право индивида это—выполненіе долга, а свобода—подчиненіе объективной волѣ [2]).

---

[1]) Ср. Чичеринъ: Политическіе мыслители древняго и новаго міра 1897, т. II стр. 420.

[2]) А. Мишель: назв. соч. стр. 143.

Digitized by Google

Вотъ почему крайній объективизмъ философской системы Гегеля и его идеализація и даже апоѳеозъ государства и его власти въ сущности ведутъ, несмотря на другія намѣренія Гегеля, къ поглощенію личности государствомъ, къ отрицанію тѣхъ принциповъ индивидуальной свободы, которые такъ тщательно отстаивали естественноправовыя доктрины въ построеніяхъ правового государства. Личность обращается въ орудіе неизмѣримо высокой объективной воли, раскрывающейся въ государствѣ, предъ которой остается лишь преклоняться. Какъ бы то ни было, для цѣлей нашего изслѣдованія имѣетъ прежде всего значеніе, что Гегель рѣшительно выдвинулъ идею личности государства, какъ самостоятельнаго цѣлаго, субъекта единой суверенной власти, и далъ философское обоснованіе принципу суверенитета, какъ безусловнаго верховенства государства и его внѣшней независимости.

§ 22.

Реакція въ политической литературѣ конца 18 и начала 19 вѣка противъ естественноправовыхъ ученій о государствѣ и суверенитетѣ. [1])

Крайности французской революціи и вдохновлявшихъ ее индивидуалистическихъ естественноправовыхъ теорій общества и государства вызвали уже въ концѣ XVIII-го вѣка сильнѣйшую реакцію, какъ противъ самой революціи, такъ и противъ этихъ ученій. Не только въ области государственной жизни обнаруживается энергичное стремленіе правительствъ подавить «гидру революціи», поддержать или возстановить старый расшатанный

---

[1]) A. Dock: Revolution und Restauration über die Souveränetät 1900.
А. Мишель: Идея государства 1903.
Bluntschli: Geschichte d. allg. Staatsr. und der Politik 1864.
Чичеринъ: Исторія полит. ученій 1877, ч. 4.
A. Th. v. Krieken: Ueber die sogenannte organische Staatstheorie. 1873.
R. v. Mohl: Geschichte und Litteratur der Staatsw. 1855. B. I. Стр. 252 сл., 316 сл.

Digitized by Google

революціей политическій порядокъ, но та же реакція проявляется и въ области государственныхъ ученій. Подвергаются ожесточенной критикѣ индивидуалистическая теорія естественнаго состоянія людей и идея договорнаго происхожденія общества и государства, идея естественныхъ неотчуждаемыхъ правъ человѣка, абстрактныя идеи равенства и свободы, принципъ народнаго суверенитета и другія начала, развитыя доктриной естественнаго права и торжественно провозглашенныя въ эпоху революціи. На первый планъ выдвигается не разумъ человѣка, который самъ по себѣ неспособенъ рѣшить проблему о происхожденіи и лучшемъ устройствѣ политическаго общества, но высшій объективный разумъ природы или Бога, проявляющійся въ исторіи и устраивающій человѣческія общества. Не воля, свобода и интересы индивида признаются основами государственной жизни, но принципы власти и порядка, объективная воля государственнаго цѣлаго, его власть и самостоятельныя цѣли. Доказывають, что государственный строй не является искусственнымъ созданіемъ человѣка, но независимымъ отъ человѣческой воли, самобытно развивающимся порядкомъ человѣческихъ отношеній. Источникъ государства и верховной власти лежитъ не въ волѣ гражданъ или народа, а въ волѣ Бога, управляющаго судьбами человѣчества, и въ непреложныхъ историческихъ законахъ развитія человѣческихъ обществъ.

Поэтому права носителя верховной власти являются собственными его правами и основаны не на волѣ управляемыхъ или на уполномочіи со стороны гражданъ или народа, но на божественномъ установленіи или на исторически сложившемся положительномъ порядкѣ человѣческихъ отношеній.

Уваженіе къ исторически сложившемуся государственному и общественному строю является не только необходимостью, вытекающею изъ «естественнаго хода вещей», какъ выражался Бёркъ, но и нравственною обязанностью гражданина. [1])

[1]) Ср. А Мишель: Идея государства стр. 146—150.

Digitized by Google

Таковы были основныя идеи политической литературы, явившейся на смѣну индивидуалистическихъ естественно-правовыхъ ученій 18 вѣка. Эти принципы развивались и писателями консервативнаго историческаго направленія, какъ Бёркъ въ Англіи и Генцъ въ Германіи, и исторической школой права въ Германіи и теократами реставраціонной эпохи: французами Сенъ-Мартеномъ, Де-Местромъ, Де-Бональдомъ, Балланшемъ, Ламеннэ во Франціи, нѣмцами Адамомъ Мюллеромъ и Ярке, итальянцами Леопарди и Танарелли, Галлеромъ въ его патримоніальной теоріи государства, въ утилитарномъ демократическомъ ученіи Бентама въ его «анархическихъ софизмахъ» и «трактатѣ о правительствѣ», далѣе писателями эклектическаго и примирительнаго направленія, [1]) какъ Ансильонъ, Радовицъ, Карлъ Соломонъ Цахаріэ, Шмиттенеръ, Шлейермахеръ, у которыхъ историческое направленіе политической мысли соединялось съ раціонализмомъ. [2])

Мы уже указали выше, какъ эта реакція противъ индивидуалистическихъ теорій права и государства обнаружилась у корифеевъ философской мысли въ Германіи, въ позднѣйшемъ ученіи Фихте, въ натурфилософіи Шеллинга и особенно въ философскомъ ученіи Гегеля о правѣ и государствѣ. Идеи этихъ философовъ въ значительной степени вліяли и на всѣ перечисленныя нами направленія политической мысли. А. Мишель говоритъ о Гегелѣ, что какъ умъ въ высшей степени сложный, онъ соединяетъ въ себѣ всѣ формы реакціи противъ индивидуалистическихъ ученій 18-го вѣка. «Вмѣстѣ съ теократами онъ утверждаетъ, что человѣкъ неспособенъ создать государственный строй, и что ни въ какой моментъ исторіи не существовало народа, который былъ бы лишенъ его. Вмѣстѣ съ Бентамомъ онъ отказывается видѣть въ поли-

A. Dock: Revolution und Restauration über die Souveränetät стр. 252 сл.

[1]) См. Bluntschli: Geschichte d. allg. Staatsrechts und der Politik 1864 стр. 591—615.

[2]) Объ экономической и соціальной реакціи противъ индивидуализма. См. А. Мишель: Идея государства стр. 155—249.

Digitized by Google

тической свободѣ цѣль человѣческой ассоціаціи. Вмѣстѣ съ теократами и Бентамомъ одновременно онъ возстаетъ противъ теоріи права, какъ ее понимали Руссо и Кантъ. Онъ отвергаетъ идею естественнаго права въ томъ смыслѣ, чтобы «опредѣленія права существовали непосредственно какъ вещи природы»; онъ отвергаетъ идею о первобытномъ состояніи, которое было-бы выше общественнаго. Вмѣстѣ съ исторической школой Гегель признаетъ государство организмомъ, а развитіе государства органическимъ. Вмѣстѣ со всѣми противниками XVIII в. и французской революціи Гегель полагаетъ, что «я» не должно и не можетъ быть центромъ, принципомъ и цѣлью всего сущаго [1]).

Любопытно отношеніе писателей эпохи реставраціи и прежде всего теократовъ къ идеѣ суверенитета. Конечно, о договорномъ установленіи суверенной власти индивидомъ не можетъ быть и рѣчи у реставраторовъ. Принципъ народовластія они также отвергаютъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Носителемъ суверенитета у реставраторовъ-теократовъ является монархъ. Всѣ они убѣжденные монархисты. Понятіе суверенитета у нихъ обращается въ настоящій апооеозъ верховной власти. Они видятъ источникъ суверенитета въ Божественной волѣ. Суверенитетъ есть высшая и независимая божественнаго происхожденія власть, присущая каждому государству. Нѣкоторые изъ нихъ далѣе, какъ напримѣръ Де Местръ. прямо утверждаютъ, что эта власть по самой природѣ своей абсолютная и всегда единая и неприкосновенная [2]). Другіе же писатели, какъ напримѣръ Ярке, хотя и признаютъ, что государственная власть должна находить свои границы въ самоограниченіи суверена, т. е. монарха, въ правахъ народа и государственныхъ законахъ, подъ которыми реакціонная доктрина разумѣетъ свой излюбленный средневѣковой сословный строй общества и права различныхъ сословій, въ которыхъ

[1]) А. Мишель: Идея государства стр. 142 сл.
[2]) См. Dock: назв. соч. стр. 224.

Digitized by Google

они видятъ «истинную свободу», но въ результатѣ соблюденіе всѣхъ этихъ границъ сводится у нихъ къ доброй волѣ суверена, такъ какъ всѣ формальныя юридическія ограниченія носителя суверенной власти, т. е. монарха, эти писатели называютъ «мертвыми формулами» и даже, «смѣшными нелѣпостями». При этомъ всѣ «либеральныя конституціи», которыя исходятъ изъ ложныхъ и пагубныхъ началъ представительной системы, не могутъ вести народы къ счастію и миру, а являются, говоритъ Ярке, лишь причинами замѣшательствъ и несчастій, къ которымъ приводитъ слабость или безсовѣстность [1]). Итальянецъ графъ Леопарди утверждаетъ, что суверенъ—монархъ совершенно не обязанъ соблюдать конституцію, если она нарушаетъ его суверенитетъ, такъ какъ суверенитетъ есть, установленная Богомъ въ обществѣ и для блага общества, высшая власть [2]).

При этомъ всѣ эти писатели утверждаютъ, что суверенитетъ есть власть, принадлежащая монарху по собственному праву, въ силу Божьяго соизволенія и по историческому праву, а не въ силу делегаціи народа или государственныхъ законовъ. Всѣ писатели теократы уподобляютъ суверенную власть монарха власти домовладыки въ семьѣ или же, какъ напримѣръ дѣлаетъ это Галлеръ въ своей патримоніальной теоріи государства, изложенной въ его извѣстномъ сочиненіи «Реставрація государственныхъ наукъ», основываютъ эту власть на вотчинныхъ, частноправовыхъ началахъ [3]). Суверенъ, монархъ—сильный, богатый и ни отъ кого независимый властитель, который властвуетъ jure proprio, а не jure delegato, имѣетъ права, но не обязанности и распоряжается своимъ государствомъ на частноправныхъ началахъ, какъ вотчинникъ своей вотчиной, какъ собственникъ своимъ имуществомъ, въ своихъ собственныхъ интересахъ. Въ подчиненіи монарха

---

[1]) См. Dock: назв. соч. стр. 212.

[2]) Тамъ же: стр. 193.

[3]) См. R. v. Mohl: Geschichte und Litteratur der Staatsw. B. I стр. 257.

Digitized by Google

законамъ Бога лежитъ для народовъ единственно возможная и вмѣстѣ съ тѣмъ самая надежная гарантія противъ всякаго злоупотребленія высшею властью.

Галлеръ основываетъ все понятіе государственнаго властвованія, на усматриваемомъ имъ во всей природѣ и въ общественныхъ отношеніяхъ законѣ господства сильныхъ надъ слабыми. Высшая градація этихъ общественныхъ отношеній властвованія и подчиненія и есть суверенитетъ, верховная государственная власть. «То, что мы называемъ гражданскимъ обществомъ, говоритъ Галлеръ, есть ничто иное, какъ высшая градація всякаго естественнаго общества». Ни число подданныхъ, говоритъ Галлеръ, ни величина территоріи не имѣютъ значенія для суверенитета. Точно также нельзя называть суверенитетомъ такъ называемыя права ландесгерровъ или права величества (Landesherrliches=oder Majestäts=Recht), такъ какъ каждое изъ этихъ правъ можетъ принадлежать и лицамъ, осуществляющимъ ихъ въ болѣе тѣсныхъ союзахъ, нежели государства, или же для дозволеннаго осуществленія этихъ правъ можетъ недоставать лишь случая или средствъ. Суверенитетъ же, какъ это явствуетъ изъ разума, опыта и словоупотребленія, состоитъ въ неимѣніи надъ собою иного высшаго, кромѣ Бога и природы. Поэтому Галлеръ опредѣляетъ суверенитетъ словами Гуго Гроція; potestas civilis illa dicitur; cujus actus alterius juri non subsunt, ita ut alterius voluntatis humanae arbitrio irrita possint reddi. Галлеръ лишь замѣняетъ выраженіе Гроція «potestas civilis» выраженіемъ potestas summa. Суверенитетъ, независимость, есть единственный отличительный признакъ государства [1]).

Любопытно ученіе А. Мюллера о суверенитетѣ. Государство, говоритъ Адамъ Мюллеръ, [2]) есть вся совокупность дѣлъ человѣческихъ, ихъ соединеніе въ одно живое цѣлое.

[1]) См. Dock: назв. соч. стр. 123—126, 156 сл.

[2]) Его сочиненія: „Элементы политическаго искусства 1809“ и „О необходимости богословской основы для совокупной политической науки“ 1819.

Digitized by Google

Государство не служитъ какимъ-либо отдѣльнымъ цѣлямъ, напримѣръ, безопасности, свободѣ, счастью всѣхъ, но само есть высшая цѣль, которая заключаетъ всѣ цѣли человѣка: «государство служитъ самому себѣ». Государство возникаетъ вмѣстѣ съ людьми изъ самой природы, а не создается ими. Оно не есть машина, придуманная сувереномъ, но вся полнота духовной и физической жизни массы людей. Оно не является какимъ-либо инструментомъ въ рукахъ какого-бы то ни было лица, но само представляетъ собой лицо, является живымъ организмомъ, членами котораго являются люди. Если бы что-либо внѣшнее господствовало надъ государствомъ, то оно не было бы свободнымъ, не было-бы лицомъ. Лишь господству идеи можетъ подчиниться государство, не утрачивая своего характера личности. И даже въ подчиненіи такой высшей идеѣ—религіи, говоритъ Мюллеръ, и заключается признакъ его личности. Только религія вноситъ гармонію въ постоянную борьбу двухъ началъ въ государствѣ, подчиненія и чувства свободы [1]). Идеалъ Мюллера это подчиненіе всѣхъ государствъ христіанской церкви. Это не мѣшаетъ однако Мюллеру утверждать, что государство обладаетъ высшею и независимою властью. Государство есть верховный союзъ на землѣ, надъ нимъ властвуетъ только всемірная исторія. Носителемъ суверенитета является монархъ. «Божественное право трона есть единственное и незыблемое основаніе всѣхъ политическихъ учрежденій». Смѣшно говорить о правѣ народовъ имѣть какую-либо волю, и самое слово «народный суверенитетъ» Мюллеръ называетъ варварскимъ.

Суверенъ есть представитель всего христіанства въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ и представитель этого отдѣльнаго государства передъ всѣмъ христіанствомъ.

А. Мюллеръ даже доходитъ до того, что видитъ въ суверенѣ локализированную основную силу всей политической планетной системы, организующую строй тѣхъ планетъ, надъ

[1]) Ср. Чичеринъ: Исторія полит. ученій ч. 4 стр. 252 сл.

Digitized by Google

которыми она властвуетъ. Суверенъ является также универсальной основной силой этой особой планеты, ведущей ее мощно и свободно черезъ всю систему такихъ планетъ [1]). Каково же отношеніе суверена къ законамъ?

А. Мюллеръ утверждаетъ, что нельзя говорить о подчиненіи суверена закону, ни о столкновеніи между закономъ и его представителемъ. Косная, безжизненная буква закона не можетъ управлять. Но дѣйствительный суверенъ, монархъ, необходимо долженъ постоянно сообразоваться въ своемъ управленіи съ закономъ, въ виду своихъ человѣческихъ ошибокъ и недостатковъ. Однако ни суверенъ, ни законъ сами по себѣ не могутъ управлять. На самомъ дѣлѣ, управляетъ нѣчто высшее третье, въ каждое мгновеніе выступающее изъ конфликта суверена съ закономъ, получающее жизнь отъ суверена и постоянство отъ законовъ, а именно, идея права. Всѣ же искусственныя ограниченія власти суть мертвыя формулы [2]).

Таково ученіе о суверенитетѣ Адама Мюллера, этого романтика эпохи реставраціи.

Извѣстный монархистъ и теократъ, графъ Де-Местръ излагаетъ свои взгляды на суверенитетъ главнымъ образомъ въ двухъ своихъ сочиненіяхъ: «Du Pape» 1819 г. и «Etude sur la souveraineté» [3]).

Непогрѣшимость въ области духовныхъ дѣлъ (in spiritualibus), и суверенитетъ въ свѣтскихъ дѣлахъ (in temporalibus), по мнѣнію Де-Местра, тождественныя понятія. Нѣтъ общества безъ правительства, правительства безъ суверенитета и суверенитета безъ непогрѣшимости. Всякое право пассивнаго или еще болѣе активнаго сопротивленія, всякія ограниченія абсолютной власти суверена признаются Де-Ме-

[1]) Dock: назв. соч. стр. 109.

[2]) Dock: тамъ же стр. 108.

Чичеринъ: Ист. полит. ученій стр. 241.

[3]) См. Dock: назв. соч. стр. 214 сл.

А. Мишель: Идея государства стр. 98 сл.

Digitized by Google

стромъ невозможными. Законъ, предписывающій повиновеніе суверенной власти, есть «всеобщій законъ». Законъ этотъ вообще хорошъ, справедливъ и необходимъ. Суверенитетъ исходитъ отъ Бога, создателя всего благого, и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ человѣческаго общества. Но отъ людей суверенитетъ исходитъ лишь постольку, поскольку люди желаютъ и создаютъ извѣстный образъ правленія. Суверенитетъ возникаетъ вмѣстѣ съ народомъ; народъ и суверинитетъ это— соотносительныя понятія, такъ какъ лишь суверенъ можетъ создать народъ. «Le mot de peuple est un terme relatif qui n'a point de sens séparé de l'idée de la souveraineté: car l'idée du peuple réveille celle d'une agrégation autour d'un centre commun, et sans la souveraineté il ne peut y avoir d'ensemble ni d'unité politique». Суверенитетъ по природѣ своей единъ, абсолютенъ и неприкосновененъ. Суверенная власть не можетъ быть ни отмѣняема, ни отчуждаема, ни ограничиваема ни законами, ни другими властями. Ограничить эту власть, говоритъ Де-Местръ, это все равно, что ее уничтожить. Il est absurde et contradictoire que le souverain reconnaisse un supérieur, заключаетъ Де-Местръ, но что дѣлать, спрашиваетъ онъ, если суверенъ, абсолютный монархъ, злоупотребляетъ какъ Неронъ своей властью? Де-Местръ даетъ на этотъ вопросъ слѣдующій отвѣтъ. Такъ какъ суверенитетъ есть власть священная, вытекающая изъ власти самого Бога, и суверенъ есть отраженіе Бога, то существуетъ только одинъ авторитетъ, который можетъ сдержать суверена и освободить подданныхъ отъ присяги суверену: этотъ авторитетъ - духовная власть папы. Этотъ авторитетъ представляетъ собою «unique moyen de contenir l'autorité temporelle, sans effacer son caractère». Раньше Де-Местръ говорилъ, что суверенъ непогрѣшимъ, совершенно ни отъ кого не зависитъ и не имѣетъ надъ собою судьи, теперь же оказывается, что онъ долженъ быть поставленъ подъ верховный надзоръ носителя духовной власти, папы.

Digitized by Google

Это противорѣчіе Де-Местръ оправдываетъ такъ: удерживая власть въ ея границахъ, судъ не оспариваетъ ни ея законности, ни характера, ни ея законнаго объема; наоборотъ, онъ торжественно ее признаетъ. Поэтому и папа, когда освобождаетъ подданныхъ отъ присяги суверену, непогрѣшаетъ противъ божественнаго права. Онъ выражаетъ этимъ только то, что суверенитетъ есть власть божественная и священная, которая не можетъ быть контролируема ни кѣмъ инымъ, какъ такою божественною и священною властью, но только высшаго порядка и спеціально облеченною такимъ правомъ въ извѣстныхъ случаяхъ.

Такимъ образомъ, Де-Местръ проводитъ средневѣковую идею подчиненія свѣтской власти власти духовной, свѣтскаго государя—папѣ.

Не признавая никакихъ юридическихъ ограниченій божественной, абсолютной и непогрѣшимой суверенной власти, онъ ищетъ защиты противъ нея въ другой, такъ сказать, еще болѣе божественной, непогрѣшимой и суверенной власти главы католической церкви. Теорія суверенитета, такъ старательно выведенная Де-Местромъ, страдаетъ въ своихъ основахъ логическими противорѣчіями, но, вдохновляясь своимъ теократическимъ идеаломъ господства церкви въ области государственной жизни, Де-Местръ объ этомъ мало заботится. Сходное съ Де-Местромъ воззрѣніе на суверенитетъ развиваютъ и другіе теократы: Де-Бональдъ и, болѣе умѣренный въ своихъ политическихъ взглядахъ, Балланшъ. [1]) Несравненно болѣе прогрессивныя мысли высказываетъ о суверенитетѣ извѣстный теократъ, апологетъ идеи христіанскаго государства, философъ Шлегель въ своей «Философіи жизни». Власть государственная является въ человѣческихъ обществахъ представительницей Бога, какъ верховнаго Судіи. Власть эта ни передъ кѣмъ не отвѣтственна, иначе она не

[1]) О нихъ см.: А. Мишель: Идея государства. Стр. 101—107. Dock: назв соч. стр. 231 сл.

Digitized by Google

была бы суверенной, но она не абсолютна, а ограничена международными договорами и внутренними законами государства, которые она не въ правѣ нарушать, а также правами религіознаго общества. Такая власть можетъ существовать не только въ монархіи, гдѣ происхожденіе этой власти отъ Бога выражается болѣе явно въ сосредоточенной и личной власти монарха, но и тамъ, гдѣ она распредѣлена между различными органами, такъ какъ христіанство допускаетъ различные образы правленія [1]).

Мы изложили здѣсь возрѣнія на суверенитетъ писателей антиреволюціоннаго и теократическаго направленія начала 19 вѣка не только потому, что въ нихъ обнаружилась реакція противъ естественноправовыхъ и индивидуалистическихъ воззрѣній на суверенитетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлое направленіе политической мысли, которое возноситъ идею суверенитета на недосягаемую высоту, окружая ее божественнымъ ореоломъ или обращая ее, какъ это дѣлаетъ Адамъ Мюллеръ, въ какую то мистическую силу, управляющую государствами, «локализированную основную силу всей политической планетной системы, организующую строй этой системы». Ученіе реставраторовъ— теократовъ конца 18 и начала 19 вѣка было крайней формой реакціи противъ индивидуалистическихъ ученій 18 вѣка и политическихъ доктринъ революціоннаго порядка. Реставраторовъ совершенно справедливо называютъ предшественниками исторической школы или точнѣе ея искаженнымъ придаткомъ [2]).

Подобно исторической школѣ реставраторы противопоставляли раціоналистическимъ, естественно правовымъ идеямъ о правѣ, обществѣ и государствѣ и стремленіямъ реформировать общественный строй на новыхъ началахъ, открываемыхъ разумомъ, принципъ органическаго развитія права и

[1]) См. Чичеринъ: Ист. пол. ученій т. IV стр. 258 сл.

[2]) Ср. Dock: Revolution und Restauration über die Souveränetät. 1900. Стр. 268.

Digitized by Google

государства, признаніе и уваженіе къ фактически сложившемуся строю общественныхъ отношеній. На мѣсто отрицаемой ими творческой роли разума и воли индивидовъ въ области права и государства они поставили Божественный разумъ, управляющій развитіемъ человѣческихъ отношеній, подобно тому, какъ историческая школа указывала на «молчаливыя внутреннія силы, кроющіяся въ глубинѣ народнаго сознанія», на народный духъ, какъ на источникъ правообразованія, передъ которыми должны были склоняться разумъ и воля индивидовъ и ихъ жалкія попытки измѣнить естественный ходъ вещей [1]).

Вмѣсто общественнаго договора индивидовъ, создающаго государство, Бёркъ выдвигаетъ идею «великаго первобытнаго договора, обнимающаго всю физическую и моральную природу, связывающаго видимый міръ съ невидимымъ, какъ верховный законъ, который не можетъ быть предоставленъ на утвержденіе тѣхъ, которые сами принуждены подчинить ему свою волю, такъ какъ «самъ Богъ хотѣлъ государства».

«Государство есть естественное цѣлое, тѣлесное выраженіе духовной общности народа, органическое проявленіе народа, продуктъ закономѣрнаго, историческаго развитія, высшая ступень правообразованія, говоритъ глава исторической школы, Савиньи [2]).

У реставраторовъ проявляется то же историческое воззрѣніе на государство и идея органическаго, самопроизвольнаго роста государственныхъ учрежденій, но историческое направленіе мысли принимаетъ у нихъ крайне односторонній характеръ. Ведя борьбу противъ новыхъ революціонныхъ началъ, враждебныхъ церкви и всѣмъ элементамъ и традиціямъ средневѣкового государства, реставраторы—теократы въ

[1]) Еще Вико (1688—1744), Юмъ (1711—1776) и Гердеръ разсматривали государство, какъ продуктъ исторіи и отрицали идею, что оно есть произведеніе человѣческаго произвола.

Ср. Rehm: Allg. Staatsl. стр. 255.

[2]) V. Savigni: System d. h. röm. Rechts 1840 стр. 21 сл.

Digitized by Google

своей защитѣ историческихъ устоевъ государства и власти погружаются мыслью въ прошедшее, уже пережитое; ихъ идеалъ—средневѣковой: господство церкви надъ государствомъ и его жизнью, и средневѣковой аристократическій сословный строй, во главѣ котораго, впрочемъ, долженъ стоять абсолютный суверенъ—монархъ Божіею Милостію. Правильно понятая идея историческаго развитія требуетъ признанія постоянной измѣнчивости общественнаго строя и жизни и надлежащаго выясненія связи настоящаго съ прошедшимъ и роли личности въ общественномъ развитіи. Реставраторамъ—теократамъ въ ихъ борьбѣ съ духомъ новаго времени это осталось чуждымъ.

Историческій государственный принципъ, замѣчаетъ Блунчли, конечно, могъ умѣрить общій переворотъ всѣхъ общественныхъ отношеній, но онъ не могъ ему противостоять. Такъ какъ исторія сама представляетъ собой измѣненіе вещей, то въ ней нельзя отыскать никакой прочной опоры, которая могла бы быть годной при всѣхъ обстоятельствахъ [1]).

Неудивительно поэтому, что многіе изъ писателей публицистовъ, примыкающихъ къ историческому направленію, болѣе правильно, чѣмъ указанные выше теократы, поняли принципъ историческаго и органическаго развитія государства и въ своихъ теоріяхъ стремились примирить этотъ принципъ съ политическими идеями новаго времени и требованіями разума. [2]) Къ числу такихъ писателей принадлежитъ, между прочимъ, и Ансильонъ, представитель умѣреннаго либерализма въ первой половинѣ 19 столѣтія, написавшій спеціальное изслѣдованіе по вопросу о суверенитетѣ «Ueber Souveränität und Staats-Verfassungen» 1815. Ансильонъ отдаетъ даже дань уваженія нѣкоторымъ основнымъ идеямъ

---

[1]) Bluntschli: Geschichte d. allg. Staatsr. стр. 484.

[2]) Bluntschli: тамъ же стр. 591 указываетъ на такія примирительныя ученія Ансильона, Радовица, Карла Соломона Цахаріэ, Шмиттенера и Шлейермахера.

Digitized by Google

писателей 18 вѣка, Руссо и особенно Монтескье, но стремится дать ихъ идеямъ болѣе правильное съ его точки зрѣнія освѣщеніе [1]).

§ 23.

Ученіе Ансильона о суверенитетѣ.

Прообразъ суверенной власти, говоритъ Ансильонъ, [2]) содержится въ отеческой власти. Какъ первая образуетъ единство великаго общества, такъ послѣдняя единство маленькаго. А безъ такого единства немыслимо никакое общество. Подобно отеческой власти, суверенная власть состоитъ въ уполномочіи давать союзу законы, именно обращать одну волю въ норму для всѣхъ другихъ воль. Оба союза, семейный и государственный, обязаны признавать эту общую волю, волю отца и суверена, нормою своей собственной воли, хотя бы она въ отдѣльныхъ случаяхъ и не была выраженіемъ разума. Иначе оба союза распались-бы.

Далѣе, какъ дѣти въ семьѣ являются цѣлью, такъ и народъ въ государствѣ, а правительство, суверенитетъ, какъ и власть отеческая, является лишь средствомъ, но при этомъ существеннымъ средствомъ. Народъ, какъ и дѣти, нуждается въ управленіи, такъ какъ онъ нуждается въ обезпеченіи, развитіи и воспитаніи. И народъ и дѣти имѣютъ право требовать, чтобы разумъ велъ ихъ къ своей цѣли; но они не могутъ, не разрушая союза, обращать свой собственный разумъ въ норму правомѣрнаго разума и предпочитать свой разумъ послѣднему, если имъ кажется, что этотъ правомѣрный разумъ

---

[1]) Чичеринъ: Ист. полит. ученій ч. 4. 1877 стр. 439 даже утверждаетъ, что все политическое воззрѣніе Ансильона ничто иное, какъ теорія Монтескье, видоизмѣненная началомъ органическаго развитія и приспособленія къ идеямъ и потребностямъ 19 вѣка.

[2]) Fr. Ancillon: Ueber die Souveränität und Staats=Verfassungen 2 Aufl. Berlin 1816 стр. 6 сл.

Digitized by Google

уклоняется отъ цѣли. Какъ и семья, государство не есть искусственное созданіе людей, но необходимо основано на самой природѣ человѣка. И это не потому, что государство возникаетъ изъ семьи, но потому, что человѣкъ для того, чтобы сдѣлаться въ самомъ обширномъ смыслѣ слова человѣкомъ, обязанъ быть членомъ государства. Разница лишь въ томъ, что семья прекращается съ теченіемъ времени, а государство безсмертно. На основаніи такихъ посылокъ Ансильонъ дѣлаетъ выводъ, что общественный порядокъ основанъ на природѣ человѣка и его корни кроются въ глубинѣ разума и свободы. Какъ скоро же доказано, что общественный порядокъ необходимъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ доказана и его первоначальная правомѣрность. [1])

Ансильонъ однако отрицаетъ естественноправовое ученіе, выводившее общество изъ естественнаго состоянія. Общество, какъ и языкъ, говоритъ онъ, есть фактъ неподлежащій отрицанію. Для человѣка нѣтъ такъ называемаго естественнаго звѣроподобнаго состоянія, нѣтъ поэтому и такъ называемаго естественнаго права; существуетъ лишь право, возникающее изъ понятій и фактовъ, т. е. изъ прямо выраженныхъ договоровъ и законовъ. Изъ взаимодѣйствія людей во внѣшнемъ мірѣ возникаетъ взаимное ограниченіе ихъ свободы, т. е. права и соотвѣтствующія имъ обязанности. [2])

Государство есть фактъ, основанный на потребности человѣка и необходимо возникающій. Но поскольку человѣкъ, образованный и воспитанный въ обществѣ и посредствомъ общества, достигаетъ самосознанія, даетъ себѣ отчетъ въ происшедшемъ, вникаетъ въ результаты своихъ влеченій, изслѣдуетъ, обсуждаетъ ихъ по извѣстнымъ принципамъ и составляетъ понятія, государство не является лишь простой необходимостью природы, но необходимой, разумной цѣлесообразностью. Нѣтъ поэтому надобности обращаться къ какому-то дообще-

[1]) Назв. соч. стр. 9.
[2]) Стр. 5.

Digitized by Google

ственному договору для того, чтобы доказать правомѣрность государства: не только такой договоръ не имѣетъ никакихъ историческихъ корней и нельзя найти какихъ-либо слѣдовъ его въ дѣйствительности, но онъ противорѣчитъ и человѣческой природѣ.

Иначе пришлось бы думать, что государство и общественный порядокъ безъ такого договора невозможны и неправомѣрны, но это немыслимо, такъ какъ гражданское общество является первымъ и абсолютнымъ условіемъ бытія, сохраненія и развитія разума и свободы. Далѣе, невозможно говорить о договорѣ между управляющими и управляемыми, устанавливающемъ общество и государство, уже потому, что, напротивъ, самое различіе между управляющими и управляемыми предполагаетъ необходимо существованіе государства въ какой-бы-то ни было формѣ. Могутъ быть и въ дѣйствительности бываютъ договоры, устанавливающіе права управляемыхъ и управляющихъ въ существующемъ уже государдарствѣ, но утверждать существованіе первоначальнаго договора, предшествующаго всякому историческому государству, это все равно, что утверждать что-нибудь «разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ». [1])

Выяснивъ свою основную точку зрѣнія на государство, Ансильонъ переходитъ къ ученію о суверенной власти. [2]) Если, независимо отъ всякихъ политическихъ учрежденій и фактовъ, мы будемъ исходить лишь отъ природы человѣка, то путемъ чистаго мышленія, мы раскроемъ цѣль человѣчества, состоящую во всестороннемъ его развитіи. Изъ этой цѣли возникаетъ необходимость гражданскаго союза, какъ правомѣрнаго принужденія для защиты внѣшней свободы и покровительства такимъ путемъ внутренней свободѣ, или какъ совмѣщенія многихъ силъ, развивающихся путемъ ихъ противопоставленія и взаимодѣйствія.

---

[1]) Стр 10.

[2]) Тамъ же стр. 11 сл.

Digitized by Google

Изъ понятія гражданскаго союза вытекаетъ далѣе, что созданіе суверенной власти есть первое условіе его бытія и составляетъ самое существо этого союза, такъ какъ одна суверенная власть можетъ образовать изъ множества отдѣльныхъ личностей истинное единство, изъ физическихъ лицъ моральное лицо, изъ сосуществованія индивидовъ органическое цѣлое.

Суверенная власть есть принципъ жизни и источникъ бытія гражданскаго общества. Это—та власть, которая опредѣляетъ, что должно считаться общей волей союза. Суверенъ создаетъ эту волю и выражаетъ ее въ законахъ. Безъ суверенной власти нѣтъ ни государства, ни политическаго союза, но только большая или меньшая масса людей и отдѣльныхъ воль, изъ которыхъ ни одна не является нормою для другихъ и не имѣетъ права обязать и принудить другихъ къ исполненію.

Существо каждаго политическаго союза заключается, слѣдовательно, въ суверенитетѣ или въ созданіи общей воли; лишь когда существуетъ такая суверенная воля, какъ бы она ни была создана, изъ собранія индивидовъ возникаетъ народъ, государство. [1]) Нѣтъ поэтому никакого смысла въ утвержденіи, что суверенитетъ присущъ народу и неотчуждаемо принадлежитъ ему, такъ какъ это положеніе предполагаетъ, что народъ можетъ якобы существовать до суверенитета. Наоборотъ, пока нѣтъ суверенитета, нѣтъ народа. Доктрина народнаго суверенитета, которую всегда пускали въ ходъ для ниспроверженія правомѣрнаго суверенитета и существующаго гражданскаго порядка, ложна. Источникъ суверенитета не въ народѣ, а народъ самъ обязанъ своимъ бытіемъ суверенитету. Суверенитетъ—средство, народъ—цѣль. Суверенитетъ не есть преимущество, установленное въ интересахъ того, кто имъ владѣетъ и осуществляетъ его, но его священная обязанность. Повинующіеся общей волѣ, ея подданные, имѣютъ неотчуж-

[1]) Тамъ же стр. 12.

Digitized by Google

даемыя права, налагающія на суверена нарушимыя обязанности. Права суверена основаны только на его обязанностяхъ. Отрицая, такимъ образомъ, первоначальный суверенитетъ народа, не открываютъ путь произволу и непредоставляютъ слишкомъ много власти правителю, но обезпечиваютъ гражданскій порядокъ и такимъ образомъ истинную свободу народа. Суверенъ выражаетъ общую волю, даетъ законы, которымъ должно повиноваться, поскольку они не противорѣчатъ нравственному и божественному закону.

Извѣстно, что еще Руссо сказалъ, что «законъ есть выраженіе общей воли», а у Монтескье законъ есть человѣческій разумъ, поскольку онъ примѣняется къ особенностямъ каждаго народа. Эти два воззрѣнія соприкасаются и оба истинны, если только ихъ правильно понимать. Общая воля хочетъ разумнаго, и разумное рано или поздно сдѣлается общей волей. Разумъ также можетъ предписывать лишь то, что для всѣхъ благодѣтельно. Но общую волю легко смѣшать съ волей всѣхъ, если неправильно, подобно Руссо, отыскивать эту общую волю въ голосованіи народа согласно съ демократическими формами, или всякими средствами выколачивать общественное мнѣніе въ данный моментъ, которое рѣдко согласуется съ мнѣніемъ вѣковъ. Народныя собранія весьма часто желали и постановляли неразумное, и общественное мнѣніе не всегда было разумно.

Также объясненіе закона у Монтескье нуждается въ нѣкоторомъ исправленіи. Законъ есть общій разумъ, управляющій всѣми народами, поскольку законъ опредѣляетъ цѣль гражданскаго общества, т. е. гармоническое развитіе всего человѣка при помощи свободы и справедливости. Разумъ руководится цѣлью государства и вообще всѣми цѣлями, которыя основаны на всеобщихъ и безусловныхъ идеяхъ. Но средства къ цѣли для даннаго государства и положенія могутъ быть указаны только самимъ разумомъ, такъ какъ лишь онъ различаетъ особенное и связываетъ его съ общими

Digitized by Google

понятіями. Разумность закона заключается въ его чрезвычайной относительности. Отсюда слѣдуетъ, что законы вытекаютъ изъ состоянія народа и нѣкоторымъ образомъ сами себя создаютъ. Законодатель лишь выражаетъ ихъ и прилаживаетъ законы къ отношеніямъ, но при этомъ постоянно имѣетъ въ виду общую цѣль общества. Отсюда принципъ вѣчной подвижности законодательства наравнѣ съ его постоянствомъ и косностью. Въ то время какъ одни отношенія измѣняются, другія остаются неподвижными. Разсматривая настоящее и предвидя будущее, должно имѣть въ виду и прошедшее, такъ какъ прошедшее обнимаетъ все, новое и старое [1]). Итакъ, законодательная власть или суверенитетъ является истинно органическимъ, жизненнымъ принципомъ государства. Нѣтъ народа до появленія государства, а только племена, связанныя происхожденіемъ и закономъ; нѣтъ и государства до появленія народа; народъ и государство совмѣстно образуются и развиваются, и одного безъ другого почять нельзя. Сущность ихъ заключается въ единствѣ, въ моральномъ лицѣ. Послѣднее же образуется съ установленіемъ законодательной или общей воли, которой должна повиноваться каждая частная воля.

Эта общая воля, предполагающая и соединяющая въ себѣ разумную свободу и принудительную власть, и есть суверенитетъ. Суверенитетъ имѣетъ различныя формы и это различіе формъ создаетъ различный государственный строй, смотря по тому, какъ организованъ суверенитетъ, т. е. законодательная власть, общая воля, у опредѣленнаго народа [2]).

Въ каждомъ государствѣ существуютъ законодательная, судебная, исполнительная и управляющая власти. Но законодательная власть, изъ которой истекаютъ всѣ остальныя власти, является самой существенной. Эти остальныя власти не являются существенной частью государственнаго строя.

[1]) Тамъ же стр. 14—17.

[2]) Стр. 17.

Digitized by Google

Государственное устройство измѣняется, если измѣняется суверенитетъ, законодательная власть, хотя бы устройство всѣхъ остальныхъ властей оставалось неизмѣннымъ. Понятіе суверенитета является такимъ образомъ единственнымъ мѣриломъ по которому могутъ обсуждаться различныя формы государственнаго устройства. Суверенитетъ можетъ быть раздѣленнымъ или цѣльнымъ, можетъ имѣть простую или сложную форму. Въ первомъ случаѣ общая воля или законъ является выраженіемъ воли одной физической или моральной личности, во второмъ общая воля, или законъ, является результатомъ взаимодѣйствія многихъ моральныхъ или физическихъ лицъ.

На простомъ или неподѣленномъ суверенитетѣ основывается вполнѣ естественно, хотя и не строго научно, раздѣленіе формъ государственнаго устройства на монархіи, аристократіи и демократіи, смотря по тому, принадлежитъ-ли суверенитетъ одному лицу наслѣдственно, многимъ также наслѣдственно, или совокупности свободныхъ лицъ, достигшихъ извѣстнаго возраста. Въ сложныхъ государственныхъ устройствахъ, основанныхъ на дѣленіи суверенитета, можетъ быть столько различныхъ формъ правленія, сколько способовъ соединенія элементовъ монархическихъ, аристократическихъ и демократическихъ, а также избирательнаго и наслѣдственнаго начала.

Что касается деспотизма, то онъ столь же мало является образцомъ правленія, какъ и анархія, такъ какъ и въ томъ и другомъ случаѣ нѣтъ суверенитета, т. е. общей воли, раскрывающейся въ законахъ. Въ деспотизмѣ есть лишь воля одного лица, произвольно дѣйствующаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, въ анархіи же — отдѣльныя воли всѣхъ индивидовъ; деспотизмъ и анархія представляютъ собой поэтому болѣзненное искаженіе органическаго строя государства [1]).

На вопросъ, какъ должна быть организована суверенная

[1]) Стр. 18—25.

Digitized by Google

власть, чтобы соотвѣтствовать цѣли гражданскаго общества, Ансильонъ отвѣчаетъ, что общихъ принциповъ здѣсь нельзя установить. Лучшее государственное устройство то, которое вытекаетъ изъ индивидуальности и всей исторіи каждаго народа и только для него пригодно [1]).

Впрочемъ, говоритъ Ансильонъ, изъ исторіи народовъ, опыта всѣхъ временъ и человѣческой природы могутъ быть выведены нѣкоторыя начала, руководствуясь которыми, народы могутъ получить истинную политическую жизнь. Къ этимъ началамъ Ансильонъ относитъ, между прочимъ, правильное раздѣленіе и ограниченіе властей и представительныя учрежденія. Ансильонъ, далѣе, является сторонникомъ постепенности политическихъ реформъ. Истинная политика состоитъ не въ введеніи новыхъ конституцій, а въ постепенномъ улучшеніи существующихъ учрежденій. Въ каждомъ государствѣ должны дѣйствовать одинаково и охранительное начало и прогрессивное [2]). Въ концѣ своей книги Ансильонъ излагаетъ критическій взглядъ на французскую революцію [3]).

Ученіе Ансильона о суверенитетѣ имѣетъ чисто политическій и философскій, а не юридическій характеръ. Цѣлью его работы, какъ Ансильонъ самъ заявляетъ, было противодѣйствіе распространенію нѣкоторыхъ ошибочныхъ политическихъ взглядовъ философовъ XVIII вѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и указаніе того, что въ нихъ правильнаго [4]). Юридическаго анализа и опредѣленія понятія суверенитета у Ансильона найти нельзя. Его отождествленіе суверенитета съ общей волей, выражающейся въ законодательной власти, заимствовано у Руссо, но лишено той демократической окраски, которую имѣло ученіе знаменитаго Женевскаго философа.

---

[1]) Стр. 27 сл.

[2]) Стр. 54 сл.

[3]) Критику политическихъ воззрѣній Ансильона у его современника, либеральнаго писателя Круга въ его соч. „Князья и народы въ ихъ взаимныхъ требованіяхъ“ см. Чичеринъ: Ист. полит. ученій ч. IV стр. 451 сл.

[4]) См. Vorwort.

Digitized by Google

У Ансильона нѣтъ и того точнаго опредѣленія сущности суверенитета, которое было дано Руссо. Все его философское разсужденіе о суверенитетѣ представляетъ собой въ сущности лишь разсужденіе о существѣ законодательной власти.

§ 24.

Конституціонная доктрина 19 вѣка и суверенитетъ.

Мы указали выше на отношеніе къ идеѣ суверенитета реакціонной доктрины 19 вѣка. Мы видѣли, что самое понятіе суверенитета, какъ оно образовалось въ прежніе вѣка, писателями этого направленія въ сущности не было затронуто. Они оставили его безъ измѣненій. Отвергнуто было лишь прежнее естественноправовое обоснованіе суверенитета и принципъ народнаго суверенитета, а у такъ называемыхъ теократовъ обнаружилось стремленіе толковать понятіе суверенитета въ смыслѣ абсолютной божественнаго происхожденія монархической власти подобно тому, какъ это дѣлали и писатели абсолютисты и теократы прежнихъ вѣковъ. Мы указали на связь между такимъ пониманіемъ суверенитета съ общей реакціей въ идеяхъ и политической жизни противъ принциповъ французской революціи и вдохновлявшихъ ее естественноправовыхъ доктринъ. Но параллельно съ реакціонной литературой постепенно начинаютъ оживать и развиваться либеральныя индивидуалистическія ученія и конституціонныя теоріи прежде всего во Франціи, а затѣмъ и въ другихъ странахъ. Пока длилось господство Наполеона, условія для развитія конституціонныхъ и вообще либеральныхъ ученій во Франціи были крайне не благопріятны. «Могущественный самодержецъ, говоритъ Робертъ фонъ-Моль, не любилъ «идеологовъ» [1]). Но съ его паденіемъ и введеніемъ консти-

[1]) R. v. Mohl: Gesch. und Litteratur der Staatsw. B. I. 1855 стр. 281.

Digitized by Google

туціоннаго режима во Франціи а затѣмъ и въ другихъ европейскихъ монархіяхъ начинается усиленная разработка конституціонной теоріи [1]). Въ отличіе отъ Монтескье и его прямыхъ послѣдователей новая конституціонная школа или отвергаетъ принципъ строгаго раздѣленія властей, доказывая логическую и практическую необходимость начала единства государственной власти, какъ напримѣръ нѣмецкій писатель Аретинъ въ своемъ «государственномъ правѣ конституціонной монархіи» 1824 г., а во Франціи Дестю-де-Траси, который въ своихъ «комментаріяхъ къ духу законовъ», утверждаетъ, что равновѣсіе властей не производитъ ничего «кромѣ настоящей гражданской войны», другіе же конституціоналисты, какъ Бенжаменъ Констанъ и Ланжюинэ, хотя и принимаютъ начало раздѣленія властей, но для поддержанія гармоніи и единства между властями возвышаютъ надъ всѣми другими властями еще нейтральную и посредствующую власть конституціоннаго монарха, котораго они признаютъ главой государства [2]).

Также главный представитель нѣмецкаго либерализма въ 20-хъ годахъ 19 вѣка, Карлъ Роттекъ въ своемъ «учебникѣ раціональнаго права и государственныхъ наукъ» 1822, хотя и принимаетъ теорію раздѣленія властей Монтескье, но считаетъ нужнымъ сдѣлать въ ней нѣкоторыя поправки и ограниченія. Различая двѣ власти законодательную и правительственную, онъ считаетъ нужнымъ дать различнымъ органамъ власти участіе въ каждой изъ ея отраслей. Въ то же время онъ старается сохранить принципъ единства власти, приписывая всю полноту власти лишь идеальной волѣ всего общества. Подъ обществомъ же понимаетъ сліяніе живыхъ воль въ одну совокупную волю во имя совокупной цѣли,

---

[1]) Ея исторію см. R. v. Mohl: Gesch. und Litteratur стр. 281 сл.

[2]) B. Constant: Cours de Politique Const. изд. Лабулэ т. I 1861 стр. 18—29. De la nature du pouvoir royal: „Le pouvoir royal est au milieu, mais audessus des quatre autres, autorité à la fois supérieure et intermédiaire, sans intérêt à déranger l'équilibre, mais ayant au contraire tout intérêt à le maintenir.

Digitized by Google

вслѣдствіе чего изъ нихъ составляется единое юридическое лицо, живущее общею жизнью. Въ дѣйствительности эта совокупная воля проявляется черезъ естественный органъ, какимъ является народъ, и искусственный органъ, устанавливаемый естественнымъ; искусственнымъ органомъ въ конституціонной монархіи является монархъ. Монарху принадлежитъ лишь та часть власти, которая не удержана народомъ. Тѣмъ не менѣе Роттекъ признаетъ монарха главой государства. Но ни естественный, ни искусственный органы не имѣютъ всей полноты и единства власти, такая власть принадлежитъ лишь идеальной волѣ всего общества. Естественный органъ ограничивается государственнымъ договоромъ, а искусственный еще—и волей естественнаго органа. Таково абстрактное ученіе Роттека о существѣ государственной власти [1]).

Дальнѣйшее развитіе конституціонной теоріи сумѣло вполнѣ примирить идею единства государственной власти съ распредѣленіемъ различныхъ функцій власти между относительно самостоятельными и независимыми въ отношеніи другъ къ другу органами. Сдѣлано было это, впрочемъ, различнымъ образомъ. Одни признали верховнымъ (суверенным) носителемъ всей государственной власти одинъ какой-либо органъ въ государствѣ, монарха въ монархіи и народъ въ республикѣ, но осуществленіе отдѣльныхъ функцій власти этимъ верховнымъ носителемъ ограничивается соучастіемъ другихъ органовъ, поставленныхъ въ силу конституціи въ болѣе или менѣе независимое отъ него положеніе. Другіе же, признавая объективное единство государственной власти, субъектомъ которой является единая личность государства, допускаютъ субъективное раздѣленіе этой власти между нѣсколькими самостоятельными носителями, изъ коихъ ни одинъ не является носителемъ всей полноты государственной власти, но вся полнота власти принадлежитъ лишь всѣмъ носителямъ власти въ ихъ совокупности.

---

[1]) См. о немъ Чичеринъ: Ист. пол. ученій ч. IV стр. 489 сл. Ср. Bluntschli: Geschichte d. allg Staatsrechts стр. 252 сл.

Digitized by Google

Наконецъ, третьи вовсе отвергаютъ идею иного носителя власти, кромѣ самого государства, какъ юридической личности и субъекта единой государственной власти, которая лишь осуществляется въ большемъ или меньшемъ объемѣ различными органами государства, находящимися въ отношеніи другъ къ другу согласно съ конституціей въ большей или меньшей степени самостоятельности и зависимости. Мы коснемся этихъ воззрѣній ниже въ теоретической части нашей работы, говоря о носителѣ верховной власти.

Но что представляется интереснымъ собственно по вопросу о суверенитетѣ въ ученіяхъ конституціоналистовъ 19 вѣка, это ихъ отношеніе къ вопросу о границахъ суверенной власти, ихъ отрицательное отношеніе къ идеѣ абсолютнаго суверенитета. Въ то время, какъ указанные нами выше, писатели реакціоннаго противъ индивидуалистическаго принципа направленія, выдвинули на первый планъ идею государства и его власти, независимыхъ ни въ своемъ основаніи, ни въ своемъ развитіи отъ индивидовъ, и начало безусловнаго подчиненія индивида объективному, самобытно сложившемуся, юридическому и государственному порядку, конституціонная либеральная доктрина вновь подымаетъ въ 19 вѣкѣ старый вопросъ о самостоятельныхъ и независимыхъ отъ государства правахъ личности и необходимости имъ удѣлить прочно обезпеченное отъ посягательствъ власти мѣсто въ общемъ строѣ государственныхъ отношеній. Она противопоставляетъ правамъ государственной власти политическія и гражданскія права индивидовъ, ищетъ политическихъ и юридическихъ гарантій противъ деспотизма власти, стремясь примирить идею верховной власти съ политической свободой. Вотъ почему конституціоналисты враждебно относятся не только къ монархическому абсолютизму, но и къ абсолютному народному суверенитету, оставившему столько печальныхъ воспоминаній со времени революціи. Они или совершенно отвергаютъ принципъ народнаго суверенитета, или сильно ограничиваютъ его, или даже замѣняютъ его суверe-

Digitized by Google

нитетомъ отвлеченныхъ идей, разума, истины, справедливости (Ройе-Колларъ, Ремюза, Гизо), или демократіей просвѣщеннаго разума (Траси), которыя сводятся, впрочемъ, у этихъ писателей, къ «организованной верховной власти свободныхъ правительствъ», т. е. устроенной согласно съ ихъ политическими идеалами конституціонной монархіи. Если либеральныхъ политиковъ первой половины 19 вѣка упрекаютъ въ томъ, что защищая индивидуальную свободу и политическія права гражданъ, они защищали въ сущности свободу и права наиболѣе экономически и политически сильной части общества, т. е. буржуазіи, и упускали изъ виду интересы всей остальной народной массы, весьма нуждавшейся въ заботахъ правительства объ улучшеніи ея юридическаго и экономическаго положенія, на что и обратило въ скоромъ времени вниманіе демократическая и затѣмъ особенно соціалистическая школа, то, во всякомъ случаѣ, необходимо признать, что заслуга либеральной и конституціонной школы первой половины 19 вѣка, столь энергично отстаивавшей идею гражданскихъ и политическихъ правъ индивида, весьма велика въ исторіи развитія правового государства [1]).

Защита гражданскихъ и политическихъ правъ личности привела, между прочимъ, одного изъ главнѣйшихъ представителей конституціонной доктрины первой половины 19 вѣка Бенжамена Констана къ энергичному отрицанію идеи безграничности суверенитета. Правда, доказательства, которыя приводятся Констаномъ противъ абсолютнаго суверенитета — настолько юридическаго, сколько философско-политическаго характера, тѣмъ не менѣе воззрѣнія Констана заслуживаютъ особеннаго вниманія, представляя замѣчательную въ исторіи вопроса о суверенитетѣ формулировку возраженій противъ неограниченности суверенной власти.

---

[1]) Ср. оцѣнку либеральныхъ и индивидуалистическихъ доктринъ 19 вѣка А. Мишель: Идея государства кн. 3 стр. 254—380.

И тамъ же: Заключительныя выводы стр. 561 сл.

Digitized by Google

§ 25.

Ученіе Бенжамена Констана и другихъ публицистовъ объ ограниченности суверенитета [1]).

Хотя возраженія Бенжамена Констана направлены собственно противъ безграничности народнаго суверенитета, но они имѣютъ общій характеръ, будучи направлены вообще противъ принципа абсолютнаго суверенитета.

Бенжаменъ Констанъ начинаетъ съ утвержденія, что принципъ народнаго суверенитета т. е. верховенства общей воли, не можетъ быть оспариваемъ. Искаженія этого принципа приводили, говоритъ Констанъ, лишь къ бѣдствіямъ и преступленіямъ. Законъ долженъ быть выраженіемъ воли всѣхъ или только нѣкоторыхъ. Въ послѣднемъ случаѣ каковъ источникъ этой привилегіи меньшинства? Если это сила, то сила принадлежитъ тому, кто ее захватитъ. Сила не составляетъ права, и если признать ее законной, то тогда безразлично, кто ею обладаетъ, и всякій пожелаетъ въ свою очередь захватить ее. Если же признать, что меньшинство получаетъ власть въ силу согласія всѣхъ, то тогда эта власть обращается въ общую волю. Этотъ принципъ одинаково примѣнимъ ко всѣмъ учрежденіямъ. Теократія, монархія и аристократія являются общей волей, лишь когда онѣ властвуютъ надъ умами, въ противномъ же случаѣ онѣ представляютъ собой только силу. Но признавая права этой общей воли, народнаго суверенитета, необходимо точно опредѣлить ея природу и объемъ, иначе торжество теоріи превратится въ несчастіе при ея практическомъ примѣненіи. Отвлеченное признаніе народнаго суверенитета нисколько не

[1]) Benjamin Constant: Cours de politique constitutionelle изд. E. Laboulaye 1861 t. I ch. I de la souveraineté du peuple стр. 7—18.

Digitized by Google

увеличиваетъ суммы индивидуальной свободы. Если приписать суверенитету такой объемъ, котораго онъ не долженъ имѣть, свобода можетъ погибнуть.

Когда утверждаютъ, что суверенитетъ народа безграниченъ, то въ обществѣ создаютъ слишкомъ большую власть, все равно въ какихъ бы рукахъ она не находилась, у одного, у нѣкоторыхъ или у всѣхъ—все это зло. Дѣло не въ носителяхъ власти, а въ самой власти: ее нужно ограничить. Противъ оружія, а не противъ держащей его руки нужно направить усилія. Есть массы слишкомъ тяжеловѣсныя для рукъ человѣческихъ. Въ пренебреженіи этой истиной заключалась ошибка тѣхъ, которые въ своей добросовѣстной любви къ свободѣ вручали народу безграничную власть, чтобы отнять ее отъ одного или нѣсколькихъ, злоупотреблявшихъ ею. Они достигали этимъ лишь перемѣщенія власти изъ однѣхъ рукъ въ другія, но зло оставалось неизмѣннымъ. Ошибочно думать, что общество въ цѣломъ обладаетъ безграничнымъ суверенитетомъ надъ своими членами. Совокупность гражданъ—суверенъ лишь въ томъ смыслѣ, что ни одинъ индивидъ, партія или часть общества не могутъ обладать суверенитетомъ, если онъ имъ не делегированъ. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что суверенная совокупность гражданъ или делегаты ея суверенитета могутъ суверенно располагать существованіемъ индивидовъ. Суверенитетъ существуетъ лишь въ ограниченномъ и относительномъ видѣ. Юрисдикція суверенитета кончается тамъ, гдѣ начинается индивидуальная жизнь и независимость. Общество, переступающее эти предѣлы, является столь же виновнымъ, какъ и деспотъ, опирающійся лишь на свой мечъ. Превышая свою компетенцію, общество дѣлается узурпаторомъ, а большинство возмутителемъ. Ничто не можетъ санкціонировать подобные акты. Власть, хотя бы она исходила отъ цѣлой націи, перестаетъ быть законной. Руссо пренебрегъ этой истиной, и вотъ почему его общественный договоръ съ полнымъ и безу-

Digitized by Google

словнымъ отчужденіемъ всѣхъ правъ индивидомъ обществу, на который столь часто ссылались въ интересахъ свободы, явился самымъ страшнымъ пособникомъ всякаго рода деспотизма. Актъ, творимый во имя всѣхъ, необходимо находится въ распоряженіи одного или нѣсколькихъ лицъ, поэтому ложно утвержденіе Руссо, будто отдаваясь всѣмъ, не отдаются въ сущности никому. Напротивъ, предаютъ себя тѣмъ, кто дѣйствуетъ во имя всѣхъ. Индивиды тутъ не только не пріобрѣтаютъ обратно отъ общества того, что отдаютъ ему, но возникаетъ сила, которая можетъ отнять у нихъ все, что они имѣютъ.

Руссо самъ испугался послѣдствій своего ученія. Не зная кому вручить такую огромную власть, онъ нашелъ единственное предохранительное средство противъ подобнаго суверенитета, но и то неудачное. Именно Руссо объявилъ суверенитетъ неотчуждаемымъ, неделегируемымъ и не представляемымъ, другими словами, сдѣлалъ невозможнымъ самое его осуществленіе, и, такимъ образомъ, Руссо разрушилъ фактически тотъ принципъ, который самъ провозгласилъ. Сторонники деспотизма были болѣе откровенны въ своихъ выводахъ, когда они исходили изъ такихъ же основаній, какъ и Руссо, такъ какъ они благопріятствовали ихъ цѣлямъ. Человѣкъ съ наибольшимъ талантомъ, возведшій деспотизмъ въ систему, Гоббесъ, поспѣшилъ признать, что суверенитетъ неограниченъ, чтобы затѣмъ доказать законность абсолютнаго правленія одного лица. Суверенитетъ, говоритъ онъ, абсолютенъ. Но эта истина признавалась во всѣ времена даже тѣми, которые устраивали бунты и возбуждали къ гражданскимъ войнамъ. Цѣлью ихъ было не поглощеніе суверенитета, а лишь перемѣщеніе въ другія руки его осуществленія. И народъ у Гоббеса лишается своего абсолютнаго суверенитета въ пользу монарха, который тогда дѣлается законнымъ обладателемъ такого суверенитета. Изъ такого абсолютнаго суверенитета Гоббесъ путемъ цѣлаго ряда софизмовъ выводитъ заключеніе объ абсо-

Digitized by Google

лютномъ правѣ суверена наказывать, воевать и законодательствовать; нѣтъ ничего болѣе ложнаго! Суверенъ имѣетъ право наказывать, но лишь за виновныя дѣйствія, право воевать, но лишь для защиты общества, право издавать законы, но только такіе, которые необходимы и согласны съ справедливостью. Слѣдовательно, нѣтъ ничего абсолютнаго и произвольнаго въ этихъ аттрибутахъ. При абсолютномъ же суверенитетѣ не можетъ быть и рѣчи о свободѣ, спокойствіи и счастьи, каковы бы ни были учрежденія. Народное правленіе обращается въ этомъ случаѣ въ конвульсивную тиранію, монархическое же—въ концетрированный деспотизмъ. Когда суверенитетъ неограниченъ, нѣтъ средства обезопасить индивидовъ отъ правительствъ. Напрасно прибѣгать здѣсь къ подчиненію правительства общей волѣ, такъ какъ все таки правительство здѣсь диктуетъ свою волю, и всякія предосторожности являются иллюзорными. Никакая организація власти не предохраняетъ отъ этой опасности. Можно раздѣлить власти: но, если вся сумма ихъ неограничена, то стоитъ раздѣленнымъ властямъ соединиться, и деспотизмъ болѣе неустранимъ. Важно не то, чтобы такая-то власть не могла нарушить наши права безъ согласія другой, но чтобы всѣмъ властямъ было воспрещено такое нарушеніе, чтобы было объявлено, что ни законодательная, ни исполнительная власти не могутъ касаться извѣстныхъ объектовъ, что суверенитетъ ограниченъ. Вотъ важная истина, вѣчный принципъ, который долженъ быть провозглашенъ. Нѣтъ неограниченной власти на землѣ, ни власти народа, ни тѣхъ, которые называетъ себя его представителями, ни власти монарховъ, изъ какого бы основанія не исходила ихъ власть, ни власти закона, который, будучи выраженіемъ воли народа или монарха, смотря по формѣ правленія, долженъ быть заключенъ въ тѣ же границы, какъ и самая власть, отъ которой онъ исходитъ.

Граждане обладаютъ индивидуальными правами, независимыми отъ всякой общественной или политической власти,

Digitized by Google

и всякая власть, нарушающая эти права, обращается въ незаконную. Эти права гражданъ—индивидуальная свобода, свобода религіозная, свобода мысли и ея публичнаго выраженія, право собственности и гарантія противъ всякаго произвола. Всякій авторитетъ, посягающій на эти права, посягаетъ на свое собственное основаніе.

Неисполненіе закона, который кажется несправедливымъ, есть всеобщая, безусловная, положительная обязанность. Притомъ эта сила, заключающаяся въ простомъ неисполненіи несправедливыхъ законовъ, не влечетъ за собой ни переворотовъ, ни революцій, ни безпорядковъ.

Ничто не оправдываетъ человѣка, дающаго поддержку закону, который онъ считаетъ несправедливымъ. Мы должны приносить общественному спокойствію много жертвъ: мы погрѣшимъ противъ морали, если въ силу непоколебимой привязанности къ своимъ правамъ, будемъ сопротивляться всѣмъ законамъ, которые покажутся намъ посягающими на эти права. Но никакой долгъ не связываетъ насъ по отношенію къ тѣмъ законамъ, которые своимъ растлѣвающимъ вліяніемъ угрожаютъ благороднѣйшей части нашего существованія, и не только ограничиваютъ наши законныя вольности, но предписываютъ намъ дѣйствія, противныя вѣчнымъ началамъ справедливости и милосердія, несоблюденіе которыхъ всегда принижаетъ и искажаетъ человѣческую природу.

Итакъ, заключаетъ Бенжаменъ Констанъ, суверенитетъ народа не абсолютенъ: онъ ограниченъ тѣми предѣлами, которые ему предначертаны справедливостью и индивидуальными правами. Представители же народа не имѣютъ права дѣлать то, на что сама нація не имѣетъ права.

Никакой монархъ, на чемъ бы онъ не основывалъ свою власть, на божественномъ-ли правѣ, на правѣ завоеванія, или на волѣ народа, не обладаетъ безграничной властью. Богъ, если вмѣшивается въ человѣческія дѣла, санкціониру-

Digitized by Google

ет лишь справедливое. Право завоеванія есть только сила, но не право. Согласіе народа не можетъ узаконить то, что само по себѣ незаконно, такъ какъ народъ не можетъ никому передать власть, которой онъ самъ не имѣетъ.

Но возможно-ли ограничить суверенитетъ? Существуетъ-ли сила, могущая помѣшать суверену переступать предѣлы, ему предначертанные? Могутъ сказать, что путемъ искусственныхъ комбинацій можно ограничить власть, раздѣливъ, противопоставивъ и приведя въ равновѣсіе различныя ея части. Но какъ сдѣлать, чтобы вся сумма власти не была неограниченной? Какъ ограничить власть иначе, какъ черезъ власть же?

Безъ сомнѣнія, недостаточно отвлеченнаго ограниченія суверенитета. Нужно отыскать начала политическихъ учрежденій, которыя бы такъ комбинировали интересы различныхъ носителей власти, чтобы самой явной, прочной и надежной выгодой для каждаго изъ нихъ было бы держаться предѣловъ своей компетенціи Но самое главное—компетенція и ограниченіе суверенитета, такъ какъ, прежде чѣмъ организовать предметъ, нужно опредѣлить его природу и объемъ. Во-вторыхъ, не преувеличивая, какъ это дѣлали часто философы, вліянія истины, можно утверждать, что, какъ скоро извѣстные принципы вполнѣ и ясно доказаны, они нѣкоторымъ образомъ сами себя гарантируютъ, такъ какъ ихъ очевидность создаетъ общественное мнѣніе, которое скоро дѣлается побѣдоноснымъ. Если признано, что суверенитетъ не безграниченъ, что на землѣ нѣтъ неограниченной власти, то никто никогда не посмѣетъ ссылаться на подобную власть. Опытъ доказываетъ это. Самыя страшныя проявленія деспотизма одного лица имѣли часто своимъ источникомъ доктрину о всемогуществѣ власти.

Итакъ, ограниченіе суверенитета дѣйствительно и возможно. Оно обезпечивается во-первыхъ силою, гарантирующею всѣ признанныя истины, общественнымъ мнѣніемъ, и еще точнѣе распредѣленіемъ (distribution) и равновѣсіемъ властей.

Digitized by Google

Но прежде всего, говоритъ Бенжаменъ Констанъ, нужно начать съ самаго признанія этого спасительнаго начала ограниченности суверенитета. Безъ этой предосторожности все будетъ безполезнымъ.

Подобно Бенжамену Констану и остальные представители конституціонной доктрины 19 вѣка развивали аналогичныя идеи объ ограниченіи верховной власти государства надлежащей организаціей властей и субъективными правами гражданъ. Въ то время, какъ прежняя естественноправовая доктрина выводила ограниченность государственной власти изъ цѣли государства, и теорія правового государства, какъ она была развита Кантомъ, Гумбольдтомъ и другими, ограничивала эту цѣль установленіемъ и защитой права, новая теорія правового государства, не ограничивая дѣятельности государства одной этой цѣлью и требуя всесторонней дѣятельности государства въ области общественнаго благосостоянія и культуры, въ то же время ставитъ на первый планъ требованіе осуществленія этой дѣятельности въ правовыхъ формахъ, въ законномѣрномъ порядкѣ, въ которомъ власть государственная находитъ свое опредѣленіе и ограниченіе. Въ то время, какъ естественноправовыя доктрины, размежевывая сферу индивидовъ и государственной власти, выдвигали абстрактное признаніе естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣческой личности, новая конституціонная доктрина и теорія правового государства обращаетъ всѣ эти естественныя вольности гражданъ въ положительныя субъективныя права и гарантіи гражданъ, утвержденныя конституціей и поставленныя подъ ея защиту. То, что уже давно было осуществлено въ Англіи, осуществляютъ теперь постепенно и на континентѣ. Еще на Вѣнскомъ конгрессѣ попытки истолковывать суверенитетъ въ смыслѣ безграничной власти находятъ энергичный отпоръ: противъ намѣреній нѣкоторыхъ германскихъ государей, вошед-

Digitized by Google

шихъ въ составъ Рейнскаго союза, толковать свой недавно признанный суверенитетъ въ смыслѣ безграничной государственной власти, совершенно не стѣсненной никакими правами подданныхъ, энергично протестуетъ уполномоченный Ганновера, графъ Мюнстеръ, заявляя, что въ понятіи суверенитета никоимъ образомъ не заключается идея деспотизма. Король Великобританіи, несомнѣнно, такой же суверенъ, какъ и всякій другой государь, но вольности его народа укрѣпляютъ его тронъ, а не разрушаютъ его. И самъ главный вдохновитель реакціонной политики того времени, Меттернихъ соглашается съ тѣмъ, что суверенитетъ никоимъ образомъ нельзя отождествлять съ безграничной или деспотической властью. На Вѣнскомъ конгрессѣ Пруссія и Австрія въ виду такой наклонности нѣкоторыхъ понимать суверенитетъ въ смыслѣ абсолютизма власти даже предлагаютъ замѣнить слово «суверенитетъ» терминомъ «территоріальное верховенство» [1]). Вслѣдъ за французской конституціонной хартіей 1814 г., санкціонирующей извѣстныя гражданскія и политическія права гражданъ, еще болѣе широкій объемъ этихъ правъ даетъ бельгійская конституція 1831 г. а затѣмъ и цѣлый рядъ конституцій въ эпоху либеральнаго движенія въ Германіи и Австріи 1848—1849. Съ этихъ поръ опредѣленіе гражданскихъ и политическихъ правъ подданныхъ дѣлается необходимою частью огромнаго большинства европейскихъ конституцій.

Въ силу всего этого, идея, что власть государственная не является безграничной, прочно утверждается къ концу второй половины 19 вѣка въ теоріи государственнаго права. И если еще Карлъ Соломонъ Цахаріэ въ своемъ юридическо-философскомъ ученіи о государствѣ, говоря о «полновластіи»,

---

1) H. Schulze: Einl. i. d. d. Staatsrecht 1867 стр. 167.
Preuss: Gemeinde, Staat, Reich. 1889 стр. 127.
Klüber: Akten d. Wiener Kongress т. I, 1 и 3; II, 5, IV.
Bluntschli: Allg. Staatslehre 1875, Th. I стр. 863 пр. 2.

Digitized by Google

какъ онъ называетъ суверенитетъ, неопредѣленно выражается, [1]) что «полновластіе заключаетъ въ себѣ всѣ права, какія только могутъ быть, и не имѣетъ другихъ границъ, кромѣ указанныхъ природой правамъ человѣка», то одинъ изъ наиболѣе выдающихся теоретиковъ государственнаго права этого времени, Фридрихъ Шмиттенеръ [2]), опредѣляя суверенитетъ, государственную власть, какъ высшую земную власть, власть вполнѣ совершенную сверху (vollkommen nach oben), слѣдовательно, безапелляціонную или неподчиненную никакому высшему суду, въ тоже время утверждаетъ, что она имѣетъ не только нравственныя (идеальныя, раціональныя) границы, вытекающія изъ ея понятія и природы, но и положительноправовыя (историческія), опредѣляемыя конкретной формой государства и его положительными законами, конституціей. Конституція вообще представляетъ собой, говоритъ Шмиттенеръ, правовую форму публичныхъ отношеній Изъ опредѣленія отношеній подчиненности положительными правовыми нормами возникаютъ политическія права подданныхъ, какъ положительнаго характера, состоящія въ участіи гражданъ въ государственной власти, такъ и отрицательнаго, представляющія собой свободныя сферы, изъятыя изъ воли государственной власти [3]).

Послѣдующее ученіе о правовомъ государствѣ не ограничивается признаніемъ абстрактнаго принципа ограниченія власти правами подданныхъ, санкціи этихъ правъ путемъ провозглашенія ихъ въ конституціонныхъ законахъ и надлежащаго распредѣленія властей, но выдвигаетъ общій принципъ господства права и закона во всѣхъ сферахъ государственной жизни, ограниченія и опредѣленія государственной власти въ ея организаціи и дѣятельности правовыми нормами, обязательными для самой власти.

---

[1]) K. S. Zachariä: Vierzig. Bücher vom Staate B. I. 1839 стр. 88.

[2]) О немъ см. R. v. Mohl: Geschichte und Litteratur d. Staatsw. B. I стр. 137 сл

[3]) Smitthener: Zwölf Bücher v. Staate. Grundlinien d. allg. oder idealen Staatsrechtes 1845 стр. 285—289.

Digitized by Google

Еще въ началѣ 2-й половины 19 вѣка извѣстный германскій ученый, Шталь, такъ формулируетъ этотъ новый принципъ правового государства: «Правовое государство—лозунгъ и стремленіе новѣйшаго времени. Государство должно точно опредѣлить и ненарушимо гарантировать пути и предѣлъ своей дѣятельности, а также свободную сферу гражданъ; оно должно не далѣе осуществлять нравственныя идеи, чѣмъ простирается сфера права. Сущность правового государства—не въ томъ, что государство только поддерживаетъ правовой порядокъ и защищаетъ права гражданъ, не осуществляя административныхъ задачъ, но лишь въ способѣ и характерѣ осуществленія этихъ задачъ». Этотъ способъ и характеръ осуществленія задачъ государства заключается въ томъ, что государственная власть въ своемъ управленіи должна руководиться не только началомъ цѣлесообразности, но должна быть основана на правѣ и, слѣдовательно, на высшемъ его выраженіи въ государствѣ, на законѣ [1]).

Развитіе идеи самоуправленія и признаніе особой публичноправовой сферы различныхъ самоуправляющихся союзовъ внутри государства, и, наконецъ, постепенное распространеніе судебной и судебноадминистративной защиты и на сферу публичныхъ правъ завершаютъ собою этотъ поступательный ходъ идеи правового государства.

Въ виду этихъ принциповъ, общепринятыхъ въ новѣйшей наукѣ публичнаго права и нашедшихъ себѣ, если не полное, то, во всякомъ случаѣ, значительное осуществленіе въ политической жизни современныхъ культурныхъ государствъ, идея безграничности государственной власти, власти несвязанной правомъ и законами, какъ ее когда-то опредѣлилъ Гоббесъ, а за нимъ и многіе другіе абсолютисты, не могла уже болѣе служить исходнымъ пунктомъ для опредѣленія сущности суверенитета. [2]).

---

[1]) Stahl: Die Staatslehre und die Principien des Staatsrechts 1856 стр. 137 сл.

[2]) Ср. Jellinek: Allg. Staatslehre стр. 438 сл.

Digitized by Google

Съ этой стороны заслуживаетъ вниманія ученіе о суверенитетѣ одного изъ корифеевъ государственной науки второй половины и начала первой половины 19-го вѣка извѣстнаго вождя консервативной аристократической партіи въ Пруссіи, Фридриха Юліуса Шталя.

§ 26.

Ученіе Шталя о суверенитетѣ.

Въ государственномъ ученіи Шталя отразились до извѣстной степени всѣ идеи политической мысли 19-го вѣка, направленныя противъ естественноправовыхъ и индивидуалистическихъ ученій о государствѣ. Идеи теократовъ, философія Шеллинга, и ученіе исторической школы. Но и выводы либеральной конституціонной доктрины вѣка не остались безъ вліянія на воззрѣнія Шталя. Горячій защитникъ монархическаго принципа и авторитета власти, онъ въ то же время сторонникъ идеи правового государства, энергично отстаиваетъ конституціонный принципъ и рѣшительно отвергаетъ идею государственнаго абсолютизма.

Государство, какъ учрежденіе для властвованія надъ всѣмъ общественнымъ строемъ, говоритъ Шталь [1]), является единой, высшей и суверенной властью на землѣ. Ему подчинены люди, ихъ стремленія, учрежденія и союзы, даже сама церковь въ ея внѣшнемъ существованіи. Государство является ихъ высшимъ судьей, надъ собой же не имѣетъ никакого высшаго авторитета и судьи. Въ этомъ заключается истинный смыслъ идеи «о парламентскомъ всемогуществѣ», и истинный успѣхъ нашего времени состоитъ въ возстановленіи такой власти государства. Но надъ человѣческимъ царствомъ государства возвышается высшая нравственная и естественная

[1]) Die Staatslehre und die Principien des Staatsrechts изд. 3, 1856 § 41.

Digitized by Google

сила—божественный порядокъ, которому должно служить само государство. Въ силу этого божественнаго порядка, какъ человѣкъ со своимъ прирожденнымъ правомъ личности и своими благопріобрѣтенными правами, такъ и человѣческіе союзы и прежде всего церковь являются управомоченными субъектами передъ государствомъ. Государство не можетъ несправедливо вторгаться въ ихъ сферу.

Поэтому государство—суверенная, но не абсолютная власть на землѣ. Власть его формально неограничена, но не матерьяльно. Матерьяльная правовая граница государства состоитъ въ томъ, что государственная власть должна безусловно признавать и непарушать «естественнонравственныя» права и въ возможно большей степени положительноправовыя границы; если государство нарушаетъ эти права индивидовъ, союзовъ и церкви и, такимъ образомъ, выходитъ изъ своихъ разумныхъ границъ и совершаетъ внутреннюю несправедливость, то такіе акты государственной власти все же имѣютъ обязательную силу для потерпѣвшихъ, которые могутъ жаловаться, но все же должны повиноваться. Но, если государственная власть ограничиваетъ индивидовъ, союзы и церковь въ той сферѣ, въ которой они въ силу высшаго божественнаго порядка независимы отъ государства, то такой актъ государственной власти для нихъ необязателенъ, и въ этомъ случаѣ дозволительно не активное, но пассивное сопротивленіе.

Итакъ, непризнаніе государствомъ матерьяльныхъ управомочій, которыя частью основаны на природѣ вещей, частью на конституціи, и обращеніе своей воли въ исключительный и непогрѣшимый законъ на землѣ, мы называемъ, говоритъ Шталь, абсолютизмомъ государства. Этотъ абсолютизмъ Шталь рѣшительно отвергаетъ. Далѣе Шталь излагаетъ свои воззрѣнія на суверенитетъ слѣдующимъ образомъ. Государственная власть по своему существу едина и недѣлима, какъ каждая личность и воля. Она не можетъ быть раздроблена на нѣсколько властей или между нѣсколькими субъектами, но всегда

Digitized by Google

является одной личностью, однимъ субъектомъ (монархъ, организованное народное собраніе, или они оба вмѣстѣ, какъ одинъ субъектъ). Въ этомъ единствѣ государственная власть является суверенитетомъ. Но осуществленіе государственной власти зависитъ отъ различныхъ условій и кромѣ суверена можетъ быть нѣсколько иныхъ органовъ, болѣе или менѣе самостоятельныхъ въ отношеніи къ суверену [1]).

Суверенитетъ—поэтому первая, первоначальная и высшая власть, которая обусловливаетъ и обнимаетъ собой всѣ органы и установленія, опредѣляетъ ихъ положительно или, по крайней мѣрѣ, ограничиваетъ отрицательно: это — властвующая воля, которая присутствуетъ и дѣйствуетъ во всемъ государствѣ и составляетъ существо его личности. Суверенъ поэтому представляетъ государство внутри и извнѣ.

Въ монархіи такимъ сувереномъ является личность монарха, въ республикѣ—народное собраніе. Воля суверена можетъ быть ограничена обязанностью его испрашивать согласіе другихъ органовъ, но никакая другая власть не можетъ употребить принужденіе противъ суверена или выразить положительно свою волю съ обязательной силой для всего государства [2]). Монархъ держитъ свою власть какъ суверенъ государства, такъ какъ онъ его представляетъ, т. е. отождествляется съ нимъ, является его олицетвореніемъ. Власть монарха есть его право, но вмѣстѣ съ тѣмъ—публичноправовая, а не частноправовая власть. Законъ исходитъ отъ монарха, и монархъ властвуетъ не по волѣ народа и не въ силу закона, но «Божіей Милостью» и въ силу своего собственнаго авторитета. Подданные должны подчиняться не только закону, но и личной волѣ монарха (въ предѣлахъ закона). Тѣмъ не менѣе законъ не есть только нравственная граница воли монарха, какъ это утверждали абсолютисты, но

---

[1]) Stahl: Allg. Staatslehre § 54.
[2]) Stahl: § 55.

Digitized by Google

и внѣшняя государственноправовая граница его власти [1]). — Въ этомъ ученіи Шталя о суверенитетѣ мы видимъ сочетаніе новыхъ воззрѣній на государство и его суверенитетъ съ старыми теоріями государства, въ которыхъ монархъ отождествляется съ самимъ государствомъ, воплощаетъ его и всю государственную власть и въ то же время какъ бы отдѣляется отъ государства, признается властвующимъ не въ силу закона или правоваго порядка того же государства, но по личному праву, источникъ котораго лежитъ въ «Милости Божіей». Мы увидимъ ниже, какъ этотъ своеобразный дуализмъ въ юридической конструкціи государства отражается даже въ ученіяхъ современныхъ германскихъ государствовѣдовъ по вопросу о субъектѣ и носителѣ государственной власти, несмотря на всѣ успѣхи этихъ ученыхъ въ выясненіи юридической сущности государства.

§ 27.

Понятіе суверенитета въ первой половинѣ 19-го вѣка.

Изъ только что изложенныхъ нами воззрѣній на суверенитетъ видно, что основное значеніе этого понятія, какъ оно было развито еще въ предыдущіе вѣка, не измѣнилось и въ первую половину 19-го вѣка. Всѣ писатели опредѣляютъ суверенитетъ, какъ высшую и независимую государственную власть. Субъектомъ же суверенитета признаютъ то государство, то лицо или совокупность лицъ, осуществляющихъ въ государствѣ верховную власть. Отсюда традиціонная терминологія: монархическій суверенитетъ, народный суверенитетъ, и различныя значенія, которыя придаются термину «суверенитетъ» въ эту эпоху. Объ этомъ, между прочимъ, свидѣтельствуютъ извѣстные государствовѣды этого времени, Клюберъ и

[1]) Stahl: стр. 246 и 256.

Digitized by Google

Шмиттенеръ. Клюберъ [1]) указываетъ на то, что слово «суверенитетъ» употребляется въ теоріи и на практикѣ въ различныхъ значеніяхъ. Суверенитетъ приписывается то государству, то правящимъ субъектамъ, то имъ обоимъ. Понимаютъ суверенитетъ, какъ государственное верховенство или независимую государственную власть вообще. Другіе, какъ напримѣръ, фонъ-Мартенсъ въ своемъ «Международномъ правѣ» понимаютъ суверенитетъ лишь какъ политическую независимость, т. е. какъ право политической личности или ея самостоятельность въ отношеніи ко всякому другому субъекту.

Другіе—какъ высшую власть или государственную власть въ тѣсномъ смыслѣ слова. Во всѣхъ этихъ значеніяхъ, какъ указываетъ Клюберъ, слово суверенитетъ употребляется и въ актахъ Рейнскаго союза. Самъ Клюберъ опредѣляетъ суверенитетъ слѣдующимъ образомъ: государственная власть (государственное верховенство, высшая власть, суверенитетъ, potestas suprema) означаетъ право избирать средства для цѣлей государства [2]. Государственнымъ верховенствомъ, независимою государственною властью или суверенитетомъ въ обширномъ смыслѣ слова, называется совокупность всѣхъ правъ, принадлежащихъ независимому государству. Эти права заключаютъ въ себѣ во-первыхъ политическую независимость (суверенитетъ въ тѣсномъ смыслѣ слова), т. е. право политической личности или ея самостоятельность въ отношеніи къ каждому другому субъекту; во-вторыхъ государственную власть (въ тѣсномъ смыслѣ), т. е. власть, направленную на осуществленіе цѣлей государства [3]).

Точно также Шмиттенеръ указываетъ на то, что терминъ

[1]) Klüber: Öffentl. Recht des teutschen Bundes und der Bundesstaaten IV Auflage 1840 стр. 326 пр. b.

Первое изданіе книги вышло въ 1817. Этотъ трудъ по замѣчанію H. Schulze (Einl. in. d. d. Staatsrecht 1867 стр. 94) пользовался неограниченнымъ авторитетомъ въ литературѣ государственнаго права въ Германіи вплоть до сороковыхъ годовъ 19 вѣка.

[2]) Klüber: тамъ же стр. 5.

[3]) Klüber: тамъ же стр. 326.

Digitized by Google

суверенитетъ подобно другимъ терминамъ, заимствованнымъ изъ иностранныхъ языковъ, имѣетъ колеблющееся словоупотребленіе, легко ведущее къ недоразумѣніямъ. Такъ подъ суверенитетомъ разумѣютъ:

1) Независимость отъ высшей власти

2) Неограниченность власти правами народа, всевластіе (Allgevalt) въ государствѣ. Въ этомъ смыслѣ, особенно во времена Рейнскаго союза, понимали «внутренній суверенитетъ».

3) Саму государственную власть, т. е. совокупность верховныхъ правъ, высшую публичную власть въ государствѣ.

4) Держателя государственной власти, независимаго отъ всякой другой земной власти; въ этомъ смыслѣ говорятъ о суверенитетѣ монарха въ монархіи и суверенитетѣ народа въ демократіяхъ [1]).

Со всѣми этими различными значеніями слова «суверенитетъ» встрѣчаемся мы въ научной литературѣ и въ государственной практикѣ 19 вѣка [2]).

Во всякомъ случаѣ, воззрѣніе, что суверенитетъ составляетъ необходимый признакъ государственной власти, было настолько твердо установившимся, что суверенитетъ приписываютъ даже такимъ территоріальнымъ властямъ, которыя были подчинены другой высшей власти, лишь бы такимъ образомъ отстоять ихъ государственный характеръ.

Такъ, напримѣръ, въ швейцарской союзной конституціи 12 сентября 1848 г. § 9 говорится: «Кантоны суверенны, поскольку ихъ суверенитетъ не ограниченъ союзной конституціей, и осуществляютъ всѣ права, которыя не перенесены на союзную власть». Ремъ [3]) указываетъ на то, что государственная жизнь первой половины 19 вѣка въ Германіи, Австріи и Швейцаріи была проникнута идеей полнаго сувере-

[1]) Smitthener: Grundlinien d. allg. oder idealen Staatsrechtes 1845 стр. 285 пр. 3.

[2]) См. примѣры у Rehm: Allg. Staatslehre стр. 54 и 58 сл.

[3]) Rehm: Allg. Staatslehre стр. 58.

Digitized by Google

нитета. Хотѣли воспользоваться только что пріобрѣтеннымъ правомъ полной независимости и ревниво охраняли это право. Поэтому относились крайне враждебно ко всему, что могло бы умалить суверенитетъ. Этимъ объясняется, почему въ 1815 между нѣмецкими государствами не могъ образоваться болѣе тѣсный союзъ въ видѣ союзнаго государства или даже союза государствъ съ компетенціей, распространяющейся на внутреннія отношенія государствъ. Въ силу особаго желанія Баваріи въ союзномъ актѣ къ слову «союзные князья» было прибавлено слово «суверенные». То же сдѣлано было и въ отношеніи швейцарскихъ кантоновъ.

Для того, чтобы подчеркнуть полную независимость, суверенитетъ, тѣхъ или другихъ государствъ въ международныхъ договорахъ употребляютъ такіе термины какъ «полнота суверенитета и всѣ права изъ него вытекающія», «полный и абсолютный суверенитетъ», «весь суверенитетъ» (la plénitude de souveraineté, souveraineté entiére et absolue, toute souveraineté). Такое словоупотребленіе тѣмъ болѣе понятно, что и въ 19 вѣкѣ продолжала существовать идея относительнаго суверенитета и полусуверенитета, которую еще развивали писатели 18 вѣка, Крейтмайеръ, Мозеръ, Пюттеръ и другіе. Въ началѣ 19 вѣка нѣмецкій ученый Gönner въ своемъ сочиненіи «Германское Государственное право» 1804 признаетъ территоріи Германской Имперіи, подчиненныя имперской власти, полусуверенными государствами или даже подчиненными государствами (subalterner Staat [1]). И даже, когда Имперія перестала существововать, и ея бывшія территоріи сдѣлались вполнѣ суверенными, составивъ въ силу актовъ Рейнскаго союза союзъ суверенныхъ государствъ, нѣкоторые писатели, какъ напримѣръ, Фридрихъ фонъ-Гагернъ въ своемъ соч. «Denkschrift über den Bundestaat» 1833, разсматривали этотъ союзъ германскихъ государствъ, какъ со-

[1]) См. Rehm: Allg. Staatslehre стр. 54.

Digitized by Google

юзное государство, [1]) члены котораго — полусуверенныя государства, сохранившія всѣ внутреннія права верховенства, но тѣмъ не менѣе подчиненныя общей государственной союзной власти [2]).

Что касается вообще воззрѣнія на государство теоретиковъ германскаго положительнаго государственнаго права, то почти всѣ они признавали государство моральнымъ юридическимъ лицомъ и субъектомъ суверенитета, а монарха органомъ государства, лишь осуществляющимъ его суверенитетъ. Таково было воззрѣніе Клюбера [3]), Альбрехта и огромнаго большинства нѣмецкихъ публицистовъ. Главный противникъ этого воззрѣнія Мауренбрехеръ указываетъ на то, что это воззрѣніе Клюбера, Альбрехта и ихъ единомышленниковъ является господствующимъ въ Германіи [4]). Критикуя это ученіе, Мауренбрехеръ утверждаетъ, что государство, какъ моральное юридическое лицо, является лишь фикціей и, какъ таковая, не можетъ имѣть никакихъ правъ власти и суверенитета. Поэтому суверенитетъ въ наслѣдственныхъ монархіяхъ, каковыми являются нѣмецкія государства, принадлежитъ, по мнѣнію Мауренбрехера, лишь монарху, какъ его частное право (собственность, часть патримоніума). Но это не значитъ, говоритъ Мауренбрехеръ, что монархъ является собственникомъ самого государства и государственной территоріи, что его право управленія имѣетъ частноправовой характеръ, и что государство существуетъ для государя, а не наоборотъ. Такіе ложные выводы не согласны, говоритъ Мауренбрехеръ, съ правильно понятымъ патримоніальнымъ принципомъ. Этимъ принципомъ лишь выражается то, что свою верховную власть монархъ

---

[1]) Самый терминъ „союзное государство“ (Bundesstaat), какъ указываетъ Бри, образовался въ періодъ Рейнскаго союза.

См. Brie: Der Bundesstaat 1874 стр. 33 пр. 4.

[2]) Brie: тамъ же стр. 54 сл.

[3]) Ср. Klüber: Öffentl. Recht. d. teutschen Bundes §§ 3, 98, 487.

[4]) Maurenbrecher: Die regierenden Fürsten und die Souveränitat 1839 стр. 14.

Digitized by Google

получаетъ не отъ государства, такъ какъ послѣднее само возникаетъ лишь въ силу того, что одно могущественное лицо объединяетъ надъ своей властью массу людей, жившихъ до того времени въ естественномъ состояніи. Поэтому монархъ не осуществляетъ суверенитета государства, какъ его органъ, а наоборотъ, суверенитетъ, высшая независимая государственная власть, первоначально принадлежитъ монарху, какъ его собственность [1]). Исторически суверенитетъ нѣмецкихъ государей образовался изъ ихъ территоріальнаго верховенства. Когда имперія и императорская власть перестали существовать, это территоріальное верховенство превратилось въ высшую и независимую государственную власть, т. е. въ суверенитетъ, а территоріи нѣмецкихъ ландесгерровъ въ дѣйствительныя государства [2]). Эта патримоніальная теорія суверенитета была подвергнута основательной критикѣ еще современниками Мауренбрехера и особенно Альбрехтомъ, но отголоски этой теоріи встрѣчаются, какъ увидимъ ниже, и въ современной научной литературѣ.

§ 28.

Общій взглядъ на дальнѣйшее развитіе ученій о суверенитетѣ въ 19 в.

Таковъ былъ процессъ развитія идеи суверенитета съ момента ея возникновенія вплоть до второй половины 19 вѣка. Дальнѣйшее развитіе ученія о суверенитетѣ во второй половинѣ послѣдняго столѣтія тѣсно связано съ выясненіемъ юридической природы, такъ называемаго, союзнаго государства.

Въ концѣ восемнадцатаго вѣка въ Америкѣ и въ 19 вѣкѣ въ Европѣ образуется новый типъ сложнаго государства, такъ называемое союзное государство.

[1]) Maurenbrecher стр. 167 сл.

[2]) Maurenbrecher стр. 218—222.

Digitized by Google

Союзъ штатовъ сѣверной Америки въ силу союзной конституціи 1787 превращается въ союзное государство. Въ такое же союзное государство превращается въ 1848 союзъ швейцарскихъ кантоновъ, и, наконецъ, все усиливающееся національное движеніе въ Германіи, направленное къ преобразованію союза германскихъ государствъ въ болѣе тѣсное національное и государственное единство, къ созданію, такъ называемаго, союзнаго государства, приводитъ къ образованію сѣверо-германскаго союза въ 1866 г. а затѣмъ, по присоединеніи къ нему южно-германскихъ государствъ—Германской имперіи 1 января 1871 г. Образовавшіяся такимъ образомъ союзныя государства представляли собой новый неизвѣстный до того времени типъ соединенія государствъ, значительно отличавшійся отъ извѣстныхъ до того времени формъ союзовъ. Вопросы о юридическомъ характерѣ этихъ новыхъ союзныхъ образованій, объ отношеніи союзной власти къ власти членовъ этого союза, о государственномъ характерѣ какъ самого союза, такъ и отдѣльныхъ членовъ его, явились новой проблемой для науки публичнаго права и политическихъ дѣятелей. При разрѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ понятіе суверенитета является тѣмъ центральнымъ пунктомъ, около котораго группируются различныя воззрѣнія ученыхъ и политиковъ на существо новыхъ государственныхъ образованій.

При образованіи новаго союзнаго строя государствъ Сѣверной Америки, Швейцаріи и Германіи сыграли руководящую роль два политическихъ начала, изъ которыхъ каждое имѣло своихъ горячихъ и энергичныхъ сторонниковъ и противниковъ. Однимъ началомъ было стремленіе къ болѣе тѣсному національному объединенію, которое должно было выразиться въ созданіи такой формы союзнаго устройства, при которой получилось бы сильное и жизнеспособное союзное государство и союзная власть, обнимающія и прочно соединяющія всѣ составныя части союза. Но для

Digitized by Google

этого необходимо было, чтобы всѣ государства, входящія въ составъ такъ образованнаго союза, пожертвовали своей политической самостоятельностью и перенесли часть своихъ правъ властвованія на союзное государство. Но этому-то и противились сторонники другого начала, верховенства и независимости отдѣльныхъ государствъ, всѣми силами стремясь отстоять суверенитетъ отдѣльныхъ государствъ при преобразованіяхъ союзнаго устройства. Суверенитетъ теперь, какъ и прежде, по мнѣнію огромнаго большинства, составляль необходимый признакъ государства, съ утратой котораго путемъ подчиненія власти союзнаго государства, вошедшія въ его составъ политическія единицы перестали бы быть государствами. И вотъ съ самаго начала образованія союзнаго государства уже въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ понятіе суверенитета дѣлается вновь идеей огромной политической важности и предметомъ раздора между политическими партіями. «Можно утверждать, говоритъ Еллинекъ, что вопросъ о суверенитетѣ представляетъ пунктъ, отправляясь отъ котораго, только и можно понять вполнѣ исторію могущественной заокеанской республики, такъ какъ ученіе о нуллификаціи и сецессіи, возникшее вмѣстѣ съ конституціей Соединенныхъ Штатовъ и черезъ посредство нея, обусловило положеніе политическихъ партій, исходящихъ изъ тѣхъ или другихъ ученій о природѣ государства и суверенитета» [1]).

Сторонники исключительнаго суверенитета штатовъ утверждали, что союзная конституція представляетъ лишь договоръ между независимыми государствами. Поэтому штаты остались суверенными государствами и при новомъ союзномъ устройствѣ, и, слѣдовательно, при конфликтахъ съ союзной властью, при нежеланіи подчиниться тѣмъ или другимъ ея рѣшеніямъ, они сохраняютъ право объявить для себя ничтожными акты союзной власти (нуллификація), выйти изъ союза, разорвать союзныя связи (сецессія). Союзъ Соединенныхъ

[1]) Jellinek: Die Lehre von den Staatenverbindungen стр. 19.

Digitized by Google

Штатовъ представляетъ собой простую конфедерацію, отдѣльныхъ народовъ Соединенныхъ Штатовъ, а не единый народъ и союзное государство. Таково было ученіе Джефферсона, Туккера въ его комментаріяхъ къ Блэкстону въ 1803 и особенно это ученіе было развито незадолго до войны между сѣверными и южными штатами знаменитымъ защитникомъ верховенства отдѣльныхъ штатовъ сенаторомъ Кальгуномъ.

Наоборотъ, сторонники союзнаго государства и суверенитета союзной власти доказывали, что сама союзная конституція не есть договоръ между штатами. Хотя конституція и явилась результатомъ договора, но, лишь только послѣдній былъ заключенъ, договоръ измѣнилъ свою природу, превратился въ законъ. Конституція создала не только союзъ государствъ, но наравнѣ съ ними и единый народъ Соединенныхъ Штатовъ и единое государство. Слѣдовательно, конституція является не только федеральнымъ, но и національнымъ актомъ.

Поэтому нуллиффикація актовъ союзной власти, входящихъ въ ея компетенцію, и сецессія являются не правомъ отдѣльныхъ штатовъ, а государственной измѣной. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сторонники этого взгляда не отрицаютъ и того, что штаты и въ новомъ союзѣ остались все же государствами, и сохранили свой суверенитетъ. Но для такого утвержденія имъ пришлось принять ученіе, что права государственной власти такъ подѣлены между союзомъ и отдѣльными штатами, что каждый изъ нихъ обладаетъ на основаніи союзной конституціи и въ предѣлахъ своей компетенціи совершенно независимою государственною властью, слѣдовательно, суверенитетомъ. Суверенна союзная власть, но суверенна и власть штатовъ, каждая въ предѣлахъ своей компетенціи. Такимъ образомъ, въ новой союзной конституціи совмѣстились и «national gouvernement» и «independent states». Таковы были идеи творцовъ американской конституціи Гамильтона, Мадисона и Джея, которыя они развивали въ цѣломъ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ ихъ извѣстномъ журналѣ «Федералистъ». Эта теорія была

Digitized by Google

въ основныхъ своихъ чертахъ принята почти всѣми выдающимися юристами Соединенныхъ Штатовъ, канцлеромъ Кентомъ, судьей Стори въ ихъ комментаріяхъ на американскую конституцію, и защищалась знаменитымъ американскимъ политическимъ дѣятелемъ и ораторомъ Даніиломъ Вебстеромъ въ его рѣчахъ, направленныхъ противъ Кальгуна [1]).

Споръ между федералистами и защитниками правъ союзной власти не ограничивался лишь теоретической сферой, но перешелъ на практическую почву и выразился въ постоянныхъ конфликтахъ штатовъ съ союзнымъ правительствомъ, причемъ союзной власти не разъ приходилось уступать въ цѣломъ рядѣ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ принципомъ верховенства союзной власти. Наконецъ, изъ за вопроса объ освобожденіи негровъ конфликтъ между союзной властью и южными штатами обострился настолько, что привелъ къ практическому осуществленію этими штатами доктрины ихъ суверенитета, права нуллификаціи и сецессіи, и затѣмъ къ гражданской войнѣ, длившейся отъ 1861 по 1865 г. Побѣда сѣверныхъ штатовъ и союзной власти рѣшила на полѣ брани окончательно споръ о верховенствѣ союзной власти.

Во многихъ отношеніяхъ аналогичный ходъ вещей до 1848 г. замѣчается и въ Швейцаріи; и здѣсь происходитъ борьба между сторонниками усиленія союзной власти и защитниками суверенитета кантоновъ, которая приводитъ въ 1847 г. даже къ войнѣ союзной власти съ лигой семи католическихъ кантоновъ (Sonderbund), отказавшихся подчиниться постановленіямъ союзной власти. Несмотря на побѣду союзной власти, идея независимости суверенитета кантоновъ была настолько твердо укоренившейся въ сознаніи Швейцарцевъ, что составителямъ союзной конституціи 1848 г. пришлось считаться съ этимъ фактомъ и упомянуть въ самой

[1]) Ср. Jellinek: Die Lehre v. d. Staatenverbindungen стр. 254 сл.
Brie: Der Bundesstaat стр. 96 сл.
Фортунатовъ: Исторія политическихъ ученій въ Соед. Штатахъ ч. I 1879 г. Федералистъ и трактаты Кальгуна.

Digitized by Google

конституціи о суверенитетѣ кантоновъ, несмотря на подчиненіе кантоновъ союзной власти: § 3 конституціи постановляетъ, что «кантоны суверенны, поскольку ихъ суверенитетъ не ограниченъ союзной конституціей, и, какъ таковые, осуществляютъ всѣ права, которыя не перенесены на союзную власть». Эта статья конституціи перешла и въ союзную конституцію 1874 г., хотя уже въ дебатахъ при ревизіи конституціи 1848 г. указывалось, что названіе кантоновъ «суверенными» совершенно не согласуется съ ихъ подчиненіемъ союзной власти. Но предложеніе исключить изъ конституціи названіе кантоновъ «суверенными» не было принято по чисто политическимъ мотивамъ, такъ какъ желали избѣжать обсужденія чисто теоретическаго вопроса, которое могло бы лишь послужить на пользу противникамъ пересмотра конституціи [1]).

Эта своеобразная идея дѣлимости суверенитета въ союзномъ государствѣ, т. е. между цѣлымъ союзомъ и его членами, была весьма удобнымъ компромиссомъ для сторонниковъ усиленія союзной власти и сторонниковъ самостоятельности членовъ союзнаго государства. Вотъ почему эта теорія дѣлимости суверенитета нашла себѣ скоро большое распространеніе также и въ Германіи и была положена большинствомъ германскихъ ученыхъ въ основу теоріи союзнаго государства. Эта теорія тѣмъ болѣе могла утвердиться въ Германіи, что, какъ мы видѣли уже, здѣсь давно уже раздавались ученія о возможности ограниченія и дѣлимости суверенитета. Идеи американскихъ публицистовъ о союзномъ государствѣ и дѣлимости въ немъ суверенитета распространяетъ въ Европѣ прежде всего Токквиль своимъ извѣстнымъ сочиненіемъ «О демократіи въ Америкѣ» 1835. Изображая политическій строй Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ, онъ указываетъ на то, что «здѣсь существуютъ два правительства, совершенно отдѣльныя и почти независимыя другъ отъ

[1]) См. Borel: Etude sur la souveraineté et l'Etat fédératif. 1886 стр 18.

Digitized by Google

друга» [1]), и затѣмъ утверждаетъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ суверенитетъ подѣленъ между союзомъ и отдѣльными государствами, тогда какъ во Франціи суверенитетъ одинъ и нераздѣленъ. Поэтому правительство въ Америкѣ является федеральнымъ, во Франціи же—національнымъ [2]). Эти идеи Токквиля о союзномъ строѣ Соединенныхъ Штатовъ сѣверной Америки и о дѣлимости въ нихъ суверенитета развиваетъ затѣмъ въ Германіи Георгъ Вайтцъ [3]), полагая ихъ въ основаніе теоріи союзнаго государства вообще. Теорія Вайтца принимается большинствомъ ученыхъ въ Германіи и скоро дѣлается господствующей.

Противъ теоріи союзнаго государства, суверенитета союзной власти и дѣлимости суверенитета, подобно Кальгуну въ Америкѣ, выступаетъ въ Германіи извѣстный баварскій ученый Зейдель.

Критика Зейделя, насколько она была направлена на теорію дѣлимости суверенитета, была настолько основательной, что вскорѣ эта теорія дѣлимости суверенитета была оставлена огромнымъ большинствомъ германскихъ государствовѣдовъ. Но ученіе Зейделя, насколько оно отвергаетъ самую идею союзнаго государства и суверенитетъ союзнаго государства, въ свою очередь было подвергнуто сильной критикѣ въ наукѣ и въ настоящее время почти всѣми оставлено. Но отвергнувши теорію дѣлимости суверенитета и допустивъ возможность существованія союзнаго государства, какъ особой формы государства, германская наука необходимо должна была прійти къ утвержденію (Георгъ Мейеръ, Лабандъ, а за ними другіе ученые), что суверенитетъ въ союзномъ государствѣ принадлежитъ лишь самому союзному государству, а не его членамъ, т. е. государствамъ, вошедшимъ въ его составъ. Съ точки же зрѣнія господствовавшаго до сихъ поръ въ Германіи и другихъ странахъ воз-

---

[1]) Tocqueville: De la démocratie en Amerique 5 éd. 1868 t. I p. 93.

[2]) Тамъ же стр. 205.

[3]) Waitz: Grundzüge der Politik 1862.

Digitized by Google

зрѣнія суверенитетъ составляетъ необходимый признакъ государства и, слѣдовательно, приходилось признать, что члены союзнаго государства, разъ они утратили свой суверенитетъ, войдя въ составъ союзнаго государства и подчинившись союзной власти, утратили и свой государственный характеръ.

Но съ такимъ отрицаніемъ государственнаго характера составныхъ частей союзнаго государства, къ которому, какъ увидимъ ниже, дѣйствительно пришли нѣкоторые ученые, огромное большинство германскихъ ученыхъ не нашло возможнымъ согласиться. Поэтому отвергнувъ, подобно нѣкоторымъ прежнимъ публицистамъ (еще Нетгельбладтъ), воззрѣніе, что суверенитетъ составляетъ необходимый признакъ государства, выдвинули новыя ученія о сущности государства и юридическихъ признакахъ, отличающихъ его отъ другихъ общественныхъ союзовъ. Въ настоящее время воззрѣніе, что суверенитетъ не является существеннымъ элементомъ въ понятіи государства, является господствующимъ въ Германіи и принято многими самыми выдающимися нѣмецкими юристами. Несмотря на эти ученія въ германской наукѣ, часть нѣмецкихъ ученыхъ и огромное большинство ученыхъ другихъ странъ остались при прежнемъ мнѣніи о суверенитетѣ, какъ необходимомъ признакѣ государства, и новыя ученія нѣмецкихъ ученыхъ объ отличительныхъ признакахъ государства и въ частности о несуверенномъ государствѣ встрѣтили сильныя возраженія въ научной литературѣ. Такимъ образомъ ученіе о суверенитетѣ представляется крайне запутаннымъ и спорнымъ въ наукѣ и даже нѣкоторые ученые, впрочемъ весьма немногіе, какъ напримѣръ, нѣмецкіе ученые Прейсъ, Аффольтеръ, Климке и во Франціи проф. Дюгюи, въ отчаяніи отъ лабиринта затрудненій вызванныхъ этихъ понятіемъ въ наукѣ публичнаго права, объясняютъ это тѣмъ, что понятіе суверенитета уже отжило свое время, называютъ даже суверенитетъ корнемъ зла всей науки публичнаго права, чисто историческимъ понятіемъ, совершенно несовмѣстимымъ съ принципами современнаго права

Digitized by Google

и государственной жизни, и потому предлагаютъ совершенно изгнать понятіе суверенитета изъ науки публичнаго права [1]).

Въ виду всѣхъ указанныхъ направленій въ ученіи о суверенитетѣ, понятіе его было подвергнуто особенно въ новѣйшей германской наукѣ тщательному юридическому анализу. Намъ предстоитъ теперь разобраться во всѣхъ этихъ ученіяхъ, отдѣлить въ нихъ то, что съ нашей точки зрѣнія представляется истиннымъ, и, такимъ образомъ, постараться выяснить юридическую сущность суверенитета и его значеніе для современной науки публичнаго права.

[1]) См. Preuss: Gemeinde, Staat, Reich. 1889 стр. 100—133.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЧАСТЬ II.

Правовое значеніе идеи суверенитета.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА I.

Исторически образовавшееся понятіе суверенитета.

Мы видѣли, что развитіе идеи суверенитета было тѣсно связано съ развитіемъ государственной жизни и самого представленія о государствѣ. Развитіе это шло въ неразрывной связи съ утвержденіемъ государственной власти, объединеніемъ и монополизаціей ею всѣхъ правъ властвованія, раздробленныхъ въ феодальный періодъ между различными феодалами и корпораціями, и съ освобожденіемъ государственной власти отъ всѣхъ преградъ, стоявшихъ на пути ея безусловному территоріальному верховенству. Суверенитетъ поэтому явился боевымъ лозунгомъ той оборонительной и наступательной борьбы, которую пришлось выдержать государственной власти и особенно власти развивающагося національнаго государства съ разлагающимся средневѣковымъ политическимъ строемъ, съ феодальнымъ порядкомъ и притязаніями на всемірное господство папъ и императоровъ Священной Римско-германской Имперіи. Уже въ столкновеніи папской власти и власти императорской начинаетъ развиваться идея суверенитета.

Въ утвержденіи верховенства, supremitas, императорской власти въ свѣтскихъ дѣлахъ государственная власть стремится дать отпоръ безграничнымъ притязаніямъ церкви въ лицѣ ея могущественнаго главы, папы, на верховное руководительство

Digitized by Google

государственной жизнью и на подчиненіе себѣ свѣтской власти. Съ другой стороны, въ утвержденіи верховенства, supremitas, императорской власти и имперіи находятъ принципъ, который выражаетъ собой единство верховной власти свѣтскаго главы Священной Римско-германской Имперіи и господство императора надъ всѣми элементами, входящими въ составъ имперіи.

Чѣмъ болѣе развиваются центробѣжныя политическія силы, грозящія привести къ распаденію имперію и выдѣленію изъ ея состава отдѣльныхъ независимыхъ территоріальныхъ единицъ, возникающихъ новыхъ національныхъ государствъ, тѣмъ болѣе энергично защитники единства имперіи и имперской власти утверждаютъ верховенство, supremitas, имперіи и императора. И даже тогда, когда отъ власти императора оставалась лишь одна тѣнь, имперскіе юристы продолжали настаивать на его верховенствѣ. Даже въ XVI-мъ вѣкѣ не желаютъ признавать государственнаго характера и самостоятельности власти королей такихъ могущественныхъ государствъ, какъ Франціи и Англіи, въ крайнемъ случаѣ ставятъ этихъ королей ниже императора.

Идея всемірнаго суверенитета императоровъ Священной Римской Имперіи постепенно теряетъ подъ собой почву, но въ то же время начинаетъ развиваться уже на новыхъ началахъ во Франціи идея государственнаго суверенитета. Изъ Франціи же ведетъ свое происхожденіе и самый терминъ суверенитетъ....

Королевская власть во Франціи стремится утвердить свой суверенитетъ, но не какъ представительница всемірной власти, а какъ поборница новой идеи самостоятельности и верховенства отдѣльнаго національнаго государства (Rex Franciae est imperator in suo regno), не отрицающаго существованія другихъ такихъ же самостоятельныхъ государствъ. «Король Франціи — императоръ въ своемъ королевствѣ», но не императоръ міра.

Въ побѣдоносной борьбѣ съ притязаніями церкви, импе-

Digitized by Google

раторской власти и съ феодализмомъ королевская власть во Франціи достигаетъ безусловнаго верховенства въ предѣлахъ государственной территоріи. «Король—императоръ въ своемъ государствѣ». «Король зависитъ только отъ Бога». «Воля короля—законъ». «Всѣ люди его королевства—его подданные»... Таковы формулы, которыми выражаютъ во Франціи совершенный суверенитетъ, souveraineté parfaite, французскихъ королей.

Высшую и независимую территоріальную власть—вотъ что означаетъ собой этотъ суверенитетъ, souveraineté, suprema potestas.

Только король, который въ своемъ лицѣ сосредоточиваетъ всю высшую государственную власть, признается главой всего государства и носителемъ такого суверенитета. Идея монархическаго суверенитета находитъ себѣ самое яркое выраженіе во Франціи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ устраняются всякія юридическія основанія признавать Францію подчиненной частью, провинціей Германской Имперіи. Развивая далѣе доктрину итальянскихъ юристовъ о civitates superiorem non recognoscentes, французскіе легисты приходятъ къ утвержденію, что безусловное верховенство, независимость власти, есть существенный и необходимый признакъ государства.

Въ такомъ смыслѣ формулируетъ свою теорію суверенитета знаменитый Боденъ, и такимъ образомъ дается теоретическая формула, указывающая на отличительный признакъ государства.

Со времени Бодена суверенитетъ признается необходимымъ свойствомъ государственной власти и въ немъ находятъ основу пониманія юридическаго характера государства. Вслѣдъ за Боденомъ рѣшительно выражаетъ эту идею, какъ мы видѣли, французскій юристъ XVI-го вѣка, Loyseau [1]).

[1]) „La Souveraineté est la forme qui donne l'estre à l'Estat, même l'Estat et la souveraineté prise in concreto sont synonimes, et l'Estat est ainsi appelé

Digitized by Google

Мы видѣли уже выше, что въ современной Бодену и послѣдующей литературѣ публичнаго права опредѣленіе суверенитета какъ высшей и независимой государственной власти сдѣлалось господствующимъ. Огромное большинство писателей признало также суверенитетъ единственнымъ отличительнымъ признакомъ государства. И это совершенно понятно. Новыя государства, образовавшіяся постепенно на территоріи Священной Римской имперіи, могли быть признаны государствами лишь тогда, когда имъ удалось отстоять свою самостоятельность и независимость въ отношеніи имперіи, такъ какъ до того времени они считались лишь ея подчиненными территоріальными частями, провинціями.

Всякая власть, которая стремилась доказать свой самостоятельный государственный характеръ, начинала съ утвержденія своего суверенитета. И когда съ XVII-го вѣка послѣ Вестфальскаго мира въ Германіи возникаетъ вопросъ о юридическомъ характерѣ власти ландесгерровъ и имперіи, писатели, занимающіеся положительнымъ германскимъ правомъ, желая установить государственный характеръ составныхъ частей германской имперіи, доказываютъ суверенитетъ имперскихъ чиновъ, принимая таковой даже въ уменьшенномъ или относительномъ (majestas analoga) видѣ (Kreitmayer въ XVIII-мъ в). Для этого они допускаютъ различныя измѣненія въ понятіи суверенитета, установленномъ Боденомъ. Другіе же писатели прибѣгаютъ къ ученію о дѣлимости суверенной власти, разсматриваютъ послѣднюю какъ комплексъ опредѣленныхъ правъ верховенства (Лейбницъ, Гуго, Пюттеръ, Мозеръ) Между прочимъ, Мозеръ а за нимъ Gönner, выдвигаютъ ученіе о такъ называемыхъ полусуверенныхъ государствахъ. Другіе же, какъ напримѣръ Пуффендорфъ, которые

---

pour ce que la souveraineté est le comble et période de la puissance où il faut que l'Estat s'arreste et establisse"...

См. Esmein: Éléments de droit constitutionel fr. et comp. 1899 г. стр. 1 пр. 1.

Digitized by Google

строго держатся понятія суверенитета, какъ оно было установлено Боденомъ, признаютъ строй германской имперіи искаженнымъ (monstro simile), такъ какъ суверенитетъ не принадлежалъ ни имперіи, какъ цѣлому, ни составнымъ ея частямъ. И только Безольдъ въ XVII-мъ вѣкѣ въ своемъ ученіи о subalterna potestas допускаетъ существованіе несуверенныхъ государствоподобныхъ образованій, а Неттельбладтъ во второй половинѣ XVIII-го вѣка даже объявляетъ суверенитетъ несущественнымъ признакомъ государства. Лишь распаденіе Германской Имперіи въ 1806-мъ г. и оффиціальное признаніе суверенитета германскихъ князей привело къ общепринятому полному признанію ихъ самостоятельности и государственнаго характера ихъ власти. Территоріальное верховенство нѣмецкихъ государей превращается въ суверенитетъ. Несмотря на все разнообразіе ученій о суверенитетѣ въ XVII и XVIII вв., взглядъ, что суверенитетъ есть необходимый признакъ государства, и что сущность этого понятія заключается въ юридическомъ верховенствѣ и независимости государственной власти, остался господствующимъ въ наукѣ и въ государственной жизни [1]). Огромное большинство ученыхъ всѣхъ странъ за исключеніемъ Германіи и теперь признаютъ суверенитетъ необходимымъ признакомъ государства. Но въ стремленіи отстоять государственный характеръ нѣкоторыхъ территоріальныхъ союзовъ многіе ученые допускаютъ различныя градаціи суверенитета въ видѣ, такъ называемаго, полусуверенитета, уменьшеннаго и относительнаго суверенитета [2]), или же, смѣшивая суверенитетъ, какъ извѣстное свойство государства, выражающее превосходную степень публичноправовой власти, съ комплексомъ опредѣленныхъ правъ властвованія, допускаютъ дѣлимость суверe-

[1]) Ср. Rehm: Allg. Staatslehre стр. 54 и 58 сл.

[2]) Еще Боденъ, какъ мы видѣли, какъ бы допускалъ градацію суверенитета, когда говорилъ, что „absolument souverain“ только тотъ, кто ни отъ кого, кромѣ Бога, не зависитъ.

Также французскіе юристы, когда говорятъ о „souveraineté parfaite“.

Digitized by Google

нитета, существованіе полусуверенныхъ государствъ и даже различаютъ два вида суверенитета: суверенитетъ международноправовой, въ смыслѣ внѣшней независимости, и суверенитетъ государственноправовой, въ смыслѣ верховной власти въ государствѣ. Всѣ эти ученія имѣютъ, какъ мы видѣли, свои корни въ исторіи развитія идеи суверенитета. Еще средневѣковая юриспруденція въ ученіи о полнотѣ власти императора и папы (plenitudo potestas) указываетъ, что власть эта слагается изъ ряда неотчуждаемыхъ и неограниченныхъ верховныхъ правъ. Далѣе, самъ Боденъ, стремясь выяснить содержаніе суверенитета, указываетъ цѣлый рядъ верховныхъ правъ, которыя, по его мнѣнію, составляютъ истинныя его признаки «vrayes marques de souveraineté». Сюда онъ относитъ: право законодательства, войны и мира, назначенія высшихъ должностныхъ лицъ, право суда въ послѣдней инстанціи, право на вѣрность и повиновеніе со стороны подданныхъ, право помилованія, обложенія налогами и чеканки монеты. Точно также изъ понятія суверенитета и цѣли государства выводитъ Гоббесъ, что суверену принадлежитъ цѣлый рядъ верховныхъ правъ: ненаказуемость и безотвѣтственность, суверенъ является верховнымъ блюстителемъ мира и высшимъ авторитетомъ въ дѣлахъ вѣры, ему принадлежитъ верховное право законодательства, суда, рѣшенія вопроса о войнѣ и мирѣ, суверенъ является главой всѣхъ должностныхъ лицъ, источникомъ всѣхъ почестей, наградъ и наказаній даже помимо закона.

Нѣмецкая литература XVII-го в., занимаясь вопросомъ о суверенитетѣ и стремясь доказать суверенный характеръ власти Landesherr'овъ, также часто разсматриваетъ суверенитетъ, какъ комплексъ опредѣленныхъ правъ властвованія. Въ своемъ опредѣленіи понятія «Suprematus» Лейбницъ относитъ сюда цѣлый рядъ правъ государственной власти въ области международныхъ отношеній.

Точно также дробитъ суверенитетъ на отдѣльныя права

Digitized by Google

властвованія и доктрина раздѣленія властей. Какъ указываетъ Jellinek, [1]) еще Barbeyrac въ 1732 г. въ своихъ замѣчаніяхъ на сочиненія Пуффендорфа писалъ: «Истина въ томъ, что суверенитетъ заключаетъ въ себѣ совокупность различныхъ правъ или отдѣльныхъ властей, предназначенныхъ для одной и той же цѣли, т. е. для общественнаго блага».

Такое постоянное отождествленіе суверенитета, какъ свойства государственной власти, съ опредѣленнымъ комплексомъ правъ властвованія, даже съ самой государственной властью или важнѣйшей ея функціей [2]) можетъ быть объяснено лишь исторически. Развитіе суверенитета было тѣсно связано, какъ мы видѣли, съ развитіемъ самой государственной власти, и прежде всего монархической.

Королевская власть лишь тогда могла притязать на «совершенный суверенитетъ», «souveraineté parfaite», когда она уничтожила то раздробленіе власти, которое мы видимъ въ средніе вѣка. Сосредоточивая въ своихъ рукахъ всѣ отдѣльныя функціи властвованія и права, которыя относились къ, такъ называемому, сеньоральному суверенитету крупныхъ феодаловъ, она дошла до такого момента, когда эти права принадлежали только ей и больше никому въ государствѣ. Въ то же время королевская власть сдѣлалась безусловно высшей властью въ государствѣ, такъ какъ, отстоявъ свою внѣшнюю независимость, она подчинила съ другой стороны себѣ всѣ элементы внутри государства. Изъ принадлежности же извѣстныхъ правъ властвованія королю стали заключать, что эти права должны необходимо принадлежать только королю, какъ суверену, а никому иному, что права эти входятъ необходимо въ составъ суверенитета и первоначально, неотчуждаемо и нераздѣльно связаны съ суверенной государственной властью, воплощавшейся въ лицѣ короля. Обладаніе этими правами кѣмъ-либо инымъ, неуполномоченнымъ къ

[1]) Die Lehre v. d. Staatenverbindungen. 1882 стр. 19 пр. 15.

[2]) У Ансильона—законодательная власть.

Digitized by Google

тому королемъ, признается поэтому узурпаціей. Опредѣленіе таковыхъ верховныхъ правъ дается эмпирическимъ путемъ, т. е. перечисляются всѣ тѣ права, которыя въ данное время осуществляетъ королевская власть въ той или другой странѣ или на исключительное обладаніе которыми она заявляетъ въ данный моментъ свои притязанія. Такъ Боденъ въ своемъ опредѣленіи верховныхъ правъ, составляющихъ содержаніе суверенитета имѣетъ въ виду тѣ права, которыя осуществляла королевская власть во Франціи въ его время или на исключительное обладаніе, которыми она заявляла свои притязанія.

У Гоббеса это тѣ права англійской короны, которыя составляли по англійскимъ воззрѣніямъ содержаніе королевской прерогативы, ученіе о которой позднѣе формулируетъ Блэкстонъ.

Локкъ также беретъ въ основаніе своего ученія о правахъ государственной власти тотъ государственный строй, который установился въ Англіи послѣ революціи 1688 г. [1]).

Романисты же въ своихъ ученіяхъ о верховныхъ правахъ императора (jura majestatis), вытекающихъ изъ suprema potestas, исходили изъ представленія о характерѣ государственной власти въ древнемъ Римѣ и правахъ, принадлежавшихъ римскимъ императорамъ, которыя они по аналогіи приписывали и императорамъ Священной Римско-германской имперіи, какъ преемникамъ абсолютной власти римскихъ цезарей.

Еще нѣкоторые критики, современники Бодена, напр. Паурмейстеръ, оспаривали такое опредѣленіе суверенныхъ правъ, а затѣмъ французскій юристъ Loyseau указывалъ, что многія ихъ тѣхъ верховныхъ правъ, которыя перечисляетъ Боденъ, какъ исключительно принадлежащія суверену, на самомъ дѣлѣ не характеризуютъ надлежащимъ образомъ суверенитета, и всякій, кто пожелалъ бы по этимъ признакамъ

[1]) Ср. Jellinek: D. R. d. mod. Staates стр. 421 сл.

Digitized by Google

заключать о наличности суверенитета, могъ бы легко ошибиться [1]).

И дѣйствительно, въ то время еще многіе изъ несуверенныхъ носителей власти продолжали обладать по собственному праву тѣми или иными изъ указанныхъ Боденомъ правъ, такъ какъ остатки феодальнаго строя не были еще вполнѣ устранены [2]).

Такимъ образомъ, писатели, которые подобно Бодену стремились опредѣлить составъ необходимыхъ правъ, составляющихъ содержаніе суверенитета, впадали въ противорѣчіе съ дѣйствительной жизнью.

Измѣнчивый объемъ правъ, принадлежащихъ государственной власти въ тотъ или другой періодъ времени, территоріальное верховенство (Landeshoheit), отождествляютъ съ особымъ формальнымъ юридическимъ характеромъ государственной власти, въ силу котораго она является высшей и независимой. Путемъ такого смѣшенія или отождествленія Лейбницъ, напримѣръ, стремился доказать суверенитетъ и государственный характеръ власти германскихъ Landesherr'овъ въ тотъ періодъ, когда они юридически были еще подчинены верховной власти имперіи.

Это смѣшеніе суверенитета, какъ извѣстнаго характера, свойства, государственной власти съ совокупностью правъ государственной власти или съ самой государственной властью продолжается и до послѣдняго времени.

Simonet, напримѣръ, такъ опредѣляетъ суверенитетъ: «въ большихъ политическихъ обществахъ, называемыхъ безразлично націями, народами, государствами, общественная власть называется суверенитетомъ» [3]).

[1]) Jellinek: назв. соч. стр. 421 пр. 2.

[2]) Ср. Jellinek: D. R. d. m. St. B. I. Стр. 423.

[3]) Simonet: Traité élémentaire de droit public et administratif. 1897 p. I. Другіе примѣры см. у Rehm: Allg. Staatslehre. Это смѣшеніе суверенитета съ государственной властью особенно часто встрѣчается въ литературѣ романскихъ народовъ, гдѣ весьма принято обозначеніе государственной власти словомъ „суверенитетъ".

Digitized by Google

Такое же смѣшеніе понятій постоянно встрѣчается и въ международныхъ договорахъ. Еще, какъ мы говорили, на Вестфальскомъ конгрессѣ Франціей было предложено къ § 8 трактата признать права суверенитета германскихъ государей.

Также въ Прессбургскомъ мирномъ трактатѣ 1805 § VII говорится, что «L. M. les Rois de Bavière et Würtemberg et s. A. S. l'Electeur de Bade jouiront sur les territoires à eux cédés, comme aussi sur leurs anciens étas, de la plénitude de la souveraineté et de tous les droits qui en dérivent».... Далѣе въ актахъ Рейнскаго Союза за всѣми членами союза признается «полный суверенитетъ», при чемъ въ § XXV указываются четыре главныхъ права, содержащихся въ этомъ полномъ суверенитетѣ: «législation, juridiction suprême, haute police, conscription militaire». За подчиненными же имперскими чинами признаются лишь «droits seigneuriaux et féodaux non essentiellement inhérens à la souveraineté».

Также въ посланіи отъ 11 сентября 1806 г. императоръ французовъ, какъ протекторъ Рейнскаго Союза, заявляетъ, что «онъ не имѣетъ въ виду присвоить себѣ часть суверенитета (la portion de souveraineté), которую осуществлялъ германскій императоръ, какъ сюзеренъ» [1]).

Итакъ, мы видимъ, что два основныхъ элемента въ понятіи суверенитета, внѣшняя независимость власти и ея верховенство, играютъ далеко не одинаковую роль въ исторіи развитія этого понятія.

Въ то время, какъ элементъ независимости признается всѣми писателями въ смыслѣ неподчиненности власти какой-либо другой власти, такъ что въ литературѣ XVIII вѣка писатели, какъ J. J. Moser, даже характеризуютъ суверенитетъ однимъ лишь признакомъ внѣшней независимости въ

[1]) См. H. Schulze: Einleitung in das deutsche Staatsrecht 1867 стр. стр 278—281, 286—289.

Rehm: Allg. Staatslehre стр. 54 сл.

Digitized by Google

свѣтскихъ дѣлахъ [1]), другой признакъ суверенитета—верховенство власти далеко не одинаково понимается тѣми или другими писателями. Понятіе суверенитета, т. е. свойства власти, въ силу котораго она является безусловно высшей въ предѣлахъ государственной территоріи, опредѣляется, то какъ комплексъ опредѣленныхъ правъ властвованія (jura majestatis), причемъ составъ этихъ правъ опредѣляется различно, то суверенитетъ отождествляется со всей совокупностью правъ властвованія, съ самой государственной властью (imperium), причемъ одни писатели настаиваютъ на полномъ единствѣ и недѣлимости этой власти, какъ единствѣ государственныхъ силъ, верховныхъ правъ или функцій, другіе же допускаютъ дѣлимость государственной власти и суверенитета не только въ сложномъ государствѣ, но даже въ простомъ государствѣ, какъ это вытекало изъ крайней доктрины раздѣленія властей (особенно у Монтескьё). Лишь дальнѣйшіе успѣхи въ пониманіи природы государства, какъ юридически организованнаго единаго цѣлаго, какъ юридической личности, привели къ признанію идеальнаго единства юридической личности и воли государства и, слѣдовательно, единства его власти. Лишь тогда въ наукѣ публичнаго права установился, какъ увидимъ ниже, взглядъ, что суверенитетъ—чисто формальное понятіе, выражающее собой лишь опредѣленный характеръ государственной власти, какъ юридически высшей и независимой, а не можетъ быть смѣшиваемъ съ содержаніемъ этой самой государственной власти или съ отдѣльными правами, составляющими содержаніе государственнаго властвованія.

Но самый рѣшительный отпоръ и наиболѣе энергичную критику вызвало пониманіе суверенитета, какъ абсолютной, безграничной власти.

Мы видѣли, что еще съ XII-го вѣка въ средневѣковой доктринѣ начинается теченіе идей, направленное къ призна-

[1]) Ср. Rehm: Allg. Staatslehre стр. 50 сл.

Digitized by Google

нію суверенитета абсолютной властью. До этого времени всякая земная власть признается делегированной Богомъ, имѣющей должностной и поэтому ограниченный, относительный характеръ. Боденъ первый рѣшительно формулируетъ абсолютистскія идеи въ своемъ ученіи о суверенитетѣ какъ объ абсолютной власти государства, puissance absolue et perpétuelle d'une République или, какъ онъ это выражаетъ въ латинскомъ переводѣ, «summa et legibus soluta potestas».

Это не только независимая отъ какой-либо другой власти и высшая въ сравненіи со всѣми другими властями въ государствѣ, но и власть исключительная, во всей полнотѣ принадлежащая правителю въ государствѣ, и не признающая никакихъ границъ въ области положительнаго правопорядка. Но самъ Боденъ, не, смотря на такое опредѣленіе суверенной власти, признаетъ эту власть все же ограниченной божескимъ и естественнымъ правомъ, и на этомъ основаніи отвергаетъ право власти произвольно распоряжаться собственностью гражданъ и не соблюдать заключенныхъ договоровъ.

Еще ранѣе Бодена Макіавелли не признаетъ никакихъ границъ государственной власти, кромѣ субъективныхъ соображеній властителя о государственномъ интересѣ. Въ XVII-мъ же вѣкѣ Гоббесъ логически развиваетъ до крайности абсолютистское ученіе о суверенитетѣ и обращаетъ послѣдній во всепоглощающую власть государства, которое онъ называетъ поэтому Левіаѳаномъ, смертнымъ Богомъ. Божеское и естественное право у него—лишь чисто нравственныя, а не юридическія ограниченія суверенаго властителя, да и самое опредѣленіе того, что должно считать такимъ божескимъ или естественнымъ правомъ Гоббесъ предоставляетъ исключительному усмотрѣнію монарха, который отождествляется у него съ самимъ государствомъ. Подданные въ отношеніи къ такой безграничной власти совершенно безправны. Высшая власть государства у Гоббеса въ сущности—произволъ монарха. Не

Digitized by Google

только въ свѣтской, но даже въ религіозной области воля монарха—высшій авторитетъ.

Подобно Гоббесу формулируютъ идею суверенитета и другіе абсолютисты, въ томъ числѣ и Людовикъ XIV-й. Къ этому же стремятся и другіе монархи: Стюарты въ Англіи, испанскіе короли и, когда распадается старая Германская имперія въ 1806 г., вошедшіе въ составъ Рейнскаго союза и сдѣлавшіеся суверенными государи бывшихъ территорій имперіи въ такомъ же смыслѣ понимаютъ свой суверенитетъ какъ совершенно безграничную власть [1]). Руссо и революціонная доктрина доказываютъ такую же безграничную власть народа. Мы видѣли, какъ противъ этого обращенія суверенитета въ безграничную власть еще въ средніе вѣка возстаетъ ученіе о народномъ суверенитетѣ, которое противопоставляетъ идеѣ монархическаго суверенитета верховныя и нерушимыя права народа, какъ источника всякой государственной власти. Въ періодъ реформаціи выступаютъ противъ притязаній абсолютизма защитники верховныхъ правъ народа, такъ называемые монархомахи. Далѣе, нашедшія себѣ новую почву въ религіозныхъ ученіяхъ броунистовъ, конгрегаціоналистовъ и индепендентовъ, демократическія политическія идеи договорнаго установленія власти, народовластія и естественныхъ, неотчуждаемыхъ правъ человѣка вступаютъ въ борьбу съ монархическимъ принципомъ и абсолютистскими стремленіями королевской власти. Возрѣнія Бодена и Гоббеса на суверенитетъ, какъ на абсолютную власть, встрѣчаютъ возраженіе еще у ихъ современниковъ. Идея естественнаго права, возвышающагося надъ всякой властью и связывающаго ее своими предписаніями, также была противна принципу абсолютизма, несмотря на то извращеніе, которое дала ей теорія Гоббеса. Такой же характеръ имѣла и доктрина двойного суверенитета, majestas realis народа или государства и подчиненнаго ему majestas personalis монарха.

[1]) См. H. Schulze: Einl. in das deutsche Staatsrecht. 1867 г. стр 167.

Digitized by Google

Развитіе конституціоннаго ученія и идеи правового государства (Бэръ, Шталь, Робертъ Моль, Штейнъ, Гнейстъ) и успѣхи въ пониманіи юридической природы государства и государственной власти рѣшительно подорвали отождествленіе суверенитета съ деспотизмомъ и безграничностью власти. Теперь считается общепризнаннымъ положеніемъ, что власть государства, по крайней мѣрѣ съ матерьяльной стороны, не безгранична. Ограниченность ея лежитъ въ самой ея природѣ. Споренъ въ наукѣ, какъ мы увидимъ ниже, только вопросъ, какой характеръ имѣетъ это ограниченіе: только-ли внутренній, матерьяльный, или также внѣшній, формально юридическій. Являются-ли юридическія нормы, ограничивающія государство, его собственными нормами (самоограниченіе) или же внѣшними для государства нормами, независимыми отъ его воли. Поэтому правъ германскій ученый Максъ Зейдель, называя «недоразумѣніемъ» слѣдующее мнѣніе, высказанное извѣстнымъ американскимъ государственнымъ дѣятелемъ, Даніэлемъ Вебстеромъ въ его рѣчи въ сенатѣ Соединенныхъ Штатовъ 16-го февраля 1833-го года: «Суверенитетъ правительства—идея, образовавшаяся по ту сторону Атлантическаго океана. Въ Сѣверной Америкѣ объ ней ничего не знаютъ. Всѣ наши правительства ограничены. Суверенитетъ въ Европѣ—феодальнаго происхожденія, означаетъ ничто иное какъ положеніе суверена и обнимаетъ собою его права, доходы, прерогативы и власти. У насъ же вся власть принадлежитъ народу. Только народъ суверенъ; онъ устанавливаетъ правительство, какое ему угодно, и переноситъ на него столько власти, сколько желаетъ. Ни одно изъ этихъ правительствъ не суверенно въ европейскомъ смыслѣ слова, такъ какъ они всѣ ограничены писанными конституціями [1]).

По поводу этого утвержденія Вебстера Зейдель замѣчаетъ, «что европейскій смыслъ слова «суверенитетъ», на ко-

[1]) См. Max. Seydel: Der Bundesstaatsbegrift въ Zeitschrift f. d. g. Staatswissenschaft. 1872 г. B. 28 стр. 191 сл.

Digitized by Google

торый указываетъ Вебстеръ, существуетъ лишь въ воображеніи Вебстера: вѣроятно, онъ имѣлъ въ виду при этомъ неограниченное самодержавіе. И если Вебстеръ утверждаетъ, что суверенитетъ феодальнаго происхожденія, то онъ ошибается, такъ какъ феодализмъ болѣе всего былъ враждебенъ этому понятію».

Мы должны по поводу этого замѣтить, что Вебстеръ не совсѣмъ неправъ, говоря, что суверенитетъ — понятіе феодальнаго происхожденія. Мы видѣли уже выше, что это понятіе развивается еще на почвѣ средневѣковыхъ феодальныхъ отношеній и самый терминъ «суверенитетъ» возникаетъ еще въ феодальной Франціи. Но современное значеніе понятія суверенитета, какъ оно развилось въ теченіе вѣковъ, имѣетъ иной смыслъ, нежели въ эпоху феодализма. Въ этомъ отношеніи Зейдель совершенно правъ, какъ и правъ въ томъ, что суверенитетъ вовсе не обозначаетъ неограниченной самодержавной власти. Попытки абсолютистовъ въ такомъ смыслѣ толковать суверенитетъ встрѣчали всегда энергичный отпоръ. Идея абсолютнаго суверенитета является лишь одной изъ стадій въ исторіи развитія этого понятія [1]).

Но какіе бы оттѣнки не принимало понятіе суверенитета въ своемъ историческомъ развитіи, основной и главный смыслъ этого понятія состоялъ въ утвержденіи опредѣленнаго характера государственной власти, а именно того качества ея, въ силу котораго эта власть является высшей и независимою. Признавали-ли суверенную власть абсолютной или относительной, свободной отъ правовыхъ ограниченій или ограни-

[1]) Впрочемъ, и теперь еще встрѣчаются отголоски такого ученія даже у писателей конституціоналистовъ, особенно англійскихъ. Подобно тому, какъ Блэкстонъ говорилъ о власти парламента, что парламенту „конституціей этого королевства ввѣрена абсолютная деспотическая власть", такъ и новѣйшій писатель Эрскинъ Мей утверждаетъ, что власть парламента не имѣетъ другихъ границъ, кромѣ готовности народа ей повиноваться или сопротивляться. Точно также по утвержденію Дайси власть парламента ограничена лишь физической невозможностью. Ошибка этихъ ученыхъ заключается въ самомъ воззрѣніи ихъ на правовую природу государственной власти. Власть государства, какъ мы увидимъ ниже, не есть голая, фактическая сила.

Digitized by Google

ченной правомъ, единой и недѣлимой или способной къ дѣленію, все это зависило, какъ мы видѣли, отъ преходящихъ условій политической жизни, вліявшихъ на развитіе идеи суверенитета, и различій въ воззрѣніяхъ тѣхъ или другихъ публицистовъ на сущность государственной власти, ея основанія и задачи. Но всѣ писатели и мыслители, занимавшіеся изслѣдованіемъ суверенитета, исходили всегда изъ того основного воззрѣнія, что суверенная власть есть власть высшая, и если даже утверждали возможность существованія относительнаго или уменьшеннаго суверенитета, то все же всѣ признавали, какъ признаютъ и теперь, что суверенитетъ въ истинномъ, настоящемъ смыслѣ этого слова, обозначаетъ собой безусловно высшую власть, т. е. такую власть, которая, будучи выше всякой другой власти въ извѣстной сферѣ, господствуя въ этой сферѣ надъ всѣмъ доступнымъ вообще правовому и принудительному господству, сама не подчиняется никакой другой власти, такъ какъ иначе она не была бы высшей. Неудивительно, что понятіе суверенитета развивалось примѣнительно къ власти государства, такъ какъ именно государство представляетъ собою самую мощную организацію общественной силы, проявляющейся въ принудительномъ господствѣ надъ людьми.

Средневѣковой споръ о верховенствѣ между церковью и государствомъ, поскольку церковь притязала на такое принудительное господство и стремилась стать высшимъ распорядителемъ принудительной общественной силы, кончился, какъ и слѣдовало ожидать, въ пользу государства, такъ какъ такое стремленіе противорѣчитъ самому существу и задачамъ церкви, какъ союза основаннаго на вѣрѣ и нравственномъ авторитетѣ. Впрочемъ, такъ какъ вопросъ объ отношеніи суверенитета государства къ церкви и теперь возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія, то мы остановимся нѣсколько подробнѣе на этомъ вопросѣ.

Digitized by Google

ГЛАВА II.

Суверенитетъ государства и церковь.

Такъ какъ суверенная власть есть власть безусловно высшая, то власть суверенаго государства, какъ территоріальнаго союза властвованія, не только господствуетъ надъ лицами, корпораціями и союзами, образовавшимися или дѣйствующими на его территоріи, но и не подчиняется власти никакого другого союза.

Мнѣніе, что только государственная власть можетъ быть суверенной, не является общепризнаннымъ. Существуетъ мнѣніе, что суверенитетомъ обладаетъ и церковная власть.

Католическая церковь и теперь поддерживаетъ идею своего суверенитета въ отношеніи къ государству. [1]) Далѣе, въ XIX вѣкѣ выдвинута (впервые Görres'омъ), такъ называемая, координаціонная теорія отношенія церкви къ государству [2]). Теорія эта отрицаетъ подчиненіе церковной власти государству и утверждаетъ, что власть церкви и власть государства суверенны каждая въ своей сферѣ. Такимъ образомъ въ предѣлахъ государственной территоріи, наравнѣ съ суверенной властью государства въ сферѣ государственныхъ отношеній,

---

[1]) Постановленія Ватиканскаго Собора 1870 г.

Другіе примѣры см. Bluntschli: Allg. Staatsrecht B. II 1876 стр. 410.

[2]) О ней см. Hinschius: Allg. Darstellung der Verhältnisse von Staat und Kirche стр. 219 сл.

Его же: Das Kirchenrecht въ Enciklopädie der Rechtswissenschaft herausg. v. Dor Karl Birkmeyer 1901 стр. 1020.

Digitized by Google

господствуетъ другая суверенная власть церкви въ сферѣ церковныхъ отношеній.

Въ самой литературѣ государственнаго права существуетъ мнѣніе, что суверенитетъ означаетъ лишь независимость въ свѣтскихъ дѣлахъ. Суверенная власть это безусловно независимая свѣтская территоріальная власть. Таково, напримѣръ, мнѣніе германскаго ученаго Рема. [1]).

Суверенитетъ, по его мнѣнію, не допускаетъ лишь зависимости суверенаго государства отъ другого свѣтскаго территоріальнаго союза, который авторитетно, начальственно, можетъ принудить къ исполненію своей воли. Церковь же не есть территоріальный союзъ и задачи его другія, нежели государства. Поэтому съ суверенитетомъ государства вполнѣ совмѣстимо подчиненіе его власти религіознаго союза [2]). Это два различныхъ союза съ различными цѣлями Религіозная сфера церкви отлична и независима отъ государства. Если же государство ставитъ своей цѣлью непосредственное осуществленіе религіозныхъ задачъ, то оно само обращается вмѣстѣ съ тѣмъ въ религіозное общество, церковь, а не остается лишь государствомъ [3]).

Государство, какъ таковое, можетъ ограничивать религію или поддерживать ее, но только косвенно, т. е. поскольку оно такимъ образомъ служитъ своей основной цѣли, т. е. свѣтскимъ интересамъ.

Ремъ доказываетъ далѣе, что существованіе теократій нисколько не противорѣчитъ положенію, что государство по своей сущности ограничено свѣтскими задачами, такъ какъ и въ теократіяхъ государственная и религіозная области различались; здѣсь только одни и тѣ же лица принадлежали и къ политическому и къ религіозному обществу. Это были двѣ

---

[1]) Rehm: Allg. Staatslehre, стр. 16 сл., 32 сл., 61, 148.

[2]) Rehm: тамъ же, стр. 35—36.

Ср. также Le Fur: Etat fédéral et confédération d'états 1896 стр. 487.

[3]) Rehm: тамъ же стр. 32.

Digitized by Google

различныя правовыя организаціи, которыя только обнимали собою однихъ и тѣхъ же лицъ [1]).

Разсмотримъ теперь это мнѣніе, что суверенитетомъ, кромѣ государства, въ настоящее время можетъ обладать и церковь, и что суверенитетъ означаетъ лишь независимость одной свѣтской территоріальной власти отъ другой свѣтской же территоріальной власти и, что, слѣдовательно, суверенная государственная власть можетъ подчиняться церковной власти, какъ власти другого порядка.

Мы видѣли, что было время, когда церковная власть въ лицѣ главы католической церкви не только притязала на универсальное господство надъ всякой земной властью, но и фактически заставляла подчиняться себѣ самыхъ могущественныхъ свѣтскихъ властителей. Но государственная власть безпрестанно отрицала правомѣрность такого положенія и постоянно отвергала притязанія церкви на вмѣшательство въ свѣтскія дѣла. Въ періодъ всей долголѣтней борьбы съ честолюбивыми притязаніями папъ на универсальное господство государственная власть, хотя и признавала самостоятельное значеніе церковнаго права и высшій авторитетъ церкви въ области чисто внутреннихъ церковныхъ и религіозныхъ отношеній, но энергично поддерживала принципъ своего верховенства въ области государственныхъ отношеній, въ сферѣ свѣтскихъ дѣлъ. Но по мѣрѣ того, какъ возростало политическое могущество и авторитетъ національной государственной власти, политическое вліяніе церкви и папства падало, и государство все болѣе и болѣе суживало свободную отъ его вмѣшательства сферу церковнаго управленія и все болѣе подчиняло своему верховному надзору акты церковной іерархіи.

Начиная съ XIV вѣка, государство утверждаетъ свое верховенство надъ церковью въ предѣлахъ своей территоріи [2]).

---

[1]) См. Rehm: тамъ же, стр. 34.

[2]) Ср. Jellinek: Das Recht d. mod. Staates, стр. 390 сл.
G. Meyer: Lehrbuch d. d. Staatsrechtes, 1895 стр. 484.

Digitized by Google

Акты церковнаго управленія и осуществленіе органами церкви принудительной власти въ предѣлахъ государственной территоріи требуютъ или согласія на это государственной власти и, во всякомъ случаѣ, въ той или другой формѣ подлежатъ верховному надзору органовъ государства. Другими словами, государство утверждаетъ свое правовое верховенство надъ церковью въ предѣлахъ своей территоріи. Такъ дѣло въ настоящее время обстоитъ во всѣхъ государствахъ [1]). Принципъ верховенства государства надъ всѣми лицами и разнообразными союзами, находящимися или дѣйствующими на его территоріи, является въ настоящее время не только результатомъ всего историческаго развитія государственной власти, монополизаціи и концентраціи властвованія государствомъ, но и основнымъ принципомъ государственной жизни, неизбѣжнымъ логическимъ выводомъ изъ самаго существа государства, какъ высшаго территоріальнаго союза властвованія, въ силу чего всякая власть въ смыслѣ юридически организованной воли, направленной на принудительное примѣненіе и защиту актовъ этой воли, [2]) можетъ осуществляться въ предѣлахъ государственной территоріи лишь съ согласія или уполномочія государственной власти. Эта юридически организованная сила можетъ, конечно, какъ и самое право ее нормирующее, примѣняться лишь къ внѣшнимъ отношеніямъ, къ внѣшнимъ проявленіямъ человѣческой жизни, и не можетъ господствовать надъ чисто внутренней стороной человѣческой личности. Вотъ почему въ этой сферѣ чисто внутреннихъ актовъ человѣческой жизни, въ сферѣ человѣческихъ чувствъ и мыслей, въ области вѣры, нравственное вліяніе и нравственный авторитетъ церкви, насколько она является при-

---

[1]) Ср. Bluntschli: Allg. Staatsrecht 1876. B. II стр. 422 сл.

[2]) О понятіи власти. Ср. Herzfelder: Gewalt und Recht. 1890 стр. 1—23. Алексѣевъ: Къ ученію о юрид. природѣ государства. Русская мысль. Ноябрь 1894 г.

Jhering: Zweck im Recht 1877. B. I стр. 238 сл., 310 сл.

Laband: Das Staatsrecht d. d. Reiches B. I. 1901 стр. 64 сл.

Digitized by Google

знанной охранительницей догматовъ религіи и учительницей въ области вѣры, несравненно выше, сильнѣе и дѣйствительнѣе какой бы то ни было государственной власти, но изъ этого никоимъ образомъ нельзя заключать еще о суверенитетѣ церкви, хотя бы въ сферѣ только церковныхъ отношеній. Нельзя размежевывать, какъ это дѣлаютъ сторонники координаціонной теоріи, суверенитетъ церкви и суверенитетъ государства различными областями, сферой государственныхъ и сферой церковныхъ отношеній. Гиншіусъ [1]) совершенно правильно замѣчаетъ, что государство и церковь властвуютъ на одной и той же территоріи и надъ одними и тѣми же людьми, которые являются въ одно и то же время подданными государства и членами церкви; поэтому суверенитетъ обоихъ былъ бы возможенъ лишь тогда, если бы возможно было прочное и ясное разграниченіе сферъ каждой власти. Но это невозможно, такъ какъ цѣлый рядъ человѣческихъ отношеній имѣетъ какъ государственную, такъ и церковную сторону. Такъ какъ обѣ суверенныя власти могутъ касательно этихъ отношеній издавать противорѣчивыя распоряженія, то эта координаціонная теорія ведетъ къ неразрѣшимымъ конфликтамъ. Пробовали для такихъ случаевъ указать средство именно соглашенія—конкордаты между церковью и государствомъ. Но и это средство оказалось практически недостаточнымъ, такъ какъ не устранило возможности конфликтовъ и вторженія одной власти въ сферу другой, а въ случаѣ несостоявшагося соглашенія между обѣими властями о такомъ средствѣ не можетъ быть и рѣчи. Къ этому необходимо еще прибавить, что понятіе, такъ называемыхъ, церковныхъ дѣлъ далеко не одно и то же съ точки зрѣнія той или другой церкви, напримѣръ, католической и протестанской. Но независимо отъ такихъ соображеній о практической неосуществимости координаціонной теоріи, идея суверени-

[1]) Hinschius: Allg. Darstellung der Verhältnisse von Staat und Kirche въ Marquardsen's Handbuch d. öffentl. Rechts B. I Hlb I 1887 стр. 219.

Digitized by Google

тета церкви въ предѣлахъ государственной территоріи, хотя бы въ сферѣ чисто церковныхъ отношеній является неправильной и по теоретическимъ основаніямъ.

Извѣстный германскій канонистъ Зомъ развиваетъ отвергаемую другими канонистами крайнюю теорію, что церковное право и его принудительное осуществленіе противорѣчитъ идеальному, духовному существу церкви, какъ духовному союзу, тѣлу Христову на землѣ, царству Божьему, какъ свободному соединенію вѣрующихъ, для цѣли общаго богопочитанія [1]).

Поэтому, по мнѣнію Зома, всякая внѣшняя юридическая организація церкви и ея власти несовмѣстима съ сущностью церкви, какъ духовнаго союза, и можетъ быть придана ей лишь извнѣ государствомъ. Зомъ заключаетъ, такимъ образомъ, что церковь въ современномъ смыслѣ слова въ ея юридической организаціи является признанной государствомъ публичной и привилегированной корпораціей подобно другимъ союзамъ въ государствѣ. Власть этого союза есть свѣтская власть и надъ нею, слѣдовательно, верховенствуетъ власть государственная [2]). Если даже отвергнуть крайніе выводы Зома насчетъ несоотвѣтствія существу церкви юридической ея организаціи и далѣе признать, что источникомъ нормъ церковнаго права, по крайней мѣрѣ церковнаго права въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. права, нормирующаго внутренній распорядокъ церкви (ius ecclesiasticum), является сама церковь, а не государство, мы все же должны признать, что въ отличіе отъ нравственнаго авторитета церкви, ея моральной силы, власть церкви въ смыслѣ юридически организованной волевой силы, направленной на принудительное примѣненіе и защиту нормъ церкви, какъ и всякая другая власть, состоитъ въ принудительномъ господствѣ.

[1]) R. Sohm: Kirchenrecht B. I, 1892, все сочиненіе его посвящено доказательству этого положенія.

[2]) См. Sohm. Назв. соч. стр. 657—700.

Ср. Bluntschli: Allg. Staatsrecht 1876 B II стр. 421 сл.

Digitized by Google

Всякое же принудительное господство, властвованіе, въ предѣлахъ государственной территоріи непремѣнно зависитъ отъ власти государства, какъ высшаго территоріальнаго союза властвованія, которое по самому существу своему не допускаетъ, чтобы надъ внѣшними отношеніями членовъ его въ какой бы то ни было сферѣ независимо отъ него могла властвовать, т. е. принудительно господствовать, какая-либо другая власть.

Всякое лицо, всякая корпорація, всякій союзъ, хотя бы церковный, можетъ осуществлять не свое нравственное вліяніе и авторитетъ, а свою правовую власть въ предѣлахъ современнаго государства лишь съ соизволенія или делегаціи государственной власти [1]).

Таковъ основной принципъ современнаго государства, вытекающій изъ самого существа его, какъ союза высшаго принудительнаго властвованія.

Въ силу сказаннаго нами выше о природѣ государственной власти, какъ высшей въ предѣлахъ государственной территоріи, отъ государства зависитъ и церковь, поскольку послѣдняя является юридически организованнымъ союзомъ, корпораціей, дѣйствующей въ предѣлахъ государственной территоріи [2]). Государство въ интересахъ свободы совѣсти и въ виду особыхъ задачъ церкви, отличныхъ отъ задачъ государства, должно ограничивать свое властное вмѣшательство въ религіозную область и даже предоставить церкви и организованнымъ религіознымъ обществамъ обширную сферу автономіи въ дѣлахъ ихъ внутренней жизни, касающихся религіознаго культа. Государство можетъ, далѣе, признавать нравственный авторитетъ

---

[1]) Hinchius: Назв. соч. стр 231 сл. 270.

Ср. также Jellinek: System der subjectiven offentlichen Rechte. 1892 стр. 259 сл.

Его же: D. Recht d. mod. Staates. 330—331, 353.

Haenel: Deutches Staatsrecht. 1892. B. I, стр. 113.

[2]) Ср. Herzfelder: Gewalt und. Recht. 1890 стр. 118—120.

Merkel: Jur. Encyklopädie 1901. §§ 66, 849.

Digitized by Google

той или другой церкви и нравственное руководство ея въ области религіозныхъ вопросовъ, но государство ни въ какомъ отношеніи не можетъ зависѣть отъ церкви, поскольку послѣдняя является союзомъ, надѣленнымъ властью, принудительно примѣняющимъ свои постановленія. Другими словами, государственное верховенство распространяется и на церковь, поскольку послѣдняя изъ чисто нравственнаго и духовнаго союза своихъ членовъ, обращается въ юридически организованный союзъ, осуществляющій въ какой бы то ни было мѣрѣ imperium, правовую власть надъ своими членами [1]).

Гиншіусъ, говоря объ отношеніи церкви къ государству, совершенно справедливо замѣчаетъ, что современное государство имѣетъ своей задачей организацію всего общежитія обнимаемаго имъ народа и попеченіе о потребностяхъ и интересахъ всего народа. Прежде всего оно является правовымъ государствомъ и, какъ таковое, организуетъ и поддерживаетъ разумный мирный порядокъ совмѣстной жизни и разнообразныхъ, взаимныхъ отношеній своихъ членовъ. Безъ такого порядка и силы его утверждающей и защищающей невозможно разумное сосуществованіе людей. Государство составляетъ учрежденіе имѣющее свое основаніе въ этой потребности и свою цѣль въ удовлетвореніи ея. Именно въ виду этого логически необходимо, чтобы государство обладало требуемой для этой цѣли высшей внѣшней силой. Правовое государство должно поэтому быть высшей человѣческой организаціей власти, которой одной долженъ принадлежать суверенитетъ въ отношеніи всѣхъ союзовъ, хотя бы преслѣдующихъ другія цѣли [2]).

---

[1]) Ср. также Bornhak: Allg. Staatslehre 1896 стр. 10.

О характерѣ дисциплинарной власти и въ частности дисциплинарной власти церкви, не составляющей въ собственномъ смыслѣ imperium см. Jellinek: System der subject. öffentl. Rechte 1892 стр. 203 сл.

Laband: D. Staatsrecht d. d. Reiches B. I 1901 стр 453 сл.

Hinschius: Назв. соч. стр. 301 сл., 354.

Herzfelder: Gewalt und Recht стр. 119.

[2]) Hinschius: Назв. соч. стр. 237 сл.

Digitized by Google

Мы, такимъ образомъ, приходимъ къ заключенію, что ни въ какомъ случаѣ нельзя утверждать, какъ это дѣлаетъ Ремъ, что съ суверенитетомъ государства совмѣстимо юридическое подчиненіе его власти церкви или религіознаго общественнаго союза. Одно изъ двухъ: религіозное общество или церковь есть союзъ чисто духовнаго характера, осуществляющій свою духовную миссію часто моральными средствами и силами и авторитетомъ, какъ это указываетъ Зомъ, и тогда ни о какой юридической зависимости государства отъ церкви не можетъ быть и рѣчи, или же такой религіозный союзъ обладаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстной юридической организаціей властованія т. е. правовой внѣшней принудительной силой, направленной на поддержаніе этой организаціи и спеціальныхъ задачъ союза, и тогда въ предѣлахъ государственной территоріи такой религіозный союзъ, какъ и всякій другой союзъ, какія бы онъ цѣли не преслѣдовалъ, подчиняется верховному властованію государству, какой бы обширной автономіей онъ не пользовался. Понятно поэтому, что непрекращающееся стремленіе католической церкви къ властованію, независимому отъ государства, и даже господству надъ самимъ государствомъ, какъ противорѣчащее всей сущности государства, встрѣчало и встрѣчаетъ энергичный отпоръ со стороны государственной власти и заставляетъ послѣднюю съ особенной бдительностью регулировать положеніе католической церкви въ государствѣ.

Суверенитетъ означаетъ собой не только, какъ думаетъ Ремъ, безусловную независимость свѣтской территоріальной власти отъ всякой другой свѣтской же территоріальной власти, но такой характеръ государственной власти, въ силу котораго она является безусловно высшей правовою властью въ предѣлахъ своей территоріи, и, какъ таковая не зависитъ отъ всякой другой организованной власти, хотя бы это была власть церкви.

Противъ самыхъ стремленій освободить церковь въ ея внѣшней организаціи отъ юридическаго подчиненія государству

Digitized by Google

справедливо возражалъ Шталь: «Возстановленіе свѣтской суверенной церкви, освобожденіе ея отъ всякаго юридическаго подчиненія государству, необходимо приведетъ къ юридическому господству ея надъ государствомъ, какъ въ средніе вѣка. Какая же польза въ томъ, замѣчаетъ Шталь, если всемогущество государства будетъ замѣнено всемогуществомъ церкви, а власть королей властью священниковъ [1])?»

Къ тому же, добавимъ мы, съ точки зрѣнія Рема, церковь сама тогда превратится въ государство.

---

[1]) Stahl: Die Staatslehre 1856 стр. 161.

Digitized by Google

ГЛАВА III.

Принципы монархическаго и народнаго суверенитета и ученіе о субъектѣ и носителѣ суверенной власти.

Вслѣдствіе весьма долгаго отождествленія государства съ однимъ изъ его элементовъ, съ монархомъ или съ народомъ, образовались такія понятія, какъ монархическій, народный, національный суверенитетъ, и даже суверенитетъ того или другого государственнаго учрежденія, напримѣръ, парламента (Блэкстонъ). Такими понятіями выражается не опредѣленный характеръ государственной власти, въ силу котораго государство является высшимъ и независимымъ союзомъ властвованія, но или неограниченная власть одного какого-нибудь отдѣльнаго органа государства, или же сравнительно высшее, по сравненію со всѣми другими органами, лицами или учрежденіями въ государствѣ, юридическое положеніе извѣстнаго органа власти, напримѣръ, монарха въ монархіи или народа въ республикѣ.

На такихъ основаніяхъ во французской публицистической литературѣ суверенитетъ отождествляется всегда съ принципомъ народовластія, а въ государствахъ съ монархическимъ строемъ встрѣчается наоборотъ, весьма частое отождествленіе суверенитета съ такъ называемымъ «монархическимъ принципомъ».

Смѣшивая такимъ образомъ монархическій принципъ съ суверенитетомъ, выводятъ отсюда положеніе, что даже

Digitized by Google

конституціонный монархъ является носителемъ всей государственной власти и главой государства, сувереномъ.

Это особенно выражено въ § 57 актовъ Вѣнскаго конгресса: «Такъ какъ германскій союзъ, за исключеніемъ вольныхъ городовъ, состоитъ изъ суверенныхъ государей, то изъ этого основного понятія вытекаетъ, что вся государственная власть остается соединенной въ лицѣ главы государства, и суверенъ можетъ быть связанъ въ силу конституціи содѣйствіемъ сословнаго представительства лишь только въ осуществленіи опредѣленныхъ правъ».

На такомъ же основаніи Меттернихъ объявляетъ противными международному праву, какъ подрывающія легитимную монархію, конституціи: Неаполитанскую, Сардинскую и Испанскую.

Конгрессы въ Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ полагаютъ даже принципъ легитимной монархіи и монархическаго суверенитета въ основу всего государственнаго строя Европы и и утверждаютъ на немъ право вмѣшательства во внутреннія дѣла другихъ государствъ для защиты этого принципа [1]).

Также, когда послѣдовала реставрація Бурбоновъ во Франціи послѣ паденія Наполеона, въ конституціонной хартіи 4 іюня 1814 г., октроированной французскому народу Людовикомъ XVIII-мъ, король, «призванный Божественнымъ Провидѣніемъ въ свое государство послѣ долгаго отсутствія», признается верховнымъ главой государства, который добровольно, въ силу своего королевскаго полновластія, ограничиваетъ свободное осуществленіе своей королевской власти (libre exercice de notre autorité royale) участіемъ народнаго представительства [2]).

Особенно въ Германіи, гдѣ монархическая власть играетъ весьма крупную активную роль въ политической жизни,

---

[1]) Jellinek: Das Recht d. mod. Staates B. I s. 428 сл.

[2]) Duguit et Monnier: Les constitutions et les principales lois politiques de la France depuis 1789. Paris 1898. Textes, p. 183 сл.

Digitized by Google

и гдѣ монархическія традиціи весьма сильны, въ конституціяхъ и въ литературѣ публичнаго права монархъ, несмотря на ограниченіе его власти народнымъ представительствомъ, принципіально признается носителемъ всей государственной власти и сувереномъ [1]).

Еще въ заключительныхъ актахъ Вѣнскаго конгресса, касающихся устройства германскихъ государствъ, на основѣ которыхъ возникли конституціи отдѣльныхъ германскихъ государствъ, германскіе государи были признаны суверенными носителями всей государственной власти. Это начало монархическаго полновластія и признаніе конституціоннаго монарха сувереномъ и главой государства или прямо или косвенно выражены въ конституціяхъ германскихъ государствъ [2])

Въ такомъ смыслѣ толкуется юридическое положеніе монарха и въ германской литературѣ государственнаго права [3]).

Въ Баварской конституціи Tit. II § 1 сказано: «король— верховный глава государства, обладаетъ всѣми правами государственной власти и осуществляетъ ихъ согласно съ установленными имъ въ настоящей конституціи опредѣленіями».

Брауншвейгская конституція § 3 и Рудольфштадская § 1 прямо называютъ монарха «суверенным главой государства, соединяющимъ въ себѣ нераздѣльно всю государственную власть» [4]).

Это признаніе монарха сувереномъ и носителемъ государственной власти во всей ея полнотѣ не означаетъ собой по объясненію германскихъ ученыхъ, что власть монарха безгранична, такъ какъ въ силу конституціи монархъ обя-

---

[1]) См., напримѣръ, Laband: Das Staatsrecht des deutchen Reiches. B. I. 1901 стр. 195: Der Kaiser ist nicht Monarch des Reiches, d. h Souverän desselben.... Крайнее выраженіе этой теоріи у Шталя см. Stahl: Die Staatslehre 1856 стр. 239—247.

[2]) См. перечисленіе этихъ конституцій у G. Meyer: Lehrb. d. d. Staatsrechtes 1895 s. 220 Anm. 7, 8.

[3]) Особенно характерно въ этомъ отношеніи ученіе Шталя. См. Stahl: Die Staatslehre 1856 стр. стр. 191, 239 сл.

[4]) Ср. Rehm: Allg. Staatslehre. Стр. 177.

Digitized by Google

занъ при осуществленіи своихъ правъ соблюдать извѣстныя формы и связанъ соучастіемъ другихъ органовъ, но означаетъ лишь неделегированный характеръ власти монарха и создаетъ въ пользу монарха презумпцію управомочія: а именно, ему принадлежатъ всѣ полномочія, которыя не изъяты у него спеціально, тогда какъ другимъ органамъ принадлежатъ лишь тѣ полномочія, которыя опредѣленно присвоены имъ [1]).

Нѣмецкіе публицисты, особенно приверженные къ идеѣ монархическаго суверенитета, какъ Зейдель, толкуютъ указанную нами выше статью Баварской конституціи, въ силу которой монархъ объявляется носителемъ всей государственной власти и верховнымъ главой государства въ томъ смыслѣ, что монарху принадлежитъ по собственному праву всеобъемлющая, хотя и ограниченная (!) власть надъ государствомъ. «Не королевская власть существуетъ въ силу конституціи», говоритъ Зейдель, «а конституція въ силу королевской власти. Поэтому гарантія ея соблюденія королемъ заключается лишь въ совѣсти монарха, религіозномъ обѣщаніи, клятвѣ монарха» [2]). Выходитъ, что конституція для монарха есть юридическій нуль. Такой взглядъ Зейделя вполнѣ объясняется его неправильнымъ ученіемъ, что монархъ есть не органъ государства, а суверенный субъектъ властвованія, стоящій надъ государствомъ, тогда какъ государство лишь объектъ его власти [3]).

Карлъ Риккеръ утверждаетъ даже, что въ германскихъ конституціонныхъ монархическихъ государствахъ только одинъ

---

[1]) Ср. G. Meyer: Lehrb. d. d. Staatsr. S. 220.

Ср. также замѣчаніе Batbie: Traité théorique et pratique de droit public et administratif. 2 éd. Paris. 1885 III, p. 127 suiv.

[2]) M. v. Seydel: Bayer. Staatsrecht. B. I 1896 стр. 170.

Также Fr. Hauke: Die geschichtlichen Grundlagen des Monarchenrechts. 1894 стр. 107 сл.

Противъ такихъ выводовъ вооружался даже Шталь: „Законъ долженъ быть для монарха не только внутреннимъ требованіемъ его совѣсти, какъ это утверждаютъ абсолютисты, но его внѣшней государственно-правовой границей". См. Stahl: Die Staatslehre 1856 стр. стр. 256—259.

[3]) Критику теоріи Зейделя см. Rehm: Allg. Staatslehre стр. 156 сл.

Digitized by Google

монархъ—непосредственный органъ государства, и его воля—воля государства. Народное же представительство, хотя и имѣетъ закономъ опредѣленное вліяніе (Einfluss) на образованіе государственной воли, но не есть органъ государства и не имѣетъ участія (Antheil) въ государственной власти; воля государства образуется лишь монархомъ. Законъ поэтому есть воля одного монарха, а не народнаго представительства. Наоборотъ, въ демократіяхъ и въ парламентарныхъ монархіяхъ (Англія, Швеція) дѣйствительнымъ органомъ государства, по мнѣнію Риккера, является лишь народное представительство [1]).

Эта идея монархическаго суверенитета, понимаемая въ томъ смыслѣ, что монархъ, какъ индивидъ, обладаетъ личнымъ собственнымъ правомъ властвованія, а не въ силу правового порядка, ex jure publico, представляетъ собой отголосокъ прежнихъ патримоніальныхъ воззрѣній [2]) и отношеній и тѣхъ естественноправовыхъ теорій государства, въ которыхъ оно отождествлялось совершенно съ личностью представлявшаго его правителя [3]). Обыкновенный выводъ изъ этихъ теорій тотъ, что монархъ отдѣляется отъ государства и возвышается надъ нимъ, какъ надъ объектомъ своего властвованія. Такимъ же отголоскомъ историческихъ традицій и ученій патріоніальнаго и абсолютнаго государства является ученіе о конституціонномъ монархѣ, какъ носителѣ всей государственной власти, всѣхъ функцій этой власти, противъ котораго возставалъ еще въ Германіи Роттекъ и Шмиттенеръ [4]).

[1]) K. Ricker: Die rechtliche Natur der modernen Volksvertretung (въ Zeitschrift für Litteratur und Geschichte der Staatswissenchaften herausg. v. K. Frankenstein. 1894 г. Bd. II, стр. 45—67.

[2]) См., напримѣръ, Maurenbrecher: „Die regierenden Fürsten und die Souveränetät" 1839 стр. 167.

О Мауренбрехерѣ см. выше ч. I стр. 270.

[3]) Ср. Jellinek: Das Recht d. mod. Staates B. I стр. 429, 613—629.

Его же критику въ Archiv f. öffentl. Recht VIII стр. 175 сл. мнѣнія Бернацика (Republik und Monarchie 1892 стр. 27 сл.), что монархъ властвуетъ по собственному праву, а президентъ республики лишь въ силу делегаціи государства.

[4]) V. Rottek: Lehrbuch d. Vernunftrechts und d. Staatsw. 1829 II § 80.

Digitized by Google

Германскіе ученые, основываясь на буквѣ отдѣльныхъ статей конституцій, объявляющихъ монарха суверенным главой государства, держателемъ всей нераздѣльной государственной власти, построили цѣлое ученіе о такъ называемомъ «носителѣ государственной власти». Понятіе «носителя государственной власти» они отличаютъ отъ понятія «органа государства».

Приведемъ здѣсь для примѣра два ученія.

Георгъ Мейеръ [1]) говоритъ: государство есть отвлеченное понятіе, абстракція. Оно нуждается въ физическихъ лицахъ для осуществленія его правъ. Лицо или совокупность лицъ, которыя призваны къ такому осуществленію и выражаютъ своей волей и дѣйствіями волю и дѣйствіе государства, называются органами государства. Господствующая въ государствѣ высшая власть называется государственной властью (въ субъективномъ смыслѣ). Осуществленіе верховныхъ правъ властвованія можетъ быть перенесено въ государствѣ или на одинъ органъ, такъ напр. въ абсолютныхъ монархіяхъ на монарха, въ чистыхъ демократіяхъ на совокупность соединенныхъ въ народномъ собраніи гражданъ, или же, какъ въ конституціонныхъ монархіяхъ и представительныхъ демократіяхъ, на нѣсколько органовъ, взаимодѣйствіе которыхъ опредѣлено конституціей. Но, кромѣ понятія «органа», существуетъ еще понятіе «носителя государственной власти». Носителемъ государственной власти является то физическое лицо или множество лицъ, которымъ принадлежитъ государственная власть по собственному праву; они или сами осуществляютъ эту власть или отъ имени ихъ

Smitthener: Grundlinien d. allg. oder idealen Staatsrechtes 1845 стр. 279 сл. 379—380.

Rehm: Allg. Staatslehre стр. 254 объясняетъ эти выводы Роттека тѣмъ, что онъ былъ прежде всего не теоретикомъ, а практическимъ политикомъ, но мы думаемъ, что и теоретическая истина лежитъ на сторонѣ Роттека, а не Рема.

[1]) G. Meyer: Lehrbuch d. d. Staatsrechtes. 1895 стр. 12 сл.

Digitized by Google

эта власть осуществляется другими [1]). Монархъ, напримѣръ, есть носитель государственной власти, а, осуществляющій вмѣсто него власть, регентъ, есть только органъ государства. Впрочемъ, Георгъ Мейеръ опровергаетъ мнѣніе Лабанда, Цорна и Трипеля, что понятіе «носителя государственной власти» необходимо вытекаетъ изъ единства и недѣлимости государственной власти, такъ какъ единство государственной власти не исключаетъ возможности существованія нѣсколькихъ органовъ, выражающихъ совокупно это единство. Такъ, напримѣръ, въ старой Германской Имперіи носителемъ имперской власти были совмѣстно императоръ и имперскіе чины, въ Англіи—парламентъ, т. е. король и обѣ палаты. Не теоретическія разсужденія, но опредѣленія конституцій, заставляютъ насъ, говоритъ Г. Мейеръ, установить понятіе носителя государственной власти, иначе нельзя дать юридическаго построенія этихъ конституцій. Въ силу этихъ конституцій, говоритъ Г. Мейеръ, юридическій обладатель верховныхъ правъ и тѣ лица, коимъ ввѣрено ихъ осуществленіе, не совпадаютъ. Въ современныхъ представительныхъ демократіяхъ народъ является носителемъ власти, тогда какъ президентъ, правительственная коллегія, парламентарныя собранія разсматриваются какъ органы государства. Особенно наглядно выраженъ этотъ принципъ въ конституціи Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ конституціяхъ монархическихъ государствъ монархъ разсматривается какъ носитель всей государственной власти, какъ напримѣръ, во французской хартіи 1815 и нѣмецкихъ конституціяхъ, народное же представительство является лишь ограничивающимъ его элементомъ. Практическое слѣдствіе этого принципа то, что признаются принадлежащими монарху всѣ верховныя права, которыя спеціально у него не отняты, тогда какъ народному представительству принадлежатъ лишь т о л ь к о тѣ права, которыя спеціально за нимъ признаны. Другія конституціи исходятъ изъ принципа

[1]) Ср. также Schlief: Die Verfassung d. nordamerik. Union 1880 стр 35 сл.

Digitized by Google

народнаго суверенитета. Народъ разсматривается въ нихъ какъ источникъ и начало всѣхъ властей, отъ котораго и самъ монархъ получаетъ свои полномочія. Монархъ здѣсь является не носителемъ, но лишь органомъ государственной власти. Такое воззрѣніе проводится въ тѣхъ конституціяхъ, которыя возникли въ силу революціоннаго переворота, какъ напримѣръ, въ Бельгійской конституціи 1831 § 25. Далѣе, въ тѣхъ странахъ, гдѣ должность первоначально республиканскихъ магистратовъ сдѣлалась впослѣдствіи наслѣдственной (Наполеонъ I и Наполеонъ III). Во всякомъ случаѣ, замѣчаетъ Г. Мейеръ, этимъ ученіемъ о носителѣ власти не нарушается основной принципъ, что право властвованія принадлежитъ государству; понятіемъ носителя государственной власти указываются лишь тѣ лица, въ коихъ по смыслу конституціи воплощается государство, и въ которыхъ заключается источникъ и основа государственной власти [1]).

Подобное же воззрѣніе развиваетъ Ремъ [2]). Онъ называетъ носителями государственной власти тѣ «физическія лица, которыя съ внѣшней стороны образно, тѣлесно, представляютъ всю или большую часть принадлежащей государству власти». Носитель государственной власти является высшимъ органомъ государства, отъ имени котораго дѣйствуетъ большинство органовъ государства. Такъ какъ онъ является высшимъ представителемъ субъекта государственной власти (т. е. самого государства), то онъ безотвѣтственъ. Носителемъ государственной власти можетъ быть только лицо, юридическое положеніе котораго имѣетъ не временный, но относительно постоянный характеръ, такъ какъ и само государство, власть котораго воплощаетъ такой носитель, имѣетъ характеръ неопредѣленно постоянный, а не временный. Регентъ поэтому не можетъ быть носителемъ государственной власти. Не можетъ быть далѣе носителемъ государственной власти

[1]) G. Meyer: тамъ же стр. 15 пр. 10.

[2]) Rehm: Allg. Staatslehre стр. 176 сл.

Digitized by Google

юридическое лицо, такъ какъ оно не можетъ воплощать государство. Итакъ, заключаетъ Ремъ, «носителемъ государственной власти является то физическое лицо или коллегіально организованное множество физическихъ лицъ, которое изображаетъ высшаго, постоянно управомоченнаго представителя государства, какъ субъекта государственной власти, и во имя котораго, въ случаѣ сомнѣнія, дѣйствуютъ всѣ другіе органы государства». Какъ же объясняетъ Ремъ необходимость этого понятія носителя власти? Государство, говоритъ онъ, есть юридическое лицо, абстракція, поэтому субъектъ государственной власти невидимъ ни для подданныхъ, ни для другихъ государствъ. Вотъ поэтому и цѣлесообразно [1]), чтобы государственная власть нашла въ комъ нибудь свое воплощеніе. Такой видимой государственной власти будетъ оказываться такое же полное повиновеніе, какъ и невидимой, а извнѣ послѣдняя будетъ въ большей мѣрѣ уважаема. Вотъ почему во всѣхъ государствахъ существуетъ такое воплощеніе государственной власти [2]). Такимъ образомъ, въ то время какъ Г. Мейеръ объясняетъ необходимость понятія конкретнаго носителя государственной власти невозможностью иначе конструировать юридическія отношенія, вытекающія изъ положительныхъ опредѣленій конституцій, Ремъ объясняетъ эту необходимость лишь цѣлесообразностью, т. е. чисто политическими соображеніями. Однако Г. Мейеръ и Ремъ, какъ и большинство писателей, придерживающихся понятія носителя государственной власти, вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно правильно признаютъ, что субъектомъ государственной власти является само государство, какъ юридическое лицо, а не мо-

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Rehm: Allg. Staatslehre стр. 176.

Ср. также Stahl: Die Staatslehre 1856 стр. 239 сл.

„Монархъ обладаетъ властью, какъ суверенъ государства, такъ какъ онъ его представляетъ, т. е. отождествляется съ государствомъ, олицетвореніемъ котораго монархъ является". Шталь поэтому вполнѣ одобряетъ выраженіе Людовика XIV „государство—это я", но находитъ только, что Людовикъ дѣлалъ изъ него неправильные выводы.

Digitized by Google

нархъ, народъ или какой-либо органъ въ государствѣ, и что лица и учрежденія въ государствѣ, осуществляющія власть государства, являются юридически лишь его органами. Но если субъектомъ государственной власти является само государство, а осуществляется эта власть органами государства, изъ которыхъ опредѣленные органы являются высшими по сравненію со всѣми другими, то спрашивается какой же юридическій смыслъ можетъ имѣть еще особое понятіе «носителя власти». Одно изъ двухъ: носителемъ власти можно называть или самого субъекта этой власти, т. е. государство, и это вполнѣ правильно, или же называть такъ органъ государства, хотя бы и высшій, какъ напримѣръ монарха въ монархіи или народъ въ республикѣ. Для чего же тогда вводить еще новое и весьма шаткое понятіе «носителя власти» (Träger der Staatsgewalt). Доводы въ пользу этого понятія, приводимые указанными выше писателями, далеко не отличаются убѣдительностью. Намъ представляются вполнѣ справедливыми тѣ возраженія, которыя встрѣтило въ научной литературѣ это ученіе о носителѣ государственной власти. Приведемъ здѣсь наиболѣе обстоятельно мотивированное возраженіе одного изъ самыхъ выдающихся государствовѣдовъ проф. Георга Еллинека [1]).

— Подъ вліяніемъ естественноправовыхъ ученій, говоритъ Еллинекъ, проникло въ конституціи положеніе, что вся государственная власть въ ея совокупности принадлежитъ монарху или народу.

Это положеніе имѣетъ не нормативный, но теоретическій характеръ и поэтому задача научной критики —выяснить основательность подобнаго воззрѣнія. Здѣсь мы замѣчаемъ вліяніе доктрины о двойномъ суверенитетѣ. Представленіе, что въ государствѣ должны быть люди, которымъ по собственному праву принадлежитъ суверенитетъ государства, весьма немногими вполнѣ послѣдовательно отвергается, несмотря на со-

[1]) См. Jellinek: Das Recht des mod Staates B. I стр. 505 сл.

Digitized by Google

знаніе всѣхъ противорѣчій, связанныхъ съ такимъ представленіемъ.

Это обстоятельство доказываетъ, съ какой силой живутъ по исторической традиціи мнимо побѣжденныя идеи. Въ связи съ этимъ воззрѣніемъ и образовалось политическое ученіе, задрапированное въ тогу юридическихъ положеній, что въ каждомъ государствѣ существуетъ особый носитель государственной власти, возвышающійся надъ всѣми органами его. Носителемъ государственной власти, утверждаетъ справедливо Еллинекъ, является государство и больше никто. Утверждая, что въ государствѣ существуетъ еще другой носитель этой власти, разрываютъ государство на двѣ части: на корпоративный союзъ и физическаго носителя власти. Одно изъ двухъ: или этотъ носитель является въ отношеніи къ государству его органомъ, тогда названіе «носитель власти» ничего не выражаетъ; или же это не органъ, а лицо, тогда носитель власти противупоставляется государству въ качествѣ самостоятельнаго субъекта власти. Такимъ образомъ мы опять возвращаемся къ извѣстному дуалистическому ученію о regnum и rex, выражаемому лишь въ новой формѣ. Послѣдовательно, поэтому, съ своей точки зрѣнія поступаютъ лишь приверженцы теоріи, отрицающей корпоративный характеръ государства, и потому признающіе лишь личнаго, конкретнаго, носителя власти (Herrscher theorie)

Говорятъ о воплощеніи государственной власти. Но можно-ли дѣйствительно видѣть эту власть? Не является-ли эта тѣлесность государственной власти скорѣе результатомъ спутаннаго психологическаго самообмана? Вѣдь ясно, что въ крупныхъ республикахъ никогда нельзя увидѣть организованный народъ въ качествѣ носителя власти [1]). Государ-

[1]) Не даромъ, добавимъ мы къ замѣчанію Еллинека, Шталь съ точки зрѣнія своей теоріи воплощенія государственной власти признавалъ недостаткомъ республиканскаго строя, что здѣсь народъ „не можетъ лично осуществлять кое-что, относящееся къ суверенитету“. См. Stahl: Staatslehre 1856 стр. 191 пр. 2.

Digitized by Google

ственную власть, какъ и всѣ правовыя понятія, увидѣть нельзя. Никто никогда не видѣлъ ни найма, ни купли, несмотря на то, что такъ много лицъ заключаютъ эти юридическія сдѣлки. Кромѣ того, такое понятіе носителя власти является для государственнаго права большинства государствъ въ высшей мѣрѣ вводящимъ въ заблужденіе. Безвредно оно, говоритъ Еллинекъ, только для абсолютной монархіи. Для всѣхъ другихъ государствъ ученіе о юридической концентраціи всѣхъ правъ государственной власти въ одномъ главномъ органѣ, по справедливому замѣчанію Генеля [1]), покоится на политической доктринѣ, которая стоитъ въ неразрѣшимомъ противорѣчіи съ положительнымъ конституціоннымъ правомъ. Противъ замѣчанія Георга Мейера, что понятіе носителя власти есть лишь юридическое выраженіе для опредѣленій нѣмецкихъ конституцій, гласящихъ, что монархъ соединяетъ въ себѣ всѣ права государственной власти, Еллинекъ справедливо возражаетъ, что юридическая сущность этого положенія состоитъ въ томъ, что права монарха нельзя производить отъ другого органа; но и палаты также имѣютъ права, которыя никоимъ образомъ не исходятъ отъ монарха. Научная критика не должна останавливаться передъ конституціонными текстами, значеніе которыхъ имѣетъ только историческій характеръ [2]).

Но отвергая возможность иного носителя власти, кромѣ самого государства, Еллинекъ указываетъ, что въ каждомъ государствѣ есть высшій органъ, приводящій въ движеніе всю государственную дѣятельность, и которому принадлежитъ власть окончательнаго рѣшенія въ вопросахъ объ измѣненіи

---

[1]) Haenel: D. Staatsrecht B. I 1892 стр. 93.

[2]) Jellinek: D. Recht d. m. Staates B. I. 1900 стр. 505 сл.

См. также Affolter: Grundzüge d. allg. Staatsrechts 1892 стр. 10.

Landesberger in Grünhut's Zeitschrift f. d. pr. und. öffentl. Recht der Gegenwart B. XVIII стр. 252 сл.

Bruno Schmidt: Der Staat 1896 стр. 112 сл.

Digitized by Google

въ правовомъ строѣ государства. Органъ этотъ даже можетъ поставить на карту самое существованіе государства, осуществляя право объявленія войны. Такимъ органомъ въ монархіяхъ является монархъ, въ демократіяхъ народъ или его второстепенные органы. Въ Германской Имперіи такимъ органомъ являются союзныя правительства. Но во всякомъ случаѣ, компетенція высшаго органа ограничена опредѣленной въ конституціи компетенціей другихъ органовъ. Тамъ, гдѣ существуетъ нѣсколько непосредственныхъ органовъ, ни одинъ изъ нихъ не подчиненъ власти другого. Монархъ высшій органъ по сравненію съ палатами, но онъ ничего не можетъ послѣднимъ приказать, и палаты передъ нимъ ни въ чемъ не отвѣтственны. Монархъ можетъ распустить палаты, но не можетъ опредѣлять содержаніе ихъ дѣятельности. То же можно сказать и объ отношеніяхъ первоначальнаго органа къ второстепенному. Народъ, напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки избираетъ президента, какъ представителя первоначально народу принадлежащей исполнительной власти, но не можетъ связывать президента никакими порученіями: президентъ не имѣетъ надъ собой никакого начальника. Нормально въ государствѣ бываетъ лишь одинъ высшій органъ. Исключеніе изъ этого правила представляетъ демократическое союзное государство. Здѣсь два высшихъ органа: весь народъ союзнаго государства, какъ единое цѣлое, и отдѣльныя государства—члены. Такъ, напримѣръ, дѣло обстоитъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки и въ Швейцаріи. Эти два высшихъ первоначальныхъ органа въ своей совмѣстной дѣятельности осуществляютъ свои конституціонныя функціи. Конституціонныя измѣненія могутъ произойти лишь въ силу согласія этихъ двухъ органовъ, при чемъ въ Соединенныхъ Штатахъ по вопросу объ измѣненіи конституціи вмѣсто штатовъ функціонируютъ ихъ второстепенные органы—законодательныя собранія. «Это же показываетъ, говоритъ Еллинекъ, какой ограниченной компетенціей

Digitized by Google

можетъ быть надѣленъ высшій органъ» [1]). Въ силу этихъ соображеній Еллинекъ справедливо называетъ принципъ полновластія конституціоннаго монарха—фикціей [2]).—

Монархъ есть высшій органъ государства, а не отдѣльная въ отношеніи къ государству личность. Органъ же государства не имѣетъ никакой власти по собственному праву [3]): власть принадлежитъ самому государству. Органъ дѣйствуетъ какъ государство, осуществляя его власть въ предѣлахъ опредѣленной компетенціи. Въ конституціонномъ государствѣ существуютъ не только подчиненные монарху органы, но и непосредственные самостоятельные органы, которые независимо отъ монарха въ силу конституціи дѣйствуютъ въ предѣлахъ своей компетенціи. Таковымъ органомъ, напримѣръ, является народное представительство, которое ограничиваетъ монарха и связываетъ его волю въ важнѣйшей функціи государства, въ законодательствѣ.

Лабандъ, различая въ законѣ его содержаніе (Gesetzesinhalt) и содержащійся въ немъ приказъ (Gesetzesbefehl), говоритъ, что въ конституціонной монархіи монархъ есть единый носитель единой и нераздѣльной государственной власти, а слѣдовательно, и законодательной, потому что онъ одинъ въ правѣ

---

[1]) Jellinek: тамъ же. стр. 509. Замѣтимъ, что самъ Rehm: Allg. Staatsl. стр. 195 доказываетъ, что въ государствѣ можетъ быть нѣсколько органовъ, осуществляющихъ верховную власть, изъ которыхъ ни одинъ не является высшимъ. Но тогда значитъ въ такомъ государствѣ нѣтъ и носителя власти, или такимъ носителемъ является сложное цѣлое, совокупность этихъ органовъ, т. е. опять таки абстракція, для воплощенія которой Рему именно понадобилось его понятіе „носителя власти".

[2]) Jellinek: Назв. соч. стр. 620 сл. 504—513.

[3]) Ср. также Rosin: Souveränität, Staat, Gemeinde, Selbstverwaltung (въ Annalen d. D. Reiches 1883 стр. 280).

Отъ собственнаго права властвованія, которое принадлежитъ государству, должно отличать собственное право на то, чтобы быть органомъ государства. Такое право быть высшимъ органомъ принадлежитъ монарху, какъ лицу, въ силу конституціи, а не въ силу делегаціи другого органа.

Ср. также Gerber: Grundzüge eines Systems d. D. Staatsrechts 1869 стр. 72 сл.

Digitized by Google

издавать законы, т. е. издавать государственные приказы, т. е. санкціонировать законы. Народное представительство, органы провинціальныхъ и коммунальныхъ союзовъ и другіе могутъ во силу конституціи участвовать лишь въ установленіи содержанія закона, но санкціонировать законъ, обращать его въ приказъ, и такимъ образомъ проявлять въ санкціи непосредственно государственную волю и власть можетъ лишь одинъ монархъ. Верховное право государственной власти, по мнѣнію Лабанда, выражается не въ установленіи содержанія закона, но въ санкціи его. Санкція одна представляетъ собой законодательство въ государственноправовомъ смыслѣ слова [1]). Вопросъ о субъектѣ законодательной власти тождественъ съ вопросомъ о носителѣ государственной власти, говоритъ Лабандъ. Выходитъ, что у Лабанда даже два субъекта законодательной, а слѣдовательно, и вообще государственной власти: государство и монархъ. Это ученіе Лабанда, что въ конституціонныхъ монархіяхъ законодательная власть, по крайней мѣрѣ въ германскихъ государствахъ, принадлежитъ одному монарху, аналогично съ ученіемъ Бодена и Руссо, что законъ получаетъ свою силу только отъ суверена — монарха или народа, а потому всѣ прочія органы не имѣютъ никакого права самостоятельнаго участія въ законодательствѣ. Ученіе это является весьма распространеннымъ среди германскихъ ученыхъ. Въ эту теорію была внесена нѣкоторыми только поправка въ томъ смыслѣ, что народное представительство не только участвуетъ въ установленіи содержанія закона, но что его предварительнымъ согласіемъ обусловлено и самое надѣленіе закона обязательной силой со стороны монарха, т. е. изданіе законодательнаго приказа (Gesetzesbefhles). Монархъ не

---

1) Laband: Das Staatsrecht. d. D. Reiches. B. II, 1901, стр. 3—6, 26 сл. Также M. v. Seydel: Bayeriches Staatsrecht B. II 1896, стр. 310 сл. Zorn: Das Staatsrecht d. Deutschen Reiches 1880 B. I стр. 111 сл.

Digitized by Google

имѣетъ права санкціонировать законопроэктъ, непринятый народнымъ представительствомъ [1]).

Такимъ образомъ формулируется положеніе, что въ конституціонныхъ монархіяхъ законодательная власть принадлежитъ одному монарху, который лишь въ осуществленіи ея ограниченъ, связанъ согласіемъ народнаго предствительства. Дѣло, конечно, иначе обстоитъ въ Англіи, гдѣ въ силу конституціи законъ разсматривается какъ совмѣстный актъ воли обѣихъ палатъ и короля, но въ континентальныхъ государствахъ съ преобладающей монархической властью законодательный актъ, по ученію германскихъ государствовѣдовъ, является исключительно актомъ воли одного монарха, на который парламентъ далъ лишь свое согласіе. Не входя здѣсь въ разборъ ученія о юридическомъ значеніи законодательной санкціи, обратимъ вниманіе на то, что, какъ справедливо замѣтилъ уже проф. Коркуновъ, [2]) подведеніе участія палатъ въ законодательствѣ подъ понятіе «согласія» противорѣчитъ прямому смыслу многихъ конституцій, обыкновенно требующихъ для изданія законовъ именно не согласія, а с о г л а ш е н і я монарха и палатъ (конституціи Прусская 62, Испанская 18, Шведская 87). Другіе конституціи прямо опредѣляютъ, что законодательная власть осуществляется с о в м ѣ с т н о монархомъ и палатами (Бельгійская 25, Голландская 109, Итальянская 3, Датская 2, Румынская 32, Сербская 33, Греческая 22). Португальская же конституція (ст. 13) даже прямо предоставляетъ законодательную власть кортесамъ лишь подъ условіемъ ограниченія ея правомъ королевской санкціи, а Норвежская предоставляетъ ее стортингу даже безъ такой оговорки [3]). Допустимъ даже, что въ силу опредѣленій конституцій германскихъ государствъ законодательная власть принадлежитъ

[1]) G. Meyer: Lehrb. d. d. Staatsr. 1895 стр. 491.
[2]) Коркуновъ: Указъ и Законъ 1894 стр. 147.
[3]) См. Коркуновъ: Указъ и Законъ стр. 147.

Digitized by Google

исключительно королю, хотя этому явно противорѣчитъ, напримѣръ, параграфъ 62 прусской конституціи, который гласитъ: «законодательная власть осуществляется сообща (gemeinschaftlich) королемъ и обѣими палатами ландтага, палатой господъ и и палатой депутатовъ. Соглашеніе (Uebereinstimmung) короля и обѣихъ палатъ ландтага требуется для каждаго закона». Прусскіе юристы усматриваютъ тутъ лишь мнимое противорѣчіе буквальнаго смысла конституціи принципу, что законодательная власть принадлежитъ лишь королю, и ссылаются въ доказательство своего мнѣнія на монархическій характеръ прусскаго государства и на вступительную формулу всѣхъ законовъ: «Мы, король, повелѣваемъ съ согласія обѣихъ палатъ ландтага»[1]). Право законодательства, право издавать Gesetzesbefehl, утверждаетъ, напримѣръ Борнгакъ, принадлежитъ исключительно королю, палатамъ же принадлежитъ лишь совмѣстное съ королемъ осуществленіе этого права [2]).

Но если допустить и такое натянутое толкованіе, то все же опредѣленія конституціи, отражающія въ себѣ традиціи абсолютнаго монархическаго принципа, не могутъ препятствовать научной критикѣ установить истинную юридическую сущность отношеній короля и народнаго представительства въ области законодательной власти въ конституціонной монархіи. Въ германскихъ конституціонныхъ государствахъ, какъ и во всякомъ современномъ правомѣрномъ государствѣ, субъектомъ законодательной власти, какъ и вообще всей государственной власти, является не то или другое лицо, или органъ государства, но само государство [3]).

---

[1]) Bornhak: Preussisches Staatsrecht B. I 1888 стр. 491 сл.

[2]) Иначе въ Бельгіи, гдѣ публикаціонная формула гласитъ, что „Les chambres ont adopté et nous sanctionnons ce qui suit“, и въ Италіи: „Il senato e la Camera dei Deputati hanno approvato; Noi abbiamo sanzionato et promulghiamo quanto segue“.

См. Bornhak: назв. соч. стр. 492.

[3]) Ср. также Gareis: Allg. Staatsrecht въ Handb. d. öffentl. Rechts Marquardsen's 1887 B. I Hlb. I стр. 28 сл., стр. 35.

Digitized by Google

Монархъ есть органъ государства, осуществляющій и законодательную власть государства; но въ осуществленіи этой законодательной власти онъ необходимо связанъ соучастіемъ другого органа, народнаго представительства, который необходимо участвуетъ не только въ установленіи содержанія закона, но принимая законопроэктъ, даетъ тѣмъ самымъ свое согласіе на утвержденіе и промульгацію его монархомъ, т. е. на изданіе закона. Разъ всѣ эти моменты, предшествующіе санкціонированію закона монархомъ, имѣютъ для него такое юридическое значеніе, что не зависятъ отъ его личной воли (обойти эти моменты при изданіи закона монархъ никоимъ образомъ юридически не можетъ), то нельзя сводить всю законодательную власть въ конституціонномъ государствѣ къ послѣднему формальному моменту въ процессѣ законодательства—санкціи монарха, объявлять монарха исключительнымъ носителемъ власти и такимъ образомъ уничтожать всякое различіе между абсолютной и конституціонной монархіей [1]).

Тѣмъ болѣе нельзя, что субъектомъ законодательной власти, какъ и всей государственной власти является, какъ утверждаютъ и сами германскіе ученые, собственно не монархъ, а само государство.

Еллинекъ и другіе ученые справедливо доказываютъ, что монархъ есть только сравнительно высшій органъ государства, не осуществляющій исключительно государственнаго полновластія. Разъ монархъ не можетъ юридически самостоятельно опредѣлить содержаніе закона, а обязательно опредѣляетъ это содержаніе совмѣстно съ народнымъ представительствомъ, разъ самая санкція закона монархомъ обусловлена принятіемъ законопроэкта народнымъ представительствомъ, т. е. предварительнымъ согласіемъ народнаго представительства на изданіе закона, то нельзя говорить, что

[1]) Ср. также Коркуновъ: Указъ и Законъ 1894 стр. 145—152. Affolter: Grundzüge d. allg. Staatsrechts 1892 стр. 67—70.

Digitized by Google

конституціонный монархъ является исключительнымъ носителемъ законодательной власти. Государственная власть есть организованная волевая сила государства. Законодательство есть одна изъ функцій этой власти и слагается изъ цѣлаго ряда юридическихъ моментовъ. Санкція, промульгація и публикація являются лишь заключительными моментами этой законодательной функціи. Санкція законопроэкта—важнѣйшій моментъ въ законодательномъ процессѣ, [1]) но и этотъ важнѣйшій моментъ законодательнаго процесса, хотя онъ и осуществляется единолично королемъ, необходимо обусловленъ другимъ моментомъ, а именно, принятіемъ законопроэкта палатами.

Возражаютъ, что монархъ въ этомъ случаѣ ограниченъ лишь въ осуществленіи законодательной власти, но не въ самомъ правѣ на нее. Противъ этого должно замѣтить, что всѣ функціи монарха, какъ высшаго органа государства, именно и сводятся къ осуществленію не своихъ личныхъ верховныхъ правъ, а верховныхъ правъ самого государства, и, такимъ образомъ, участвуя въ установленіи закона, монархъ участвуетъ своей волей въ образованіи воли самого государства, выражающейся въ законѣ. Въ конституціонномъ же государствѣ воля государства въ законѣ не можетъ иначе образоваться, какъ въ силу состоявшагося согласно съ конституціей соглашенія монарха и палатъ. Если же стать на точку зрѣнія ученыхъ, утверждающихъ, что конституціонный монархъ является исключительнымъ носителемъ законодательной и всей вообще государственной власти, то этимъ, значитъ, совершенно уничтожить всякое различіе между абсолютной и конституціонной монархіей.

Политическія традиціи и тексты отдѣльныхъ параграфовъ конституцій, взятые внѣ связи со всѣмъ правовымъ поряд-

---

[1]) Промульгація и публикація совершаются даже президентами республикъ и второстепенными органами государства.

Digitized by Google

комъ конституціоннаго государства и самой сущностью его, не должны вводить насъ въ заблужденіе.

Юридическое положеніе конституціоннаго монарха въ государствѣ можетъ быть выяснено лишь на основаніи всей совокупности статей конституціи, въ связи со всѣмъ правовымъ строемъ даннаго государства и при научно-юридическомъ освѣщеніи его, а не при помощи тѣхъ или другихъ политическихъ тенденцій, хотя бы онѣ нашли свое выраженіе въ отдѣльныхъ статьяхъ конституціи.

Поэтому, мы отвергаемъ положеніе, что конституціонный монархъ есть носитель всей государственной власти и, что законодательная власть принадлежитъ только ему одному.

Государственная власть принадлежитъ лишь самому государству, какъ юридически организованному общественному союзу властвованія, какъ юридическому лицу публичнаго права. Различныя функціи этой власти могутъ осуществляться различными органами государства. Законодательная же функція или законодательная власть въ конституціонной монархіи осуществляется совмѣстно двумя органами, монархомъ и парламентомъ, даже въ государствахъ съ преобладающимъ монархическимъ началомъ. [1]).

[1]) Къ подобнымъ же выводамъ въ принципѣ приходитъ и Dr. I. Lucas: Die rechtliche Stellung des Parlamentes in der Gesetzgebung Oesterreichs und den konstitutionellen Monarchien des Deutschen Reiches. Graz. 1901. Критика Лабандомъ (въ Archiv f. öffentl. Recht B. 17. H. 4. 1902 стр. 589 сл.) положеній Lucas справедлива лишь въ опроверженіи неправильнаго вывода Lucas, что монархъ является лишь уполномоченнымъ посредствующимъ органомъ парламента въ объявленіи подданнымъ содержащейся въ законѣ законодательной воли парламента. Санкція и промульгація закона безспорно принадлежатъ въ нѣмецкихъ государствахъ монарху. Но этими актами не исчерпывается, какъ мы сказали, все понятіе законодательства и законодательной власти. Ссылка Лабанда на примѣры изъ частнаго права, что юридическая сдѣлка жены, на которую далъ согласіе мужъ, есть все же исключительно сдѣлка жены, а не общій актъ ея и мужа, и что сдѣлка члена торговаго товарищества, которую онъ совершилъ съ согласія socii, не есть ихъ общая сдѣлка, въ данномъ случаѣ не основательна, такъ какъ парламентъ не только обусловливаетъ, соглашается на объявленіе монархомъ законодательной воли, но и необходимо и обязательно устанавливаетъ самое содержаніе этой воли,

Digitized by Google

Власть конституціоннаго монарха ограничена властью другихъ органовъ. Въ силу особаго привиллегированнаго положенія монарха, какъ высшаго органа государства, и въ силу того, что въ монархѣ сходятся всѣ нити государственнаго управленія и законодательства, по нормальному порядку никакое измѣненіе въ общемъ правовомъ строѣ государства не можетъ произойти безъ согласія монарха [1]). Въ этомъ собственно и заключается правильно понятый монархическій принципъ [2]). Монархъ, особенно въ монархіяхъ съ октроированной конституціей, является высшимъ органомъ государства въ сравненіи съ другими органами; но отсюда нельзя еще заключать, что конституціонный монархъ даже въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ конституціи были октроированы самимъ монархомъ, является исключительнымъ носителемъ верховной власти, и, смѣшивая монарха или какой-либо другой органъ, напримѣръ парламентъ или народъ, съ государствомъ, приписывать суверенитетъ не государству, какъ юридической личности, а одному изъ его органовъ [3]).

Особенно недозволительно это, какъ справедливо указываетъ Bernatzik [4]), для тѣхъ ученыхъ, которые, не придер-

---

Ср. также Коркуновъ: Указъ и Законъ стр. 146 сл.

В. В. Ивановскій: Русское госуд. право т. I 1895 стр. 23 сл.

Merkel: Jur. Encyklopädie 1901 § 392.

[1]) Исключеніе составляетъ Норвежская конституція.

[2]) Ср. H. Albert Zachariä: Deutsches Staats=und Bundesrecht. 1853 стр. 85.

[3]) Это дѣлаетъ напр. Сокольскій. Краткій Учебникъ русскаго государ. права 1890 стр. 5.

Проф. Алексѣевъ: Русское госуд. право 1897 на стр. 158—159 доказываетъ, что въ такихъ монархіяхъ монархъ является „исключительнымъ носителемъ верховной власти". Этому противорѣчитъ собственное утвержденіе проф. Алексѣева на стр. 148, что „въ конституціонной монархіи король есть лишь одинъ изъ органовъ верховной власти, хотя, быть можетъ, и важнѣйшій: рядомъ съ нимъ существуетъ и другой органъ—народное представительство.

Правильно: В. В. Ивановскій: Русское госуд. право т. I, 1895 стр. 25.

Чичеринъ: Курсъ госуд. науки. 1894 ч. 1 стр. 66.

Combotheera: Conception juridique de l'Etat, p. 114.

Merkel: Jur. Encyklopädie 1901 § 392.

[4]) Bernatzik: Republik und Monarchie 1892 стр. 27.

Digitized by Google

живаясь узко реалистическаго воззрѣнія на государство, признаютъ субъектомъ властвованія юридическую личность государства, а не то или другое физическое лицо. Лишь тѣ, которые отождествляютъ правителя съ государствомъ, или же признаютъ, подобно Галлеру и Мауренбрехеру, власть того или другого лица или совокупности лицъ въ государствѣ ихъ личной властью, а не властью самого государства, осуществляемой отдѣльными лицами и учрежденіями въ качествѣ органовъ государства въ силу государственнаго права (imperium ex jure publico), другими словами, отвергаютъ юридическую цѣльность и личность государства, признаютъ послѣднее лишь юридическимъ отношеніемъ или совокупностью юридическихъ отношеній отдѣльныхъ физическихъ лицъ, или же подобно патримоніальной теоріи выдѣляютъ монарха изъ государства и признаютъ монарха субъектомъ властвованія, а государство объектомъ властвованія, только такіе публицисты могутъ, не погрѣшая противъ логики, приписывать суверенитетъ той или другой личности или совокупности лицъ въ государствѣ и называть монарха или народъ носителемъ всей государственной власти [1]). Тѣ же, которые, какъ большинство современныхъ ученыхъ, признаютъ субъектомъ властвованія само государство, какъ юридически организованное цѣлое, какъ моральное, юридическое лицо, должны приписывать и суверенитетъ, какъ особый характеръ государственной власти, самому государству. Суверенитетъ, понимаемый въ такомъ смыслѣ, нельзя признавать воплощеннымъ въ томъ или другомъ лицѣ въ государ-

---

[1]) Не признаютъ государства субъектомъ властвованія Зейдель, Цепфль, Лингъ, Герцфельдеръ, Дюгюи, Коркуновъ, Сокольскій.

H. Nézard: Theorie juridique de la fonction publique 1901 стр. 510—530 не только отвергаетъ юридическую личность государства, но даже утверждаетъ, сходно съ Ламартиномъ, что субъектами суверенной власти ex jure publico являются избиратели и депутаты законодательныхъ собраній, а затѣмъ должностныя лица. Первые въ образованіи общей воли, т. е. въ законодательной функціи, а послѣдніе въ ея осуществленіи, въ исполнительной функціи.

Digitized by Google

ствѣ [1]). Съ бо́льшимъ правомъ можно говорить о суверенитетѣ абсолютнаго монарха или народа въ непосредственныхъ демократіяхъ. Здѣсь, дѣйствительно, абсолютный монархъ или народъ являются органами государства, которыми осуществляется вся полнота государственной власти и которые являются источникомъ власти всѣхъ другихъ органовъ государства; но и въ этихъ случаяхъ должно помнить, что суверенитетъ, строго говоря, принадлежитъ собственно не монарху, какъ личности, или народу, какъ совокупности гражданъ, но самому государству. Суверенитетъ есть свойство самого государства. Монархъ или народъ являются лишь органами государства, высшими въ сравненіи со всѣми другими органами того же государства. Иначе легко прійти къ такому же смѣшенію государства съ личностью монарха, къ которому пришелъ Людовикъ XIV съ своимъ знаменитымъ изрѣченіемъ «государство—это я», или съ совокупностью гражданъ и извѣстной частью ея, какъ это было въ періодъ французской революціи. У Ламартина даже каждый избиратель—суверенъ.

Итакъ, субъектомъ и единственнымъ носителемъ суверенной государственной власти можетъ быть лишь само государство, какъ цѣлое, какъ юридическая личность, а не тотъ или другой органъ государства, или лицо, или совокупность лицъ въ государствѣ Монархъ или народъ властвуетъ лишь отъ имени и во имя государства, въ силу законовъ самого государства, ex jure publico, а не въ силу какого-либо личнаго, собственнаго права. Такія понятія, какъ монархическій и народный суверенитетъ, и названія монарха или народа носителями суверенной государственной власти, являются лишь

---

[1]) Правильно Gareis: Allg. Staatsrecht у Марквардсена стр. 28 сл.
Borel: Etude sur la souveraineté et l'État fédératif. 1886 стр. 19 сл.
Holtzendorf: Handbuch d. Völkerrechts 1897. B. II. s. 80 ff. противъ Геффтера, говорящаго о „воплощенномъ въ нѣкоторыхъ лицахъ суверенитетѣ“.(Heffter: Das europäische Völkerrecht der Gegenwart 1867 s 100. § 53).
Le Fur: État fédéral: 1896 стр. 625.
Jellinek: Die Lehre v. d. Staatenverb. стр. 24 сл.

Digitized by Google

ходячими образными выраженіями и чисто политическими идеями, но не строго юридическими понятіями [1]).

Во всякомъ случаѣ, разъ исторически установилось и такое примѣненіе термина «суверенитетъ» къ обозначенію высшаго органа власти въ государствѣ, то, говоря о суверенитетѣ такого органа, необходимо строго различать такой суверенитетъ отъ суверенитета въ истинномъ смыслѣ слова и помнить, что здѣсь этотъ терминъ употребляется не въ собственномъ смыслѣ, т. е. не для обозначенія особаго свойства государства, но для обозначенія относительно высшаго юридическаго положенія того или другого лица или совокупности лицъ или вообще органа государства, который стоитъ выше всѣхъ другихъ органовъ, или даже которому подчиняются всѣ другіе органы одного и того же общественнаго союза, хотя бы этотъ союзъ самъ по себѣ и не обладалъ бы суверенитетомъ. Въ такомъ же смыслѣ говорятъ и о «суверенной законодательной функціи государства» въ сравненіи съ другими его функціями [2]). Въ объективномъ смыслѣ суверенитетъ — безусловное верховенство государственной власти, въ субъективномъ же смыслѣ суверенной властью можно называть лишь субъекта, носителя такой высшей власти, а въ современномъ правѣ такимъ носителемъ можетъ быть лишь само государство, какъ юридическая личность, а не то или другое физическое лицо, совокупность лицъ, или отдѣльный органъ государства [3]).

---

[1]) Ср. также: Garcis: Allg. Staatsrecht въ Handb. d. öffentl. Rechts Marquardsen B. I Hlb. 1 стр. 28 сл., стр. 35.

Borel: Etude sur la souveraineté стр. 22 сл.

Jellinek: Die Lehre v. d. Staatenverb. стр. 25 сл.

Rosin: Souveränetät, Staat, Gemeinde, Selbstverwaltung въ Annalen d. d. Reiches 1883 стр. 280.

[2]) Примѣры такого словоупотребленія см. Rehm: Allg. Staatslehre стр. 60 сл.

A. Haenel: Deutches Staatsrecht, 1892. B. I, стр. 114. прим. 1.

[3]) E. Schlief: Die Verfassung der Nordamerikanischen Union 1880 стр. 35 сл. отождествляетъ суверенитетъ съ государственной властью и говоритъ о носителяхъ суверенитета въ смыслѣ лицъ, корпорацій и коллегій лицъ,

Digitized by Google

Эта идея юридической личности государства, какъ субъекта, носителя государственной власти, впервые была ясно выражена германскимъ ученымъ Альбрехтомъ, основателемъ современнаго юридическаго ученія о государствѣ:

«Мы мыслимъ теперь государство не какъ соединеніе людей, разсчитанное непосредственно для индивидуальныхъ цѣлей и интересовъ всѣхъ, многихъ или одного лица, напримѣръ монарха, но какъ общественный союзъ, какъ учрежденіе, возвышающееся надъ отдѣльными лицами и посвященное цѣлямъ, которыя никоимъ образомъ не представляютъ собой сумму индивидуальныхъ интересовъ властителя или подданныхъ, но образуютъ высшій, общій, общественный интересъ, изъ котораго лишь посредственно получаютъ свое питаніе, поддержку и направленіе эти индивидуальные интересы. Такимъ образомъ, жизнь отдѣльной личности (властителя и подданныхъ) разлагается на двѣ части: съ одной стороны индивидъ является управомоченнымъ и обязаннымъ ради этого общаго цѣлаго, во имя и на службѣ государства, какъ глава или членъ послѣдняго, съ другой стороны онъ, какъ самостоятельная личность, имѣетъ право ради самого себя или обязанности ради другихъ. Такимъ образомъ, не признавая индивидуума самостоятельною личностью въ первой области, мы должны признать такой личностью, самостоятельно дѣйствующей, властвующей и имѣющей права, само государство, то есть мыслить государство, какъ юридическую личность [1]).—

Эта-то идея юридической личности, какъ субъекта публичноправовыхъ отношеній властвованія, было развита затѣмъ другими выдающимися германскими учеными: Гербером,

---

которыя въ силу конституціи уполномочены къ осуществленію верховныхъ правительственныхъ актовъ. На основаніи такого опредѣленія понятія носителя суверенитета онъ причисляетъ къ числу носителей суверенитета въ Сѣвероамериканскихъ Соед. Штатахъ президента, палату представителей и сенатъ.

[1]) Albrecht: Göttinger gelehrt. Anzeigen 1837 III стр. 1491.

Digitized by Google

Лабандомъ, Еллинекомъ, и сдѣлалась господствующей въ современной наукѣ публичнаго права, несмотря на, такъ называемое, реалистическое воззрѣніе Зейделя и его сторонниковъ, отвергающихъ идею юридической личности государства или признающихъ ее ненужной фикціей. Юридическая личность государства- не фикція, не вымыселъ, а, какъ и другія юридическія понятія, абстракція, отвлеченіе отъ дѣйствительныхъ отношеній жизни и характера отношеній властвованія въ общественномъ союзѣ, называемомъ государствомъ, которые и заставляютъ насъ признать государство коллективнымъ единствомъ и самостоятельнымъ субъектомъ, носителемъ правъ властвованія [1]).

---

[1]) Развитіе ученій о юридич. личности государства см. Bernatzik: Die jur. Persönlichkeit der Behörden. Zur Theorie von jur. Personen 1890 стр. 78 сл.

Его же: Kritische Studien über d. Begriff der jur. Person. въ Archiv f. öffentl. Recht V стр. 186 сл.

Rehm: Allg. Staatslehre 1890 стр. 150 сл.

Jellinek: Das Recht d. mod. Staates B. I стр. 141—162.

Lasson: Prinzip. und. Zukunft des Völkerrechts 1871 стр. 122—140: Der Begriff der moralischen Person und die Staatspersönlichkeit.

Digitized by Google

ГЛАВА IV.

Правовой характеръ идеи суверенитета.

Если мы обратимся къ исторіи суверенитета и вспомнимъ значеніе, которое имѣла эта идея въ своемъ историческомъ развитіи, мы должны будемъ признать, что понятіемъ суверенитета выражали не чисто фактическое превосходство силы, но извѣстный правовой характеръ власти, въ силу котораго она представляетъ собой высшее правовое господство. Признаніе извѣстной власти суверенной предполагаетъ наличность юридическихъ основаній, допускающихъ такое признаніе.

На этомъ основано было стремленіе публицистовъ опредѣлить тотъ комплексъ, такъ называемыхъ, верховныхъ правъ, который характеризуетъ суверенитетъ, или же найти тотъ или другой юридическій титулъ власти, вслѣдствіе котораго она является суверенной, или же, наконецъ, вывести суверенитетъ изъ самой юридической сущности государственной власти. И даже папы и сторонники ихъ верховенства надъ свѣтской властью стремились доказать свое верховенство не одними нравственными и религіозными доводами, какъ-то ссылками на божественное происхожденіе папской власти и нравственное превосходство церковной власти надъ властью низшаго порядка—государственнаго, но приводили цѣлый

Digitized by Google

рядъ юридическихъ основаній въ доказательство своего правового верховенства, какъ преемство власти духовной и свѣтской отъ намѣстника Христа, апостола Петра, делегацію затѣмъ папой власти свѣтскимъ властителямъ, на подарокъ западной имперіи Константиномъ Великимъ папѣ Сильвестру, перенесеніе Имперіи съ Грековъ на Германцевъ папскою властью, на юридическое значеніе присяги, данной при коронованіи Оттономъ Великимъ, на юридическое значеніе феодальной присяги, устанавливающей союзъ вѣры и вѣрности между вассаломъ и сюзереномъ, въ силу которой, такимъ образомъ всѣ феодальныя отношенія вассала и сюзерена подлежатъ компетенціи церкви [1]).

Какъ мы видѣли выше, самъ Боденъ, признаваемый основателемъ современнаго ученія о суверенитетѣ, старался выяснить именно юридическую сущность суверенной власти и указывалъ даже ея «истинные признаки» въ отдѣльныхъ правахъ верховенства. Естественноправовая теорія основывала все ученіе о суверенитетѣ на договорномъ происхожденіи государства и права. Сторонники идеи монархическаго и народнаго суверенитета всѣми силами старались отыскать юридическія основанія въ пользу принадлежности суверенитета монарху или народу. Даже абсолютисты, какъ Гоббесъ, стремились доказать правовой характеръ суверенной власти [2]).

Теократы основывали суверенитетъ на Божественномъ правѣ; Кантъ, Фихте Гегель и др. на основѣ своихъ философскихъ ученій о правѣ и государствѣ стремились выяснить истинную правовую сущность суверенитета. Конституціонная доктрина связала ученіе о суверенитетѣ съ доктриной раздѣленія властей и ученіемъ о правовыхъ границахъ государственной власти (Б. Констанъ). Даже Галлеръ, который въ

---

[1]) См. Чичеринъ: Исторія полит. ученій ч. 1 1869 стр. 136 сл.
Кн. Е. Н. Трубецкой: Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ XI в. В. I. 1897 стр. 288.

[2]) Jellinek: Das Recht d. mod. Staates B. I стр. 439.

Digitized by Google

своемъ сочиненіи «Возстановленіе государственной науки»... право, государство и государственную власть основываетъ исключительно на фактическихъ отношеніяхъ господства и зависимости, на естественномъ неравенствѣ силъ и превосходствѣ однихъ людей надъ другими, въ силу чего сильные господствуютъ, а слабые подчиняются или путемъ договора входятъ въ служебныя отношенія къ сильному, тотъ же Галлеръ, какъ мы видѣли выше, разсматриваетъ суверенитетъ, какъ правовое понятіе и даже заимствуетъ юридическую формулу суверенитета у Гуго Гроція «potestas civilis illa dicitur, cujus actus alterius juri non subsunt ita ut alterius voluntatis humanae arbitrio irrita non possint reddi», но только выраженіе potestas civilis замѣняетъ выраженіемъ potastas summa [1]).

Излишне было бы говорить, что новѣйшее юридическое ученіе о государствѣ разсматриваетъ суверенитетъ въ связи съ правовой природой государства и видитъ въ немъ не извѣстную степень фактической силы и могущества, но извѣстный правовой характеръ власти государства. Большинство же ученыхъ признаетъ даже суверенитетъ единственнымъ отличительнымъ юридическимъ признакомъ государства, какъ увидимъ ниже. Что суверенитетъ представляетъ собой правовое понятіе, выражающее извѣстный юридическій характеръ власти, а не большую или меньшую степень политическаго или фактическаго его могущества, особенно ясно видно изъ того значенія, которое получило это понятіе въ международномъ правѣ. Въ области международныхъ отношеній суверенныя государства признаются совершенно равными, равноправными субъектами международнаго права независимо отъ степени ихъ фактическаго могущества или политическаго вліянія. «Принципъ международноправового равенства государствъ, какъ говоритъ проф. Эйхельманъ, существуетъ, какъ начало юридическое совершенно отдѣльно

[1]) См. выше ч. I стр. 232.

Digitized by Google

и самостоятельно отъ громадныхъ различій въ политическомъ могуществѣ отдѣльныхъ государствъ» [1]).

Существуетъ однако въ литературѣ публичнаго права мнѣніе, что суверенитетъ выражаетъ собою не только чисто юридическій характеръ власти, но и соотвѣтственную степень фактическаго господства силы. Герберъ [2]), напримѣръ, утверждаетъ, что «суверенитетъ не является лишь чисто юридическимъ понятіемъ, но, чтобы быть истиннымъ, предполагаетъ наличность соотвѣтствующей силы. Поэтому, хотя суверенитетъ отдѣльныхъ германскихъ государствъ до 1866 г. юридически былъ однимъ и тѣмъ же, но фактически чрезвычайно различнымъ».

Таково же мнѣніе Филлимора и Галлека въ ихъ сочиненіяхъ по международному праву [3]). Въ этомъ воззрѣніи смѣшивается фактъ съ правомъ и, какъ справедливо замѣтилъ уже Еллинекъ [4]), ученіе это совершенно разрушаетъ все международное право и принципъ международной равноправности государствъ, независящей отъ ихъ величины, фактической силы и политическаго могущества. Франція, напримѣръ, такъ же юридически суверенна, какъ и маленькая и несравненно болѣе слабая Бельгія или Сербія. Степень фактическаго могущества государствъ можетъ быть весьма различной, формально юридическій характеръ ихъ власти можетъ быть однимъ и тѣмъ же. Еллинекъ справедливо замѣчаетъ, что ставить международное существованіе государства въ зависимость не только отъ правового характера его власти, но и отъ фактической его силы, значитъ потерять всякій масштабъ для установленія суверенитета, такъ какъ даже великая дер-

[1]) Эйхельманъ: Очерки изъ лекцій по межд. праву 1900 В. II стр. 13.
Ср. также Jellinek: Die Lehre v. d. Staatenverb. 1882 стр. 21.

[2]) V. Gerber: Grundzüge eines Systems d. Staatsr. 1869 стр. 24 пр. 4.

[3]) Цит. у Еллинека: Die Lehre v. d. Staatenverb. стр. 21 пр. 20.

[4]) Еллинекъ: тамъ же стр. 21.
Ср. также Borel: Etude sur la souveraineté et l'état fédératif 1886 стр. 30.
Горенбергъ: Теорія союзнаго государства въ трудахъ современныхъ публицистовъ Германіи 1891 стр. 87.

Digitized by Google

жава можетъ находиться въ фактической зависимости отъ другой державы, т. е. у нея можетъ недоставать фактической свободы.

И дѣйствительно, сторонники фактическаго суверенитета въ результатѣ приходятъ къ отрицанію равноправности юридически независимыхъ государствъ. Филлиморъ, напримѣръ, защищаетъ на основаніи своего ученія о суверенитетѣ извѣстное вопіющее нарушеніе международнаго права со стороны сильной Англіи по отношенію къ слабой Даніи, захватъ датскаго флота и бомбардировку Копенгагена 1807 г. англійскимъ флотомъ. Ешеръ въ своемъ «Руководствѣ къ практической политикѣ» утверждаетъ, что «малыя государства не соотвѣтствуютъ тому понятію самостоятельности, которая составляетъ существенный признакъ государства» [1]). Дѣйствительно, факты, фактическія отношенія, играютъ огромную роль въ образованіи права. Длящееся фактическое состояніе и постоянное соблюденіе въ теченіе неопредѣленно продолжительнаго времени одного и того же образа дѣйствій могутъ повести къ образованію убѣжденія не только въ цѣлесообразности извѣстнаго фактическаго порядка, но и въ безусловной его необходимости, долженствованіи, и, такимъ образомъ, повести къ образованію правовыхъ нормъ, санкціонирующихъ этотъ фактическій строй, т. е. къ признанію этого строя и порядка правомѣрнымъ, согласнымъ съ правомъ. Въ этомъ заключается, такъ называемая, нормативная сила фактовъ въ области права. Такъ, напримѣръ, получаютъ правовую санкцію даже тѣ насильственныя измѣненія и нарушенія дѣйствующаго правового порядка, которыя вызываются революціями, не говоря уже о менѣе крупныхъ нарушеніяхъ правового строя. Далѣе, въ международномъ правѣ установившееся фактическое обладаніе властью узаконяетъ представительство государства извнѣ. Дѣйствительная жизнь, фактическія отношенія во всемъ ихъ разнообразіи, являются необходимымъ предположеніемъ правовыхъ нормъ, почвой на

[1]) См. Jellinek: Die Lehre v. d. Staatenverb. стр. 21.

Digitized by Google

которой право развивается, черпаетъ свое содержаніе, и къ которой оно примѣняется [1]).

Сложившійся на почвѣ фактическихъ отношеній правовой строй и является той областью, которая служитъ предметомъ спеціальнаго изслѣдованія юриста, стремящагося выяснить общіе правовые принципы и общую юридическую форму однородныхъ отношеній, какъ бы ни было разнообразно ихъ фактическое содержаніе.

Но въ конструированной такимъ образомъ общей формѣ однородныхъ юридическихъ отношеній скрывается все конкретное разнообразіе фактической обстановки, такъ какъ юридическая форма является лишь абстракціей отъ жизненнаго, фактическаго содержанія отношеній. Эта юридическая форма одинакова для всѣхъ отношеній опредѣленной категоріи и является ихъ общимъ типомъ [2]).

Далѣе, путемъ абстракціи отъ правовыхъ отношеній, въ которыхъ выражается государственное властвованіе, юристъ составляетъ себѣ понятіе о правовомъ характерѣ государственной власти и тѣхъ или другихъ признакахъ, ее характеризующихъ. Такъ образовалось и юридическое понятіе о суверенитетѣ государственной власти, какъ о юридически высшей независимой власти. Суверенитетъ есть лишь чисто формальное юридическое понятіе, указывающее на юридически безусловное и независимое господство государства, какъ юридически организованнаго союза властвованія. Но понятіе суверенитета совершенно не указываетъ на фактическое могущество и матерьяльныя средства и силу, состоящія въ распоряженіи даннаго государства для поддержанія своего суверенитета. Это—вопросъ факта, весьма важный въ политическомъ отношеніи, но не имѣющій отношенія къ юридическому характеру власти государства.

Слабое и бѣдное матерьяльными средствами государство

[1]) См. нашу ст. „Нормативный характеръ права". 1902.

[2]) Ср. Коркуновъ: Лекціи по общей теоріи права 1894 стр. 141—143 Jellinek: System der subject. öffentl. Recht. 1892 стр. 15 сл.

Digitized by Google

можетъ находиться въ сильной экономической зависимости отъ богатаго и сильнаго государства, находиться подъ сильнымъ политическимъ вліяніемъ сосѣднихъ могущественныхъ государствъ, но пока оно юридически свободно отъ подчиненія власти этихъ государствъ, юридически верховно и независимо властвуетъ въ предѣлахъ своей территоріи, оно такъ же суверенно, какъ суверенны и самыя могущественныя великія державы. Это — основной принципъ, признанный, какъ мы видѣли, и въ области международнаго права. «Факты, справедливо говоритъ по поводу этого Борель [1]), играютъ большую роль въ правѣ, но они не могутъ вполнѣ взять верхъ надъ правомъ; иначе право не имѣло бы никакого смысла. Такъ въ частномъ правѣ, ясно, что собственникъ маленькаго имѣнія, окруженнаго большими помѣстьями, экономически и матерьально зависитъ отъ своихъ могущественныхъ сосѣдей. Но для права это безразлично. Для него маленькій собственникъ имѣетъ столько же правъ на свою вещь, какъ и богатый вельможа, владѣющій цѣлыми провинціями. Право собственности и въ томъ и другомъ случаѣ тождественно».

Такимъ образомъ, суверенитетъ выражаетъ собой лишь извѣстный юридическій характеръ государственной власти, а не степень фактическаго могущества государства [2]). Это юридическое понятіе суверенитета неоднократно въ исторіи служило тѣмъ или другимъ политическимъ цѣлямъ. Другими словами, оно служило средствомъ для достиженія тѣхъ или другихъ цѣлей въ государственной жизни. Политическое значеніе идеи суверенитета особенно ярко выразилось въ вопросѣ о носителѣ суверенитета. Идеи монархическаго суверенитета и народнаго суверенитета имѣютъ, какъ мы уже видѣли выше, не столько юридическій характеръ, сколько политическій. Если въ началѣ своего развитія идея монархическаго суверенитета

[1]) Borel: Etude sur la souveraineté стр 30.

[2]) Ср. также Liebe: Staatsrechtl. Studien I. 1880 стр. 14.

Rosin: Souveränetät, Staat, Gemeinde, Selbstverwaltung въ Hirt's Annalen d. D. Reiches 1883 стр. 268.

Digitized by Google

была необходимымъ слѣдствіемъ отсутствія яснаго представленія о государствѣ, какъ юридической личности, и вытекающаго отсюда отождествленія личности монарха съ государствомъ, и констатированіемъ историческаго процесса концентраціи всѣхъ верховныхъ правъ въ рукахъ короля. То послѣдующее развитіе этой идеи и ея сохраненіе на ряду съ идеей о суверенитетѣ самого государства, какъ моральнаго лица, вызывалось и поддерживалось главнымъ образомъ политическими стремленіями сторонниковъ монархической формы правленія защитить монархію противъ такой же политической, но враждебной ей республиканской идеи народнаго суверенитета. Исторія этихъ идей монархическаго и народнаго суверенитета показываетъ, что онѣ служили яблокомъ раздора между различными политическими партіями, разрѣшавшими не столько теоретическій вопросъ о правовомъ характерѣ государства и государственной власти, сколько вопросъ о томъ, кому именно въ государствѣ монарху или народу должна быть предоставлена высшая роль въ политической жизни страны. Политическія симпатіи и стремленія и фактическое соотношеніе силъ обѣихъ партій диктовали рѣшеніе этого вопроса въ ту или другую сторону. Но въ этой политической борьбѣ партій постепенно выяснялось, какъ мы видѣли, и истинная юридическая сущность суверенитета, выяснялся юридическій характеръ государства и его власти, пока, наконецъ, постоянно прогрессирующей объективной научной мысли не удалось замѣнить идеи монархическаго и народнаго суверенитета, идеею государственнаго суверенитета, т. е. признать носителемъ, субъектомъ суверенной власти не то или другое лицо или совокупность лицъ въ государствѣ, но само государство, какъ юридически организованное цѣлое, обладающее единствомъ и волею организованными правомъ, т. е. юридическую личность государства.

Поэтому нельзя согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ писателей, которые утверждаютъ, что суверенитетъ пред-

Digitized by Google

ставляетъ собой не юридическое, а лишь политическое понятіе.

Это воззрѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ на суверенитетъ какъ на чисто политическое понятіе объясняется принципіальнымъ отрицаніемъ этими писателями правового характера государственнаго властвованія. Такъ, Аффольтеръ утверждаетъ, что «понятіе власти и властвованіе—вульгарное, а не юридическое понятіе. Употребленіе этого понятія въ государственномъ правѣ является ошибкой, которая принесла уже много зла»... [1]) Подобный же взглядъ на государственное властвованіе, какъ на голую фактическую принудительную силу, развиваетъ Герцфельдеръ въ своемъ сочиненіи «Gewalt und Recht». Онъ утверждаетъ противъ Лабанда, что властвованіе никогда не можетъ служить содержаніемъ правоотношенія, но только отношеній силы (Gewaltverhältnisse) [2]). Правоотношенія, которыя примыкаютъ къ отношеніямъ силы, группируются возлѣ послѣднихъ, но не касаются ихъ существа [3]). Государственная власть и есть именно такая фактическая принудительная сила, а то свойство ея, въ силу котораго надъ ней нѣтъ другой такой же высшей силы, и называется суверенитетомъ, который составляетъ характерный признакъ государственной власти [4]).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ то время, какъ Аффольтеръ усматриваетъ въ понятіи властвованія «лишь фактическое отношеніе силы» и поэтому видитъ въ суверенитетѣ, какъ извѣстномъ свойствѣ этого властвованія, лишь политическое понятіе, не могущее имѣть никакого юридическаго значенія для объясненія правовой природы государства, Герцфельдеръ, исходя изъ такого же взгляда на государственную власть, какъ на чисто фактическое отношеніе, объявляетъ однако суверенитетъ существеннымъ, отличительнымъ

[1]) См. Affolter: Назв. соч. стр. 10 пр. 8 и стр. 11 пр. 9.
[2]) Herzfelder: Gewalt und Recht 36 сл., 135.
[3]) Herzfelder: Назв. соч. стр. 36.
[4]) Тамъ же стр. 134.

Digitized by Google

признакомъ государства. А такъ какъ суверенная государственная власть, какъ утверждаетъ вмѣстѣ съ Зейделемъ Герцфельдеръ [1]), является предположеніемъ всякаго права, дѣйствія даже церковнаго и обычнаго права [2]), то отсюда логически вытекаетъ, что у Герцфельдера понятіе суверенитета является основой и всего государственнаго права, а не понятіемъ, которое нужно изгнать изъ науки государственнаго права, какъ это требуетъ Аффольтеръ, исходя изъ подобнаго же взгляда на власть, какъ на чисто фактическое отношеніе силы. Взглядъ Аффольтера является тѣмъ болѣе страннымъ, что онъ самъ утверждаетъ, что государство представляетъ собой извѣстную организацію, выражающуюся въ правовыхъ отношеніяхъ его членовъ. Государство возникаетъ и существуетъ лишь въ силу «дѣйствующаго позитивнаго организующаго права». Наиболѣе характернымъ въ организованныхъ правомъ государственныхъ отношеніяхъ является то, что въ силу права воля отдѣльныхъ индивидовъ или группъ ихъ является обязательной для остальныхъ. Другими словами, возникаетъ основанное на правѣ начальствованіе и подчиненіе (Ueber=und Unterordnung) [3]).

Но что же это такое, какъ ни организованное правомъ властвованіе?

Вѣдь юридическое властвованіе и заключается, какъ справедливо говоритъ Лабандъ, въ правѣ предписывать свободнымъ лицамъ и принуждать ихъ къ исполненію этихъ предписаній [4]).

Вѣдь властвованіе въ юридическомъ смыслѣ слова, а съ такимъ только понятіемъ властвованія и оперируетъ государственное право, не есть голая, фактическая сила, подчиняющая себѣ другія такія же силы, а сила нормированная правомъ, юридически организованная волевая сила государствен-

[1]) Herzfelder: тамъ же стр. 147.

[2]) Тамъ же стр. 149.

[3]) См. Affolter: Staat und Recht въ Annalen d. D. Reichs 1903 № 1 стр 59—64.

[4]) Laband: Staatsrecht стр. 64.

Digitized by Google

наго союза, осуществляемая въ предѣлахъ и согласно съ правомъ.

Утвержденіе Герифельдера, что властвованіе не можетъ служить содержаніемъ никакого юридическаго отношенія, а только фактическаго отношенія силы, неправильно [1]). Въ государствѣ, какъ юридически организованномъ общественномъ союзѣ, право нормируетъ фактическія отношенія господства и подчиненія такъ, что создаетъ на одной сторонѣ право приказывать въ извѣстныхъ формахъ, предѣлахъ и условіяхъ и принуждать къ исполненію приказанія, на другой же сторонѣ устанавливаетъ соотвѣтственную юридическую обязанность повиновенія въ опредѣленныхъ предѣлахъ. Такимъ образомъ создается юридическое отношеніе властвованія. Фактическое господство превращается здѣсь въ юридическое властвованіе, голая сила въ правовую власть.

Поэтому утвержденіе, что суверенитетъ, какъ свойство власти, не можетъ быть юридическимъ понятіемъ, падаетъ вмѣстѣ съ утвержденіемъ, что сама государственная власть есть чисто фактическое отношеніе.

Наука государственнаго права можетъ оперировать, слѣдовательно, съ понятіемъ суверенитета, какъ и со всякимъ другимъ понятіемъ публичнаго права, и ставить своей задачей выясненіе его юридической природы.

Возрѣніе Прейса на суверенитетъ.

Весьма рѣзко и энергично высказывается противъ правового значенія идеи суверенитета извѣстный современный представитель органическаго ученія о государствѣ, нѣмецкій ученый Прейсъ [2]). Прейсъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: между тѣмъ временемъ, когда слово «суверенъ» можно было свободно примѣнять къ разнообразнымъ отношеніямъ, и нашимъ временемъ лежитъ эпоха,

---

[1]) Ср. также Boghitchévitch: Hall souveränitat 1903 стр. 155 пр. 29.

[2]) Preuss: Gemeinde. Staat, Reich als Gebietskörperschaften 1889 стр. 100—136.

Digitized by Google

выразившая свой основной, характерный принципъ въ словѣ «суверенитетъ». Эпоха абсолютнаго государства дѣйствительно утвердила суверенитетъ подобно «бронзовой скалѣ» [1]), противостоящей всякимъ измѣненіямъ. Основное понятіе абсолютнаго государства по самому существу своему должно быть, говоритъ Прейсъ, абсолютнымъ, а не быть чисто относительнымъ понятіемъ — какой-либо высшей въ своей сферѣ власти. Такое относительное значеніе суверенитетъ дѣйствительно имѣлъ нѣкогда. Но, когда абсолютное государство, по существу своему исключительный союзъ, поглотило всякую публичноправовую власть, начиная съ различнаго рода средневѣковыхъ союзовъ вплоть до римско-германской всемірной имперіи включительно, оно не признаетъ надъ собою никакого союза болѣе общаго характера, а внутри себя никакого независимаго отъ него союза. Такимъ образомъ, остаются лишь абсолютное государство и абсолютный индивидуумъ, и между ними нѣтъ никакого посредствующаго члена, кромѣ мѣстныхъ формъ проявленія самого государства. Цѣль абсолютнаго государства — централизація управленія и атомизированіе народа. Эта тенденція абсолютнаго государства получила чрезвычайно прочный идейный фундаментъ и теоретическое завершеніе въ рецепированномъ римскомъ юридическомъ понятіи личности. Таковъ прежде всего былъ ходъ развитія идеи абсолютнаго государства во Франціи, гдѣ она почти была осуществлена революціей а затѣмъ, хотя и въ не столь полной формѣ, въ Германіи.

Рецепированное римское право положило между публичноправовой и частноправовой сферой непроходимую грань. Въ центрѣ публичнаго права оно поставило государство, какъ единственное въ своемъ родѣ существо, не нуждающееся въ

[1]) Въ 1717 г. король Фридрихъ Вильгельмъ I въ отвѣтъ на протестъ прусскихъ сословій противъ нѣкоторыхъ финансовыхъ реформъ предпринятыхъ королемъ помимо согласія сословій, заявилъ: „Я укрѣплю свой суверенитетъ подобно бронзовой скалѣ".

См. Bornhak: Preussisches Staatsrecht B. I 1888 стр. 25.

Digitized by Google

подведеніи его подъ высшее понятіе, въ центрѣ же частнаго права—индивидуума, какъ основной типъ личности. Это—два абсолютныхъ понятія, которыя абсолютно исключаютъ другъ друга и не входятъ въ составъ другого болѣе общаго и обширнаго понятія. Какъ въ публичномъ правѣ государство, такъ и въ частномъ правѣ индивидуумъ являются единственными первоначальными субъектами права. Всякіе другіе субъекты права, не индивиды, признаются лишь искусственными образованіями, созданными юридической техникой на подобіе индивидовъ. Такимъ искусственнымъ воображаемымъ субъектомъ частнаго права, фингированною юридическою личностью, является и государство въ роли фиска. Римскіе императоры запретили подъ страхомъ наказанія образованіе союзовъ, могущихъ служить субстратомъ фиктивнаго лица, но абсолютному государству близка была идея, что единственнымъ творцомъ права, слѣдовательно, и юридическихъ фиктивныхъ лицъ можетъ быть лишь государство. Единственными реальными носителями правъ признаются лишь государство и физическая личность, между коими нѣтъ посредствующихъ элементовъ. Каждое изъ этихъ понятій въ своей сферѣ нашло соотвѣтствующее выраженіе: суверенное государство и абсолютная личность римскаго права являются соотносительными понятіями. Поэтому Прейсъ вполнѣ одобряетъ слѣдующія слова Гирке [1]): «Римская личность суверенна извнѣ и внутри. Она недѣлима какъ индивидуальность. Ея совокупное и всегда одинаковое содержаніе существенно для ея понятія. Она не можетъ лишиться никакой части самой себя безъ саморазрушенія и поэтому не можетъ быть частью или членомъ какой-либо другой личности». Въ этомъ положеніи, говоритъ Прейсъ, можно безъ всякаго нарушенія его правильности замѣнить слова «римская личность» словами «абсолютное государство». Такъ аналогично выражаются оба понятія, и это общее ихъ выраженіе и есть суверенитетъ. Суверенное государство необходимо требуетъ сво-

[1]) Gierke: Genossenschaftsrecht B. II стр. 29.

Digitized by Google

его коррелата именно суверенной личности, т. е. абсолютнаго индивида римскаго права, а этотъ послѣдній необходимо нуждается въ дополненіи фиктивнымъ лицомъ, фиктивнымъ индивидомъ. Противъ этого продукта римскаго права направляется вотъ уже полвѣка, начавшееся подъ ауспиціями Безелера, научное движеніе, теченіе котораго медленно, но неудержимо побѣдоносно. Отрицаніе persona ficta и римскаго понятія лица влечетъ за собой послѣдовательно и отрицаніе его коррелата, понятія суверенитета. Единственнаго субъекта въ области публичнаго права, неспособнаго входить въ составъ болѣе обширнаго общественнаго союза и включать въ себя меньшіе политическіе союзы,— вотъ что изъ себя представляетъ суверенная государственная власть, puissance absolue et perpetuelle d'une République, summa et legibus soluta in republica potestas, какъ опредѣлялъ ее, отецъ абсолютной теоріи государства, Боденъ. Государственная власть, по этому воззрѣнію, является не высшей въ сравненіи съ другими публичноправовыми властями, но единственной въ своемъ родѣ, какъ съ другой стороны и индивидъ въ частномъ правѣ является не низшимъ или простымъ, но единственнымъ носителемъ субъективныхъ правъ. Поэтому не понятіе высшаго выражаетъ собою «суверенитетъ», но идею «абсолютнаго». Абсолютное государство дѣйствительно было, какъ этого требуетъ самое понятіе суверенитета, спеціальнымъ учрежденіемъ для господства надъ всей совокупностью общественной жизни; оно было единственной, своеобразной формой, непризнававшей ни надъ собой ни подъ собой никакого самостоятельнаго политическаго союза. Оно не знало ни международнаго права, ни права меньшихъ общественныхъ союзовъ, которое проникало бы въ частноправную сферу persona ficta. По самой природѣ своей абсолютное государство вообще не могло признавать никакого публичнаго права, такъ какъ право есть разграниченіе волевыхъ силъ личностей, то и идея публичнаго права требуетъ, чтобы и

Digitized by Google

государство являлось лишь одной, хотя и высшей личностью, между многими другими личностями. Но это именно и противорѣчитъ идеѣ суверенпаго государства, которая не вмѣщается въ понятіе личности, но скорѣе противопоставляется ему. Въ качествѣ лица суверенное государство выступаетъ лишь въ частномъ правѣ, гдѣ оно отрѣшается отъ специфически государственнаго характера и обращается въ качествѣ фиска въ обыкновенное понятіе persona ficta; лишь здѣсь волевая сфера государства можетъ быть разграничена съ такой же сферой другихъ лицъ. Лишь отношенія индивидовъ между собою носятъ правовой характеръ; съ суверенитетомъ же совмѣстимо лишь частное право, но никакъ не публичное.

Поэтому вполнѣ согласно съ духомъ абсолютнаго государства историческій представитель суверенной государственной власти Людовикъ XIV, утверждавшій, что «государство— это я», не признавалъ никакого государственнаго права и презиралъ международное право. Король - Солнце являлся тутъ лишь энергичнымъ представителемъ принциповъ своего времени. И лишь въ способахъ осуществленія власти, а не въ руководящихъ принципахъ отличается отъ Людвика XIV другой представитель абсолютизма, столь справедливо восхваляемый, основатель прусскаго государства, Фридрихъ Великій. Абсолютное государство, этотъ Левіаѳанъ Гоббеса, поглотило все: сельскія и городскія общины, окружные и провинціальные союзы, жившіе нѣкогда собственною жизнью, перестали быть носителями собственныхъ правъ и сдѣлались простыми объектами государственной дѣятельности, географическими административными дистриктами. Между абсолютнымъ государствомъ и абсолютнымъ индивидуумомъ не осталось больше ничего.

Такимъ образомъ осуществляетъ абсолютное государство какъ извнѣ, такъ и внутри всѣ требованія, вытекающія логически изъ самого принципа суверенитета, господствующей идеи того времени.

Digitized by Google

Но какъ вся земная жизнь, такъ и внѣшнія формы государственной жизни таятъ въ себѣ самихъ зачатки смерти. Абсолютное государство скрывало въ себѣ начало своей смерти. На нихъ указывало уже съ самаго возникновенія абсолютнаго государства то духовное движеніе, которое проявилось въ ученіяхъ естественнаго права и т. под. Достигнувъ своего полнаго развитія, абсолютное государство вызвало необходимую потребность въ его устраненіи. Это постепенно и совершилось. Но и совершенный государственный строй никоимъ образомъ не представляетъ собой нѣчто законченное и остановившееся. Съ исторической точки зрѣнія каждое настоящее есть ничто иное, какъ борьба между прошедшимъ и будущимъ. Но юридическая точка зрѣнія должна быть иная. Для своихъ цѣлей она мысленно останавливаетъ въ данный моментъ вѣчное теченіе формъ человѣческой жизни и изъ разсмотрѣнія этого, во всякомъ случаѣ, фингированнаго состоянія извлекаетъ свои принципы и догмы. Но для того, чтобы такія абстракціи были по возможности правильны, юридическая теорія должна всегда помнить, что самый базисъ ея построеній фиктивный, а не дѣйствительно существующій.

Поэтому задача государственноправового ученія настоящаго времени должна состоять въ томъ, чтобы, при всемъ уваженіи къ исторической истинѣ, указывающей на сохраненіе въ современной государственной жизни остатковъ прошедшихъ временъ и болѣе или менѣе сильныхъ зачатковъ будущаго развитія, разсматривать текущій строй настоящаго времени, какъ неподвижный. Для этого должно извлечь изъ данныхъ фактическихъ отношеній такой теоретическій принципъ, подъ который, какъ подъ высшую категорію, могутъ быть свободно подведены, какъ эти остатки прошлаго, такъ и зачатки будущаго. Этотъ-то принципъ и представляетъ собою основаніе, на которомъ можно предпринять идеальное построеніе государства, его внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній

Digitized by Google

Для эпохи абсолютнаго государства такимъ принципомъ былъ, говоритъ Прейсъ, суверенитетъ, для настоящаго же времени суверенитетъ такимъ принципомъ болѣе не можетъ быть. Въ эпоху, когда идея суверенитета дѣйствительно жила и господствовала, она сохраняла свой специфически абсолютный характеръ сверху и снизу, въ области международнаго права и права болѣе тѣсныхъ политическихъ союзовъ: она поглощала обѣ эти правовыя области. Въ настоящее же время международное право и право самоуправленія менѣе крупныхъ политическихъ союзовъ являются союзниками, преодолѣвшими идею суверенитета, хотя оба они далеко еще не достигли своего полнаго развитія. Теперь государства постоянно взаимно обязываются договорами, соединяются для общихъ цѣлей и устанавливаютъ нормы для этихъ соединеній. Государства и внѣ своихъ территорій защищаютъ своихъ подданныхъ, требуютъ выдачи преступниковъ, осуществляютъ на чужой территоріи акты управленія посредствомъ своихъ консуловъ и т. под. Современное государство такимъ образомъ, говоритъ Прейсъ, является со всѣхъ сторонъ зависимымъ членомъ великаго союза государствъ. Позитивныя нормы, выраженныя въ международныхъ договорахъ получаютъ все большее значеніе. И хотя международный союзъ представляетъ собой картину еще незаконченнаго образованія и потому лишенъ организаціи, но въ нѣкоторыхъ областяхъ международнаго управленія онъ перешелъ уже эти предѣлы. Въ международныхъ административныхъ союзахъ, почтовомъ, желѣзнодорожномъ, судоходства, мѣръ, вѣсовъ и торговли, мы видимъ организованныя международныя единства, возвышающіяся надъ государствомъ.

Культурный успѣхъ каждаго государства требуетъ все болѣе тѣсной связи его съ международнымъ общеніемъ. Какъ выражается Лоримеръ [1]) «l'interdépendance des états progressifs est necessairement progressive».

[1]) Lorimer: Le problème final du droit international въ Revue d. dr. int. IX стр 175.

Digitized by Google

Поэтому, говоритъ Прейсъ, правъ Цоръ, утверждающій, что суверенитетъ и международное право—два взаимноисключающихъ понятія. То же самое мы замѣчаемъ и въ явленіяхъ внутренней жизни государства. Въ настоящее время, по крайней мѣрѣ въ Европѣ, государство въ отношеніи къ общинамъ и другимъ союзамъ не является какимъ-то исключительнымъ въ своемъ родѣ союзомъ, единственнымъ носителемъ публичныхъ правъ, но только однимъ изъ многихъ въ ряду, хотя и высшихъ, но однородныхъ съ нимъ союзовъ. Въ отличіе отъ прежняго времени эти союзы являются не простыми географическими частями суверенаго государства, но носителями собственной волевой сферы, личностями публичнаго права.

Еще нагляднѣе этотъ процессъ разрушенія идеи суверенитета абсолютнаго государства выражается во все болѣе развивающейся въ новое время организаціи сложныхъ государствъ. Здѣсь политическіе союзы, которые притязуютъ еще считаться государствами, признаютъ надъ собой правовую связь и общеніе, которое по своей организаціи и власти еще рѣшительнѣе, чѣмъ новѣйшее международноправовое общеніе, отвергаетъ абсолютную внѣшнюю несвязанность, независимость государствъ. Эти государства—члены сложнаго государства имѣютъ такое значеніе, что едва-ли можно отрицать ихъ качество самостоятельныхъ личностей публичнаго права.

И всему этому развитію современной государственной жизни, восклицаетъ Прейсъ, суверенитетъ долженъ противопоставить въ силу самой своей сущности абсолютное вето. Поэтому понятіе, которое ставитъ непреодолимыя преграды для правильнаго построенія публичноправовыхъ отношеній, которое отрицаетъ все современное ихъ развитіе и создано въ то время, когда отсутствовало какое бы-то ни было публичное право, такое понятіе не должно болѣе имѣть мѣста въ современномъ правѣ; это—чисто историческое понятіе. Изгнаніе понятія суверенитета, этого корня зла всей науки

Digitized by Google

публичнаго права, изъ догматики государственнаго права является поэтому, заключаетъ Прейсъ, лишь небольшимъ шагомъ впередъ по давно проложенной дорогѣ нашей науки [1]).—

Таковы утвержденія Прейса, направленныя противъ суверенитета. Мы здѣсь нарочно изложили подробно доводы Прейса, такъ какъ они наиболѣе ярко выражаютъ тѣ сомнѣнія, которыя могутъ возникнуть на счетъ значенія суверенитета для современнаго публичнаго права. Мнѣніе Прейса не осталось одинокимъ. Къ аналогичнымъ выводамъ съ Прейсомъ приходитъ и французскій ученый, профессоръ Дюгюи, несмотря на все различіе основныхъ воззрѣній обоихъ ученыхъ на природу государства. Въ то время, какъ Прейсъ развиваетъ органическое ученіе о государствѣ, Дюгюи рѣшительно отвергаетъ не только органическое ученіе о государствѣ, но и ученіе о юридической личности государства.

Воззрѣніе Дюгюи.

Въ своемъ трудѣ: «L'Etat, le droit objectif et la loi positive» 1901 Дюгюи приходитъ къ слѣдующимъ положеніямъ: право представлять собою правила человѣческаго поведенія, основанныя на принципѣ общественной солидарности [2]) Государство—не юридическая личность, но лишь группа людей, которые въ обществѣ фактически и матерьяльно сильнѣе другихъ. Общество же—собраніе людей, совокупность индивидовъ, соединенныхъ общностью потребностей и взаимностью услугъ, т. е. солидарностью въ силу сходства и раздѣленія труда. Индивиды, болѣе сильные нежели другіе, должны употреблять свою матерьяльную силу на реализацію общественной солидарности. Эти сильнѣйшіе индивиды являются управляющими, и всякое общество, гдѣ возникла дифференціація между управляющими и управляемыми, есть государство. Воля управляющихъ—чисто индивидуальная воля, а не воля какой-то личности государства. Управляющіе

[1]) Preuss: назв. соч. стр. 100—136.

[2]) Duguit: назв. соч. стр. 80 сл.

Digitized by Google

также не имѣютъ права власти и суверенитета, какъ и управляемые. Но воля и сила управляющихъ должна сообразоваться съ правомъ, т. е. съ правилами общественной солидарности, иначе она не будетъ правомѣрна [1]). Существуетъ право противъ самого государства, такъ какъ государство не есть творецъ права, а только сильнѣйшіе, господствующіе надъ слабѣйшими, и сильнѣйшіе подчинены объективному праву. Государство это сила регулируемая правомъ [2]). Различія между частнымъ и публичнымъ правомъ нѣтъ. Права публичной власти и субъективныхъ правъ государственной власти нѣтъ, а существуетъ только принадлежащія властвующимъ и подданнымъ объективная власть хотѣнія (pouvoir objectif de vouloir) согласно съ правомъ [3]). Понятіе государственной личности и суверенитета являются продуктомъ чисто монархическаго права, возникшаго изъ феодальнаго режима. Нѣкогда эти понятія соотвѣтствовали фактамъ, но теперь они пережили вызвавшія ихъ причины и являются лишь пустымъ звукомъ.

Государство отождествлялось когда-то съ личностью монарха. Суверенитетъ сначала означалъ собою характеръ феодальной невассальной сеньоріи, [4]), т. е. независимой отъ другой отъ сеньоріи. Затѣмъ, во второй половинѣ 16 в., начиная съ Бодена, принимаютъ часть за цѣлое, независимость власти за самую власть, и суверенитетомъ называютъ самую абсолютную королевскую власть. Такимъ образомъ, суверенитетъ означаетъ абсолютную верховную власть короля, огра-

[1]) Назв. соч. стр. 19 сл., 349 сл.

[2]) Назв. соч. стр. 265.

[3]) Назв. соч. стр. 270 сл.

[4]) Это утвержденіе Дюгюи, во всякомъ случаѣ, неправильно. Такъ называемые бароны, хотя и считались суверенами въ своихъ баронiяхъ, но, несмотря на свою фактическую независимость отъ королевской власти, все же de jure считались вассалами короля. Хотя власть такихъ барономъ признавалась имъ принадлежащею на правѣ собственности, но о своеобразномъ характерѣ этого феодальнаго права собственности см. Шалландъ: Юридическая природа территоріальнаго верховенства т. I 1903 стр. 63 сл.

Digitized by Google

ниченную лишь правилами религіи и естественнымъ правомъ. Какъ и сеньорія, власть эта признается принадлежащей монарху на правѣ собственности. Суверенитетъ является абсолютной, недѣлимой, неотчуждаемой и вѣчной собственностью короля. Суверенаго короля замѣняетъ затѣмъ въ доктринѣ суверенный народъ и, наконецъ, суверенное государство. При этомъ суверенитетъ народа и государства удерживаетъ по традиціи тотъ же абсолютный характеръ, какъ и его историческій корень—монархическій суверенитетъ. Современный строй государства несогласимъ съ такимъ абсолютнымъ понятіемъ суверенитета.

Отсюда – необходимость примиренія съ дѣйствительностью и безконечные споры о суверенитетѣ. Абсолютный суверенитетъ на правѣ собственности исчезъ вмѣстѣ съ послѣдними остатками феодальнаго строя и абсолютнаго монархическаго государства. Право властвованія теперь никому не можетъ принадлежать. Противъ же примѣненія слова «суверенитетъ» въ области международнаго права возразить ничего нельзя. Здѣсь это слово, говоритъ Дюгюи, означаетъ нѣчто реальное и точное. Суверенитетъ здѣсь означаетъ положеніе правителя, который въ сношеніяхъ съ правителями иностранныхъ политическихъ союзовъ является независимымъ отъ нихъ. Въ области же внутренняго права суверенитетъ—ничто. Это лишь удобное слово для оправданія произвола власти и юридическая маска для абсолютистскихъ теорій. Съ того времени, говоритъ Дюгюи, какъ исчезла идея, что человѣкъ можетъ начальствовать только потому, что онъ сеньоръ, не можетъ быть и рѣчи о суверенитетѣ. Должно совершенно исключить это слово изъ политической науки, и тогда устранятся всѣ затрудненія, выяснится безплодіе многочисленныхъ споровъ и объяснятся многіе факты, которые подводятся теперь подъ устарѣвшія рубрики [1]).—

---

[1]) Duguit: Назв. соч. стр 336—349.

Digitized by Google

Мы видимъ, такимъ образомъ, что Прейсъ и Дюгюи согласны въ одномъ и томъ же, что суверенитетъ является чисто историческимъ понятіемъ, продуктомъ пережитой эпохи абсолютнаго государства и означаетъ абсолютную безграничную власть, о каковой не можетъ быть и рѣчи въ современномъ правовомъ государствѣ. Дюгюи, только въ противоположность Прейсу, все же допускаетъ понятіе суверенитета въ области международныхъ отношеній для выраженія внѣшней независимости представителя государства. Вообще же понятіе суверенитета представляетъ собою, по мнѣнію указанныхъ ученыхъ, лишь камень преткновенія въ публичномъ правѣ, и потому оба писателя требуютъ изгнанія этого понятія изъ науки публичнаго права. Но входя здѣсь въ разборъ органическаго ученія Прейса о государствѣ и парадоксальнаго матерьялистическаго воззрѣнія Дюгюи, остановимся лишь на ихъ возраженіяхъ противъ суверенитета.

Основная ошибка обоихъ этихъ ученыхъ заключается въ томъ, что они совершенно неправильно принимаютъ одинъ изъ фазисовъ идеи суверенитета, одну изъ формъ, которыя принимала эта идея въ своемъ историческомъ развитіи, за самую сущность суверенитета.

Мы уже говорили выше, что сущность суверенитета, какъ это показываетъ все историческое развитіе этого понятія, заключается не въ утвержденіи безграничности и абсолютизма государственной власти, но въ указаніи того ея правового характера, въ силу котораго власть эта является высшей и независимой территоріальной властью.

Изъ того, что суверенная власть, является выше всѣхъ другихъ властей въ предѣлахъ своего территоріальнаго господства и не зависитъ поэтому ни отъ какой другой власти, не слѣдуетъ, что она—всепоглощающая и безграничная власть. Правда, монархи, какъ Людовикъ XIV, и писатели абсолютисты, какъ Гоббесъ, понимали суверенитетъ въ такомъ абсолютномъ смыслѣ. Можно даже сказать, что эпоха абсолютной

Digitized by Google

монархіи на западѣ Европы представляетъ собой такой фазисъ въ развитіи идеи суверенитета, когда существовала тенденція толковать это понятіе въ смыслѣ полной безграничности власти, принадлежащей монарху какъ бы на правѣ собственности. Абсолютные монархи, въ рукахъ которыхъ находилась вся ихъ громадными усиліями централизованная и монополизированная публичноправовая власть, смотрѣли на себя вмѣстѣ съ современниками, преклонявшимися передъ историческими заслугами королевской власти и ея внѣшнимъ блескомъ, какъ на властителей Божіею милостью, которымъ принадлежитъ неограниченная власть по Божіему соизволенію и по собственному праву, а не въ силу государственнаго уполномочія, не въ силу публичнаго права, возложившаго на монарха функціи высшаго органа государства, или, какъ выражался прусскій король Фридрихъ Великій, обязанности перваго слуги государства. Исторія даже явила примѣры властителей и политическихъ ученій, у которыхъ понятіе права и закона сводилось къ произволу и понятіе власти къ непризнающей никакихъ границъ, хотя бы въ видѣ чисто объективныхъ правовыхъ нормъ, всепоглощающей власти суверена. У Макіавелли абсолютный властитель руководится лишь однимъ чисто личнымъ соображеніемъ о государственномъ интересѣ, у Бодена абсолютная власть умѣряется еще естественнымъ правомъ и Божескими законами, у Гоббеса же и эти границы сводятся къ нулю, и суверенъ, какъ земной Богъ, Левіаѳанъ, какъ всепоглощающая сила, царитъ надъ подданными. Подданные Гоббесомъ прямо объявляются рабами государства, государство все сводится къ личности властителя. На основѣ такихъ принциповъ нельзя, конечно, говорить о какихъ-либо правовыхъ отношеніяхъ между властвующими и подвластными, какъ нельзя говорить о юридическихъ отношеніяхъ между господиномъ и совершенно безправнымъ рабомъ.

Но это, говоримъ мы, былъ лишь одинъ изъ фазисовъ

Digitized by Google

въ развитіи понятія государственной власти и суверенитета, одна изъ тѣхъ формъ, которыя принимала идея суверенитета въ представленіяхъ крайнихъ сторонниковъ абсолютизма. На самомъ дѣлѣ нигдѣ, даже при господствѣ наиболѣе деспотичныхъ властителей, власть государственная не осуществлялась внѣ всякихъ правовыхъ формъ, регулировавшихъ и умѣрявшихъ ея осуществленіе и направлявшихъ властвованіе въ извѣстныя правовыя границы, хотя бы эти границы фактически часто нарушались. Подвластные не являлись рабами, лишенными всякихъ частныхъ и публичныхъ правъ. Идея суверенитета, какъ и всякая идея въ исторіи, доводилась до ея крайнихъ предѣловъ логическаго развитія, но и сама фактическая сила власти, на коей она зиждилась, встрѣчала цѣлый рядъ матерьяльныхъ же ограниченій и сдержекъ въ той общественной средѣ, гдѣ она дѣйствовала, и съ которыми необходимо долженъ считаться самый могущественный властитель на землѣ. Самая идея безграничности публичной власти встрѣтила тотчасъ же отпоръ, какъ мы видѣли, въ противоположныхъ идеяхъ правового ограниченія власти естественнымъ и положительнымъ правомъ, въ идеѣ раздѣленія властей и въ разнообразныхъ оттѣнкахъ ученія о народномъ суверенитетѣ. Мы видѣли изъ исторіи суверенитета, какъ съ несокрушимою силой, шагъ за шагомъ, развивается представленіе, что суверенная власть, будучи высшею и независимою властью, въ то же время не есть власть безграничная, не есть голая, всепоглощая сила или ничѣмъ не регулируемая воля властителя, но власть публичноправового характера, власть, осуществляемая въ формѣ и предѣлахъ права. Всякое лицо въ государствѣ, имѣетъ настолько власти, насколько въ силу правового порядка государства оно надѣлено правомъ приказывать и принуждать къ исполненію своихъ приказовъ. Въ свою очередь этимъ правовымъ порядкомъ за подвластными признается цѣлый рядъ правъ не только въ области частныхъ отношеній, но и въ публичноправовой области; права эти съ

Digitized by Google

теченіемъ времени расширяются и получаютъ все болѣе дѣйствительную правовую защиту.

Воля государства, какъ юридически организованнаго общественнаго цѣлаго, какъ юридической личности публичнаго права, властвуетъ надъ всѣми личностями и союзами въ предѣлахъ его территоріи, но властвуетъ не безграничнно. Государство, какъ субъектъ правъ властвованія, какъ властвующая юридическая личность, противопоставляемая логически всѣмъ другимъ физическимъ и юридическимъ личностямъ, живущимъ или организованнымъ на его территоріи, является непремѣнно результатомъ извѣстной правовой организаціи, обладаетъ единствомъ и волею организованными правомъ же. Поэтому оно не можетъ властвовать иначе какъ въ формѣ и предѣлахъ права. Воля конкретныхъ представителей власти, несогласная съ правомъ, его нарушающая, не будетъ волей государства, а частной волей тѣхъ или другихъ личностей въ государствѣ, юридически необязательной, недѣйствительной. И все развитіе правовой идеи въ современныхъ культурныхъ государствахъ, показываетъ намъ прогрессирующее стремленіе создать гарантіи въ самомъ прововомъ порядкѣ, которыя воспрепятствовали бы обращенію этого принципа въ мертвую формулу, въ пустой звукъ. Утверждать поэтому, какъ это дѣлаютъ Прейсъ и Дюгюи, что идея суверенитета, высшей и независимой государственной власти, тождественна съ однимъ изъ моментовъ ея развитія, съ идеей деспотизма и абсолютизма, несовмѣстимой съ самымъ понятіемъ правового порядка,— превратно и противорѣчитъ исторіи суверенитета. Это все равно, что утверждать, что и самое понятіе государственной власти всегда предполагаетъ ея безграничность, такъ какъ была эпоха, когда государственная власть дѣйствительно мыслилась часто какъ безграничная. Лабандъ остроумно замѣчаетъ по поводу полемики Прейса противъ суверенитета, понимаемаго въ смыслѣ такой безграничной власти абсолютнаго государства, что «борьба съ такимъ суверенитетомъ есть

Digitized by Google

борьба съ вѣтряными мельницами; такъ какъ всѣ согласны въ томъ, что подобная власть не только не существенна для современнаго понятія государства, но и вообще не можетъ быть осуществлена» [1]). Любопытно, что самъ Прейсъ, несмотря на всю свою полемику противъ суверенитета, въ концѣ концовъ, самъ не замѣчая этого, не можетъ обойтись безъ этого понятія въ своей государственной теоріи. Онъ разсматриваетъ государство, какъ соціальный организмъ, какъ сообщество (Genossenschaft), какъ сложное цѣлое, «единство во множествѣ», представляющее собой цѣлый комплексъ территоріальныхъ корпорацій, изъ которыхъ каждая обладаетъ опредѣленной самостоятельной сферой жизни и органически входитъ въ составъ болѣе широкой территоріальной корпораціи. Самой обширной корпораціей, включающей въ себя всѣ остальныя, и является у Прейса государство. Оно отличается, говоритъ Прейсъ, отъ всякой другой территоріальной корпораціи тѣмъ, что обладаетъ территоріальнымъ верховенствомъ. Послѣднее же Прейсъ опредѣляетъ какъ способность такой территоріальной корпораціи, какъ государство, измѣнять и уничтожать какъ саму себя, такъ и входящія въ нее другія территоріальныя корпораціи [2]).

Такимъ образомъ, отрицая понятіе суверенитета даже въ смыслѣ высшей власти, неподчиненной никакой другой правовой власти, Прейсъ въ концѣ концовъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой, такъ какъ въ своемъ построеніи государства приходитъ въ концѣ концовъ къ послѣдней территоріальной корпораціи, которая обнимаетъ собою всѣ другія корпораціи, можетъ ихъ уничтожать и измѣнять, не входя сама въ какую-либо другую высшую корпорацію, и является слѣдовательно безусловно высшей, властвующей надъ всѣми включенными въ нее корпораціями. Похороненный Прейсомъ

---

[1]) Laband: Staatsr. d. d. Reiches 1901 B. I стр. 69 пр. 2.

[2]) Preuss: Назв. соч. стр. 263 сл., стр. 406.

Digitized by Google

суверенитетъ, незамѣтно для него, имъ самимъ же воскрешается [1]).

Такую же непослѣдовательность мы замѣчаемъ и у Дюгюи. Онъ допускаетъ суверенитетъ въ области международныхъ отношеній для означенія независимости представителя государственной власти отъ представителей власти другихъ государствъ. Но такъ какъ такой представитель власти, будучи сильнѣйшимъ внутри государства, выражаясь словами Дюгюи, господствуетъ надъ всѣми другими лицами въ государствѣ, то, слѣдовательно, власть его является не только независимой, но и высшей внутри государства, т. е. суверенной.

Такимъ образомъ, попытки Прейса и Дюгюи изгнать понятіе суверенитета изъ ихъ государственныхъ теорій кончаются весьма неудачно. Другой вопросъ, насколько совмѣстимо понятіе суверенитета съ тѣми указываемыми Прейсомъ правовыми ограниченіями, которыя въ настоящее время государственная власть находитъ въ области международнаго права и права государственнаго, въ частности въ правѣ различныхъ самоуправляющихся союзовъ внутри государства. Этотъ вопросъ мы разсмотримъ особо, въ главѣ о правовыхъ границахъ суверенной власти.

---

[1]) Ср. также Laband: Staatsrecht d. d. Reiches B. I. 1901 стр. 69 пр. 2.
Rehm: Krit. Vierteljahrschrift B. 32 стр. 430 сл.
Gierke: Deutsches Privatrecht стр. 475 пр. 5.
Boghitchevitch: Halbsouveränität стр. 125 пр. 55.

Digitized by Google

ГЛАВА V.

Вопросъ о правовыхъ границахъ суверенной власти.

Мы видѣли изъ исторіи развитія идеи суверенитета, что вопросъ о правовыхъ границахъ суверенной власти уже съ давнихъ поръ занималъ политиковъ и ученыхъ. Въ то время, какъ одни, слѣдуя Бодену, утверждали, что суверенитетъ—власть, неограниченная никакимъ положительнымъ правомъ (legibus soluta potestas) и подчиненная лишь законамъ Бога и природы, другіе утверждали, что суверенная власть ограничена не только божескими законами и естественнымъ правомъ, но и правомъ положительнымъ, человѣческими законами.

Лишнее было-бы доказывать, что при относительности всѣхъ земныхъ отношеній немыслимо существованіе на землѣ какой-либо всепоглощающей абсолютной силы, которая не находила бы противодѣйствія и ограниченія въ другихъ силахъ. Само собой разумѣется, что и власть государства, какъ организованная общественная сила, какъ власть человѣческаго союза, ограничена какъ самою природою человѣка, такъ и вообще всей совокупностью факторовъ, которые обусловливаютъ всѣ проявленія жизни человѣческихъ обществъ и, слѣдовательно, власть общественную. Но, если суверенная власть ограничена, такъ сказать, фактически, матерьяльно, то ограничена-ли она также формально, юридически? Имѣетъ-ли она

Digitized by Google

какія-либо правовыя границы? Другими словами, подчинена ли суверенная власть положительнымъ юридическимъ нормамъ, правиламъ должнаго, выработавшимся въ общественномъ союзѣ, и имѣющимъ характеръ внѣшнихъ приказовъ для тѣхъ субъектовъ, отношенія которыхъ онѣ должны регулировать?

Мы разрѣшаемъ здѣсь лишь вопросъ объ ограниченіи государства положительнымъ правомъ, такъ какъ только таковое мы признаемъ правомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Что касается, такъ называемаго, естественнаго права, то поскольку оно понимается какъ вѣчныя, неизмѣнныя нормы должнаго, вытекающія изъ природы отношеній или разума, то о существованіи такого права говорить не приходится, такъ какъ оно вполнѣ опровергнуто современной юридической наукой. Также мы не можемъ признавать правомъ то измѣнчивое естественное право, идея котораго выдвинута многими современными учеными, такъ какъ видимъ въ этомъ «измѣнчивомъ естественномъ правѣ» лишь теоретическія положенія, нравственныя нормы, личныя и общественные правовые идеалы, или требованія de lege ferenda, имѣющіе глубокое и важное значеніе для общественной жизни и правообразованія, но не представляющіе собою само право въ строгомъ смыслѣ этого слова [1]). Впрочемъ, и сами сторонники новѣйшаго ученія измѣнчиваго естественнаго права, какъ различно они его ни опредѣляютъ, все же сходятся въ томъ, что отрицаютъ за этимъ называемымъ ими правомъ положительную, обязательную силу дѣйствія. Это право должно лишь быть идейнымъ масштабомъ для оцѣнки и соотвѣтствующаго преобразованія положительнаго права, которое одно является общеобязательнымъ, пока не будетъ отмѣнено или измѣнено въ надлежащемъ порядкѣ другой также положительной правовой нормой [2]).

[1]) См. нашу ст. Нормативный характеръ права. Временникъ Демидовскаго Юрид. Лицея кн. 86. 1903.

[2]) См. Stammler: Wirthschaft und Recht 1896 стр. 185.
Его же Die Lehre vom richtigen Rechte 1902 стр. 104 сл.

Digitized by Google

Въ виду всего этого, разсматривая вопросъ объ ограниченіи государственной власти правомъ, мы имѣемъ въ виду только положительное право, т. е. право въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Итакъ, является-ли право такой же внѣшней формальной границей для самого государства и его власти, какъ и для всѣхъ другихъ, подчиненныхъ государству лицъ. Вопросъ, такимъ образомъ, ставится не о мотивахъ и чисто политическихъ соображеніяхъ [1]), убѣждающихъ въ цѣлесообразности и разумности добровольнаго соблюденія государственною властью права, изъ опасенія подрыва основъ собственнаго же существованія и уваженія гражданъ къ законамъ, но вопросъ о томъ, чѣмъ является по своему формальному значенію право для самого государства, является-ли оно внѣшней безусловно обязательной, юридической нормой для государства или нормой какого-либо другого характера, напримѣръ нормой, обязательность которой для государства основана исключительно на волѣ и убѣжденіи самого государства, т. е. его нравственной нормой.

Если въ первоначальный періодъ общественной жизни главной формой права было обычное право, которое вырабатывается и дѣйствуетъ въ обществѣ помимо и независимо отъ велѣній какой-либо организованной власти, то съ теченіемъ времени государственная власть сдѣлалась, если и не исключительнымъ, какъ неправильно думаютъ многіе [2]), то, во всякомъ случаѣ, главнымъ творцомъ правовыхъ нормъ въ ихъ высшей формѣ, въ формѣ закона; наконецъ, и обычное право примѣняется самыми государственными органами лишь постольку, поскольку это дозволяется закономъ. Законъ же представляетъ собой юридическую норму, установленную самой государственной властью, и его обязательная сила для всѣхъ подчиненныхъ государству зиждется на томъ,

[1]) О нихъ см. Jhering: Zweck im Recht B. I 1877 стр. 366 сл.

[2]) Обычное право и въ настоящее время продолжаетъ во многихъ отношеніяхъ вырабатываться и дѣйствовать помимо государственной власти и независимо отъ признанія его закономъ.

Digitized by Google

что законъ является выраженіемъ властной воли государства, которой подчинены всѣ лица и союзы въ государствѣ. Но является-ли законъ такой же обязательной юридической нормой для самого издающаго его государства, какъ цѣлаго, какъ юридической личности? Если законъ есть выраженіе внѣшне авторитетной воли государства, направленное на регулированіе отношеній подчиненныхъ ей лицъ, то на чемъ основана обязательная сила его для самаго государства, такъ какъ современное воззрѣніе на право, находящее себѣ несомнѣнное выраженіе и въ дѣйствительной жизни, состоитъ въ томъ, что право, а, слѣдовательно, и законъ, обязательно не только для подвластныхъ, но и для властвующихъ, и что послѣдніе не только должны желать, но и обязаны дѣйствовать не произвольно, а правомѣрно и, слѣдовательно, находить въ правѣ свое опредѣленіе и ограниченіе. Прежде, когда на право смотрѣли, какъ на выраженіе воли божества или какъ на священный завѣтъ предковъ, т. е. приписывали его происхожденіе авторитету, возвышающемуся не только надъ подвластными, но и властвующими, обязанность послѣднихъ повиноваться этому священному праву вытекала сама-собой. Когда же воззрѣніе на право отрѣшилось отъ теократической окраски, то естественноправовое ученіе выдвинуло идею права, вытекающаго изъ разума и природы вещей, вѣчнаго и неизмѣннаго права естественнаго, и идею неотчуждаемыхъ естественныхъ правъ человѣка. Всякое положительное право, какъ и сама государственная власть, разсматривались какъ результатъ договора свободныхъ личностей и договорнаго подчиненія власти, въ основѣ которыхъ лежали непреложныя нормы естественнаго права, возвышающіяся надъ всякимъ положительнымъ правопорядкомъ и государствомъ. И если, какъ мы видѣли изъ историческаго развитія идеи суверенитета, многіе утверждали, что носитель суверенной власти не только подчиненъ праву естественному, но и праву положительному, особенно основнымъ законамъ государства,

Digitized by Google

то необходимо вспомнить, что и самая обязательность этихъ положительныхъ и основныхъ законовъ для суверена основывалась, по господствующему воззрѣнію, лишь на томъ, что они вытекаютъ изъ договора или сами представляютъ собою, какъ напримѣръ, основные законы, этотъ первоначальный договоръ, устанавливающій государство и суверенную власть, или же выводили обязательность положительнаго права изъ божественной воли [1]). Въ этомъ отношеніи послѣдовательнѣе были тѣ, которые, какъ Боденъ, строго отличая естественное и божеское право отъ положительнаго и подчиняя суверена естественному и божественному правамъ, утверждали, что суверенъ не подчиненъ лишь положительнымъ законамъ, отъ него самого исходящимъ, и что эти законы не только не имѣютъ по отношенію къ суверену принудительной силы (vis coactiva). но и вообще не могутъ быть признаваемы для него обязательными предписаніями (vis directiva), не являются собственно законами для самого суверена, но лишь добровольно соблюдаемыми имъ правилами. Въ этомъ именно смыслѣ Боденъ и формулировалъ суверенитетъ, какъ высшую и несвязанную законами государственную власть.

Во всякомъ случаѣ, признаніе, такъ называемаго, естественнаго права въ огромной мѣрѣ облегчало возможность построенія теорій о юридической связанности суверенной власти.

Когда ученіе о неизмѣнномъ и вѣчномъ естественномъ правѣ пало, въ конституціонной доктринѣ и въ политической жизни еще долго удерживалось воззрѣніе, что конституція, основные законы, представляютъ собой договоръ между двумя

---

[1]) См. Gierke: Joh. Alth. 2 Ausgabe 1902 стр. 281 сл.

Извѣстный юристъ 16 вѣка, Ульрихъ Цазій, хотя и энергично утверждалъ, что суверенъ подчиненъ не только естественному и божескому праву, но и положительному, но мотивировалъ такое мнѣніе тѣмъ, что „jura sunt divinitus per ora principum promulgata". См. Gierke: тамъ же стр. 282.

Digitized by Google

самостоятельными субъектами, монархомъ и народомъ, и въ качествѣ договора являются юридически обязательными для обѣихъ сторонъ. Такое воззрѣніе находило себѣ опору какъ въ вышеупомянутой идеѣ естественнаго права, дающаго юридическую санкцію такому договору, такъ и въ идеѣ народнаго суверенитета, въ силу которой народу всегда принадлежатъ естественныя неотчуждаемыя права по отношенію къ монарху и право контролировать дѣйствія государственной власти, и, наконецъ, находило себѣ и фактическую опору въ постоянныхъ компромиссахъ и договорахъ между монархомъ и представителями сословій или народа въ средніе вѣка и даже въ новое время. Когда этотъ дуализмъ въ пониманіи государства и его властвованія, какъ договорнаго отношенія между двумя противостоящими субъектами, народомъ и правительствомъ, былъ устраненъ дальнѣйшими успѣхами научной мысли, и элементы входящіе въ составъ государства, нашли свое объединеніе въ формальномъ понятіи единой юридической личности государства, властвующей суверенно и по собственному праву надъ всѣми лицами и союзами въ предѣлахъ своей территоріи, для объясненія юридической связанности самой правотворческой государственной власти было выдвинуто новое ученіе о юридическомъ самоограниченіи, самообязываніи государства, ученіе, нашедшее со времени Іеринга [1]) немало сторонниковъ въ юридической литературѣ и особенно разработанное современнымъ выдающимся нѣмецкимъ ученымъ, Георгомъ Еллинекомъ [2]).

Теорія Іеринга.

Іерингъ утверждалъ, что совершенное право представляетъ собой двусторонне связывающую силу закона, посредствомъ котораго государство не только обязы-

[1]) Jhering: Zweck im Recht B. I 1877 стр. 249, 322, 344 сл., 365, 413, 523 сл.

[2]) Jellinek: Die Lehre v. d. Staatenverbindungen 1882 стр. 32 сл.
Его же Syst. d. subject öffentl. Rechte 1892 стр. 185 сл., 223 сл.
Его же: Ueber die rechtliche Natur der Staatenverträge стр. 9—45.
Его же: Das Recht d. mod. Staates B. I 331—338.

Digitized by Google

ваетъ подчиненныхъ ему лицъ, но и само подчиняетъ себя установленному закону [1]). Но въ то же время Іерингъ утверждаетъ, что лишь судебная и правительственная власть подчинены законамъ, законодательная же власть, напротивъ, стоитъ выше закона; поэтому каждый законъ, который она издаетъ, каково-бы ни было его содержаніе, является всегда въ юридическомъ смыслѣ вполнѣ легальнымъ актомъ. Законодательная власть, говоритъ Іерингъ, никогда не можетъ поступать неправомѣрно, незаконно: утверждать противное, это значитъ утверждать, что законодательная власть не можетъ измѣнять законы, но это противорѣчитъ самому существу законодательной власти [2]). Впрочемъ, право законодательной власти является вмѣстѣ съ тѣмъ ея нравственною обязанностью. Поэтому государственная власть не должна злоупотреблять этимъ правомъ, а пользоваться имъ въ интересахъ общества, согласно съ общими основаніями права, которое мы носимъ въ себѣ самихъ, и согласно съ правомъ, которое законодатель самъ установилъ.—Противъ этихъ замѣчаній Іеринга необходимо замѣтить, что разъ законодательная власть, эта важнѣйшая функція государства, посредствомъ которой государство выражаетъ свою волю и устанавливаетъ весь правовой порядокъ въ государствѣ [3]), не связана законами, или, какъ выражается Іерингъ, стоитъ выше законовъ, то оказывается въ сущности, что государство связано правомъ лишь какъ чисто нравственной нормой или же даже какъ технической нормой, которой оно руководится исключительно по собственному желанію и соображенію, и то, что является правомъ для подчиненныхъ государству, не будетъ въ такомъ же смыслѣ правомъ для самого государства. Государственная власть едина и недѣлима и, разъ эта власть въ высшемъ своемъ проявленіи—въ законодательной функціи не связана

---

[1]) Jhering: Zweck im Recht B. I стр. 344.

[2]) Jhering: тамъ же стр. 350.

[3]) Ср. Laband: D. Staatsrecht d. D. Reiches B. II 1901 стр. 67 сл.

Digitized by Google

правомъ, она не связана правомъ вообще. Такимъ образомъ, оказывается, что изъ утвержденій Іеринга логически вытекаетъ формальная неограниченность государственной власти законами, какъ это утверждалъ Боденъ. Соблюдать право есть нравственная обязанность государства, но не юридическая. И такой выводъ изъ положеній Іеринга вполнѣ согласуется съ основнымъ утвержденіемъ Іеринга, что право есть совокупность дѣйствующихъ въ государствѣ принудительныхъ нормъ, и что единственнымъ источникомъ права, его творцомъ, является само государство [1]).

Право, говоритъ Іерингъ, есть политика силы. Не право господствуетъ вмѣсто власти, но сама власть господствуетъ всегда и вездѣ, она занимаетъ тронъ и держитъ мечъ въ рукахъ, а право только служитъ ей, какъ компасъ кормчему [2]). Абсолютное требованіе государственной власти состоитъ въ обладаніи высшею властью, превосходящей всякую другую власть въ предѣлахъ государственной территоріи. Эта-то власть и называется суверенитетомъ, говоритъ Іерингъ [3]). Принудительная власть и право принужденія составляютъ абсолютную монополію государства [4]).—

Но разъ право, по воззрѣнію Іеринга, представляетъ собою принудительныя нормы, исходящія отъ самой государственной власти, то ясно, что нормы эти не могутъ имѣть такого принудительнаго характера, т. е. быть правомъ, съ точки зрѣнія Іеринга, по отношенію къ самому государству, такъ какъ государство никто (конечно, и оно само себя) не можетъ принуждать. Слѣдовательно, нормы эти являются для самого государства лишь нравственными границами, а не правовыми, являются, точнѣе говоря, мѣрпломъ внутренняго самоопредѣленія государства, а не внѣшнимъ формальнымъ, юридическимъ предѣломъ его власти. Такой выводъ, говоримъ

[1]) См. Jhering: тамъ же стр. 318 сл.
[2]) Jhering: тамъ же стр. 252, 255.
[3]) Jhering: тамъ же стр. 310 сл.
[4]) Jhering: тамъ же стр. 316.

Digitized by Google

мы, логически вытекаетъ изъ всего ученія Іеринга объ отношеніи права и государства, и даже прямо высказывается самимъ Іерингомъ, когда онъ говоритъ, что законодательная власть стоитъ выше закона, т. е. законъ для нея не является внѣшней границей.

Теорія Еллинека.

Другое воззрѣніе, что право, законъ является внѣшнимъ, формальнымъ, юридическимъ ограниченіемъ государства, что государственная власть стоитъ не выше закона, а подчинена ему, высказываетъ Еллинекъ.

Еллинекъ основываетъ свой взглядъ на своей теоріи юридическаго самоограниченія, на доказательствѣ логической возможности односторонняго юридическаго самообязыванія. Современная этика, говоритъ онъ, построена на началѣ автономіи. Лишь тѣ дѣйствія имѣютъ нравственную цѣнность, которыя вытекаютъ изъ нравственнаго настроенія лица, т. е. изъ управляемой самоустановленнымъ нравственнымъ велѣніемъ воли. Волю, нравственно дѣйствующую, связываетъ не внѣшній авторитетъ, но законы ея совѣсти. Актъ обязыванія есть актъ мотиваціи, состоящій въ томъ, что волѣ полагается требованіе (все равно, исходитъ-ли оно отъ себя или другихъ) признавать опредѣленный мотивъ абсолютно сильнѣйшимъ. Лишь мои собственныя представленія могутъ опредѣлять меня, и законъ, который исходитъ отъ чуждой для меня власти, можетъ лишь тогда получить силу и жизнь, если я самъ предписалъ его въ руководство своей волѣ. Въ этомъ смыслѣ всякое обязываніе есть въ нѣкоторомъ смыслѣ самообязываніе [1]).—Всякая норма, а, слѣдовательно, и право, основывается на мотиваціи субъекта. Все это совершенно справедливо, но дѣло въ томъ, что обязываніе и самообязываніе можетъ имѣть различный характеръ и можетъ лишь тогда имѣть юридическій характеръ, когда оно вытекаетъ изъ объективной нормы права или признается ею, санкціонируется

[1]) Jellinek: Die rechtl. Natur der Staatenverträge 1880 стр. 14 сл.

Digitized by Google

ею; норма же права, какъ мы говорили уже выше, въ отличіе отъ нравственной нормы всегда является внѣшней нормой, и имѣетъ характеръ внѣшняго приказа, а не является однимъ лишь чисто индивидуальнымъ представленіемъ или волеопредѣленіемъ лица. Самъ Еллинекъ опредѣляетъ право, какъ нормы, исходящія отъ признаннаго внѣшняго авторитета [1]). Государство же не можетъ быть для самого себя внѣшнимъ авторитетомъ. Еллинекъ же энергично утверждаетъ, что все право въ современномъ государствѣ исключительно создается или же получаетъ свое признаніе отъ самого государства [2]).

Между тѣмъ, когда онъ говоритъ о личности государства и объ отношеніи къ ней установленнаго ею же права, онъ доказываетъ въ противорѣчіи съ собственнымъ же опредѣленіемъ права, какъ внѣшне-авторитетныхъ нормъ, что самообязываніе государства имѣетъ вполнѣ юридическій характеръ. Другими словами, что право, установляемое государствомъ, для него самого, какъ личности, имѣетъ не нравственную только, а именно юридически обязательную силу, является правовой границей и для самой государственной власти. Эту юридическую связанность государства Еллинекъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Совершенное государство дѣйствуетъ лишь на основаніи возникающихъ и измѣняющихся въ извѣстныхъ правовыхъ формахъ правилъ права. Эти правила связываютъ государственные органы. Вмѣстѣ съ тѣмъ связывается и дѣятельность самого государства, такъ какъ дѣйствія органовъ государства являются дѣйствіями самого государства. Въ каждомъ же правовомъ положеніи заключается вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщаніе подданнымъ, что это положеніе на все время своего дѣйствія обязываетъ также само государство. Приказъ со стороны государства его органамъ руководиться правовой нормой не есть простой произволъ

---

[1]) Jellinek: Das Recht d. mod. Staates стр. 303.
[2]) Jellinek: D. R. d. mod. Staates 330—331.

Digitized by Google

государства, но исполненіе обязанности [1]). Теорія, отрицающая юридическую возможность самообязыванія государства, говоритъ Еллинекъ, послѣдовательно должна прійти къ утвержденію, что то, что для подданнаго или для отдѣльнаго лица, будетъ-ли онъ индивидомъ или носителемъ государственной организаціи, является правомъ, не есть право для самого государства. Если перемѣнить положеніе и посмотрѣть съ вершины государства вглубь права, то мы тамъ ничего не увидимъ. Выходитъ, что все право для государства не будетъ правомъ, является для него юридическимъ ничѣмъ, чѣмъ то чуждымъ для государства, и это нѣчто, чуждое для него самого, государство навязываетъ подданнымъ и, такимъ образомъ, дѣлаетъ его правомъ для нихъ [2]). Правовая природа современнаго государства можетъ быть понята, говоритъ Еллинекъ, если мы примемъ принципъ, что въ каждомъ правоположеніи государство обязываетъ (опять таки юридически или нравственно?) само себя передъ подданными примѣнять и осуществлять это право.

Такое связываніе (Bindung) воли посредствомъ односторонняго объявленія уже извѣстно, говоритъ Еллинекъ, частному праву. Издавна признано, что обѣщаніе, хотя бы оно не было принятой другой стороною, можетъ обязать обѣщавшаго. Одностороннее волеобразованіе является формой, посредствомъ которой только и могутъ быть созданы основы правоотношеній между всякимъ союзомъ, въ томъ числѣ государствомъ и его членами [3]). Противъ этого замѣчанія Еллинека слѣдуетъ возразить, что юридическій характеръ всякаго волеизъявленія и обѣщанія въ частномъ правѣ возникаетъ лишь въ силу уже существующей объективной юридической нормы, признающей за такимъ обѣщаніемъ извѣстныя,

---

[1]) Спросимъ, какой обязанности—нравственной или юридической?
[2]) Jellinek: тамъ же стр. 332.
[3]) Jellinek: тамъ же стр. 333.

Digitized by Google

независимыя отъ воли и убѣжденія обѣщавшаго, послѣдствія [1]). Но какая же внѣшняя норма придаетъ юридическій характеръ одностороннему волеизъявленію самого государства. когда право, какъ говоритъ самъ Еллинекъ, является лишь актомъ воли самого государства, его самоопредѣленіемъ, собственной субъективной, а не внѣшней, объективной для него нормой. Государство для самого себя вѣдь не можетъ же быть тѣмъ внѣшнимъ авторитетомъ, отъ котораго исходятъ, какъ говоритъ и самъ Еллинекъ, правовыя нормы. Еллинекъ доказываетъ, что государство. давая путемъ законовъ юридическіе приказы лицамъ, служащимъ его органами, такимъ образомъ юридически связываетъ и само себя, такъ какъ воля органовъ является волей самого государства [2]). Но это совершенно непонятное заключеніе. Разъ органы государства нельзя отдѣлить отъ самого государства, какъ это утверждаетъ и самъ Еллинекъ, такъ какъ государство существуетъ и дѣйствуетъ лишь черезъ свои органы, ихъ воля есть его воля, то какимъ образомъ государство можетъ приказывать своимъ органамъ, т. е. самому себѣ? Вѣдь приказъ есть выраженіе воли, направленное на подчиненіе другой воли, воля же органа государства, какъ утверждаетъ Еллинекъ, воля самого же государства. Дѣло въ томъ, что государство юридически обязываетъ своими приказами собственно не свои органы, какъ думаетъ Еллинекъ, т. е. не само себя, а лишь подчиненныхъ ему лицъ, которыя призваны имъ быть органами государства, и которыя лишь настолько являются органами государства и выражаютъ его волю, насколько дѣйствуютъ въ указанныхъ имъ правовыхъ формахъ и предѣлахъ, при которыхъ ихъ дѣятельность и воля считаются волею и дѣятельностью государства. Не само себя и не свои органы свя-

---

[1]) Это также утверждаетъ и самъ Еллинекъ: Die Lehre v. d. Staatenverb. стр. 31 сл.

[2]) См. System der Subjectiven öffentl. Rechte 1892 стр. 76, 183 сл. Его же: Recht d. mod Staates. стр. 435.

Digitized by Google

зываетъ юридически государство, но лишь подчиненныхъ ему лицъ, призванныхъ быть этими органами. Эта теорія юридическаго самообязыванія государства приводитъ Еллинека въ его соч. «Система субъективныхъ публичныхъ правъ» какъ бы къ искусственному разчлененію единой личности государства на двѣ противостоящихъ личности, такъ какъ онъ утверждаетъ, что государство, какъ представитель властвованія, закрѣпляетъ свои обязанности за государствомъ, какъ представителемъ общественныхъ интересовъ. (Es ist der Staat als Vertreter des Gemeininteresses, dem dieser Anspruch an den Staat als Willensmacht zusteht [1]). Эта мысль имѣетъ, конечно, извѣстный политическій смыслъ, но юридически это вещь невозможная. Впрочемъ, въ новѣйшемъ своемъ трудѣ Еллинекъ говоритъ лишь о закрѣпленіи государствомъ своихъ обязанностей за гражданами [2]).

Но какимъ образомъ такое одностороннее волеизъявленіе или обѣщаніе государства, данное имъ подвластнымъ ему лицамъ, обращается въ юридическую обязанность самого государства? Вѣдь, если обязательность такого обѣщанія основывается исключительно на одной волѣ и признаніи самого обѣщавшаго государства и не находитъ себѣ санкціи въ какой-либо объективной юридической нормѣ, то оно имѣетъ характеръ чисто нравственнаго самоограниченія, нравственной а не юридической обязанности, такъ какъ признаніе обязательности такого обѣщанія цѣликомъ зависитъ лишь отъ субъективнаго убѣжденія и воли обѣщавшаго. Здѣсь осуществляется принципъ нравственной автономіи воли, но о юридическомъ самообязываніи или ограниченіи государства нормой отъ него самого исходящей говорить нельзя [3]).

Неудивительно поэтому, что другіе ученые стремились найти именно юридическія, т. е. объективныя, независимыя

[1]) Jellinek; System der Subjectiven öffentlichen Rechte стр. 223. Ср. напротивъ G. Meyer: Lehrb. d. d. Staatsrechts 1895 стр. 12 пр. 3.
[2]) Jellinek: Das Recht d. m. Staates B. I стр. 331—334.
[3]) Ср. также Haenel: D. Staatsrecht B. I 1892 стр. 117 пр. 2.

Digitized by Google

отъ государственной воли и власти, формальныя границы ея. Къ такимъ ученымъ принадлежитъ именно Гирке.

Воззрѣніе Гирке.

Право и государство, по мнѣнію Гирке, не возникаютъ одно раньше другого. Это двѣ одинаково первоначальныя, вмѣстѣ съ человѣчествомъ возникшія и другъ друга проникающія потенціи человѣческаго общежитія. Государство, какъ и всякая другая организованная коллективная власть, не представляетъ собою только продуктъ права [1]), но и высшая власть лишь тогда получаетъ свое обезпеченіе и завершеніе, когда право придаетъ ей характеръ правоотношенія. Въ свою очередь право завершается и обезпечивается лишь властью. Но государство является столь же мало творцомъ права, какъ и всякая другая человѣческая власть. Право, какъ совокупность внѣшнихъ нормъ для свободной воли, по своей сущности не можетъ быть само волей: тамъ, гдѣ воля нормируетъ волю, съ логической необходимостью вытекаетъ лишь понятіе силы, говоритъ Гирке. Если право должно быть обязательной внѣшней нормой не только для той или другой воли, но и для воли вообще, то эта норма можетъ корениться лишь въ самостоятельной по отношенію къ волѣ духовной силѣ, а именно—въ разумѣ. Поэтому право—не совокупная воля, направленная на то, чтобы нѣчто было, но совокупное убѣжденіе въ томъ, что нѣчто есть. Право представляетъ собою, обнаруженное путемъ обычая или объявленное призваннымъ къ тому общественнымъ органомъ, убѣжденіе общества людей, что въ немъ существуютъ внѣшнія нормы воли, т. е. внѣшне-обязывающія и поэтому по самой идеѣ своей принудительныя границы свободы [2]). Государство выступаетъ, конечно, въ огромной

---

[1]) Необходимо вспомнить, что Гирке—сторонникъ, такъ называемой, органической теоріи государства.

[2]) Это странное утвержденіе Гирке равносильно утвержденію, что право есть убѣжденіе въ томъ, что существуетъ право.

Digitized by Google

мѣрѣ не только какъ законодатель, какъ носитель и установитель правосознанія, но кромѣ того завершаетъ всякое правообразованіе посредствомъ принужденія и наказанія. Но если общая воля (Gesammtwille) повелѣваетъ повиноваться тому, что является правомъ, то этимъ путемъ право не творится, но лишь обезпечивается. И хотя лишь высшая власть можетъ вполнѣ осуществить требуемое идеей права принужденіе, но право остается все же правомъ и въ томъ случаѣ, если принужденіе въ отдѣльномъ случаѣ не было употреблено или вообще не можетъ быть вполнѣ примѣнено, или вовсе неосуществимо, вслѣдствіе отсутствія уполномоченной къ тому высшей власти. Достаточно лишь одного общаго убѣжденія, что принужденіе было-бы справедливо, если бы оно было возможно, и если бы существовала для этого компетентная инстанція. Государство, продолжаетъ Гирке, не является лишь юридическимъ учрежденіемъ существующимъ только для права, но между всѣми его цѣлями, правовая цѣль, во всякомъ случаѣ, именно потому является специфической государственной цѣлью, что полное осуществленіе ея можетъ послѣдовать лишь черезъ высшую власть. Также и право прежде всего предназначено служить цѣлямъ государственной жизни, но его задачи этимъ далеко не исчерпываются. Итакъ, если мы, говоритъ Гирке, помѣщаемъ государство не надъ правомъ и не внѣ его, но въ самомъ правѣ, такъ что и свобода государства связана правовымъ порядкомъ, а съ другой стороны право полагаемъ не надъ государствомъ и не внѣ его, но въ самомъ государствѣ, такъ что формальное всемогущество суверенной власти существуетъ и въ отношеніи права, то вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, допускаемъ и возможность противорѣчія между матерьяльнымъ и формальнымъ правомъ. Но кто отрицаетъ возможность подобнаго противорѣчія, тотъ отрицаетъ идею права. Глубокое вліяніе духовной природы человѣка стремится къ единству права и власти. Ихъ раздвоеніе всегда чувствуется, какъ дис-

Digitized by Google

гармонія. Это чувство есть лучшая порука въ томъ, что существуютъ безсильное право и безправная сила. Но оно вмѣстѣ съ тѣмъ является источникомъ исцѣляющей и примиряющей силы, которая всегда вновь ведетъ къ единству права и власти, такъ какъ ихъ продолжительный раздоръ невыносимъ для человѣческаго сознанія. Поэтому право, которое не могло быть проведено въ жизнь, въ концѣ концовъ исчезаетъ изъ общественнаго сознанія; сила же, не опирающаяся на право, если только она успѣла утвердиться, обращается въ концѣ концовъ въ общемъ сознаніи въ правомѣрную и такимъ образомъ превращается въ право [1]).— Если теперь мы постараемся выяснить истинную сущность отношенія права къ государственной власти на основаніи изложеннаго воззрѣнія Гирке, то окажется слѣдующее: Гирке исходитъ изъ воззрѣнія исторической школы, что право не есть продуктъ воли государства и въ частности законодательной власти. Государство лишь санкціонируетъ и обезпечиваетъ тѣ внѣшнія обязательныя нормы, которыя по общественному убѣжденію существуетъ уже въ данномъ обществѣ [2]). Но такъ какъ вслѣдъ затѣмъ Гирке самъ объявляетъ, что государство является не только въ огромной мѣрѣ законодателемъ, носителемъ и установителемъ правосознанія, но и путемъ своихъ приказовъ и принужденія завершаетъ (vollendet) всякое правообразованіе, то можно заключить, что, по мнѣнію Гирке, самое правовое общественное убѣжденіе, правосознаніе, лишь тогда дѣлается вполнѣ правомъ, когда государственная власть своимъ приказомъ и принудительной властью придаетъ ему характеръ такового; вѣдь Гирке прямо

---

[1]) O. Gierke: Iohannes Althusius und die Entwicklung der naturrechtl. Staatstheorien. Zweite Ausgabe 1902 стр. 318—321.

Ср. также Gierke: Die Grundbegriffe des Staatsrechts und die neuesten Staatsrechtstheorien въ Zeitschrift. f. d. gesammte Staatswissenschaft B. 30, 1874 стр. 178 сл.

[2]) Но каковъ же, можно спросить, внѣшній источникъ этихъ нормъ? почему Гирке называетъ ихъ внѣшними, а не внутренними нормами?!

Digitized by Google

говоритъ: alles Reht erst durch die Macht vollendet und gesichert. Слѣдовательно, до этого момента существуетъ лишь общественное правоубѣжденіе, правосознаніе, опредѣляющее содержаніе будущей правовой нормы, но не самая правовая норма, какъ формальное право, право въ строгомъ смыслѣ этого слова: для того, чтобы обратиться въ право, правовое убѣжденіе, матерьяльная сторона права нуждается еще въ извѣстныхъ формальныхъ моментахъ, а именно въ приказѣ и принужденіи государственной власти. Право въ этомъ формальномъ смыслѣ слова, слѣдовательно, имѣетъ своимъ источникомъ волю и власть самого государства: хотя Гирке это и оспариваетъ, но это неизбѣжно логически вытекаетъ изъ его же собственныхъ разсужденій. Далѣе, хотя Гирке и утверждаетъ, что право и государство входятъ одно въ другое и проникаютъ другъ друга, но въ то же время самъ признаетъ, что формальное всемогущество суверенной власти распространяется и на право. Слѣдовательно, государство стоитъ выше права. Связываетъ государство, значитъ, не формальное право, а то, что Гирке называетъ матерьяльнымъ правомъ, т. е. правовое общественное убѣжденіе, правосознаніе, которое служитъ однимъ изъ источниковъ права, но не является самимъ правомъ, такъ какъ для того, чтобы быть послѣднимъ, общественному убѣжденію недостаетъ еще нѣкоторыхъ, указанныхъ Гирке, завершающихъ моментовъ, а именно приказа и обезпеченія со стороны государства. Отсюда и та, указываемая Гирке, возможность противорѣчія между формальнымъ правомъ и правоубѣжденіемъ, между правомъ и общественнымъ чувствомъ справедливости, (которое въ настоящее время нѣкоторые называютъ измѣнчивымъ естественнымъ правомъ), столкновеніе которыхъ, какъ справедливо указываетъ Гирке, является источникомъ той примирительной и цѣлительной силы, которая приводитъ къ единству право и силу Но здѣсь, говоря о правовыхъ границахъ суверенной власти, намъ достаточно указать на то,

Digitized by Google

что самъ Гирке въ концѣ концовъ признаетъ, что «формальное всемогущество суверенной власти распространяется и на право». А что же это значитъ, какъ не то, что сама государственная суверенная власть свободна отъ формальныхъ, правовыхъ ограниченій, т. е., что право, дѣйствующее въ государствѣ, не является внѣшней безусловно обязательной нормой для самого государства, другими словами, право для государства является собственно не правомъ, а субъективною нормою, добровольно имъ принятымъ и соблюдаемымъ масштабомъ отношеній, нормой имѣющей для него лишь нравственное или въ иныхъ случаяхъ просто техническое значеніе. Такая норма ограничиваетъ государственную власть въ крайнемъ случаѣ лишь со стороны внутренней, матерьяльной, но не внѣшней, юридической.

Такимъ образомъ оказывается, что будемъ-ли мы считать положительное право, дѣйствующее въ государствѣ, выраженіемъ воли самого государства, т. е. признавать само государство творцомъ этого права, какъ это дѣлаютъ Іерингъ и Еллинекъ, или будемъ смотрѣть вмѣстѣ съ исторической школой и Гирке на положительное право, какъ на нормы, въ основѣ которыхъ лежитъ независимое отъ государства народное или общественное правоубѣжденіе, правосознаніе, и которыя государство не творитъ, но лишь признаетъ и санкціонируетъ, и въ томъ и другомъ случаѣ эти нормы лишь постольку связываютъ государство, поскольку государство само ихъ признаетъ и желаетъ, такъ какъ и признаніе такихъ нормъ государства обязательными для себя, вполнѣ зависитъ въ каждый данный моментъ лишь отъ воли государства, добровольно обращающаго ихъ въ нормы, руководящія его дѣятельностью. Нормы эти, слѣдовательно, не являются для самого государства внѣшними безусловно обязательными для него и по самому своему характеру независимыми отъ него въ отношеніи своей обязательной силы нормами, т. е. правомъ, но чисто субъективными, добровольно при-

Digitized by Google

нятыми и соблюдаемыми государствомъ, его же нравственными и техническими правилами. Поэтому называть правовой порядокъ государства внѣшней правовой границей государственной власти и воли государства нельзя. Вотъ почему всѣ писатели, которые продолжаютъ утверждать, что право, дѣйствующее въ государствѣ, имъ установленное или признанное, есть правовая граница не только для всѣхъ лицъ и союзовъ подчиненныхъ внѣшне-авторитетной волѣ государства, но и для самого государства, какъ личности, являющейся субъектомъ суверенной власти, вынуждены въ концѣ концовъ искать опоры въ идеѣ естественнаго, раціональнаго права, правосознанія, или же, наконецъ, выводить такое ограниченіе, напримѣръ, изъ цѣли государства. [1]). Но, не говоря уже о томъ, что цѣли, осуществляемыя государствомъ въ различное время и у различныхъ народовъ далеко не одинаковы, равно какъ и различны ученія объ этой цѣли, выдвигавшіяся различными учеными и политическими школами, начиная съ древнихъ временъ и кончая новѣйшей эпохой [2]), представленіе о цѣли государства, весьма важное съ соціально-политической точки зрѣнія и вліяющее несомнѣнно на развитіе правового порядка въ государствѣ, тѣмъ не менѣе нисколько не разрѣшаетъ интересующаго здѣсь насъ вопроса о томъ, является-ли правовой порядокъ государства формальной юридической границей для государственной власти.

Понятіе цѣли укажетъ намъ, въ какомъ направленіи должна осуществляться государственная власть, каковы ея культурныя задачи, которыми она должна ограничиваться, но не то, являются-ли нормы, опредѣляющія самый порядокъ этого осуществленія, правовыми нормами, обязательными

---

[1]) См., напримѣръ, Le Fur: Etat fédéral et confédération d'états 1896 стр. 438 сл.

[2]) См. J. Eötvös: Der Einfluss der herrschenden Ideen des 19 Jahrhunderts auf den Staat 1854 Th II 68 сл.

Jellinek: Das Recht d. mod. Staates B. I стр. 205—238.

Rehm: Allg. Staatslehre 1899 стр. 199.

Digitized by Google

юридическими границами для самого государства и его власти, или имѣютъ для нея какой-либо другой характеръ. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ прежде всего нужно установить логическіе элементы, составляющіе понятіе государства, суверенной власти и права. Если признать, съ одной стороны, что государство есть волеспособная личность, что законы, дѣйствующіе въ государствѣ, представляютъ собою установленныя или признанныя государствомъ нормы, съ другой стороны, что право представляетъ внѣшнія обязательныя нормы должнаго, опредѣляющія внѣшнія отношенія субъектовъ, независимо отъ того хотятъ или не хотятъ они признавать эти нормы и повиноваться имъ, то ясно, что такой внѣшней юридической нормой законъ не можетъ быть для самого государства, которое его само создаетъ, измѣняетъ и отмѣняетъ, а лишь для подчиненныхъ его власти. Неудивительно поэтому, что весьма многіе ученые утверждали и утверждаютъ, что государственная власть, являясь сама источникомъ законовъ, не можетъ быть ими юридически ограничена [1]) Другими словами, они утверждаютъ, что суверенная государственная власть не только не можетъ быть ограничена другой властью, но и собственнымъ правомъ, является, выражаясь словами Бодена, summa autem in cives ac subditos legibusque soluta potestas.

Воззрѣніе Зейделя и Борнгака.

Наиболѣе рѣшительно юридическую неограниченность государственной власти утверждаютъ теперь ученые: Зейдель, Гагенсъ, Шмидтъ, Борнгакъ, Голландъ, и Бургесъ, у насъ Чичеринъ. Эти писатели признаютъ государственную власть суверенной, такъ какъ будучи безусловно высшей властью, она ни отъ кого не зависитъ. Положительное право, говорятъ они, создается самой суверенною государ-

[1]) См. о нихъ Jellinek: Die rechtliche Natur der Staatenverträge 1880 стр. 10 сл.

Rehm: Allg. Staatslehre стр. 146 сл.

G. Meyer: Lehrbuch. d. D. Staatsr. 1895 стр. 18.

Digitized by Google

ственной властью, слѣдовательно, оно не можетъ служить ея юридической границей.

«Властитель, говоритъ Зейдель, отъ котораго исходитъ право, стоитъ выше права. Онъ можетъ издавать самые безсмысленные законы и все-таки не нарушаетъ этимъ права, дѣйствуетъ легально, такъ какъ само право исходитъ изъ его воли; но дѣйствуя такъ, онъ лишь погрѣшаетъ противъ собственной природы своего властвованія, призваннаго служить общественнымъ интересамъ. Противное государственнымъ интересамъ дѣйствіе властителя какъ и революція лежатъ внѣ предѣловъ права [1]). Воля властителя обнимаетъ собой территорію и народъ. Властитель обладаетъ фактическимъ господствомъ надъ государствомъ, и это господство не имѣетъ никакихъ юридическихъ границъ. Его границы только въ немъ самомъ, въ его внутренней природѣ. Это границы фактическія и нравственныя. То, что въ государствѣ кажется законнымъ ограниченіемъ верховной воли, въ сущности является не ограниченіемъ, наложеннымъ на нее высшей властью, но границей, которую она сама себѣ ставитъ [2]).

Также доказываетъ и Борнгакъ, что государственное властвованіе юридически абсолютно, т. е. неограниченно и неограничиваемо. Для государства существуютъ лишь фактическія и нравственныя границы. Впрочемъ, у Борнгака проскальзываетъ довольно знаменательная оговорка, а именно онъ говоритъ: «юридически государство можетъ дѣлать все, что угодно, если оно соблюдаетъ установленныя имъ самимъ для своихъ волеизъявленій конституціонныя (verfassunsgsmässigen) формы [3])». Если обратить вниманіе на эту оговорку Борнгака, то выходитъ, что государственная власть лишь постольку свободна, поскольку дѣйствуетъ въ установленныхъ

[1]) M. Seydel: Grundzüge e. allg. Staatslehre 1873 стр. 9, 14.

[2]) Seydel: тамъ же стр. 66.

Ср. также L. v. Hagens: Staat, Recht und Völkerrecht 1890 стр. 13, 15 и стр. 72 пр. 41.

[3]) Bornhak: Allg. Staatslehre 1896 стр. 11 сл.

Digitized by Google

ею же правовыхъ, конституціонныхъ, формахъ. Такимъ образомъ и въ «правовомъ абсолютизмѣ» государства, который доказываетъ Борнгакъ, все же скрывается идея юридическаго ограниченія государства. Но это противорѣчитъ утвержденію самого Борнгака, что «государство юридически неограничено и не можетъ быть ограничено». Въ этомъ отношеніи гораздо послѣдовательнѣе поступаетъ Зейдель, прямо объявляющій, что властитель никогда не можетъ поступать неправомѣрно, хотя бы онъ дѣйствовалъ вопреки конституціи, такъ какъ онъ стоитъ выше всякаго закона, а конституція и право — лишь продуктъ его верховной воли. Границы, полагаемыя волѣ властителя, не правовыя, но лишь естественныя, вытекающія изъ самой природы его властвованія, предназначеннаго для удовлетворенія не личныхъ интересовъ властвованія, а общественныхъ.

Аналогично разсуждаетъ Чичеринъ. Положительный законъ получаетъ свое бытіе, говоритъ Чичеринъ, отъ государственной власти. Она его источникъ, она его измѣняетъ и отмѣняетъ по своему усмотрѣнію. Поэтому верховная власть, какъ таковая, во всей своей полнотѣ выше положительнаго закона. Это и выражается римскимъ изрѣченіемъ: «princeps legibus solutus est».

Никакой положительный законъ не можетъ связывать верховную власть такъ, чтобы она не могла измѣнять его. Вѣчные законы не мыслимы. Верховная власть связана закономъ нравственно, а не юридически [1]).—

Дѣйствительно, если субъектъ государственной власти, будетъ-ли это физическое лицо или ихъ совокупность, какъ это думаютъ Зейдель и его единомышленники, или личность государства, какъ это правильно утверждаетъ господствующее мнѣніе, руководится лишь тѣми нормами должнаго, которыя оно само создаетъ или признаетъ, то эти нормы не будутъ для такого субъекта власти внѣшними объективными и не-

[1]) Чичеринъ: Курсъ государственной науки ч. I 1894 стр. 29—30.

Digitized by Google

зависимыми въ своей обязательной силѣ отъ его воли нормами, т. е. правомъ, но выражаютъ собою исключительно субъективное убѣжденіе и волю государства, являются лишь его внутренними нормами, подобно нравственному самоопредѣленію лица [1]).

Государственная власть такими нормами ограничивается лишь нравственно, но не юридически. Въ этомъ смыслѣ государство, какъ цѣлое, какъ субъектъ права, legibus solutum est [2]).

Воззрѣніе Рема.

Сознавая невозможность обосновать юридическое ограниченіе государства на волѣ самого же государства и при помощи теоріи самообязыванія, нѣмецкій ученый Ремъ пытается доказать это ограниченіе инымъ путемъ. Каждое положеніе права, говоритъ онъ, есть выраженіе правовой идеи. Правовая идея обладаетъ не физической, но психической силой. Послѣднею она обладаетъ въ силу присущаго человѣку убѣжденія, что безъ права невозможно мирное сожительство людей. Вслѣдствіе этой психологической силы правовой идеи созданный самимъ государствомъ порядокъ, т. е. его законодательство, обращается въ отрѣшенный отъ его создателя, самостоятельный, объективный порядокъ. Онъ является не истеченіемъ воли и физической силы государства, но источникомъ психологической силы правовой идеи, которой подчинено и государство, такъ какъ эта идея властвуетъ надъ всей совокупностью или, по крайней мѣрѣ, надъ большинствомъ членовъ государства. Вслѣдствіе этого государство подчинено правовому порядку и нѣтъ надобности разсматривать это подчиненіе какъ самообязываніе. Пока су-

[1]) См. нашу ст.: Нормативный характеръ права и его отличительные признаки.

[2]) Ср. также Laband: D. Staatsrecht d. D. Reiches B. II 1901 стр. 68 и стр. 160.

Fricker: Noch einmal das Problem des Völkerrechts въ Zeitschrift f. d. g. Staatswissenschaft B. 34 стр. 402.

Digitized by Google

ществуетъ государственный законъ, налагающій на государство обязанности, государство ему подчиняется, какъ выраженію правовой идеи, правовой мысли, правового порядка въ смыслѣ фактической, независимой отъ государства, жизненной силы. Ложно воззрѣніе, что надъ людьми властвуютъ только тѣлесныя, а не еще кромѣ нихъ духовно-нравственныя силы — идеи. И послѣднія имѣютъ силу надъ людьми, и такая именно идея осуществлена также въ государствѣ. Государство— олицетвореніе той идеи, что существуютъ соединенія не только для эгоистическихъ, но и для общихъ цѣлей. Если такія идеи властвуютъ надъ отдѣльными людьми, то онѣ властвуютъ и надъ человѣческими обществами. Такъ властвуетъ и правовая идея надъ государствомъ. Что правовая идея, какъ таковая, независитъ отъ государства, представляетъ собою рядомъ съ внѣшней силой государства самостоятельную внутреннюю силу. доказывается еще и тѣмъ, что право существуетъ даже и въ догосударственныхъ и въ независимыхъ отъ государства обществахъ, напримѣръ въ бродячей ордѣ и въ церковныхъ союзахъ. Наконецъ, господство идей надъ государствомъ вполнѣ совмѣстимо съ понятіемъ суверенитета. Такъ какъ суверенитетъ не уничтожается подчиненіемъ чисто психологическимъ силамъ. Даже, если характеръ личности придается впервые государству его собственнымъ правопорядкомъ, государство все-таки является юридическою личностью, и, такимъ образомъ, является не только фактическимъ, но и правовымъ субъектомъ своей власти [1]).

Ремъ, такимъ образомъ, основываетъ юридическое ограниченіе государства его собственными законами на томъ, что послѣдніе являются собственно не выраженіемъ воли государства, но выраженіемъ правовой идеи, какъ независимой отъ государства психической жизненной силы, являющейся внѣшнимъ авторитетомъ для самого государства. Законы въ силу

[1]) Rehm: Allg. Staatslehre стр. 159—160.
См. также стр. 147 сл.

Digitized by Google

этой идеи являются обязательными правовыми нормами для самого государства, вытекающими изъ психологической силы правовой идеи, властвующей надъ людьми и, слѣдовательно, надъ государствомъ, какъ человѣческимъ союзомъ. Другими словами, правовая идея заставляетъ государство подчиняться его же собственнымъ законамъ и, такимъ образомъ, обращаетъ ихъ во внѣшнія для него самого нормы.

Законъ получаетъ свою обязательную силу для самого государства не по его волѣ, но отъ высшаго внѣшняго для государства авторитета, который представляетъ собой независимо отъ государства образующееся и дѣйствующее въ обществѣ убѣжденіе, что всякая норма права, хотя бы она была установлена государствомъ, должна быть соблюдена всѣми и въ томъ числѣ государствомъ.

Это ученіе Рема содержитъ въ себѣ крупную долю истины. Государство, какъ извѣстнымъ образомъ организованное общество людей, конечно, находится подъ вліяніемъ и господствомъ всѣхъ тѣхъ психическихъ силъ, идей, которыми проникнуты и его члены, т. е. люди, и которыя ведутъ къ правообразованію и организаціи государства. Такой психической силой является и идея, что право должно быть соблюдаемо всѣми, не только подвластными, но и властвующими. Но эта идея, какъ и вообще правосознаніе, насколько оно проникаетъ государство, если на послѣднее смотрѣть какъ на какое-то живое цѣлое, какъ на организмъ, не является для него чѣмъ-то внѣшнимъ, т. е. внѣ его лежащимъ, и привходящимъ къ нему, но является собственной идеей самого государства, его внутренней нормой, убѣжденіемъ о должномъ, его нравственнымъ правиломъ. Государство само является внѣшнимъ авторитетомъ для составляющихъ его людей, которые подчиняются его волѣ и законамъ, въ которыхъ государство выражаетъ свое же собственное правосознаніе и волю и приказываетъ всѣмъ подчиняться установленнымъ имъ правовымъ нормамъ. Правосознаніе отдѣльныхъ лицъ, живущихъ

Digitized by Google

въ государствѣ, и даже большинства ихъ, можетъ часто расходиться съ правосознаніемъ самого государства, поскольку оно выразилось въ законахъ. Законъ въ свою очередь можетъ не вполнѣ или неудовлетворительно выразить правосознаніе и волю самого законодателя, отсюда и тотъ конфликтъ матерьяльнаго и формальнаго элемента въ правѣ, столкновеніе идеи права, въ смыслѣ матерьяльной правды, и формальнаго права, на которое указываетъ Гирке, но нѣтъ такого авторитета въ государствѣ, который бы могъ обратить правовую идею а тѣмъ болѣе собственныя нормы государства во внѣшнія для него нормы и заставить государство подчиняться имъ. Государство, если на него не смотрѣть какъ на цѣлое, составную и необходимую часть котораго составляетъ право, а какъ на независимо отъ права существующій организмъ, къ которому право привходитъ откуда-то извнѣ, можетъ подчиняться праву лишь добровольно, насколько оно признаетъ его своей нравственной пормой, подобно тому, какъ и человѣкъ подчиняется добровольно своей собственной нравственной нормѣ.

Итакъ, то, что Ремъ называетъ правовой идеей, поскольку она проникаетъ само государство и подчиняетъ его себѣ, есть идея самого государства, и если эта идея указываетъ на то, что законы обязательны и для самого государства, то это внутренняя нравственная порма самого государства, а не какая-либо внѣшне-авторитетная сила, подчиняющая себѣ волю государства. Все, что можно вывести изъ положеній Рема, состоитъ въ томъ, что правовыя нормы, законы, устанавливаемые государствомъ, нравственно обязательны и для самого государства, что законы, такимъ образомъ, являются нравственнымъ ограниченіемъ государства или точнѣе самоограниченіемъ государства, но не внѣшними правовыми границами его суверенной власти. Вотъ почему Гирке, какъ мы видѣли, несмотря на все свое стремленіе доказать связанность государства правомъ, долженъ былъ признать, что «формальное

Digitized by Google

всемогущество суверенной власти распространяется также и на право».

Изъ всего сказаннаго достаточно видно, что, если мы будемъ смотрѣть на правопорядокъ государства, какъ на нѣчто привходящее внѣшнимъ образомъ къ государству, или, если мы будемъ смотрѣть на государство, какъ на какой-то организмъ, который не самимъ правомъ созданъ, такъ что, по крайней мѣрѣ, право не составляетъ необходимаго и жизненнаго элемента въ его организаціи, а возвышается надъ государствомъ или же, наоборотъ, является имъ впервые созданнымъ и ему подчиненнымъ, то намъ необходимо придется признать то неправильное положеніе, что право для самого государства, какъ личности является такими нормами, которыми оно по произволу можетъ руководиться, но можетъ также и не руководиться или даже дѣйствовать вопреки праву.

Отношеніе права къ государственной власти.

При разрѣшеніи вопроса объ отношеніи права къ государственной власти прежде всего должно имѣть въ виду, что ни въ какомъ случаѣ нельзя противополагать собственный правопорядокъ государства государству, какъ чему то внѣшнему для этого правопорядка, къ которому право привходитъ лишь извнѣ и ограничиваетъ его власть и волю, какъ ограничиваетъ естественную волю и дѣеспособность человѣка. Право не возвышается надъ государствомъ, но и не подчиняется ему. Государство не представляетъ собой, какъ это полагаютъ Зейдель, Лингъ, Комботекра и нѣк. другіе ученые, просто фактъ или фактическое состояніе господства [1]), простое отношеніе силы. Фактическое состояніе, фактическія отношенія, разъ они не получили какой-либо прочной организаціи, представляютъ собой нѣчто преходящее, и одно лишь фактическое состояніе властво-

[1]) См., напримѣръ, Combothecra: La conception juridique de l'Etat 1899 стр. 96 сл.

Digitized by Google

ванія — господство голой силы. Въ основѣ государственнаго образованія и государственныхъ отношеній, конечно, лежатъ извѣстные факты и фактическія отношенія, но сами по себѣ они не могутъ создать государства и не представляютъ его. Государство представляетъ собой извѣстную организацію общества, извѣстную правовую форму общественнаго союза. Важнѣйшей же силой, организующей сожительство людей въ обществѣ, является право. Когда эта постепенно развивающаяся правовая организація общественныхъ отношеній приметъ извѣстную постоянную форму, то получается такая форма общественнаго союза, которую мы называемъ въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ общественныхъ формъ государствомъ. Государство представляетъ поэтому всегда извѣстную правовую организацію входящихъ въ него элементовъ: населенія, территоріи и власти. Власть государственная поэтому, какъ мы говорили уже выше, не есть просто фактическое отношеніе господства, но правовое, извѣстнымъ образомъ юридически организованное властвованіе. Въ первоначальномъ періодѣ жизни человѣческихъ обществъ такой организующей силой, укладывающей взаимныя отношенія людей, въ томъ числѣ, и отношенія властвованія и подчиненія, въ прочныя рамки и формы, было обычное право, которое дѣйствуетъ еще и въ догосударственныхъ союзахъ. Когда же эта эволюція правового порядка въ человѣческихъ обществахъ привела къ образованію государства, то функція дальнѣйшаго правообразованія, если не вполнѣ и исключительно, то, во всякомъ случаѣ, главнымъ образомъ осуществляется уже спеціальными органами государства, и государство, такимъ образомъ, какъ юридически организованный общественный союзъ, посредствомъ своихъ органовъ само регулируетъ свой собственный правовой порядокъ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ правъ Гирке, когда называетъ право и государство двумя неразрывно связанными потенціями. Государство безъ права существовать не можетъ: право — законъ его жизни. Даже въ самыхъ край-

Digitized by Google

нихъ формахъ деспотіи существуетъ извѣстный правовой порядокъ, въ которомъ находитъ свою основу и санкцію власть деспота, и который организуетъ взаимныя отношенія членовъ государства. Безъ права нѣтъ государства, такъ какъ нѣтъ сколько нибудь прочно организованнаго общественнаго союза. Юридическій характеръ государственнаго властвованія въ различныя эпохи и у различныхъ народовъ имѣетъ различный характеръ. Онъ можетъ имѣть характеръ частноправныхъ отношеній, какъ напримѣръ въ вотчинномъ, патримоніальномъ средневѣковомъ государствѣ; въ господствующихъ представленіяхъ о государствѣ и его власти послѣднія даже могутъ быть отождествляемы съ личностью и властью конкретнаго лица въ государствѣ, какъ напримѣръ, монарха или какого-либо собранія людей, но съ развитіемъ и выясненіемъ публичноправовыхъ началъ и съ болѣе глубокимъ пониманіемъ сущности государства, утверждается идея, что власть государственная осуществляется различными лицами въ государствѣ не какъ ихъ личная власть ex jure proprio и не въ ихъ личныхъ интересахъ, а въ интересахъ всего союза, всего общественнаго цѣлаго, т. е. государства, во имя и отъ имени государства ex jure publico; это показываетъ и самое названіе этой власти — государственною.

Такимъ образомъ, утверждается постепенно въ общественномъ сознаніи правильная идея, что носителемъ, субъектомъ единой правовой государственной власти въ отношеніи всѣхъ лицъ и союзовъ, въ предѣлахъ государственной территоріи находящихся, является само государство, понимаемое, какъ юридически организованное цѣлое, какъ юридическая моральная личность, съ единой юридически организованной волей и властью.

Это не какое-то только силами природы данное единство и организмъ, но правомъ организованное единое цѣлое, воля котораго не есть природная воля естественнаго организма, но путемъ особаго юридическаго сочетанія воль

Digitized by Google

и силъ составляющихъ его физическихъ индивидовъ, юриди ически организованная воля, отличная отъ естественныхъ волъ отдѣльныхъ индивидовъ или отъ простой совокупности таковыхъ. Такимъ образомъ, эта идея формальнаго единства юридической личности государства, которая обнимаетъ собою все богатое жизненное разнообразіе отношеній и элементовъ, составляющихъ содержаніе государственной жизни, [1]) имѣетъ глубокое значеніе для правильнаго пониманія юридической сущности государства и его правовыхъ отношеній и, кромѣ того, вполнѣ соотвѣтствуетъ медленно, но неуклонно развивающемуся общественному сознанію, что господствующимъ принципомъ государственной организаціи является и должно быть право (идея правового государства), что дѣятельность государства, какъ юридически организованнаго общественнаго цѣлаго, необходимо должна осуществляться лишь въ правовыхъ формахъ и согласно съ правомъ. Юридическое лицо можетъ выражать свою волю лишь въ правовыхъ формахъ; въ правовыхъ нормахъ, своихъ законахъ, государство, какъ правовой организмъ, выражаетъ свою волю, обязательную для всѣхъ лицъ въ государствѣ, даже для тѣхъ, кого оно призываетъ къ осуществленію своей власти. Властвующія въ государствѣ лица не являются носителями, субъектами какихъ-то своихъ личныхъ правъ власти, но лишь лицами, на которыхъ государство возложило обязанность осуществлять его власть, осуществлять его право приказанія и принужденія въ опредѣленныхъ отношеніяхъ и въ опредѣленномъ правовомъ объемѣ.

Вслѣдствіе этого лица эти, поскольку они дѣйствуютъ въ предѣлахъ указанной имъ правомъ компетенціи, выступаютъ въ качествѣ органовъ государства [2]).

---

[1]) Конечно, понятіе юридической личности характеризуетъ тотъ комплексъ явленій общественной жизни, который мы называемъ государствомъ, лишь съ юридической стороны, а не со всѣхъ прочихъ сторонъ. Но мы здѣсь разсматриваемъ государство лишь со стороны его правовой природы.

[2]) Ср. Jellinek: System d. öffentl. Rechte стр. 80

Digitized by Google

Государство осуществляетъ, такимъ образомъ, свою правовую власть черезъ свои органы, т. е. лицъ или коллегіи таковыхъ, дѣйствующихъ въ предѣлахъ и формахъ, указанныхъ государственными законами.

Въ этомъ заключается все высокое значеніе идеи юридической личности государства, что само государство, какъ правомъ организованный общественный союзъ властвованія, само является субъектомъ и носителемъ юридически организованной единой воли и власти государственной, а не тѣ или другія физическія лица въ немъ или совокупность таковыхъ, которыя могутъ осуществлять государственную власть лишь ex jure publico въ качествѣ органовъ государства. Такъ какъ воля и власть государства есть правомъ организованная власть и, слѣдовательно, можетъ осуществляться лишь въ правовыхъ формахъ, то и органы государства, какъ таковые, могутъ дѣйствовать лишь правомѣрно, такъ какъ лица, призванные быть такими органами, постольку выражаютъ волю государства, поскольку дѣйствуютъ согласно съ законами и въ формахъ, указанныхъ закономъ, иначе ихъ воля и дѣйствія не будутъ волей и дѣйствіями государства или его органовъ, вопреки мнѣнію Зейделя и Іеринга, но лишь волей частныхъ лицъ въ государствѣ, юридически необязательною.

Не само государство, какъ юридическая личность, нарушаетъ право, а конкретныя лица въ немъ, неисполняющія обязанностей, наложенныхъ на нихъ законами государства, нарушающія свою компетенцію [1]).

Ихъ неправомѣрной волѣ могутъ повиноваться фактически, но юридически обязательной, она станетъ лишь тогда, когда получитъ правовую санкцію, т. е. станетъ волей государства. Монархъ, палаты, суды, администрація, нарушающіе законы и свою компетенцію, дѣйствуютъ не какъ органы государства, а какъ частныя лица или простая совокупность таковыхъ, воля которыхъ насколько она противорѣчитъ зако-

[1]) Ср. Borel: Etude sur la souveraineté et l'Etat fédératif стр. 35.

Digitized by Google

намъ и праву, юридически недѣйствительна или даже преступна [1]). Дабы устранить чисто фактическое состояніе, произволъ и нелегальность дѣйствій лицъ, призванныхъ быть органами государства, въ случаяхъ крайней необходимости, конституціи и законы многихъ государствъ даже напередъ устанавливаютъ право дискреціонной власти правительства въ подобныхъ случаяхъ (Nothverordnungen). Если же такое право не предусмотрѣно и не вытекаетъ изъ общаго юридическаго полномочія органовъ государства, то дѣйствія лицъ, призванныхъ быть, хотя бы высшими органами государства, останутся лишь ихъ личными актами, за которые они несутъ личную отвѣтственность, пока такіе акты не получатъ надлежащей правовой санкціи. Слѣдовательно, право дѣйствующее въ суверенномъ государствѣ, т. е. не подчиненномъ праву другого государства, не является какой-то внѣшней нормой, приказомъ для самого государства, но приказомъ для подвластныхъ ему лицъ, какъ призванныхъ быть его органами, такъ и для прочихъ гражданъ, а для самого государства лишь проявленіемъ его собственной жизни, вытекающимъ изъ самой сущности его, какъ правовой организаціи. Въ этой своей правовой организаціи государство, слѣдовательно, находитъ свое естественное ограниченіе и опредѣленіе, подобно тому, какъ природныя силы физическаго организма опредѣляютъ и ограничиваютъ жизнь послѣдняго. Поэтому государство, какъ таковое, не можетъ нарушить собственное право [2]). Государство, какъ юридическая личность, можетъ измѣнить

[1]) Ср. Laband: D. Staatsrecht d. D. Reiches B. II 1901 стр. 68.

[2]) Непонятно поэтому утвержденіе Генеля, что государство можетъ точно такъ же нарушать свое объективное право, какъ и его граждане совершаютъ преступленія см. Haenel: Deutsches Staatsrecht B. I стр. 116 сл. Это противорѣчитъ собственному же утвержденію Генеля, что „право есть необходимая форма правленія государства“ см. Haenel: тамъ ж стр. 116.

Для физическихъ лицъ право есть норма извнѣ ихъ ограничивающая, для юридическаго лица государства право есть присущая ему форма жизни.

Digitized by Google

или отмѣнить ту или другую отдѣльную правовую норму, издать новыя правовыя нормы, но дѣйствуя при этомъ всегда въ тѣхъ формахъ, которыя указаны его же организующимъ правомъ, т. е. его же собственнымъ правомъ, подобно тому, какъ физическая личность сама можетъ ослабить или измѣнить дѣйствіе тѣхъ или другихъ силъ въ своемъ организмѣ, но всегда при посредствѣ своихъ же собственныхъ природныхъ свойствъ и силъ. Но, если бы государство отмѣнило всѣ свои законы и уничтожило весь свой правовой порядокъ, то это равносильно было бы самоуничтоженію. Физическое лицо можетъ жить безъ права, государство же—правовая организація и внѣ права существовать не можетъ [1]).

Вотъ почему мы и утверждаемъ, что суверенная государственная власть, какъ и вообще государственная власть, не является ни чисто фактическою силою и властью, возвышающеюся надъ собственнымъ правомъ въ смыслѣ legibus soluta potestas, ни властью свободно и добровольно признающею или не признающею это право, ни властью, подчиненною этому праву, какъ внѣшнимъ нормамъ, какъ установленнымъ откуда то извнѣ юридическимъ границамъ его власти, но является, уже по самой своей природѣ, по своей организаціи, правовою властью. Совершенно правильно замѣчаетъ поэтому Герберъ: [2]) «Строй государства въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. порядокъ его органовъ и правомѣрнаго проявленія его жизни, нельзя собственно называть границей государственной власти, такъ какъ въ основѣ такого утвержденія лежало бы неправильное представленіе, будто государственная власть является чѣмъ то самостоятельнымъ внѣ своего правового устройства и сдерживается послѣднимъ, какъ какимъ-то извнѣ приложеннымъ принудительнымъ аппаратомъ».

Никакого противоположенія между государствомъ и пра-

---

[1]) Правильно Jellinek: D. Recht d. mod. Staates стр. 434.
Borel: Etude sur la souveraineté et l'Etat fédératif 1886 стр. 26.

[2]) Gerber: Grundzüge eines Systems d. D. Staatsrechts 1869 стр. 32 пр. 5.

Digitized by Google

вомъ не можетъ быть. Собственное право государства не есть нѣчто внѣшнее, противопоставляемое государству для удержанія его воли въ извѣстныхъ формальныхъ границахъ. Право является необходимымъ внутреннимъ элементомъ государства. Государство, какъ юридически организованный общественный союзъ властвованія, какъ властвующая корпорація, можетъ выражать всегда свою волю, обязательную для подчиненныхъ ей, лишь согласно съ правомъ ее организующимъ. Выражая свою волю въ видѣ правилъ, обязательныхъ для подчиненныхъ ему, государство проявляетъ свою правовую волю, такимъ образомъ, въ формѣ законовъ (въ соотвѣтственныхъ случаяхъ административныхъ распоряженій и судебныхъ рѣшеній), которые являются формальной внѣшней границей для всѣхъ лицъ и союзовъ подчиненныхъ государству. Но, организуя такимъ образомъ жизнь государственную посредствомъ правовыхъ нормъ, государство не ставитъ себѣ въ нихъ какія-то внѣшнія границы и не связываетъ себя добровольно правомъ, такъ какъ право и законы есть присущая государству форма его бытія и проявленія его воли. Государство, какъ личность, проявляетъ свою волю и власть въ правовыхъ формахъ не потому, что оно такъ хочетъ или обязано, а потому, что иначе оно не можетъ [1]). Государство можетъ въ силу своей юридической организаціи измѣнять и отмѣнять законы и издавать новые, но всегда согласно съ существующимъ уже правомъ, опредѣляющимъ порядокъ и форму выраженія его воли и вообще дѣятельности государства. Поэтому, пока законы, т. е. существующія въ государствѣ нормы права, не отмѣнены надлежащимъ правовымъ порядкомъ, они, какъ выраженіе воли государства, необходимо соблюдаются государствомъ, такъ какъ противоположная воля государства еще ни въ чемъ не выразилась, должны соблюдаться, слѣдовательно, и вытекающія изъ этихъ

[1]) Лишь въ этомъ переносномъ смыслѣ можно говорить объ ограниченіи государства правомъ.

Digitized by Google

законовъ субъективныя права всѣхъ лицъ и союзовъ въ государствѣ. Эта необходимая матерьяльная ограниченность государства правомъ исключаетъ абсолютизмъ государства [1]). Лабандъ говоритъ, что «государственная власть in abstracto никогда не связана закономъ, такъ какъ государство можетъ, когда угодно, измѣнить, пріостановить или отмѣнить законъ; связанъ закономъ лишь каждый, кто долженъ осуществлять государственную власть согласно съ волей государства» [2]).

Но это значитъ ничто иное, какъ то, что органы государства, а черезъ нихъ и само государство, могутъ дѣйствовать не иначе, какъ согласно съ законами, т. е. въ правовыхъ формахъ.

Такимъ образомъ, собственное право государство, его законы, являются не внѣшней формальной границей самого государства, какъ личности, а его матерьяльнымъ ограниченіемъ, его жизненнымъ закономъ, регулирующимъ проявленія государственной жизни, а, слѣдовательно, и его власти.

Поэтому суверенная власть государства есть высшая власть, но высшая, какъ правильно выражается Герберъ, лишь въ сферѣ ея правового существованія [3]).

Такъ какъ власть суверенаго государства является высшей и независимой правовой властью, то она не можетъ быть юридически ограничена и правомъ другого государства. Она властвуетъ исключительно въ силу собственнаго, а не чужого правопорядка и не можетъ быть юридически связана внѣшними повелительными нормами, правомъ другихъ союзовъ. Лишь власть несуверенаго союза является связанной правомъ другого союза, который является высшимъ надъ нимъ и, слѣдовательно, юридически подчиняетъ его своей верховной власти, своему правопорядку. Но если нельзя говорить о

[1]) Ср. Borel: Etude sur la souveraineté et l'Etat fédératif стр. 26.

[2]) Также G. Meyer: Lehrb. d. D. Staatsrechtes 1895 стр. 18 и относительно ограниченія правомъ высшаго органа государства см. стр. 19 и пр. 14.

[3]) Gerber: Назв. соч. 30 пр. 1.

Digitized by Google

формальномъ юридическомъ ограниченіи суверенаго государства его собственнымъ правомъ, то можно-ли сказать это же самое объ ограниченіи его международнымъ правомъ?

Суверенитетъ и международное право.

Является ли суверенное государство внѣшнимъ образомъ, юридически, ограниченнымъ нормами международнаго права? Другими словами, представляютъ-ли собою нормы международнаго права, обязательныя по своему характеру и независимыя отъ воли отдѣльнаго государства, внѣшнія нормы должнаго для самого государства?

Вѣдь утверждаетъ же Прейсъ и нѣкоторые другіе писатели, что ограниченія, налагаемыя на государство международнымъ правомъ, несовмѣстимы съ понятіемъ суверенитета. Мы не будемъ здѣсь касаться воззрѣній тѣхъ многочисленныхъ писателей, которые отрицаютъ существованіе международнаго права, видя въ немъ лишь извѣстные принципы нравственности, международной вѣжливости или политики, которыми руководятся государства въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, или же, въ крайнемъ случаѣ, считаютъ его частью государственнаго права (внѣшняго) каждаго отдѣльнаго государства [1]). Съ точки зрѣнія этихъ писателей, конечно, ни о какомъ внѣшнемъ юридическомъ ограниченіи государства въ области международныхъ отношеній не можетъ быть и рѣчи. Въ крайнемъ случаѣ, можетъ быть лишь рѣчь о юридическомъ ограниченіи государства его собственнымъ правомъ, оцѣнку котораго мы сдѣлали уже выше, признавъ, что оно ограничиваетъ государство не формально, а только матерьяльно. То же самое относится и къ тѣмъ теоріямъ, которыя, хотя и стремятся доказать существованіе особаго международнаго права, права надъ государствами, и, слѣдовательно, юридическую обязательность его нормъ, для государства, но

[1]) Воззрѣнія эти изложены у A. Lasson: Prinzip und Zukunft des Völkerrechts 1871 стр. 157—165, при чемъ Лассонъ самъ принадлежитъ къ отрицателямъ международнаго права.

См. также: L. v. Hagens: Staat, Recht und Völkerrecht 1890 стр. 28—48.

Digitized by Google

обосновываютъ его обязательность для государства лишь на волѣ и добровольномъ признаніи этихъ нормъ самимъ государствомъ. Таково, напримѣръ, ученіе Еллинека [1]). Но, какъ мы указывали уже выше, норма, являющаяся обязательной для лица исключительно лишь постольку, поскольку онъ самъ ея желаетъ и признаетъ, не можетъ быть для него самого обязательной юридической нормой, а только нравственной или вообще какой-либо другой, если можно такъ выразиться, свободной, автономной нормой, но не правомъ. Въ этомъ отношеніи Еллинеку, по нашему мнѣнію, не удалось опровергнуть замѣчаніе Фрикера [2]): «то, что для меня имѣетъ силу (gilt) лишь потому, что я этого хочу, не можетъ создать никакого права между мною и другимъ, равнымъ мнѣ».

Норма, имѣющая основаніе своей обязательной силы исключительно въ волѣ и представленіи лица, на которое она направлена, не можетъ быть для него юридической нормой. Такимъ образомъ, для того, чтобы нормы, которыя опредѣляютъ взаимныя отношенія государствъ могли быть признаны для нихъ правовыми, онѣ необходимо должны быть для этихъ государствъ внѣшне-авторитетными нормами, обязательная сила коихъ не обусловлена исключительно волею и признаніемъ каждаго изъ нихъ. Отдѣльное государство можетъ не признавать нормы международнаго права и даже отвергать и нарушать ее, но отъ этого она не утрачиваетъ свой правовой характеръ, и государство, нарушающее такую норму, совершаетъ правонарушеніе. Основной и давній принципъ международнаго права, подтвержденный неоднократно самими государствами и въ частности лондонскимъ протоколомъ 13 марта 1871 г.. состоитъ въ томъ, что договоры должны быть соблюдаемы государствами: pacta sunt servanda, ни одно государство, слѣдовательно, не можетъ

[1]) См. Jellinek: Die rechtl. Natur d. Staatenverträge.
Его же: D. Recht d. mod. Staates B. I стр. 337—341.
Ср. также и Heilborn: Das völkerrechtl. Protektorat 1891 стр. 12 сл.
[2]) Fricker: Назв. соч. стр. 394.

Digitized by Google

отказаться безъ правомѣрныхъ основаній отъ принятыхъ на себя по договору обязательствъ и произвольно измѣнять условія договора [1]). Этого, конечно, не отрицаетъ и самъ Еллинекъ, хотя и указываетъ справедливо, что высшій принципъ самосохраненія государства оправдываетъ нарушеніе ихъ договора и, что вѣчность договоровъ противорѣчитъ природѣ государства и исторической жизни человѣчества [2]). Если теперь обосновывать обязательность принципа соблюденія договоровъ исключительно на волѣ и признаніи отдѣльнаго государства—контрагента, то значитъ, каждое такое государство по желанію, проще по произволу, имѣетъ право отвергнуть обязательность такого принципа, взять свое признаніе обратно. Гдѣ-же тутъ право, которое ограничиваетъ произволъ государства?

Одно изъ двухъ: или существуютъ нормы, обязательныя для государства въ его отношеніи съ другими государствами, независимыя отъ его воли, или такихъ нормъ вовсе нѣтъ, слѣдовательно, нѣтъ и международнаго права, какъ это утверждаютъ отрицатели международнаго права. Существуютъ, значитъ, лишь просто международные обычаи безъ правовой обязательности для государства, правила международной вѣжливости и нравственныя нормы, которыми руководятся государства въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, но не строго императивныя нормы права, какъ нормы внѣшне-обязательныя и независимыя отъ воли и признанія лицъ имъ подчиняющихся. Но это значило-бы стать на точку зрѣнія отрицателей международнаго права. Послѣдніе указываютъ также, что надъ государствами, независимыми субъектами международныхъ отношеній, нѣтъ власти, которая бы своими внѣшне-авторитетными нормами регулировала бы взаимныя отноше-

[1]) Ср. Эйхельманъ: Очерки изъ лекцій по межд. праву В. II 1900 стр. 37 сл.

[2]) Jellinek: Die Lehre v. d. Staatenverbindungen 1882 стр. 54 сл.

О значеніи принципа „rebus sic stantibus“ см. Эйхельманъ назв. соч. стр. 37 сл.

Digitized by Google

нія государствъ и имѣла бы право принуждать ихъ къ исполненію этихъ нормъ. Но такъ какъ уже достаточно выяснено въ современной наукѣ права, что принужденіе не составляетъ существеннаго признака правовой нормы, а лишь одну изъ мощныхъ гарантій ея примѣненія, то мы здѣсь не будемъ входить въ дальнѣйшее разсмотрѣніе этого вопроса [1]). Другой доводъ противниковъ международнаго права, что въ области международныхъ отношеній нѣтъ внѣшне авторитетныхъ нормъ, такъ какъ надъ государствами вообще нѣтъ внѣшняго авторитета.

Дѣйствительно, надъ государствами нѣтъ внѣшняго авторитета въ смыслѣ юридически организованной единой власти, законодательной власти, которая диктовала бы имъ свою волю и заставляла бы ихъ исполнять ее. Государства—независимые субъекты въ международной области. Но такой юридически организованной власти, диктующей свою волю и принуждающей къ исполненію ея, нѣтъ и въ отношеніи обычнаго права, и тѣмъ не менѣе нормы обычнаго права все же—внѣшне авторитетныя, юридическія нормы для лицъ имъ подчиненныхъ.

Внѣшнимъ авторитетомъ въ международномъ правѣ по аналогіи съ обычнымъ правомъ, внутри государства дѣйствующимъ, является не какая-либо юридически организованная власть общественнаго союза или какой-либо корпораціи, но коллективное убѣжденіе, согласіе, воля всѣхъ или огромнаго большинства членовъ международнаго общенія государствъ [2]).

Обычное право внутри государства обязательно не только въ силу заведеннаго порядка, традиціи, общности обычая, продолжительности его примѣненія или всеобщаго признанія, такъ какъ всѣ эти факторы обусловливаютъ и дѣйствіе простого, неюридическаго обычая, но потому, что въ обычномъ правѣ, какъ и въ правѣ вообще, проявляется элементъ автори-

---

[1]) См. нашу ст. Нормативный характеръ права. Временникъ Демидовскаго Юрид. Лицея 1903.

[2]) Ср. Brie: Theorie v. d. Staatenverb. стр. 39 сл.

Digitized by Google

тетной воли. Сознаніе безусловной обязательности извѣстной нормы достигло такой степени у фактически преобладающей, авторитетной группы членовъ общественнаго союза, что они не только желаютъ, но и требуютъ отъ всѣхъ и каждаго, входящаго съ ними въ отношенія, примѣненія этой нормы, независимо отъ того желаетъ-ли онъ самъ этой нормы и признаетъ-ли ее. Отсюда народныя русскія пословицы: «Повальный обычай, что царскій указъ» ,«Противъ обычая не спорь». Эта властная воля—не какая-либо юридически организованная единая воля общественнаго союза, и не общая воля, воля всѣхъ, но коллективное убѣжденіе и воля фактически авторитетныхъ членовъ союза. Убѣжденіе, сознаніе въ обязательной силѣ такой-то нормы, можетъ быть существуетъ не у всѣхъ, но лишь у наиболѣе авторитетныхъ членовъ общественнаго союза, и въ силу этого норма обычнаго права является по отношенію къ каждому лицу, живущему въ этомъ союзѣ, внѣшней нормой, такъ какъ она для него признается безусловно обязательной, независимо отъ того, какъ онъ самъ относится къ ней, независимо отъ того, соотвѣтствуетъ-ли эта норма или нѣтъ его интуитивнымъ нормамъ. Такимъ образомъ, раціональна-ли такая норма или нѣтъ, участвовалъ-ли въ выработкѣ ея содержанія сознательный или безсознательный элементъ,—это все равно. За этой нормой стоитъ извѣстная фактическая сила, коллективное общественное убѣжденіе и воля, и поэтому эта норма, объективирующаяся въ извѣстномъ обществѣ, принимаетъ внѣшне-повелительный характеръ для каждаго отдѣльнаго члена общества, принимаетъ характеръ положительнаго права. Аналогично съ обычнымъ правомъ внутри извѣстнаго общества дѣйствуютъ и международноправовыя нормы въ международномъ обществѣ государствъ. Въ международномъ правѣ, конечно, такія повелительныя нормы вырабатываются гораздо труднѣе. Члены международнаго союза—уже вполнѣ организованные союзы властвованія, государства, не легко подчиняются нормамъ, источникъ кото-

Digitized by Google

рыхъ лежитъ не въ нихъ самихъ. Но самыя требованія жизни (общность культуры, взаимная зависимость интересовъ) привели и ихъ необходимо къ признанію и соблюденію извѣстныхъ правилъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и къ постепенному коллективному признанію ихъ безусловной обязательности по отношенію къ каждому изъ нихъ. Конечно, чтобы выработалось такое коллективное признаніе нужно не мало времени, но разъ оно образовалось, то и оказываетъ давленіе на отдѣльныхъ членовъ международнаго общенія, подобно тому, какъ это происходитъ въ обычномъ правѣ. Коллективное убѣжденіе и воля (не общая и единая воля) [1]) членовъ международнаго союза импонируютъ волѣ каждаго отдѣльнаго государства, которое захотѣло бы не признавать такой нормы. Вопросъ въ томъ, чтобы сдѣлать выраженіе такой воли болѣе организованнымъ и дѣйствительнымъ, на что и направлены всѣ старанія современныхъ дѣятелей въ области международнаго права. Еллинекъ справедливо замѣчаетъ, что «государственное сообщество имѣетъ чисто анархическую природу, и международное право, какъ исходящее отъ авторитета, не организованнаго и не обладающаго никакой верховной властью (Herrschermacht), можетъ быть названо «анархическимъ» правомъ, что и показываетъ его несовершенства и недостатки» [2]). Это правильно, но изъ того, что этотъ авторитетъ не обладаетъ надлежащей юридической организаціей и не представляетъ собой единую верховную волю и юридически организованную законодательную власть civitas maxima, господствующую надъ государствами, не слѣдуетъ заключать,

[1]) Ф. Листъ: Международное право. Русскій переводъ 1902 стр. 9 такъ опредѣляетъ источникъ международнаго права: „Международное право основывается на согласномъ правовомъ убѣжденіи культурныхъ государствъ, поскольку оно окрѣпло для изъявленія общей правовой воли“...

Противъ Triepel'я: Völkerrecht und Landesrecht 1897, также стремящагося обосновать международное право на общей волѣ государства (Vereinbarung) ср. замѣчанія Jellinek'a D. Recht d. mod. Staates B. I стр. 339 пр. I.

[2]) Jellinek: D. Recht d. mod. Staates B. I стр. 341.

Digitized by Google

что его вовсе нѣтъ. Исторія и факты показали, что авторитетъ этотъ еще весьма слабъ, не всё-же существуетъ [1]).

На чемъ основывается юридическая обязанность соблюденія международныхъ договоровъ для самихъ государствъ, какъ не на томъ общемъ правилѣ, выраженіи авторитетной коллективной воли членовъ международнаго союза, вызванной требованіями самой жизни и постепенно путемъ международной практики установившейся международной обычноправовой нормы, что договоры должны быть соблюдаемы [2]). Изъ нравственной нормы, предписывающей соблюденіе своего слова и обѣщанія, постепенно выработалась обычноправовая норма.

Но каково бы ни было происхожденіе нормъ международнаго права, но, если онѣ представляетъ собою не только мнимое право, а дѣйствительное положительное право, нормы эти возвышаются надъ отдѣльными государствами, являются внѣшними, обязательными для нихъ объективными, а не только субъективными нормами тѣхъ государствъ, международныя отношенія которыхъ онѣ регулируютъ [3]). Государства, и подчиняясь такимъ нормамъ, все же остаются въ отношеніи другъ къ другу независимыми, такъ какъ нормы эти не создаютъ подчиненія одного государства другому и не являются сами по себѣ закономъ государства, стоящаго надъ государствомъ, не въ чемъ не ограничиваютъ верховнаго территоріальнаго властвованія этихъ государствъ. Нормы международнаго права не являются нормами, опредѣляющими и ограничивающими государство тамъ,

[1]) Ср. F. v. Liszt: Das Völkerrecht въ Encycl. d. Rechtsw. v. D. K. Birkmayer стр. 1263 сл.

Grueber: Einführung in die Rechtswissenchaft тамъ же стр. 57.

[2]) Ср. Также Merkel: Jur. Encyclopädie 1900 § 121, § 857.

Мы не можемъ раздѣлить мнѣніе проф. О. О. Эйхельмана о невозможности образованія обычнаго права въ отношеніяхъ между государствами, хотя бы путемъ договоровъ.

См. Эйхельманъ: Очерки изъ лекцій по международ. праву. В. I, 1900 стр. 11.

Ср. напротивъ Brie: Theorie der Staatenverbindungen 1886 стр. 11 сл., стр. 41 сл.

[3]) Ср. Brie: Theorie d. Staatenverb. 1886 стр. 21 сл.

Digitized by Google

гдѣ оно дѣйствительно властвуетъ и имѣетъ суверенитетъ, т. е. въ предѣлахъ его территоріальнаго верховенства [1]), но нормами, признаваемыми коллективно всѣми государствами, составляющими международное общество государствъ или фактически руководящею ихъ группою, обязательными для всякаго государства, переходящаго предѣлы своего суверенпаго властвованія и вступающаго въ ту сферу отношеній съ другими равноправными ему субъектами, въ которой это государство, строго говоря, никакой власти и суверенитета не имѣетъ, а дѣйствуетъ лишь въ согласіи съ другими государствами Вотъ почему взаимныя отношенія между государствами, членами международнаго союза, регулируются почти исключительно договорами и соглашеніями, которые сами по себѣ не могутъ установить никакой власти одного государства надъ другимъ, но опредѣляютъ лишь чисто обязательственныя отношенія между государствами какъ полноправными субъектами, обязательства, основанныя въ ихъ взаимномъ согласіи. Отношеніе, которое не только въ своемъ возникновеніи, но и въ своемъ продолженіи основано на договорѣ, не можетъ быть отношеніемъ властвованія.

Впрочемъ, бываетъ, что международный договоръ въ сущности заключаетъ въ себѣ не установленіе извѣстныхъ обязательственныхъ отношеній между сторонами, но содержитъ въ себѣ лишь открытое признаніе уже совершившихся фактовъ, какъ-то: добровольнаго или насильственнаго (путемъ войны) подчиненія одного государства другому. Этотъ мнимый договоръ въ сущности представляетъ совою обоюдную декларацію о состоявшемся уже фактическомъ, а можетъ быть, и юридическомъ измѣненіи государственноправового положенія такихъ государствъ.

Вообще же договоръ между государствами самъ по себѣ, какъ совершенно правильно утверждаетъ господствующее мнѣніе, не устанавливаетъ властвованія и подчиненія между го-

[1]) Ср. Le Fur: Etat fédéral et confédération d'Etats стр. 465.

Digitized by Google

сударствами, и, слѣдовательно, не умаляетъ и не нарушаетъ суверенитета обязавшагося имъ государства, а только налагаетъ въ силу нормы международнаго права юридическую обязанность исполнить договоръ. Какое же затѣмъ по исполненіи договора, его осуществленіи, наступитъ отношеніе между бывшими контрагентами можетъ опредѣляться уже и не изъ договора, но изъ другихъ юридическихъ основаній. Но пока отношеніе между государствами зиждится лишь на договорѣ, обязанность государства исполнять договоръ длится до тѣхъ поръ, пока самый договоръ существуетъ, а этотъ договоръ необходимо предполагаетъ и выражаетъ обоюдное соглашеніе равноправныхъ и независимыхъ контрагентовъ — государствъ, а не представляетъ собой акта, непосредственно устанавливающаго властвованія одного государства надъ другимъ; ибо актъ властвованія—односторонній актъ, исключительное опредѣленіе волею одного лица воли другого. договоръ же представляетъ собой согласную волю контрагентовъ, которые и въ договорѣ остаются въ состояніи координаціи, а не субординаціи. Поэтому правъ Еллинекъ въ своемъ утвержденіи, что высшимъ правиломъ для установленія юридическихъ отношеній двухъ государствъ является положеніе, что «каждое государство суверенно, если оно связано только договоромъ» [1]). Поэтому всѣ ограниченія государства, возникающія въ силу международнаго договора, хотя бы государство фактически было вынуждено къ заключенію такого договора (coactus tamen voluit) или къ присоединенію къ нему, не умаляютъ суверенитета такъ обязавшагося государства, такъ какъ эти ограниченія основаны также и на его собственной волѣ и длящемся согласіи, выражен-

---

[1]) Jellinek: Die Lehre v. d. Staatenverb. 1882 стр. 54; 100 сл.

Pischel: Der Begriff der Suzeränität und die herrschende Lehre v. d. Souveränität 1897 стр. 64—66.

Borel: Etude sur la souveraineté et l'Etat fédératif 1886 стр. 27, 33, 42 сл.

H. Rosin: Souveränetät, Staat, Gemeinde, Selbstverwaltung. Annalen. d. D. Reiches 1883 стр. 269 сл.

Le Fur: Etat fédéral et confédération d'Etats 1896 стр. 446 сл.

Digitized by Google

номъ въ договорѣ, а не на приказѣ и одностороннемъ актѣ другого государства, имѣютъ обязательственный характеръ и длятся лишь до тѣхъ поръ, пока сохраняетъ свою силу самый договоръ, заключающій въ себѣ это согласіе государства допускать извѣстныя ограниченія своего властвованія. Суверенитетъ не умаляется, если государство въ силу договора само допускаетъ на своей территоріи другое государство къ осуществленію тѣхъ или другихъ правъ или обязуется не осуществлять тѣхъ или другихъ своихъ правъ (такъ называемые международные сервитуты) [1]), или переноситъ по договору осуществленіе правъ государственной власти въ предѣлахъ опредѣленной части своей территоріи на другое государство, оставляя у себя лишь голое право суверенной государственной власти (nudum jus), какъ это мы видимъ въ отношеніи Турціи и Австріи къ турецкимъ провинціямъ Босніи и Герцоговинѣ [2]). Турція отказалась въ этомъ случаѣ по договору отъ осуществленія государственной власти въ этихъ провинціяхъ и согласилась на осуществленіе въ нихъ государственной власти Австріи, оставивъ за собой и оговоривъ спеціально свой формальный суверенитетъ надъ этими провинціями. Точно также суверенитетъ государства не уничтожается, если суверенное государство въ силу международнаго договора и на время его дѣйствія ставится подъ гарантію или протекторатъ другого государства, даже если оно при этомъ предоставляетъ послѣднему право контроля и вмѣшательства въ его внѣшнюю политику или внутреннія дѣла или даже предоставляетъ другому государству осуществленіе всѣхъ его,

---

[1]) Положеніе вопроса о межд. сервитутахъ въ литературѣ см. Шэлландъ: Юрид. природа территоріальнаго верховенства т. I стр. 212—237. О чисто обязательственномъ характерѣ этихъ отношеній. см. также Jellinek: Die Lehre v. d. Staatenverb. стр. 42, 47, 55.

[2]) См. Jellinek: Die Lehre v. d. Staatenverb стр. 53 сл. 115 сл.

Le Fur: Назв. соч. стр. 453 сл.

Впрочемъ, послѣднее положеніе крайне ненормально, такъ какъ обращаетъ суверенитетъ въ одну юридическую фикцію ср. Jellinek: D. Recht d. mod. Staates стр. 596—597.

Digitized by Google

такъ называемыхъ, внѣшнихъ правъ верховенства, т. е. представительство въ сношеніяхъ съ иностранными государствами.

Хотя, такимъ образомъ, международноправовая дѣеспособность государства оказывается ограниченной или вполнѣ устраненной, но, такъ какъ такое умаленіе дѣеспособности протежируемаго государства, хотя бы она оказывала вліяніе и на осуществленіе государственной власти внутри своей территоріи, зиждится на договорѣ, и, слѣдовательно, основано также на волѣ самого протежируемаго государства, выраженной въ договорѣ и длящейся до тѣхъ поръ, пока существуетъ этотъ договоръ, то такое временное добровольное ограниченіе дѣеспособности государства не оказываетъ вліянія на его правовой суверенитетъ [1]).

Государство, такъ обязавшееся международнымъ договоромъ, въ силу своего суверенитета, высшей правовой власти въ своей территоріи, сохраняетъ всегда высшее право отвергнуть такія ограниченія его верховенства въ предѣлахъ собственной территоріи, хотя бы оно такимъ образомъ нарушило принципъ обязательности договора и норму международнаго права. Тутъ мы имѣемъ коллизію государственноправового суверенитета, какимъ онъ собственно и является, какъ мы уже говорили, съ международнымъ правомъ, коллизію госу-

---

[1]) Ср. Jellinek: Die Lehre v. d. Staatenverb 126 сл.

R. Pischel: Der Begriff der Suzeränität und die herrschende Lehre von der Souveränität 1897 стр. 66—71.

Le Fur: Etat fédéral et confédération d'Etats 1896 стр. 451 сл.

Напротивъ, Heilborn: Das völkerrechtl. Protektorat 1891 стр. 46 сл. признаетъ протежируемое государство „полусувереннымъ". Тамъ же см. литературу межд. права по вопросу о протекторатѣ. Boghitchévitch: Halbsouveränität 1903 стр. 183 сл. указываетъ, что протекторатъ можетъ быть различнаго рода и вслѣдствіе этого протежируемое государство можетъ быть суверенным, полусувереннымъ и несувереннымъ.

Ср. также Rehm: Allg. Staatslehre стр. 85 сл.

Но мы держимся мнѣнія, что, поскольку протекторатъ основанъ на договорѣ между суверенными государствами, онъ не умаляетъ суверенитета протежируемаго.

См. также въ этомъ отношеніи замѣчанія Bornhak: Einseitige Abhängigkeitsverhältnisse unter d. mod. Staaten 1896 стр. 26—49.

Digitized by Google

дарственнаго права съ международнымъ, которой государство должно тщательно избѣгать, но съ точки зрѣнія юридической такое положеніе вполнѣ возможно. Иначе суверенитетъ не есть высшая и независимая правовая власть, но только фикція такой власти. Въ своихъ предѣлахъ суверенное государство всегда остается высшимъ распорядителемъ государственной власти, которая опредѣляется лишь его собственнымъ государственнымъ правомъ. Это неизбѣжный логическій выводъ изъ самого понятія суверенитета.

Изъ него вытекаетъ также требованіе, что для избѣжанія конфликта съ международнымъ правомъ, международныя договорныя обязательства суверенаго государства должны быть вполнѣ согласованы съ принципомъ его суверенитета, а не создавать ненормальное положеніе вещей вродѣ положенія Австро-Венгріи въ турецкихъ провинціяхъ Боснін и Герцеговинѣ.

Лишнее было бы добавлять, что при союзныхъ договорахъ двухъ или нѣсколькихъ суверенныхъ государствъ устанавливающихъ взаимныя обязанности контрагентовъ, государства, такъ обязавшіяся, остаются вполнѣ суверенными. Даже въ такъ называемомъ союзѣ государствъ, Staatenbund, длящейся формѣ соединенія суверенныхъ государствъ, организованной по взаимному соглашенію въ цѣляхъ охраны соединенными силами ихъ внѣшней неприкосновенности и внутренняго порядка и осуществленія опредѣленныхъ общихъ задачъ управленія спеціально организованными общими для всѣхъ членовъ союзными органами, суверенитетъ государствъ членовъ этого союза остается неприкосновеннымъ. Такъ называемый союзъ государствъ не образуетъ собой новаго государства, возвышающагося надъ его членами и связывающаго ихъ юридически своими приказами, законами. Въ основаніи союза государствъ лежитъ международный договоръ между независимыми, суверенными государствами, и потому всѣ отношенія между государствами членами этого союза опредѣ-

Digitized by Google

ляются международнымъ правомъ. Союзъ государствъ, говоритъ Лабандъ, есть правовое отношеніе между государствами, но не субъектъ права, какъ государство, которое является организованнымъ единствомъ, лицомъ, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не правоотношеніемъ [1]). Союзы государствъ могутъ обладать общими органами, состоящими изъ представителей этихъ государствъ и выражающими и осуществляющими рѣшенія союза даже просто по большинству голосовъ, но эти органы должны строго сообразоваться съ договорными основаніями союза, и ихъ рѣшенія для приведенія своего въ исполненіе всегда нуждаются въ согласіи каждаго государства—члена, такъ какъ каждое государство въ союзѣ сохраняетъ свой суверенитетъ и не можетъ быть юридически обязано помимо своей воли повиноваться рѣшеніямъ союза, поскольку это не вытекаетъ изъ обязанностей, принятыхъ на себя по договору [2]). Противоположное воззрѣніе, приписывающее союзу государствъ (Staatenbund) корпоративный характеръ и власть надъ его членами, какъ справедливо замѣчаетъ Еллинекъ, необходимо влечетъ признаніе такого союза государствомъ и, такимъ образомъ, уничтоженіе всякаго существеннаго различія между союзомъ государствъ и союзнымъ государствомъ [3]). Въ наши задачи не входитъ изслѣдованіе природы сложнаго государства, но замѣтимъ, что во всякомъ случаѣ, если между учеными существуетъ споръ о сущности такъ называемаго союза государствъ, Staatenbund, то и тѣ ученые, которые, какъ напримѣръ Георгъ Мейеръ, доказываютъ, что союзъ государствъ (Staatenbund) является не только договорнымъ отношеніемъ,

[1]) **Laband**: Назв. соч. В. I стр. 53.

[2]) Таково мнѣніе: Еллинека, Лабанда, Цахаріэ, Гербера, Моля, Цорна, Розина, О. Мейера, Трипеля и др.

Ср. Jellinek: D. Recht d. mod. Staates стр. 697 сл.

Laband: D. Staatsrecht d. D. Reiches 1901 B. I стр. 51 сл.

[3]) См. Jellinek: Назв. соч. стр 698 тамъ же цит. въ прим. 1 и 2-мъ писатели, держащіеся критикуемаго Еллинекомъ воззрѣнія.

Ср. также Laband: Назв. соч. В. I стр. 54 пр. 1.

Digitized by Google

но и юридическимъ субъектомъ публичнаго права, который можетъ входить въ юридическія отношенія къ другимъ субъектамъ права, къ иностраннымъ государствамъ и частнымъ лицамъ, и обладаетъ правами властвованія надъ отдѣльными государствами, его членами, все же выводятъ такую власть союза не изъ международноправовой связи, объединяющей государства, а изъ государственноправовой. Вотъ почему Георгъ Мейеръ, изложивши такое воззрѣніе на союзъ государствъ, Staatenbund, говоритъ: «поэтому союзъ государствъ не является только международноправовымъ и частноправовымъ отношеніемъ, но и государственноправовымъ» [1]) Лишь государственноправовое отношеніе можетъ быть отношеніемъ властвованія, и такое отношеніе, слѣдовательно, можетъ опредѣляться лишь нормами государственнаго права. Международное же отношеніе не есть отношеніе властвованія, а отношеніе между равноправными и юридически независимыми субъектами—государствами. Нормы международнаго права не регулируютъ отношенія властвованія одного государства надъ другими и не представляютъ собой выраженія воли какого-либо юридически организованнаго союза властвованія надъ государствами. Вотъ почему мы и говоримъ, что отношенія между государствами, субъектами международнаго права, могутъ имѣть лишь договорный обязательственный характеръ, характеръ взаимности, и ни въ чемъ не нарушаютъ принципа суверреннаго властвованія каждаго государства. Поэтому, будемъ-ли мы разсматривать международное право, подобно нѣкоторымъ ученымъ, какъ частное право между государствами, или, какъ это правильнѣе, какъ публичное право, въ виду особаго характера субъектовъ международнаго права, которые вступаютъ во взаимныя отношенія, какъ носители публичноправового властвованія каждый въ своей сферѣ, которые договариваются относительно своихъ интересовъ, во всякомъ случаѣ, всѣ международноправовыя отношенія государствъ имѣютъ въ своемъ осно-

[1]) G. Meyer: Lehrbuch d. D. Staatsrechtes стр. 33 сл.

Digitized by Google

ваніи принципъ полной автономіи воли и власти каждаго государства, входящаго въ международныя отношенія, въ его территоріальныхъ предѣлахъ, и въ основѣ каждаго обязательственнаго отношенія одного государства къ другому лежитъ также и его собственная воля и согласіе, выраженное въ международномъ договорѣ и совпадающее съ волей другого государства. И подобно тому, какъ ограниченіе права собственности, вытекающее изъ обязательствъ собственника, не уничтожаетъ его права собственности, такъ и международныя обязательства суверенаго государства не уничтожаютъ его суверенитета. Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ заключенію, что суверенная государственная власть, какъ таковая, является властью, которая лишь въ своемъ собственномъ правѣ находитъ свое опредѣленіе и ограниченіе; не въ томъ смыслѣ, что право государства является для его власти какой-либо внѣшней границей, установленной какимъ-либо внѣшнимъ авторитетомъ для государства, или же правомъ, которымъ государство само себя по своему желанію обязываетъ или признаетъ для себя обязательной нормой, но государство въ силу самой своей природы является юридически организованнымъ союзомъ властвованія, его власть въ силу самой своей природы является правовою властью, могущею осуществляться лишь въ правовыхъ формахъ; объ ограниченіи же суверенной власти правомъ другого государства говорить нельзя. Суверенная государственная власть есть высшая правовая власть, такъ какъ другой высшей правовой власти надъ ней не существуетъ. Международное же право совмѣстимо съ суверенитетомъ государства, такъ какъ юридически ограничиваетъ государство въ той сферѣ, гдѣ оно не властвуетъ, и оставляетъ неприкосновеннымъ его территоріальное верховенство.

Digitized by Google

ГЛАВА VI.

Суверенитетъ—государственноправовое понятіе.

Въ основѣ понятія суверенитета прежде всего лежитъ не международноправовая идея независимости, свободы государства, но представленіе объ извѣстномъ характерѣ его власти, о высшей территоріальной власти государства, о безусловномъ верховенствѣ. Это видно уже изъ исторіи развитія этого понятія. Прежде всего знаменитый споръ о верховенствѣ власти (supremitas) между императорами и папами былъ направленъ на рѣшеніе вопроса, кому изъ этихъ двухъ главъ средневѣкового христіанскаго царства принадлежитъ высшая власть, по крайней мѣрѣ, въ области свѣтскихъ, государственныхъ отношеній (in temporalibus).

Такъ какъ властолюбивыя притязанія на господство и въ области свѣтскихъ дѣлъ заявляетъ церковная власть въ лицѣ папъ, то она и доказываетъ свое верховенство, приводя основанія, въ силу которыхъ ей должна подчиняться всякая свѣтская власть. Послѣдняя же въ лицѣ императоровъ, защищая свое верховенство (supremitas) отъ такихъ притязаній, вынуждена доказывать свое исключительное господство въ свѣтскихъ дѣлахъ, слѣдовательно, и независимость отъ церковной власти. Въ свою очередь, сторонники императорской власти и верховенства имперіи, оспаривая утвержденіе тѣхъ или другихъ властителей (королей Англіи, Франціи), что они изъяты отъ подчиненія императору и имперіи, являются та-

Digitized by Google

кою же высшею властью въ своихъ королевствахъ, какъ и императоръ въ имперіи (rex Franciae est imperator in suo regno), доказываютъ верховенство (supremitas) императора надъ властителями всѣхъ земель, входящихъ въ составъ имперіи, приравнивая власть императора даже абсолютной верховной власти римскихъ императоровъ.

То же самое происходитъ и во Франціи, откуда собственно ведетъ свое происхожденіе современное понятіе суверенитета. Французскіе короли въ своемъ стремленіи къ объединенію подъ своимъ безусловнымъ господствомъ всѣхъ элементовъ государства съ безпощадной энергіей стараются разрушить всѣ силы, препятствующія утвержденію ихъ безусловнаго верховенства въ государствѣ. Разрушая сеньоральный суверенитетъ и возвышая свой королевскій суверенитетъ (souveraineté royale), короли въ то же время отвѣчаютъ на властолюбивыя притязанія папъ и ихъ вмѣшательство въ государственныя дѣла формулой: «le roi ne tient de nullui fors de Dieu et de lui» и даже стремятся къ подчиненію себѣ самой церковной власти (Авиньонское плѣненіе папъ и вольности галликанской церкви, предоставляющія государственной власти обширныя права вмѣшательства въ церковную сферу); противъ же притязаній императоровъ и ихъ юристовъ, поддерживающихъ идею подчиненія Франціи верховной власти императоровъ, какъ повелителей всемірнаго христіанскаго царства, выдвигаютъ возраженіе, что король французскій изъятъ отъ подчиненія императору и такой же императоръ въ своей странѣ, какъ германскій императоръ въ своихъ владѣніяхъ.

Такимъ образомъ, во Франціи утверждается идея, что королевская власть есть безусловно высшая государственная власть, и, какъ таковая, ни отъ кого не зависитъ, является носительницей государственнаго суверенитета.

Поэтому-то юристъ Charles Loyseau при Генрихѣ IV заявляетъ, что «le royaume de France est la monarchie la

Digitized by Google

mieux establie qui soit et qui ait jamais été au monde estant en premier lieu une monarchie royale et non pas seigneuriale, une souveraineté parfaite, à laquelle les Estats n'ont aucune part». Le Bret при Людовикѣ VIII говоритъ: «отсюда можно заключить, что наши короли, получая свой скипетръ только отъ Бога, не будучи подчинены никакой земной власти, и пользуясь всѣми правами свойственными совершенному и абсолютному суверенитету, вполнѣ суверенны въ своемъ королевствѣ [1])».

Вотъ почему и самъ Боденъ, котораго справедливо считаютъ творцомъ современной научной формулы суверенитета, несмотря на то, что онъ съ особенной силой выдвигаетъ признакъ внѣшней независимости въ суверенитетѣ, полагаетъ въ основаніи суверенитета главнымъ образомъ, какъ мы утверждаемъ противъ Rehm'a [2]), не международноправовую сторону суверенитета, внѣшнюю независимость власти, а государственноправовую, т. е. безусловное верховенство, характеръ государственной власти, въ силу котораго она является безусловно высшей «puissance absolue et perpetuelle d'une Republique». «majestas est summa in cives ac subditos legibusque soluta potestas». Поэтому-то Боденъ и говоритъ, что высшая власть не только не можетъ быть подчинена другой власти, но и не допускаетъ даже равной себѣ власти [3]).

Это тѣмъ болѣе, что Боденъ былъ самымъ убѣжденнымъ сторонникомъ стремленій королевской власти утвердить свое безусловное верховенство въ государствѣ и своимъ ученіемъ

---

[1]) См. ч. I стр. 34.

[2]) Rehm: Allg. Staatslehre. стр. 44 сл.

Его же: Geschichte d. Staatsrechtsw. стр. 221 сл.

См. напротивъ: Stengel въ Schmollers Jahrbuch 1898 s. 769 (N. F. XXII Jahrgang).

Ср. Boghitchéwitch: Halbsouveränität 1903 стр. 119 сл.

[3]) Bodinus: De Republica L. I, c. X. стр. 234: Ipse vel jus majestatis amittet nec summus Princeps erit, quia summus is dicitur qui nec superiorem nec ejusdem imperii socium habet, подобно тому какъ: Deum sibi parem efficere non potest, quia infinitae sit potestatis ac magnitudinis.

Digitized by Google

не только старался поддержать идею монархическаго суверенитета противъ ученій монархомаховъ, но и принципъ безусловнаго верховенства единой государственной власти, представителемъ которой въ своемъ отечествѣ онъ признавалъ лишь короля [1]).

Этотъ государственноправовой характеръ идеи суверенитета, выражающій собой безусловное правовое верховенство государственной власти въ предѣлахъ государственной территоріи, и представляетъ собой сущность этой идеи и основу всего ея историческаго развитія. Международноправовая сторона суверенитета, идея внѣшней независимости государства, его самостоятельность въ отношеніи къ другимъ такимъ же независимымъ государствамъ, является лишь, какъ выражается Еллинекъ, рефлексомъ его государственноправового верховенства [2]), логическимъ слѣдствіемъ понятія высшей государственной власти.

Вотъ почему большинство опредѣленій суверенитета, старыхъ и новыхъ, формулируютъ прежде всего суверенитетъ, какъ высшую власть, какъ совершенное, безусловное верховенство государства, summum imperium, summa potestas, summa in cives ac subditos (причемъ абсолютисты добавляютъ absoluta seu legibus soluta) potestas, Rechtsmacht des Staates über seine Competenz [3]).

«Отъ XVI-го вѣка до нашихъ дней, говоритъ Еллинекъ, опредѣляютъ суверенитетъ какъ высшую власть, какъ summum imperium, suprema potestas, какъ совершенную власть» [4]).

Мнѣніе, что суверенитетъ является государственноправо-

[1]) См. ч. I стр. 80 сл.

[2]) Jellinek: Die Lehre v. d. Staatverbindungen s. 24.

[3]) См. собраніе опредѣленій суверенитета прежнихъ писателей у Dock'a: Der Souveränetätsbegriff von Bodin bis zu Friedrich dem Grossen, 1897 стр. 5—11, и новыхъ у Combotheera: La conception juridique de l'Etat 1899 г. стр. 91 сл.

Также: Jellinek: Die Lehre v. d. Staatenverbindungen 1882 г. стр. 82 сл.

[4]) Jellinek: Die Lehre v. d. Staatenverbindungen стр. 26.

Digitized by Google

вымъ понятіемъ, рѣшительно также высказываетъ и Борель [1]). «Государство, говоритъ Борель, не является распорядителемъ своей компетенціи въ области международнаго права, но почему? Потому, что оно не обладаетъ никакой компетенціей въ этой области. Болѣе того, оно не имѣетъ извнѣ никакого суверенитета въ юридическомъ смыслѣ слова. Понятіе суверенитета принадлежитъ исключительно внутреннему публичному праву. [2])

Понятіе суверенитета является основаніемъ этой науки, такъ какъ оно даетъ формулу юридическихъ отношеній государства къ его подданнымъ. Государство обладаетъ высшей властью, оно повелѣваетъ своимъ подданнымъ посредствомъ закона, оно не обязано входить съ ними въ договорныя отношенія, оно можетъ только въ силу своей собственной воли всегда расширить свою компетенцію и ограничить всегда компетенцію подвластныхъ ему. Существуетъ-ли такое положеніе въ международной области? Обладаетъ-ли государство въ международномъ правѣ такою властью надъ другими? Нѣтъ, отвѣчаетъ Борель, оно не имѣетъ тамъ никакого суверенитета.

Принципъ суверенитета замѣняется въ международномъ правѣ, какъ и въ частномъ, принципомъ свободы и равенства.

Заключая международный договоръ, государство выходитъ изъ своей компетенціи и основываетъ новую, основанную не на суверенитетѣ, но на взаимномъ согласіи двухъ или нѣсколькихъ государствъ, и въ силу такого договорнаго основанія оно не можетъ измѣнить договоръ безъ согласія контрагентовъ или односторонне отказаться отъ него....

Собственно въ международномъ правѣ нѣтъ ни суверенитета (въ юридическомъ смыслѣ слова), ни компетенціи. То, что называютъ международнымъ суверенитетомъ государства, является только, говоря словами Еллинека, «необходимымъ

[1]) Borel: Étude sur la souveraineté et l'Etat fédératif 1886 стр. 39.

[2]) Ср. также P. Heilborn: Das völkerrechtliche Protektorat 1891 стр. 48.

Digitized by Google

рефлексомъ его высшей власти внутри»: внутренній суверенитетъ не является только по правилу (какъ думаетъ Геффтеръ), но всегда и безъ исключенія основаніемъ внѣшняго суверенитета» [1]).—

Аналогично высказывается и германскій ученый Генель [2]). «Суверенитетъ, утверждаетъ Генель, является исключительно государственноправовымъ, а не международноправовымъ понятіемъ. Такъ называемый международный суверенитетъ служитъ лишь для выраженія двойного значенія государственноправового суверенитета для международнаго права. Прежде всего суверенитетъ обусловливаетъ право быть субъектомъ международноправового общенія. Только суверенное государство имѣетъ полную правоспособность въ международномъ правѣ, такъ какъ суверенитетъ представляетъ именно свойство государства, сводящее къ единству всѣ общественные элементы и формы организаціи народа, и, такимъ образомъ, обосновываетъ право этого единства представлять извнѣ всѣ эти элементы и формы. Все международное право коренится такимъ образомъ въ этомъ правѣ внѣшняго представительства народа въ отношеніи другихъ одинаковымъ образомъ управомоченныхъ къ такому представительству народовъ. Далѣе, «международноправовой суверенитетъ» обозначаетъ, что каждое государство суверенно само по себѣ, т. е. что оно отрицаетъ суверенитетъ каждаго другого государства надъ собою. Съ положительной стороны этотъ суверенитетъ представляетъ собой основное право одинаковой управомоченности государствъ въ международномъ правѣ Такъ какъ суверенитетъ является лишь признакомъ внутренняго строенія общественнаго союза, то для утвержденія или отрицанія суверенитета отношенія къ другимъ государствамъ могутъ имѣть рѣшающее значеніе лишь въ томъ случаѣ, если они затрогиваютъ

---

[1]) Borel: Назв. соч. стр. 39—40.

[2]) A. Haenel: Deutches Staatsrecht. 1892.

Digitized by Google

внутреннее строеніе, функціи или цѣлеопредѣленіе государства» [1]).—

Изъ ученій, которые утверждаютъ, напротивъ, что международноправовой суверенитетъ (независимая власть) и государственноправовой суверенитетъ (высшая власть)—два различныхъ понятія, а не двѣ стороны одного и того же понятія, укажемъ здѣсь на два наиболѣе характерныхъ воззрѣнія Рогена и Рема.

Воззрѣніе Рогена. Рогенъ различаетъ два совершенно различныхъ суверенитета: внутренній и внѣшній [2]).

Внутренній суверенитетъ означаетъ всю совокупность высшихъ властей въ государствѣ (ensemble de pouvoirs en dernier ressort, réunion des pouvoirs de decision suprême), рѣшеніе которыхъ является высшимъ во всякой сферѣ государственной жизни: учредительной, законодательной, административной, судебной и проч. Истиннымъ сувереномъ въ государствѣ являются лицо или корпорація, которыя обладаютъ всей совокупностью такихъ высшихъ властей; всѣ остальные органы или должностныя лица обладаютъ тогда лишь делегированными полномочіями. Названіе монарха сувереномъ вошло въ употребленіе, именно, начиная съ той эпохи, когда одинъ человѣкъ началъ обладать всей суммой верховныхъ полномочій. Въ настоящее время, замѣчаетъ Рогенъ, такимъ сувереномъ безспорно является лишь россійскій императоръ, другіе же монархи являются суверенами въ меньшей степени [3]).

Лишь вся совокупность такихъ верховныхъ полномочій, аттрибутовъ, компетенцій (competences), представляетъ суверенитетъ. Поэтому, говоритъ Рогенъ, если въ государствѣ всѣ

---

[1]) См. Haenel: Назв. соч. В. I стр. 113—118.

[2]) Roguin: La règle de droit 1889, II partie, ch. II: De la nature de la souveraineté des états. p. 122—141.

[3]) Roguin: Назв. соч. стр. 134.

Digitized by Google

верховныя полномочія не соединяются въ одномъ органѣ, то въ государствѣ нѣтъ суверениаго органа: здѣсь аттрибуты, которые въ своемъ соединеніи образовали бы суверенитетъ, раздѣлены между нѣсколькими органами Говорить, что здѣсь суверенитетъ принадлежитъ тому или другому органу, можно лишь, допуская неточность, часто весьма опасную [1]). Въ федеративномъ государствѣ, напримѣръ, суверенитетъ не принадлежитъ ни союзной власти, ни государствамъ, входящимъ въ составъ союзнаго государства [2]). Абсолютная независимость государства въ его внутреннихъ дѣлахъ никоимъ образомъ не является критеріемъ государства, хотя государства обыкновенно ею обладаютъ.

Современныя государства чаще всего взаимно признаютъ свою независимость въ ихъ внутреннихъ отношеніяхъ; каждое государство имѣетъ право организоваться, какъ ему угодно. Но это ни въ какомъ случаѣ не необходимо: право часто дозволяетъ государствамъ вмѣшиваться въ самыя важныя стороны жизни другихъ государствъ (напримѣръ Болгарія) [3]). Что касается внѣшней независимости, то государства въ ихъ международныхъ отношеніяхъ подчиняются цѣлой системѣ юридическихъ нормъ. Они обязываются далѣе взаимно договорами, часто являющимися лишь вынужденнымъ констатированіемъ существующаго уже права, а не результатомъ доброй воли контрагентовъ. Какъ частныя лица въ частномъ правѣ, такъ и государства въ области международнаго права не могутъ уклониться отъ соблюденія положительнаго права, хотя бы оно было въ большей части обычноправового происхожденія Это право организуетъ и совершенствуетъ какъ бы то ни было систему управленія государствами и только подъ этимъ условіемъ признаетъ ихъ существованіе и ихъ право сношеній.

---

[1]) Roguin: Назв. соч. стр. 136.
[2]) Roguin: стр. 137 сл.
[3]) Roguin: Назв. соч. стр. 124.

Digitized by Google

Съ другой стороны, государства, подобно частнымъ лицамъ, ограничиваютъ и отчуждаютъ свои права посредствомъ договоровъ.

Ихъ добрая воля въ этомъ случаѣ мало значитъ; важенъ только результатъ договора Поэтому, заключаетъ Рогенъ, даже тѣ государства, которыя признаются равноправными, являются въ области взаимныхъ отношеній личностями международнаго права, никоимъ образомъ не обладаютъ абсолютной независимостью. Въ силу самого факта подчиненія государства международному праву, государство не можетъ быть, строго говоря, независимымъ. Еще менѣе, если государство, хотя бы добровольно, связало себя извѣстными обязательствами.

Софизмъ—опредѣлять независимость какъ всемогущество, какъ неограниченную власть самоопредѣленія для того, чтобы доказать, что эта независимость существуетъ даже тогда, когда извѣстныя обязательства явно устранили эту свободу самоопредѣленія.

Рѣшеніе этого вопроса, говоритъ Рогенъ, таково же, какъ и въ отношеніи собственности.

Собственность относительна и никогда не абсолютна, такъ какъ она ограничивается извѣстными условіями со стороны государства; она совершенно отсутствуетъ, если собственникъ отчудилъ какую-бы то ни было частицу ея [1]). Такимъ образомъ, продолжаетъ Рогенъ, можно называть государства независимыми, лишь помня, что они не являются абсолютно независимыми въ силу подчиненія международному праву, и что относительная полнота независимости можетъ быть приписана лишь тому государству, которое является лишь сравнительно наиболѣе свободнымъ въ области международнаго права, т. е. государству, не отчудившему по до-

---

[1]) Противъ этого утвержденія Рогена необходимо замѣтить, что ни обязательства собственника, ни сервитуты не уничтожаютъ права собственности. Выраженіе „частица права собственности“—весьма сомнительное и неопредѣленное выраженіе.

Digitized by Google

говору ни одной части своихъ верховныхъ правъ; всякое же государство, согласившееся заключить какой-либо международный договоръ, не является независимымъ въ строгомъ смыслѣ слова [1]).

На основаніи такихъ соображеній Рогенъ заключаетъ, что международный суверенитетъ имѣетъ такой же относительный характеръ, какъ и собственность. Онъ никакъ не представляетъ собою полноту могущества, а заключается въ юридически признанномъ существованіи государства, въ признаніи его международной личности и во власти свободнаго самоопредѣленія, гарантированной ему международнымъ правомъ въ границахъ этого же права.

Государство, пользующееся наиболѣе обширной сферой независимости, признанной за другими равноправными ему государствами, можетъ быть названо суверенным; но, если его независимость сокращена и ограничена вассальными отношеніями или другими ограниченіями, признанными международнымъ правомъ, такое государство—не суверенно, и этотъ аттрибутъ (суверенитетъ) перейдетъ къ его сюзерену, господствующему надъ нимъ. Государство же, находящееся внѣ международныхъ отношеній, изолированное, обладаетъ фактическимъ, а не юридическимъ всемогуществомъ, фактическимъ а не юридическимъ суверенитетомъ [2]).

Итакъ, говоритъ Рогенъ, анализъ показываетъ, что суверенитетъ внутренній весьма отличенъ отъ суверенитета внѣшняго. Первый можетъ быть не только правомъ, но и

---

[1]) Roguin: Назв. соч. стр. 123—126.

Мы уже видѣли, что обязательства, вытекающія изъ международныхъ договоровъ, нисколько не уничтожаютъ суверенитета государства.

[2]) Roguin: Назв. соч. стр. 127—128.

Это утвержденіе Рогена совершенно неправильно. Мы говорили уже выше, что суверенитетъ есть тотъ характеръ государственной власти, въ силу котораго она является высшею правовою властью въ своей территоріи, а потому суверенитетъ не обусловленъ признаніемъ его другими государствами или тѣмъ обстоятельствомъ, является-ли государство членомъ международнаго общенія.

Digitized by Google

фактомъ, т. е. не существовать какъ юридическое отношеніе; его послѣднее основаніе даже всегда является фактомъ. Второй же въ системѣ государствъ, юридически сближенныхъ (rapprochés) другъ съ другомъ, существуетъ всегда и необходимо является правомъ.

Внутренній суверенитетъ, означающій высшую власть, какъ бы ее ни опредѣляли, является одностороннимъ и абсолютнымъ въ его цѣлости или же въ соединеніи своихъ элементовъ. Второй же, международноправой суверенитетъ, представляющій собой въ сущности международную личность, является постоянно результатомъ сосуществованія государствъ или договоровъ, всегда относителенъ и ограниченъ. Каждый изъ этихъ суверенитетовъ можетъ существовать независимо отъ другого [1]).—

Изъ изложенныхъ выше нѣсколько противорѣчивыхъ воззрѣній Рогена видно, что подъ внутреннимъ суверенитетомъ онъ понимаетъ высшую власть, господствующую абсолютно во всей цѣлости своихъ верховныхъ правъ (absolue dans son integrité) въ предѣлахъ государственной территоріи. Подъ международнымъ же, внѣшнимъ суверенитетомъ, онъ понимаетъ или наибольшую свободу самоопредѣленія въ предѣлахъ международнаго права, гарантированную международнымъ правомъ государству, какъ юридически признанной международной личности, или даже просто международную правоспособность и дѣеспособность государства. Такой международный суверенитетъ, по мнѣнію Рогена, и можетъ существовать независимо отъ внутренняго суверенитета. Рогенъ поясняетъ это примѣрами. Провинція простого государства, говоритъ онъ, и часть федеративнаго государства могутъ не имѣть никакого суверенитета внутри и могутъ быть всё-таки признаны въ качествѣ между-

[1]) Rognin: Назв соч. стр. 139—140.

Это утвержденіе Рогена также неправильно: внутренній суверенитетъ, какъ свойство власти человѣческаго союза—государства, при томъ правовой власти, не является абсолютнымъ въ томъ смыслѣ, какъ это утверждаетъ Рогенъ.

Digitized by Google

народной личности, хотя и ограниченной, но такой, которая будетъ представлять собою частицу (!!) внѣшняго суверенитета. Съ другой стороны, государство, обладающее полнымъ суверенитетомъ внутри, можетъ быть лишено въ международной системѣ, какъ бы это ни было нелѣпо, всякаго характера международноправовой личности. Существуетъ фактическая связь, но вовсе не необходимая, этихъ двухъ видовъ суверенитета [1]).—

Обращаясь къ критикѣ этого ученія, прежде всего замѣтимъ, что полемика Рогена противъ пониманія суверенитета, какъ неограниченнаго никакими юридическими нормами полновластія государства и какъ абсолютной независимости, свободы государства отъ ограниченій, налагаемыхъ международнымъ правомъ, является совершенно излишней. Такъ какъ понятіемъ суверенитета имѣютъ въ виду выразить не безграничность и абсолютизмъ власти или совершенное отрицаніе опредѣленія государства нормами права и въ частности международнаго права, а лишь то, что извѣстная правовая власть является выше всѣхъ другихъ правовыхъ властей, юридически высшей въ своей сферѣ и не подчиненной никакой другой власти [2]).

Далѣе, противопоставленіе Рогеномъ внутренняго суверенитета внѣшнему, т. е. международному, основано на томъ, что онъ, допуская существованіе внутренняго суверенитета въ смыслѣ безусловнаго верховенства государственной власти въ предѣлахъ ея территоріи, не дѣлаетъ дальнѣйшаго логическаго вывода, что такая высшая территоріальная власть не можетъ быть подчинена другой власти, другому государству, а потому является всегда и извнѣ независимой; вмѣсто этого

---

[1]) Roguin: Назв. соч. стр. 140.

[2]) Противъ указанной уже нами выше, аналогичной полемики Preuss'a (Gemeinde, Staat, Reich стр. 118 сл.) противъ суверенитета, понимаемаго въ смыслѣ абсолютной и безграничной власти, ср. также справедливыя замѣчанія Laband'a: Das Staatsrecht d. d. Reiches. B. I 1901 г. s. 69. Anm. 2.

Digitized by Google

Рогенъ отождествляетъ понятіе суверенитета въ международномъ правѣ съ юридическимъ признаніемъ государства субъектомъ международноправовыхъ отношеній или же съ признаніемъ его равноправности съ другими государствами. При этомъ Рогенъ упускаетъ изъ виду свое собственное, хотя и неправильное утвержденіе, что государство ограниченное формами зависимости, извѣстными международному праву, утрачиваетъ свою независимость и, слѣдовательно, суверенитетъ [1]), хотя бы и продолжало оставаться международною личностью. По странному выраженію самого Рогена, оно можетъ бытью «ограниченною международноправовою личностью, но все же обладать ч а с т и ц е й внѣшняго суверенитета» [2]). Какъ будто можно говорить о «частицѣ внѣшняго суверенитета»! Отсюда и вытекаетъ странное утвержденіе Рогена, что провинція простого государства или часть федеративнаго государства могутъ не имѣть внутренняго суверенитета, но быть въ то же время признанными субъектами международныхъ отношеній, а потому обладать внѣшнимъ суверенитетомъ, и далѣе утвержденіе, что государство, обладающее полнымъ внутреннимъ суверенитетомъ, можетъ не быть признано субъектомъ международнаго права, и потому не обладать внѣшнимъ суверенитетомъ. Въ довершеніе всего Рогенъ разрываетъ два исторически сросшихся и логически связанныхъ элемента суверенитета: безусловное верховенство власти и ея независимость извнѣ, разсматриваетъ внутренній суверенитетъ, главнымъ образомъ, какъ фактическое господство, а международноправовой сторонѣ суверенитета даетъ иное произвольное значеніе международной личности, т. е. международной право- и дѣеспособности, и при всемъ томъ упускаетъ изъ виду, что самое признаніе внѣшняго суверенитета, независимости государства, и въ международномъ правѣ основано на томъ, что данное государство обладаетъ уже суверенитетомъ

---

[1]) Roguin: Назв. соч. стр. 127.

[2]) Тамъ же: стр. 140.

Digitized by Google

(внутреннимъ) въ предѣлахъ своей территоріи. Государственная власть, несуверенная внутри, не можетъ быть признана суверенной извнѣ [1]).

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ недоразумѣній и произвольныхъ утвержденій Роженъ и построилъ свою теорію двухъ различныхъ суверенитетовъ.

Воззрѣніе Рема.

Далѣе, ученіе, что суверенитетъ въ государственноправовомъ смыслѣ и суверенитетъ международноправовой—не двѣ стороны одного и того же понятія суверенитета, а два различныхъ понятія, поддерживается и германскимъ ученымъ Ремомъ. [2]).

Ремъ оспариваетъ мнѣніе Еллинека [3]), Штенгеля [4]), Le Fur'a [5]) и другихъ, что, такъ называемый, международноправовой суверенитетъ является необходимымъ рефлексомъ извнѣ, слѣдствіемъ понятія высшей власти въ государственноправовомъ смыслѣ. Онъ не соглашается также съ мнѣніемъ Георга Мейера [6]) и Гейльборна [7]), что государственноправовой и международноправовой суверенитетъ представляютъ лишь двѣ стороны одного и того же понятія суверенитета, какъ свойства государства, въ силу котораго оно является общественнымъ союзомъ, обладающимъ высшей властью.

Ремъ исходитъ изъ того, что въ современномъ правѣ утвердилось Боденовское опредѣленіе суверенитета, какъ безусловно высшей власти. Уклоненіе отъ Бодена съ теченіемъ

---

[1]) Ср. также замѣчаніе Laband'a о международноправовомъ и государственноправовомъ критеріи государства: Das Staatsrecht des Deutschen Reiches. B. I, стр. 70.

Ср. также: О Эйхельманъ: Очерки изъ лекцій по международному праву. Вып. I. 1900 стр. 85 сл.

[2]) Rehm: Allg. Staatslehre. 1899 стр. 61—63.

[3]) Jellinek: Die Lehre v. d. Staatenverb. стр. 24.

[4]) Stengel: Schmoller's Jahrbuch. 1898 стр. 769, 778, 785.

[5]) Le Fur: L'état fédéral et confédération d'États, 1896, стр. 443—444.

[6]) G. Meyer: Lehrb. d. d. Staatsrechts S. 18.

[7]) Heilborn: Das völkerrechtliche Protectorat 1891 стр. 47—48. У него же цитированы другіе писатели, держащіеся такого же воззрѣнія.

Digitized by Google

времени выразилось только въ томъ, что въ настоящее время подъ суверенитетомъ разумѣютъ не абсолютно высшее территоріальное господство, но безусловно высшее с в ѣ т с к о е территоріальное господство. Безусловно независимая свѣтская власть—вотъ каково основное значеніе суверенитета въ современномъ правѣ, утверждаетъ Ремъ. Поэтому, замѣчаетъ Ремъ, нельзя прилагать терминъ суверенитетъ ни къ государственной власти, ни къ высшему органу государства. Сущность государственной власти состоитъ въ томъ, что она стоитъ выше всѣхъ другихъ свѣтскихъ субъектовъ права на государственной территоріи; сущность высшаго государственнаго органа—въ томъ, что онъ стоитъ выше всѣхъ другихъ органовъ государства.

Слѣдовательно, и государственная власть и высшій государственный органъ выражаютъ собой отношенія субординаціи (Ueberordnung), отношеніе положительнаго характера, суверенитетъ же выражаетъ собой отношеніе независимости, т. е. отношеніе отрицательнаго характера. Государственная власть и высшій государственный органъ означаютъ собой господство надъ другими, суверенитетъ же—независимость отъ другихъ. Независимость отъ подданныхъ составляетъ не предположеніе территоріальнаго господства, но его послѣдствіе, тогда какъ независимость отъ высшей власти составляетъ предположеніе, а не слѣдствіе суверенитета въ истинномъ смыслѣ слова. То, что суверенное государство властвуетъ надъ своими подданными вытекаетъ не изъ его суверенитета, независимости, но изъ сущности государства, какъ территоріальной власти, заключающейся въ томъ, что она господствуетъ надъ всѣми находящимися на ея территоріи субъектами.

Суверенитетъ означаетъ собой независимость отъ каждаго, государственная же власть, такъ какъ есть и зависимыя государства, лишь независимость отъ опредѣленнаго числа людей и свѣтскихъ юридическихъ лицъ на террито-

Digitized by Google

ріи государства и независимость высшаго органа государства отъ другихъ органовъ того же государства.

Властвованіе нельзя смѣшивать съ суверенитетомъ, независимостью. Принципъ «quidquid est in territorio est etiam de territorio» дѣйствуетъ для всѣхъ территоріальныхъ союзовъ. И община властвуетъ надъ всѣми, находящимися на ея территоріи.

Поэтому называть государственную власть, какъ таковую, т. е. заключающіяся въ ней права, и высшій органъ государства суверенными можно лишь тогда, если суверенитетъ здѣсь употребляютъ въ иномъ смыслѣ, не совпадающемъ съ сущностью этого понятія.

Но разъ въ положительномъ правѣ и государственной практикѣ употребляютъ слово суверенитетъ и въ такомъ несобственномъ смыслѣ, то для научной ясности необходимо помнить, что есть два различныхъ понятія суверенитета, которыя и слѣдуетъ именовать различно.

Суверенитетъ, въ смыслѣ государственной власти можно называть суверенитетомъ въ государственноправовомъ смыслѣ, внутреннимъ суверенитетомъ.

Суверенитетъ высшаго государственнаго органа можно называть суверенитетомъ государственнаго органа (Staatsorgansouveränität). Суверенитетъ же въ собственномъ смыслѣ слова есть суверенитетъ международноправовой [1]).—

Съ указанными разсужденіями Рема согласиться нельзя. Ремъ правъ, говоря, что суверенитетъ въ истинномъ смыслѣ слова и государственная власть не одно и то же. Мы уже выше говорили, что суверенитетъ, представляющій собой лишь опредѣленный характеръ, качество государственной власти, въ силу котораго она является безусловно высшей въ предѣлахъ своей территоріи, нельзя смѣшивать съ самой властью въ смыслѣ совокупности или даже единства и всей полноты правъ властвованія. Не всякая власть является безу-

[1]) Rehm: Allg. Staatslehre стр. 61—63.

Digitized by Google

словно высшей въ сферѣ своего господства. Власть можетъ быть подчинена другой власти. Власть общины въ ея территоріальныхъ предѣлахъ, какой бы обширной автономіей она не обладала, не является безусловно высшей, такъ какъ, несмотря на то, что она осуществляетъ права властвованія надъ подчиненными ей членами ея, она все же подчинена государственной власти и послѣдняя господствуетъ и надъ членами общины. Если же, наконецъ, допустить и существованіе зависимыхъ, подчиненныхъ, несуверенныхъ государствъ, какъ это дѣлаетъ самъ Ремъ, то и власть такихъ государствъ не будетъ высшей въ предѣлахъ своей территоріи, такъ какъ ихъ властвованіе подчинено другой государственной власти и надъ ихъ подданными господствуетъ еще другая высшая власть [1]). Отождествленіе суверенитета съ государственной властью особенно замѣчается у тѣхъ писателей (главнымъ образомъ французскихъ и англійскихъ), которые считаютъ суверенитетъ необходимымъ признакомъ государства и не допускаютъ существованія несуверенной государственной власти. Поэтому многіе изъ нихъ, даже и сознавая различіе понятій суверенитета и государственной власти, все же называютъ государственную власть суверенитетомъ, т. е. именемъ ея существеннаго свойства. Суверенитетъ, употребляемый въ такомъ смыслѣ, представляетъ собой, конечно, нѣчто иное, нежели суверенитетъ въ собственномъ смыслѣ слова. То же самое можно сказать и относительно такъ называемаго суверенитета высшаго органа государства, о чемъ мы уже также говорили выше, указавъ и исторію такого словоупотребленія. Ремъ же, какъ и большинство современныхъ нѣмецкихъ государствовѣдовъ, не считаетъ суверенитететъ существеннымъ признакомъ государства, тѣмъ болѣе странно его утвержденіе, что понятіе о высшей власти вытекаетъ изъ са-

[1]) Ремъ и самъ признаетъ, что зависимыя государства, несуверенныя, не подходятъ подъ понятіе юридически в ы с ш а г о территоріальнаго союза. См. Allg. Staatslehre. Стр. 22.

Digitized by Google

маго существа государственной власти. Съ другой стороны, утвержденіе Рема, что суверенитетъ въ истинномъ смыслѣ слова представляетъ собой лишь международноправовое понятіе и означаетъ собой т о л ь к о безусловно независимую отъ всякой другой свѣтской власти свѣтскую власть, противорѣчитъ всей исторіи развитія понятія суверенитета и по существу неправильно.

Выше уже мы указывали, что развитіе идеи суверенитета представляетъ собой именно развитіе идеи о безусловномъ верховенствѣ государственной власти въ сферѣ ея территоріальнаго господства. Въ идеѣ суверенитета лежитъ утвержденіе, что извѣстная власть является безусловно высшей въ своей сферѣ.

Въ этой сферѣ ей одной по праву принадлежитъ высшее рѣшеніе и всякая другая власть, хотя бы и церковная, можетъ осуществлять свое господство лишь съ ея согласія или уполномочія. Она не только подчиняетъ себѣ всѣ лица и союзы въ этой сферѣ, но не допускаетъ ни прямого, ни посредственнаго господства надъ ними никакой равной или независимой отъ себя власти. Безусловное правовое верховенство власти внутри сферы ея господства—вотъ что означаетъ собой суверенитетъ. Въ силу того и суверенная государственная власть, какъ безусловно верховная въ своей территоріи, не можетъ быть подчиненной никакой другой власти, зависѣть отъ нея, иначе послѣдняя была бы высшей, суверенной властью въ государствѣ, а не первая. Если же мы допустимъ, какъ Ремъ, существованіе несуверенныхъ государствъ, мы должны будемъ прійти къ заключенію, что такое государство, подчиненное власти другого государства, не обладаетъ и государственноправовымъ суверенитетомъ, несуверенно. Слѣдовательно, такъ называемый международный суверенитетъ, независимость государства, является необходимымъ логическимъ слѣдствіемъ [1]) того, что государственно-

[1]) А не только находится въ практической связи и постоянномъ

Digitized by Google

правовое властвованіе извѣстнаго государства является безусловно высшимъ въ его территоріальныхъ границахъ.

Еллинекъ потому совершенно правильно замѣчаетъ, что государственноправовой и международноправовой суверенитетъ являются лишь двумя направленіями единой въ себѣ суверенной государственной власти.

Выводы Рема, какъ справедливо замѣчаетъ Еллинекъ, объясняются тѣмъ, что онъ въ интересахъ своей троякой терминологіи разрываетъ исторически сросшіеся элементы понятія суверенитета (высшая государственная власть и ея независимость).

Какъ же тогда, спрашиваетъ Еллинекъ, по ученію Рема должно обсуждать государственноправовой суверенитетъ международно суверенныхъ государствъ? Вѣдь онъ необходимо представляетъ превосходную степень власти и потому долженъ быть строго отличаемъ отъ лишь относительнаго внутренняго суверенитета несуверенныхъ государствъ? Въ результатѣ получается относительный и абсолютный внутренній суверенитетъ, но существованіе такого относительнаго суверенитета отвергаетъ и самъ Ремъ [1]). А это, какъ совершенно правильно заключаетъ Еллинекъ, показываетъ вполнѣ наглядно всю негодность различія государственноправового и международноправового суверенитета, устанавливаемаго Ремомъ [2]).

Отсюда видно, какъ тѣсно не только исторически, но и логически связаны между собой эти два элемента въ понятіи суверенитета: безусловное верховенство власти внутри государства и независимость ея извнѣ. Нельзя поэтому, какъ это дѣлаютъ, кромѣ указанныхъ нами ученыхъ, особенно писатели въ области международнаго права [3]), различать два суверен-

---

взаимодѣйствіи съ государственноправовой стороной суверенитета, какъ думаетъ Fr. Holzendorff. Handbuch des Völkerrechts. 1887. B. II s. 9.

[1]) См. Rehm: Allg. Staatslehre стр. 68.

[2]) Jellinek: Das Recht d. mod. Staates, B. I, стр. 432 пр. I.

[3]) Напр. v. Bulmerincq: Völkerrecht oder internationales Recht, въ Marquardsens Handbuch d. öffentl. Rechts, 1887, B. I. Hlb. 2. S. 193, 194 а также

Digitized by Google

нитета: внутренній, государственноправовой, и внѣшній, международноправовой. Высшая въ предѣлахъ государственной территоріи власть непремѣнно является и независимой извнѣ, иначе, завися отъ другой власти, подчиняясь ей, она не была бы высшей и для своихъ подчиненныхъ [1]). Справедливо замѣчаетъ Борель, что «понятіе власти необходимо вызываетъ и идею ея превосходной степени. Въ системѣ властей, поставленныхъ одна надъ другой, одна изъ нихъ должна быть выше всѣхъ другихъ, summa potestas. Этой то высшей власти наука и приписываетъ суверенитетъ» [2]).

Съ другой стороны, независимая власть является въ то же время высшею въ своей сферѣ властью, такъ какъ господствуя, т. е. подчиняя себѣ всѣхъ въ этой сферѣ, она сама никому не подчиняется, не имѣетъ надъ собой болѣе высокой власти [3]).

Поэтому суверенитетъ государства означаетъ такой характеръ его власти, въ силу котораго она является безусловно высшею правовою властью.

Въ литературѣ было высказано мнѣніе, что въ новомъ, окончательно сложившемся, государствѣ, суверенитетъ, какъ с в о й с т в о г о с у д а р с т в е н н о й в л а с т и, можетъ имѣть лишь одно значеніе: значеніе независимости власти отъ другихъ такихъ же государственныхъ властей [4]).

Мотивируется такое мнѣніе тѣмъ, что въ современномъ государствѣ вся публичноправовая власть монополизирована государствомъ, принадлежитъ исключительно и всецѣло государству. Государству принадлежитъ эта власть по собственному праву, другіе же союзы могутъ осуществлять ее не

Neumann: Grundriss d. europ. Völkerrechts 3 Aufl. 1885. s. 18: признаютъ лишь внутренній суверенитетъ у полусуверенныхъ государствъ.

Другіе писатели цит. у Jellinek'a: Die Lehre v. d. Staatenverb. S. 22.

[1]) Ср. Jellinek: Die Lehre v. d. Staatenverbindungen 1882 г. стр. 22 сл.

[2]) Borel: Назв. соч. стр. 27.

[3]) Ср. Jellinek: Die Lehre v. d. Staatenverb стр. 32.

[4]) В. М. Гессенъ: Верховная власть. (Въ словарѣ юрид. и госуд. наукъ подъ ред. Волкова и Филиппова Т. I, Вып. IV стр. 1701 сл.).

Digitized by Google

иначе, какъ въ силу делегаціи государства. Поэтому къ новому государству понятіе суверенитета въ средневѣковомъ смыслѣ этого слова, т. е. въ смыслѣ высшей власти, неприменимо. Если публичноправовая власть принадлежитъ исключительно и только государству, она не можетъ быть высшей властью, такъ какъ превосходная степень необходимо предполагаетъ наличность нѣсколькихъ объектовъ сравненія. Государственная же власть—одна: слѣдовательно, называя ее высшей властью, мы ничего къ ея характеристикѣ не прибавляемъ.

Эти возраженія противъ опредѣленія суверенитета, какъ высшей власти, аналогичны до нѣкоторой степени съ воззрѣніями Рема, что понятіе высшей власти вытекаетъ не изъ суверенитета, а содержится уже въ самомъ представленіи о государственной власти, какъ власти высшаго свѣтскаго территоріальнаго союза съ общей, а не спеціальной сферой дѣйствія, вслѣдствіе чего государство властвуетъ надъ всѣми лицами и свѣтскими союзами, находящимися на его территоріи, является для нихъ высшей властью [1]).

Только г. Гессенъ, высказавшій приведенное нами мнѣніе, идетъ еще дальше и считаетъ неправильнымъ самое наименованіе государственной власти высшей, такъ какъ сравнивать ее не съ чѣмъ послѣ того, какъ государство монополизировало всю публичноправную власть.—

Противъ этихъ разсужденій замѣтимъ слѣдующее. Споръ о томъ, называть-ли въ настоящее время суверенную государственную власть высшею или независимою, является споромъ о словахъ, и не имѣетъ значенія для существа дѣла. Мы видѣли уже изъ исторіи идеи суверенитета, что многіе

---

[1]) Rehm: Allg. Staatslehre стр. 19, 61 сл.

Напротивъ, Lingg: Empirische Untersuchungen zur allg. Staatslehre 1890 s. 221—235; именно только на этомъ основаніи и признаетъ всякую государст. власть суверенной.

„Herrschaft und Souveränität ist ein und dasselbe", говоритъ онъ. „Jeder Staat auch der kleinste hat Herrschaftsrecht".

Digitized by Google

писатели безразлично опредѣляли суверенитетъ, то какъ высшую, то какъ независимую власть. Понятіе о высшей и о независимой власти логически вытекаетъ одно изъ другого.

Но понятіе высшей власти болѣе соотвѣтствуетъ, какъ мы указывали уже выше, историческому значенію идеи суверенитета, вырабатывавшейся на основѣ стремленія носителей публичноправной власти къ безусловному верховенству и концентраціи власти государствомъ. Указаніе на то, что суверенная власть, есть высшая государственная власть, не потеряло своего значенія и для настоящаго времени.

Правда, въ настоящее время существуетъ воззрѣніе, что государство является монополистомъ всей публичноправовой власти. Всѣ другіе союзы, поскольку они обладаютъ правовою властью, обладаютъ въ сущности не своей властью, а осуществляютъ только делегированную имъ государствомъ власть.

Властвовать, говоритъ, напримѣръ, Лабандъ, означаетъ собой право давать свободнымъ лицамъ (и соединеніямъ такихъ лицъ) приказы, требующіе дѣйствій, упущеній или повинностей, и право принуждать ихъ къ исполненію этихъ приказовъ. Публично правовая власть — это признанная правомъ власть правительства принуждать подданныхъ къ исполненію его приказовъ.

Въ современномъ правѣ, продолжаетъ Лабандъ, кромѣ содержащагося въ семейственноправовой власти незначительнаго остатка прежнихъ временъ, когда отеческая и супружеская власть носила государственный характеръ, нѣтъ подданства частнымъ лицамъ и власти частныхъ лицъ; одно только государство властвуетъ надъ людьми. Это его специфизическое право, которое оно ни съ кѣмъ не раздѣляетъ. Лишь его воля обладаетъ силой сокрушать (brechen) волю индивидовъ, распоряжаться ихъ имуществомъ, естественной свободой и жизнью. Совершенная власть именно состоитъ не только въ собственномъ, неделегированномъ правѣ прика-

Digitized by Google

запія, но и въ такомъ же правѣ принужденія къ исполненію своихъ приказовъ [1]). Этимъ именно правомъ, говоритъ Лабандъ, отличается государство отъ общины и ей подобныхъ союзовъ, которые могутъ обладать властвованіемъ лишь въ силу делегаціи, уполномочія государства Они могутъ принуждать къ исполненію своихъ приказовъ лишь въ силу дозволенія государства, его делегаціи, и, во всякомъ случаѣ, должны обращаться съ просьбой о принужденіи къ правительственнымъ государственнымъ органамъ. Лишь государство обладаетъ властвованіемъ по собственному праву (Herrschaft Kraft eigenen Rechts) [2])—

Не касаясь здѣсь вопроса, который мы разсмотримъ ниже, насколько правильно это различіе между государствомъ и негосударственными союзами [3]), и, допустивъ даже, что власть государства является не только высшей въ сравненіи съ властью другихъ союзовъ, входящихъ въ его составъ, но что всякое другое властвованіе въ предѣлахъ государственной территоріи имѣетъ исключительно государственный характеръ, делегировано государствомъ, то и при такомъ предположеніи признаніе власти современнаго суверенаго государства высшей не утрачиваетъ своего значенія.

Дѣло въ томъ, что, если допустить существованіе несуверенныхъ государства и союзнаго государства, т. е. госу-

[1]) Еще до Лабанда Шмиттенеръ утверждалъ, что совершенная власть состоитъ въ единствѣ этихъ двухъ элементовъ: vis obligandi et vis cogendi см. Zwölf Bücher vom Staate 1843 B III кн. 7 стр. 276.

Ср. также: Jhering: Zweck im Recht B. I 1877 стр. 316 сл.

[2]) Laband: Das Staatsrecht des Deutschen Reiches B. I, 1901. S. 64 ff. 53.

Jellinek: Das Recht d. mod. Staates 1900 стр. 384 сл., 446 сл.

Еллинекъ допускаетъ и властвованіе негосударственныхъ союзовъ по собственному праву, но только въ силу делегаціи государства.

Ср. также Lingg: Empir. Untersuchungen. z. allg. Staatslehre стр. 209 сл.

Jhering: Zweck im Recht. B. I, 1877 s. 316, 319.

[3]) Воззрѣніе Лабанда объ исключительномъ собственномъ правѣ властвованія государства нашло себѣ многочисленныхъ противниковъ (Гирке, Розинъ, Бри, Прейсъ, Г. Мейеръ, Ремъ, Борель, Лефуръ и др.).

Обозрѣніе различ. теорій по этому вопросу см. между проч.: Rehm. Allg. Staatslehre. 1899 стр. 112—116.

Digitized by Google

дарства, состоящаго изъ государствъ, необходимо признать властвованіе въ предѣлахъ одного и того же государства, двухъ государственныхъ властей [1]) (само собою разумѣется различныхъ государствъ). По крайней мѣрѣ, писатели, допускающіе существованіе несуверенныхъ государствъ, должны признать, что на территоріи несуверениаго государства надъ подданными его властвуетъ еще власть другого государства суверениаго, въ составъ территоріи и населенія котораго входитъ какъ часть также территорія и населеніе этого несуверениаго государства. «Союзное государство, какъ и простое», говоритъ Еллинекъ, «властвуетъ непосредственно надъ своимъ народомъ и территоріей, а никакъ не черезъ посредство, входящихъ въ его составъ, государствъ, какъ таковыхъ, т. е. поскольку они выступаютъ въ качествѣ государствъ» [2]).

Какъ бы то ни было, властвуетъ-ли суверенное союзное государство надъ подданными государствъ – членовъ непосредственно, какъ правильно думаетъ большинство ученыхъ, или посредственно, какъ думаетъ Лабандъ, имѣютъ-ли далѣе общины и другіе корпоративные союзы въ государствѣ собственныя права властвованія или не имѣютъ, фактъ тотъ, что въ

---

[1]) Ср. Liebe: Staatsrechtliche Studien I. 1880. Стр. 38.

Этого, конечно, не допускаютъ тѣ писатели, которые какъ напр. Herzfelder: Gewalt und Recht, 1890 г. s. 134 отождествляютъ госуд. власть съ суверенитетомъ или считаютъ суверенитетъ необходимымъ признакомъ госуд. власти.

Также Jhering: Zweck. im Recht I, s. 312.

Seydel: Der Bundesstaatsbegriff Zeitchrift f. d. g. Staatswissenchaften 1872. B. XXVIII стр. 188.

[2]) Jellinek: Das Recht d. mod. Staates. B. I, s. 707.

Ср. однако Laband: Der Staatsrecht d. d. Reiches, B. I. 1901 г. s. 55, который признаетъ, что союзное государство непосредственно властвуетъ лишь надъ государствами, входящими въ его составъ, и лишь посредственно надъ ихъ подданными, хотя допускаетъ и непосредственное властвованіе союзнаго государства надъ подданными отдѣльныхъ государствъ, но лишь въ нѣкот. отношеніяхъ.

Противъ Laband'a Jellinek: Die Lehre v. d. Staatenverbindungen. S 282.

G. Meyer: Lehrbuch d. d. Staatsrechtes. 1895 s. 35.

У него же на стр. 36 прим. 4 указаны другіе писатели, сторонники и противники взгляда Лабанда.

Digitized by Google

предѣлахъ одного и того же государства могутъ властвовать двѣ различныя государственныя власти: власть союзнаго государства и государства - члена союзнаго государства, и тогда первая изъ нихъ является высшей властью, господствующей и въ предѣлахъ территоріи государства—члена. Слѣдовательно, обозначеніе суверенитета понятіемъ безусловно высшей власти далеко не утратило своего значенія и для настоящаго времени, такъ какъ объектомъ сравненія здѣсь являются различныя государственныя власти.

Когда говорятъ, что власть союзнаго государства является суверенной въ предѣлахъ территоріи союзнаго государства, то этимъ обозначаютъ не только независимость союзнаго государства отъ другихъ государствъ, но прежде всего то, что власть его является высшей въ предѣлахъ территоріи союзнаго государства. Также сравниваются различныя государственныя власти и въ другихъ случаяхъ существованія несуверенныхъ государствъ, указываемыхъ сторонниками ученія о существованіи несуверенныхъ государствъ. Самъ Гессенъ признаетъ существованіе несуверенныхъ государствъ, [1]) поэтому онъ долженъ допустить, что въ отношеніи такихъ несуверенныхъ государствъ дѣйствуетъ еще другая государственная власть, отношеніе которой къ подчиненнымъ ей другимъ территоріальнымъ властямъ опредѣляется не отношеніемъ независимости, а верховенства. Итакъ, мы опредѣляемъ суверенную власть, какъ безусловно высшую государственную власть.

Такимъ образомъ, мы передаемъ исторически выработавшееся значеніе суверенитета и современную сущность этого понятія.

Мы говоримъ «безусловно» высшая власть, для того, чтобы рѣзче подчеркнуть превосходную степень власти и господства и тѣмъ устранить всякое толкованіе суверенитета въ смыслѣ лишь сравнительно высшей, а не превосходной

[1]) Гессенъ: тамъ же. Стр. 1715 сл.

Digitized by Google

степени власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ говоря, «безусловно высшая власть» мы указываемъ, что такая власть, будучи выше всякой другой власти въ извѣстной сферѣ, является тѣмъ самымъ и необусловленной въ своемъ властвованіи другой властью, т. е. независимой властью.

Digitized by Google

ГЛАВА VII.

Сущность суверенитета и его опредѣленія въ наукѣ.

Мы опредѣлили суверенитетъ какъ характеръ, свойство власти, въ силу котораго она является высшею, независимою правовою властью [1]).

Мы указали далѣе, что такая высшая правовая власть можетъ принадлежать только государству, такъ какъ лишь оно среди всѣхъ человѣческихъ союзовъ обладаетъ наиболѣе мощной и всесторонней организаціей властвованія.

Власть государства представляетъ собою повелѣвающую и обладающую принудительной силой волю юридической личности государства, проявляющуюся въ осуществленіи права приказанія и принужденія въ отношеніи всѣхъ лицъ и союзовъ, находящихся на территоріи государства или ему подчиненныхъ [2]).

Суверенитетъ—не сама государственная власть, но лишь опредѣленное свойство ея, въ силу котораго она является

---

[1]) Ср. Laband: D. Staatsrecht d. D. Reiches B. I. 1901 стр. 53: „Die oberste, höchste Rechtsmacht, welche keine andere über sich hat, nennen wir souverän".

[2]) Ср. Laband: Назв. соч. В. I стр. 64 сл.
Jellinek: D. Recht d. mod. Staates B. I. стр. 386 сл.
G. Meyer: Lehrbuch d. D. Staatsrechtes 1895 стр. 9 сл.
Haenel: D. Staatsrecht B. I 1892 стр. 113.
Rehm: Allg. Staatslehre стр. 150, 193.
Gerber: Grundzüge e. Systems d. D. Staatsr. 1869 стр. 3, 19.

Digitized by Google

высшей и независимой правовой властью [1]). Но суверенная государственная власть, какъ и всякая правовая власть, господствуетъ лишь въ опредѣленной, ограниченной сферѣ, такъ какъ всемірной и универсальной правовой власти не существуетъ. Сфера государственной власти опредѣляется территоріей государства, т. е. пространственнымъ предѣломъ его властвованія, населеніемъ, живущимъ въ предѣлахъ этой территоріи, [2]) и всей внѣшней стороной жизни населенія доступной правовому господству [3]).

Поэтому, если мы называемъ такое-то государство суверенным, то этимъ мы выражаемъ, что оно обладаетъ въ предѣлахъ своей территоріи высшей и независимой властью. Въ этихъ предѣлахъ суверенная государственная власть не имѣетъ ни равной себѣ, ни высшей надъ собой правовой власти [4]), но сама господствуетъ надъ всѣми и надъ всякой другой правовой властью. Суверенитетъ государства не исключаетъ поэтому суверенитета другихъ государствъ, такъ какъ каждое суверенное государство—суверенно лишь въ своихъ территоріальныхъ предѣлахъ. Поэтому, суверенитетъ часто и называютъ высшею, независимою территоріальною властью.

Двухъ суверенныхъ властей въ одномъ и томъ же государствѣ не можетъ быть. Это логически вытекаетъ, какъ увидимъ ниже, не только изъ природы государства, но изъ са-

---

[1]) Ср. Gerber: Назв. соч. стр. 22 пр. 5: „Souveränetät ist also nicht selbst Staatsgewalt, sondern bezeichnet nur eine Eigenschaft der vollkommenen Staatsgewalt".

Jellinek: D. Recht d. m. Staates B. I стр. 430, 452.

Borel: Etude sur la souveraineté et l'état fédératif стр. 25 сл.

[2]) Осуществлять свое принудительное господство надъ своими подданными, живущими на территоріи другого самостоятельнаго государства, государство безъ его согласія не можетъ.

[3]) Ср. G. Meyer стр. 41 сл.

[4]) Еще Боденъ указывалъ на то, что суверенъ не можетъ имѣть не только высшаго надъ собой, но и равнаго себѣ въ сферѣ своего господства ср. Bodinus: De Republica L. I c. X стр. 234 (V франкфуртское изданіе).

Digitized by Google

мого понятія суверенитета, какъ высшей, самой высокой власти въ государственной сферѣ.

Мы указывали также, что суверенная власть государства, организуется и опредѣляется въ своемъ властвованіи исключительно собственнымъ правопорядкомъ, а не чужимъ правомъ, т. е. правомъ другого союза, и не внѣшнимъ для государства международнымъ правомъ. Международное право, хотя и опредѣляетъ отношенія независимыхъ государствъ, возникающія изъ ихъ территоріальнаго властвованія, но не опредѣляетъ, не устанавливаетъ и не ограничиваетъ само по себѣ этого территоріальнаго властвованія и суверенитета государствъ. Регулируемыя международнымъ правомъ отношенія между государствами являются не отношеніями властвованія и подчиненія между государствами, но отношеніями между независимыми и равноправными субъектами, отношеніями координаціи.

Мы доказывали уже выше, что международные договоры создаютъ между государствами лишь обязательственныя отношенія, но не устанавливаютъ сами по себѣ права одного государства связывать своими односторонними приказами другое государство и подчинять послѣднее своему правому порядку. Иначе это было бы государственноправовое отношеніе, а не международноправовое. Суверенное государство въ своемъ властвованіи опредѣляется, слѣдовательно, не правопорядкомъ другого государства и не международнымъ правомъ, а исключительно своей собственной волей и своимъ собственнымъ правопорядкомъ.

Если бы его властвованіе опредѣлялось обязательными правовыми нормами другого союза, то оно было-бы подчиненнымъ и государство не было бы суверереннымъ. Мы можемъ поэтому опредѣлить юридическую сущность суверенитета, какъ властвованіе и с к л ю ч и т е л ь н о въ силу собственнаго права [1]).

[1]) Понятіе собственнаго права будетъ разсмотрѣно нами подробнѣе ниже въ связи съ разрѣшеніемъ вопроса о суверенитетѣ, какъ признакѣ государства.

Digitized by Google

Ни въ какихъ отношеніяхъ, ни въ чемъ суверенное властвованіе не подчинено праву другого государства, такъ какъ это властвованіе есть высшее и независимое. Но мы повторяемъ, что лишь въ той сферѣ, гдѣ суверенное государство дѣйствительно властвуетъ, т. е. имѣетъ право повелѣвать и принуждать къ исполненію своихъ велѣній, т. е. въ своихъ территоріальныхъ предѣлахъ, оно обладаетъ суверенитетомъ, т. е. высшимъ правомъ приказанія и принужденія; внѣ этой сферы, внѣ предѣловъ государства, какъ-то въ отношеніяхъ къ другимъ независимымъ отъ него государствамъ, слѣдовательно, въ области международнаго права, государство никакой суверенной власти, т. е. высшей и независимой власти, строго говоря, имѣть не можетъ, такъ какъ въ этой сферѣ оно вообще не властвуетъ, а выступаетъ лишь въ качествѣ субъекта, равноправнаго съ другими субъектами международнаго права, съ которыми оно можетъ заключать договоры, какъ равный съ равнымъ, входить съ ними въ обязательственныя отношенія, но не въ отношенія властвованія, господства и подчиненія, т. е. отношенія государственноправового характера. Такъ называемый неправильно международноправовой суверенитетъ, независимость государства, есть только констатированное, признаваемое международнымъ правомъ, необходимое послѣдствіе или, какъ выражается Еллинекъ, рефлексъ государственноправового суверенитета. Мы уже доказывали выше, что суверенитетъ въ своемъ существѣ есть государственноправовое понятіе [1]).

Хотя въ суверенномъ государствѣ властвуютъ и другія лица и корпораціи, напримѣръ церковные союзы и территоріальныя общины, но ихъ властвованіе отнюдь не опредѣляется исключительно ихъ собственнымъ правомъ, такъ какъ ихъ властвованіе опредѣлено и ограничено правомъ государства, которому они подчинены. Государство можетъ не только

[1]) Суверенитетомъ можетъ обладать и государство, совершенно изолированное, находящееся внѣ международноправового общенія.

Digitized by Google

организовать многіе изъ такихъ союзовъ властвованія и предоставить имъ осуществленіе тѣхъ или другихъ собственныхъ правъ властвованія въ виду особыхъ этимъ союзамъ свойственныхъ цѣлей, но, такъ какъ эти собственныя права властвованія регулируются правовою властью государства, въ его правѣ находять свое ограниченіе, то нельзя сказать, что общины и корпораціи въ государствѣ властвуютъ исключительно по собственному праву. Суверенное государство также можетъ по договору отказаться отъ осуществленія тѣхъ или другихъ правъ своего властвованія или предоставить въ своихъ предѣлахъ другому государству осуществлять тѣ или другія права властвованія, но всегда такое неосуществленіе самимъ суверенымъ государствомъ тѣхъ или другихъ правъ властвованія или предоставленіе ихъ осуществленія другому государству основано на собственномъ правѣ государства и находитъ въ немъ свое ограниченіе. Мы уже говорили, что суверенное государство въ силу своего суверенитета, своей высшей власти, имѣетъ право лишить другое государство тѣхъ правъ властвованія, которыя оно представило послѣднему по договору осуществлять въ своихъ собственныхъ предѣлахъ. Государство можетъ нарушить этимъ путемъ свои международно-правовыя обязательства, совершить нарушеніе международнаго права и подвергнуться такимъ образомъ всѣмъ послѣдствіямъ, проистекающимъ изъ такого нарушенія, но въ силу своей верховной, суверенной государственной власти оно имѣетъ право это сдѣлать [1]). Государственное право въ этомъ случаѣ окажется въ коллизіи съ международнымъ правомъ. Это, конечно, всячески должно быть избѣгаемо въ собственныхъ же интересахъ государства, но нарушеніе международнаго права при осуществленіи государственнаго права вполнѣ возможно, такъ какъ это двѣ различныхъ области права.

Итакъ, сущность суверенитета состоитъ въ томъ, что онъ представляетъ собой такой юридическій характеръ,

[1]) Ср. Jellinek: Die Lehre v. d. Staatenverb. стр. 54, 102, 306.

Digitized by Google

свойство государства, въ силу котораго оно властвуетъ исключительно по собственному праву [1]).

Лабандъ видитъ отличительный признакъ государства вообще, суверенаго и несуверенаго, въ томъ, что лишь государство, а не община или какой-либо другой союзъ властованія, обладаетъ собственнымъ правомъ властвованія (eigene Herrschatfsrechte, Herrschermacht zu eigenem Recht).

Всякое государство, какъ бы велико или мало оно ни было, обладаетъ, по мнѣнію Лабанда, такими собственными правами властвованія [2]). «Многіе, до того времени независимыя государства, говоритъ Лабандъ, могутъ составить такой союзъ, что надъ ними образуется высшая власть, но у нихъ, несмотря на это, можетъ остаться извѣстная полнота собственныхъ правъ властвованія и собственныхъ задачъ въ устроеніи общежитія и принудительныхъ средствъ для ихъ осуществленія. Если имъ эта власть принадлежитъ по собственному праву, т. е. не въ силу делегаціи или уполномочія высшей надъ ними (суверенной власти), т. е. если они осуществляютъ эту власть въ силу собственаго волеопредѣленія, то, хотя они перестаютъ быть суверенными, все же остаются государствами» [3]). —

Остаются-ли такія государства государствами или нѣтъ, мы разсмотримъ позже въ связи съ вопросомъ, является ли властвованіе по собственному праву, хотя и не исключительно, отличительнымъ признакомъ государства, но, во всякомъ случаѣ, если властвованіе государства опредѣляется исключительно его собственнымъ, а не чужимъ правомъ, то такое государство—суверенно, и въ такомъ именно властвованіи заключается, по нашему мнѣнію, юридическая сущ-

---

[1]) Ср. также H. Grotii: De jure belli ac pacis изд. 1758 г. t. I L. I c. 3 § 7 No I: „Summa autem illa dicitur, cujus actus alterius juri non subsunt, ita ut alterius voluntatis humanae arbitrio irriti possint reddi".

[2]) Laband: Назв. соч. стр. 67.

[3]) Laband: Назв. соч. стр. 69.

Ср. также Коркуновъ: Русское Госуд. Право т. I 1899 стр. 25 сл.

Digitized by Google

пость суверенитета. Такое опредѣленіе юридической сущности суверенитета вполнѣ вытекаетъ изъ основного понятія суверенитета, какъ высшей правовой власти [1]).

Въ новѣйшей наукѣ публичнаго права было предложено не мало другихъ опредѣленій суверенитета, указывающихъ, въ чемъ именно проявляется суверенное властвованіе. Укажемъ здѣсь на наиболѣе оригинальныя.

Опредѣленія Блунчли и Моля.

Государство, говоритъ Блунчли, есть воплощеніе и олицетвореніе народной мощи. Если представляютъ себѣ эту народную мощь въ ея высшемъ достоинствѣ (Würde) и наибольшей власти, то говорятъ о суверенитетѣ. Свойства суверенитета составляютъ: 1) независимость государственной власти отъ всякаго высшаго государственнаго авторитета; 2) высшее достоинство государства—то, что Римляне называли «Majestas»; 3) полнота государственной власти въ противоположность отдѣльнымъ уполномочіямъ. Суверенитетъ—не сумма отдѣльныхъ правъ, но совокупное право государства (staatliches Gesammtrecht); суверенитетъ—центральное понятіе, столь же энергичное, какъ собственность въ частномъ правѣ; 4) суверенная власть по своей природѣ—высшая въ государствѣ власть; 5) государство—органическое тѣло, поэтому единство, недѣлимость, суверенитета является требованіемъ его благополучія [2]). —

Изъ изложеннаго воззрѣнія Блунчли на суверенитетъ мы видимъ, что онъ какъ бы отождествляетъ послѣдній съ самой государственной властью, со всей совокупностью и единствомъ правъ государственнаго властвованія, и затѣмъ

---

[1]) Ср. Laband: Назв. соч. стр. 68: „Суверенная власть означаетъ высшую, самую высокую власть. Такимъ образомъ свойствомъ „суверенный“ не выражается положительно, какія полномочія заключаетъ въ себѣ власть, но выдѣляется отрицательный моментъ, что она не имѣетъ никакой власти надъ собой, которой принадлежало бы полномочіе давать суверенной власти юридически связывающіе ее приказы“.

[2]) Bluntschli: Allg. Staatslehre 1875 B. I s. 561—565.

Digitized by Google

уже выводитъ перечисленные свойства суверенитета: независимость, верховность власти и т. д. Между тѣмъ, какъ мы уже говорили выше, суверенитетъ—свойство государственной власти, въ силу котораго она является юридически высшей и независимой, а не сама государственная власть, какъ совокупность или вся полнота правъ государственнаго властвованія [1]).

Далѣе, самое опредѣленіе суверенитета, какъ самой возвышенной, т. е. величественной и самой большой мощи, силы народа, воплощаемой въ государствѣ—весьма неопредѣленно и не имѣетъ юридическаго характера, такъ какъ неизвѣстно, идетъ-ли здѣсь рѣчь о фактической, матерьяльной силѣ государства или о его правовой власти, правовомъ господствѣ, такъ какъ мы указывали уже выше, что правовая власть маленькаго и слабаго народа, образовавшаго государство, можетъ быть такъ же юридически суверенной, какъ и власть большого и сильнаго государства (сравнимъ, напримѣръ, Данію и Англію, Сербію и Россію), но матерьяльная, фактическая ихъ мощь и политическое вліяніе и положеніе далеко неодинаковы.

Правда, изъ указываемыхъ Блунчли свойствъ суверенитета, можно предположить, что именно онъ говоритъ о самой возвышенной и большой въ правовомъ отношеніи власти, но въ данномъ имъ опредѣленіи этого указанія не заключается и перечисляемыя имъ свойства суверенитета непосредственно не вытекаютъ изъ его опредѣленія.

Подобно Блунчли и Робертъ Моль не даетъ юридическаго опредѣленія сущности суверенитета, когда онъ опредѣляетъ послѣдній какъ «независимость личности отдѣльнаго государства» и затѣмъ перечисляетъ различныя права независимаго государства въ области международныхъ отношеній [2]).

---

[1]) Ср. также Borel: Назв. соч. стр. 25 сл.

[2]) См. R. v. Mohl: Encyklopädie der Staatswissenschaften 1859 стр. 415, 420 сл.

Digitized by Google

Этой неопредѣленностью въ ученіяхъ Блунчли и Моля о суверенитетѣ объясняется суровый приговоръ о нихъ германскаго ученаго Либе.

«Стоитъ только попытаться, говоритъ Либе, на основаніи скорѣе философскихъ, чѣмъ юридическихъ разсужденія Блунчли о содержаніи суверенитета, дать годное юридическое опредѣленіе суверенитета. Это была бы напрасная работа». [1]). «Столь же непригодно, говоритъ Либе, для юридическаго опредѣленія суверенитета разсужденіе Моля о суверенитетѣ» [2]).

Опредѣленіе французскихъ ученыхъ: Moreau, Hauriou и Esmein.

Такою же неопредѣленностью отличаются опредѣленія суверенитета, данныя французскими учеными Moreau и Hauriou.

Moreau опредѣляетъ суверенитетъ, какъ «юридическое выраженіе индивидуальности государства». При этомъ «суверенитетъ внѣшній есть утвержденіе собственнаго и автономнаго существованія государства въ отношеніи другихъ государствъ», а «суверенитетъ внутренній представляетъ собою утвержденіе коллективнаго существа въ отношеніи къ частнымъ лицамъ» [3]).

Hauriou опредѣляетъ суверенитетъ, какъ «средство, которымъ общественная масса ведется къ усвоенію и осуществленію общественнаго интереса, такимъ образомъ, суверенитетъ есть средство, которымъ государство само себя осуществляетъ». Можно принять, говоритъ Hauriou, опредѣленіе Бодена, что суверенитетъ—«summa et legibus soluta in Republica potestas», но съ условіемъ такого его формулированія—«высшая политическая власть, поскольку она свободно примѣняется къ осуществленію общественнаго интереса (chose publique). [4]). Такія отвлеченныя опредѣленія страдаютъ край-

[1]) Liebe: Staatsrechtliche Studien I 1880 стр. 11.

[2]) Liebe тамъ же: стр. 11 пр. 1.

[3]) F. Moreau: Précis élémentaire de dr. const. 1900 стр. 8 сл.

[4]) M. Hauriou: Précis de droit administratif et de droit public général 1901 стр. 12 сл.

Digitized by Google

ней расплывчатостью и совершенно не выражаютъ юридической сущности суверенитета.

Болѣе ясное опредѣленіе суверенитета даетъ проф. Эсменъ. Государство, говоритъ онъ, есть юридическое олицетвореніе націи: оно — субъектъ и основа общественной власти. То, что юридически образуетъ націю, это — существованіе въ человѣческомъ обществѣ авторитета, который выше индивидуальныхъ воль. Этотъ авторитетъ, естественно непризнающій ни высшей, ни конкурирующей власти въ отношеніяхъ, которыми онъ управляетъ, называется суверенитетомъ. Суверенитетъ существенное публичноправовое качество государства, какъ юридическаго лица. Суверенитетъ имѣетъ двѣ стороны: внутренній суверенитетъ, или право начальствовать надъ всѣми гражданами, составляющими націю, и даже надъ всѣми пребывающими на національной территоріи; суверенитетъ внѣшній, или право представлять націю и обязывать ее въ ея отношеніяхъ съ другими народами [1]).—

Въ сущности это опредѣленіе суверенитета, данное Эсменомъ, какъ правовой власти, которая не имѣетъ ни высшей надъ собой ни конкурирующей съ нею власти въ сферѣ своего господства, сводится къ опредѣленію суверенной власти, какъ высшей и независимой, и, слѣдовательно, не противорѣчитъ данному нами выше опредѣленію суверенитета, какъ свойства государственной власти, въ силу котораго она властвуетъ исключительно въ силу собственнаго права [2]). Но всѣ, только что упомянутые французскіе ученые сами не даютъ такой юридической формулы суверенитета, въ которой бы было вы-

[1]) A. Esmein: Éléments de dr. const. français et comparé 1899 стр. 1 сл.

[2]) Rehm: Allg. Staatslehre стр. 59 указываетъ на то, что Эсменъ, подобно другимъ французскимъ публицистамъ, отождествляетъ государственную власть съ суверенитетомъ. Это замѣчаніе Рема справедливо, но происходитъ это потому, что, какъ мы уже указывали, французскіе публицисты считаютъ суверенитетъ необходимымъ аттрибутомъ государственной власти, а потому и не придаютъ практическаго значенія утвержденію, что суверенитетъ есть лишь свойство госуд. власти, а не она сама.

Digitized by Google

ражено, въ чемъ именно юридически проявляется высшая и независимая, т. е. суверенная власть государства. Найти такую юридическую формулу для суверенитета стремятся нѣмецкіе ученые.

Опредѣленіе Генеля.

Генель находитъ сущность суверенитета въ исключительномъ правѣ государства расширять свою компетенцію, въ такъ называемой «компетенціи компетенціи» (Kompetenz—Kompetenz). Если мы, говоритъ Генель, распространимъ понятіе компетенціи на сферу воздѣйствій каждаго одареннаго волей существа, все равно, будетъ-ли оно отдѣльной личностью или организованною совокупностью таковыхъ, то понятіе это лишь въ томъ случаѣ будетъ юридическимъ, если сферѣ этой личности, естественно доступной ея воздѣйствію, въ отношеніи ея къ другимъ личностямъ будутъ положены границы. Неограниченная и произвольная правовая компетенція есть самопротиворѣчіе.

Но, кѣмъ и въ какой формѣ полагаются эти правовыя границы?

Самой существенной задачей государства, обусловливающей, всѣ другія его задачи, является установленіе права. Поэтому въ совершенномъ государствѣ компетенція всякаго лица, юридическаго и физическаго, въ частномъ и публичномъ правѣ, основана на признаніи этой компетенціи государствомъ, и границы этой компетенціи опредѣляются только государствомъ.

И хотя правильно также мнѣніе, что по идеѣ человѣкъ существуетъ раньше гражданина, индивидъ ранѣе государства, далѣе индивидъ имѣетъ безусловное притязаніе на необходимую для своего нравственнаго опредѣленія свободу, но все же только государство обезпечиваетъ эту свободу, опредѣляетъ ея мѣру и вмѣстѣ съ тѣмъ правовыя границы индивидуальной компетенціи. Итакъ, относительно всѣхъ лицъ въ государствѣ дѣйствуетъ принципъ: никто не

Digitized by Google

можетъ самъ расширить свою компетенцію. Но это положеніе не относится къ самому государству. Границы, которыя ставитъ себѣ государство исторически измѣнчивы. Исторія показываетъ намъ, что государство мѣняетъ свои задачи и вмѣстѣ съ тѣмъ компетенцію съ измѣненіемъ общественныхъ, нравственныхъ и религіозныхъ воззрѣній. Сегодня оно включаетъ въ свою сферу то, что завтра исключаетъ изъ нея и предоставляетъ самодѣятельности своихъ гражданъ и общественныхъ союзовъ; но при этомъ всегда остается въ силѣ требованіе, чтобы и государству ради его идеи и его нравственныхъ цѣлей были положены границы, и первое условіе государственнаго права, чтобы эти границы обратились въ юридическія.

Но въ нравственной природѣ совершеннаго государства лежитъ самоопредѣленіе къ его идеѣ. И этой нравственной природѣ его, развитой въ высшемъ властвованіи надъ человѣческимъ обществомъ, соотвѣтствуетъ правовая власть самоопредѣленія своей компетенціи. Если конкретное государство расширяетъ или ограничиваетъ свои границы, то оно такимъ образомъ не освобождаетъ себя отъ ограничивающихъ его требованій собственной идеи, но юридически получаетъ эти измѣнчивыя границы своей компетенціи не отъ высшаго авторитета, но само себѣ полагаетъ ихъ въ правомѣрныхъ формахъ своего волеобразованія.

Въ этой правовой власти государства надъ своей компетенціей, говоритъ Генель, лежитъ высшее условіе его самодавленія (Selbstgenugsamkeit), сущность (Kernpunkt) его суверенитета [1]).

Мнѣніе, что лишь государство можетъ самостоятельно опредѣлять границы своей сферы, было высказываемо еще до Генеля, [2]) но Генель первый далъ этому положенію строго

[1]) A. Haenel: Die vertragsmässigen Elemente d. D. Reichsverfassung 1873 стр. 147—149.

[2]) Ср. напр. Waitz: Grundzüge der Politik 1862 стр. 20.

Digitized by Google

юридическую формулировку. Этотъ критеріумъ суверенитета, данный Генелемъ, принятъ многими учеными [1].

Но онъ встрѣтилъ также и возраженія.

«Въ своей внутренней сферѣ, говоритъ Еллинекъ, [2]) государство можетъ отмѣнить въ правомѣрныхъ формахъ поставленныя имъ самимъ ограниченія, но не такъ обстоитъ дѣло извнѣ. Связанное договоромъ, государство тѣмъ самымъ признало для себя обязательнымъ объективное договорное право, и даже подразумѣваемая молчаливо въ договорѣ оговорка «rebus sic stantibus», хотя и составляетъ правовое основаніе для разрыва договора, но нисколько не ставитъ нарушеніе договора въ зависимость отъ произвола обязаннаго государства. Такимъ образомъ, государство компетентно, т. е. свободно, пока оно заключаетъ договоръ, но оно не компетентно, т. е. связано, въ отношеніи уже заключеннаго договора. Опредѣлять суверенитетъ вообще, какъ правовую власть государства надъ своей компетенціей, значитъ отрицать международное право». Достаточно взглянуть также, продолжаетъ Еллинекъ, на конкретныя международноправовыя и государственноправовыя образованія, чтобы признать недостаточность теоріи Генеля.

Сюзеренъ не можетъ расширить свою компетенцію въ отношеніи вассала, точно также и вассалъ юридически не можетъ самостоятельно опредѣлять границы своей компетенціи. Поэтому, если бы правовая власть надъ компетенціей составляла сущность суверенитета, то нельзя было бы найти суверенную власть для Болгаріи, какъ вассальнаго государства Турціи. Также кто обладалъ суверенитетомъ надъ Іоническими

---

[1]) См. Laband: D. Staatsrecht d. D. Reiches 1901 B. I стр. 59 пр. 3, стр. 88.

Liebe: Staatsr. Studien 1880 стр. 9, 31.

Zorn: Das Staatsrecht d. D. Reiches B. I 1880 стр. 57.

Borel: Назв. соч. стр. 31 сл.

Le Fur: Назв. соч стр. 465 сл.

[2]) Jellinek: Die Lehre v. d. Staatenverb. стр. 29 сл.

Digitized by Google

островами въ 1815—1864, когда послѣдніе по заключенному между великими державами договору находились подъ протекторатомъ Великобританіи такъ, что послѣдней принадлежали также извѣстныя полномочія въ отношеніи внутренняго управленія этихъ острововъ? Англія не могла по собственному праву расширить свои полномочія въ отношеніи протежируемаго государства, какъ-то отнять, напримѣръ, у назначеннаго Англіей Лорда-комиссара право созыва и роспуска іоническаго парламента.

То же самое касается отношеній Венгріи къ Кроаціи, такъ какъ ни Венгрія, ни Кроація не обладаютъ правомъ самоопредѣленія своей компетенціи въ отношеніи кроатско-славонскихъ дѣлъ. Кому же тогда принадлежитъ суверенная власть надъ этой венгерской провинціей? [1]) —

Также нѣмецкій ученый Генрихъ Розинъ [2]) не признаетъ такъ называемую компетенцію компетенціи (Kompetenz-Kompetenz) безошибочнымъ критеріемъ суверенитета на томъ основаніи, что въ силу положительнаго права, конституціи, государство можетъ и не имѣть такой правовой власти надъ своей компетенціей. Напримѣръ, если бы, говоритъ Розинъ, не существовало параграфа 78 конституціи Германской Имперіи, дающаго союзной власти право измѣнять въ законодательномъ порядкѣ конституцію, то ни отдѣльныя государства—члены, ни сама Германская Имперія не обладали бы компетенціей компетенціи, несмотря на то, что союзная власть все же была бы суверенной. —

Также въ своемъ послѣднемъ трудѣ [3]) Еллинекъ утверждаетъ, что понятіе суверенитета—чисто формальное. Оно не объясняетъ ни содержанія тѣхъ ограниченій, которыя налагаетъ на себя государство, ни самаго процесса этого ограни-

---

[1]) Jellinek: Назв. соч. стр. 30.

[2]) H. Rosin: Souveränetät, Staat, Gemeinde, Selbstverwaltung. Kritische Begriffstudien въ Hirt's Annalen für das Deutsche Reich 1883 стр. 265 сл.

[3]) Jellinek: Das Recht d. mod. Staates B. I 1900 стр. 439 сл.

Digitized by Google

ченія. По своему практическому значенію суверенитетъ есть лишь воспомогательное юридическое представленіе, что все, въ чемъ государство окончательно въ правовыхъ формахъ выразило свою волю, получаетъ правовую силу. Но изъ этого нисколько не вытекаетъ неограниченная и неограничиваемая компетенція государства. Право означаетъ всегда только актуальную, дѣйствительную, а не возможную компетенцію государства. Все, что государство можетъ пріобрѣсти путемъ расширенія своей компетенціи, лежитъ внѣ правовой сферы. Если бы суверенитетъ означалъ, что всѣ возможности расширенія компетенціи принадлежатъ къ актуальной сферѣ государства, то мы всѣ были бы государственными рабами, которые пользуются лишь обрывкомъ правоспособности, пожалованной намъ государствомъ въ peculium. Таково дѣйствительно было ученіе абсолютистовъ, говоритъ Еллинекъ. Но такая абстрактная возможность обладанія верховнымъ правомъ не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ индивидамъ и союзамъ, входящимъ въ государство. Послѣдніе имѣютъ свои собственныя права не въ силу пожалованія или делегаціи со стороны государства, но въ силу признанія ихъ носителями права, личностями. Отнять у нихъ это качество личности—государство не можетъ, такъ какъ это внѣ сферы его реальной власти.

Поэтому необходимъ всегда оккупирующій актъ со стороны государства, обосновывающій новое право, если государство добавляетъ къ своей актуальной компетенціи новую область. Въ силу суверенитета, слѣдовательно, государство имѣетъ не всѣ возможныя верховныя права, но всегда только тѣ, которыя оно въ данный моментъ фактически себѣ присвоило. Опредѣленіе, приравнивающее суверенитетъ неограниченной правовой власти надъ своею компетенціей, содержитъ въ себѣ именно только воспомогательное представленіе для оправданія правомѣрности государственныхъ актовъ, расширяющихъ его компетенцію. Исключительное отождествленіе

Digitized by Google

суверенитета съ полной правовой властью надъ компетенціей — неосновательно. Расширеніе этой компетенціи встрѣчаетъ, во всякомъ случаѣ, границу въ признаніи отдѣльной личности.

Далѣе, вслѣдствіе признанія объективнаго международнаго права, посредствомъ международныхъ обязательствъ государство въ силу своей правовой власти связываетъ себя такъ, что оно не можетъ безъ юридическихъ основаній самовольно освободить себя отъ принятой обязанности. Также возможно, что и дѣйствующее внутри государства правоположеніе не можетъ быть измѣнено государствомъ путемъ измѣненія конституціи. По французскому закону 14 августа 1884 г. вопросъ о республиканской формѣ правленія не можетъ служить предметомъ предложеній, направленныхъ къ пересмотру конституціи. Этотъ законъ, говоритъ Еллинекъ, можетъ быть отмѣненъ лишь посредствомъ силы, а не права. Также бываютъ случаи, гдѣ политическая невозможность измѣненія права столь несомнѣнна, что случаи эти должны быть также отнесены къ числу вышеупомянутыхъ случаевъ, такъ какъ фактически невозможное никогда не можетъ быть юридически конструировано. Сюда Еллинекъ причисляетъ запрещеніе въ сѣверо-американской конституціи такъ называемаго bill of attainder. Именно такіе политически невозможные случаи, говоритъ онъ, ясно показываютъ, что «правовая власть надъ своей компетенціей» является только вспомогательнымъ представленіемъ (Hilfsvorstellung) [1]. —

Кромѣ Еллинека и Розина, также Георгъ Мейеръ высказался противъ «компетенціи компетенціи», какъ необходимаго признака суверенитета.

Простое, т. е. несложное, государство, говоритъ Мейеръ, обладаетъ неограниченной сферой дѣйствія. Оно одно опредѣляетъ, какія политическія задачи должны быть осуществляемы имъ самимъ, и какія оно можетъ предоставить подчиненнымъ ему общинымъ союзамъ. Ему одному принадлежитъ

[1]) Jellinek: Назв. соч. стр. 441.

Digitized by Google

распредѣленіе компетенціи между различными общественными союзами—такъ называемая компетенція компетенціи. Однако компетенція компетенціи не составляетъ сущности суверенитета. Суверенитетъ возможенъ также внутри ограниченной сферы и безъ компетенціи компетенціи. Для суверенитета общественнаго союза необходимо только, чтобы принадлежащія ему компетенціи не могли быть отняты у него безъ его согласія. [1]).—

Мы изложили здѣсь тѣ возраженія, которыя были сдѣланы въ научной литературѣ противъ опредѣленія суверенитета, какъ «правовой власти надъ своей компетенціей». Если вникнуть въ эти возраженія, то они представляются намъ справедливыми лишь отчасти.

Прежде всего Генель не утверждаетъ, что суверенное государство имѣетъ какую-то безграничную фактическую власть надъ своей компетенціей, но говоритъ, какъ мы видѣли, что это правовая власть самоопредѣленія своей компетенціи. Государство само свободно, а не по волѣ высшаго авторитета можетъ измѣнять границы своей компетенціи, но при этомъ дѣйствуя «въ правомѣрныхъ формахъ своего волеобразованія». Власть государства есть правомъ опредѣленная власть, по самой своей природѣ, матерьяльно ограниченная правомъ, имъ опредѣленная [2]). Поэтому выраженіе Генеля «правовая власть надъ своей компетенціей» нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что государство совершенно абсолютно, внѣ всякихъ правовыхъ формъ можетъ по произволу опредѣлять свою компетенцію [3]). Мы говорили уже выше, что государство можетъ издавать, измѣнять и отмѣнять свои законы и опредѣлять, такимъ образомъ, въ правовыхъ формахъ свою компе-

---

1) G. Meyer: Lehrbuch d. D. Staatsrechtes 1895 стр. 19.

2) См. Haenel: Grundzüge стр. 147.

Его же: D. Staatsrecht B. I 1892 стр. 114 сл., 797.

3) Ср. также Le Fur: Назв. соч. стр. 467.

Ср. также сказанное нами выше о правовыхъ границахъ суверенной власти.

Digitized by Google

тенцію и порядокъ дѣйствій. Но для того, чтобы эти акты, направленные на созданіе новыхъ законовъ или измѣненіе и отмѣну существующихъ, дѣйствительно выражали законодательную волю государства, а не отдѣльныхъ лицъ въ государствѣ, они должны быть выражены извѣстнымъ образомъ, т. е. совершаться въ тѣхъ формахъ, которыя указываются существующимъ въ государствѣ правомъ, которымъ опредѣляется самый процессъ волеобразованія государства. Такъ какъ мы говорили уже выше, что воля государства не есть естественная, самой природой данная, воля физической личности, но юридически организованная изъ воль физическихъ личностей, комбинированная изъ этихъ воль правомъ, воля моральнаго, юридическаго лица государства. Если поэтому среди правовыхъ нормъ, опредѣляющихъ процессъ образованія законодательной воли государствъ, въ конституціи государства, существуетъ законъ, безусловно запрещающій измѣнять или отмѣнять, напримѣръ, опредѣленную форму правленія, то это значитъ, что при существованіи такого закона всякій актъ лицъ и учрежденій, призванныхъ быть органами государства, нарушающій этотъ запретительный законъ, не будетъ волей государства, а нарушающей ее волей отдѣльныхъ лицъ или совокупности таковыхъ [1]). Но изъ этого не слѣдуетъ, что такой законъ, какъ это утверждаетъ Еллинекъ, можетъ быть устраненъ лишь путемъ насилія, а не права. Разъ этотъ законъ есть собственный законъ государства, выраженіе его собственной воли, то онъ можетъ быть измѣненъ и отмѣненъ другимъ же закономъ, т. е. въ тѣхъ правовыхъ формахъ, въ которыхъ государство выражаетъ вообще свою законодательную волю. Пока существуетъ во Франціи законъ 14 августа 1884 г., запрещающій поднимать самый вопросъ объ измѣненіи республиканской формы правленія, послѣдняя юридически не можетъ быть

[1]) Это, конечно, не исключаетъ возможности, что самый неправомѣрный фактъ или неправомѣрное состояніе могутъ впослѣдствіи получить правовую санкцію, сдѣлаться правомѣрными.

Digitized by Google

отмѣнена, но если самый этотъ законъ будетъ въ надлежащемъ порядкѣ отмѣненъ, это юридическое препятствіе само собою устраняется.

Каждый отдѣльный, хотя бы и конституціонный, законъ не есть, какъ мы уже выше говорили, какая то неизмѣнная абсолютная внѣшняя граница государства, которую оно переступить никакъ не можетъ; въ силу своего правового порядка государство имѣетъ право издавать новые законы и измѣнять и отмѣнять существующіе, дѣйствуя только при этомъ въ указанныхъ этимъ правовымъ порядкомъ формахъ [1]). Суверенаго государства, не имѣющаго такой законодательной власти, не имѣющаго права никоимъ образомъ измѣнять и отмѣнять свои законы, измѣнять свою волю, представить себѣ нельзя, ибо это значило-бы допустить, что эта законодательная власть государства связана другою высшею законодательною властью.

Справедливо, поэтому, утверждаютъ другіе ученые, что lex in perpetuum valitura юридически невозможенъ и противорѣчитъ природѣ государства. [2]). Такимъ образомъ, противъ возраженій Еллинека можетъ быть выставленъ его же собственный принципъ, что «фактически невозможное никогда не можетъ быть конструировано какъ юридическая возможность» [3]).

Что касается приведенныхъ выше возраженій Еллинека, что ни протежирующее государство, ни протежируемое не имѣютъ права расширять въ отношеніи другъ къ другу, какъ имъ угодно, свою компетенцію, какъ, напримѣръ Англія и Іонническіе острова въ періодъ протектората первой надъ по-

---

[1]) Ср. Ulbrich: Lehrbuch d. Oesterreichischen Staatsrechts 1883 стр. 381 сл.

[2]) Ср. Borel: Назв. соч. стр. 34 сл.

Le Fur: Назв. соч. стр. 464; также самъ Еллинекъ въ „Die Lehre v. d. Staatenverb. стр. 305.

Pischel: Der Begriff der Suzeränität und die herrschende Lehre v. d. Souveränität 1897 стр. 52 сл.

[3]) Jellinek: D. Recht d. mod. Staates стр. 441.

Digitized by Google

слѣдними, далѣе, что не имѣютъ права расширять такимъ образомъ свою компетенцію ни сюзеренное государство, ни вассальное (Турція и Болгарія), ни суверенное государство, какъ Венгрія, въ отношеніи къ подчиненной ему провинціи, Кроаціи и Славоніи, и что, слѣдовательно, суверенитетъ не заключаетъ въ себѣ права свободнаго распоряженія своей компетенціей, то возраженія эти представляются неосновательными.

Протекторатъ Англіи надъ Іоническими островами былъ основанъ на договорѣ 5 ноября 1815, заключенномъ Россіей, Австріей, Пруссіей и Англіей. Этотъ договоръ призналъ эти острова свободнымъ и независимымъ государствомъ, поставленнымъ подъ непосредственный и исключительный протекторатъ Англіи, которой были предоставлены также широкія полномочія въ отношеніи внутренняго управленія Іоническихъ острововъ и ихъ внѣшнихъ отношеній. Въ договорѣ 24 апрѣля 1819 Турція также окончательно признала независимость Іоническихъ острововъ и протекторатъ Англіи, но при этомъ неправильно назвала въ этомъ договорѣ Англію «Souverain protecteur», Іонійцевъ – «sujets protégés». Этотъ протекторатъ Англіи вызвалъ многочисленныя возстанія Іонійцевъ противъ Англіи, пока, наконецъ, согласно желанію Іонійцевъ, въ силу договора великихъ державъ, 14 ноября 1863 не послѣдовало присоединенія этихъ острововъ къ Греціи [1]). Мы не будемъ здѣсь останавливаться на вопросѣ, были ли, дѣйствительно, Іоническіе острова при этомъ протекторатѣ государствомъ, какъ утверждаютъ самъ Еллинекъ и большинство писателей, или нѣтъ, какъ это утверждаетъ Борнгакъ, но, разъ только они были государствомъ и притомъ суверенным, какъ это утверждаетъ самъ Еллинекъ, то обязательства, наложенныя на Іоническіе острова международнымъ договоромъ, ни въ чемъ юридически не могли умалять его суверенитетъ, какъ

[1]) Jellinek: Die Lehre v. d. Staatenverb. стр. 129 сл.
Bornhak: Einseitige Abhängigkeitsverhältnisse 1896 стр. 22 сл.

Digitized by Google

это мы доказывали уже раньше, и какъ это доказываетъ и самъ Еллинекъ [1]). Суверенное государство всегда сохраняетъ право не признать, отвергнуть всякія обязательства, наложенныя не только противъ его воли, но и согласно съ его волей, въ отношеніи его суверенныго территоріальнаго властвованія, хотя бы здѣсь его государственно-правовой суверенитетъ столкнулся съ международно-правовымъ принципомъ соблюденія договоровъ и вызвалъ бы соотвѣтствующее вмѣшательство со стороны заинтересованныхъ державъ.

Если же, напротивъ, признать подобно Wheaton, что именно Англіи принадлежалъ суверенитетъ надъ этими островами, которые были лишь ея составной частью, то то же самое можно сказать о правѣ Англіи всегда расширить свою компетенцію надъ островами [2]).

Тѣ же разсужденія примѣнимы и къ другимъ примѣрамъ Еллинека, когда, по его мнѣнію, суверенное государство лишено права расширять свою компетенцію.

Можно расходиться въ возрѣніи на юридическій характеръ современныхъ отношеній между сюзереннымъ государствомъ и вассальнымъ, какъ, напримѣръ, между Турціей и Болгаріей, но разъ, какъ Еллинекъ самъ утверждаетъ, [3]) суверенитетъ принадлежитъ de jure Турціи, то какъ бы ни былъ фактически слабъ и ненормаленъ этотъ суверенитетъ, встрѣчающій преграду въ мощи великихъ державъ и имѣющій характеръ скорѣе nudum jus, но de jure Турція, въ силу своего суверенитета, можетъ расширять свою компетенцію въ отношеніи подчиненной ей Болгаріи. Это ея суверенное право встрѣчаетъ сильныя препятствія лишь въ фактическихъ отношеніяхъ, а также въ международныхъ обязательствахъ по послѣдніи, какъ мы это говорили, сами по

[1]) Jellinek: Тамъ же стр. 137.

[2]) Ср. также: Pischel: Der Begriff der Süzeränität und die herrschende Lehre von der Souveränität 1897 стр. 70.

Le Fur: Назв. соч. стр. 470.

[3]) Jellinek: Die Lehre v. d. Staatenverb. стр. 148 сл.

Digitized by Google

себѣ не могутъ умалить правовой суверенитетъ государства. Какъ выражается Цоритъ: «юридически Турція имѣетъ компетенцію компетенціи въ отношеніи Болгаріи, но фактически державы мѣшаютъ Портѣ пользоваться ею» [1]). Послѣднее указаніе Еллинека на отношеніе между Кроаціей и Венгріей также не можетъ служить доказательствомъ его утвержденія, что суверенное государство можетъ быть лишено права свободно опредѣлять свою компетенцію въ отношеніи подчиненныхъ ему элементовъ.

Самый вопросъ о юридическомъ характерѣ отношеній между Венгріей и Кроаціей споренъ. Одни считаютъ, что Венгрія и Кроація въ ихъ совокупности составляютъ союзное государство [2]), другіе подводятъ ихъ отношеніе подъ понятіе реальной уніи и, наконецъ, большинство, какъ и Еллинекъ, признаютъ Венгрію и Кроацію единымъ государствомъ, при чемъ Кроація является лишь автономной провинціей Венгерскаго государства [3]).

Но разъ Кроація—провинція Венгріи, то, слѣдовательно, Венгрія de jure имѣетъ право измѣнять свою компетенцію въ отношеніи къ подчиненной ей Кроаціи.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что суверенное государство въ отношеніи своего властвованія не можетъ быть связано юридически ни собственными законами, ни договорами такъ, чтобы оно не могло расширять свою компетенцію въ своей внутренней сферѣ. Но, если суверенное государство, не можетъ быть такъ ограничено въ своей компетенціи въ сферѣ своего суверенаго властвованія, мо-

---

[1]) Ср. Borel: Назв. соч. стр. 38.
Ср. также Le Fur: Назв. соч. стр. 475.
Pischel: Назв. соч. стр. 58.

[2]) См. Le Fur: Назв. соч. стр. 314 сл.

[3]) Jellinek: Die Lehre v. d. Staatenverb. стр. 30.
Его же: D. Recht d. mod. Staates стр. 448.
Ср. однако его же: Ueber die Staatsfragmente стр. 35 сл., гдѣ Еллинекъ признаетъ Кроацію государствоподобнымъ образованіемъ (Staatsfragment), а не провинціей.

Digitized by Google

жетъ ли оно быть ограничено въ своей компетенціи внѣ сферы своего властвованія, напримѣръ, въ области, касающейся исключительно только его отношеній къ другимъ независимымъ отъ него государствамъ, по отношенію къ которымъ оно никакой власти и, слѣдовательно, суверенной власти не имѣетъ.

Можетъ ли суверенное государство вполнѣ свободно опредѣлять и измѣнять свою компетенцію въ международномъ правѣ? Вѣдь государство не можетъ ни измѣнять, ни отмѣнять независимо отъ него существующихъ нормъ международнаго права и диктовать новыя нормы международнаго права, обязательныя для другихъ государствъ, не можетъ также односторонне измѣнять содержаніе международныхъ договоровъ и предоставленную ему этими договорами компетенцію, поскольку они не вторгаются въ сферу его территоріальнаго верховенства, оно не можетъ безъ достаточныхъ юридическихъ основаній отказаться отъ исполненія международнаго договора, имъ заключеннаго. Мы говорили, что международное право и международные договоры не умаляютъ суверенитета государства тамъ, гдѣ оно дѣйствительно имѣетъ этотъ суверенитетъ, высшую правовую власть, т. е въ его собственныхъ территоріальныхъ предѣлахъ, но регулируютъ дѣятельность государства въ той сферѣ, гдѣ оно выступаетъ въ качествѣ равноправнаго съ другими государствами члена международнаго общенія. Государства не могутъ въ этой сферѣ самовольно и односторонне расширять свою компетенцію въ отношеніи другъ къ другу, такъ какъ они не имѣютъ власти другъ надъ другомъ.

Поэтому-то Еллинекъ и утверждаетъ, что въ международномъ правѣ государство не имѣетъ такъ называемой компетенціи компетенціи.

Борель возражаетъ, что этотъ аргументъ Еллинека въ сущности ничего не доказываетъ. Государство дѣйствительно, говоритъ Борель, не является такимъ распорядителемъ своей компетенціи въ международномъ правѣ, но почему? Потому,

Digitized by Google

говоритъ Борель, что оно въ этой области вообще не имѣетъ никакой компетенціи. Даже больше, государство не обладаетъ извнѣ никакимъ суверенитетомъ въ юридическомъ смыслѣ этого слова. Понятіе суверенитета, высшей власти, принадлежитъ исключительно къ внутреннему публичному праву. Государство же не обладаетъ въ международномъ правѣ такой высшей властью надъ другими государствами. Принципъ суверенитета замѣняется въ международномъ правѣ, какъ и въ частномъ, принципомъ свободы и равенства [1]). —

Борель правъ въ своемъ утвержденіи, что въ области международнаго права государство не имѣетъ высшей власти, суверенитета, но изъ этого не слѣдуетъ, что государство въ этой области не имѣетъ никакой компетенціи, какъ это утверждаетъ Борель. Тутъ происходитъ просто игра словомъ «компетенція». Самъ Генель, опредѣленіе котораго защищаетъ Борель противъ Еллинека, опредѣляетъ компетенцію, какъ сферу дѣйствія государства, его задачи и средства [2]) Но въ международномъ правѣ государство имѣетъ извѣстную сферу дѣятельности, опредѣляемую международнымъ правомъ, преслѣдуетъ извѣстныя задачи въ этой области и имѣетъ надлежащія средства для ихъ осуществленія. Слѣдовательно, компетенцію государство имѣетъ и въ международной области, оно не имѣетъ только здѣсь власти и права односторонне и по собственному праву расширять эту компетенцію, а можетъ это дѣлать лишь во взаимномъ согласіи съ другими государствами и согласно съ международнымъ правомъ: это именно потому, что въ международномъ правѣ государство выступаетъ не какъ носитель власти надъ другими государствами, независимыми отъ него членами международнаго общенія, но лишь какъ носитель власти въ предѣлахъ собственной территоріи. Поэтому нельзя опредѣлять суверенитетъ въ такомъ широкомъ смыслѣ, какъ правовую власть

[1]) Borel: Назв. соч. стр. 39.

[2]) Haenel: D. Staatsrecht 1892 B. I стр. 217.

Digitized by Google

государства надъ своей компетенціей, т. е. какъ право совершенно самостоятельнаго и свободнаго измѣненія своей компетенціи, гдѣ бы она не проявлялась, но только какъ правовую власть государства надъ своей компетенціей въ предѣлахъ своего территоріальнаго господства, во внутренней, государственноправовой сферѣ, такъ какъ только въ этой сферѣ суверенное государство властвуетъ исключительно въ силу собственнаго, а не чужого права [1]).

То же самое можно возразить и противъ слишкомъ широкаго опредѣленія суверенитета у Либе, который вполнѣ одобряетъ указанное выше опредѣленіе суверенитета, данное Генелемъ, и только формулируетъ его слѣдующимъ образомъ: «Суверенитетъ государства состоитъ не въ томъ, что государство можетъ дѣлать, что ему угодно, но въ томъ, что въ своей правоспособности, т. е. въ способности опредѣлять свою правовую компетенцію, государство вообще не связано, а въ своей дѣеспособности лишь постольку ограничено, поскольку само этого захотѣло» [2]). Противъ этого опредѣленія можно возразить, что въ способности опредѣлять свою правовую компетенцію во внѣшнихъ отношеніяхъ суверенное государство ограничено, связано, объективнымъ, независимымъ отъ воли отдѣльнаго государства, международнымъ правомъ, которое воспрещаетъ ему самовольно вторгаться въ сферу другого независимаго отъ него государства и самовольно опредѣлять свою правовую компетенцію внѣ предѣловъ своего территоріальнаго властвованія. Въ этомъ отношеніи Еллинекъ правъ, оспаривая столь широкое опредѣленіе суверенитета.

Опредѣленіе суверенитета Еллинекомъ.

Самъ Еллинекъ послѣдовательно предложилъ нѣсколько различныхъ опредѣленій суверенитета. Въ своей работѣ «Die Lehre von den Staatenverbindungen» Еллинекъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: властвованіе,

[1]) Ср. также: Jellinek: Das Recht d. mod. Staates B. I стр. 451.

[2]) Liebe: Staatsrechtliche Studien 1880 стр. 10.

Digitized by Google

imperium, составляетъ существенное содержаніе государственныхъ функцій въ отношеніи подданныхъ. Правовой характеръ imperium'а состоитъ въ томъ, что подданные обязываются односторонним актомъ imperium'а. Юридическое обязываніе можетъ возникать двоякимъ образомъ: посредствомъ собственной и посредствомъ чужой воли. Посредствомъ чужой воли обязывается тотъ, кто юридически подчиненъ imperium'у, т. е. подданный. Подданный во всѣхъ своихъ правовыхъ дѣйствіяхъ въ послѣднемъ основаніи связанъ волей государства, т. е чужой, а не своей волей, такъ какъ и обязываніе его въ силу собственной воли имѣетъ для него лишь постольку юридическое значеніе, поскольку государство напередъ своими приказами придало такому акту подданнаго юридическое дѣйствіе, поскольку установленный государствомъ правопорядокъ объявляетъ подчиненнаго ему обязаннымъ. Каждое обязываніе подданнаго имѣетъ свое основаніе въ положеніи объективнаго права, т. е въ волѣ государства. Поэтому, говоритъ Еллинекъ, исключительное обязываніе государственной волей, т. е. чужой волей, является юридическимъ признакомъ подданнаго.

Напротивъ, государство можетъ обязываться въ силу собственной воли. Затѣмъ Еллинекъ излагаетъ свою, приведенную нами выше, теорію юридическаго самообязыванія государства и заключаетъ, что во всѣхъ своихъ актахъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, государство, какъ субъектъ, оказывается юридически обязаннымъ въ силу собственной воли. Все право, поскольку оно—публичное право, является также правомъ для государства, отъ котораго оно исходитъ. Отрицать это положеніе, значитъ отрицать идею правового государства, которая покоится на томъ, что по отношенію къ другимъ лицамъ государство является такъ связаннымъ своей обращенной въ право волей, что послѣдняя имѣетъ юридическое значеніе лишь въ самоустановленныхъ правовыхъ предѣлахъ и можетъ быть измѣнена лишь въ формахъ права. Акты государственной воли такимъ образомъ— акты самообязыванія, обязыванія въ силу

Digitized by Google

собственной воли. Обязываніе посредствомъ собственной воли является юридическимъ признакомъ государства.

Но, если государство является самой высокой властью, высшей внутри и независимой извнѣ, то признакъ обязыванія посредствомъ собственной воли недостаточно характеризуетъ эту его особенность. Должно еще пребывать, что никакая чужая воля не въ состояніи юридически обязать государство. Исключительная обязываемость въ силу собственной воли есть юридическій признакъ суверепнаго государства. Итакъ, заключаетъ Еллинекъ, суверенитетъ есть свойство государства, въ силу котораго государство можетъ быть юридически связано только посредствомъ собственной воли.

Изъ этого опредѣленія логически вытекаютъ, говоритъ Еллинекъ, всѣ тѣ свойства, въ которыхъ находили сущность суверепитета, или въ которыхъ онъ наиболѣе ярко выражается, а именно, что суверепитетъ представляетъ собою высшую и независимую власть, что суверенное государство въ указанныхъ его природой границахъ можетъ опредѣлять свою компетенцію; изъ него далѣе вытекаютъ, какъ слѣдствіе понятія суверепитета, вся совокупность верховныхъ правъ, т. е. высшая нормирующая дѣятельность государства во всѣхъ направленіяхъ государственной жизни: далѣе—недѣлимость суверепитета, такъ какъ исключительное право не можетъ быть дѣлимо, иначе оно не былобы исключительнымъ: вѣчность суверепитета, такъ какъ нѣтъ власти, которая могла бы сдѣлать его срочнымъ [1]).—

Это опредѣленіе суверепитета Еллинекомъ встрѣтило критику со стороны Розина и другихъ ученыхъ. Прежде всего Розинъ указываетъ на неправильность утвержденія Еллинека, что признакъ поддапства состоитъ въ исключительномъ обязываніи посредствомъ государственной воли.

Въ своихъ частноправовыхъ сдѣлкахъ, говоритъ Розинъ,

[1]) Jellinek: Die Lehre v. d. Staatenverbindungen стр. 31—35.

Digitized by Google

отдѣльная личность лишь сама обязываетъ себя: ея воля является причиной ея обязыванія, а не правовой порядокъ, который къ тому же можетъ быть установленъ и не государствомъ. Правда, Еллинекъ утверждаетъ, что подданный именно въ послѣднемъ основаніи во всѣхъ своихъ правовыхъ дѣйствіяхъ связанъ государствомъ, но, возражаетъ Розинъ, не послѣднее, т. е. самое отдаленное, основаніе является causa efficiens явленія, а ближайшее. Правовой порядокъ или государство, которое его установило, представляетъ собой скорѣе силу (Potenz), вслѣдствіе которой воля отдѣльнаго лица является причиной его обязыванія, имѣетъ это обязываніе своимъ юридическимъ послѣдствіемъ, подобно тому, какъ законъ природы или Богъ, его установившій, является лишь силой, вслѣдствіе и сообразно которой въ мірѣ явленій одно изъ нихъ, какъ слѣдствіе, развивается изъ другого явленія, какъ причины. Иначе необходимо было бы допустить, что и въ области международнаго права государство, заключающее договоръ, обязывается не въ силу собственной воли, а въ силу международнаго права, и, такимъ образомъ, былъ бы подорванъ самимъ Еллинекомъ установленный признакъ суверенитета.

Поэтому, заключаетъ Розинъ, признакомъ государства не можетъ служить то, что только оно обязывается въ силу собственной воли [1]). Впрочемъ, Розинъ, хотя и не признаетъ обязыванія въ силу собственной воли отличительнымъ признакомъ государства, но самое опредѣленіе суверенитета Еллинекомъ, какъ обязываніе государства исключительно въ силу собственной воли, признаетъ въ существенныхъ чертахъ вѣрнымъ [2]).

[1]) Rosin: Souveränetät, Staat, Gemeinde, Selbstverwaltundg in Hirt's Annalen d. D. Reiches 1883 стр. 266.

Также Borel: Назв. соч. стр. 85—86.

Le Fur: Назв. соч. стр. 382—383.

[2]) Rosin: Тамъ же стр. 267.

Также Borel: Назв. соч. стр. 42.

Digitized by Google

Что касается насъ, то мы не признаемъ правильнымъ ни опредѣленіе Еллинека, ни мнѣніе Розина. Еллинекъ неправъ въ утвержденіи, что подданный юридически обязывается въ договорѣ исключительно въ силу воли государства. Для наличности юридическаго обязательства одинаково необходимы, какъ субъективный элементъ—воля обязывающагося, выраженная въ договорѣ, такъ и объективный элементъ—норма права, законъ, т. е. выраженіе воли государства, придающее этой волѣ юридическую силу и обращающее обязательство субъекта именно въ юридическое обязательство Разъ воля индивида не выразилась въ договорѣ, договора не существуетъ, слѣдовательно, и обязательства. Съ другой стороны, разъ нѣтъ закона, признающаго правомѣрность такого выраженія воли въ договорѣ и придающаго юридическіе послѣдствія этому выраженію, нѣтъ и обязательства въ юридическомъ смыслѣ слова.

Поэтому неправильно также и утвержденіе Розина, что лишь воля обязывающагося является исключительной причиной его юридическаго обязательства. Даже нельзя сказать, что эта воля есть ближайшая производящая причина—causa efficiens юридическаго обязательства, какъ утверждаетъ Розинъ, такъ какъ воля обязывающагося не сама по себѣ порождаетъ юридическое обязательство, а въ соединеніи съ объективнымъ правомъ, т. е. поскольку она выражается правомѣрно и поскольку самый законъ, т. е. выраженіе воли государства, придаетъ этой волѣ юридическое значеніе, юридическія послѣдствія. Воля субъекта и законъ одновременно являются causa efficiens юридическаго обязательства. а не такъ, какъ утверждаетъ Розинъ, что воля является ближайшей причиной, а объективное право, законъ, какой-то дальнѣйшей причиной [1]).

---

[1]) Ср. также Pernice: Zur Lehre v. d. Rechtsgeschäften въ Zeitschrift f. d. g. Handelsrecht B. XXV стр. 82.

Его же: Rechtsgeschäft und Rechtsordnung въ Grünhut's Zeitschrift f. d. Privat und öffentl. Recht B. VII 1880 стр. 471 сл.

Digitized by Google

Поэтому, мы утверждаемъ, вопреки Еллинеку и Розину, что въ международныхъ договорахъ, которыми обязывается государство, оно связано не только въ силу собственной воли, но и въ силу объективной нормы международнаго права, придающей этому обязыванію государства юридическій характеръ. Еллинекъ утверждаетъ противное, т. е., что государство въ международномъ договорѣ связано лишь въ силу собственной воли, но, какъ извѣстно, только потому, что онъ самое международное право основываетъ исключительно на волѣ и признаніи самого государства. Но это значитъ, какъ мы уже говорили, попросту обращать международное право въ государственное, такъ называемое внѣшнее государственное право, что именно и дѣлаютъ многіе противники международнаго права, какъ особой области права, между тѣмъ самъ Еллинекъ, напротивъ, является его сторонникомъ. Это самопротиворѣчіе Еллинека, которое онъ старается обойти указаннымъ выше путемъ, подмѣчено, какъ мы видѣли, и Розинымъ.

Если признать, подобно Еллинеку, что международное право само есть продуктъ воли и признанія государства, то мы прійдемъ къ неправильному утвержденію, что правовая власть государства распространяется на безграничную сферу, его неограниченная правовая власть распространяется и за предѣлы его территоріальнаго господства—на область международнаго права, даже на самое международное право, которое основано якобы на волѣ государства и которое государство по желанію можетъ, значитъ, признавать правомъ или отвергать его [1]). Между тѣмъ самъ Еллинекъ, какъ мы видѣли, отрицаетъ такое всеобъемлющее право государства и его безграничную компетенцію, такъ какъ утверждаетъ, что «суверенное государство можетъ опредѣлять свою компетенцію лишь въ границахъ, данныхъ ему его собствен-

---

[1]) Ср. Le Fur: Назв. соч. стр. 423 сл.

Digitized by Google

ной природой», [1]) и оспариваетъ опредѣленіе суверенитета, какъ компетенціи компетенціи, какъ противорѣчащее международному праву. Противъ формулы Еллинека, что суверенитетъ государства заключается въ исключительномъ обязываніи въ силу собственной воли, Генель замѣчаетъ, что это правильно лишь въ томъ самомъ общемъ смыслѣ, что всякая человѣческая воля въ послѣднемъ своемъ основаніи сама себя опредѣляетъ; даже подвластный подчиняется власти лишь потому, что онъ самъ этого желаетъ. Въ этомъ смыслѣ все право основано на самообязываніи, на признаніи ему подчиняющихся, каковы бы ни были мотивы, опредѣляющіе къ самообязыванію, принудительные или произвольные Но не въ этой общей психологической истинѣ лежитъ суть дѣла, замѣчаетъ Генель, но въ томъ, можетъ ли государство по произволу устанавливать право или неустанавливать его, и должно ли оно, по самой своей природѣ, признавать право связывающей его самого нормой. Въ этомъ смыслѣ государство обязывается не въ силу собственной воли, но въ силу навязывающейся ему необходимости права [2]).

Это возраженіе Генеля лишь до извѣстной степени справедливо. Вѣдь Еллинекъ не отвергаетъ необходимости права для государства, но только доказываетъ что суверенное государство съ формальной стороны само себя обязываетъ своимъ правомъ, а не обязывается къ тому другою волей, такъ какъ и собственные законы государства устанавливаются имъ самимъ и представляютъ собой выраженіе его воли. Оцѣнку этой теоріи юридическаго самообязыванія мы сдѣлали уже выше. Но Еллинекъ идетъ слишкомъ далеко, когда и въ въ международномъ правѣ видитъ лишь право, которымъ государство связываетъ самого себя въ силу собственной воли, такъ какъ и самое международное право Еллинекъ производитъ изъ воли и признанія отдѣльнаго государства, между тѣмъ,

[1]) Jellinek: Die Lehre v. d. Staatenverb. стр. 35.

[2]) Haenel: D. Staatsrecht стр. 117 пр. 2.

Digitized by Google

какъ мы уже говорили выше, международное право есть право объективное для государства и независимое отъ признанія и воли отдѣльнаго государства. Поэтому говорить, что суверенное государство во всѣхъ отношеніяхъ обязывается исключительно въ силу собственной воли также нельзя, какъ нельзя утверждать и компетенцію компетенціи суверенаго государства во всѣхъ сферахъ дѣятельности государства, такъ какъ дѣятельность государства распространяется и за предѣлы его территоріальнаго господства, въ область международнаго права, гдѣ эта дѣятельность и правовая воля государства встрѣчаетъ ограниченіе въ независимо отъ него существующихъ объективныхъ нормахъ международнаго права [1]).

Въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ [2]) Еллинекъ даетъ тоже опредѣленіе суверенитета, что и Розинъ, опредѣленіе, которое мы сейчасъ разсмотримъ, и которое въ сущности ничѣмъ не отличается отъ прежняго опредѣленія Еллинека.

Именно Еллинекъ опредѣляетъ суверенитетъ, какъ «способность исключительнаго правового самоопредѣленія». Въ способности самоопредѣленія, говоритъ Еллинекъ, заключается юридическій элементъ государственной власти. Если эта способность является исключительной въ томъ смыслѣ, что государство во всѣхъ пунктахъ только само себя опредѣляетъ, такъ что оно вездѣ господствуетъ и нигдѣ не подчиняется, то государство является сувереннымъ [3]).

Опредѣленіе Розина.

Розинъ [4]) подвергаетъ тщательному анализу понятіе суверенитета. Прежде всего онъ утвержда-

[1]) Недаромъ Borel: назв. соч. стр. 42 сл. доказываетъ, что опредѣленіе Еллинекомъ суверенитета, какъ исключительнаго самообязыванія государства, ничѣмъ не разнится отъ критикуемаго Еллинекомъ опредѣленія суверенитета какъ „компетенціи компетенціи".

[2]) Jellinek: Gesetz und Verordnung 1887 стр. 196—197.
Его же: D. Recht d. mod. Staates B. I стр. 451.

[3]) Jellinek: Gesetz und Verordnung стр. 196—197.

[4]) Rosin: Souveränetät, Staat, Gemeinde, Selbstverwaltung in Hirt's Annalen d. D. Reiches 1883 стр. 267 сл.

Digitized by Google

ств, что понятіе суверенитета можетъ быть опредѣлено лишь дедуктивнымъ, а не индуктивнымъ путемъ. Вывести понятіе суверенитета индуктивнымъ путемъ, т. е. путемъ отвлеченія изъ сравненія цѣлаго ряда общественныхъ союзовъ, называемыхъ суверенными въ отличіе отъ другихъ союзовъ, называемыхъ несуверенными, уже потому нельзя, что именно идетъ споръ, можно или нѣтъ считать суверенными союзами всѣ тѣ, которые такъ называютъ. Приходится, слѣдовательно, обратиться къ дедуктивному методу, т. е. посмотрѣть, подходятъ-ли тѣ или другіе союзы подъ напередъ установленное понятіе суверенитета, которое содержитъ въ себѣ общепризнанные признаки суверенитета.

Со времени Бодена суверенитетъ всѣми понимается, какъ высшая или самая высокая власть. Такимъ образомъ, при опредѣленіи понятія суверенитета нужно исходить изъ этихъ двухъ категорій «власти» и «высшаго». Что касается категоріи власти, то намъ достаточно знать, что здѣсь рѣчь идетъ о правовомъ понятіи. Поэтому въ вопросѣ о суверенитетѣ имѣютъ опредѣляющее значеніе не фактическія отношенія силы, но только правовая власть. А такъ какъ право представляетъ собою разграниченіе волевой силы личностей, то правовая власть представляетъ собою конкретное содержаніе воли личности, которая является опредѣляющей для воль другихъ личностей, противостоящихъ первой.

Категорія «высшаго» означаетъ, что въ порядкѣ господства (вышестоянія) и подчиненія (нижестоянія) ряда существъ одно изъ нихъ стоитъ на высшей ступени. Понятіе «высшаго» поэтому есть понятіе отношенія; оно, съ одной стороны, указываетъ, разсматривая отношеніе сверху, что «высшее» существо не имѣетъ надъ собой никакого другого высшаго, и, съ другой стороны, разсматривая отношеніе снизу, что превосходная степень необходимо включаетъ въ себя и сравнительную степень, что это существо стоитъ выше всѣхъ другихъ, которымъ поэтому и не можетъ быть приписанъ

Digitized by Google

предикатъ «высшаго». Разсмотрѣніе отношенія снизу опредѣляетъ намъ такимъ образомъ и то, въ чемъ состоитъ отрицаніе понятія «высшаго». Напротивъ, болѣе этого понятіе «высшаго» ничего не можетъ дать. Было бы совершенно напрасно поэтому изслѣдовать при помощи понятія «высшаго» природу существа, называемаго высшимъ. Такъ какъ понятіе «высшаго» содержитъ въ себѣ отношеніе, а каждое существо находится по отношенію къ самому себѣ лишь въ одномъ отношеніи, а именно, что оно равно самому себѣ, слѣдовательно, мы не можемъ познать природу высшаго существа изъ его свойства, «какъ высшаго», а должны этого достичь инымъ путемъ.

Столь же мало знакомитъ насъ понятіе «высшаго» существа съ природой другого, ему противопоставленнаго, существа и съ иными отношеніями сравниваемыхъ объектовъ, такъ какъ именно въ виду того, что мы сравниваемъ ихъ лишь въ отношеніи вышестоянія и нижестоянія, мы приравниваемъ ихъ во всемъ остальномъ. Комбинація, такимъ образомъ, обѣихъ категорій — «власти» и «высшаго» — указываетъ, что понятіе суверенитета относится къ господству и подчиненію правовыхъ личностей. Въ чемъ же состоитъ сущность господства и подчиненія, и въ чемъ состоитъ равенство личностей? Волевая сила личности надъ другой личностью представляетъ собой способность опредѣлять волю другой личности сообразно съ содержаніемъ собственной воли; но, если, несмотря на то, личности все же остаются равными, то это происходитъ лишь вслѣдствіе того, что волевая сила опредѣляющей личности имѣетъ сама свое правовое основаніе въ волѣ опредѣляемой личности или, во всякомъ случаѣ, въ независимомъ отъ обѣихъ воль, объективномъ фактическомъ состояніи, съ которымъ правовой порядокъ связываетъ правовыя послѣдствія, не нарушая при этомъ принципіальнаго равенства лицъ. Опредѣляемость въ силу чужой воли, которая, въ свою очередь, основывается на моей собственной волѣ, пред-

Digitized by Google

ставляетъ собой въ сущности опредѣляемость въ силу собственной воли, слѣдовательно, равенство личностей. Но равенство уничтожается и устанавливается отношеніе господства и подчиненія, какъ скоро одна личность опредѣляется другою, воля которой имѣетъ свою правовую причину не въ волѣ опредѣляемой личности, но въ себѣ самой. Значитъ сущность правового господства и подчиненія или властвованія одной личности надъ другою заключается въ томъ, что первая въ себѣ самой находитъ правовое основаніе для опредѣленія послѣдней, т. е. управомочена опредѣлять волю послѣдней въ силу собственной власти.

Такимъ образомъ, изъ отношенія суверенной личности вытекаетъ слѣдующее: во-первыхъ, положительное понятіе суверенитета, какъ такое юридическое положеніе личности, въ силу котораго она на основаніи существующаго права не можетъ юридически опредѣляться волей никакой другой личности, или, выражаясь положительно, исключительная опредѣляемость въ силу собственной воли; во-вторыхъ, суверенитетъ личности не исключается, если она, хотя и опредѣляется чужой волей, но послѣдняя находитъ свое правовое основаніе въ собственной волѣ опредѣляемой личности. Волеобязываніе государствъ—членовъ союзнаго государства имѣетъ свое правовое основаніе не въ ихъ собственной волѣ; слѣдовательно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ отношеніемъ властвованія, которое лишаетъ эти государства суверенитета. Напротивъ, ясно, что заключеніе государствомъ договора въ области частнаго права или международнаго и вытекающее отсюда обязательственное отношеніе также не лишаетъ государство его суверенитета, подобно тому, какъ и обязательство частнаго человѣка не подчиняетъ его правовой власти кредитора. Даже въ области государственнаго права суверенное государство не лишается своего суверенитета, вслѣдствіе того, что оно обязывается въ силу собственной воли, напримѣръ, добровольно подчиняется обложенію общинными нало-

Digitized by Google

гами и податями въ качествѣ владѣльца недвижимаго имѣнія или въ качествѣ промышленнаго предпринимателя. Даже тогда государство не утрачиваетъ своего суверенитета, когда его обязательство, основанное на его же собственной волѣ, имѣетъ безвозвратный характеръ, какъ это доказываетъ, напримѣръ, отношеніе Турціи къ вассальнымъ христіанскимъ государствамъ касательно гарантированнаго послѣднимъ юридическаго положенія.

Изъ отношенія суверенной личности опредѣляется и отрицательное понятіе «не-суверенитета».

Несувереннa каждая личность, кототорая можетъ быть опредѣлена чужой волей въ силу собственной власти послѣдней, т. е. такой чужой волей, которая въ себѣ самой заключаетъ юридическую причину своей силы, а не въ противостоящей ей личности. Особенно необходимо, говоритъ Розинъ, обратить вниманіе на слѣдующее: опредѣляемость личности чужою волей, хотя бы только въ одномъ пунктѣ, уничтожаетъ суверенитетъ. Суверенитетъ налицо, или его вовсе нѣтъ. Возможны лишь двѣ такихъ противоположности. Не можетъ быть никакого несовершеннаго, подѣленнаго, половиннаго суверенитета. Альтернатива одна: исключительная или неисключительная опредѣляемостъ собственной волею. Правовое существо (Rechtswesen), опредѣляемое чужой волей въ какомъ-нибудь одномъ пунктѣ, подпадающее чужому господству какой-бы то ни было частью своей личности, хотя бы оно въ остальныхъ отношеніяхъ юридически было независимо отъ чужого вліянія, несувереннo; такая личностъ обладаетъ лишь въ опредѣленномъ объемѣ свойствомъ юридической неопредѣляемости, которое было-бы суверенитетомъ, если бы оно принадлежало личности во всемъ ея объемѣ, а такъ какъ этого нѣтъ, то нѣтъ совершенно и суверенитета.—

Это опредѣленіе суверенитета, какъ «способности исключительнаго правового самоопредѣленія», какъ его форму-

Digitized by Google

лируетъ Еллинекъ, или «исключительнаго юридическаго опредѣленія въ силу собственной воли», какъ его формулируетъ Розинъ, принято и нѣкоторыми другими учеными [1]).

Въ сущности опредѣленіе Розина нисколько не отличается отъ опредѣленія суверенитета Генелемъ, какъ компетенціи компетенціи, и Еллинекомъ, какъ исключительнаго самообязыванія государства [2]). Выраженныя въ такомъ общемъ смыслѣ безъ всякихъ ограниченій, эти опредѣленія расширяютъ до крайности понятіе суверенитета. Суверенитетъ обращается въ правовую власть, господствующую въ какой-то безграничной сферѣ, такъ какъ вездѣ и повсюду эта власть исключительно сама себя обязываетъ, сама себя опредѣляетъ и опредѣляетъ свою компетенцію. Мы указывали уже выше, что внѣ сферы своего правового господства, внѣ той сферы, гдѣ государство осуществляетъ свое право приказанія и принужденія, въ области международныхъ отношеній и международнаго права государство не можетъ быть такимъ исключительнымъ распорядителемъ своей компетенціи, не можетъ обязываться и опредѣляться исключительно только въ силу собственной воли. Если международное право представляетъ собою дѣйствительно право, то это право не зависитъ отъ воли отдѣльнаго государства, а возвышается надъ нимъ, какъ объективныя и независимыя отъ государства нормы. Оно опредѣляетъ взаимныя права и обязанности государствъ, разграничиваетъ съ обязательной для нихъ силой сферы ихъ дѣятельности. Если государства заключаютъ международные договоры, то они юридически обязываются посредствомъ этихъ договоровъ не только въ силу собственной воли, но и въ силу международноправовой нормы, придающей юридическую обязательность такимъ договорамъ. Мы говорили, что этимъ

[1]) Напр. Laband'омъ: D. Staatsrecht d. D. Reiches 1901 B. I стр. 58 и 59 пр. 3.

Borel: Назв. соч стр. 44.

[2]) Ср Borel: Назв. соч. стр. 34 сл. Борель поэтому самъ одобряетъ всѣ эти опредѣленія.

Digitized by Google

надъ государствомъ не устанавливается какой-либо организованной правовой власти, но тѣмъ не менѣе нормы международнаго права представляютъ собой извѣстныя императивныя, обязательныя для самихъ государствъ, внѣшнія правовыя нормы. Если собственный правовой порядокъ государства можно съ формальной стороны разсматривать какъ продуктъ воли самого государства, и потому говорить въ этомъ случаѣ о формальномъ самообязываніи государства, то въ отношеніи международнаго права этого нельзя сдѣлать, такъ какъ оно не есть продуктъ воли государства [1]). Поэтому въ отношеніи международнаго права нельзя ничего возразить противъ замѣчанія Гегеля объ опредѣленіи суверенитета, какъ исключительной опредѣляемости въ силу собственной воли, что «всякое общество и всякое право основано на абсолютномъ отрицаніи исключительной опредѣляемости въ силу собственной воли, на постоянномъ опредѣленіи не только въ силу собственной, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ силу чужой воли». «Властвующая воля лишь до извѣстныхъ предѣловъ можетъ быть исключительно управомоченной и обязывающей другія воли» [2]).

Итакъ, при опредѣленіи суверенитета, какъ исключительнаго правового самообязыванія, самоопредѣленія, или неограниченнаго права на опредѣленіе своей компетенціи, недостаточно разграничиваютъ сферу властвованія воли отъ сферы, въ которой, хотя воля и проявляется, но не направлена ни на какое господство, не даетъ никому юридическихъ приказовъ и не принуждаетъ къ исполненію этихъ приказовъ. Воля государства властвуетъ лишь надъ подчиненными государству лицами и союзами, входящими въ предѣлы его территоріальнаго господства, но внѣ этихъ предѣловъ, въ отношеніи къ другимъ независимымъ отъ него территоріальнымъ союзамъ

---

[1]) Ср. Brie: Theorie der Staatenverbindungen 1886 стр. 21 сл.

[2]) Haenel: D. Staatsrecht B. I стр. 117 пр. 2.
Ср. также Le Fur: Назв. соч. стр. 438 сл.

Digitized by Google

властвованія, т. е. къ другимъ государствамъ, государство, хотя и выступаетъ въ качествѣ носителя своей публичноправовой территоріальной власти, но по отношенію къ самымъ этимъ независимымъ отъ него государствамъ оно никакого властвованія не осуществляетъ, не имѣетъ права обязывать ихъ своими приказами, обязывать ихъ своей односторонней волей. Поэтому мы и говоримъ, да и сами вышеуказанные писатели это признаютъ, что въ сферѣ международнаго права, въ отношеніи къ другимъ государствамъ, государство не властвуетъ, а, слѣдовательно, и никакой высшей правовой власти, суверенитета, въ этой сферѣ не имѣетъ. Всякая правовая власть, слѣдовательно, и исключительная власть суверенаго государства ограничена извѣстной сферой господства, и эта сфера опредѣляется самой природой государства, какъ территоріальнаго общественнаго союза властвованія [1]). Отсюда вытекаетъ, что суверенное государство суверенно лишь въ предѣлахъ своей территоріи, въ этихъ лишь предѣлахъ оно юридически опредѣляется и обязывается лишь въ силу собственной, властвующей надъ всѣми, воли, въ этихъ лишь предѣлахъ оно можетъ въ своихъ собственныхъ правовыхъ формахъ расширять свою компетенцію, какъ ему угодно [2]). Въ этихъ лишь предѣлахъ оно суверенно властвуетъ и потому его властвованіе опредѣляется лишь его собственнымъ правопорядкомъ и ни въ чемъ не подчиняется чужому праву. Поэтому-то мы и опредѣлили суверенитетъ, какъ такое свойство государства, въ силу котораго его территоріальное властвованіе опредѣляется исключительно его собственнымъ правомъ.

Лишь съ такими оговорками мы можемъ согласиться съ утвержденіемъ Бореля, что суверенитетъ, какъ способность государства опредѣляться собственной волей, абсолютенъ и исключителенъ [3]).

---

[1]) Ср. Brie: Theorie der Staatenverb стр. 18 сл.

[2]) Ср. Le Fur: Назв. соч. стр. 485.

[3]) Borel: Etude sur la souveraineté 1886 стр. 61.

Digitized by Google

Точнѣе опредѣляетъ суверенитетъ Ле-Фуръ: «суверенитетъ есть качество государства, состоящее въ исключительномъ обязываніи и опредѣленіи въ силу собственной воли въ предѣлахъ права, какъ высшаго принципа, и сообразно съ коллективной цѣлью, которой призвано служить государство» [1]).

Саблеръ [2]) опредѣляетъ суверенитетъ, какъ «абсолютную правовую свободу». «Такое опредѣленіе, говоритъ г. Саблеръ, выражаетъ ту же идею, какъ и теоріи Лабанда, Іеллинека и Бореля, но съ внѣшней стороны оно представляетъ слѣдующія выгоды: 1) оно обнимаетъ международныя отношенія такъ же, какъ и внутренній строй; 2) оно разграничиваетъ идею суверенитета отъ произвола государственной власти: если, съ одной стороны, современный правопорядокъ не знаетъ какой-либо силы, которая съ юридической точки зрѣнія могла бы наложить свое veto на дѣйствія государства—въ этомъ заключается формальный признакъ «абсолютной правовой свободы», то, съ другой стороны, правительство современныхъ государствъ изъ чувства самосохраненія придаетъ своимъ дѣйствіямъ правовой характеръ». —

Это опредѣленіе мы считаемъ наименѣе неудачнымъ. Оно во первыхъ крайне неопредѣленно. Что такое значитъ «абсолютная правовая свобода»? Есть-ли это свобода государства отъ всякихъ правовыхъ ограниченій, свобода отъ предписаній юридическихъ нормъ какъ въ области своихъ внутреннихъ отношеній, такъ и въ области международныхъ отношеній, такъ какъ самъ г. Саблеръ заявляетъ, что его опредѣленіе представляетъ, между прочимъ, ту выгоду, что оно распространяется и на международныя отношенія государства? Но тогда суверенитетъ обращается въ какую-то безграничную фактическую силу, чего, конечно, и не думаютъ утверждать

---

[1]) Le Fur: État fédéral et confédération d'Etats 1896 стр. 443.

[2]) С. Саблеръ: Къ ученію о суверенитетъ въ государствѣ. Журналъ Юрид. Общества при С.-Петерб. университетѣ 1896 к. 7 стр. 72.

Digitized by Google

указанные Саблеромъ писатели да и самъ г. Саблеръ, т. к. поясняетъ затѣмъ, что суверенитетъ и произволъ—различныя понятія [1]). Или же подъ «абсолютной правовой властью» должно понимать полную свободу государства въ ограниченной правомъ сферѣ, но тогда возникаетъ вопросъ, кто устанавливаетъ эти правовыя границы свободы государства, само ли оно или кто-нибудь другой? Вѣдь полную свободу въ ограниченной государствомъ правовой сферѣ имѣетъ и подданный. На это-то и отвѣчаетъ опредѣленіе Іеллинека, Лабанда и Бореля, когда они говорятъ объ исключительномъ самоопредѣленіи и самообязываніи суверяннаго государства, но не отвѣчаетъ само по себѣ опредѣленіе г. Саблера. Г. Саблеръ лишь затѣмъ въ текстѣ поясняетъ, что это значитъ, что на дѣйствія государства не можетъ наложить юридически veto никакая сила. Наконецъ, г. Саблеръ подчеркиваетъ ту выгоду своего опредѣленія, что оно распространяется и на международныя отношенія, но именно въ международныхъ отношеніяхъ государство не пользуется «абсолютной правовой свободой», такъ какъ здѣсь его свобода находитъ свои границы въ свободѣ другихъ государствъ и возвышающемся надъ всѣми государствами международномъ правѣ.

Подобная опасность впасть въ преувеличеніе грозитъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда при опредѣленіи суверенитета будетъ упускаться изъ виду основное значеніе этого понятія, какъ высшей независимой правовой территоріальной власти государства, именно правовой власти, сфера господства которой всегда имѣетъ свои предѣлы, такъ какъ всемірной правовой власти нѣтъ, нѣтъ слѣдовательно, и абсолютной правовой власти на землѣ. Такимъ образомъ, можно опредѣлять суверенитетъ также и какъ исключительное правовое самообязы-

---

[1]) Хотя вслѣдъ за тѣмъ г. Саблеръ объявляетъ, что правительства суверенныхъ государствъ „изъ чувства самосохраненія придаютъ своимъ дѣйствіямъ правовой характеръ". Это политическое разсужденіе нисколько не объясняетъ отношеніе права къ власти.

Digitized by Google

ваніе государства и какъ исключительное правовое самоопредѣленіе государства или исключительное самоопредѣленіе своей компетенціи, но только добавляя оговорку: «въ его государственной сферѣ», «въ его территоріальныхъ предѣлахъ» [1]).

[1]) Прейсъ (Gemeinde, Staat, Reich als Gebietskörperschaften 1889 стр. 163) находитъ какъ бы отступленіе отъ истиннаго значенія суверенитета въ словахъ Гирке, что „развившееся правосознаніе современныхъ народовъ проникнуто той идеей, что въ правовой области должна существовать высшая власть общественнаго союза (Verbandsgewalt) надъ всѣми другими властями общественныхъ союзовъ въ каждой самостоятельной національной сферѣ“ (Gierke: Labands Staatsrecht und die deutsche Rechtswissenschaft“ въ Schmoller's Jahrbuch f. Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirthschaf 1883 стр. 72). Но тутъ никакого отступленія нѣтъ, такъ какъ Гирке здѣсь выражаетъ ту мысль, что суверенитетъ государства можетъ распространяться лишь на собственную его сферу (самостоятельную національную сферу), Прейсъ же, какъ мы выше указывали, въ своей полемикѣ противъ суверенитета хочетъ придать ему значеніе какой то безграничной, универсальной, всепоглощающей власти. Но тогда съ понятіемъ суверяннаго государства не совмѣщается и существованіе другихъ суверенныхъ же „національныхъ союзовъ“—государствъ.

Ту же самую мысль, что и Гирке, выражаетъ и критикуемое Прейсомъ опредѣленіе Бри суверенитета, „какъ свойства власти, въ силу котораго она является высшей въ своей сферѣ“ (Brie: Theorie der Staatenverbindungen 1886 стр. 9). Замѣчаніе Прейса (назв. соч. стр. 76), что такимъ образомъ можно назвать суверенными въ своей сферѣ и высшіе суды, напр Германскій Имперскій судъ, неосновательно, такъ какъ суды своей особой власти не имѣютъ, а являются лишь органами государственной власти. Въ несобственномъ же смыслѣ называть ихъ суверенными также можно, какъ назывались, напримѣръ, когда то суверенными во Франціи „cours souveraines“. Но тутъ суверенитетъ, какъ мы уже указывали выше, употребляется въ совершенно иномъ значеніи. На недоразумѣніи также основаны возраженія Borel'я (Etude sur la souveraineté et l'Etat fédératif стр. 43) противъ опредѣленія суверенитета Dubs'омъ (Droit public suisse 1 стр. 48) „какъ права политической личности свободно опредѣляться въ своей собственной сферѣ“. Опредѣленіе это, правда, неточно, но Борель возражаетъ, „что каждый свободно опредѣляется въ своей собственной сферѣ, а сфера, гдѣ онъ опредѣляется другимъ не его сфера“.

Дубсъ понимаетъ здѣсь подъ „свободнымъ самоопредѣленіемъ“ опредѣленіе воли совершенно независимое отъ всякой другой воли. Община, напримѣръ, имѣетъ свою собственную сферу дѣятельности, но ея опредѣленіе въ этой сферѣ ограничено волей государства, которому она подчиняется. Борель смѣшиваетъ „собственную сферу“ съ правомъ безусловнаго распоряженія въ этой сферѣ. Но тогда и сфера частноправовой собственности субъекта, также не есть его собственная сфера, а

Digitized by Google

Такія опредѣленія тогда будутъ логическимъ выводомъ изъ основнаго значенія понятія суверенной власти, какъ высшей и независимой власти государства, какъ союза имѣющаго всегда опредѣленную, ограниченную извѣстными территоріальными предѣлами, собственную сферу, въ которой оно является полнымъ хозяиномъ.

чужая, такъ какъ въ этой сферѣ субъектъ опредѣляется не исключительно собственной волей, но и волей государства, его законами, которые налагаютъ на собственника извѣстныя ограниченія его распоряженію своей собственностью. Вполнѣ свободенъ въ своей сферѣ только тотъ, кто никому не подчиняется, а это и выражаетъ Дубсъ.

Digitized by Google

ГЛАВА VIII.

Единство суверенитета и ученіе о дѣлимости суверенитета.

Уже Боденъ, какъ мы видѣли, доказывалъ, что суверенной властью можетъ быть только одна власть въ государствѣ, такъ какъ, будучи высшей, она не имѣетъ въ государствѣ ни равной себѣ, ни высшей надъ собой власти [1]).

Суверенная власть, доказывалъ Боденъ, всегда принадлежитъ одному субъекту и не можетъ дѣлиться. Вслѣдъ за Боденомъ и другіе писатели утверждаютъ единство и недѣлимость суверенной власти. Гоббесъ, какъ мы видѣли, объявилъ «гибельнѣйшей для государства доктриной» ученіе, что суверенная власть можетъ дѣлиться» [2]). Также отрицали дѣлимость суверенитета Гроцій, Пуффендорфъ, Руссо [3]) и многіе другіе. Вообще большинство писателей и прежнихъ и новыхъ доказываютъ невозможность дѣлимости суверенной власти, основываясь, главнымъ образомъ, на томъ, что эта власть предоставляетъ собой единую волю органическаго цѣ-

---

[1]) J. Bodini: De Republica L. I c. X стр. 234 (изд. 5-ое): „summus is dicitur, qui nec superiorem nec ejusdem imperii socium habet. Deum sibi parem efficere non potest, quia infinitae sit potestatis ac magnitudinis; duo vera infinita ut sint, fieri nullo modo potest"....

[2]) См. выше ч. I стр. 112.

[3]) См. ч. I стр. 186. Хотя Руссо энергичнѣе, чѣмъ кто-бы то ни былъ, доказываетъ единство суверенитета, но это не мѣшаетъ ему въ противорѣчіе съ самимъ собою, какъ мы видѣли, высчитывать идеальную долю суверенитета, приходящуюся на каждаго гражданина. См. выше стр. 192.

Digitized by Google

лаго или же волю личности государства, которая, конечно, не можетъ дѣлиться, какъ и сама личность [1]). Тѣмъ не менѣе, мы видѣли изъ исторіи суверенитета, что нѣкоторые писатели допускали дѣлимость суверенитета или въ томъ смыслѣ, что суверенная власть въ государствѣ можетъ дѣлиться между нѣсколькими носителями, или въ томъ смыслѣ, что суверенная власть можетъ представлять собой лишь сумму не всѣхъ, но только нѣкоторыхъ верховныхъ правъ, допускали существованіе уменьшеннаго, относительнаго суверенитета и полусуверенитета [2]). Но особенное развитіе получила теорія дѣлимости суверенитета со времени образованія новаго типа сложныхъ государствъ, такъ называемыхъ союзныхъ государствъ, въ Америкѣ и Европѣ [3]).

По ученію американскихъ публицистовъ, союзный строй сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ представляетъ собой соединеніе самостоятельныхъ государствъ въ одно національное цѣлое, въ государство, состоящее изъ государствъ, такимъ образомъ, что вся полнота суверенной государственной власти здѣсь подѣлена между союзомъ и отдѣльными государствами—штатами: союзъ и государства—члены имѣютъ каждый строго опредѣленную сферу власти, компетенцію, и въ предѣлахъ своей компетенціи являются носителями независимой государственной власти, т. е. обладаютъ суверенитетомъ.

Сочиненіе Токвилля «о демократіи въ Америкѣ» распространило въ Европѣ эту идею дѣлимости суверенитета въ союзномъ государствѣ.

Изображая отношеніе штатовъ къ союзу, онъ указываетъ на то, что «здѣсь существуетъ два правительства, совершенно отдѣльныя и почти независимыя другъ отъ друга [4]).

---

[1]) См. собраніе этихъ мнѣній у Jellinek: Die Lehre v. d. Staatenverb. стр. 27 прим. 33.

[2]) См. выше ч. I стр. 122. 145—152; ч. II стр. 286.

[3]) См. выше ч. I стр. 271 сл.

[4]) Tocqueville: De la démocratie en Amerique 5 éd. 1868 t. 1 p. 93.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, говоритъ Токквилль, въ Соединенныхъ Штатахъ суверенитетъ подѣленъ между союзомъ и штатами, тогда какъ, напримѣръ, во Франціи суверенитетъ одинъ и нераздѣленъ. Поэтому во Франціи правительство является національнымъ, въ Америкѣ же федеральнымъ [1]). Въ федеральной системѣ необходимо существуютъ два суверенитета. Законодатель можетъ упростить, сдѣлать равными проявленія этихъ двухъ суверенитетовъ и можетъ заключить каждый изъ этихъ суверенитетовъ въ строго опредѣленныя сферы дѣйствія, но онъ никогда не можетъ сдѣлать изъ этихъ суверенитетовъ одинъ суверенитетъ, ни помѣшать ихъ взаимному соприкосновенію въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ [2]).

Принципъ, на которомъ основаны всѣ федераціи, заключается въ дробленіи суверенитета. Законодатели дѣлаютъ это дробленіе мало чувствительнымъ, но они не могутъ устранить его при федеративномъ строѣ. Этотъ раздробленный суверенитетъ всегда будетъ болѣе слабымъ, чѣмъ полный [3]). Въ чемъ же состоитъ это дробленіе суверенитета? оно состоитъ въ томъ, что отдѣльные штаты сохраняютъ въ принципѣ всю государственную власть за исключеніемъ той опредѣленной части ея, которая ввѣрена конституціей союзу. Эта власть союза и его суверенитетъ, говоритъ Токквиль, распространяется лишь на небольшое число предметовъ внѣшней дѣятельности государства, союзу ввѣрено лишь осуществленіе извѣстныхъ общихъ интересовъ союза. Такимъ образомъ, говоритъ Токквиль, суверенитетъ союза является искусственнымъ, а суверенитетъ штатовъ естественнымъ. Онъ существуетъ самъ собою, какъ авторитетъ отца въ семействѣ, а не созданъ, какъ суверенитетъ союзной власти [4]).

Однако, несмотря на это утвержденіе суверенитета шта-

---

[1]) Tocqueville: Назв. соч. стр. 205.
[2]) Tocqueville: Назв. соч. стр. 276.
[3]) Tocqueville: Тамъ же стр. 279.
[4]) Ср. Tocqueville стр. 93 и 281.

Digitized by Google

товъ. Токквилль самъ замѣчаетъ: «всѣ эти штаты, независимость которыхъ я констатировалъ, все же вынуждены въ извѣстныхъ случаяхъ подчинятся высшему авторитету, т. е. союзу [1]).

Американскіе штаты, соединившіеся въ 1789 г. не только согласились на то, чтобы союзное правительство имъ диктовало законы, но также и на самостоятельное исполненіе союзнымъ правительствомъ своихъ законовъ [2]).

Далѣе, верховный союзный судъ Соединенныхъ Штатовъ уполномоченъ разрѣшать всѣ споры о компетенціи между союзомъ и штатами. Это былъ, говоритъ Токквилль, самый опасный ударъ суверенитету штатовъ. «Такимъ образомъ суверенитетъ штатовъ оказался ограниченнымъ не только законами, но и интерпретаціей этихъ законовъ» [3]).

Но эти оговорки Токквилля въ сущности совершенно исключаютъ суверенитетъ штатовъ, существованіе котораго отстаиваетъ Токквилль. На это противорѣчіе и было указано впослѣдствіи критиками этой теоріи дѣлимости суверенитета. Къ тому же Бри [4]) справедливо обращаетъ вниманіе на то, что Токквилль совершенно не упоминаетъ объ общемъ правилѣ союзной конституціи что «эта конституція и законы Соединенныхъ Штатовъ, которые будутъ изданы согласно съ ней, а также всѣ договоры, уже заключенные или которые будутъ заключены отъ имени Соединенныхъ Штатовъ, должны признаваться высшимъ закономъ страны, и судьи каждаго штата связаны ими, несмотря ни на какія противоположныя опредѣленія конституцій или законовъ отдѣльныхъ штатовъ» [5]).

Если мы обратимъ вниманіе на всѣ эти ограниченія

---

[1]) Тамъ же стр. 186.
[2]) Тамъ же стр. 262.
[3]) Тамъ же стр. 258 сл.
[4]) Brie: Der Bundesstaat 1874 стр. 104 пр. 50.
[5]) Art. VI Sect. 2 Const. of the U. States of America.

Digitized by Google

власти штатовъ, то ясно, что ихъ власть ни въ какомъ случаѣ нельзя признавать суверенной.

Какъ бы тамъ ни было, эти противорѣчивыя замѣчанія Токквилля относительно конституціи Соединенныхъ Штатовъ имѣли огромное вліяніе на формулировку ученія о дѣлимости суверенитета въ союзномъ государствѣ.

Нѣмецкій ученый, Георгъ Вайцъ построилъ на нихъ цѣлую теорію союзнаго государства съ подѣленнымъ суверенитетомъ.

Сущность теоріи Вайца сводится къ тому, что союзное государство представляетъ собою такое государственное образованіе, гдѣ часть государственныхъ задачъ, часть государственной жизни, является общей, другая же часть принадлежитъ отдѣльнымъ членамъ, какъ самостоятельнымъ государствамъ.

Такимъ образомъ образуется двоякая государственная организація народа: частью, въ видѣ совокупности всего народа, совокупнаго государства (Gesammtstaat), частью, въ видѣ отдѣльныхъ государствъ. Вмѣсто совокупнаго государства обыкновенно употребляютъ терминъ «союзная власть». Отдѣльныя государства и совокупное государство образуютъ вмѣстѣ союзное государство [1]).

Государственныя задачи, говоритъ далѣе Вайцъ, могутъ быть различнымъ образомъ подѣлены между союзомъ и отдѣльными государствами, существенно лишь, чтобы союзное государство извнѣ, въ отношеніи къ другимъ государствамъ, выступало какъ единое цѣлое. Завѣдываніе же внутренними дѣлами каждаго государства принадлежитъ обыкновенно самимъ отдѣльнымъ государствамъ.

И союзная власть и власть отдѣльныхъ государствъ являются каждая въ своей сферѣ самостоятельными, суверенными. Отдѣльныя государства не получаютъ свою власть отъ союзной власти, а послѣдняя, въ свою очередь, не основана

[1]) G. Waitz: Grundzüge d. Politik 1862 стр. 43.

Digitized by Google

на уполномочіи отдѣльныхъ государствъ. Самостоятельность союзной власти проявляется въ независимыхъ отъ отдѣльныхъ государствъ средствахъ къ осуществленію ея задачъ, въ непосредственномъ, а не черезъ посредство отдѣльныхъ государствъ, отношеніи ея къ народу, и въ самостоятельной ея организаціи [1]); сфера государственной дѣятельности, которую простое, единое государство обнимаетъ во всей ея полнотѣ и нераздѣльности, въ союзномъ государствѣ до извѣстной степени расчленена. Для каждой части союзнаго государства существуетъ особая организація и особая сфера, внутри которой каждая часть столь же самостоятельна, какъ и другая.

Въ союзномъ государствѣ совокупное государство и отдѣльныя государства имѣютъ меньшую область, нежели единое, простое государство, но въ этой меньшей области ихъ право вполнѣ одинаково съ правомъ единаго государства въ его болѣе обширной области. Лишь то государство будетъ союзнымъ, говоритъ Вайцъ, въ которомъ суверенитетъ принадлежитъ и совокупному государству (центральной власти) и отдѣльному государству (власти отдѣльнаго государства), каждому внутри своей сферы, какъ это правильно замѣтилъ Токквилль относительно Соединенныхъ Штатовъ. Совершенно неправильно поэтому, говоритъ Вайцъ, нѣкоторые нѣмецкіе писатели утверждаютъ, что сущность союзнаго государства состоитъ въ томъ, что отдѣльныя государства являются его подданными, и что, такимъ образомъ, суверенитетъ послѣднихъ ограниченъ не только въ реальномъ отношеніи, но и въ личномъ. Напротивъ, не содержаніе, но только объемъ суверенитета здѣсь ограниченъ и притомъ столько же союзной власти, какъ и власти отдѣльныхъ государствъ (nur der Umfang, nicht der Inhalt der Souveränität ist beschränkt...) [2]). —

---

[1]) Waitz: Назв. соч. стр. 43—46.

[2]) Waitz: Назв. соч. стр. 165—167.

Digitized by Google

Эта теорія дѣлимости суверенитета въ союзномъ государствѣ была принята или цѣликомъ или съ небольшими измѣненіями многими выдающимися юристами и публицистами какъ въ Германіи, такъ и въ другихъ странахъ, Гербером Арепсомъ, Молемъ, Рюттиманомъ, Миллемъ, Фриманомъ, Блумеромъ и др. [1]). Дѣлимость суверенитета въ союзномъ государствѣ принимаетъ и Блунчли [2]). Любопытно, однако, что писатели, принимавшіе дѣлимость суверенной государственной власти въ союзномъ государствѣ, сами утверждали какъ основной принципъ недѣлимость, единство государственной власти. Такъ самъ же Вайцъ говоритъ: «Государственная власть представляетъ собою единство существующихъ въ государствѣ силъ и средствъ» [3]).

«Раздѣленіе того, что составляетъ государственную власть, между различными членами государства, ведетъ къ разрушенію государства.

Но изъ этого не слѣдуетъ, что вся власть должна быть осуществляема однимъ органомъ: возможна совмѣстная дѣятельность нѣсколькихъ органовъ, и лишь такая дѣятельность устанавливаетъ правильный порядокъ [4]).»

Также Герберъ говоритъ о государственной власти: «ея свойство недѣлимости основывается на томъ, что она является духовной силой государственной личности народа» [5]). И все-таки эта не мѣшаетъ Герберу утверждать, что въ союзномъ государствѣ суверенная государственная власть дѣлится между союзомъ и членами [6]).

---

[1]) См. о нихъ Brie: Der Bundesstaat стр. 118 сл.
M. Seydel: Der Bundesstaatsbegriff въ Zeitschrift f. d. g. Staatswissenschaft 1872 B. 28 стр. 195 сл.

[2]) См. Блунчли: Современное международное право. Русскій переводъ подъ ред. гр. Комаровскаго 1876 § 20 стр. 102.

[3]) Waitz: Назв. соч. стр. 17.

[4]) Waitz: Назв. соч. стр. 19.

[5]) Gerber: Назв. соч. стр. 22.

[6]) Тамъ же стр. 25.

Digitized by Google

Точно также Блунчли утверждаетъ, что «такъ какъ государство представляетъ собою органическое тѣло, то единство суверенитета является требованіемъ его благополучія. Разчлененіе суверенитета ведетъ къ ослабленію и разрушенію государства» [1]).

Неудивительно, что эта противорѣчивая теорія дѣлимости суверенитета встрѣтила много противниковъ.

Такъ Гельдъ возражалъ противъ теоріи дѣлимости суверенитета, что «суверенитетъ является постулятомъ природы и идеи государства, а потому необходимо является единымъ и недѣлимымъ по содержанію и компетенціи [2]). Дѣлимость суверенитета есть абсолютная невозможность. Одна лишь попытка осуществить такое дѣленіе привела бы къ столкновенію обѣихъ частей, между которыми дѣлится суверенитетъ, и подчиненію одной части другой, т. е. къ потерѣ суверенитета одной изъ нихъ [3])».

Въ самой Америкѣ, гдѣ теорія дѣлимости суверенитета была положена творцами конституціи Соединенныхъ Штатовъ въ основаніе объясненія союзнаго строя, энергично возсталъ сенаторъ Кальгунъ. «Суверенитетъ, говоритъ Кальгунъ, высшая власть, не можетъ быть дѣлимъ. Немыслимо, чтобы народъ Соединенныхъ Штатовъ былъ частью суверенъ, частью несуверенъ, частью высшимъ, частью нѣтъ. Суверенитетъ—нѣчто цѣлое: раздѣлить его—значитъ уничтожить его» [4]). Съ точки зрѣнія Кальгуна, союзная конституція Соединенныхъ Штатовъ представляетъ собой не законъ, а нѣчто иное, какъ договоръ отдѣльныхъ суверенныхъ государствъ—штатовъ. Союзная власть не имѣетъ никакого суверенитета надъ отдѣльными государствами даже въ своей сферѣ и представляетъ собой лишь

[1]) Bluntschli: Allg. Staatslehre B. I. 1875 стр. 564.

[2]) J. Held: Die Verfassung d. D. Reiches 1872 стр. 19.

[3]) Held: Назв. соч. стр. 23 сл.

О другихъ ученыхъ, отвергавшихъ дѣлимость суверенитета, см. Brie: Der Bundesstaat стр. 142 сл.

[4]) J. C. Calhoun: Thi Works I. 1854 стр. 146.

Digitized by Google

сообща установленное штатами общее правительство для осуществленія строго опредѣленныхъ верховныхъ правъ. Не самыя права делегированы союзному правительству штатами, но лишь осуществленіе ихъ. Хотя Кальгунъ соглашался съ тѣмъ, что Соединенные Штаты отличаются отъ обыкновеннаго типа федераціи государствъ тѣмъ, что ихъ союзъ имѣетъ дѣйствительное правительство, независимое отъ правительствъ отдѣльныхъ штатовъ и воздѣйствующее непосредственно на отдѣльныхъ гражданъ, но доказывалъ, что все же единство суверенитета здѣсь сохраняется, такъ какъ за отдѣльными штатами удержана учредительная власть, хотя въ нѣсколько своеобразной формѣ, и органы какъ союзной власти, такъ и отдѣльныхъ правительствъ или посредственно или непосредственно установляются народами отдѣльныхъ штатовъ. Суверенитетъ, такимъ образомъ, принадлежитъ исключительно и нераздѣльно отдѣльнымъ штатамъ, каждое изъ нихъ сохраняетъ право нуллификаціи и сецессіи и согласно съ началами международнаго права можетъ отказаться отъ договора. Государство есть полное единство, и суверенная власть его всегда едина. Слѣдовательно, нѣсколько государствъ только въ томъ случаѣ могутъ составить новое государство, если сами потеряютъ свой суверенитетъ и государственный характеръ, войдя въ составъ новаго государства. Но тогда получится лишь единое простое государство. Во всѣхъ другихъ случаяхъ соединенія государствъ мы имѣемъ лишь договорное соединеніе суверенныхъ государствъ, федерацію государствъ, союзъ государствъ, но не союзное государство съ суверенитетомъ частей и цѣлаго; такого государства не можетъ быть [1]).

Какъ Кальгунъ въ Америкѣ, такъ и въ Европѣ нѣмецкій ученый, Максъ Зейдель направилъ свою критику противъ ученія о дѣлимости суверенитета и противъ идеи государства,

[1]) Ср. Brie: Назв. соч. стр. 195 сл.
Borel: Назв. соч. стр. 121—125.

Digitized by Google

состоящаго изъ государствъ, т. е. союзнаго государства [1]). Зейдель обращаетъ вниманіе на самопротиворѣчіе ученыхъ, которые доказываютъ, что власть государственная едина и недѣлима, и тѣмъ не менѣе допускаютъ дѣлимость суверенной государственной власти въ союзномъ государствѣ.

Если люди, живущіе на опредѣленной территоріи, говоритъ Зейдель, образуютъ государство, то они составляютъ совокупное цѣлое, являются зависимыми другъ отъ друга членами одного цѣлаго, а не изолированными и независимыми другъ отъ друга личностями. Эта совокупность людей должна быть управляема единой высшей волей. Эта воля можетъ быть различно организована (изъ воли одного физическаго лица или изъ многихъ взаимодѣйствующихъ воль различныхъ лицъ), но логически необходимо, чтобы эта воля была одной и единой. Если бы она была раздѣлена она потеряла бы свою сущность. Нѣсколько высшихъ воль парализуютъ одна другую, отрицаютъ другъ друга, а потому логически невозможны. Двухъ правъ собственности на одну и ту же вещь не можетъ быть, не можетъ быть и двухъ суверенныхъ властей для одного и того же государства. Нѣсколько воль могутъ соединяться въ одну, бываютъ, напримѣръ, сособственники и совластители, но они имѣютъ не различныя права, но одно и то же право. Полновластная, высшая и независимая, единая воля въ государствѣ и составляетъ государственную власть.

Такимъ образомъ, государственная власть есть высшая власть въ государствѣ, не имѣющая ни высшей надъ собой, ни равной себѣ власти. Государственная власть, какъ и собственность, не какая-то сумма правъ, которую можно дѣлить и уменьшать, но единое и цѣльное право. Государственная власть, какъ правильно говоритъ Гольцендорфъ, можетъ не

---

[1]) См. Seydel: Commentar zur Verfassungsurkunde f. d. D. Reich. 1873. Его же: Der Bundesstaatsbegriff въ Zeitschrift f. d. g. Staatswissenschaft B. 28 стр. 185 сл.

Digitized by Google

осуществлять тѣхъ или другихъ своихъ полномочій и даже не должна ихъ осуществлять во всей полнотѣ, но она необходимо должна имѣть возможность осуществлять ихъ всѣ, такъ какъ она, согласно съ принципомъ своего существованія, можетъ подчинять себѣ всѣ функціи народной жизни и частной дѣятельности, фактически поддающіяся господству. Мѣтко выразился Американецъ White 16 января 1865 въ палатѣ представителей: «меня такъ же нельзя увѣрить въ томъ, что можно служить двумъ суверенитетамъ, какъ и двумъ божествамъ» [1]). Понятіе союзнаго государства, продолжаетъ Зейдель, какъ оно установлено господствующимъ ученіемъ, не выдерживаетъ юридической критики, такъ какъ оно противорѣчитъ понятію государства [2]).

Утверждаютъ, что союзное государство есть государство, части котораго, въ свою очередь, являются государствами. Мы спрашиваемъ, восклицаетъ Зейдель, возможно-ли это логически? нѣтъ, невозможно. Вайцъ и его сторонники говорятъ, что союзная власть отличается отъ власти отдѣльныхъ государствъ тѣмъ, что ей принадлежатъ только нѣкоторыя верховныя права, но въ этой ограниченной сферѣ она управляетъ неограниченно и суверенно, исключительно изъ самой себя творитъ свое право.

Но государство есть совершенное высшее единеніе людей извѣстной страны. Государственная власть представляетъ полновластную, единую волю, властвующую надъ государствомъ. Эта воля не только одна, но она и недѣлима. Власть государственная не совокупность правъ, но право на государство [3]). Поэтому воля, которая не господствуетъ вполнѣ во всѣхъ мыслимыхъ отношеніяхъ надъ государствомъ, но только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и не смѣетъ распро-

[1]) Seydel: Bundesstaatsbegriff стр. 185—195.

[2]) Seydel: Тамъ же стр. 198

[3]) Это выраженіе Зейделя „право на государство“ понятно, если вспомнить, что у Зейделя не государство властвуетъ, а конкретный властитель властвуетъ надъ государствомъ.

Digitized by Google

страняться на остальныя отношенія, не можетъ быть государственной властью. Суверенитетъ, лишенный нѣкоторыхъ суверенныхъ полномочій или обладающій лишь отдѣльными полномочіями, не можетъ быть государственной властью. А тамъ, гдѣ нѣтъ государственной власти, нѣтъ и суверенитета.

Субтильное и обманчивое различіе устанавливаетъ Вайцъ, утверждая, что суверенитетъ можетъ быть ограниченъ не въ содержаніи, но въ объемѣ. Именно содержаніе сувеенитета состоитъ въ томъ, что онъ не имѣетъ никакого опредѣленнаго объема, подобно тому какъ и содержаніе права собственности. Суверенитетъ внутри государственной территоріи, надъ которой онъ властвуетъ, не можетъ наталкиваться ни на какія границы, поставленныя ему одинаково управомоченной властью. Суверенитетъ — не государственная власть, если онъ не представляетъ собою всю полноту государственной власти. Справедливо говоритъ Léon (la convention monétaire... 1863). «Il ne peut y avoir deux unités, car l'essence de l'unité c'est d'être une».

Такимъ образомъ то, что Вайцъ называетъ союзнымъ государствомъ, ни въ коемъ случаѣ нельзя считать государствомъ, такъ оно не имѣетъ государственной власти. Самъ Вайцъ опредѣляетъ государственную власть, какъ единство существующихъ въ государствѣ силъ или средствъ; какимъ же образомъ можетъ быть такой осколокъ власти единствомъ, и даже «единствомъ всѣхъ силъ государства»? Нельзя различать существенныя и несущественныя права суверенитета, такъ какъ всѣ полномочія, вытекающія изъ понятія суверенитета, одинаково существенны для него. Вайцъ самъ объявляетъ, что способъ, по которому подѣлены власти между союзнымъ государствомъ и государствами — членами, безразличенъ. Но, если такъ, то значитъ, что право объявленія войны или внѣшнія отношенія, или юстиція, или народное просвѣщеніе, могутъ быть подчинены суверенитету союзнаго государства.

Digitized by Google

Но тогда ни союзное государство, ни государство — членъ, на основаніи собственнаго же утвержденія Вайца, не могутъ быть государствами, такъ какъ имъ недостаетъ существенныхъ полномочій. Логическій выводъ изъ положеній Вайца и его сторонниковъ ведетъ къ ихъ отрицанію [1]).—

Но разъ Зейдель доказалъ невозможность дѣленія суверенитета въ союзномъ государствѣ, ему необходимо было принять одно изъ двухъ: суверенитетъ, какъ необходимый признакъ государства, или полностью принадлежитъ союзной власти, а члены такъ называемаго союзнаго государства являются лишь подчиненными провинціями единаго государства; или суверенитетъ, напротивъ, принадлежитъ полностью отдѣльнымъ государствамъ, и тогда никакого союзнаго государства и суверенной союзной власти не существуетъ, а такъ называемое неправильно союзное государство, государство, состоящее изъ государствъ, не представляетъ собой государства, а только федерацію, договорное отношеніе нѣсколькихъ суверенныхъ государствъ. Къ первому выводу пришелъ упомянутый нами выше ученый Гельдъ, а за нимъ и нѣкоторые другіе ученые, какъ увидимъ ниже. Гельдъ, хотя и признаетъ, что Германская Имперія не является вполнѣ совершеннымъ государствомъ, такъ какъ всѣ такъ называемыя соединенія государствъ представляютъ собой въ сущности этапы на почвѣ единенія или разъединенія народовъ, т. е. переходныя стадіи [2]), но утверждаетъ, что «въ отношеніи къ Германской Имперіи, какъ государственноправовому союзу, отдѣльныя нѣмецкія государства могутъ быть разсматриваемы только какъ самоуправляющіяся территоріальныя подраздѣленія» [3]).

Зейдель же, напротивъ, подобно Кальгуну, пришелъ ко второму изъ вышеуказанныхъ выводовъ, т. е., что суверенитетъ въ союзѣ принадлежитъ полностью отдѣльнымъ государ-

[1]) Seydel: Der Bundesstaatsbegriff стр. 198—204.
[2]) Held: Назв. соч. стр. 29.
[3]) Held: Назв. соч. стр. 143.

Digitized by Google

ствамъ, что такъ называемое союзное государство есть только союзъ государствъ, договорное отношеніе независимыхъ, суверенныхъ государствъ, и отвергнулъ понятіе союзнаго государства. Но подобно тому, какъ Кальгунъ различалъ «Confederacy» и Federal Government», Зейдель различаетъ международноправовой и государственноправовой союзы государствъ, которые различаются не по существу, но по внѣшнему строенію. Государственноправовой союзъ состоитъ въ томъ, что здѣсь суверенныя государства по союзному договору соединяются къ совмѣстному осуществленію государственноправовыхъ верховныхъ правъ. Этотъ договоръ находитъ свое осуществленіе лишь тогда, когда каждое отдѣльное государство обратило его у себя въ законъ: такой союзъ находится съ подданными отдѣльныхъ государствъ въ непосредственныхъ и постоянныхъ отношеніяхъ [1]).

Къ выводу, что суверенитетъ принадлежитъ не союзной власти, а отдѣльнымъ государствамъ, Зейдель приходитъ на основаніи анализа конституцій Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Швейцаріи и Германской Имперіи.

Мы не будемъ здѣсь входить въ разсмотрѣніе доказательствъ Зейделя, приводимыхъ имъ въ пользу своего мнѣнія, такъ какъ въ задачи нашей работы не входитъ спеціальное изслѣдованіе природы союзнаго государства. Замѣтимъ только, что всѣ доказательства Зейделя, что суверенитетъ принадлежитъ не союзной власти, а отдѣльнымъ членамъ союзнаго государства, и что такъ называемое союзное государство въ сущности является не государствомъ, а лишь договорнымъ отношеніемъ отдѣльныхъ суверенныхъ государствъ, въ настоящее время рѣшительно опровергнуты въ наукѣ, и мнѣніе Зейделя почти никѣмъ не поддерживается [2]). Если

[1]) Seydel: Commentar Einl стр XIV—XVI.

Ср. также Brie: Der Bundesstaat стр. 200 сл.

[2]) Критику воззрѣній Зейделя см. особенно у Laband: D. Staatsrecht d. D. Reiches B. I 1901 стр. 83 сл.

Rehm: Allg. Staatslehre стр. 127—143.

Digitized by Google

образованію союзнаго государства и его конституціи предшествовалъ договоръ между отдѣльными государствами, то самое союзное государство основано не на договорѣ, а законѣ, конституція союзнаго государства является собственнымъ закономъ союзнаго государства, а не международнымъ договоромъ и не суммой законовъ отдѣльныхъ государствъ. Она можетъ быть измѣнена лишь выраженной въ правомѣрныхъ формахъ волей самаго союзнаго государства, въ образованіи которой въ качествѣ органовъ союзнаго государства участвуютъ и вошедшія въ его составъ государства, но никакъ не волею этихъ государствъ, ни даже единогласнымъ ихъ рѣшеніемъ. Суверенитетъ принадлежитъ союзной власти, т. е. союзному государству, а отдѣльныя государства—несуверенны. Хотя послѣднія имѣютъ собственную сферу дѣйствія, такъ какъ въ ихъ компетенцію входятъ всѣ тѣ права, которыя опредѣленно не отнесены конституціей къ компетенціи союзной власти, но въ то время, какъ члены союзнаго государства никоимъ образомъ не имѣютъ права расширять свою компетенцію въ ущербъ компетенціи союзнаго государства, послѣднее имѣетъ право посредствомъ органовъ союзнаго законодательства, путемъ своихъ законовъ, измѣнять даже самую конституцію и безгранично расширять свою компетенцію, хотя бы противъ воли отдѣльнаго государства.

Это право предоставлено союзному государству конституціями всѣхъ союзныхъ государствъ [1]). Затѣмъ союзныя конституціи постановляютъ, что законы союзнаго государства являются высшими законами, которымъ подчиняются законы

Haenel: Studien zum Deutschen Staatsrechte 1873 стр. 51 сл.
Borel: Etude sur la Souveraineté et l'Etat fédératif 1886 стр. 121 сл.
Le Fur: Etat fédéral et confédération d'Etats 1896 стр. 543 сл.

[1]) См. напримѣръ Герм. Им. Конст. Art. 78.
Швейц. Союзн. Конст. Art. 118—123.
Конст. Соед. Шт. С. Америки Art. V.
Также Конституціи Южно Американскихъ союзныхъ государствъ; см. Le Fur назв. соч. стр. 219 сл.

Digitized by Google

членовъ союза [1]). Такимъ образомъ, власть союзнаго государства является не только высшей, суверенной въ той сферѣ, которая въ силу конституціи отнесена къ компетенціи союзнаго государства, но и въ той, которая предоставлена членамъ союза, такъ какъ союзной власти предоставлено право разрѣшать споры о компетенціи между союзомъ и его членами, а также споры о компетенціи членовъ между собою, и путемъ измѣненія конституціи союзная власть можетъ не только до крайности ограничить эту компетенцію, но даже совсѣмъ ее уничтожить. Власть членовъ союзнаго государства во всѣхъ отношеніяхъ подчинена суверенной власти союзнаго государства. Какъ справедливо замѣчаетъ Генель относительно юридическаго положенія членовъ Германской Имперіи, они и въ своей собственной внутренней сферѣ имѣютъ не какое-либо чуждое Имперіи и свободное отъ ея высшей правовой власти господство, но власть, входящую въ составъ Имперіи и подчиненную ей въ силу ея компетенціи компетенціи» [2]). «Неотразимымъ послѣдствіемъ Art. 78 Имперской конституціи, говоритъ Лабандъ, является то, что вся правовая сфера отдѣльныхъ государствъ находится въ распоряженіи правомѣрно выраженной воли Имперіи. Этимъ положеніемъ конституціи суверенитетъ, исключительное самоопредѣленіе отдѣльныхъ государствъ, отрицается и признается суверенитетъ Имперіи» [3]).

Но, если воззрѣнія Кальгуна и Зейделя на союзное государство, какъ на договорное отношеніе суверенныхъ государствъ, и ихъ отрицаніе государственнаго характера союзной власти были опровергнуты въ наукѣ, то, съ другой стороны, критика Кальгуна и Зейделя теоріи дѣлимости суверенитета была настолько основательной и строго логичной, что ученіе

[1]) См. Герм. Конст. Art. 2.
Швейцарская Конст. Art. 113.
Конст. С. Штатовъ С. Америки Art. VI § 2.

[2]) м. Haenel: D. Staatsrecht B. I стр. 805.

[3]) Laband: D. Staatsrecht B. I стр. 88.
Ср. также Rosin: Souveränetät, Staat, Gemeinde, Selbstverwaltung въ Annalen d. D. Reiches 1883 стр. 271.

Digitized by Google

о дѣлимости суверенитета вскорѣ было оставлено огромнымъ большинствомъ ученыхъ.

«Суверенитетъ, справедливо говоритъ Лабандъ, какъ свойство абсолютнаго характера, не допускаетъ никакого возвышенія или умаленія: онъ есть или его вовсе нѣтъ. Нѣтъ поэтому ни полусуверенитета, ни подѣленнаго, ни уменьшеннаго, ни зависимаго, ни относительнаго суверенитета» [1]).

Недѣлимость суверенитета вытекаетъ не только изъ самого понятія суверенной власти, какъ превосходной степени власти, но также изъ природы ея субъекта, т. е. единой юридической личности государства.

Ле-Фуръ оспариваетъ утвержденіе, что недѣлимость суверенитета вытекаетъ изъ природы суверенитета, какъ превосходной степени власти, какъ высшей власти, и доказываетъ, что эта недѣлимость вытекаетъ только изъ природы государства, которое всегда едино и недѣлимо.

Ле-Фуръ, утверждаетъ, что тѣ писатели, которые выводятъ недѣлимость суверенитета изъ понятія высшей власти, ошибаются, такъ какъ они приписываютъ словамъ: «высшій», «самый высокій» не относительное значеніе, какое очевидно имѣетъ въ данномъ случаѣ превосходная степень, но абсолютное. Такіе писатели забываютъ, говоритъ онъ, что высшая власть не есть необходимо исключительная и безграничная власть, не допускающая существованія наравнѣ съ собой другихъ такихъ же высшихъ властей. Нѣсколько властей могутъ

---

[1]) Laband: Staatsrecht B. I 1901 стр. 68.
Также Jellinek: Das Recht d. mod. Staates стр. 452.
Rosin: Souveränetät, Staat, Gemeinde, Sebstverwaltung стр. 270.
Liebe Staatsrechtl. Studien стр. 26 сл.
Zorn: D. Staatsrecht d. D. Reiches B. I 1880 стр. 47 сл.
Rehm: Allg. Staatslehre 1899 стр. 63—70, 193.
Hagens: Staat. Recht und Völkerrecht 1890 стр. 3.
Borel: Etude sur la souveraineté... стр. 51.
Combothecra: La conception juridique de l'Etat 1899 стр. 101 сл.
Le Fur: Etat fédéral .. стр. 488.
Gierke: Labands Staatsrecht und die deutsche Rechtswissenschaft въ Schmollers Jahrbuch 1883 стр. 1168.

Digitized by Google

быть въ одно и то же время высшими, каждая въ своей сферѣ. Иначе мы должны логически допустить, что существуетъ на землѣ лишь всего одна суверенная власть и не можетъ быть нѣсколькихъ суверенныхъ государствъ. Но, если нисколько не противорѣчитъ логикѣ сосуществованіе на землѣ многихъ суверенныхъ властей, изъ которыхъ каждая обладаетъ лишь чисто относительнымъ суверенитетомъ, лишь въ своихъ территоріальныхъ предѣлахъ, а въ абсолютномъ смыслѣ, т. е. даже внѣ своей герриторіи, имѣетъ только чисто отрицательное право — независимость, то нѣтъ никакихъ логическихъ препятствій, заключаетъ Ле-Фуръ, къ допущенію возможности сосуществованія на одной и той же территоріи нѣсколькихъ суверенныхъ властей, изъ которыхъ каждая обладала бы одинаково суверенитетомъ относительнымъ въ смыслѣ объема своихъ полномочій, но абсолютнымъ въ томъ смыслѣ, что въ границахъ этихъ полномочій она находилась бы въ состояніи полной независимости въ отношеніи ко всякой другой власти. Непонятно, почему суверенитетъ не можетъ дѣлиться не въ отношеніи своей территоріальной компетенціи, но въ отношеніи своихъ полномочій, своей матеріальной компетенціи. Трудность точнаго распредѣленія сферъ каждой власти и отсутствіе власти, которая авторитетно могла бы разрѣшать возникающіе отсюда конфликты между властями, нисколько не исключаютъ логической возможности такого распредѣленія матеріальной компетенціи и дѣлимости суверенитета между различными властями, такъ какъ эти конфликты бываютъ постоянно и между независимыми государствами [1]). —

Эти доводы въ доказательство того, что одно только понятіе высшей, суверенной власти, не исключаетъ ея дѣлимости, кажутся намъ совершенно неосновательными. Выводы Ле-Фура собственно основаны на дѣйствительно не вполнѣ

[1]) Le Fur: Назв. соч. стр. 484 сл.
Ср. также Wesberkamp: Staatenbund und Bundesstaat стр. 109.
Haenel: D. Staatsrecht B. I стр. 803
Bruno Schmidt: Der Staat 1896 стр. 135 сл.

Digitized by Google

удачномъ именованіи нѣкоторыми учеными суверенитета «абсолютной властью». Но въ существѣ дѣла и эти ученые отнюдь не утверждаютъ, что суверенитетъ есть абсолютно самая высшая власть на землѣ, т. е. такая, которая подчиняетъ вообще всякую другую власть на землѣ и потому самому не допускаетъ сосуществованія наравнѣ съ нею другихъ суверенныхъ властей. Понятіе абсолютнаго примѣняется тутъ къ суверенитету въ ограниченномъ смыслѣ. Этимъ выражаютъ лишь то, что въ опредѣленной сферѣ, въ которой господствуетъ одна высшая власть, не можетъ быть другой высшей, т. е. суверенной власти, такъ какъ самое понятіе высшей власти, превосходной степени власти, необходимо предполагаетъ, что всякая другая власть ниже ея въ этой сферѣ, не можетъ быть ей равной. Въ этомъ смыслѣ въ той сферѣ, гдѣ господствуетъ суверенная власть, она является абсолютно высшей и независимой властью Самъ Ле-Фуръ утверждаетъ, что такая власть внѣ сферы своего господства имѣетъ «абсолютную независимость», такъ какъ не зависитъ ни отъ какой власти. Но отсюда вытекаетъ, что такая власть внутри своей сферы является абсолютно высшей, т. е. ей подчиняется всякая другая власть. Если нѣсколько властей, дѣйствующихъ на опредѣленной территоріи имѣютъ каждая свою исключительную компетенцію, въ которой онѣ соотвѣтственно являются высшими, суверенными властями, то тутъ никакого дѣленія суверенитета нѣтъ, а существуетъ на одной территоріи нѣсколько различнаго рода властей, изъ которыхъ каждой принадлежитъ нераздѣльный суверенитетъ въ ея сферѣ. Суверенитетъ, какъ свойство власти дѣлить нельзя. Можно дѣлить лишь власть, если понимать ее какъ механическій аггрегатъ различныхъ полномочій. Но помимо того, что суверенитетъ, какъ свойство власти, выражающее ея превосходную степень не можетъ быть дѣлимъ, весь вопросъ о дѣлимости суверенитета сводится именно къ вопросу, можно ли раздѣлить суверенную государственную власть такъ, чтобы она не пе-

Digitized by Google

рестала отъ такого раздѣленія быть суверенной государственной властью, и чтобы путемъ такого дѣленія можно было создать на территоріи государства новую суверенную власть? На этотъ вопросъ сторонники дѣлимости суверенитета и отвѣчаютъ утвердительно, но самъ Ле-Фуръ, какъ и огромное большинство современныхъ ученыхъ, возможность такого дѣленія совершенно правильно отрицаетъ, указывая на то, что государственная власть вообще, слѣдовательно, и суверенная государственная власть, не представляетъ собой какого-то механическаго аггрегата опредѣленныхъ полномочій въ территоріальныхъ предѣлахъ государства, но органическое единство всѣхъ правомочій единой воли государственной личности, властвующей въ предѣлахъ всей территоріи государства. Единая личность государства и его единая властвующая воля не могутъ быть дѣлимы.

Самъ Ле-Фуръ совершенно правильно утверждаетъ, что «суверенитетъ недѣлимъ, такъ какъ онъ неотдѣлимъ отъ государства, которое всегда едино» [1]). Точно также относительно недѣлимости суверенитета въ союзныхъ государствахъ Ле-Фуръ указываетъ на то, что эта недѣлимость вытекаетъ изъ природы государства, какъ единой личности съ единой волей, и изъ положительноправовыхъ опредѣленій всѣхъ союзныхъ конституцій [2]).

И Генель, который подобно Ле-Фуру допускаетъ логически возможность существованія двухъ суверенныхъ властей на одной и той же территоріи и для одного и того же народа, разъ только ихъ задачи, сферы дѣйствія, строго разграничены, самъ тотчасъ же замѣчаетъ, что въ государствѣ нѣсколькихъ суверенныхъ властей не можетъ быть, такъ какъ ученіе о дѣлимости суверенитета и возможности существованія нѣсколькихъ суверенныхъ властей въ государствѣ противорѣчитъ реальной природѣ государства и его конкрет-

[1]) Le Fur. Назв. соч. стр. 488.
[2]) Le Fur. Назв. соч. стр. 488.

Digitized by Google

нымъ задачамъ, поскольку объ нихъ можно заключать изъ характера простого государства, и если бы можно было констатировать такое дѣленіе суверенитета и параллельное существованіе нѣсколькихъ суверенныхъ властей въ союзномъ государствѣ, то ни союзное государство ни его члены не могли бы быть признаны государствами въ полномъ смыслѣ этого слова. Положительное же право союзнаго государства противорѣчитъ теоріи дѣлимости суверенитета [1]). Итакъ, мы приходимъ къ выводу, что на территоріи одного и того же государства можетъ господствовать лишь одна суверенная государственная власть. Территорія государства составляетъ необходимый элементъ въ самомъ понятіи государства, какъ организаціи осѣдлаго населенія на опредѣленномъ пространствѣ земли, и является пространственнымъ предѣломъ государственнаго властвованія. Въ этихъ предѣлахъ суверенная государственная власть, какъ юридически организованная единая повелѣвающая воля юридической личности государства, юридически властвуетъ надъ всѣми лицами и союзами. Слѣдовательно, въ своей территоріальной сферѣ суверенная государственная власть исключаетъ всякую другую суверенную власть и сама не можетъ дробиться на нѣсколько суверенныхъ властей, такъ какъ тогда она не была бы самой высокой территоріальной властью, не говоря уже о томъ, что такое дѣленіе, дробленіе государственной власти, противно самой ея природѣ, какъ единой власти государства, которая представляетъ собою не сумму правъ властвованія, но потенціальную полноту ихъ всѣхъ [2]). Государственная власть, смотря по цѣлямъ, которыя она осуществляетъ и по формамъ, въ которыхъ она дѣйствуетъ, проявляется въ различныхъ функ-

[1]) Haenel: Назв. соч. стр. 803 сл.

[2]) Какъ выражается Рэмъ, государственная власть—„nicht eine Summe, sondern ein Inbegriff von Einwirkungsmöglichkeiten" „Die Staatsgewalt kann ihrer Natur als Inbegriff nach sachlich nicht in verschiedene Rechte und Aufgaben aufgetheilt werden....

См. Rehm: Allg. Staatslehre стр. 193 и 194.

Digitized by Google

ціяхъ, изъ которыхъ основными является законодательство, судъ и управленіе въ матеріальномъ и формальномъ смыслѣ [1]). Эти функціи и могутъ распредѣляться различнымъ образомъ между различными органами одного и того же государства такъ, что каждый органъ имѣетъ свою юридически опредѣленную сферу дѣйствія, компетенцію, но такъ какъ это органы одного и того же государства, осуществляющіе одну и ту же государственную власть, то никакого дѣленія государственной власти нѣтъ.

Своеобразную дѣлимость суверенитета и государственной власти стремится доказать Ремъ [2]).

Ремъ различаетъ именно государственную власть и суверенитетъ въ субъективномъ и объективномъ смыслѣ. Въ объективномъ смыслѣ суверенитетъ и государственная власть, говоритъ онъ, означаетъ состояніе силы, господство, какъ таковое: въ субъективномъ и переносномъ смыслѣ слова эти понятія означаютъ обладателя этой власти.

Совершенно справедливо, говоритъ затѣмъ Ремъ, что государственная власть и суверенитетъ въ объективномъ смыслѣ недѣлимы и едины. Напротивъ, въ субъективномъ смыслѣ государственная власть и суверенитетъ могутъ дѣлиться между многими обладателями власти, многими лицами или совокупностями таковыхъ и притомъ во всякомъ направленіи: идеально и реально, какъ въ отношеніи субъектовъ власти, такъ и ея носителей и высшихъ осуществителей. Изъ этого правила, впрочемъ, Ремъ дѣлаетъ одно исключеніе, а именно для государства, имѣющаго характеръ корпоративной личности. Здѣсь, говоритъ Ремъ, субъектомъ государственной власти можетъ быть только сама личность государства, такъ какъ личность едина и недѣлима. Но носителей и высшихъ осуществителей государственной власти можетъ быть много.—

[1]) О матеріальныхъ и формальныхъ функціяхъ государства см. Jellinek: D. Recht d. mod. Staates B. I стр. 558 сл.

[2]) Rehm: Allg. Staatslehre стр. 193—197.

Digitized by Google

Если мы оставимъ въ сторонѣ двусмысленное понятіе носителя власти, которое, какъ мы выше старались доказать, можетъ имѣть лишь значеніе или субъекта или органа государственной власти [1]), мы можемъ формулировать положеніе Рема слѣдующимъ образомъ: въ государствѣ, имѣющемъ характеръ корпоративной личности, власть и суверенитетъ въ субъективномъ смыслѣ могутъ дѣлиться различнымъ образомъ, и идеально и реально, между многими органами, въ государствахъ же, не имѣющихъ характера корпоративной личности суверенитетъ и государственная власть могутъ дѣлиться лишь между многими субъектами и органами. Прежде всего замѣтимъ, что распредѣленіе различныхъ функцій государственной власти, осуществленіе ея задачъ въ различныхъ правовыхъ формахъ различными органами ея не представляетъ собою, какъ мы уже говорили, никакого дѣленія самой государственной власти. Здѣсь власть не дѣлится ни въ объективномъ смыслѣ (и Ремъ самъ признаетъ, что власть въ такомъ смыслѣ едина и недѣлима), ни въ субъективномъ, такъ какъ органы—не субъекты государственной власти, а лишь осуществители единой государственной власти [2]). Но можетъ ли дѣлиться суверенная власть между многими субъектами? Ремъ допускаетъ такое дѣленіе для тѣхъ государствъ, которыя не имѣютъ, по его мнѣнію, характера корпоративной личности, но характеръ «учрежденія» (Anstaltscharakter). Государствами послѣдняго рода Ремъ признаетъ такія государства, которыя не сами собой управляются и не своими органами, какъ корпоративные союзы, но управляются извнѣ чужою волею, являются, хотя и юридическими личностями, но объектами чужого управленія, органы ихъ поставляются не ими самими, но другой государственной властью. Суверенныя государства, говоритъ при этомъ Ремъ, всегда обладаютъ корпоративнымъ

---

[1]) См. выше стр. 314 сл.

[2]) О дѣленіи власти здѣсь можно говорить лишь въ чисто образномъ и политическомъ смыслѣ, но не юридическомъ.

Digitized by Google

характеромъ, такъ какъ, при назначеніи ихъ органовъ извнѣ, суверенитетъ былъ бы устраненъ; несуверенныя же государства могутъ имѣть какъ корпоративный характеръ, такъ и характеръ учрежденій [1]).—

Но разъ суверенныя государства всегда имѣютъ корпоративный характеръ, а, по собственному утвержденію Рема, въ государствахъ съ такимъ характеромъ суверенитетъ не можетъ дѣлиться по субъектамъ, такъ какъ субъектъ государственной власти и суверенитетъ всегда одинъ, а именно сама личность государства, а не ея органы, несуверенныя же государства никакого суверенитета не имѣютъ, то, слѣдовательно, вообще ни о какомъ дѣленіи суверенитета въ субъективномъ смыслѣ не можетъ быть и рѣчи; утверждая противное, Ремъ явно противорѣчитъ самому же себѣ. Само собою далѣе разумѣется, что и въ тѣхъ союзахъ, которые Ремъ называетъ несуверенными государствами съ корпоративнымъ характеромъ, не можетъ быть дѣленія суверенитета и власти въ субъективномъ смыслѣ, такъ какъ суверенитета такія государства вовсе не имѣютъ, а субъектъ власти въ нихъ, какъ это утверждаетъ и самъ Ремъ, всегда одинъ, т. е. сама корпоративная личность.

Остаются, слѣдовательно, еще, такъ называемыя Ремомъ, несуверенныя государства съ характеромъ учрежденія (сюда Ремъ причисляетъ къ нимъ напримѣръ Эльзасъ-Лотарингію, Германскія Schutzgebiete. и нѣк. др.). Но такъ какъ и эти государства—несуверенны. то слѣдовательно, о дѣлимости въ нихъ суверенитета говорить нельзя. Дѣлимость же государственной власти въ субъективномъ смыслѣ въ этихъ союзахъ Ремъ принимаетъ потому, что признаетъ ихъ государствами.

Мы не будемъ здѣсь входить въ обсужденіе весьма спорнаго въ самой нѣмецкой научной литературѣ вопроса о юридическомъ характерѣ тѣхъ союзовъ, которые Ремъ называетъ

[1]) Rehm: Allg. Staatslehre стр. 160—161.

Digitized by Google

несуверенными государствами съ характеромъ учрежденій Большинство нѣмецкихъ ученыхъ совершенно отрицаютъ ихъ государственный характеръ. Наконецъ, разрѣшеніе этого вопроса связано съ разрѣшеніемъ общаго вопроса о несуверенныхъ государствахъ [1]).

Кромѣ указаннаго выше дѣленія суверенитета и государственной власти въ субъективномъ смыслѣ, Ремъ доказываетъ еще и, съ нашей точки зрѣнія, столь же неосновательно, возможность такъ называемаго пространственнаго дѣленія суверенитета. Именно Ремъ доказываетъ такую возможность дѣленія суверенитета, что государство для одной части своей территоріи будетъ сувереннымъ, для другой же части своей территоріи несуверенымъ. Понятіе суверенитета, говоритъ Ремъ, исключаетъ лишь такое дѣленіе его, при которомъ на одной и той же территоріи могли бы властвовать нѣсколько суверенныхъ государственныхъ властей. На одной и той же территоріи можетъ властвовать лишь одна высшая власть. Но этому нисколько не противорѣчитъ такое положеніе, при которомъ государство обладаетъ исключительнымъ суверенитетомъ на одной части своей территоріи, на другой же части своей территоріи оно несуверенно. Здѣсь нѣтъ дѣленія суверенитета съ другимъ субъектомъ въ отношеніи одной и той же территоріи, но только исключительное обладаніе суверенитетомъ только въ отношеніи одной части собственной территоріи. Такимъ образомъ здѣсь дѣлится суверенитетъ не надъ одной и той же территоріей, но надъ различными территоріями.

Здѣсь нѣтъ совмѣстнаго суверенитета надъ одной и той же вещью, но единый суверенитетъ надъ реальнымъ кускомъ (Stück) сложной вещи. Рѣчь, слѣдовательно, идетъ не о дѣленіи свойства высшаго, не о матерьяльномъ дѣленіи суверенитета надъ всей государственной территоріей, что невозможно,

[1]) Противъ ученія Рема о государствахъ, имѣющихъ характеръ объекта и учрежденія, см. справедливыя замѣчанія Еллинека: Das Recht d. mod. Staates B. I стр 148 пр. 1.

Digitized by Google

но о пространственномъ дѣленіи, о существованіи матеріально (sachlich) недѣлимаго суверенитета надъ одной частью государственной территоріи. Поэтому юридическое отношеніе Великаго Герцогства Гессена къ Сѣверо-германскому союзу отъ 1 іюля 1867 по 31 декабря 1870 было вполнѣ согласно съ понятіемъ суверенитета, такъ какъ Гессенъ и Сѣверо-германскій союзъ обладали каждый суверенитетомъ надъ различными частями территоріи Гессена: Гессенъ надъ южною своею частью, союзъ надъ сѣверною частью [1]) —

Замѣтимъ прежде всего, что территорія, какъ необходимый элементъ въ понятіи государства, какъ союза осѣдлыхъ людей, и какъ пространственный предѣлъ, въ которомъ государство можетъ осуществлять свою власть во всей ея полнотѣ, исключаетъ возможность властвованія въ предѣлахъ одной и той же территоріи двухъ государствъ. Это—такъ называемый принципъ «непроницаемости» государственной территоріи [2]).

---

[1]) Rehm: Allg. Staatslehre стр. 197—198.

[2]) Это понятіе территоріи, какъ пространственнаго предѣла государственнаго властвованія, а не какъ объекта вещнаго права или властвованія государства, впервые вполнѣ ясно установлено покойнымъ профессоромъ Кіевскаго Университета Незабитовскимъ въ его диссертаціи „Ученіе публицистовъ о междугосударственномъ владѣніи“ 1860.

Позднѣе такое же понятіе территоріи развилъ нѣмецкій ученый Фрикеръ въ своей брошюрѣ „Vom Staatsgebiete“ 1867.

См. объ этомъ Шалландъ: Юридическая природа территоріальнаго верховенства 1903 г. т. I стр. 123 сл.

Ср. также Jellinek: D. Recht d. mod. Staates B. I стр. 356 сл.

О кажущихся исключеніяхъ изъ этого правила при такъ называемомъ кондоминатѣ или вѣрнѣе, совластвованіи (coimperium) по соглашенію нѣсколькихъ государствъ на опредѣленномъ участкѣ земли, не входящемъ въ составъ ихъ территорій, при чемъ это совмѣстное властвованіе образуетъ особую власть въ предѣлахъ этого участка земли, отличную отъ власти каждаго изъ совластвующихъ государствъ; далѣе при уступкѣ по своей волѣ однимъ государствомъ другому государству упражненія правъ власти на своей территоріи, далѣе въ военной оккупаціи непріятельской территоріи и, наконецъ, въ союзномъ государствѣ. См. Jellinek: D. R. d. mod. Staates стр. 357 сл. Шалландъ: Назв. соч. т I стр. 28 сл.

Digitized by Google

Ремъ же указываетъ именно на возможность пространственнаго дѣленія суверенитета, такъ какъ утверждаетъ, что государство на одной части своей территоріи можетъ быть суверенным, на другой же нѣтъ. Мы замѣтимъ на это, что если территорія суверенаго государства является во всемъ ея объемѣ исключительно собственной территоріей этого государства, то никакого пространственнаго дѣленія суверенитета не можетъ быть въ томъ смыслѣ, какъ говоритъ Ремъ. Такое государство не можетъ быть на одной части своей территоріи суверенным, на другой же несуверенным. Указываемое Ремомъ, положеніе государства Гессена было совсѣмъ иное Часть его территоріи перестала быть исключительно его собственной и сдѣлалась составною частью другого суверенаго государства, а именно Сѣверо-Германскаго союза [1]). Въ силу этого эта часть территоріи Гессена получила совершенно иной юридическій характеръ, нежели та часть его территоріи, которая продолжала исключительно быть территоріей Гессена. Поэтому и власть Гессена въ предѣлахъ прежде исключительно ему принадлежавшей части территоріи, послѣ того, какъ эта часть вошла въ составъ территоріи союза, получила совершенно иной характеръ и сдѣлалась подчиненной властью. Можно даже усумниться продолжали ли такъ раздробленныя южная и сѣверная части Гессена оставаться однимъ и тѣмъ же государствомъ съ одной и той же властью, и не образовалось ли въ этихъ частяхъ два различныхъ государственныхъ союза съ различными властями. Во всякомъ случаѣ, утвержденіе Рема о пространственной дѣлимости суверенитета государства, какъ видно изъ приводимаго Ремомъ примѣра, основано скорѣе на игрѣ понятіемъ «собственная территорія». Нечего уже говорить.

---

[1]) См. Конст. Сѣверо-Германскаго Союза Art. I: Территорія союза состоитъ изъ государствъ (перечисляются государства, вошедшія въ союзъ)..... и изъ расположенныхъ на сѣверъ отъ Майна частей Великаго Герцогства Гессенъ.

Digitized by Google

что то отношеніе, которое возникло между Гессеномъ и Сѣверо-Германскимъ союзомъ вслѣдствіе этого своеобразнаго дробленія территоріи было до крайности непормально, и Гессенъ со своимъ суверенитетомъ въ остальной части территоріи былъ поставленъ въ крайне тяжелое положеніе [1]).

Такое крайне непормальное и двусмысленное юридическое положеніе государства, думаемъ мы, нельзя приводить въ доказательство пространственнаго дѣленія суверенитета на территоріи одного и того же государства.

Итакъ, ни о какой дѣлимости суверенитета говорить нельзя. Слова Кальгуна, что «суверенитетъ есть нѣчто цѣльное, раздѣлить значить его уничтожить» совершенно справедливы. Неудивительно поэтому, если ученіе о дѣлимости суверенитета отвергнуто теперь большинствомъ ученыхъ, изслѣдовавшихъ юридическую природу государственной власти и суверенитета [2]).

Разъ суверенитетъ нельзя дѣлить, то нельзя говорить ни о какомъ уменьшенномъ суверенитетѣ, относительномъ суверенитетѣ и полусуверенитетѣ [3]).

---

[1]) См. H. Schulze: Einl. i. d. D. Staatsrecht 1867 стр. 425—440.

[2]) Противъ утвержденія Rümelin'a (въ Zeitschrift f. d. g. Staatsw. B. 39 1883 стр. 195 сл.) продолжающаго утверждать, что въ Германской Имперіи существуетъ дѣйствительное дѣленіе суверенитета, Гирке (въ Schmollers Jahrbuch 1883 г. стр. 1160 пр. 1) замѣчаетъ: „Рюмелинъ утверждаетъ, что, поскольку въ Имперіи суверенитетъ раздѣленъ, она является не союзнымъ государствомъ, но „союзомъ государствъ". Кромѣ того Имперія, „поскольку" она властвуетъ непосредственно надъ народомъ, является „единымъ государствомъ". Наконецъ, Имперія является также и настоящимъ „союзнымъ государствомъ", но, „поскольку она лишь контролируетъ собственное самоуправленіе государствъ—членовъ". Такимъ образомъ, заключаетъ Гирке, Имперія опять оказывается, „monstro tantum simile".

[3]) Термины эти особенно въ ходу у писателей по международному праву. Новую попытку отстоять понятіе „полусуверенитета" дѣлаетъ Boghitchévitch въ своемъ соч. Halbsouveränität 1903. Онъ утверждаетъ, что выраженіе „полусуверенитетъ" означаетъ „не количественное, но качественное отношеніе"; о механическомъ дѣленіи суверенитета на равныя доли въ смыслѣ половиннаго, раздѣленнаго суверенитета, которое допустилъ Вайцъ въ своей конструкціи союзнаго государства, не можетъ

Digitized by Google

Единство и недѣлимость суверенитета необходимо обусловлены самимъ понятіемъ суверенитета, какъ свойства государственной власти, въ силу котораго она является высшею и независимою правовою властью [1]).

Намъ остается еще упомянуть объ одномъ свойствѣ, которое приписывалось суверенитету съ давнихъ временъ и которое особенно торжественно было провозглашено Руссо и французскими конституціями. [2])—неотчуждаемости. Идея не-

---

быть и рѣчи (см. стр. 139). Понятіе полусуверенитета возможно обосновать лишь на ограничиваемости суверенитета. Современное понятіе полусуверенитета имѣетъ свое правовое основаніе въ отношеніяхъ властвованія. Оно обусловлено суверенитетомъ верховнаго государства (Oberstaates). Въ силу своей опредѣляемости собственною волею суверенное государство можетъ надѣлить извѣстную территоріальную корпорацію верховными правами, предоставить ей непосредственное воздѣйствіе на живущихъ на ея территоріи людей, т. е дать ей то, что составляетъ необходимое требованіе государственной власти. И вотъ такую территоріальную корпорацію, которая отъ другой суверенной территоріальной корпораціи получила къ осуществленію внутреннія или вдобавокъ еще внѣшнія верховныя права въ такой мѣрѣ, что, если бы эти права вытекали изъ нея самой, она была бы суверенной, мы называемъ, говоритъ Богичевичъ, „полусуверенной". (См. стр. 139 сл.).

Сообразно съ этимъ (на стр. 148) Богичевичъ даетъ слѣдующее опредѣленіе полусуверенитета: „полусуверенитетъ—такое правоотношеніе между суверенной государственной властью, сюзереномъ и созданной ею самою другой государственной властью, полусувереннымъ государствомъ, въ силу котораго на полусуверенное государство въ силу собственной власти сюзерена должна быть перенесена цѣликомъ административная автономія для осуществленія ея по собственному праву, а политическая автономія можетъ быть перенесена".—

Оказывается, слѣдовательно, что полусуверенное государство Богичевича никакой собственной власти не имѣетъ, а лишь собственное осуществленіе въ силу дозволенія суверенаго государства чужой власти. Ясно, что никакого подобія суверенной власти здѣсь нѣтъ, а мы имѣемъ дѣло съ несуверенной властью.

[1]) Zorn: D. D. Staatsrecht B. I 1880 стр. 46 опредѣляетъ даже суверенитетъ, какъ „единство всѣхъ правъ властвованія". Но, какъ справедливо замѣчено уже Еллинекомъ, тутъ смѣшивается слѣдствіе съ основаніемъ. Единство это вытекаетъ изъ существа суверенаго государства но не представляетъ самого суверенитета.

См. Jellinek: Die Lehre v. d. Staatenverb. стр. 27.

[2]) См. выше ч. I стр. 196.

Digitized by Google

отчуждаемости суверенитета, какъ мы видѣли изъ исторіи, играла двоякую роль: политическую и юридическую.

Въ политическомъ отношеніи принципомъ неотчуждаемости суверенитета монархисты стремились доказать, что, несмотря ни на какія ограниченія власти монарха, монархъ этимъ не отчуждаетъ своего суверенитета, который въ монархіи всегда принадлежитъ монарху, такъ какъ суверенитетъ неотчуждаемъ. Монархъ лишь делегируетъ осуществленіе тѣхъ или другихъ своихъ суверенныхъ правъ подчиненнымъ ему лицамъ въ государствѣ. Сторонники же народнаго суверенитета, наоборотъ, доказывали, что монарху лишь делегировано народомъ осуществленіе суверенитета, самый же суверенитетъ въ государствѣ всегда, неотчуждаемо, принадлежитъ самому народу.

Какъ мы доказывали уже выше, суверенитетъ не принадлежитъ ни монарху, ни народу, а самому государству. Суверенитетъ можно назвать неотчуждаемымъ лишь въ томъ смыслѣ, что суверенитетъ не можетъ быть отчужденъ въ государствѣ какому-либо лицу или собранію лицъ, такъ какъ онъ можетъ принадлежать только самому государству, какъ цѣлому, какъ юридической личности, а не тѣмъ или другимъ лицамъ въ государствѣ или же его органамъ, которые лишь осуществляютъ суверенную власть государства.

Въ этомъ смыслѣ идея неотчуждаемости суверенитета имѣла также и юридическое значеніе у тѣхъ писателей, которые, какъ Боденъ и Гоббесъ утверждали, что суверенитетъ въ монархіи всегда неотчуждаемо принадлежитъ монарху, или какъ сторонники народнаго суверенитета, какъ Руссо, утверждали, что суверенитетъ принадлежитъ всегда неотчуждаемо самому народу (peuple en corps). Они отождествляли именно ошибочно монарха или народъ съ самимъ государствомъ, но при такомъ отождествленіи высказывали въ сущности вѣрную мысль [1]).

[1]) Ср. Combothecra: Conception juridique de l'Etat стр. 119 сл. Въ

Digitized by Google

Ясно также, что нельзя отчуждать ни одной части суверенитета, такъ какъ это значило бы дробить суверенитетъ, а суверенитетъ по самому свойству своему недѣлимъ. Добровольное предоставленіе государствомъ осуществленія тѣхъ или другихъ его правъ властвованія другому лицу или государству, какъ мы уже указывали, не умаляетъ суверенитета. Но неотчуждаемость суверенитета нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что конкретное государство никогда не можетъ лишиться своего суверенитета. Государство, хотя бы добровольно, подчинившееся другому государству, отказавшееся отъ своей высшей власти въ пользу другого государства, какъ это мы видимъ въ союзномъ государствѣ, утрачиваетъ свой суверенитетъ. Осуществленіе всякаго договора государства о подчиненіи другому государству, есть отказъ или отчужденіе имъ своего суверенитета. Утрачиваетъ-ли всегда съ лишеніемъ суверенитета государство и свой государственный характеръ, зависитъ отъ разрѣшенія общаго вопроса, составляетъ-ли суверенитетъ необходимый признакъ государства.

Къ этому вопросу мы теперь и перейдемъ.

этомъ отношеніи нападки Блунчли (Bluntschli Allg. Staatslehre B. I 1875 стр. 565) на Руссо, какъ справедливо доказываетъ Combotheera, неосновательны.

Digitized by Google

ГЛАВА IX.

Суверенитетъ, какъ отличительный признакъ государства.

Съ тѣхъ поръ, какъ Боденъ рѣшительно опредѣлилъ государство, какъ «un droit gouvernement de plusieurs mesnages et de ce que leur est commun avec puissance souveraine», въ суверенной власти нашли признакъ, отличавшій государство, какъ особую категорію территоріальныхъ союзовъ властвованія, отъ всякаго другого общественнаго союза: до этого времени понятіе государства, какъ мы видѣли выше, было крайне неясно. Понятіе суверенитета съ этого времени было положено въ основу юридическаго пониманія государства, его отношеній къ другимъ государствамъ и подчиненнымъ государству лицамъ и союзамъ.

Какое бы названіе не носилъ территоріальный суверенный союзъ, если онъ обладалъ суверенитетомъ, такой союзъ признавался государствомъ въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ подчиненныхъ союзовъ и корпорацій. Несуверенные территоріальные союзы называютъ провинціями, общинами, территоріями, округами, колоніями и т. д., или ихъ всѣхъ подводятъ просто подъ общую категорію «общинъ» и «провинцій» государства.

Правда, названія «estat, état, «Staat», примѣняемыя къ государству, примѣнялись иногда и къ тѣмъ союзамъ, которые хотя и обладали весьма большою автономіей, но не были суверенными союзами, такъ какъ юридически были подчинены

Digitized by Google

власти высшаго союза, какъ, напримѣръ, территоріи Германской Имперіи до ея распаденія въ 1806, но это словоупотребленіе, съ одной стороны, объясняется неустановившейся еще твердо терминологіей «государства», такъ какъ термины, служившіе у разныхъ народовъ въ разныя эпохи къ обозначенію государства, какъ то: πόλις, χώρα, respublica, imperium, regnum, populus, status, stato, estat, état, Staat и т. д. не имѣли строго опредѣленнаго смысла и употреблялись часто въ весьма различныхъ значеніяхъ [1]), съ другой же стороны, это именованіе находило извѣстное оправданіе въ нѣкоторомъ сходствѣ организаціи такихъ несуверенныхъ союзовъ съ суверенными союзами и въ постоянномъ стремленіи этихъ союзовъ къ освобожденію отъ тѣхъ связей, которыя ставили ихъ въ подчиненное положеніе.

На этомъ были основаны доктрины нѣкоторыхъ германскихъ публицистовъ 17 и 18 в.в. о majestas analoga, о subalterna potestas, о полусуверенитетѣ, объ относительномъ суверенитетѣ. Желая доказать государственный характеръ территорій германской имперіи и власти ландестеровъ, но встрѣчая препятствіе въ общепринятомъ воззрѣніи на суверенитетъ, какъ на необходимый признакъ государства, нѣкоторые германскіе публицисты старались видоизмѣнить это понятіе такъ, чтобы оно могло подойти и къ тѣмъ союзамъ, государственный или по крайней мѣрѣ государствоподобный характеръ которыхъ имъ хотѣлось доказать [2]).

Мы видѣли, что еще Пуффендорфъ возсталъ противъ такихъ ученій о суверенитетѣ. Впрочемъ, были также писатели, которые прямо объявили, что суверенитетъ не является существеннымъ признакомъ государства, и что, слѣдовательно,

---

[1]) О крайне неопредѣленной и колеблющейся терминологіи государства см. Jellinek: Das Recht d. mod. Staates B. I стр. 115—121.

Ernest Nys: L'État et la notion de l'état въ Revue de droit international 1901 t. III стр. 419 сл.

[2]) См. выше ч. I стр 121—152, стр. 268 сл., и ч. II стр. 286 сл.

Digitized by Google

существуютъ и несуверенныя государства. Но въ наукѣ прочно держался взглядъ, что суверенитетъ необходимый аттрибутъ государства.

Вслѣдствіе этого, когда въ 19 вѣкѣ въ Америкѣ и Европѣ возникъ вопросъ о юридическомъ характерѣ такъ называемаго союзнаго государства, публицисты, стремившіеся доказать государственный характеръ какъ самаго союзнаго государства, такъ и его частей, прибѣгли, какъ мы видѣли, къ теоріи дѣлимости суверенитета въ союзномъ государствѣ. Но когда эта теорія дѣлимости была отвергнута и было доказано, что суверенитетъ принадлежитъ лишь союзной власти, а члены союзнаго государства являются несуверенными, тѣмъ писателямъ, которые все же держались воззрѣнія, что члены союзнаго государства являются сами государствами, и что союзное государство представляетъ собою типъ государства, состоящаго изъ государствъ, ничего болѣе не оставалось, какъ отвергнуть воззрѣніе, что суверенитетъ составляетъ необходимый признакъ государства и доказывать возможность существованія несуверенныхъ государствъ. Ограничиться однимъ голословнымъ утвержденіемъ, что суверенитетъ не является существеннымъ признакомъ государства, было невозможно уже потому, что именно суверенитетъ, по общему мнѣнію, признавался единственнымъ юридическимъ критеріемъ государства, отличающимъ его отъ всѣхъ прочихъ территоріальныхъ союзовъ, осуществлявшихъ публичноправовую власть. Нужно, слѣдовательно, было найти другой признакъ государства, посредствомъ котораго можно было бы и несуверенное государство отличить отъ негосударственныхъ территоріальныхъ союзовъ властвованія. При этомъ нельзя было ссылаться на одну терминологію, т е. на то, что нѣкоторымъ несуверенным союзамъ придавались такія названія, которыя могло носить лишь государство, во-первыхъ потому, что эта терминологія, какъ мы указывали уже выше, была весьма двусмысленной и измѣнчивой, во-вторыхъ популярное

Digitized by Google

словоупотребленіе и ходячія представленія не могли служить масштабомъ для точной научной юридической терминологіи и научной конструкціи понятій.

Правильно замѣчаетъ одинъ изъ главнѣйшихъ представителей теоріи несуверепнаго государства, Еллинекъ, что «научное, независимое отъ ходячаго словоупотребленія, разрѣшеніе вопроса зависитъ исключительно отъ возможности констатированія политическихъ образованій, которымъ, съ одной стороны, нельзя никоимъ образомъ приписать суверепитетъ, но которыя, съ другой стороны, обнаруживаютъ существенный признакъ, отличающій ихъ отъ входящихъ въ составъ государства и ему подчиненныхъ корпорацій. Если такія политическія образованія логически невозможны, то юридическая послѣдовательность требуетъ, чтобы только суверепное государство признавалось государствомъ, а всѣ противорѣчащія этому признанію утвержденія были устранены изъ области юриспруденціи» [1]).

Такимъ образомъ неизбѣжной задачей публицистовъ, утверждающихъ существованіе несуверепныхъ государствъ, явилось такое формулированіе понятія государства, которое дало бы возможность отличить и несуверепное государство отъ общинъ и провинцій государства и вообще различныхъ самоуправляющихся союзовъ (Communalverbänden).

Первое рѣшительное нападеніе на общепринятое понятіе суверепнаго государства дѣлаетъ нѣмецкій ученый Георгъ Мейеръ [2]). Хотя еще раньше Моль и Пёцль [3]) высказали, что суверепитетъ не является необходимымъ признакомъ государства, но они не пользовались этимъ утвержденіемъ въ своихъ государственноправовыхъ конструкціяхъ и въ част-

---

[1]) Jellinek: Die Lehre v. d. Staatenverb. стр. 39.

[2]) G. Meyr: Grundzüge des Norddeutschen Bundesrechts 1868.

Его же: Staatsrechtl. Erörterungen über die Deutsche Reichsverfassung 1872.

[3]) Mohl: Encyklopädie der Staatswissenschaften 1859 стр. 80—81.

Pözl: Staatswörterbuch v. Bluntschli und Brater II стр. 285.

Digitized by Google

ности Моль въ своемъ объясненіи природы союзнаго государства примкнулъ къ ученію о дѣлимости суверенитета между союзнымъ государствомъ и его частями.

Георгъ же Мейеръ приходитъ къ тѣмъ выводамъ, что понятіе суверенпаго государства, установленное Боденомъ, непригодно для всѣхъ временъ и народовъ; оно означаетъ лишь опредѣленный фазисъ политическаго развитія, простое, единое государство, какъ оно, напримѣръ, развилось во Франціи и Англіи. Но такой формой государства не исчерпываются комбинаціи политической и національной жизни и, смотря по различію этихъ комбинацій, слово «государство» получаетъ весьма различное значеніе. Англія и Франція представляютъ собою политическіе союзы иного рода, чѣмъ сѣвероамериканскіе штаты, швейцарскія и нѣмецкія государства.

Въ виду такого многообразнаго значенія понятіе «государства» его не слѣдуетъ, говоритъ Г. Мейеръ, полагать въ основаніе политической науки. Для этого болѣе пригодно общее научное понятіе «политическаго общественнаго союза» (des politischen Gemeinwesens). Сумма всѣхъ политическихъ союзовъ, которые находятся другъ къ другу въ отношеніи вышестоянія и нижестоянія, образуетъ совокупный политическій организмъ. Такіе организмы именно представляютъ собою Англія, Франція, Австрія, Германія, Швейцарія, Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Этимъ сложнымъ политическимъ организмамъ принадлежитъ осуществленіе ряда задачъ, совокупность которыхъ называютъ обыкновенно государственной цѣлью. Но лишь путемъ конкретнаго изслѣдованія отдѣльной политической организаціи можно установить, въ какомъ размѣрѣ участвуетъ каждый изъ политическихъ союзовъ въ осуществленіи этой цѣли, равно какъ степень господства и подчиненія, въ которомъ находятся эти союзы. Лишь на основаніи такого спеціальнаго изслѣдованія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можно отвѣтить, какому именно изъ данныхъ союзовъ можетъ быть приписанъ суверени-

Digitized by Google

тетъ и какое понятіе связывается съ словомъ «государство» [1]).

Освободившись, такимъ образомъ, отъ стѣснительнаго понятія государства, какъ суверенаго союза, и поставивъ на его мѣсто «болѣе общее», но весьма неопредѣленное понятіе «совокупнаго политическаго организма», Георгъ Мейеръ, оперируя съ понятіемъ «политическаго союза», утверждаетъ, что союзное государство можетъ быть понято только, какъ дальнѣйшее кольцо въ цѣпи политическихъ организацій, которыя основаны на провинціяхъ и общинахъ. Кто это отрицаетъ, говоритъ Георгъ Мейеръ, тотъ лишаетъ союзное государство его необходимаго и естественнаго основанія. Этимъ основаніемъ союзнаго государства и являются несуверенныя государства» [2]).

Въ своемъ же «учебникѣ германскаго государственнаго права» Георгъ Мейеръ даетъ слѣдующее болѣе ясное опредѣленіе государства: государствами, говоритъ онъ, являются всѣ тѣ политическіе союзы, которые обладаютъ полномочіемъ осуществлять самостоятельно, т. е. по собственнымъ законамъ, политическія задачи и самостоятельно, т. е. посредствомъ собственныхъ законовъ, организовать свой строй.

Государства распадаются на: а) суверенныя, т. е. такія, которыя не подчинены никакой высшей власти; в) и несуверенныя государства, т. е. такія, надъ которыми высшему политическому союзу принадлежитъ ограниченное властвованіе [3]).

Вслѣдъ за Георгомъ Мейеромъ рядъ другихъ германскихъ ученыхъ (Лабандъ, Германъ, Шульце, Еллинекъ, Бри, Розинъ, Либе, Ремъ....) утверждаютъ, что суверенитетъ, какъ признакъ государства, не можетъ имѣть безусловнаго значенія для всѣхъ временъ, а представляетъ собою лишь историческую категорію, что онъ обозначаетъ собою лишь извѣ-

[1]) G. Meyer: Staatsrechtl Erörterungen стр. 8 сл.
[2]) Тамъ же 18, стр. 82.
[3]) G. Meyer: Lehrb. d. D. Staatsrechtes 1895 стр. 8.

Digitized by Google

стную стадію въ развитіи государства и представленій о немъ, что и прежде существовали и въ настоящее время существуютъ не только суверенныя, но и несуверенныя государства.

Доводы, приводимые въ доказательство этого мнѣнія, сгруппированы однимъ изъ главнѣйшихъ его представителей проф. Георгомъ Еллинекомъ [1]).

Они сводятся къ слѣдующему: средневѣковое государство не было сувереннымъ Въ то время, когда церковь возводила королей на троны и низлагала ихъ, когда она устанавливала «миръ Божій», и, не взирая на государство, примѣняла свое право въ своихъ судахъ, она была высшею властью надъ государствомъ. Само государство въ своей внутренней сферѣ встрѣчало непреодолимыя границы въ правѣ различныхъ входящихъ въ его составъ властей, корпорацій и феодаловъ, стѣснявшихъ свободу дѣйствій государства. Но и такое государство все же было государствомъ; попытки церковныхъ писателей признавать отдѣльныя государства провинціями Имперіи, представляютъ собой не что иное, какъ частое въ эту эпоху перенесеніе традиціонныхъ античныхъ представленій на неясно представляемый новый строй отношеній.

Но даже независимо отъ этихъ общихъ ограниченій государства, обусловленныхъ историческимъ положеніемъ средневѣковаго міра, невозможно при помощи суверенитета понять средневѣковыя государственныя отношенія. Могущественныя государства стояли въ ленныхъ отношеніяхъ къ другой власти. Городскія общины, которыя не отрицали своего подчиненія Имперіи, соединялись между собою въ мощные международные союзы. Ганзейскіе города ни въ своей совокупности, ни въ отдѣльности, не были суверенными, но съ современной точки зрѣнія они гораздо полнѣе осуществляли государственныя задачи, нежели обнимающая ихъ Имперія.

Подведеніе всей массы средневѣковыхъ автономныхъ сою-

[1]) Jellinek: Das Recht d. mod. Staates B. I стр. 443—446.

Digitized by Google

зовъ подъ современное понятіе общиннаго самоуправленія было бы, говоритъ Еллинекъ, неисторическимъ перенесеніемъ современныхъ воззрѣній на совершенно иной міръ государственныхъ отношеній.

Далѣе, самъ Боденъ и его послѣдователи должны были для объясненія современныхъ имъ государственныхъ отношеній, допустить различныя оттѣнки суверенитета. Такъ Боденъ говоритъ о суверенахъ, которые «absolument souverains» и тѣхъ, которые не являются «абсолютно» суверенными, а Loiseau въ своемъ «Traité des seigneuries», утверждающій рѣшительно тождество государства и суверенитета, долженъ все же допустить существованіе «princes subjects» съ суверенными правами и замѣчаетъ далѣе, что протекторатъ, уплата дани и ленная зависимость «rabaissent et diminuent le lustre de l' Estat souverain, qui sans doute n'est pas si pur, si souverain et si majestatif (s'il faut ainsi dire) quand il est subject à ces charges».

Также и послѣдующіе писатели естественно правовой школы, напримѣръ Нетельбладтъ, признавали существованіе несуверенныхъ государствъ, которымъ они давали различныя названія. Такъ, прежде всего нѣмецкіе публицисты въ послѣднія времена Имперіи признавали государственный характеръ власти Ландесгерровъ. Далѣе, и литература международнаго права не могла подвести всю совокупность субъектовъ международнаго права подъ понятіе суверенитета и была поставлена въ необходимость создать особую категорію несуверенныхъ государствъ, которыя Мозеръ назвалъ крайне противорѣчивымъ терминомъ «полусуверенныхъ», который, не смотря на это утвердился въ дипломатическомъ языкѣ.

Поэтому, заключаетъ Еллинекъ, если суверенитетъ не былъ существеннымъ признакомъ государства ни въ средніе вѣка, ни въ эпоху разцвѣта естественноправовой догмы о тождествѣ суверенной и государственной власти, то онъ не можетъ быть такой догмой и для объясненія реальныхъ отно-

Digitized by Google

шеній современной государственной жизни. Современный государственный міръ показываетъ существованіе воюзовъ, которые выполняютъ государственныя задачи съ самостоятельной организаціей и государственными средствами, но не являются суверенными. Съ этими историко-политическими фактами должны считаться всѣ научныя представленія о государствѣ, которыя должны объяснять дѣйствительность, а не фабриковать ее.

Поэтому, заключаетъ Еллинекъ, существуютъ суверенныя и несуверенныя государства, вопросъ только въ томъ, чтобы найти признакъ, отличающій несуверенное государство отъ вполнѣ подчиненныхъ государству союзовъ [1]).

Вотъ основанія, приводимыя въ защиту мнѣнія о существованіи несуверенныхъ государствъ. Обратимся къ оцѣнкѣ этихъ основаній. Прежде всего утвержденіе, что средневѣковое государство, зависимое отъ церковной власти, опутанное различными связями ленной зависимости и ограниченное внутри правами крупныхъ феодаловъ и корпорацій, не было суверенным.

Мы полагаемъ, что заключать о существованіи несуверенныхъ государствъ въ средніе вѣка на основаніи крайне своеобразныхъ и запутанныхъ политическихъ отношеній въ эту эпоху весьма рискованно. Это была эпоха крайняго раздробленія государственной власти и государственнаго единства, смѣшеніе частноправныхъ началъ съ публично-правовыми, крайняго ослабленія государственнаго начала и постоянной узурпаціи власти феодалами и корпораціями, постоянной борьбы различныхъ политическихъ силъ и господства «кулачнаго права» [2]). Своеобразныя формы ленной связи, которыя вносили вѣкоторое формальное объединеніе въ крайне раздробленные политическіе организмы, были часто настолько

[1]) Jellinek: Назв. соч. стр. 445.

[2]) Объ этомъ полномъ раздробленіи государства въ средніе вѣка см. замѣчанія самого же Еллинека въ его System d. subject. öffentl. Recht 1892 стр. 273 сл.

Digitized by Google

слабы, что обращались въ одну фикцію. Могущественные феодалы могли смѣло соперничать по своей власти съ королями. Лишь идея Имперіи съ ея двумя главами, свѣтскимъ — Императоромъ и духовнымъ—папою, господствовала надъ умами, и, пока длилось обаяніе этой идеи, власть Имперіи ставила нѣкоторыя преграды дальнѣйшему развитію центробѣжныхъ политическихъ силъ.

При такихъ условіяхъ опредѣлить, какіе именно союзы были государствами, а какіе лишь просто подчиненными, составными частями государства, крайне трудно. Самое понятіе государства и его терминологія въ это время, какъ мы уже указывали, были крайне неопредѣленны [1]). Всякій разъ, какъ средневѣковые публицисты и юристы разрѣшали этотъ вопросъ, имъ приходилось, за отсутствіемъ самостоятельнаго критерія государства, обращаться къ античнымъ представленіямъ о государствѣ и, главнымъ образомъ, къ римскому типу государства, осуществленіе котораго видѣли въ Имперіи и власти императора, а остальные общественные союзы признавали лишь подчиненными частями Имперіи и подводили ихъ подъ понятіе территорій или провинцій Имперіи. И это дѣлали не только церковные писатели, какъ утверждаетъ Еллинекъ, но и юристы — романисты, защитники свѣтской власти и свѣтскаго права [2]). Неудивительно поэтому, что, когда изъ этой общей массы различныхъ союзовъ, обладающихъ публичноправной властью, начали выдѣляться могущественные территоріальные союзы, въ которыхъ концентрація и монополизація публичноправной власти и прогрессивное освобожденіе отъ различныхъ средневѣковыхъ связей подчиненности достигли весьма большой степени, территоріальная власть этихъ союзовъ принимаетъ характеръ весьма отличный отъ властвованія другихъ союзовъ: энергично начинаютъ утверждать безусловное верховенство носителей власти такихъ

[1]) См. выше ч. I стр. 56—67.

[2]) См. выше стр. 56.

Digitized by Google

союзовъ и отрицается ихъ подчиненіе какой-либо другой власти, другими словами, выдвигается принципъ суверенитета, не допускающій подведеніе этихъ союзовъ подъ категорію составныхъ подчиненныхъ частей другого союза или провинцій Имперіи. Таковъ былъ ходъ историческаго развитія государственной власти во Франціи и Англіи, а потому, какъ мы уже указывали въ свое время, за этими странами весьма скоро утверждается признаніе ихъ государствами, какъ совершенно самостоятельныхъ союзовъ властвованія. Англія и Франція весьма скоро выдѣлились въ качествѣ суверенныхъ государствъ, и лишь нѣкоторые имперскіе юристы продолжали отрицать ихъ суверенитетъ и подводить ихъ подъ категорію провинцій Имперіи. Точно также власть Императора и Имперіи надъ многими другими союзами свелась лишь къ чисто внѣшнему почету, оказываемому властителями этихъ союзовъ императору, и совершенно фиктивнымъ формамъ вассальной зависимости отъ Имперіи. Далѣе, постепенное освобожденіе нѣмецкихъ территорій отъ власти Имперіи и прогрессивное обращеніе ихъ въ самостоятельные политическіе союзы повлекло за собой еще задолго до распаденія Имперіи въ 1806 г. признаніе ихъ со стороны многихъ нѣмецкихъ публицистовъ государствами и даже суверенными государствами. Но, какъ мы видѣли, нѣмецкимъ публицистамъ приходилось допускать большіе измѣненія въ строгомъ понятіи суверенитета и даже искаженія этого понятія для того, чтобы территоріальное верховенство нѣмецкихъ князей приравнять суверенитету государственной власти. Такимъ образомъ эти ученія нѣмецкихъ публицистовъ и признаніе территорій Имперіи государствами вытекали скорѣе изъ политическихъ тенденцій, а не изъ ясныхъ представленій о юридической природѣ государства. Неудивительно поэтому что тѣ писатели, которые хотѣли имѣть твердый масштабъ для своихъ государственно-правовыхъ построеній, вооружались противъ этихъ ученій и принимали за исходный пунктъ своихъ сужденій о государ-

Digitized by Google

ственномъ характерѣ Имперіи и ея территоріи строгое, не искаженное понятіе суверенитета, и объявляли суверенными государствами или исключительно Имперію, или исключительно территоріи (послѣднее, конечно, неправильно), или, какъ Пуффендорфъ, объявляли Имперію непормальнымъ политическимъ образованіемъ «monstro tantum simile».

Во всякомъ случаѣ, все историческое развитіе государства, начиная съ среднихъ вѣковъ, весьма характерно показываетъ, что всякая власть, которая стремилась занять особое мѣсто среди всѣхъ другихъ публично-правовыхъ властей, выдѣлиться и утвердиться въ качествѣ государственной, энергично стремилась къ суверенитету и всячески утверждала его. Весь процессъ образованія новыхъ государствъ въ Европѣ на почвѣ запутанныхъ средневѣковыхъ отношеній тѣсно связанъ съ утвержденіемъ ихъ суверенитета. Вотъ почему суверенитетъ былъ боевымъ лозунгомъ развивающейся государственной власти.

Что касается господства церкви надъ государствомъ въ средніе вѣка, начиная съ Григорія VII вплоть до удара, нанесеннаго папской власти французскими королями, то это господство имѣло скорѣе преходящій фактическій характеръ, нежели юридическій. Ни въ одномъ государствѣ (кромѣ папской области) папа не признавался юридически высшей властью въ области государственныхъ отношеній. Законы всѣхъ государствъ признавали такою высшею властью или императора или короля. Утвержденіе римскаго престола и папистовъ, что папа имѣетъ высшую власть не только in spiritualibus, но также in temporalibus вызывало безпрестанно самый энергичный отпоръ со стороны свѣтской власти и ея приверженцевъ. Правда, опираясь на свой огромный религіозный авторитетъ, папы вели побѣдоносную борьбу съ своими противниками, неоднократно одерживали надъ ними побѣды, заставляя смиряться самыхъ могущественныхъ властителей, но выводить изъ этого состоянія постоянной борьбы

Digitized by Google

доказательства въ пользу того, что государство юридически было подчинено церкви и не было юридически суверенным, врядъ ли можно. Зависимость свѣтскихъ властителей отъ папъ была скорѣе политической, а не юридической. Самыя привилегіи церкви и обширная юрисдикція ея въ государствахъ были юридически основаны на концессіи со стороны свѣтской власти, покровительствовавшей духовенству и нуждавшейся въ услугахъ церкви [1]).

Если бы папамъ удалось осуществить свой идеалъ іерократическаго государства, то тогда нельзя было-бы говорить вообще о существованіи какихъ-либо государствъ въ этой іерократической монархіи, а только о провинціяхъ всемогущей церковной имперіи.

На самомъ же дѣлѣ случилось иначе, и уже въ XIV вѣкѣ эта долгая борьба церкви съ государствомъ изъ-за суверенитета кончается въ пользу государства. Вообще говоря, средніе вѣка представляютъ собой эпоху броженія политическихъ силъ и далеко незаконченный процессъ образованія государства, а потому выводить изъ средневѣковыхъ формъ политическихъ отношеній доказательства въ пользу существованія несуверенаго государства, кажется намъ научно неосновательнымъ пріемомъ. Что касается средневѣковой терминологіи государства, то она была настолько неопредѣленной, какъ это доказываетъ и самъ Еллинекъ, что пользоваться ею какъ категорическимъ указаніемъ при опредѣленіи того, что называлось государствомъ въ средніе вѣка, было бы весьма рискованнымъ пріемомъ.

Что касается указанія на то, что даже самъ Боденъ и его ближайшіе послѣдователи вынуждены были для объясненія современныхъ имъ государственныхъ отношеній при помощи понятія суверенитета допускать въ отступленіе отъ этого понятія различныя его градаціи, то противъ этого должно замѣтить, что этимъ Боденъ и всѣ его послѣдователи, кото-

[1]) См. выше стр. 42 сл.

Digitized by Google

торые держались строгаго понятія суверенитета, выражали не различные степени государственной власти и независимости, т. е. не хотѣли сказать, что суверенъ можетъ быть даже болѣе или менѣе подчиненнымъ властителемъ, но только указывали на различные оттѣнки во внѣшнемъ почетѣ и блескѣ власти. Боденъ рѣшительно заявляетъ: Habet majestatem qui post Deum immortalem se ipso majorem videt neminem.

Разсматривая же правовыя отношенія, въ которыя вступаютъ между собою различные властители, онъ указываетъ, при какихъ формахъ этихъ отношеній уничтожается ихъ суверенитетъ. Такъ онъ приходитъ къ заключенію, что вассалъ, какъ таковой, не можетъ быть сувереномъ, такъ какъ онъ обязанъ не только формально признавать верховенство сюзерена, но и фактически подчиняться ему, обязанъ ему послушаніемъ, вѣрностью и службою. Тогда какъ протекторатъ, при которомъ суверенъ ставитъ себя безвозмездно подъ защиту другого, чтобы обезпечить себя противъ непріятеля, не уничтожаетъ суверенитета протежируемаго, такъ какъ вызываетъ не подчиненіе, но лишь почетъ и благодарность покровителю. Также сохраняютъ суверенитетъ и властители, платящіе другому по договору дань или вознагражденіе за протекторатъ. Но суверенитетъ такихъ государствъ признаетъ и большинство современныхъ ученыхъ, а прежде всего и самъ Еллинекъ, который обращаетъ вниманіе на эти положенія Бодена. А именно относительно такихъ сувереновъ, протежируемыхъ или платящихъ дань, Боденъ и замѣчаетъ, что они не теряютъ юридически суверенитета, но уменьшается лишь его блескъ и достоинство. Въ этомъ лишь послѣднемъ смыслѣ они «ne sont pas absolument souverains».

Въ этомъ неловкомъ выраженіи «alsolument souverains» и допущеніи различныхъ оттѣнковъ суверенитета по внѣшнему его блеску нѣтъ въ сущности никакого отступленія отъ строгаго понятія суверенитета и искуственнаго подведенія подъ него неподлежащихъ отношеній.

Digitized by Google

Такой же смыслъ имѣетъ и замѣчаніе Loyseau, что протекторатъ, уплата дани и ленная зависимость «rabaissent et diminuent le lustre de l' Estat souverain...».

Далѣе указаніе на то, что германскіе публицисты признавали государствами и несуверенныя территоріи Германской Имперіи [1]), то причины такого наименованія мы уже указали выше, и эти ученія германскихъ публицистовъ и ихъ терминологія нисколько не доказываютъ, что они были правильны, и что Landeshoheit до распаденія Имперіи дѣйствительно являлась государственною властью, въ юридическомъ смыслѣ этого слова.

Утвержденія этихъ публицистовъ, такъ и современныхъ ихъ соотечественниковъ, о существованіи несуверенныхъ государствъ представляютъ собой лишь petitio principii. Это сознавали и сами германскіе публицисты 17 и 18 вѣка, когда они всячески старались уложить территоріальное верховенство ландесгерровъ на Прокрустово ложе суверенитета, допуская различныя искаженія этого понятія.

Поэтому мы утверждаемъ, что ссылки на вышеуказанные факты нисколько не доказываютъ правильности утвержденія о существованіи несуверенныхъ государствъ.

Самъ Лабандъ, ссылающійся на то, что и несуверенныя части Германской Имперіи, Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки и зависимыя отъ Турціи политическіе союзы назывались или называются государствами, вынужденъ признать, что одного словоупотребленія недостаточно. Для научнаго изслѣдованія, во всякомъ случаѣ, необходимо установить признаки, которые характеризуютъ понятіе государства. Поэтому необходимо указать тотъ критерій государства, который остается, если признать, что суверенитетъ не составляетъ существеннаго признака государства, и посредствомъ котораго

---

[1]) См. Laband: D. Staatsrecht d. D. Reiches B. I 1901 стр. 60.

Digitized by Google

можно было бы отличить несуверенное государство отъ провинціи, округа, общины и т. под. [1])

Итакъ, вопросъ сводится къ слѣдующему: возможно-ли найти, помимо суверенитета, такой критерій государства, который бы отличалъ послѣднее отъ негосударственнаго союза?

Въ нѣмецкой наукѣ публичнаго права были дѣйствительно указаны различными учеными различные критеріи государства, которые, по ихъ мнѣнію, даютъ возможность отличить даже несуверенное государство отъ подчиненнаго государству самоуправляющагося союза, общины и провинціи государства. Такими критеріями были выставлены: 1) властвованіе союза по собственному праву; 2) самостоятельная организація союза и самостоятельное осуществленіе союзомъ извѣстныхъ политическихъ задачъ; 3) право самостоятельнаго измѣненія союзомъ своей территоріи; 4) универсальная или же національная цѣль, осуществляемая союзомъ и 5) международноправовая личность союза.

При этомъ ученые, принимающіе одинъ изъ этихъ критеріевъ, отвергаютъ всѣ остальные.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію этихъ критеріевъ.

Властвованіе по собственному праву, какъ признакъ государства. Ученіе, что властвованіе по собственному праву составляетъ отличительный признакъ государства, поддерживается Лабандомъ, Еллинекомъ и Либе, но каждый изъ этихъ ученыхъ своеобразно объясняетъ сущность такого властвованія.

Мы указывали уже выше [2]), что, по воззрѣнію Лабанда, государство въ настоящее время является монополистомъ всей публичноправовой власти, которая состоитъ, по его опредѣленію, въ правѣ не только приказывать свободнымъ лицамъ, но и принуждать ихъ къ исполненію этихъ приказовъ. Этимъ

---

[1]) Laband: Назв. соч. В. I стр. 61.
Ср. также: Borel: Назв. соч. стр. 76

[2]) См. стр. 433 сл.

Digitized by Google

именно правомъ, говоритъ Лабандъ, государство отличается отъ общины и ей подобныхъ союзовъ, которые могутъ обладать властвованіемъ лишь въ силу делегаціи со стороны государства, отъ имени и по уполномочію котораго они осуществляютъ принудительное властвованіе. Общины осуществляютъ не свою власть, но чужую, то-есть государственную, не свое собственное, но чужое право властвованія. Именно въ собственномъ правѣ принужденія къ исполненію своихъ приказовъ, а не въ самомъ правѣ приказанія, Лабандъ видитъ отличительный признакъ государства. «Ни община, ни какой-либо другой подобный ей союзъ не имѣютъ этого собственнаго, т. е. въ себѣ самомъ основаннаго права принуждать свободныхъ людей къ повиновенію. Община можетъ быть уполномочена къ изданію полицейскихъ распоряженій и распоряженій, устанавливающихъ налоги; она можетъ имѣть въ обширной сферѣ политической жизни собственное право управленія, право автономнаго изданія статутовъ и даже право суда, но собственнаго права принужденія къ исполненію своихъ велѣній она не имѣетъ и должна обращаться поэтому за принужденіемъ къ государству или быть къ тому уполномоченной въ извѣстныхъ случаяхъ государствомъ [1]).

Лишь одно государство, говоритъ Лабандъ, имѣетъ собственное право приказывать свободнымъ лицамъ съ принудительною властью. Самое малое и незначительное, какъ самое большое государство, имѣетъ это право; община же и подобные ей союзы не имѣютъ такого права, хотя бы они по величинѣ и дѣятельности превосходили сами по себѣ дюжину государствъ, вмѣстѣ взятыхъ. Въ этомъ собственномъ правѣ принудительнаго властвованія, а не въ суверенитетѣ заключается, по мнѣнію Лабанда, вѣрное различіе между государствомъ и общиной. Такимъ образомъ суверенитетъ не принадлежитъ къ существеннымъ признакамъ государства. Личность, необладающая суверенитетомъ, т. е. подчиненная въ

[1]) Laband: Staatsrecht B. I. стр. 65 сл.

Digitized by Google

какомъ-либо отношеніи другой правовой власти, можетъ все-таки обладать собственнымъ правомъ принудительнаго властвованія надъ свободными людьми и ихъ соединеніями, т. е. обладать государственною властью, верховными правами. Хотя нельзя себѣ представить никакой политической организаціи, при которой совершенно отсутствовала бы суверенная власть, такъ если не сама властвующая личность, то личность возвышающаяся надъ ней имѣетъ суверенитетъ, и потому можно сказать вслѣдъ за Гербером, что суверенитетъ есть свойство совершенной государственой власти, но, восклицаетъ Лабандъ, произвольно, неосновательно и противорѣчитъ исторіи, словоупотребленію и научному понятію государства утвержденіе, что несуверенныхъ государствъ вообще не можетъ быть.

Исторически несуверенныя государства, говоритъ Лабандъ, возникаютъ различнымъ путемъ. Достаточно указать, что, когда многія, до того времени независимыя, государства вступаютъ въ такое соединеніе, что надъ ними образуется высшая власть, у нихъ, несмотря на это, все же можетъ остаться извѣстная полнота собственныхъ правъ властвованія, собственныхъ политическихъ задачъ и средствъ къ ихъ осуществленію. Итакъ, если имъ это властвованіе принадлежитъ по собственному праву, т. е. не въ силу делегаціи или порученія суверенаго союза, и они проявляютъ и осуществляютъ эту власть въ силу собственаго, свободнаго волеопредѣленія, то хотя такія государства перестаютъ быть суверенными, но они все же остаются государствами [1]).

Такое именно собственное право принудительнаго властвованія, имѣютъ, по мнѣнію Лабанда, и государства—члены союзнаго государства и, въ частности, члены германской имперіи. За исключеніемъ тѣхъ предметовъ, которые въ силу § 4 имперской конституціи подлежатъ законодательству и надзору союзной власти, и тѣхъ частей управленія, которыми завѣдываетъ исключительно союзная власть посредствомъ

[1]) Laband: Назв. соч. стр. 69 сл.

Digitized by Google

своихъ собственныхъ органовъ, у государствъ—членовъ остается еще цѣлая сфера публичноправовыхъ функцій: внутренняя организація самихъ государствъ, нормированіе престолонаслѣдія, избирательнаго права, должностная организація, организація провинціальнаго, окружнаго и общиннаго строя, прямые налоги, народное просвѣщеніе, и т. д. Въ этой сферѣ отдѣльныя государства не являются ни органами Имперіи, ни ея самоуправляющимися союзами, но имѣютъ свободное и независимое положеніе, такъ какъ они не подчинены въ этой сферѣ ни законодательству, ни верховному надзору Имперіи. Правда, говоритъ Лабандъ, эти самостоятельныя функціи отдѣльныхъ государствъ не могутъ быть механически отдѣлены отъ всѣхъ прочихъ функцій государственной жизни, такъ какъ онѣ взаимно соприкасаются и проникаютъ другъ друга, и далѣе, высшая власть Имперіи распространяется на всѣ стороны жизни подчиненныхъ ей государствъ, такъ что они могутъ свободно дѣйствовать лишь въ той сферѣ, которая предоставлена имъ лишь имперскимъ законодательствомъ, но эта-то сфера, хотя и ограничивается Имперіей, но не поглощена ею. Поэтому неправильно утвержденіе, что государства—члены обратились въ административные дистрикты Имперіи и перестали быть государствами. Они именно имѣютъ извѣстную полноту публичноправовой власти въ силу собственнаго права, а не въ силу перенесенія этой власти на нихъ Имперіей; они осуществляютъ эту власть не какъ органы, которыми Имперія пользуется для осуществленія своихъ задачъ и проведенія своей воли, но какъ самостоятельные субъекты права съ собственной сферой властвованія.

Въ этомъ заключается отличіе сложнаго государства отъ децентрализованнаго простого государства и государства—члена сложнаго государства отъ самоуправляющейся корпораціи.

При этомъ Лабандъ признаетъ, что въ силу § 78. им-

Digitized by Google

перской конституціи Имперія имѣетъ идеально неограниченную компетенцію и право лишить отдѣльныя государства всѣхъ ихъ верховныхъ правъ. «Въ извѣстномъ смыслѣ, говоритъ Лабандъ, можно поэтому сказать, что отдѣльныя государства имѣютъ свои права властвованія лишь въ силу допущенія со стороны имперіи, только precario, такъ что идеально Имперія обладаетъ государственною властью во всей ея полнотѣ, а отдѣльныя государства обладаютъ даже тѣми правами, на которыя не распространяется компетенція Имперіи, лишь въ силу воли самой Имперіи.

Но изъ этого не слѣдуетъ, утверждаетъ Лабандъ, что эти права делегированы государствамъ Имперіей, перенесены на нихъ. Вѣдь и всѣ правомочія частнаго права существуютъ до тѣхъ поръ, пока ихъ терпитъ высшая государственная власть. Конечно, суверенная власть можетъ отмѣнить собственность, дѣйствительность извѣстныхъ обязательствъ и отеческую власть. Каждый гражданинъ имѣетъ имущественныя права лишь въ томъ объемѣ и до тѣхъ поръ, поскольку и покуда государство это терпитъ. Но превратно было бы на этомъ основаніи признавать всѣ вещныя и обязательственныя права индивидовъ производными отъ государства и перенесенными имъ на индивидовъ правами. Государство не является источникомъ, создателемъ и носителемъ этихъ правъ, но только воля государства является отрицательнымъ требованіемъ въ томъ смыслѣ, что права, которыя не терпитъ государство, не могутъ возникать или длиться.

Точно также и верховныя права отдѣльныхъ государствъ могутъ быть осуществляемы или длиться, пока это дозволяетъ Имперія, но, несмотря на это, эти права не являются производными изъ воли Имперіи и полноты ея власти, но имѣютъ свое положительное историческое основаніе въ томъ фактѣ, что отдѣльныя государства старѣе Имперіи, что они существовали ранѣе самой Имперіи. Поэтому отношеніе отдѣльныхъ государствъ къ Имперіи можетъ быть юридически

Digitized by Google

опредѣлено не по тому, какъ это отношеніе исторически, съ теченіемъ времени, могло бы сложиться, а по тому, какъ оно опредѣлено по дѣйствующему праву. А современное правовое положеніе таково, что у отдѣльныхъ государствъ осталась сфера государственной дѣятельности и власти, въ которой они, а не Имперія, являются господами [1]). —

Такимъ образомъ, Лабандъ видитъ отличительный признакъ государства въ обладаніи принудительною властью по собственному праву, независимо отъ того, является ли эта власть суверенной или же подчиненной, т. е. несуверенной. Но понятіе собственнаго права у Лабанда сохраняетъ не вездѣ одинъ и тотъ же смыслъ; такъ, Лабандъ говоритъ, что общины и имъ подобные союзы не имѣютъ принудительной власти по собственному праву, такъ какъ ихъ право властвованія—делегированное, порученное имъ лишь для осуществленія государствомъ, т. е. не ихъ собственное, а чужое, государственное право, съ другой стороны, доказывая, что государства, входящія въ составъ Германской Имперіи, имѣютъ собственныя права властвованія, Лабандъ доказываетъ, что эти права являются собственными не только потому, что они не делегированы къ осуществленію Имперіей, но и вообще непроизводны отъ Имперіи, Имперія не является ихъ создателемъ, такъ какъ отдѣльныя государства существовали еще ранѣе Имперіи.

Въ виду этого намъ прежде всего должно установить правильное понятіе «собственнаго права». Заслуга обстоятельнаго разбора этого понятія принадлежитъ нѣмецкому ученому Розину, [2]) который въ результатѣ своего анализа приходитъ къ слѣдующимъ совершенно правильнымъ заключеніямъ.

Собственнымъ правомъ извѣстнаго лица является то право, субъектомъ котораго состоитъ это лицо. Противопо-

---

[1]) Laband: Назв. соч. В. I стр. 96—101.

[2]) Rosin: Souveränetät, Staat, Gemeinde, Selbstverwaltung въ Hirts Annalen 1883 стр. 277—281.

Digitized by Google

ложностью собственнаго права является «чужое право», т. е. право, осуществляемое лицомъ въ силу представительства, отъ имени другого лица, управомоченнаго. Въ области публичнаго права обыкновенно называютъ право, осуществляемое по представительству, въ противоположность «собственному праву» «правомъ делегированнымъ». Такимъ образомъ, делегированное право не является ни «перенесеннымъ», ни «производнымъ правомъ» въ смыслѣ, что управомоченный производитъ свое право отъ другого автора, ни «отчуждаемымъ» правомъ, ни, наконецъ, правомъ, субъектъ котораго, при его осуществленіи опредѣляется другой личностью въ силу принадлежащаго ей права,— но единственно и только правомъ, осуществляемымъ по представительству отъ чужого имени. Право на представительство можетъ быть также собственнымъ правомъ представителя, но это послѣднее право на представительство не должно смѣшивать съ правомъ, осуществляемымъ по представительству [1]).

Съ этимъ масштабомъ собственнаго права мы перейдемъ теперь къ оцѣнкѣ воззрѣнія Лабанда.

Въ литературѣ были уже высказаны многими писателями возраженія, что не только государство, но и другіе публичноправовые союзы, напримѣръ, общины обладаютъ собственными правами властвованія.

Общины не являются простыми административными дистриктами и объектами государственнаго управленія, но юридическими лицами и субъектами не только частныхъ правъ, но и публичныхъ, которыя онѣ осуществляютъ въ предоставленной имъ сферѣ. Государство признаетъ ихъ корпоративный характеръ, ихъ извѣстную самостоятельную сферу и задачи, въ осуществленіи которыхъ общины не являются лишь простыми органами государственнаго управленія и осуществителями чужихъ правъ властвованія. Для достиженія своихъ задачъ общины имѣютъ необходимыя собственныя

[1]) См. Rosin: Тамъ же стр. 280.

Digitized by Google

права властвованія, присвоенныя имъ государствомъ Государственные законы предоставляютъ общинамъ право издавать извѣстныя распоряженія, обязательныя для членовъ общины. Распоряженія эти общины издаютъ не по представительству и не отъ имени государства и какъ представители государства, а отъ своего имени и въ своихъ собственныхъ интересахъ [1]). Онѣ осуществляютъ такимъ образомъ собственное право властвованіе, хотя и предоставленное имъ государственными законами. Правильно замѣчаетъ Розинъ, «приписывать общинѣ собственную личность и собственную жизненную цѣль въ области публичнаго права, а, съ другой стороны, утверждать, что право властвованія община осуществляетъ только отъ имени государства, это полнѣйшее самопротиворѣчіе [2]). Тотъ фактъ, что эти права присвоены общинамъ государственными законами, такъ же не отнимаетъ у этихъ правъ характера собственныхъ правъ общины, какъ и право собственности не перестаетъ быть собственнымъ правомъ подданнаго, хотя оно находитъ свое основаніе въ государственныхъ законахъ.

Впрочемъ, Лабандъ и самъ признаетъ, что общинамъ присвоено собственное право издавать приказы, различныя обязательныя для ихъ членовъ распоряженія, но только не собственное право принуждать къ исполненію этихъ распоряженій. «Общины, говоритъ Лабандъ, могутъ имѣть весьма обширное собственное право управленія, изданія статутовъ и даже суда, но принуждать къ исполненію своихъ приказовъ онѣ могутъ только при посредствѣ власти и органовъ государства, или же отъ имени и по уполномочію государства, въ силу перенесеннаго на нихъ государствомъ осуществленія его власти»

Мы уже указывали, что «собственное» право не тождественно съ «перенесеннымъ» правомъ, такъ какъ и перенесенное, производное право можетъ быть собственнымъ. На-

[1]) Ср. Jellinek: D. Recht d. mod. Staates стр. 363—364, 589—590.
[2]) Rosin: Назв соч. стр. 291.

Digitized by Google

конецъ, общинамъ часто присвоивается не только право издавать обязательныя распоряженія, но и самостоятельное право налагать штрафы и взысканія за неисполненіе своихъ распоряженій и право принудительнаго взысканія отъ собственнаго имени причитающихся имъ налоговъ [1]).

Логически же совершенно непонятно, почему государство можетъ присвоить общинамъ право издавать приказы, различныя обязательныя распоряженія, и не можетъ присвоить имъ права принуждать къ исполненію этихъ распоряженій посредствомъ общинныхъ же органовъ и отъ имени общины, независимо отъ того, что понятіе принужденія имѣетъ весьма широкій смыслъ.

Въ виду этого, большинство писателей совершенно основательно отвергаетъ ученіе Лабанда, что лишь государство имѣетъ собственныя права власти [2]).

Лабандъ, повидимому, самъ чувствуетъ слабость своего утвержденія, такъ какъ стремится свести понятіе собственнаго права, на право неперенесенное, непроизводное, т. е. первоначально возникшее у его субъекта. Именно онъ утверждаетъ, что члены союзнаго государства въ германской имперіи имѣютъ собственныя права властвованія потому, что эти права не перенесены на нихъ Имперій, такъ какъ государства эти существовали уже ранѣе Имперіи.

На это Лабанду было справедливо указано, что это доводъ историческій, нисколько не объясняющій современнаго юридическаго положенія членовъ союзнаго государства. Исторически даже многія общины предшествовали тому государ-

---

[1]) См. примѣры у Rehm: Allg. Staatslehre стр. 113 сл.
Preuss: Gemeinde, Staat, Reich стр. 186 сл.

[2]) Gierke: Назв. соч. стр. 291, 293.
Preuss: Назв. соч. стр. 186 сл.
G. Meyer: Lehrbuch d. D. Staatsrechtes 1895 стр. 6.
Haenel: D. Staatsrecht B. I стр. 800.
Borel: Назв. соч. стр. 81.
Le Fur: Назв. соч. стр. 380.
Rehm: Allg. Staatslehre стр. 113 сл.

Digitized by Google

ству, въ составъ котораго онѣ вошли. Наконецъ, и такъ называемое союзное государство можетъ возникнуть не изъ соединенія независимыхъ государствъ въ одно, а, наоборотъ, простое, единое, государство можетъ преобразоваться въ союзное, такъ что такъ называемые государства—члены такого союзнаго государства исторически никоимъ образомъ не предшествуютъ цѣлому, обратившемуся въ союзное государство, а сами возникаютъ изъ него. Таковъ, напримѣръ, былъ процессъ образованія союзнаго государства въ Мексикѣ и Бразиліи [1]).

Что же касается того, что собственныя права властвованія общины подчинены государству, которое можетъ лишить ее этихъ правъ, то это же самое, какъ это признаетъ и самъ Лабандъ. мы видимъ и въ союзномъ государствѣ, суверенитетъ котораго распространяется на все властвованіе его членовъ, и союзная власть обладаетъ правомъ лишить ихъ этихъ правъ властвованія [2]). При этомъ сравненіе Лабанда правъ членовъ союзнаго государства съ частными правами индивидовъ, которыя имѣютъ также основаніе въ государственныхъ законахъ, скорѣе указываетъ на то, что положеніе этихъ правъ мало разнится отъ правъ поддапныхъ въ государствѣ [3]).

Подобно Лабанду утверждаетъ и Либе, [4]) что для понятія государства имѣетъ существенное значеніе не суверенитетъ, но территорія, подданные и верховныя права.

Либе приводитъ различіе между суверепнымъ правомъ и верховными правами. Суверепное право—это «право компетенціи—компетенціи». Верховныя права—«права надъ тер-

[1]) См. Le Fur: Etat fédéral.... стр. 380. Даже по поводу же членовъ Германской Имперіи Zorn: Das Staatsrecht d. D. Reiches B. I. 1880 стр. 58 замѣчаетъ противъ Лабанда, что „исторически, конечно, члены Германской Имперіи получили свою компетенцію не отъ союзной власти, но по дѣйствующему праву они получили ее въ силу союзной конституціи".

[2]) Ср. Laband: Назв. соч. стр. 99.

[3]) Ср. Borel: Etude sur la souveraineté стр. 81.

[4]) Liebe: Staatsrechtliche Studien 1880 стр. 31.

Digitized by Google

ріторіей, обосновывающія государственноправовое отношеніе и принадлежащія управомоченному по собственному праву, а не только осуществляемыя управомоченнымъ». Несуверенное государство не обладаетъ суверенным правомъ компетенціи—компетенціи, но имѣетъ территорію, подданныхъ и собственныя верховныя права

Этотъ критерій государства, предлагаемый Либе, страдаетъ въ сущности полной неопредѣленностью. Территоріей обладаетъ не только государство, но и община, какъ территоріальный союзъ. Также собственными правами властвованія на своей территоріи обладаетъ, какъ мы уже указывали выше, не только государство, но и община.

Что касается подданства, то, если подъ этимъ не разумѣть постоянную государственноправовую связь индивида съ властвующимъ надъ нимъ государствомъ, какъ таковымъ, что, очевидно, предполагаетъ уже признаніе даннаго союза государствомъ, т. е. въ данномъ случаѣ petitio principii, а вообще правовую подчиненность членовъ извѣстнаго территоріальнаго союза по принадлежности къ послѣднему, то, очевидно, что въ такомъ смыслѣ и члены общины являются ея подданными, поскольку она властвуетъ надъ ними [1]).

Такимъ образомъ критерій Либе еще менѣе удовлетворителенъ, чѣмъ Лабанда, такъ какъ Лабандъ все же стремится точно выяснить, въ чемъ именно заключается отличіе властвованія общины отъ властвованія государства.

Въ нѣсколько иной формѣ опредѣляетъ Еллинекъ властвованіе по собственному праву, какъ критерій государства.

Въ своемъ трудѣ «Die Lehre von den Staatenverbindungen» Еллинекъ видитъ сущность государства въ возможности обязыванія въ силу собственной воли. Для того, чтобы узнать, представляетъ ли данная публичноправовая корпорація государство или нѣтъ, должно опредѣлить, можетъ ли она лишь въ силу собственной воли и власти обязывать себя

[1]) Ср. также Preuss: Gemeinde, Staat, Reich... стр. 187 сл.

Digitized by Google

правомъ, устанавливать право. Въ государствѣ, во всякомъ случаѣ, не одна только государственная власть, говоритъ при этомъ Еллинекъ, издаетъ правовыя нормы. И самоуправляющимся союзамъ можетъ быть предоставлена правотворческая дѣятельность Но эта дѣятельность, говоритъ Еллинекъ, осуществляется всегда непосредственно отъ имени государства или же, по крайней мѣрѣ, подъ надзоромъ государства. Государству принадлежитъ всегда jus supremae inspectionis надъ всею дѣятельностью общинъ.

Напротивъ, специфическимъ свойствомъ самого государства является изданіе правовыхъ нормъ въ силу собственнаго права и отъ собственнаго имени такимъ образомъ, что эта дѣятельность государства не подлежитъ никакому контролю. Только государство обладаетъ неконтролируемою публичноправовою властью, только его юридическія постановленія не могутъ быть ни пріостановлены, ни отмѣнены, ни измѣнены другой властью.

«Поэтому, заключаетъ Еллинекъ, государствомъ въ юридическомъ смыслѣ должно признавать такой политическій союзъ, который, хотя бы въ какомъ-либо направленіи государственной дѣятельности, управомоченъ издавать обязательныя нормы въ силу собственнаго права».

Собственнымъ же правомъ субъекта, объясняетъ далѣе Еллинекъ, является такое право, въ осуществленіи котораго субъектъ является лишь исполнителемъ собственной воли.

Сущность собственнаго права поэтому не заключается, по мнѣнію Еллинека, ни въ первоначальности, ни въ неотчуждаемости права, но единственно въ томъ, что тотъ, кому оно принадлежитъ, является въ осуществленіи его юридически безотвѣтственнымъ. «Собственное право—юридически безконтрольное право». «Такимъ образомъ, утверждаетъ Еллинекъ, сущность властвованія по собственному праву состоитъ въ томъ, что публичноправовая корпорація въ ограниченной сферѣ государственной дѣятельности управомочена издавать

Digitized by Google

регулирующія нормы внѣ контроля высшей власти». Такая корпорація и является государствомъ, хотя и несуверенным, такъ какъ сфера ея дѣятельности зависитъ не отъ нея одной, такъ какъ она не является самостоятельнымъ во всѣхъ направленіяхъ государствомъ, а членомъ высшаго, суверенаго цѣлаго [1]).

О теоріи Еллинека самообязыванія государства мы говорили уже выше. Теперь разсмотримъ устанавливаемый имъ признакъ государства. Независимо отъ того, что Еллинекъ даетъ совершенно неправильное опредѣленіе собственнаго права, какъ безконтрольнаго права, онъ также совершенно неправильно приписываетъ какъ отличительный признакъ безконтрольныя права властвованія тѣмъ несуверенным союзамъ, которые онъ признаетъ государствами, какъ, напримѣръ, членамъ союзнаго государства. Суверенное союзное государство осуществляетъ свой контроль и надъ той сферой его членовъ, которая предоставлена ихъ автономіи и самоуправленію, гдѣ они осуществляютъ собственныя права властвованія. Вѣдь разъ суверенное союзное государство опредѣлило своими законами свою собственную компетенцію и разграничило ее отъ компетенціи членовъ союзнаго государства, оно необходимо должно блюсти за тѣмъ, чтобы его члены, осуществляя предоставленныя имъ въ ихъ сферѣ собственныя права властвованія, не нарушали установленныхъ для нихъ предѣловъ и не вторгались въ сферу союзной власти

Суверенная союзная власть имѣетъ такое же jus supremae inspectionis надъ всей дѣятельностью своихъ несуверенныхъ членовъ, какъ и простое государство надъ дѣятельностью своихъ общинъ, наблюдая, чтобы онѣ не нарушали указанныхъ имъ правовыхъ границъ и компетенціи, и властно возстанавливая, въ случаѣ нарушенія этихъ границъ, правомѣрное состояніе.

---

[1]) Jellinek: Die Lehre v. d. Staatenverb. стр. 40—44.

Digitized by Google

Такое право контроля союзной власти надъ всей дѣятельностью членовъ союзнаго государства необходимо вытекаетъ изъ ея суверенитета и признано положительнымъ законодательствомъ всѣхъ союзныхъ государствъ [1]).

Можно дѣйствительно сказать, что суверенное государство обладаетъ безконтрольными правами властвованія, такъ какъ надъ нимъ нѣтъ высшей власти, которая могла бы осуществлять надъ нимъ такой принудительный контроль, но этого никоимъ образомъ нельзя сказать о несуверенномъ союзѣ, власть котораго подчинена суверенному, и правовыя границы дѣятельности котораго опредѣлены законами этого же сувереннаго союза. Никоимъ образомъ нельзя видѣть въ безконтрольномъ правѣ властвованія отличія несуверенаго государства отъ другихъ несуверенныхъ союзовъ.

Въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ Еллинекъ самъ отказался отъ этого взгляда и устанавливаетъ критерій государства, аналогичный съ критеріемъ Лабанда. Въ своемъ послѣднемъ трудѣ: «Право современнаго государства» Еллинекъ слѣдующимъ образомъ формулируетъ свои взгляды на сущность государства.

Существеннымъ признакомъ государства является государственная власть. Государственная же власть представляетъ собой не вытекающее изъ какой-либо другой власти властвованіе, властвованіе въ силу собственной силы и поэтому въ силу собственнаго права. Объемъ этой власти безразличенъ для ея сущности. Гдѣ общественный союзъ осуществляетъ господство въ силу первоначальной силы и съ первоначальными принудительными средствами, сообразно съ свойственнымъ ему порядкомъ, тамъ существуетъ государство. Еллинекъ при этомъ оговаривается, что такъ разрѣшается

[1]) Ср. Rosin: Назв. соч. стр. 285.
Laband: Назв. соч. стр. 62.
Preuss: Назв. соч. стр. 51.
Borel: Назв. соч. стр. 82.
Le Fur: Назв. соч. стр. 386 сл.

Digitized by Google

вопросъ лишь о существѣ современнаго государства. Можно ли, говоритъ онъ, провести границу между государствомъ и общиной на основаніи средневѣковыхъ отношеній, безразлично для разрѣшенія вопроса о существѣ современнаго государства, такъ какъ невозможно добыть общія государственноправовыя понятія на основаніи явленій отдаленныхъ другъ отъ друга эпохъ. Стоитъ сравнить орду, первобытную семью, греческій городъ, союзъ африканскихъ или полинезійскихъ племенъ, средневѣковые германскіе союзы и современныя цивилизованныя государства, чтобы убѣдиться въ томъ, что путемъ такого сравненія можно прійти лишь къ совершенно безсодержательному понятію общественнаго союза, но никогда не къ конкретному юридическому представленію [1]). Суверенитетъ, напримѣръ, и международноправовая личность представляютъ собой юридическія понятія новѣйшаго времени, которыя поэтому не могутъ быть примѣнены къ построенію античнаго и средневѣковаго государственнаго міра. Если имѣть въ виду динамическую природу государства, то устранится много безполезныхъ контроверзъ для современнаго права.

Сдѣлавши эту оговорку, Еллинекъ продолжаетъ. Бытіе государственной власти выражается въ существованіи самостоятельныхъ, ее осуществляющихъ, органовъ. Собственная организація и связанное съ ней самостоятельное распредѣленіе власти является первымъ признакомъ, отличающимъ государство отъ негосударственнаго союза. Поэтому, если общественный союзъ получаетъ свое устройство и свое властвованіе отъ другой власти, такъ что оно основано не на его собственной волѣ, но имѣетъ свое постоянное основаніе въ законахъ другой власти, такой союзъ —не государство, но лишь членъ государства. Поэтому государства - члены Гер-

[1]) Это не мѣшаетъ же однако Еллинеку, въ противорѣчіе самому себѣ, ссылаться въ пользу доказательства о существованіи несуверенаго государства на средневѣковыя отношенія.

Digitized by Google

манской Имперіи, швейцарскіе кантоны и сѣверо-американскіе штаты являются государствами, такъ какъ они могутъ организоваться исключительно при помощи собственныхъ законовъ, а не законовъ суверенной союзной власти. Хотя ихъ организація ограничивается союзными законами (напримѣръ, запрещеніемъ въ Швейцаріи и Соединенныхъ Штатахъ измѣненія республиканской формы правленія), все же ихъ устройство основано исключительно на ихъ собственныхъ законахъ. Даже, если общественный союзъ получилъ свою организацію при содѣйствіи чужихъ государствъ, онъ все же является государствомъ, если эта организація признается на будущее время исключительно его оригинальнымъ волевымъ актомъ, такъ что она можетъ быть измѣнена имъ самимъ, помимо всякаго на то уполномочія со стороны другой власти.

Напротивъ, общины потому не могутъ быть признаны государствами, что ихъ устройство основано всегда на государственныхъ законахъ, и лишь во второстепенныхъ отношеніяхъ имъ принадлежитъ ограниченное право самоорганизаціи.

Не являются также государствами: Эльзасъ-Лотарингія, такъ какъ ея строй основанъ на законахъ Германской Имперіи, англійскія колоніи, Канада, Капская земля, Австралія, такъ какъ несмотря на ихъ обширную автономію, конституціи ихъ основаны на англійскихъ законахъ; въ предѣлахъ этихъ законовъ колоніи могутъ свободно организоваться, но въ этомъ процессѣ организаціи они осуществляютъ не оригинальную (первоначальную) власть, но власть предоставленную имъ другимъ союзомъ, и въ этомъ отношеніи не отличаются отъ общинныхъ союзовъ простого государства. Точно также австрійскія земли (Königreiche und Länder) имѣютъ организацію, данную имъ Австрійскимъ Императоромъ, а потому не являются государствами.

Но для того, чтобы союзъ былъ государствомъ, необходимо, чтобы высшій органъ, приводящій въ движеніе его дѣятельность, былъ самостоятельнымъ, т. е. онъ не долженъ

Digitized by Google

юридически совпадать съ органомъ другого государства. Тождественность органовъ логически необходимо влечетъ за собой тождественность государства. Если даже сомнительно, обладаетъ ли общественный союзъ собственнымъ правомъ созданія своей конституціи, должно отвергнуть его государственный характеръ, если у этого союза нѣтъ собственнаго высшаго самостоятельнаго органа (какъ это, напримѣръ, мы видимъ въ Финляндіи, гдѣ Великій Князь юридически тождественъ съ Русскимъ Императоромъ, и въ Кроаціи, гдѣ Кроатскій король тождественъ съ Венгерскимъ королемъ).

Но кромѣ того, что самостоятельная власть должна имѣть организацію, основанную на собственныхъ законахъ, она должна далѣе обладать всѣми матеріальными функціями государственной власти, такъ какъ это—необходимое слѣдствіе ея самоорганизаціи. Поэтому союзъ безъ собственныхъ законовъ, правительства и суда—не можетъ быть государствомъ. Государство можетъ быть ограничено въ объемѣ этихъ функцій, въ компетенціи своихъ органовъ, но онѣ всѣ должны быть у него на лицо, чтобы оно могло быть признано государствомъ. Несуверенныя государства настоящаго времени обладаютъ самостоятельной сферой дѣйствія во всѣхъ большихъ областяхъ государственной жизни. Но нѣтъ необходимости, чтобы они обладали всѣми верховными правами, такъ какъ отсутствіе какихъ-либо отдѣльныхъ верховныхъ правъ не лишаетъ союза его государственнаго характера.

Изъ этого вытекаетъ, говоритъ Еллинекъ, еще одинъ признакъ несуверенаго государства, отличающій послѣднее отъ негосударственнаго союза, а именно, что, при отпаденіи отъ него суверенной власти, такой союзъ eo ipso обращается въ суверенное государство, такъ какъ имѣлъ уже всѣ данныя (организацію и функціи), характеризующія государство.

Границы же между суверенным и несуверенным государствомъ легко опредѣляются. Суверенитетъ—способность исключительнаго правового самоопредѣленія. Поэтому лишь

Digitized by Google

суверенное государство вполнѣ свободно опредѣляетъ содержаніе своей компетенціи въ имъ самимъ положенныхъ и признанныхъ правовыхъ границахъ. Несуверенное же государство, напротивъ, опредѣляется также свободно, но лишь въ границахъ своей государственной сферы. Несуверенному государству также принадлежитъ правовая власть надъ своей компетенціей, но власть эта встрѣчаетъ свои границы въ правѣ суверенаго союза [1]) —

Такимъ образомъ и Еллинекъ, подобно Лабанду находитъ критерій государства во властвованіи по собственному праву.

Но властвовать по собственному праву, хотя и данному государствомъ, могутъ, какъ мы уже говорили, и общины и самоуправляющіеся публично правовые союзы, которымъ законами государства предоставляются права власти въ извѣстной сферѣ и въ опредѣленномъ объемѣ, субъектами которыхъ являются сами эти союзы. Собственное право лица, какъ это совершенно правильно установлено Розиномъ, является право, субъектомъ котораго является это лицо, независимо отъ того, кѣмъ предоставлено ему это право, возникло ли оно у него первоначально или производно, ограничено-ли это право и подчинено другой власти. Какъ бы сознавая не возможность доказать отличительный характеръ государства при помощи признака «собственнаго права», понимаемаго въ такомъ единственно правильномъ смыслѣ, Еллинекъ, подобно Лабанду, стремится придать «собственному праву» иное значеніе, а именно первопачальнаго, непроизводнаго права, непосредственно и изначала возникшаго у его обладателя. Властвованіе государства — первоначальное властвованіе, говоритъ Еллинекъ. На это было сдѣлано въ литературѣ возраженіе, что власть многихъ самоуправляющихся союзовъ и общинъ, которые исторически предшествовали государству, особенно вышедшихъ изъ среднихъ вѣковъ, возникла самостоятельно и не была имъ дана тѣмъ государствомъ, въ составъ котораго

[1]) Jellinek: D. Recht d. mod. Staates B. I стр. 446—452.

Digitized by Google

они вошли и подчинились ему. Государство лишь признало эту власть и ограничило ее собственными законами. На это, впрочемъ, Еллинекъ возражаетъ, что, во всякомъ случаѣ, организація общинъ въ современныхъ государствахъ преобразована вся или, покрайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ основана на государственныхъ законахъ, тогда какъ, напримѣръ, власть государствъ—членовъ союзнаго государства, не дана имъ союзнымъ государствамъ, а возникла первоначально у нихъ самихъ: эти государства существовали ранѣе союза. Но какъ мы указывали уже выше, союзныя государства въ Мексикѣ и Бразиліи образовались изъ простого государства, такъ что власть членовъ этихъ союзныхъ государствъ, какъ утверждаетъ Ле-Фуръ, организована самимъ союзнымъ государствомъ и имѣетъ свое основаніе въ союзной конституціи [1]).

Наконецъ, Еллинекъ и самъ какъ бы признаетъ, что государственная власть можетъ возникнуть не первоначальнымъ, а производнымъ способомъ, такъ какъ замѣчаетъ, что если даже общественный союзъ получилъ свое правовое устройство при содѣйствіи другихъ государствъ, онъ все же является государствомъ, если это правовое устройство pro futuro разсматривается, какъ его первоначальный (originärer) волевой актъ, такъ что не можетъ быть измѣнено безъ его уполномочія» [2]).

Но и при такомъ толкованіи первоначальнаго права, его не можетъ быть у членовъ союзнаго государства, такъ какъ ихъ устройство можетъ быть отмѣнено союзною властью. Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни разсматривали pro futuro возникшее такимъ образомъ правовое устройство государства, ясно все же, что оно возникло въ силу воли другихъ государствъ, производнымъ порядкомъ, а если оно, какъ говоритъ Еллинекъ, не можетъ быть отмѣнено безъ согласія этого государства, то не потому, что оно является первоначальнымъ во-

[1]) См. Le Fur: Назв. соч. стр. 380.

[2]) Jellinek: D. R. d. mod. States стр. 447.

Digitized by Google

левымъ актомъ этого государства, а лишь въ силу его суверенитета. Такой союзъ значитъ суверенъ.

Наконецъ, первоначальными правами властвованія и организаціей, основанной на собственныхъ законахъ, можетъ обладать не только государство, но и автономная часть государства, его община. Все зависитъ отъ организаціи самоуправленія въ данномъ государствѣ. Государство съ весьма широкимъ самоуправленіемъ можетъ опредѣлить лишь предѣлы властвованія самоуправляющихся союзовъ и свой контроль надъ ними, оставивъ имъ въ этихъ предѣлахъ самимъ организовать свое властвованіе посредствомъ собственныхъ правовыхъ нормъ, автономныхъ статутовъ, и тогда эти права властвованія будутъ опредѣляться собственными законами автономнаго союза или общины, а не одними только законами государства, опредѣляющими предѣлы этихъ правъ и государственный надзоръ. Также эти союзы имѣютъ свои высшіе органы, не совпадающіе юридически съ высшими органами государства. Еллинекъ самъ вынужденъ признать, что и общины обладаютъ собственной властью и организаціей [1]), но только замѣчаетъ, что онѣ могутъ обладать такой организаціей лишь во второстепенныхъ чертахъ, главныя же черты ихъ организаціи опредѣляются всегда государственными законами. Уже противъ такого же утвержденія Георга Мейера, который также доказываетъ, что отличіе государства отъ общины заключается въ томъ, что государство обладаетъ полномочіемъ осуществлять извѣстныя политическія задачи самостоятельно, т. е. на основаніи собственныхъ законовъ и регулировать свою собственную организацію посредствомъ своихъ собственныхъ законовъ [2]), было замѣчено Гепелемъ, что границы автономіи самоуправляющихся союзовъ въ положительномъ правѣ простого государства—относительны и могутъ быть такъ расширены, что указываемые Георгомъ

[1]) Jellinek: Das Recht d. mod. Staates B. I стр. 591 сл.

[2]) G. Meyer: Lehrbuch d. D. Staatsrechtes 1895 стр. 7.

Digitized by Google

Мейеромъ признаки государства могутъ быть и у общинъ [1]). Притомъ и тѣ несуверенные общественные союзы, которые Лабандъ, Еллинекъ и Георгъ Мейеръ признаютъ несуверенными государствами, какъ-то члены союзнаго государства, далеко не имѣютъ права, исключительно организоваться на основаніи собственныхъ законовъ [2]). Въ Швейцаріи и Соединенныхъ Штатахъ члены союзнаго государства въ силу закона союза не имѣютъ права измѣнять у себя республиканскую форму правленія; далѣе во всѣхъ союзныхъ государствахъ органы членовъ союзнаго государства являются въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ также органами союзной власти, далѣе компетенція органовъ членовъ союза опредѣляется и законами союзнаго государства, которое опредѣляетъ, какой рядъ весьма важныхъ функцій государственнаго управленія отнятъ у нихъ и предоставленъ органамъ союзной власти; наконецъ, союзная власть имѣетъ право путемъ союзнаго закона измѣнить даже организацію членовъ союзнаго государства до такой степени, что превратить ихъ въ простые административные округа союза.

По поводу же утвержденія Георга Мейера, что лишь государство можетъ осуществлять извѣстныя политическія задачи на основаніи собственныхъ законовъ, необходимо замѣтить, что и самъ Г. Мейеръ признаетъ, что каждый корпоративный союзъ, а не только государство, обладаетъ полномочіемъ издавать собственныя автономическія постановленія, законы [3]), но только замѣчаетъ, что осуществлять именно политическія задачи по собственнымъ законамъ можетъ лишь

---

[1]) Haenel: D. Staatsrecht B. I стр. 800.

[2]) Ср. Rehm: Allg. Staatslehre стр. 112 сл. См. тамъ же у него указанія на то, что члены Германской Имперіи не въ малой части получаютъ свою организацію отъ Имперіи (напримѣръ, организацію учрежденій уголовной и гражданской подсудности, учрежденій по обезпеченію инвалидности и несчастныхъ случаевъ, биржевыхъ учрежденій и учрежденій по переселенческимъ дѣламъ.

[3]) G. Meyer: Lehrbuch стр, 8 пр. 17.

Digitized by Google

государство, но понятіе «политическихъ задачъ» до крайности широко и неопредѣленно. Если общины являются корпоративными публичноправовыми союзами, то ясно, что и онѣ могутъ осуществлять извѣстныя публичноправовыя политическія задачи. Даже защитникъ теоріи несуверенаго государства Лабандъ прямо говоритъ: «Общины могутъ въ обширной области политической жизни обладать собственнымъ правомъ управленія, автономнаго изданія статутовъ и даже суда» [1]). Конечно, и такое собственное право организаціи и собственныя права властвованія общинъ подчинены государству. Но и собственное властвованіе и организація членовъ союзнаго государства, которые Георгъ Мейеръ и Еллинекъ признаютъ государствами, точно также подчинены суверенной власти союзнаго государства, законы союзнаго государства имѣютъ высшую силу для членовъ союзнаго государства, далѣе, союзная власть сама разрѣшаетъ всѣ споры о компетенціи и, опредѣляя свою собственную компетенцію, опредѣляетъ, такимъ образомъ, компетенцію членовъ союзнаго государства, она даже имѣетъ право путемъ измѣненія конституціи совершенно отнять право властвованія у членовъ союзнаго государства и обратить ихъ въ административныя дистрикты. Это признаетъ и самъ Еллинекъ. Еллинекъ, какъ и Лабандъ, прямо утверждаетъ, что «компетенція союзной власти въ отношеніи членовъ союза безгранична» [2]). Поэтому-то Лабандъ, какъ мы видѣли, самъ долженъ былъ признать, что члены союзнаго государства имѣютъ всѣ свои права какъ бы precario, только въ силу воли союзнаго государства [3]). Спрашивается, чѣмъ же тогда ихъ

---

[1]) Laband: Staatsrecht стр. 65.
Ср. также Brie: Theorie der Staatenverbindungen 1886 стр. 11 сл.
Gierke: въ Schmollers Jahrbuch 1883 г. стр. 1166 и пр. 1.
[2]) Jellinek: Назв. соч. стр. 716.
Laband: Staatsrecht стр. 99.
[3]) Laband: Тамъ же.

Digitized by Google

властвованіе отличается отъ властвованія общины, самоуправляющихся частей государства?

Еллинекъ говоритъ, что несуверенное государство опредѣляется свободно въ своей собственной государственной сферѣ, границы которой опредѣляются правомъ суверенаго союза [1]). Но и автономная община опредѣляется свободно въ тѣхъ правовыхъ границахъ, которыя указаны ей государствомъ. Любопытно, что Еллинекъ въ своемъ ученіи о союзномъ государствѣ раввиваетъ взглядъ, что общественный союзъ, поскольку онъ подчиняется власти другого союза, утрачиваетъ характеръ государства. Поэтому члены союзнаго государства являются лишь постольку государствами, поскольку они не подчинены союзной власти, и теряютъ этотъ характеръ государства въ тѣхъ отношеніяхъ, гдѣ они являются подчиненными союзной власти. Такимъ образомъ, по теоріи Еллинека, члены союзнаго государства имѣютъ государственный характеръ лишь въ той сферѣ, въ которой они самостоятельны, свободны отъ власти союза [2]) Противъ этого необходимо возразить, что суверенитетъ, суверенная власть государства распространяется на всю сферу подчиненнаго ей союза, иначе мы неизбѣжно должны будемъ прійти къ пресловутой теоріи дѣлимости суверенитета, отвергаемой и самимъ Еллинекомъ.

При этомъ такое возрѣніе Еллинека прямо противорѣчитъ его же собственному утвержденію, что компетенція союзнаго государства въ отношеніи государствъ—членовъ союза безгранична.

Итакъ, ни въ собственномъ и первоначальномъ правѣ властвованія [3]), ни въ полномочіи организозаться по соб-

[1]) Jellinek: Назв. соч. стр. 451.

[2]) Jellinek: Назв. соч. стр. 707.

[3]) Изъ русскихъ ученыхъ этотъ признакъ государства принимаютъ: Коркуновъ: Русское гос. право. Т. I 1899 стр. 25 сл. Гессенъ: Верховная власть (въ Словарѣ Юридич. и госуд. наукъ Волкова и Филиппова Вып. IV стр 1716).

Digitized by Google

ственнымъ законамъ, нельзя видѣть критерій, отличающій государство и тѣмъ болѣе несуверенное государство отъ негосударственныхъ союзовъ властвованія. Исключительное же властвованіе и организація по собственному праву характеризуютъ лишь суверенное государство и ни въ какомъ случаѣ не принадлежатъ несуверенным союзамъ.

Критерій цѣли.

Нѣкоторые германскіе ученые, отвергая суверенитетъ, какъ существенный признакъ государства, въ то же время сознавая всю слабость предложенныхъ Лабандомъ, Еллинекомъ и Георгомъ Мейеромъ критеріевъ, заключающихся въ властвованіи по собственному или первоначальному праву, или же въ собственной организаціи и осуществленіи политическихъ задачъ на основаніи собственныхъ законовъ, ищутъ этотъ критерій не въ юридической конструкціи властвованія государства, а въ различіи цѣлей, осуществляемыхъ государствомъ и негосударственными союзами. Правда, цѣль, которой служитъ извѣстный правовой институтъ, какъ справедливо замѣчаетъ Лабандъ противъ Розина, лежитъ внѣ его юридическаго понятія. Цѣли, которыя достигаются собственностью, сервитутомъ, товариществомъ, куплей, мѣной, судомъ присяжныхъ и т. д., хотя и имѣютъ опредѣляющее вліяніе на юридическое строеніе этихъ институтовъ, говоритъ Лабандъ, и имѣютъ огромное значеніе для ихъ разумѣнія, не составляютъ, однако, самого понятія этого института [1]). Цѣль характеризуетъ институтъ скорѣе съ политической, чѣмъ юридической стороны, и, во всякомъ случаѣ, и эта попытка нѣкоторыхъ нѣмецкихъ ученыхъ найти критерій государства въ различіи цѣлей, осуществляемыхъ общественными союзами показываетъ, что, отвергнувъ суверенитетъ, какъ необходимый признакъ государства, они отчаиваются въ возможности найти другой юридическій

[1]) Laband: Staatsrecht B. I стр. 63.

Digitized by Google

критерій государства, и ищутъ его, такъ сказать, въ области политической.

Такъ Розинъ утверждаетъ, что юридическое различіе между общиной и государствомъ заключается въ различіи ихъ цѣлей. Община есть организмъ мѣстнаго характера, государство — народный организмъ.

Цѣль общины состоитъ въ удовлетвореніи общинныхъ потребностей, вытекающихъ изъ мѣстнаго сожительства и сосѣдства земельныхъ участковъ, государство преслѣдуетъ національные интересы всего народа. Общее воззрѣніе народа на содержаніе мѣстныхъ и національныхъ интересовъ можетъ, замѣчаетъ Розинъ, измѣняться, но самая противоположность этихъ понятій мѣстнаго и національнаго интереса остается неизмѣнной [1]). Критерій, какъ видимъ, весьма неопредѣленный, такъ какъ совершенно не видно, въ чемъ заключается именно мѣстный интересъ и въ чемъ національный.

При этомъ оказывается, что и это представленіе о мѣстныхъ и національныхъ интересахъ отдѣльныхъ народовъ — измѣнчиво. Въ настоящее время государства состоятъ изъ самыхъ различныхъ національностей, и представленіе ихъ о національномъ и народномъ интересѣ весьма различны Самое различіе между мѣстнымъ и національнымъ интересами весьма условно. Отдѣльныя общины и провинціи государства, какъ его составныя части, также осуществляютъ въ большей или меньшей мѣрѣ общій національный интересъ, преслѣдуемый государствомъ, хотя сфера ихъ дѣятельности и уже сферы государства [2]) Кромѣ того, какъ справедливо указываетъ Лабандъ, маленькія государства и государства — города являются все же государствами. хотя совершенно неспособны осуществить національныя задачи всего народа. Наконецъ, замѣтимъ, что самое понятіе «націи» и народа далеко не настолько ясныя понятія, чтобы ими съ удоб-

[1]) Rosin: Назв. соч. стр. 291 сл.

[2]) Это признаетъ и самъ Розинъ ср. назв. соч. стр. 292.

Digitized by Google

ствомъ можно было пользоваться для опредѣленія различія между государственнымъ и негосударственнымъ союзами.

Вдобавокъ, колоніи и провинціи нѣкоторыхъ государствъ, какъ англійскія колоніи (Канада, Австралія) и австрійскія провинціи пользуются болѣе широкой автономіей и осуществляютъ болѣе обширныя цѣли, чѣмъ признаваемые Розинымъ государствами члены союзнаго государства, какъ-то Германской Имперіи, Соединенныхъ Штатовъ и Швейцаріи [1]).

Въ виду всего этого критерій государства, предложенный Розинымъ, является совершенно непригоднымъ.

Подобно Розину, и Бри находитъ критерій государства въ цѣли, имъ осуществляемой. Но въ отличіе отъ Розина онъ видитъ отличительный признакъ государства не въ преслѣдованіи «національной цѣли», а въ «цѣли принципіально универсальной», тогда какъ общины преслѣдуютъ лишь цѣль, обусловленную мѣстнымъ сожительствомъ [2]).

Бри полагаетъ, что путемъ этого критерія можно отличить и несуверенное государство отъ общины.

Но «всестороннюю цѣль» можетъ осуществлять лишь суверенный союзъ, дѣятельность котораго не ограничивается никакой другой властью въ сферѣ его господства.

Несуверенное же государство, существованіе котораго отстаиваетъ Бри, указывая на членовъ союзнаго государства, уже потому не можетъ принципіально осуществлять «все-

[1]) Ср. также Laband: Staatsrecht стр. 63 сл.
Le Fur: État fédéral стр. 367 сл.
Borel: Etude sur la souveraineté стр. 93 сл.
Rehm: Allg. Staatslehre: стр. 115.

[2]) Brie: Theorie der Staatenverbindungen 1886 стр. 12 сл. Такъ же какъ и Бри Pischel: Der Begriff der Suzeränität 1897 стр. 41. H B. Schmidt: Der Staat 1896 стр. 51 сл., хотя „съ небольшими измѣненіями", какъ онъ самъ выражается, а именно онъ опредѣляетъ государство „не какъ универсальную, но принципіальную форму общежитія, принципіально преслѣдующую человѣческія цѣли, которыя могутъ быть осуществлены лишь соціально". Опредѣленіе, какъ видимъ, по своей неясности и растяжимости совершенно непригодное служить критеріемъ государства

Digitized by Google

сторонною цѣль», что его задачи и компетенція властно ограничены суверенной, союзной властью [1]).

Такимъ образомъ и понятіе «принципіально всесторонней цѣли» совершенно непригодно быть критеріемъ, отличающимъ несуверенное государство отъ негосударственнаго союза.

Совершенно правильно замѣчаетъ Лабандъ по поводу этой теоріи цѣли: «Цѣль означаетъ о п р е д ѣ л е н н ы й цѣлевой пунктъ; всесторонняя цѣль есть поэтому contradictio in adjecto; это—отказъ отъ точнаго опредѣленія цѣли. Можно, конечно, сказать, что государство можетъ свободно избирать цѣли, которыя оно желаетъ осуществлять, что оно не связано въ выборѣ цѣлей; но такимъ образомъ получается лишь другое выраженіе для обозначенія суверенитета государства, который включаетъ въ себя положеніе, что государство само опредѣляетъ свои цѣли и, слѣдовательно, свою компетенцію» [2])

Критерій государства, какъ международно-правовой личности.

Нѣкоторые ученые [3]) находятъ критерій государства, его отличіе отъ другихъ территоріальныхъ союзовъ въ международноправовой личности государства. Этотъ критерій особенно отстаиваетъ германскій ученый Рэмъ. Рэмъ доказываетъ, что существуетъ два рода государствъ: суверенныя и несуверенныя. Суверенный территоріальный союзъ всегда является государствомъ, но и несуверенный территоріальный союзъ представляетъ собою государство, если только онъ обладаетъ международноправовою личностью. «То, что отличаетъ зависимое государство отъ зависимыхъ территоріальныхъ корпорацій, провинціи, общины

[1]) Ср. также Rehm: Allg. Staatslehre стр. 115.
Borel: Назв. соч. стр. 95.
Le Fur: Назв. соч. стр. 271 сл.
Preuss: Gemeinde, Staat, Reich... стр. 76 сл.

[2]) Laband: Staatsrecht B. I стр. 63 пр. 1.

[3]) Stöber: Parlamentarische Immunität des Landesausschusses für Elsass—Lothringen въ Archiv f. öffentl. Recht v. Laband und Störk B. I 1885 стр. 638 сл.
Rehm: Allg. Staatslehre стр. 28 сл., 39.

Digitized by Google

и т. д., состоитъ именно въ его свойствѣ, какъ международно-правовой личности» [1]).

Всѣ прочіе предложенные критеріи несуверенаго государства Рэмъ отвергаетъ [2]).

Противъ этого критерія, выдвигаемаго Рэмомъ, вполнѣ справедливо возразили Лабандъ и Еллинекъ, что международно-правовая личность является всегда слѣдствіемъ, а не основаніемъ государственнаго характера общественнаго союза. Должно прежде указать свойство общественнаго союза, въ силу котораго онъ можетъ быть субъектомъ международнаго права. Международное право есть право, дѣйствующее между государствами, слѣдовательно предполагающее уже напередъ существованіе государствъ. Можно представить себѣ также совершенно изолированное государство, стоящее внѣ всякихъ международно-правовыхъ отношеній; поэтому долженъ существовать критерій, позволяющій установить государственный характеръ союза безъ помощи международнаго права [3]).

Кромѣ того, противъ критерія Рэма необходимо замѣтить, что собственно субъектами международнаго права являются лишь независимыя, суверенныя государства [4]). Несуверенные же союзы, хотя и выступаютъ субъектами международныхъ отношеній, но лишь въ весьма ограниченной области и въ силу уполномочія на то суверенной власти, даннаго въ ея законахъ (въ союзномъ государствѣ), или же спеціальнаго уполномочія для отдѣльнаго случая [5]).

Но такими условными и ограниченными субъектами международнаго права являются не только несуверенные союзы, которые нѣкоторыми писателями и Рэмомъ въ томъ числѣ

[1]) Rehm: Allg. Staatslehre стр. 28 сл.

[2]) См. Rehm: Allg. Staatslehre стр. 112 сл.

[3]) Laband: Staatsrecht стр. 70.
Jellinek: D. Recht d. mod. Staates B. I стр. 446 пр. 1.

[4]) Ср. Листъ: Международное право. Русскій пер 1902 стр. 37 сл.

[5]) Проф. Эйхельманъ называетъ ихъ мѣтко „условными субъектами международнаго права“ см. Эйхельманъ: Очерки изъ лекцій по межд. праву 1900 стр. 88.

Digitized by Google

признаются государствами, но и нѣкоторые такіе, которые, по общему признанію, являются лишь провинціями, колоніями государства; таковы, напримѣръ, провинціи Англіи: Индія, Канада, Австралія и др. [1]).

Поэтому и критерій, предложенный Рэмомъ для опредѣленія государственнаго характера несуверенаго союза, не можетъ быть принятъ.

Критерій Прейса.

Кромѣ всѣхъ указанныхъ критеріевъ государства, предложенныхъ учеными, признающими суверенитетъ несущественнымъ признакомъ государства, намъ остается еще упомянуть о критеріи, предложенномъ Прейсомъ. Прейсъ находитъ отличительный признакъ государства не въ суверенитетѣ, понятіе котораго, какъ мы указали уже выше [2]), онъ считаетъ яко бы несовмѣстимымъ съ современнымъ государственнымъ строемъ, а въ территоріальномъ верховенствѣ. Послѣднее же Прейсъ опредѣляетъ, какъ правовую способность территоріальной корпораціи безъ согласія и уполномочія другой территоріальной корпораціи, т. е. исключительно въ силу собственной воли, измѣнять свою территорію даже до самоуничтоженія, имѣя въ виду, что территорія является основнымъ элементомъ государства. Территоріальная корпорація, обладающая такимъ территоріальнымъ верховенствомъ, является государствомъ въ отличіе отъ общины, территорія которой можетъ быть измѣнена лишь въ силу государственнаго акта.

Члены Германской Имперіи поэтому являются, по мнѣнію Прейса, государствами, такъ какъ они могутъ измѣнять свою территорію безъ согласія и уполномочія Имперіи, т. е. совершенно самостоятельно [3]).

---

[1]) Ср. Borel: Etude sur la souveraineté стр. 96 сл.

Обстоятельное опроверженіе критерія Рема у Le Fur: Etat fédéral стр. 402 стр. 411 сл.

[2]) См. стр. 345 сл.

[3]) Preuss: Gemeinde, Staat, Reich als Gebietskörperschaften 1889 стр. 405 сл.

Digitized by Google

Мы указывали въ свое время, какъ Прейсъ въ своей конструкціи территоріальнаго ворховенства государства, самъ не замѣчая этого, приходитъ къ такой характеристикѣ государства, которая можетъ быть дана лишь суверенному союзу [1]). Но и помимо этого, утвержденіе Прейса, что коммунальный союзъ отличается отъ государства тѣмъ, что не имѣетъ права измѣнять свою территорію, не выдерживаетъ критики. Не только государство, но и общины имѣютъ право на основаніи законодательства нѣкоторыхъ государствъ въ указанныхъ законами предѣлахъ самостоятельно измѣнять свою территорію. Какъ указываетъ Еллинекъ, въ Австріи общины въ большинствѣ случаевъ имѣютъ право соединяться и измѣнять границы своей территоріи только съ согласія высшаго общиннаго союза, государственнымъ же органамъ присвоено лишь право возраженія противъ проэктируемыхъ измѣненій [2]). Хотя это право общинъ оказывается ограниченнымъ государственною властью, но, какъ справедливо замѣчаетъ Рэмъ, и право членовъ Германской Имперіи распоряжаться своей территоріей также ограничено союзной властью. Между тѣмъ Прейсъ признаетъ ихъ государствами. Такимъ образомъ и это право распоряженія своей территоріей со стороны членовъ союзнаго государства зависитъ отъ законовъ союзнаго государства; и кромѣ того, его можетъ не быть въ тѣхъ или другихъ союзныхъ государствахъ [3]).

Еллинекъ справедливо замѣчаетъ по поводу этой теоріи Прейса, что признавать существеннымъ въ понятіи государства и отличительнымъ признакомъ государства такой второстепенный моментъ, какъ способность къ измѣненію территоріи, значитъ не выяснять идею государства, а затемнять ее [4]).

---

[1]) См. выше стр. 360.

[2]) Jellinek: System d. subject. öffentl. Rechte 1892 стр. 73 пр. 1.

[3]) Rehm: Allg. Staatslehre стр. 112.

[4]) Jellinek: System d. sub. öffentl. Rechte стр. 73 пр. 1.

Digitized by Google

Мы разсмотрѣли критеріи государства, предложенные учеными, непризнающими суверенитетъ существеннымъ признакомъ государства. Несмотря на всѣ усилія этихъ ученыхъ, имъ, по нашему мнѣнію, совершенно не удалось найти такой характерный признакъ, посредствомъ котораго можно было бы отличить такъ называемыя несуверенныя государства отъ автономныхъ провинцій и общинъ суверенаго государства. Въ своемъ стремленіи отстоять во что бы то ни стало государственный характеръ членовъ союзнаго государства и самое понятіе союзнаго государства, какъ государства, состоящаго изъ государствъ, новѣйшіе нѣмецкіе ученые устанавливаютъ до крайности искусственныя юридическія различія между государствомъ и негосударственными союзами, которыя, при ближайшемъ анализѣ, оказываются весьма относительными и не дающими никакого вѣрнаго юридическаго масштаба для установленія государственнаго характера даннаго союза. Поэтому и въ новой германской литературѣ публичнаго права ученіе о несуверенныхъ государствахъ раздѣляется далеко не всѣми. Такъ признаютъ суверенитетъ существеннымъ признакомъ государства, кромѣ Зейделя, Гирке [1]), Цорнъ [2]), О. Майеръ [3]), Борнгакъ [4]), Генель [5]), и нѣкоторые другіе [6]).

Изъ новѣйшихъ ученыхъ, отвергающихъ нѣмецкія теоріи несуверенаго государства и доказывающихъ, что суверенитетъ есть существенный, необходимый аттрибутъ государства, укажемъ на швейцарскаго юриста Бореля [7]), французскихъ ученыхъ Le-Fur'a [8]) и Комботекра [9]) и Гол-

[1]) Gierke: Въ Schmollers Jarhbuch 1883 стр. 1168.
[2]) Zorn: Das Staatsrecht d. D. Reiches 1880 B. I стр. 47.
[3]) O. Mayer: D. Verwaltungsrecht B. I стр. 1 и B. II стр. 371, 463 сл
[4]) Bornhak: Allg Staatslehre стр. 10.
[5]) Haenel: Deutsches Staatsrecht B. I стр. 113 сл.
[6]) О нихъ см. Rehm: Allg. Staatslehre стр. 115.
[7]) Borel: Etude sur la souveraineté et l'Etat fédératif 1886.
[8]) Le Fur: État fédéral et confédération d'états 1896.
[9]) Combothecra: La conception juridique de l'Etat. 1899.

Digitized by Google

ландскаго Bake'a. Можно сказать, что и въ настоящее время въ научной литературѣ преобладаетъ мнѣніе, что суверенитетъ есть единственный отличительный признакъ государства.

Правда, нѣкоторые изъ писателей, придерживающихся взгляда, что суверенитетъ—необходимый признакъ государства, неправильно допускаютъ въ то же время, какъ мы говорили уже выше, существованіе полусуверенныхъ государствъ и государствъ съ относительнымъ суверенитетомъ, или же проводятъ своеобразную идею о существованіи двухъ суверенитетовъ въ союзномъ государствѣ и, такимъ образомъ, даютъ возможность защитникамъ теоріи несуверенныхъ государствъ ссылаться на то, что ихъ противники сами вынуждены констатировать существованіе государствъ, не обладающихъ суверенитетомъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. попросту несуверенныхъ; но этотъ промахъ вышеупомянутыхъ ученыхъ нисколько не можетъ служить доводомъ въ пользу существованія несуверенныхъ государствъ. Еще свѣжія воспоминанія о былой исторической роли прежде независимыхъ суверенныхъ государствъ, сдѣлавшихся частями союзнаго государства, національное чувство и сепаратизмъ населенія, являются значительными факторами, которые не только вліяли на научныя представленія, но и на законодательство. Такъ, въ союзныхъ конституціяхъ члены союзнаго государства именуются не только государствами, но и за высшими органами этихъ автономныхъ союзовъ сохранены прежнее привилегированное положеніе и внѣшніе аттрибуты, которые принадлежатъ лишь высшимъ органамъ государства, какъ-то: монархическій титулъ и право монарха у нѣмецкихъ государей. При созданіи союзныхъ государствъ должны были считаться съ политикой, входить въ компромиссы и щадить самолюбіе и національное чувство правительства и населенія тѣхъ государствъ, которыя, подчиняясь суверенитету новой центральной власти, утрачивали свой государственный характеръ. Насколько приходилось считаться съ этими идеями и чувствами, мы

Digitized by Google

уже указывали выше, говоря объ образованіи союзнаго государства въ Америкѣ и Европѣ. По такимъ постановленіямъ союзныхъ конституцій, въ которыхъ члены союзнаго государства именуются государствами и органамъ ихъ придаются внѣшніе аттрибуты государственныхъ органовъ, должно придавать столько же значенія, сколько и § 1 Швейцарской союзной конституціи, гласящему, что: «кантоны суверенны», поскольку они не ограничены союзной конституціей, такъ какъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, и это утверждаютъ почти всѣ ученые, что кантоны совершенно не обладаютъ суверенитетомъ, и суверенна лишь союзная власть. Мы указывали уже выше, какое относительное значеніе можетъ имѣть для науки сбивчивая, вызванная часто неправильными ходячими представленіями или политическими цѣлями, терминологія законодателя или дипломатическихъ актовъ.

Для чего понадобилась теорія несуверенаго государства? Вѣдь ученые, поддерживающіе ее, нисколько не отрицаютъ, что наличность суверенитета у даннаго территоріальнаго союза показываетъ тѣмъ самымъ его государственный характеръ. Легальной, такъ сказать, причиной этой теоріи была кажущаяся для этихъ ученыхъ невозможность подвести нѣкоторые несуверенные союзы подъ категорію автономныхъ провинцій суверенаго государства, такъ какъ они не подходятъ подъ общій типъ автономныхъ провинцій и имѣютъ нѣкоторое сходство съ суверенымъ государствомъ.

Но какая же была логическая необходимость въ такомъ случаѣ отнести ихъ именно къ разряду государствъ, а не къ особому типу автономныхъ провинцій? Вѣдь нашелъ же Еллинекъ возможнымъ назвать «обрывками государствъ», Staatsfragmente, цѣлый рядъ такихъ политическихъ образованій, которыя не могутъ быть причислены ни къ государствамъ, ни подведены подъ общій типъ провинцій и общинъ государства. Это понятіе «обрывковъ государства», конечно, не отличается юридическою опредѣленностью, но указываетъ на возможность

Digitized by Google

различныхъ переходныхъ формъ между государствомъ и обыкновенными провинціями суверепнаго государства. Можно было бы съ такимъ же основаніемъ назвать и упомянутыя «несуверепныя государства» государствоподобными провинціями суверепнаго государства. Градація въ объемѣ автономіи различныхъ несуверепныхъ частей и провинцій государства можетъ быть весьма различна, но, чтобы утверждать ихъ государственный характеръ, нужно прежде всего доказать, что онѣ являются государствами. Исторически установившійся и всѣми признанный критерій государства былъ суверенитетъ. Этотъ критерій сталъ на пути стремленіямъ признать такіе несуверепные союзы государствами. И вотъ, въ нѣмецкой наукѣ началась борьба pro и contra этого критерія, была выдвинута, какъ мы видѣли выше, цѣлая фаланга новыхъ критеріевъ, при чемъ между защитниками теорій несуверепнаго государства образовалось полное разногласіе во взглядахъ на пригодность того или другого критерія. Мы видѣли выше, что въ сущности всѣ эти критеріи непригодны для той цѣли, къ которой стремились авторы ихъ, т. е. установить при помощи ихъ различіе между государственными и негосударственными союзами. Найдя весьма слабый отзвукъ внѣ Германіи, эти новыя теоріи находятъ въ послѣднее время все большее и большее количество противниковъ въ ученыхъ другихъ странъ, которые, въ свою очередь, пользуются результатами и пріемами германской науки для опроверженія теоріи нѣмецкихъ ученыхъ о несуверепномъ государствѣ, и въ самой Германіи эти теоріи вызываютъ къ себѣ все болѣе критическое отношеніе.

Мы также присоединяемся къ тому взгляду, что суверепитетъ является единственнымъ юридическимъ критеріемъ, отличающимъ государство въ юридическомъ смыслѣ этого слова отъ провинцій, общинъ, колоній и всякаго рода автономныхъ союзовъ, какъ бы они не назывались И менѣе всего могутъ нѣмецкіе ученые ссылаться въ доказательство

Digitized by Google

существованія несуверенныхъ государствъ на государства, состоящія подъ международноправовымъ протекторатомъ и вассальныя государства. Такъ какъ значительное число ученыхъ, въ томъ числѣ, и виднѣйшіе защитники теорій несуверенаго государства, какъ напримѣръ Еллинекъ, сами указываютъ, что, несмотря на политическую зависимость, такое протежируемое государство можетъ сохранить свою юридическую независимость, суверенитетъ [1]). Тамъ же, гдѣ такъ называемый протежируемый союзъ дѣйствительно оказывается юридически подчиненнымъ, несуверенымъ, то подводить такое отношеніе подъ понятіе протектората, когда оно въ существѣ дѣла является государственноправовымъ отношеніемъ властвованія, намъ представляется симуляціей истиннаго положенія дѣлъ и смѣшеніемъ понятій. Также мало убѣждаетъ ссылка на вассальныя государства. Эта, почти отжившая и крайне ненормальная, по общему признанію, форма государственныхъ отношеній, искусственно поддерживаемая и затемняемая различными дипломатическими комбинаціями, какъ это показываетъ положеніе Болгаріи въ отношеніи Турціи, врядъ ли можетъ служить пригоднымъ доказательствомъ въ пользу теоріи несуверенныхъ государствъ [2]). Но именно на Болгарію и ссылаются сторонники несуверенаго государства. Между тѣмъ главенство Турціи надъ Болгаріей сами державы, принимавшія участіе въ опредѣленіи юридическаго положенія Болгаріи, не рѣшились подвести подъ понятіе суверенитета, а назвали лишь «сюзеренитетомъ». При чемъ содержаніе этого сюзеренитета и дѣйствительное юридическое положеніе Болгаріи таково, что среди ученыхъ возникли большія контроверзы по поводу вопроса о государственномъ характерѣ Болгаріи. И, если нѣкоторые ученые признаютъ de jure Болгарію лишь автономной провинціей Турціи, то другіе склоняются даже къ

---

[1]) См. Jellinek: D. Recht d. mod. Staates стр. 682 сл.

[2]) Ср. также Borel: Etude sur la souveraineté стр. 38.

Digitized by Google

признанію Болгаріи вполнѣ суверенным государствомъ [1]). Остаются, слѣдовательно, члены союзнаго государства, для которыхъ въ сущности и созданы всѣ указанныя выше теоріи несуверенаго государства. Нѣмецкіе ученые сознавали, что ни историческое значеніе этихъ членовъ союзнаго государства, какъ бывшихъ нѣкогда независимыми государствами, ни оффиціальное и народное именованіе ихъ государствами, ни нѣкоторые чисто внѣшніе почетные аттрибуты власти этихъ членовъ, сходные съ такими же аттрибутами государственной власти, недостаточны для того, чтобы утверждать, что эти бывшія государства, подчинившись возвысившемуся надъ ними суверенному союзному государству, не перестали быть государствами. Мы привели выше категорическое объявленіе самого Еллинека, что если не удастся найти иной критерій государства, кромѣ суверенитета, необходимо логически признать что члены союзнаго государства не являются государствами въ юридическомъ смыслѣ этого слова.

Каковы эти новые критеріи государства, мы разсмотрѣли уже выше. Мы пришли къ тому же заключенію, что и многіе другіе изслѣдователи, что ни одинъ изъ этихъ критеріевъ не можетъ служить признакомъ, характеризующимъ исключительно государство.

Суверенитетъ попрежнему остается единственнымъ вѣрнымъ критеріемъ государства. Въ ряду цѣлаго сложнаго ряда соподчиненныхъ союзовъ властвованія лишь одни суверенные союзы выдѣляются по своему властвованію изъ всей этой массы, и эти-то союзы и представляютъ собой государства, въ строго юридическомъ смыслѣ слова. По традиціямъ и

[1]) Le Fur: Назв. соч. стр. 475.

Boghitchevitch: Halbsouveränität 1903 стр. 45 сл.

Проф. Эйхельманъ: Очерки изъ лекцій по межд праву В. I 1900 стр. 98 признаетъ даже главенство Турціи надъ Болгаріей фикціей, созданной дипломатическимъ пріемомъ и лишенной всякаго содержанія.

Pischel: Der Begriff der Suzeränität 1897 указываетъ на то, что отношеніе Болгаріи къ Турціи принимаетъ все болѣе международноправовой характеръ.

Digitized by Google

чисто политическимъ соображеніямъ именуются и, можетъ быть, долго еще будутъ именоваться государствами и нѣкоторые несуверенные союзы, какъ-то члены союзнаго государства, но для науки публичнаго права, которая должна оперировать не съ какими-го неопредѣленными и расплывчатыми представленіям, а съ точными юридическими понятіями, и не увлекаться въ своихъ логическихъ выводахъ различными политическими тенденціями, необходимо строго отличать такія мнимыя государства отъ государствъ въ юридическомъ смыслѣ этого слова.

Справедливо говоритъ одинъ изъ виднѣйшихъ германскихъ государствовѣдовъ, Генель, о членахъ союзнаго государства, именуемыхъ государствами: «Если признакъ государства состоитъ въ томъ, что въ своей внутренней сферѣ въ отношеніи всего, что составляетъ государственную цѣль, оно не терпитъ иного авторитета, кромѣ собственнаго, и исключаетъ, осуществляя эту цѣль, всякую чужую, независимую отъ него и непосредственную власть надъ принадлежащими къ нему лицами и союзами, то въ сферу каждаго изъ членовъ союзнаго государства вторгается свободная отъ ихъ руководства и контроля власть, дѣйствующая ради государственной цѣли и поэтому властно ставящая подданныхъ и гражданъ въ непосредственное правовое отношеніе къ себѣ самой.

Если далѣе, говоритъ Генель, признакомъ государства является то, что оно по своему свободному и планомѣрному усмотрѣнію опредѣляетъ конкретныя задачи, которыя оно осуществляетъ въ общей культурной работѣ націи при разграниченномъ содѣйствіи другихъ общественныхъ организацій, то члены союзнаго государства наталкиваются на власть, которая не только въ отрицательномъ отношеніи совершенно исключаетъ ихъ вліяніе въ значительной части государственной дѣятельности, но и положительно имѣетъ въ компетенціи компетенціи право по своему усмотрѣнію и плану распредѣ-

Digitized by Google

лять государственныя задачи и опредѣлять вмѣстѣ съ тѣмъ роль, которая принадлежитъ его членамъ въ общей культурной работѣ общественныхъ силъ...

Поэтому члены Германской Имперіи ни въ коемъ случаѣ и ни въ какомъ смыслѣ не обладаютъ юридически суверенитетомъ. Сообразно съ единымъ простымъ государствомъ, они не являются государствами [1]).

На вопросъ Еллинека [2]) по поводу этихъ положеній Генеля: «въ чемъ же заключается научная необходимость измѣрять по маштабу единаго государства союзное государство и его члены?» правильно отвѣчаетъ одинъ изъ новѣйшихъ писателей: «эта необходимость заключается въ понятіи государства, такъ какъ различія въ понятіи между единымъ государствомъ, государствомъ—членомъ и сложнымъ государствомъ еще нѣтъ. Боденовское понятіе государства съ суверенитетомъ, какъ его существеннымъ признакомъ, еще и до настоящаго времени является опредѣляющимъ [3]).

Дѣйствительно, какое бы строеніе не имѣло государство оно всегда должно содержать въ себѣ элементъ, отличающій его отъ всѣхъ прочихъ союзовъ. Исторія государственныхъ отношеній ясно показала, что такимъ центральнымъ элементомъ въ понятіи государства является его суверенная власть, съ потерей которой государство всегда нисходитъ на положеніе подчиненнаго союза, входящаго въ составъ другого государства, какая бы обширная автономія и самоуправленіе ему не были предоставлены.

Противъ этого утвержденія возражаютъ, что, удержавъ суверенитетъ, какъ необходимый признакъ государства, приходится отказаться отъ возможности объяснить природу союзнаго государства, какъ особой формы государства, какъ

---

[1]) Haenel: D. Staatsrecht стр. 801—802.

[2]) Jellinek: Ueber Staatsfragmente 1895 стр. 11 пр. 1.

[3]) Boghitchevitch: Halbsouveränität 1903 стр. 136.

Digitized by Google

государства, состоящаго изъ государствъ, и причислить его къ категоріи единыхъ, простыхъ государствъ.

На это отвѣтимъ, что, разъ научная необходимость заставляетъ это сдѣлать, то необходимо, конечно, отказаться отъ такой концепціи союзнаго государства, какъ государства, состоящаго изъ государствъ, какъ бы прочно не укоренилась въ ходячихъ представленіяхъ и даже въ литературѣ такая идея. Вѣдь отказалась же теперь германская наука въ лицѣ ея лучшихъ представителей отъ не менѣе прочно укоренившейся популярной идеи, что субъектомъ государственной власти является монархъ или же совокупность гражданъ — народъ. Остается лишь объяснить, какую именно юридическую разновидность единаго государства представляетъ собою такъ называемое союзное государство. Попытки объяснить въ такомъ смыслѣ природу союзнаго государства сдѣланы уже учеными, какъ напримѣръ Цорномъ, Генелемъ, Гирке, Борнгакомъ, Отто Майеромъ, Теціеромъ, Борелемъ, Лефуромъ и другими. Объясненія этихъ ученыхъ имѣютъ свои недостатки и пробѣлы (особенно у Цорна) [1]), но и теоріи сторонниковъ идеи союзнаго государства, какъ государства, состоящаго изъ государствъ, не лишены тѣхъ же недостатковъ и, кромѣ того, страдаютъ принципіальнымъ недостаткомъ, что они утверждаютъ государственный характеръ членовъ союзнаго государства при помощи такихъ критеріевъ, которые являются совершенно неубѣдительными.

Наше изслѣдованіе понятія суверенитета въ его историческомъ развитіи и правовомъ значеніи въ связи съ его отношеніемъ къ правовой природѣ государства приводитъ насъ къ убѣжденію въ необходимости сохраненія этого понятія и въ настоящее время, какъ центральнаго въ понятіи государства. Именно суверенитетъ является не только исторической

[1]) См. разборъ ихъ у Laband: D. Staatsrecht B. I стр. 57 прим., 71—73, 76—82.

Rehm: Allg. Staatslehre: стр. 117—128.

Digitized by Google

категоріей, но характеризуетъ собой и нынѣ юридическую природу государственнаго властвованія и является тѣмъ необходимымъ критеріемъ, который даетъ возможность отличить государство отъ другихъ публичноправовыхъ союзовъ и отграничить сферу властвованія каждаго государства, какъ субъекта суверенной власти въ предѣлахъ своей территоріи, отъ сферы власти другихъ государствъ.

Суверенитетъ не имѣетъ ничего общаго ни съ деспотизмомъ, ни съ всепоглащающей безграничной властью общественнаго союза, подавляющей всякую индивидуальную жизнь, права личности и низшихъ союзовъ: онъ не отрицаетъ далѣе самостоятельности другихъ такихъ же суверенныхъ союзовъ и прогрессивнаго развитія общенія государствъ и народовъ на почвѣ ихъ національныхъ и общечеловѣческихъ культурныхъ интересовъ, но означаетъ собою лишь высшее правовое властвованіе общественнаго союза надъ своими членами, властвованіе, опредѣленное правомъ и съ нимъ сообразующееся. Пока на землѣ будутъ существовать общественные союзы, власть и право, будетъ существовать и суверенитетъ. И, если бы даже сбылась когда-либо мечта нѣкоторыхъ мыслителей, о возсоединеніи человѣчества подъ верховной властью высшаго общечеловѣческаго союза, руководящаго культурной правовою жизнью всей массы другихъ общественныхъ союзовъ, то такой всемірный суверенный союзъ только и будетъ государствомъ, какой бы относительной самостоятельностью не обладали подчиненные ему союзы. Желательна или нѣтъ такая эволюція политической жизни человѣчества— это другой вопросъ. Но самая идея, что суверенитетъ составляетъ необходимый признакъ государства, не ставитъ преграды такому развитію, а скорѣе содѣйствуютъ ему, такъ какъ и самая идея суверенитета явилась результатомъ сплоченія общественныхъ элементовъ и объединенія и укрѣпленія публичноправовой власти въ различныхъ общественныхъ союзахъ. И чѣмъ болѣе выяснялась въ ея историческомъ развитіи истин-

Digitized by Google

ная сущность этой идеи, тѣмъ менѣе она, оставаясь въ своей полной силѣ и дѣйствіи, служила препятствіемъ къ развитію въ самомъ государствѣ принциповъ права, индивидуальной и политической свободы и самоуправленія, а въ сферѣ международныхъ отношеній къ сближенію государствъ на почвѣ соглашенія ихъ мѣстныхъ и національныхъ интересовъ съ общечеловѣческими культурными задачами. Мы не можемъ поэтому согласиться ни съ утвержденіемъ Прейса и его единомышленниковъ, что идея суверенитета несовмѣстима съ современнымъ правовымъ порядкомъ и международнымъ общеніемъ, ни съ мнѣніемъ, будто «теорія несуверенаго государства является новымъ торжествомъ великой идеи международнаго единства и новымъ пораженіемъ исключительныхъ и узкихъ національныхъ интересовъ [1]).» Теорія несуверенаго государства съ политической точки зрѣнія сама скорѣе явилась результатомъ этихъ «исключительныхъ и узкихъ національныхъ интересовъ», а не способствовала ихъ устраненію. Союзное государство можетъ быть переходной стадіей не только на пути къ образованію единаго государства, но и на пути къ полному его распаденію.

Во всякомъ случаѣ, политической пользой теоріи несуверенаго государства и именованія тѣхъ или иныхъ несуверенныхъ союзовъ государствами не предрѣшается вопросъ о научной правильности этой теоріи и дѣйствительномъ характерѣ этихъ союзовъ. Господствующее и въ настоящее время въ наукѣ воззрѣніе на суверенитетъ, какъ на существенный аттрибутъ государства, эта теорія, по нашему убѣжденію, совершенно не опровергла.

---

[1]) Гессенъ Верховная власть (въ Словарѣ Юрид. и гос. наукъ Вып. IV стр. 1717).

Digitized by Google

Digitized by Google

НЕОБХОДИМЫЯ ИСПРАВЛЕНІЯ.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Читать.
VI	12 сн.	доктринъ	доктрины
4	1 св.	его	ихъ
25	прим. 1	Исторію Шалландъ	Шалландъ
45	1 св.	поддержатъ	поддержать
50	11 сн.	Петръ, Дюбуа	Петръ Дюбуа
54	12 сн.	галликской	галликанской
63	16 св.	1)	2)
67	1 св.	представленіи	представленіе
79	5 сн.	Маніавелли	Макіавелли
81	2 сн.	стоящией	стоящей
93	8 св.	Денеллъ	Донеллъ
103	пр. 1.	II 9 cap. VIII 1 imperium quod per regem...	L. II cap. 9. § 8. 1 imperium quod in rege est ut in capite in populo manet ut in toto, cujus pars est caput.
118	1 св.	и демократическихъ ученій	и сторонниковъ демократическихъ ученій
119	9 св.	que	quae
128	12 св.	принадлежащіе	принадлежащія
150	6 св.	Эйхманъ	Богичевичъ
150	пр. 3.	Eichmann	Boghitchevitch
184	6 св.	возмутъ	возьмутъ
232	7 сн.	irrita	irriti
260	1 сн.	филосовскомъ	философскомъ
286	10 сн.	чиноовъ	чиновъ
337	12 св.	irrita non	irriti
393	пр. 2.	правленія	проявленія
399	5 св.	ихъ	имъ
433	5 сн.	специфизическое	специфическое
464	6 св.	пребывать	прибавить
483	14 сн.	сабымъ	слабымъ
520	2 св.	воюзовъ	союзовъ
526	8 сн.	зависимыя	зависимые
537	10 сн.	отчичіе	отличіе
544	9 св.	Лабанду	Лабанду,

Digitized by Google

Digitized by Google

Н. И. ПАЛІЕНКО.

СУВЕРЕНИТЕТЪ.

Историческое развитіе идеи суверенитета

и

ЕЯ ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНІЕ.

ПОЛОЖЕНІЯ:

1) Понятіе суверенитета не выработалось въ древнемъ мірѣ.

2) Идея суверенитета развивается съ конца среднихъ вѣковъ на почвѣ объединенія и усиленія публично-правовой власти, раздробленной въ періодъ феодализма, и освобожденія развивающагося національнаго государства отъ всѣхъ преградъ, стоявшихъ на пути его безусловному территоріальному верховенству (притязанія папства, императорской власти и феодальныя вольности).

3) Первыми и самыми энергичными проводниками идеи суверенитета въ ея современномъ смыслѣ слова являются французскіе короли и ихъ легисты. Изъ Франціи же происходитъ самый терминъ „суверенитетъ", который означалъ первоначально лишь относительное, сеньоральное верховенство.

4) Съ побѣдой надъ противостоящими ей силами королевская власть во Франціи достигаетъ безусловнаго верховенства въ предѣлахъ королевства. Вмѣстѣ съ тѣмъ и суверенитетъ изъ понятія относительнаго, сеньоральнаго верховенства превращается въ понятіе высшей и независимой государственной власти.

5) Развивая вмѣстѣ съ тѣмъ доктрину итальянскихъ юристовъ о civitates superiorem non recognoscentes, французскіе юристы утверждаютъ, что безусловное верховенство и независимость являются необходимыми аттрибутами государственной власти.

6) Впервые научно формулируетъ понятіе суверенитета извѣстный французскій юристъ и публицистъ XVI ст. Жанъ

Digitized by Google

Боденъ, и его доктрина суверенитета имѣетъ рѣшающее вліяніе на дальнѣйшее развитіе идеи суверенитета и ученій о правовой природѣ государства.

7) Понятіе суверенитета развивается первоначально въ формѣ идей монархическаго и народнаго суверенитета и лишь постепенно, съ выясненіемъ правовой природы государства, выдвигается понятіе суверенитета самого государства, какъ юридической личности.

8) Воззрѣніе на суверенитетъ, какъ на абсолютную, безграничную власть является лишь однимъ изъ фазисовъ въ исторіи развитія суверенитета.

9) Абсолютистское воззрѣніе на суверенитетъ было устранено развитіемъ идеи правового государства въ ученіяхъ естественнаго права и въ конституціонной доктринѣ.

10) Особенное значеніе для выясненія юридической природы суверенитета имѣло изученіе федеративныхъ государственныхъ формъ.

11) Въ своемъ историческомъ развитіи идея суверенитета принимала различные оттѣнки, но основной и собственный смыслъ понятія суверенитета заключался всегда въ утвержденіи того характера государственной власти, въ силу котораго она является высшей и независимой правовой властью.

12) Понятіе суверенитета выработалось примѣнительно къ государству, какъ самой мощной юридической организаціи общественной силы, состоящей въ принудительномъ господствѣ надъ людьми.

13) Въ территоріальныхъ предѣлахъ государства суверенитету государства подчинены всѣ лица и союзы и въ томъ числѣ церковь въ ея юридической организаціи.

14) Субъектомъ суверенной власти является лишь само государство, какъ цѣлое, какъ юридическая личность. Ученіе, выдвигающее особое понятіе носителя государственной, суверенной власти, отличное отъ понятій субъекта и органа государственной власти,—неправильно.

15) Суверенитетъ выражаетъ собой не высшую степень политическаго могущества или матеріальной силы, но только

Digitized by Google

извѣстный юридическій характеръ государственной власти, въ силу котораго она является юридически высшею и независимою властью. Суверенитетъ—правовое понятіе и совмѣстимъ съ современнымъ культурнымъ правовымъ порядкомъ.

16) Правовыя нормы суверенпаго государства, являясь обязательными для всѣхъ лицъ и союзовъ въ государствѣ, для самого государства, какъ юридической личности, не являются ни внѣшними юридическими границами его власти, ни добровольно признанными государствомъ для себя обязательными нормами, но—присущей государству, какъ юридической организаціи, необходимой формой его существованія и проявленія его воли и власти, его жизненнымъ закономъ.

17) Международное право не ограничиваетъ и не уничтожаетъ суверенитета государства, его высшей территоріальной власти, но регулируетъ лишь его отношенія съ независимыми отъ него субъектами международнаго права.

18) Суверенитетъ—государственноправовое понятіе.

19) Суверенитетъ—единъ. Не можетъ быть ни подѣленнаго, ни уменьшеннаго суверенитета, ни полусуверенитета.

20) Юридическая сущность суверенитета заключается въ опредѣленіи властвованія государства исключительно его собственнымъ правомъ.

21) Суверенитетъ—необходимый аттрибутъ государства и его отличительный признакъ. Ученіе о несуверенномъ государствѣ не можетъ быть принято.

22) Суверенитетъ, означая высшую правовую власть государства, не препятствуетъ развитію принциповъ права, индивидуальной и политической свободы, не исключаетъ самостоятельности другихъ государствъ и прогрессивнаго развитія общенія государствъ на почвѣ ихъ особенныхъ и общенародныхъ культурныхъ интересовъ.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ Лицея *С. Шиловскій.*

Ярославль. 1903 года. Тип. Губ. Правленія.

Digitized by Google

Digitized by Google

Г. С. Фельдштейнъ.

Приватъ-доцентъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Психологическія основы и юридическая конструкція формъ виновности въ уголовномъ правѣ.

Постановленія моисеева и римскаго права.

ПОЛОЖЕНІЯ.

1. Необходимо различать чистую и прикладную науку уголовнаго права. Первая стремится изслѣдовать законы, управляющіе развитіемъ преступленія и наказанія, какъ юридическихъ феноменовъ. Вторая ставитъ себѣ задачей созданіе уголовно-правовой системы, соотвѣтствующей потребностямъ даннаго времени.

2. Чистая и прикладная наука уголовнаго права имѣютъ дѣло съ правомъ положительнымъ и изслѣдуютъ общіе факторы, опредѣляющіе собой ходъ развитія уголовнаго права.

3. Въ области чистой науки уголовнаго права, равно какъ и въ сферѣ науки прикладной, огромную роль играютъ законы психологическіе. Въ области первой данныя психологіи дѣлаютъ возможной дедуктивную провѣрку законовъ развитія уголовнаго права. Въ сферѣ науки прикладной сообразованіе съ законами дѣятельности человѣческаго духа обезпечиваетъ пригодность проектируемой системы.

4. Наблюдаемое въ жизни людей взаимодѣйствіе психическаго и физическаго обусловливаетъ возможность регулированія человѣческой дѣятельности какъ путемъ угрозы наказаніемъ, такъ и его дѣйствительнымъ примѣненіемъ.

5. Человѣческая личность характеризуется столько же имѣющимися въ ея распоряженіи представленіями актуальными, сколько и сферою латентнаго сознанія. Вмѣстѣ съ

Digitized by Google

тѣмъ, объ эти области пріобрѣтаютъ извѣстное значеніе въ дѣлѣ уголовнаго вмѣненія правонарушенія.

6. Вопросъ о субъективныхъ условіяхъ вмѣненія правонарушенія въ каждомъ единичномъ случаѣ сводится, въ значительной степени, къ проблеммѣ о формахъ, въ которыхъ выступаетъ предвидѣніе правонарушенія.

7. Требованіе предвидѣнія правонарушенія, какъ необходимаго элемента уголовнаго вмѣненія, заявляется только постепенно и обусловливается эволюціей элементарныхъ свойствъ, коренящихся въ психической природѣ человѣка.

8. Въ результатѣ сложнаго историческаго процесса, виды предвидѣнія правонарушенія, въ качествѣ факторовъ уголовнаго вмѣненія, отливаются въ форму умысла и неосторожности, какъ такихъ психическихъ настроеній, которыя характеризуются, между прочимъ, дѣятельнымъ состояніемъ воли по отношенію къ правонарушенію.

9. Умыселъ предполагаетъ: а) представленіе виновнымъ произвольнаго движенія, ведущаго къ противозаконному дѣянію и б) представленіе наказуемаго дѣянія, поскольку такое представленіе необходимо для понятія преступленія. При т. наз. преступныхъ содѣяніяхъ необходимо в) представленіе о томъ, что наступившее дѣяніе стоитъ въ причинной связи съ произвольнымъ дѣйствіемъ виновнаго, а при преступныхъ упущеніяхъ—г) представленіе о томъ, что, при предпринятіи упущеннаго дѣйствія, представлявшееся упущеніе не состоялось бы. Необходимымъ элементомъ умысла выступаетъ, кромѣ того, воля, проявляющаяся въ формѣ тѣлеснаго движенія или задержки такового.

10. Со стороны психологической въ умыслѣ наблюдается, прежде всего, одна изъ формъ актуализаціи представленій.

11. Волевой моментъ при всѣхъ оттѣнкахъ умысла характеризуется дѣятельностью интензивныхъ представленій, реализующихся во внѣ въ формѣ движенія и его задержки.

12. Различные моменты психологическаго процесса,

Digitized by Google

позволяющаго говорить объ умыслѣ, будучи оцѣненными со стороны соотношенія внутренняго міра дѣятеля съ правонарушеніемъ, выступаютъ въ качествѣ категорій мотива и цѣли, намѣренія и плана.

13. Категорія мотива и цѣли не является рѣшающимъ моментомъ въ дѣлѣ уголовнаго вмѣненія.

14. Намѣреніе дѣятеля въ качествѣ цѣли, спеціализованной относительно средствъ, представляется моментомъ существеннымъ.

15. Планъ правонарушительной умышленной дѣятельности вліяетъ на уголовное вмѣненіе, поскольку въ немъ отражаются черты характера дѣятеля, свидѣтельствующія объ энергіи его преступнаго намѣренія и опасности, грозящей отъ него обществу

16. Неосторожность предполагаетъ несознаваніе дѣйствующимъ наступленія правонарушенія, но постулируетъ возможность предвидѣнія.

17. Со стороны психологической въ комбинаціяхъ абстрактной возможности предвидѣнія, характеризующей неосторожность, имѣетъ мѣсто латентность соотвѣтственныхъ данныхъ сознанія и, въ виду реальности этого послѣдняго въ формѣ абстрактнаго представленія, произвольность самаго акта.

18. Наличность предвидѣнія противозаконнаго результата и дѣйствованіе вопреки этому предвидѣнію говоритъ, въ большинствѣ случаевъ, о значительной испорченности и трудности соціальнаго перевоспитанія правонарушителя.

19 Отрицаніе за элементомъ предвидѣнія противозаконнаго результата значенія признака, увеличивающаго, ceteris paribus, мѣру уголовнаго вмѣненія, равнозначуще устраненію уголовнаго права, какъ института, оперирующаго при помощи наказанія въ видахъ подавленія преступности.

20 Высшая наказуемость лицъ, дѣйствующихъ умышленно, по сравненію съ лицами, дѣйствующими неосторожно,

Digitized by Google

желательна, между прочимъ, въ видахъ удовлетворенія чувства справедливости, являющагося однимъ изъ нравственныхъ условій существованія общества, какъ цѣлаго.

21. Въ тѣхъ случаяхъ непредвидѣнія преступнаго результата, когда данное лицо могло предвидѣть данный результатъ, но, по особымъ обстоятельствамъ, его не предвидѣло, можетъ имѣть мѣсто или полная ненаказуемость, или наказуемость минимальная. Въ этихъ комбинаціяхъ, кромѣ того, можетъ иногда конкурировать съ наказаніемъ за, т. наз., delictum commune взысканіе за нарушеніе спеціальной обязанности.

22. Моисеево законодательство по вопросу объ условіяхъ уголовнаго вмѣненія, въ качествѣ одного изъ первыхъ по времени, выдвигаетъ моментъ субъективный.

23. Моисеево законодательство различаетъ, въ примѣненіи къ убійству, форму совершенія умышленную и неумышленную, устанавливая при этомъ для послѣдняго смягченное наказаніе.

24. Область убійства неумышленнаго въ моисеевомъ правѣ не совпадаетъ съ комбинаціями неосторожности въ правѣ современномъ.

25. Въ моисеевомъ уголовномъ правѣ встрѣчаются случаи, въ которыхъ объективныя свойства дѣянія отодвигаютъ собой на задній планъ сторону субъективную.

26. Постановленія моисеева законодательства остаются не безъ вліянія на право каноническое въ той его формѣ, въ которую оно отлилось, главнымъ образомъ, у западной римской церкви.

27. Римское уголовное право знаетъ эпоху, въ которую реакція слѣдуетъ за каждымъ нарушеніемъ правопорядка, независимо отъ субъективнаго настроенія дѣятеля.

28. Римское уголовное право на всѣхъ стадіяхъ своего развитія не знаетъ другой формы субъективной виновности

Digitized by Google

кромѣ умысла — dolus. Уголовно-правовая неосторожность ему неизвѣстна.

29. Необходимымъ признакомъ римскаго уголовно-правового dolus'a является сознаваніе возможныхъ и необходимыхъ юридическихъ и фактическихъ послѣдствій, вытекающихъ изъ предпринимаемаго даннымъ лицомъ дѣйствія. Наличность сознанія противозаконности факультативна. Римскій уголовно-правовой dolus не лишенъ момента воленаправленія.

30. Въ римскомъ уголовномъ правѣ позднѣйшаго періода наблюдаются въ видѣ исключенія случаи объективнаго вмѣненія.

Печатать разрѣшается. Директоръ Демидовскаго Юридическаго Лицея *С. Шпилевскій.* 23 января 1904 г.

Ярославль. Типографія Губернскаго Правленія.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ,

ИЗДАВАЕМАЯ

ДЕМИДОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ

ЛИЦЕЕМЪ.

№№ 64 и 65.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1 9 0 3.

Digitized by Google

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ Лицея *Э. Бернадскъ.*

Приложеніе къ Временнику Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

Юридической Библіографіи

№ 64.

1. Проф. И. С. Бердниковъ. Краткій курсъ церковнаго права православной церкви. Изд. второе, переработанное и весьма значительно дополненное. Казань. 1903. Вып. 1. Объ источникахъ церковнаго права и собраніяхъ церковныхъ правилъ. Экстраордин. проф. *Е. Н. Темниковскаго* . 1—24.

2. В. Ф. Залѣсскій. Ординарный профессоръ энциклопедіи и исторіи философіи права въ Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Лекціи энциклопедіи права. Казань. 1903. И. д. экстраордин. профессора *Н. Н. Палієнко* . . . 25—50.

№ 65.

1. Теобальдъ Циглеръ „Умственныя и общественныя теченія XIX вѣка“. СПБ. 614 стр. 1901 г. Ординар. профессора *В. І. Щеглова* . . . 1—48.

Digitized by Google

Digitized by Google

Проф. И. С. Бердниковъ. Краткій курсъ церковнаго права православной церкви. Изд. второе, переработанное и весьма значительно дополненное. Казань. 1903. Вып. I. Объ источникахъ церковнаго права и собраніяхъ церковныхъ правилъ.

Курсъ проф. И. С. Бердникова изданъ въ первый разъ въ 1888 году. Онъ былъ у насъ однимъ изъ первыхъ курсовъ, предназначавшихся въ качествѣ руководства для слушателей церковнаго права въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, послѣ введенія этой науки въ составъ наукъ юридическихъ.

Новое изданіе имѣетъ въ виду объединить въ одно цѣлое Дополненіе къ 1-ому изданію курса (Казань. 1889) и самый курсъ, внести нѣкоторыя поправки въ систему изложенія матеріала и ввести всѣ новыя узаконенія и постановленія, явившіяся съ 1888 г. Вопросъ объ источникахъ права и сборникахъ церковныхъ правилъ, которому посвященъ первый выпускъ, обработанъ заново и изложенъ значительно подробнѣе (вмѣсто 1—35 стр. перваго изданія курса I—XX+321 стр. настоящаго изданія).

Нельзя не согласиться съ авторомъ, что тотъ отдѣлъ церковнаго права, которому посвященъ I-й выпускъ, по свойству излагаемаго матеріала, не допускаетъ обобщеній и краткаго изложенія.

Содержаніе реферируемой книги, кромѣ краткаго введенія въ науку церковнаго права, составляетъ изложеніе исторіи источниковъ церковнаго права въ такой послѣдовательности: первый періодъ отъ начала церкви до ея раздѣленія (приблизительно до конца IX в.); второй періодъ—отъ раздѣленія церкви до настоящаго времени. При разсмотрѣніи источниковъ второго періода излагаются особо—законодательство восточной церкви, западной католической, евангелической, армяно-григоріанской и русской православной. Въ каждомъ періодѣ сначала даются свѣдѣнія о законодательныхъ памятникахъ, затѣмъ о сборникахъ ихъ.

Digitized by Google

Во введеніи сжато трактуется вопросъ о религіозномъ обществѣ и его особности отъ другихъ видовъ общенія, выяснившейся только въ христіанствѣ. По взгляду автора, христіанское религіозное общество (церковь) заняло особое положеніе среди другихъ культурныхъ факторовъ и формъ общежитія (общенія); соотвѣтственно съ этимъ и правовыя нормы церкви составили особую область права, стоящую параллельно праву, получающему свое значеніе и происхожденіе отъ государства. Церковныя правила являются особымъ регулятоомъ христіанскаго общежитія, стоящимъ наряду съ государственнымъ закономъ.

Гарантіи нормъ церковныхъ, въ отличіе отъ гарантіи нормъ государственныхъ, заключаются не во внѣшнемъ (физическомъ большей частью) принужденіи, а исключительно во внутренней моральной силѣ, которая придаетъ церковному праву нравственно-принудительный характеръ. Высшимъ обезпеченіемъ церковно-правового порядка является прекращеніе отношеній между церковью и индивидуумомъ, нарушающимъ этотъ порядокъ,—исключеніе нарушителя церковныхъ нормъ изъ церковнаго общенія. Въ полномъ согласіи съ результатами послѣднихъ работъ по общей теоріи права, проф. Бердниковъ видитъ въ нормахъ, изъ которыхъ слагается церковный порядокъ, нормы юридическія, право—на томъ основаніи, что онѣ, имѣя всѣ существенные признаки права, отличаются отъ прочихъ правовыхъ нормъ только несущественнымъ, второстепеннымъ признакомъ, заключающимся въ характерѣ обезпеченія ихъ исполненія. Это положеніе имѣетъ очень важное значеніе для науки церковнаго права, такъ какъ весьма многіе юристы (а цивилисты почти всѣ) принужденіе—физическое, manu militari —признаютъ единственной гарантіей права и съ тѣмъ вмѣстѣ существеннымъ признакомъ права. Но по замѣчанію современнаго публициста Г. Еллинека, на котораго въ данномъ случаѣ ссылается проф. Бердниковъ, „ученіе, признающее принудительность существенной принадлежностью понятія права, оказывается теперь въ чисто оборонительномъ—и притомъ безнадежномъ—положеніи".

Помимо нормъ церковнаго происхожденія въ объемъ понятія церковнаго права отнесены также и нормы, устанавливаемыя для церкви государственной властью и вызываемыя необходимостью для государства установить то или другое

Digitized by Google

правовое положеніе церкви въ государствѣ, какъ суверенномъ юридическомъ союзѣ. Можно пожалѣть о томъ, что авторъ не подчеркнулъ здѣсь не чуждой ему мысли объ особности и инородности церкви, какъ юридически регламентированной формы общенія, сравнительно съ другими общеніями, каковы —корпораціи, учрежденія. Послѣднія, если располагаютъ въ государствѣ извѣстной властью, то эта власть разсматривается въ качествѣ уступленной, делегированной государствомъ, а потому однородна съ ней. Другое дѣло церковь. Церковная власть (potestas) опирается на добровольное повиновеніе, вызываемое религіознымъ убѣжденіемъ въ необходимости этого повиновенія, и потому не однородна съ imperium государства, въ конечномъ счетѣ опирающемся на физическое принужденіе. Такимъ образомъ, государство, какъ суверенный юридическій союзъ, хотя и опредѣляетъ правовое положеніе церкви, ничего не измѣняетъ въ юридической природѣ церковнаго союза, располагающаго самостоятельной, не делегированной властью въ сферѣ отношеній, которыя, по самому характеру своему, не могутъ быть объектомъ государственнаго властвованія. Кромѣ разсмотрѣнія юридической природы церковнаго союза, къ выясненію той же особности и инородности церковнаго союза по сравненію со всѣми другими союзами въ предѣлахъ государственной территоріи приводитъ также разсмотрѣніе историко-соціальнаго соотношенія между государствомъ и церковью. Почти всѣ современныя государства застаютъ церковь, какъ организованное общеніе; мало того, большинство современныхъ государствъ переживали еще періодъ дѣтской безпомощности и смутнаго самосознанія, когда церковь выступала прочно и сознательно организованнымъ союзомъ, а потому, по общему правилу, брала на себя опеку еще не окрѣпшихъ государствъ. Построеніе взаимоотношеній между государствомъ и церковью на тѣхъ же основаніяхъ, какія существуютъ между государствомъ и корпораціями и учрежденіями (что встрѣчается нерѣдко) было бы насиліемъ надъ реальными отношеніями.

Относительно порядка, въ которомъ предполагается изложеніе церковно-юридическаго матеріала въ курсѣ, надо сказать слѣдующее. За отсутствіемъ однообразной системы, которая была бы принята всѣми канонистами (въ родѣ, напримѣръ, системъ римскаго или гражданскаго права), каждый авторъ курса

Digitized by Google

въ большей или меньшей мѣрѣ свободно группируетъ излагаемый имъ матеріалъ. Но и для системъ церковнаго права намѣчается нѣкоторая постоянная схема. Такъ, въ новѣйшихъ курсахъ центральными и необходимыми частями системы признаются: устройство и управленіе; къ нимъ присоединяется ученіе объ источникахъ церковнаго права, церковно-имущественное право и внѣшнее право церкви. Система проф. Бердникова, какъ значится во введеніи, содержитъ всѣ эти отдѣлы въ такомъ порядкѣ: объ источникахъ и памятникахъ церковнаго права, о церковномъ устройствѣ, о церковномъ управленіи и судѣ, далѣе отдѣлы о государственномъ положеніи церкви и о церковныхъ имуществахъ предваряются отдѣломъ о полномочіяхъ церковно-правительственной власти. Содержаніе этого послѣдняго отдѣла не достаточно выясняется изъ его заглавія. Въ системахъ Walter'a и Richter'a ему соотвѣтствуетъ повидимому отдѣлъ das kirchliche Leben, въ которомъ говорится о таинствахъ и другихъ богослужебныхъ дѣйствіяхъ, церковныхъ обществахъ, учрежденіяхъ и проч.

Особый § посвященъ вопросу о методахъ изложенія науки церковнаго права. Различаются методы: а) практическій, состоящій въ систематическомъ изложеніи положительнаго законодательства, б) историко-генетическій и в) сравнительный. Первый признается недостаточно научнымъ. Затѣмъ слѣдуетъ § выясняющій отношеніе церковнаго права къ наукамъ богословскимъ и юридическимъ. Въ §—исторія науки церковнаго права—названы лучшія современныя руководства по церковному праву на западѣ (нѣмецкія), перечислены работы западныхъ канонистовъ, посвященныя праву восточной церкви, и изложена исторія науки церковнаго права въ нашемъ отечествѣ съ полнымъ перечисленіемъ всѣхъ курсовъ или системъ, вышедшихъ на русскомъ языкѣ.

Таково содержаніе введенія въ науку (стр. I—XX).

Содержаніе книги, какъ уже замѣчено, составляетъ трактатъ объ источникахъ церковнаго права. Прежде всего дается понятіе о нихъ. Необходимость опредѣленія этого понятія обусловливается различнымъ пониманіемъ выраженія: источникъ права. Имъ обозначаютъ иногда правообразующіе факторы, затѣмъ результаты ихъ правотворческой дѣятельности, таковы—отдѣльные законы, кодексы, аутентическіе сборники, отдѣльные

Digitized by Google

обычаи и комплексы обычаевъ. Выраженію: источникъ права, понимаемому въ послѣднемъ смыслѣ, придается значеніе техническаго термина. Такъ какъ въ этомъ случаѣ оно указываетъ на форму объективированія юридическихъ нормъ, служащую признакомъ обязательности ихъ въ данномъ обществѣ, то это понятіе имѣетъ чисто формальный характеръ. Кромѣ того, выраженію: источникъ права придается значеніе средствъ познанія права, историческихъ источниковъ (fontes ex quibus notitia juris hauritur). Это понятіе только отчасти совпадаетъ съ предшествующимъ, совпаденіе здѣсь чисто случайное.

Что касается перваго изъ указанныхъ понятій, то ему мѣсто въ отдѣлѣ о законодательной функціи церковной власти; въ отдѣлѣ же объ источникахъ права должно имѣть въ виду второе или третье понятіе либо то и другое. Проф. Бердниковъ предлагаетъ нѣсколько иную терминологію, различая матеріальные и формальные источники права. Подъ первыми разумѣются „источныя начала, посредствомъ которыхъ возникаютъ церковно-правовыя нормы, формальными же источниками служатъ сборники, содержащіе въ себѣ эти нормы“. Рядомъ съ матеріальными и формальными источниками права поставлены источники познанія церковнаго права. Далѣе условно устанавливается такая терминологія: источниками церковнаго права называются только матеріальные источники, а формальные—собраніями церковныхъ правилъ.

Изложеніе исторіи источниковъ начинается § *о первоисточникѣ церковнаго права*, каковымъ признается воля Божія, нашедшая себѣ выраженіе въ заповѣдяхъ І. Христа, затѣмъ въ правополагающей дѣятельности представителей церковной власти—апостоловъ и пастырей церкви.

Подъ заглавіемъ—заповѣди Господни—перечисляются мѣста изъ Евангелія, въ которыхъ содержится ученіе о томъ, „что такое церковь, каково должно быть въ ней устройство, какъ въ ней слѣдуетъ жить“. Далѣе указывается, что, кромѣ заповѣдей Господнихъ, содержащихся въ Евангеліи, многія изъ заповѣдей Господа переданы апостолами (къ сожалѣнію, таковыя не перечисляются). Выясняется, какое значеніе придается заповѣдямъ Господнимъ въ католической, протестантской и православной церкви. Православное ученіе по этому вопросу представлено въ такомъ видѣ: съ одной стороны, вопреки ученію протестантовъ, признается за извѣстными заповѣ-

Digitized by Google

дями (о крещеніи во имя Отца и Сына и Св. Духа, о вселенскомъ характерѣ церкви, о дѣвствѣ и проч.) сила положительныхъ неизмѣнныхъ нормъ права, съ другой—вопреки ученію католиковъ отрицается такое значеніе для многихъ заповѣдей Господа, которыя такимъ образомъ являются только руководящими началами, примѣняемыми церковью на практикѣ по мѣрѣ возможности и смотря по обстоятельствамъ. „Рѣшеніе вопроса о томъ, какія заповѣди Христа должны считаться неизмѣнными и какія допускающими на практикѣ разныя степени примѣненія, какія изъ нихъ имѣли и имѣютъ значеніе нормъ положительнаго права и какія служатъ только руководящими началами для положительнаго законодательства—принадлежитъ самой церкви".

Оставался ли и остается ли объемъ божественнаго права для православной церкви всегда себѣ равнымъ и неизмѣннымъ въ исторіи, или сознаніе того, что составляетъ божественное право и что не относится къ нему развивалось исторически; имѣется ли для настоящего времени авторитарно опредѣленный комплексъ юридическихъ нормъ съ предикатомъ божественнаго права; какой церковный органъ управомоченъ въ послѣдней инстанціи опредѣлять въ случаяхъ сомнѣнія—должна ли данная норма относиться къ божественному праву или нѣтъ—эти вопросы не затронуты въ настоящемъ выпускѣ и, очевидно, отнесены къ слѣдующему.

Въ концѣ § говорится о примѣненіи въ церковной практикѣ заповѣдей Христовыхъ, какъ нормъ положительнаго права, но при этомъ выясняется, что не только изрѣченія Господа, имѣвшія характеръ повелѣнія, но и многія слова, а также дѣла Іисуса Христа, сами по себѣ ничего юридическаго или даже нормативнаго не содержащія, принимались за основаніе для положительныхъ юридическихъ опредѣленій. Такъ, „то обстоятельство, что Спаситель крестился и выступилъ на общественное служеніе, достигши тридцати лѣтъ отъ рожденія, принимается въ привилахъ (Трул. 14, Неокес. 11) за основаніе для постановленія, чтобы и въ пресвитеры поставлялись лица, уже достигшія тридцатилѣтняго возраста".

Къ заповѣдямъ Господнимъ исторически и по содержанію примыкаютъ заповѣди апостоловъ. Въ книгѣ проф. Бердникова перечисляются эти заповѣди по апостольскимъ посланіямъ.

Digitized by Google

За ними признается значеніе положительнаго церковнаго закона, но не отрицается возможности ихъ измѣненія.

Независимо отъ записанныхъ заповѣдей апостольскихъ, нѣкоторыя нормы, исходившія отъ того же авторитета, сохранились въ Св. Преданіи. Свѣдѣнія объ этихъ нормахъ почерпаются изъ твореній мужей апостольскихъ, отцовъ и учителей церкви II и III вв., апокрифическихъ сборниковъ апостольскаго преданія (напримѣръ, Постановленій апостольскихъ) „Всего же болѣе о содержаніи и характерѣ нормъ церковнаго преданія можно судить по сборнику Правилъ апостольскихъ".

Происхожденіе послѣдняго памятника на основаніи отчасти внѣшнихъ—а главнымъ образомъ внутреннихъ—признаковъ относится ко времени до никейскаго собора; ссылки этого собора на κανών, ὁ ἐκκλησιαστικός κανών, ὁ ἀποστολικὸς κανών понимаются не въ смыслѣ указанія на установившійся порядокъ, а въ смыслѣ цитированія опредѣленныхъ апостольскихъ правилъ. Соотвѣтственно съ этимъ, вопросъ объ отношеніи правилъ апостольскихъ къ правиламъ антіохійскаго собора рѣшается въ пользу пріоритета первыхъ предъ послѣдними. По самому содержанію своему сборникъ апостольскихъ правилъ „могъ произойти спустя долгое время послѣ апостоловъ. Онъ не былъ законодательнымъ актомъ, исшедшимъ отъ апостоловъ или ихъ ближайшихъ преемниковъ, онъ составляетъ просто письменное изложеніе нормъ, которыя дѣйствовали въ церковной практикѣ въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ христіанства и которыя основывались на апостольскомъ преданіи". Въ книгѣ излагается содержаніе апостольскихъ правилъ и даются свѣдѣнія о значеніи ихъ для послѣдующихъ правилъ, издававшихся вселенскими и помѣстными соборами.

Далѣе идетъ рѣчь о законодательной дѣятельности соборовъ,—излагается содержаніе важнѣйшихъ соборныхъ правилъ; указываются главныя предметы содержанія правилъ свв. отцовъ,—перечислены 12 отцовъ, включая Тарасія, патр. константинопольскаго (пропущенъ Амфилохій Иконійскій, срав. Трул. пр. 2).

Въ §—источники права въ западной церкви—выясняется, въ какомъ составѣ и изложеніи употреблялись на западѣ соборныя правила, изданныя на востокѣ; указывается на законодательную дѣятельность помѣстныхъ западныхъ цер-

Digitized by Google

квей, выразившуюся въ изданіи правилъ помѣстныхъ соборовъ, и наконецъ сообщаются свѣдѣнія о возникновеніи особаго источника церковнаго права на западѣ—папскихъ декреталовъ.

Въ заключеніе рѣчи объ источникахъ церковнаго происхожденія за первый періодъ разсматривается вопросъ объ обычаѣ, какъ источникѣ церковнаго права. Не останавливаясь на ученіи католиковъ и протестантовъ о церковномъ обычаѣ, проф. Бердниковъ излагаетъ существенные пункты этого ученія. Прежде всего указывается отличіе юридическаго обычая отъ простого фактически установившагося порядка; „церковнымъ обычаемъ можетъ быть названо только такое обыкновеніе, которому усвояется въ церковномъ правосознаніи сила правила“ (opinio juris). „Такая сила, согласно коренному свойству церковнаго законодательства, можетъ принадлежать только такому обыкновенію, которое утверждено въ качествѣ обязательной нормы подлежащей церковной властью только не прямо, не посредствомъ нарочитаго постановленія, а косвенно, *посредствомъ признанія его силы въ административной или судебной практикѣ*“. Такимъ образомъ, общая черта церковнаго юридическаго обычая и правила, изданнаго церковно-правительственною властью, заключается въ томъ, что тотъ и другое получаютъ силу обязательной нормы отъ церковной власти; черта же различія состоитъ въ томъ, что правила являются результатомъ прямого законодательнаго акта церковной власти, а церковный обычай пріобѣтаетъ значеніе юридической нормы въ силу допущенія и признанія его со стороны этой власти. Изъ сказаннаго, казалось бы, слѣдуетъ заключить, что, несмотря ни на какую давность, обычай, не получившій прямого признанія со стороны церковной власти, долженъ разсматриваться, какъ простое фактическое состояніе. Обычай, противорѣчащій заповѣдямъ Господнимъ и апостольскимъ, а также правиламъ соборнымъ не можетъ получить значенія правовой нормы—очевидно, потому, что церковная власть не можетъ признавать одновременно двухъ противорѣчащихъ другъ другу нормъ. Не возвышаются на степень юридическихъ нормъ и обычаи, стоящіе въ противорѣчіи „съ духомъ христіанскаго ученія, существенными задачами церкви и основными нормами церковнаго устройства“. Но при этомъ не отрицается существованіе въ видѣ исключенія церковныхъ обычаевъ, получающихъ силу и держащихся въ практикѣ, хотя

Digitized by Google

ихъ трудно оправдать съ точки зрѣнія церковнаго ученія и церковной дисциплины.

По общему правилу сфера примѣненія обычнаго права въ церкви обратно пропорціональна развитію законодательной дѣятельности органовъ церковной власти. Тѣмъ не менѣе съ развитіемъ церковно-законодательной дѣятельности дѣйствіе обычая въ церкви только съуживается, но не прекращается. Первое время самая законодательная дѣятельность церкви матеріально опредѣлялась обычаемъ—то, что было обычаемъ, становилось прямымъ предписаніемъ церковной власти.—Отношеніе обычая къ церковнымъ законамъ представляется въ такомъ видѣ: церковный обычай „ограничиваетъ или расширяетъ силу правила на практикѣ или лучше служитъ показателемъ того, въ какой мѣрѣ прилагается правило"... «Есть еще особаго рода обычай, состоящій въ неисполненіи положительныхъ правилъ. Онъ не вводитъ новыхъ нормъ, онъ только ограничиваетъ на практикѣ дѣйствіе существующихъ правилъ. Само собою разумѣется, что неисполненіе закона можетъ быть допущено по уважительнымъ причинамъ и съ согласія подлежащей власти».

Послѣ разсмотрѣнія правовыхъ нормъ, получающихъ свое начало внутри церкви и отъ церкви, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію государственныхъ постановленій по церковнымъ дѣламъ. Византійское право, послѣ признанія христіанства государственной религіей, постепенно пришло къ положенію, по которому церковныя правила были приравнены къ государственнымъ законамъ. Кромѣ того, византійскіе императоры признавали своимъ правомъ издавать законы по дѣламъ церкви. Эти законы опирались на церковныя правила, были ихъ повтореніемъ, въ рѣдкихъ случаяхъ дополненіемъ. По взгляду проф. Бердникова, строго говоря—государственные законы, касающіеся церковной дисциплины, не вносили въ церковную жизнь новыхъ нормъ, не предусмотрѣнныхъ церковными правилами. Они были подтвержденіемъ нормъ, установленныхъ правилами, въ государственной области. Они относились не къ церкви, разсматриваемой въ себѣ, отрѣшенно отъ государства, а къ церкви, какъ установленію государственному.—Относительно государственнаго положенія церкви и духовенства, относительно гражданскихъ правъ и преимуществъ клира, церквей и монастырей государство издавало

Digitized by Google

свои постановленія самостоятельно; регулированіе этихъ отношеній составляло область полномочій государства. Въ книгѣ указаны узаконенія по церковнымъ дѣламъ, вошедшія въ кодексы Ѳеодосія и Юстиніана, и наиболѣе важныя новеллы Юстиніана того же характера.

Отдѣлъ объ источникахъ церковнаго права за первый періодъ оканчивается сжатымъ обозрѣніемъ государственнаго законодательства по дѣламъ церкви на западѣ, въ частности во франкской монархіи.

Слѣдующій отдѣлъ, согласно указанному ранѣе плану, посвященъ обозрѣнію сборниковъ церковныхъ правилъ и государственныхъ постановленій по церковнымъ дѣламъ.

Здѣсь даются свѣдѣнія о понтійскомъ сборникѣ правилъ (нач. IV в.), книгѣ правилъ, бывшей на IV всел. соборѣ (451 г.). Затѣмъ идетъ рѣчь о Συναγωγὴ τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων εἰς ν τίτλους διηρημένη. о Σύνταγμα κανονικόν въ XIV титулахъ (указывается ихъ содержаніе и группировка матеріала) и о дополненной редакціи Синтагмы въ XIV тит. 883 года. Относительно послѣдняго сборника сообщается, что церковное преданіе усвоятъ его составленіе патр. Фотію. Такимъ образомъ вопросъ объ авторѣ Синтагмы въ XIV тит. ред. 883 г. оставляется открытымъ: проф. Бердниковъ не высказывается ни въ пользу патріарха Фотія (взглядъ Павлова), ни противъ (Цахаріэ фонъ Лингенталь, Суворовъ). Обзоръ сборниковъ церковныхъ правилъ заканчивается параграфомъ о синопсисахъ. Здѣсь обстоятельно разсмотрѣны три редакціи синопсиса—Стефана Ефесскаго, Симеона магистра и логоѳета и Алексѣя Аристина—со стороны ихъ содержанія и расположенія матеріала.

Рѣчь о сборникахъ византійскихъ государственныхъ постановленій по церковнымъ дѣламъ предваряется замѣчаніемъ о причинахъ и условіяхъ появленія сборниковъ частнаго характера на ряду съ оффиціальными кодексами. Затѣмъ излагается содержаніе трехъ извѣстныхъ сборниковъ—Collectio XXV capitulorum, Collectio LXXXVII capitulorum и Collectio constitutionum ecclesiasticarum s. tripartita, указываются ихъ особенности и сообщаются свѣдѣнія объ ихъ авторахъ.

Въ тѣсную связь съ сборниками законовъ по дѣламъ церкви поставлены *Номоканоны* въ L и въ XIV титул.

О первомъ изъ нихъ даются свѣдѣнія, касающіяся его

Digitized by Google

состава, отношенія къ Συναγωγή (въ L титул.) и къ Collectio LXXXVII capitul., времени и мѣста его составленія, нак нецъ отношенія его къ номоканону въ XIV титул.

Что касается второго номоканона, то проф. Бердниковъ отступаетъ отъ взглядовъ большинства канонистовъ (Цахаріэ, Суворовъ, Павловъ и др.). Основное положеніе этихъ взглядовъ состоитъ въ томъ, что происхожденіе номоканона въ XIV титул. признается аналогичнымъ происхожденію номоканона въ L тит. Какъ послѣдній составился изъ реперторіума каноновъ къ Συναγωγή Іоанна Схоластика и изъ вставокъ текста законовъ по Collectio LXXXVII сар., такъ и первый образовался изъ Σύνταγμα κανονικόν и изъ Collectio constitutionum ecclesiasticarum. При этомъ дѣло представляется въ такомъ видѣ: Σύνταγμα κανονικόν состояла изъ двухъ частей—реперторіума каноновъ (въ XIV титул., раздѣленныхъ на главы) и хронологическаго сборника ихъ (такъ у проф. Павлова, Цахаріэ отрицаетъ вторую часть); въ первую изъ нихъ въ соотвѣтствующіе титулы и главы были внесены выписки изъ Collectio tripartita и нѣкоторыя новыя извлеченія изъ институцій, дигестовъ, кодекса и новеллъ; такимъ образомъ изъ реперторіума образовался номоканонъ, въ отличіе отъ котораго вторая часть Σύνταγμα κανονικόν—хронологическій сборникъ каноновъ—стала называться просто синтагмой (Павловъ). Слова перваго предисловія синтагмы объ ἰδιάζον μέρος τῆς δὲ τῆς βίβλου относятъ къ Collectio tripartita (Цахаріэ, Павловъ). Проф. Бердниковъ видитъ въ послѣднихъ словахъ указаніе на особую часть того же труда т. е. Σύνταγμα κανονικόν и различаетъ въ ней три части: 1) реперторіумъ каноновъ и государственныхъ законовъ, 2) хронологическій сборникъ каноновъ (синтагма) и 3) сборникъ государственныхъ законовъ. Такимъ образомъ выходитъ, что синтагма въ XIV титуловъ уже въ своемъ первоначальномъ видѣ была въ сущности номоканономъ.

Редакція номоканона отъ 883 г. приписывается патр. Фотію (согласно Павлову и др., contra Цахаріэ, Суворовъ).

Въ заключеніе вопроса о номоканонѣ въ XIV титул. указаны позднѣйшія переработки его, въ частности Ѳеодора Веста (кон. XI в.).

Изъ сборниковъ государственныхъ законовъ разсмотрѣны далѣе Эклога Льва и Константина (со стороны содержанія частей, касающихся церкви, и со стороны отношенія къ

Digitized by Google

Юстиніанову законодательству) и Избраніе отъ законовъ Моисея.

Кромѣ сборниковъ, содержащихъ нормы относительно общаго строя церковной жизни, въ практикѣ обращались сборники правилъ, регламентировавшихъ отдѣльныя стороны жизни церкви; изъ нихъ въ курсѣ проф. Бердникова отмѣчены монастырскіе уставы (обстоятельства ихъ происхожденія, отношеніе ихъ къ соборнымъ канонамъ о монастыряхъ и монашеской жизни) и Покаянный номоканонъ съ именемъ Іоанна Постника, патр. константинопольскаго. Номоканонъ характеризуется такими словами: онъ не есть простое сокращеніе или систематическое изложеніе древнихъ святоотеческихъ правилъ покаянія, отличается отъ нихъ сокращеніемъ срока епитимій, замѣной отлученія отъ причащенія другими видами епитиміи, каковы—молитвы, поклоны, сухояденіе.—По вопросу о составителѣ Номоканона авторъ высказывается въ томъ смыслѣ, что принадлежность его Іоанну Постнику, патріарху константинопольскому, не доказана; излагаются соображенія противъ этой принадлежности; но, съ другой стороны, указываются также соображенія, на основаніи которыхъ допускается, какъ возможное, что приписываемый Іоанну Постнику Номоканонъ въ основныхъ своихъ чертахъ (а не въ редакціи до насъ дошедшей) получилъ свое начало отъ Іоанна Постника, патріарха константинопольскаго (582—595 гг.).

Исторія источниковъ и сборниковъ церковнаго права за первый періодъ оканчивается параграфомъ о собраніяхъ правилъ въ западной церкви. Авторъ останавливаетъ свое вниманіе на важнѣйшихъ сборникахъ—Діонисія Малаго, Исидоровскомъ (приписываемомъ Исидору Севильскому) и Лженсидоровскомъ сборникѣ декреталовъ. Относительно послѣдняго проф. Бердниковъ держится того взгляда, что значеніе его нельзя сводить только къ простому засвидѣтельствованію современнаго ему церковнаго порядка, сложившагося помимо его и независимо отъ него (мнѣніе Walter'а), что его содержаніе было основаніемъ средневѣковой папской системы. Едва ли, впрочемъ, не преувеличиваетъ этого значенія проф. Остроумовъ, на котораго здѣсь ссылается проф. Бердниковъ.

Исторія источниковъ церковнаго права за второй періодъ (съ конца IX в. до настоящаго времени) начинается общей характеристикой церковной законодательной дѣятельности

Digitized by Google

этого періода. Въ противоположность западной церкви, законодательная дѣятельность которой отличалась большой напряженностью и плодовитостью и была проникнута духомъ централизаціи и единовластія (монархизма), при чемъ церковная власть захватывала чисто свѣтскія дѣла и вмѣшивалась въ сферу государственныхъ отношеній,—восточная церковь считала и считаетъ своимъ долгомъ строго слѣдовать правиламъ вселенскихъ соборовъ, насколько позволяютъ обстоятельства времени. Исторія церковнаго законодательства въ восточной церкви за этотъ періодъ имѣетъ задачей дополненіе или видоизмѣненіе древнихъ нормъ церковнаго права примѣнительно къ новымъ обстоятельствамъ времени, представляемымъ особенно внѣшнимъ положеніемъ церкви въ государствѣ.

Главнымъ источникомъ церковнаго права въ восточной церкви въ этомъ періодѣ являются постановленія постояннаго синода (σύνοδος ἐνδημοῦσα) при константинопольской патріаршей каѳедрѣ Хотя de jure эти постановленія были обязательны только для константинопольскаго патріархата, но они принимались какъ руководящія нормы и въ другихъ патріархатахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ патріархи принимали личное участіе въ постановленіяхъ константинопольскаго синода; въ этихъ случаяхъ послѣднія, по взгляду проф. Бердникова, были обязательны и для другихъ патріархатовъ.—Кромѣ постановленій константинопольскаго синода, источниками церковнаго права были отвѣты патріарховъ и другихъ пастырей церкви на вопросы, предложенные епископами или другими лицами, а также трактаты каноническаго содержанія, принадлежавшіе частнымъ лицамъ, но пріобрѣтавшіе руководственное значеніе въ церковной практикѣ.

Проф. Бердниковъ даетъ подробное перечисленіе важнѣйшихъ постановленій константинопольскаго синода до самаго послѣдняго времени, равнымъ образомъ обозрѣніе уставовъ, изданныхъ подъ контролемъ и съ утвержденія турецкаго правительства во второй половинѣ XIX в.

Въ §—государственныя постановленія по дѣламъ церкви —разсматривается законодательство византійскихъ императоровъ, начиная съ македонской династіи до паденія византійской имперіи, и законодательство турецкаго правительства

Digitized by Google

относительно христіанской церкви и христіанъ главнымъ образомъ въ XIX в.

Таково содержаніе отдѣла объ источникахъ права восточной церкви за второй періодъ.

Отдѣлъ о сборникахъ правилъ и государственныхъ постановленій за тотъ же періодъ начинается съ замѣчанія объ употребленіи номоканоновъ въ L и XIV титул., о пересмотрахъ и дополненіяхъ послѣдняго изъ нихъ; выясняется, что результатомъ пересмотровъ было сознаніе необходимости толкованій на церковныя правила—толкованій, которыя должны были разъяснить практическое значеніе древнихъ правилъ. Далѣе разсматриваются толкованія Зонары, Вальсамона и Аристина. Здѣсь указывается, какіе сборники были истолкованы каждымъ изъ толкователей, какой характеръ носили толкованія, когда и при какихъ обстоятельствахъ они появились. Затѣмъ даются важнѣйшія свѣдѣнія объ алфавитной Синтагмѣ Матѳея Властаря, краткомъ Покаянномъ номоканонѣ (названномъ у Цахаріэ номоканономъ Павлова, которымъ онъ впервые былъ изданъ и изслѣдованъ; изученіе этого номоканона уже дало обширную литературу) и Пидаліонѣ.

Слѣдующій § посвященъ Прохирону, Эпанагогѣ, Василикамъ (подробно указаны мѣста памятниковъ, имѣющія ближайшее отношеніе къ церковному праву) и Шестокнижію Арменопула.

Переходя къ законодательству инославныхъ церквей, авторъ на первомъ мѣстѣ даетъ обзоръ источниковъ католическаго церковнаго права, останавливая свое вниманіе на главнѣйшихъ изъ нихъ—постановленіяхъ соборовъ, папскихъ декреталахъ, постановленіяхъ конгрегацій, правилахъ апостольской канцеляріи (regula cancellariae apostolicae) и конкордатахъ.

Здѣсь мы не встрѣчаемъ изложенія самыхъ памятниковъ, что вполнѣ понятно въ виду цѣли книги, а только сжатую характеристику главнѣйшихъ тенденцій наиболѣе важныхъ изъ нихъ—соборныхъ постановленій. Перечисливъ общіе соборы западной церкви (concilia generalia), проф. Бердниковъ характеризуетъ ихъ законодательную дѣятельность. До Вѣнскаго собора включительно соборныя постановленія были проникнуты мыслью о папскомъ всевластіи (абсолютизмъ); самое созваніе соборовъ имѣло цѣлью подтверждать ихъ согласіемъ предначертанія папы; соборныя правила издавались отъ имени папъ. По-

Digitized by Google

ложеніе дѣлъ измѣняется во время реформаторскихъ соборовъ, когда была выдвинута мысль о томъ, что высшій авторитетъ въ церкви принадлежитъ собору (ошибочно, впрочемъ, утверждается, что Базельскій соборъ низложилъ папу: это м. б. сказано о Пизанскомъ и Констанцскомъ соборахъ). Кратковременный періодъ реформаторскихъ соборовъ только на время прерываетъ развитіе абсолютистскаго режима въ католической церкви. Соборъ Тридентскій возвращается къ средневѣковому порядку, который на Ватиканскомъ соборѣ догматизированъ въ своихъ основныхъ началахъ.

Происхожденіе средневѣковыхъ католическихъ сборниковъ церковнаго права объясняется тѣмъ, что сознаніе неудобства мѣстныхъ сборниковъ, появившихся въ предшествующій періодъ, привело къ мысли выработать сборникъ общій для всѣхъ церквей. Кратко упомянувъ о дограціановскихъ сборникахъ, авторъ даетъ болѣе подробныя свѣдѣнія о Decretum Gratiani и другихъ сборникахъ, вошедшихъ въ составъ Corpus juris canonici.

Переходя къ государственнымъ законамъ по дѣламъ церкви на западѣ, проф. Бердниковъ не указываетъ этихъ законовъ, (что вполнѣ понятно въ виду ихъ многочисленности), а излагаетъ ихъ основныя начала; авторъ, не останавливаясь на постепенномъ ходѣ развитія этихъ началъ въ исторіи, представляетъ ихъ въ томъ видѣ, какой они получили въ современномъ законодательствѣ. Они сведены къ религіозной свободѣ, выражающейся въ индивидуальной свободѣ совѣсти и въ свободѣ религіозныхъ обществъ (автономіи), къ праву суверенна-го государства опредѣлять юридическое положеніе религіозныхъ обществъ, находящихся въ предѣлахъ государственной территоріи, и къ освобожденію политической и гражданской сферъ жизни отъ связи съ религіей (отдѣленіе церкви отъ государства).

Вопросъ объ источникахъ права въ евангелической церкви разсмотрѣнъ въ такой послѣдовательности. Послѣ краткаго указанія на то значеніе, какое протестанты придаютъ въ юридическомъ быту своей церкви Священному Писанію, католическому Corpus juris canonici и евангелическимъ символическимъ книгамъ, устанавливается положеніе, что исключительнымъ почти источникомъ положительнаго церковнаго права у протестантовъ является государственное законодательство, осуще-

Digitized by Google

ствляемое отчасти съ участіемъ церковной общины. Далѣе обстоятельно излагаются теоретическія обоснованія этого основного положенія, высказанныя первоначально въ литературѣ XVII в., проникнутой идеями естественнаго права и чуждой надлежащаго пониманія историко-юридической стороны церковной жизни. Послѣ разсмотрѣнія епископальной, территоріальной и коллегіальной теорій проф. Бердниковъ приходитъ къ выводу, что ни одна изъ нихъ не обосновываетъ юридически современнаго положенія протестантской церкви, и что вмѣшательство свѣтской власти въ управленіе и законодательство протестантскихъ церковныхъ союзовъ является голымъ фактомъ исторіи и современной жизни. Дѣйствительно, единственный юридическій титулъ правомѣрности такого состоянія можно видѣть въ настоящее время развѣ только въ давности.—§ о протестантской церкви заканчивается разсмотрѣніемъ церковныхъ уставовъ (Kirchenordnungen), порядка ихъ измѣненія и дополненія и краткимъ замѣчаніемъ о русскомъ уставѣ объ управленіи духовныхъ дѣлъ христіанъ протестантскаго исповѣданія.

Въ обзорѣ источниковъ права армяно-грегоріанской церкви проф. Бердниковъ отмѣчаетъ важнѣйшія церковныя постановленія и даетъ сжатую исторію происхожденія Положенія объ управленіи дѣлами армяно-грегоріанской церкви.

Остальная часть книги (стр. 178—321) посвящена исторіи источниковъ права русской церкви. Исторія эта дѣлится на два періода, границей между которыми служитъ учрежденіе патріаршества, говоря иначе—пріобрѣтеніе русской церковью автокефальности.

Въ первый періодъ источники права русской церкви были отчасти греческаго происхожденія, отчасти русскаго. Къ первымъ относятся постановленія константинопольскаго синода, какъ изданныя для всего константинопольскаго патріархата, частью котораго была русская церковь, такъ и предназначавшіяся спеціально для русской церкви. Въ книгѣ разсмотрѣны тѣ и другія съ указаніемъ предметовъ ихъ содержанія.—Главнѣйшія изъ мѣстныхъ источниковъ—постановленія русскихъ соборовъ и каноническіе отвѣты и посланія русскихъ іерарховъ. Авторъ даетъ болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о соборахъ Владимірскомъ 1274 г., московскихъ 1503—504 гг., Стоглавомъ, московскихъ 1580—1584. Относительно канониче-

Digitized by Google

скихъ отвѣтовъ и посланій высказано замѣчаніе, что они не созидали новыхъ нормъ, а проводили въ жизнь церковнаго общества нормы уже существующія, т. е. говоря иначе—формально они были не результатомъ законодательства, а административной дѣятельности отдѣльныхъ членовъ русской іерархіи. Но имъ справедливо придается важное церковно-каноническое значеніе, такъ какъ они заключаютъ достовѣрныя данныя о томъ, какія именно нормы признавались дѣйствующими въ древній періодъ жизни русской церкви. Далѣе слѣдуетъ обозрѣніе памятниковъ этого рода, именно: отвѣтовъ митр. Іоанна II, архіеп. новгородскаго Нифонта на вопросы Кирика, Саввы и Иліи, правила митр. Максима, поученія митр. Петра, грамотъ митр. Кипріана, митр. Фотія, вел. кн. Ивана Васильевича и митр. Геронтія къ архіепископу новгородскому Геннадію, этого послѣдняго къ митр. Зосимѣ. Въ концѣ отдѣла излагается содержаніе Свитка законнаго изъ Софійской Кормчей (1284 г.), заключающаго въ себѣ поученіе святительское новопоставленному іерею, и сообщаются свѣдѣнія о чинѣ избранія и поставленія въ епископы, священники и діаконы на основаніи рукописныхъ сборниковъ богослужебнаго и юридическаго содержанія отъ XV в.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ—свѣтскіе законы по церковнымъ дѣламъ—разсматриваются памятники византійскаго законодательства въ тѣхъ передѣлкахъ и сокращеніяхъ, въ какихъ они употреблялись на Руси. На первомъ мѣстѣ поставленъ Законъ судный людемъ, далѣе указаны—Избраніе отъ закона Богомъ даннаго Израильтянамъ Моисеемъ о судѣ и правдѣ и нѣкоторые переводные отрывки изъ памятниковъ византійскаго законодательства, помѣщавшіеся въ рукописныхъ русскихъ кормчихъ, наконецъ даны свѣдѣнія о вліяніи византійскаго права на правовой укладъ русской жизни и о приспособленіяхъ византійскаго законодательства къ особенностямъ этой жизни.

Обозрѣніе исходившихъ отъ русскихъ князей узаконеній по церковнымъ дѣламъ предваряется общими положеніями относительно этихъ узаконеній. „Какимъ бы уваженіемъ, пишетъ проф. Бердниковъ, ни пользовались у нашихъ новопросвѣщенныхъ предковъ постановленія византійскихъ императоровъ по церковнымъ дѣламъ, они не могли замѣнить мѣстнаго русскаго церковнаго законодательства, въ виду малой примѣнимости къ мѣстнымъ условіямъ русской жизни. А между тѣмъ введеніе въ Россіи

Digitized by Google

христіанства необходимо должно было вызвать русское правительство на законодательную дѣятельность по дѣламъ церковнымъ, такъ какъ оно порождало рядъ совершенно новыхъ правовыхъ отношеній, которыхъ не знало русское языческое государство. Точно такъ же и духовенство русское явилось въ русскомъ обществѣ совершенно новымъ классомъ, для котораго требовалось создать особое, свойственное ему положеніе среди другихъ классовъ общества. Требовалось наконецъ необходимо дать матеріальныя средства новоустрояющемуся церковному союзу". Эти потребности были удовлетворены уже первыми христіанскими князьями кіевскими Владиміромъ и Ярославомъ, свидѣтельствомъ чего служатъ дошедшіе до насъ съ именами этихъ князей церковные уставы.

Касательно устава св. Владиміра сообщаются свѣдѣнія о редакціяхъ, въ какихъ онъ дошелъ до насъ, и объ его основномъ содержаніи, въ которомъ различаются четыре части; къ первой относится установленіе десятины, ко второй—опредѣленіе круга суда церковнаго по предметамъ, къ третьей—перечисленіе людей церковныхъ или богадѣленныхъ, къ четвертой—предоставленіе церковной власти наблюденіе за мѣрами и вѣсами.—По спорному вопросу о подлинности устава проф. Бердниковъ держится средняго взгляда: съ одной стороны, отвергается мнѣніе, что „памятникъ, извѣстный подъ именемъ церковнаго устава кн. Владиміра въ томъ видѣ, какъ онъ дошелъ до насъ былъ произведеніемъ пера (sic) кн. Владиміра", не принимается также и мнѣніе, что имѣющіяся редакціи устава были позднѣйшими неточными копіями не дошедшаго до насъ подлинника (Неволинъ); но съ другой стороны, не раздѣляется и противоположное ученіе, по которому уставъ—подложное произведеніе, появившееся значительно позже Владиміра—предположительно въ XIV вѣкѣ, причемъ, повидимому, подозрѣвается прикосновенность къ подлогу м. Кипріана (проф. Суворовъ). Взглядъ проф. Бердникова состоитъ въ томъ, что уставъ, извѣстный съ именемъ Владиміра, „нужно считать позднѣйшею записью распоряженій этого князя, сдѣланною отчасти на основаніи лѣтописныхъ сказаній о князѣ Владимірѣ и его времени, а частью на основаніи существовавшей практики" (ср. курсъ А. С. Павлова, стр. 134—135); затѣмъ авторъ изслѣдуетъ, „въ чемъ долженъ былъ состоять уставъ кн. Владиміра". Въ результатѣ этого изслѣдованія по-

Digitized by Google

лучается выводъ: „основное содержаніе устава можетъ быть отнесено ко времени кн. Владиміра, а поэтому справедливо можно сказать съ проф. Владимірскимъ-Будановымъ, что этотъ уставъ (т. е. въ томъ видѣ, какъ онъ дошелъ до насъ) изображаетъ для насъ подлинное отношеніе церкви къ государству, какое церковь считала тогда (въ земскій періодъ) нормальнымъ". *)

Уставъ, извѣстный съ именемъ кн. Ярослава, признается дальнѣйшимъ развитіемъ началъ, выраженныхъ въ уставѣ Владиміра по вопросу о вѣдомствѣ церковнаго суда; въ подтвержденіе этого сравнивается содержаніе того и другого. Далѣе указываются ссылки на него въ послѣдующее время, разсматриваются редакціи, въ какихъ онъ извѣстенъ теперь. Относительно подлинности памятника замѣчено: „конечно нельзя считать сохранившіеся до насъ списки краткой и пространной редакціи устава кн. Ярослава копіями съ закона, изданнаго самимъ кн. Ярославомъ. Въ нихъ есть позднѣйшія вставки, есть анахронизмы, наприм. счетъ денегъ на рубли. Но основное содержаніе памятника, приблизительно въ размѣрахъ краткой редакціи, должно быть усвояемо времени Ярослава Великаго".—Въ концѣ § перечисляются уставныя грамоты удѣльныхъ князей.

---

*) Интересно сопоставить съ изложеннымъ взглядомъ мнѣніе проф. Ключевскаго, высказанное имъ въ только что опубликованномъ Курсѣ русской исторіи. М. 1904. Начальная лѣтопись, читаемъ мы здѣсь, разсказывая, какъ Владиміръ Св. въ 996 г. назначилъ на содержаніе построенной имъ въ Кіевѣ соборной Десятинной церкви десятую часть своихъ доходовъ, прибавляетъ: „и положи написавъ клятву въ церкви сей". Эту клятву мы и встрѣчаемъ въ сохранившемся церковномъ уставѣ Владиміра, гдѣ этотъ князь заклинаетъ своихъ преемниковъ блюсти нерушимо постановленія, составленныя имъ на основаніи правилъ вселенскихъ соборовъ и законовъ греческихъ царей, т. е. на основаніи греческаго Номоканона. Древнѣйшій изъ многочисленныхъ списковъ этого устава мы находимъ въ той же самой новгородской кормчей конца XIII в., которая сберегла намъ и древнѣйшій извѣстный списокъ Русской Правды. Время сильно попортило этотъ памятникъ, покрывъ первоначальный его текстъ густымъ слоемъ наростовъ. Въ спискахъ этого устава много поправокъ, передѣлокъ, вставокъ, подновленій, словомъ—варіантовъ—знакъ продолжительнаго практическаго дѣйствія устава. Однако легко возстановить если не первоначальный текстъ памятника, то его юридическую основу по крайней мѣрѣ настолько, чтобы понять основную мысль, проведенную въ немъ законодателемъ. Стр. 340.

Digitized by Google

Кромѣ нормъ общихъ, каковыми были уставы и уставныя грамоты князей, къ памятникамъ русскаго законодательства по дѣламъ церкви относятся также льготныя грамоты, составлявшія изъятія изъ общаго порядка. Авторъ даетъ общую характеристику этихъ грамотъ за XIII—XVI вв. (отмѣчая особо грамоту, данную В. Княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ митр. Кипріану) и сжато излагаетъ ихъ судьбу во второй полов. XVI в.

Обзоръ сборниковъ церковнаго права начинается съ Номоканона Іоанна Схоластика (въ L тит.) и Номоканона въ XIV тит. Авторъ указываетъ содержаніе того и другого (перваго—по списку Румянцев. Музея № 230, второго—по рки. Москов. Сунод. Библ. № 227). Далѣе идетъ разсмотрѣніе кормчихъ—Рязанской (ркп. Импер. Пуб. Биб. Fп, II, № 1) и Новгородско-Софійской (ркп. Москов. Сунод. Биб. № 132). Послѣдняя называется сводной славяно-русской кормчей, такъ какъ въ ней комбинированъ матеріалъ изъ номоканона въ XIV титул., употреблявшагося до митр. Кирилла, изъ кормчей, полученной м. Кирилломъ изъ Болгаріи, и даже изъ старѣйшаго (первоначальнаго славяно-русскаго) номоканона въ L титул. Этимъ заканчивается исторія источниковъ права русской церкви за первый періодъ.

Второй періодъ подраздѣляется на двѣ части; первая обнимаетъ время патріаршества на Руси, вторая—время сунодальнаго управленія.

Исторія источниковъ русскаго церковнаго права за время патріаршества предварена сжатымъ изложеніемъ вопроса о признаніи автокефальности русской церкви. Отмѣчено сначала фактическое пріобрѣтеніе автокефальности и послѣдовавшее затѣмъ юридическое ея признаніе, выразившееся въ учрежденіи патріаршества. „Сдѣлавшись автокефальной, русская церковь, естественно, пріобрѣла вмѣстѣ съ тѣмъ право самоопредѣленія и въ дѣлѣ церковнаго законодательства. Конечно, это право имѣетъ условный характеръ, исключающій уклоненія отъ правилъ древней вселенской церкви и по возможности отъ практики греческой церкви. По силѣ духовнаго единенія, связующаго догматически и канонически всѣ помѣстныя православныя церкви, церковь русская должна была не только твердо хранить богопреданное ученіе вѣры, но и въ дѣлѣ

Digitized by Google

церковнаго управленія должна была соображаться съ практикой другихъ патріархатовъ восточной церкви".

Такимъ образомъ, автокефальность, по самому существу своему, далеко не совпадаетъ съ совершенной самостоятельностью и независимостью церкви отъ какой либо другой церкви (церковная автокефальность съ формально-юридической стороны не аналогична государственному суверенитету); независимо отъ того, границы этой самостоятельности съуживались недостаточно яснымъ сознаніемъ ея въ русской церкви XVI и XVII вв.

„Отсюда произошло то явленіе, что всѣ важнѣйшіе памятники церковнаго законодательства этого періода произ шли или непосредственно отъ восточныхъ патріарховъ или подъ ихъ преимущественнымъ вліяніемъ".

Особенно же это слѣдуетъ сказать о патріархѣ константинопольскомъ, который заявлялъ притязаніе на особое значеніе въ автокефальныхъ церквахъ Востока. „Наша святая, истинная, великая церковь вселенскаго престола, писалъ патріархъ Іероній, пріяла отъ Господа силу отверзать вѣрующимъ смыслъ Божественнаго ученія и утверждать въ разумѣніи истинной и пресвѣтлой вѣры христіанской... Ибо нашъ престолъ есть источникъ и начало всѣмъ церквамъ, и подаетъ жизнь всѣмъ благочестивымъ христіанамъ во всѣ церкви, соблюдая до днесь всѣ догматы благочестія".

Проф. Бердниковъ, указывая на участіе восточныхъ патріарховъ въ авторитетномъ руководительствѣ русской церковью, отмѣчаетъ наиболѣе важные акты, въ какихъ выразилось это участіе.

Независимо отъ восточныхъ патріарховъ русская церковь получала руководительныя нормы въ постановленіяхъ русскихъ соборовъ и въ распоряженіяхъ своихъ высшихъ іерарховъ. Въ книгѣ проф. Бердникова разсмотрѣны постановленія соборовъ 1620, 1651, 1655, 1656 гг. (указаны предметы содержанія постановленій), 1666, 1667, 1675 и 1682 гг. (обстоятельное изложеніе содержанія постановленій), а также наказы и грамоты іерарховъ; между послѣдними особое вниманіе обращено на инструкцію патр. Адріана поповскимъ старостамъ 26 дек. 1697 г. и на составленныя по повелѣнію того же патріарха статьи о святительскихъ судахъ.

Изложивъ источники церковнаго права, изданные церковною властью за время патріаршества, авторъ переходитъ

Digitized by Google

къ сборникамъ церковныхъ правилъ—кормчимъ. Сначала идетъ рѣчь о судьбѣ рукописныхъ кормчихъ. Появляясь какъ результатъ трудовъ отдѣльныхъ частныхъ лицъ, онѣ, конечно, не могли отличаться единообразіемъ. Въ XVI в. явились попытки систематизировать матеріалъ кормчихъ въ тенденціозномъ направленіи (таковы кормчія—князя-инока Вассіана Патрикѣева и игумена Волоколамскаго монастыря Нифонта). Эти обстоятельства привели церковную власть къ сознанію необходимости оффиціальнаго изданія. Трудъ митр. Макарія въ этомъ направленіи не былъ доведенъ до конца. Только въ печатной кормчей русская церковь получила оффиціальное изданіе этой книги. Въ курсѣ проф. Бердникова излагается содержаніе первой печатной кормчей съ указаніемъ, какія главы взяты изъ кормчей рязанскаго списка, легшаго въ основу печатной кормчей, и какія заимствованы изъ другихъ источниковъ; далѣе даются свѣдѣнія о тѣхъ передѣлкахъ и дополненіяхъ, какія сдѣланы патр. Никономъ въ невышедшемъ изданіи патр. Іосифа; изъ послѣднихъ обращено особое вниманіе на статью объ учрежденіи патріаршества въ Россіи и подложную грамоту Константина папѣ Сильвестру, помѣщеніе которыхъ въ кормчей объясняется особыми тенденціями патр. Никона.

Отдѣлъ объ источникахъ церковнаго происхожденія за время патріаршества заканчивается разсмотрѣніемъ „Покаяннаго номоканона Іоанна Постника“ и номоканона при большомъ требникѣ. Подъ первымъ разумѣется та редакція номоканона съ именемъ Постника, въ какой онъ передается у Никона Черногорца и въ какой онъ печатался въ Московскихъ Требникахъ 1623, 1625, 1639 и 1657 гг. Касательно номоканона при большомъ требникѣ сообщаются свѣдѣнія объ его изданіяхъ въ Кіевѣ и въ Москвѣ, о существенныхъ предметахъ его содержанія, объ его употребленіи въ русской церкви и значеніи въ настоящее время. Проф. Бердниковъ, полагаетъ, что правила покаянія, изложенныя въ номоканонѣ, для дѣйствующей практики могутъ считаться фактически отмѣненными, равно какъ и заключающіяся здѣсь правила относительно брака. На основаніи ст. 196 Устава Дух. Консист. утверждается, что номоканонъ рекомендуется къ руководству, впрочемъ неисключительно, а на ряду съ кормчей и другими источниками, при опредѣленіи на церковномъ судѣ дисциплинарныхъ взысканій монахамъ.

Digitized by Google

Въ § подъ заглавіемъ:—государственное законодательство по церковнымъ дѣламъ—авторъ разсматриваетъ вопросъ о дѣйствіи за XVI и XVII вв. византійскихъ свѣтскихъ законовъ на Руси и подробно излагаетъ содержаніе законодательныхъ памятниковъ русскаго происхожденія по дѣламъ православной церкви, въ частности Уложенія царя Алексѣя Михаиловича и новоуказныхъ статей, по скольку онѣ имѣютъ отношеніе къ церковному праву.

Заключительный отдѣлъ книги посвященъ исторіи источниковъ со времени учрежденія св. Сунода до настоящаго времени. Проф. Бердниковъ даетъ такую характеристику положенія русской церкви за этотъ періодъ: „Со времени Петра I русское государство достигаетъ прочной внутренней организаціи, сознанія своей самобытности и самостоятельности въ постановкѣ своихъ задачъ и въ выборѣ средствъ къ ихъ достиженію. Такое самочувствіе государства сказывается существеннымъ образомъ на его отношеніи къ церкви. Государство освобождаетъ себя отъ воспитательнаго вліянія церкви, не желаетъ имѣть ее совѣтникомъ и ментором въ своихъ дѣлахъ, *оно находитъ нужнымъ подчинить церковь своимъ видамъ и сдѣлать изъ нея послушное орудіе въ ихъ достиженіи. И этого ему удается достигнуть.* Вступивши на указанный путь, русское государство со времени Петра начало реформировать строй общественной жизни по западно-европейскимъ образцамъ. Вслѣдъ за другими государственными учрежденіями подвергся реформѣ и церковный институтъ, и въ томъ же направленіи. Коллегіальный строй правительственныхъ учрежденій, перенесенный съ запада въ Россію, былъ распространенъ и на устройство высшаго церковнаго управленія въ Россіи“... Затѣмъ дается изложеніе Духовнаго Регламента съ Прибавленіемъ о правилахъ причта церковнаго и чина монашескаго; указываются, какъ источники церковнаго права, Указы Св. Сунода; особо разсматриваются Уставъ Духов. Консисторій, Инструкція благочиннымъ, Положеніе объ управленіи военнымъ духовенствомъ, Инструкія церковнымъ старостамъ и др.; опредѣляется значеніе кормчей въ современной жизни церкви послѣ изданія книги правилъ; наконецъ даются свѣдѣнія о государственныхъ постановленіяхъ, служащихъ источниками дѣйствующаго права церкви.

Изложеніе книги проф. Бердникова, надѣемся, достаточно обнаруживаетъ богатство ея содержанія. Основные взгляды

Digitized by Google

автора на коренные вопросы науки церковнаго права хорошо извѣстны; въ новомъ изданіи курса они еще разъ выступаютъ отчасти съ новыми подтвержденіями и обоснованіями; поэтому нельзя не выразить пожеланія о скорѣйшемъ выходѣ остальной части курса.

Появившіяся въ послѣднее время три руководства по церковному праву—мы имѣемъ въ виду, кромѣ реферируемой книги, учебникъ проф. Суворова (2 изд.) и курсъ проф. Павлова—можно, кажется, разсматривать какъ консолидированные результаты работъ, произведенныхъ нашими канонистами послѣ введенія преподаванія каноническаго права въ курсъ наукъ юридическихъ. При всемъ различіи названныхъ руководствъ ихъ слѣдуетъ признать крупными трудами, въ значительной мѣрѣ облегчающими дальнѣйшую разработку этой научной отрасли.

Ев. Темниковскій.

Digitized by Google

В. Ф. Залѣсскій. Ординарный профессоръ энциклопедіи и исторіи философіи права въ Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Лекціи энциклопедіи права. Казань 1903.

Несмотря на то, что еще со времени университетскаго устава 1835 года энциклопедія права введена въ число обязательныхъ предметовъ, преподаваемыхъ на нашихъ юридическихъ факультетахъ, и важное значеніе этого предмета въ общей системѣ юридическаго образованія, курсовъ по энциклопедіи права у насъ крайне мало и выходятъ они очень рѣдко, потому каждая новая серьезная работа въ этомъ направленіи не можетъ быть встрѣчена иначе, какъ съ большою признательностью. Насущная потребность въ новыхъ руководствахъ по предмету энциклопедіи права сказывается все болѣе и болѣе. Существующія руководства по этому предмету въ значительной степени устарѣли и даже сравнительно новѣйшія и лучшія изъ нихъ не даютъ отчета о тѣхъ новыхъ направленіяхъ научной мысли, которыя проявились въ послѣднее время въ области разработки вопросовъ общей теоріи права или философіи права. Отождествленіе энциклопедіи права съ общей теоріей его почти общепринято спеціалистами, преподающими этотъ предметъ на нашихъ юридическихъ факультетахъ, несмотря на несоотвѣтствіе названія предмета его содержанію. Такое значеніе энциклопедіи права принимаетъ и проф. Залѣсскій. «Энциклопедія права въ современномъ смыслѣ, говоритъ онъ, есть общая теорія права, иначе сказать—философія права... Философія вообще есть высшая научная дисциплина, обобщающая выводы спеціальныхъ наукъ; философія права есть высшая юридическая дисциплина, научающая понимать явленіе права въ цѣломъ и въ связи съ другими сродными ему явленіями» (стр. 4).

Проф. Залѣсскій изложилъ общую теорію права по слѣдующей системѣ: Введеніе; Глава I, которая заключаетъ въ себѣ слѣдующіе вопросы: право, какъ общественный порядокъ,

Digitized by Google

происхожденіе права и нравственности, опредѣленіе понятія права со стороны его содержанія;

Глава II, содержащая въ себѣ ученіе о правѣ въ объективномъ смыслѣ: о юридическихъ нормахъ, источникахъ права, обычномъ правѣ и законѣ, вспомогательныхъ формахъ права и системѣ объективнаго права.

Глава III: Право въ субъективномъ смыслѣ. Субъекты права, объекты права, юридическіе факты и юридическія отношенія. Осуществленіе правъ.

Глава IV: Методологія юридическихъ наукъ.

Во введеніи авторъ даетъ краткій очеркъ развитія ученія о существѣ права, причемъ указываетъ, что съ самой глубокой древности философія права являетъ намъ картину антагонизма двухъ основныхъ направленій—теоріи естественнаго права и того воззрѣнія, которое въ новѣйшее время получило названіе „теоріи исторической школы права".

„Эти два направленія, говоритъ авторъ, съ поразительной живучестью сохранились и уцѣлѣли среди пестраго разнообразія всевозможныхъ философскихъ системъ, дойдя до насъ въ существенныхъ чертахъ почти въ томъ же видѣ, какъ опредѣлились въ глубокой древности" (стр. 4). Изложивъ воззрѣнія главныхъ представителей того и другого направленія, авторъ ставитъ вопросъ: которое же изъ этихъ двухъ взаимно противоположныхъ воззрѣній истинно?

На первый взглядъ, отвѣчаетъ онъ, эта дилемма неразрѣшима, но вдумываясь глубже, мы увидимъ, что существуетъ точка зрѣнія, примиряющая и возводящая къ высшему единству двѣ названныя теоріи, и что противоположность ихъ—только кажущаяся. Эту точку зрѣнія, по мнѣнію автора, даетъ намъ современное философское направленіе, извѣстное подъ именемъ эволюціоннаго утилитаризма, возникшее на почвѣ философіи естественныхъ наукъ, но быстро пріобрѣвшее огромное значеніе и въ области наукъ соціальныхъ; и это сближеніе естественныхъ наукъ съ общественными, необходимость котораго убѣдительно доказывалъ еще Бэконъ, оказалось въ высшей степени плодотворнымъ для послѣднихъ. Между тѣмъ связь между естественными науками и соціальными въ наше время только едва намѣчается. Въ чемъ же заключается польза такого сближенія?

«Поставить какую нибудь соціальную науку въ связь съ философіей естественныхъ наукъ, говоритъ авторъ, зна-

Digitized by Google

читъ во первыхъ—примѣнить естественноисторическую индуктивную методу изслѣдованія, въ основѣ которой лежитъ опытъ и наблюденіе, во вторыхъ—уяснить связь законовъ, изучаемыхъ данною наукой, съ общими законами природы, такъ какъ соціальныя явленія, какъ видъ явленій природы, несомнѣнно подчиняются названнымъ общимъ законамъ, являются ихъ модификаціей (стр. 35).

Проф. Залѣсскій полагаетъ, что споръ естественноправовой доктрины и теоріи исторической школы получаетъ совершенно иной смыслъ и значеніе, если мы именно взглянемъ на нихъ съ точки зрѣнія философіи естественныхъ наукъ. Намъ станетъ тогда ясно, что два направленія называются лишь различными точками зрѣнія, двумя сторонами одной и той же системы, взаимно восполняющими, а не исключающими одна другую. Для этого нужно лишь попытаться раскрыть въ явленіяхъ юридическаго быта дѣйствіе общихъ законовъ природы. На этомъ правильномъ примиряющемъ пути, по мнѣнію проф. Залѣсскаго, стоитъ именно доктрина утилитаризма въ правѣ, зародившаяся уже весьма давно со времени Демокрита (V и IV до Р. Хр.), и получающая въ послѣднее время все большее развитіе (стр. 36). Авторъ слѣдитъ затѣмъ за развитіемъ принциповъ утилитаризма у различныхъ представителей философской мысли и приходитъ къ заключенію, что лишь тогда, когда утилитарныя воззрѣнія получили надлежащее освѣщеніе съ общефилософской точки зрѣнія современнаго научнаго эволюціонизма, оказалось возможнымъ признать утилитаризмъ «законченною, истинно научною теоріей». Этимъ успѣхомъ утилитарная теорія обязана именно Спенсеру и Дарвину. Гербертъ Спенсеръ впервые высказалъ по мнѣнію автора, правильную мысль, что нравственныя чувства развиваются въ насъ такимъ же точно образомъ, какъ и физическіе признаки, путемъ приспособленія къ условіямъ существованія. Нравственное поведеніе есть поведеніе наилучше приспособленное къ условіямъ общественной жизни людей; зло же, безнравственность—являются результатомъ недостаточнаго приспособленія, переживаніемъ прежнихъ хищническихъ привычекъ.

Теорія Спенсера получила окончательную разработку лишь послѣ великаго открытія Чарльзомъ Дарвиномъ закона развитія организмовъ по принципу борьбы за существованіе и естественнаго подбора. Изъ этого закона Дарвинъ вывелъ и и теорію нравственныхъ чувствъ: коллективная борьба за су-

Digitized by Google

ществованіе благопріятнѣе для для вида, чѣмъ индивидуальная. Для успѣшности же этой коллективной борьбы необходима наличность извѣстной солидарности между членами общества; эта солидарность обезпечивается развитіемъ альтруистическихъ, моральныхъ, чувствъ, и эти чувства у общественныхъ животныхъ и у людей, какъ полезныя виду свойства, закрѣпляются путемъ естественнаго отбора.

Спенсеръ ввелъ Дарвиновъ принципъ въ свою систему подъ именемъ косвеннаго уравновѣшенія и въ окончательномъ видѣ его воззрѣнія могутъ быть формулированы, говоритъ проф. Залѣсскій, такъ: нравственность есть такое поведеніе людей въ обществѣ, которое полезно и для каждаго отдѣльнаго индивидуума и для цѣлаго общества; подобныя правила поведенія вырабатываются путемъ или прямого приспособленія къ условіямъ жизни, напримѣръ воспитаніемъ, или косвеннаго—удаленіемъ вредныхъ членовъ общества, вымираніемъ, порабощеніемъ, распаденіемъ вслѣдствіе междуусобицъ цѣлыхъ племенъ или обществъ, среди членовъ которыхъ отсутствуетъ солидарность.

Стоя на точкѣ зрѣнія теоріи Спенсера, мы не можемъ, говоритъ проф. Залѣскій, отвергать существованіе естественнаго права; естественноправовыми нормами--согласно этой теоріи—можно назвать нормы, регулирующія поведеніе людей въ обществѣ сообразно съ условіями ихъ жизни; напримѣръ, моногамическую семью можно назвать естественно правовымъ институтомъ, такъ какъ во первыхъ семья вообще является въ современныхъ условіяхъ наилучшею средою для воспитанія молодыхъ поколѣній, во вторыхъ при численномъ равенствѣ между мущинами и женщинами моногамія есть необходимая форма брачныхъ отношеній.

По мнѣнію проф. Залѣсскаго, «въ этомъ именно воззрѣніи сходятся и примиряются между собою теорія естественнаго права и доктрина исторической школы. Здѣсь сказывается великое значеніе естественныхъ наукъ и ихъ методологіи; онѣ придаютъ характеръ точнаго знанія и необходимой истины такимъ теоріямъ, которыя безъ естественноисторической основы представляются произвольными построеніями субъективнаго характера; естественно историческая точка зрѣнія рѣзко отдѣляетъ истинное отъ ложнаго и примиряетъ въ объединяющемъ принципѣ кажущіяся противоположности".

Тѣ формы человѣческихъ отношеній, которыя являются

Digitized by Google

наиболѣе цѣлесообразными по условіямъ мѣста и времени и характера даннаго народа, мы можемъ смѣло, говорить проф. Залѣсскій, назвать естественноправовыми. Эта точка зрѣнія нисколько не противорѣчитъ, утверждаетъ авторъ, теоріи исторической школы. Цѣлесообразность нормъ права является понятіемъ относительнымъ: естественность данныхъ нормъ зависитъ отъ условій мѣста, времени и народнаго характера, и —сверхъ того—самый разумъ человѣка, опредѣляющій степень этой цѣлесообразности извѣстной регуляціи общественныхъ отношеній, представляетъ собого категорію историческую, а не обсолютную, является продуктомъ многовѣковой эволюціи человѣчества. Взамѣнъ вѣчнаго, неизмѣннаго, абсолютнаго естественнаго права старой доктрины естественнаго права современная утилитарно-эволюціонная теорія, говоритъ проф. Залѣсскій, выдвигаетъ относительно цѣлесообразное естественное право съ перемѣннымъ содержаніемъ. Въ противоположность же доктринѣ исторической школы, современная теорія, начиная съ Іеринга отводитъ должное мѣсто въ процессѣ правообразованія человѣческой самодѣятельности. Итакъ лозунгомъ XX вѣка является, заключаетъ авторъ, обновленная теорія естественнаго праза. Эти то положенія „утилитарно эволюціонной философіи“ проф. Залѣсскій и полагаетъ въ основу своего общаго ученія о правѣ. (стр. 48—54).—Не входя здѣсь въ обсужденіе общей научной цѣнности принциповъ утилитарно-эволюціонной философіи, при посредствѣ которыхъ, по мнѣнію проф. Залѣсскаго, только и могутъ быть правильно поняты явленія общественной жизни и въ частности нравственности и права, замѣтимъ, что понятія полезности и цѣлесообразности, которыми оперируетъ утилитарно—эволюціонная теорія, далеко не такъ ясны, чтобы могли достаточно объяснить образованіе нравственныхъ и правовыхъ нормъ. Съ точки зрѣнія утилитарнаго эволюціонизма нравственное поведеніе есть поведеніе наилучше приспособленное къ условіямъ общественной жизни даннаго времени и мѣста. Но весь вопросъ и заключается именно въ этомъ „наилучше“. Каковъ масштабъ для оцѣнки этого наилучшаго присобленія?

Правда, проф. Залѣсскій ссылается на утвержденіе Спенсера, что нравственность есть такое поведеніе людей въ обществѣ, которое полезно и для каждаго отдѣльнаго индивидуума, и для цѣлаго общества. Но споръ о томъ, что именно слѣдуетъ считать полезнымъ,—старый споръ даже между самими утили-

Digitized by Google

таристами, и, конечно, истина не на сторонѣ тѣхъ, которые отождествляютъ нравственность съ приспособленіемъ прямымъ или косвеннымъ къ преходящимъ условіямъ жизни какого бы то ни было общества, которое къ тому же, можетъ быть, само считаетъ эти условія весьма небезупречными и высоко цѣнитъ тѣхъ лицъ, которыя не только не приспособляются къ этимъ условіямъ, а жертвуя собою въ борьбѣ съ ними, показываютъ другимъ иные идеальные пути жизни.

Утилитарно—эволюціонная теорія основываетъ мораль на почвѣ борьбы за существованіе, происходящей во всей органической природѣ. Общественный организмъ, говоритъ проф. Залѣсскій, слагается изъ индивидуумовъ и эти послѣдніе, участвуя въ коллективной борьбѣ за существованіе, ведутъ и индивидуальную борьбу между собою. Индивидуальная борьба членовъ общества между собою не можетъ быть безразлична для общества въ цѣломъ; при извѣстной интенсивности этой борьбы внутреннее равновѣсіе въ обществѣ нарушается, общественныя связи ослабляются и общая приспособленность соціальнаго цѣлаго падаетъ: только то общество жизнеспособно, въ которомъ общественныя связи, соціальныя стремленія, какъ качества благопріятныя коллективной борьбѣ за существованіе, преобладаютъ надъ неблагопріятными для нея обстоятельствами, выражающимися въ слишкомъ энергичной индивидуальной борьбѣ за жизнь и счастье. Такимъ образомъ путемъ прямого и косвеннаго уравновновѣшенія, путемъ унаслѣдованія пріобрѣтенныхъ качествъ и естественнаго отбора въ отдѣльныхъ индивидуумахъ, членахъ общества, развиваются полезныя обществу психическія свойства, правила поведенія, согласнаго съ цѣлями общества, незываемыя нравственностью.

Уже въ простѣйшихъ обществахъ, у животныхъ, мы видимъ несомнѣнную наличность такихъ полезныхъ обществу психическихъ качествъ—общественныхъ инстинктовъ. Въ человѣческихъ обществахъ эти качества постепенно получаютъ самое широкое развитіе и по общему закону эволюціи дифференцируются въ нѣсколько разнообразныхъ видовъ правилъ поведенія, которыя мы называемъ общимъ именемъ соціальныхъ императивовъ, а въ частности различаемъ какъ моду, нравы и обычаи, мораль, право.

Эти соціальные императивы не одинаковы по степени своей важности для цѣлей сохраненія жизнеспособности со-

Digitized by Google

ціальнаго организма и потому санкціонируются со стороны общества не съ одинаковой интенсивностью (стр. 90 с).

Такимъ образомъ, по утилитарноэволюціонной теоріи оказывается, что источникъ нравственности лежитъ въ коллективной борьбѣ за существованіе и заключается въ правилахъ наиболѣе полезныхъ, приспособленныхъ къ условіямъ этой борьбы. Врядъ-ли такое одностороннее освѣщеніе факторовъ, вліяющихъ на развитіе общественной жизни, въ частности морали, можетъ удачно разрѣшить проблему о существѣ и происхожденіи нравственности. Эта слабая сторона утилитарно-эволюціонной доктрины подмѣчена уже давно философами и моралистами и въ настоящее время находитъ противниковъ и среди самихъ соціологовъ, доказывающихъ невозможность свести безъ остатка соціальныя явленія къ явленіемъ чисто біологическаго характера и борьбѣ организмовъ за существованіе*.

Между тѣмъ проф. Залѣсскій, положивъ въ основаніе изученія общественныхъ явленій методъ естественныхъ наукъ и утилитарно-эволюціонную доктрину Дарвинъ-Спенсера, полагаетъ что такая „естественно-историческая точка зрѣнія рѣзко отдѣлить истинное отъ ложнаго и примирить въ объединяющемъ принципѣ кажущіяся противоположности“ (стр. 51), а именно утилитарно-эволюціонная философія права примиряетъ и объединяетъ старую теорію естественнаго права съ воззрѣніями исторической школы; и эта теорія даетъ якобы возможность утверждать существованіе естественнаго права съ перемѣннымъ содержаніемъ, т. е. тѣ нормы человѣческихъ отношеній, которыя являются наиболѣе цѣлесообразными по условіямъ извѣстнаго мѣста и времени и характера даннаго народа (стр. 52).

Съ этой-то утилитарно-эволюціонной философіей права авторъ отождествляетъ современную теорію естественнаго права, которая, по его мнѣнію, должна стать лозунгомъ XX вѣка.

Указываемые проф. Залѣскимъ въ его книгѣ представители современной теоріи естественнаго права, конечно, не согласятся съ такимъ своеобразнымъ истолкованіемъ ихъ

*) Ср. Карѣевъ: Введеніе въ изученіе соціологіи 1897 глав. III и XVI его же: Основныя направленія соціологіи и ея современное состояніе: (Въ сборникѣ: Введеніе въ изученіе соціальныхъ наукъ. 1903 стр. 16—36).

Digitized by Google

теоріи и съ такимъ примиреніемъ ихъ взглядовъ съ исторической школой.

Вотъ что, напримѣръ, говоритъ одинъ изъ указываемыхъ же авторомъ (на стр. 54) представителей „обновленной теоріи естественнаго права“ въ Россіи, проф. Новгородцевъ объ отношеніи естественно-исторической точки зрѣнія соціологіи къ естественно правовой проблемѣ: „Нравственный вопросъ здѣсь просто устраняется, и если бы соціологъ отдалъ предпочтеніе одной формѣ предъ другою, онъ уклонился бы этимъ самымъ отъ пути историческаго релятивизма и допустилъ бы въ своихъ сужденіяхъ масштабъ для оцѣнки. Тутъ можно говорить только о формахъ болѣе сложныхъ и менѣе сложныхъ, болѣе жизнеспособныхъ и менѣе жизнеспособныхъ, но не далѣе; а всѣ подобныя категоріи не имѣютъ никакого отношенія къ этикѣ. Болѣе жизнеспособный и приспособленный вовсе не то же, что лучшій и этически цѣнный. Чтобы вспомнить примѣръ изъ естествознанія, приведенный у Гексли,—при извѣстныхъ условіяхъ развитія наиболѣе приспособленными къ жизни повсюду могутъ оказаться лишайники. Все это повторялось много разъ, и едва ли требуетъ подробнаго разъясненія“. *) Независимо отъ всѣхъ этихъ соображеній проф. Залѣсскій не выяснятъ своего отношенія къ весьма существенному предмету спора между исторической школой и естественноправовой доктриной, а именно къ тому, можетъ ли существовать какое-либо другое право, кромѣ положительнаго.

Насколько можно судить о воззрѣніи представителей современной теоріи естественнаго права, они подъ „естественнымъ правомъ съ перемѣннымъ содержаніемъ понимаютъ не право въ строгомъ смыслѣ этого слова а или масштабъ для оцѣнки положительнаго права или политику права. Это по крайней мѣрѣ прямо высказывается теперь. г. Гессеномъ, который говоритъ, что возрожденіе естественнаго права „отнюдь не знаменуетъ собою возвращенія къ правовому дуализму“ естественно правовой доктрины. Только положительное право—право. Всякое противопоставленіе положительному праву какого-бы то ни было другого неположительнаго,—теоретически несостоятельно. Естественное право относится къ положительному,

*) Новгородцевъ: Нравственный идеализмъ въ философіи права. Сборникъ „Проблемы идеализма ст. 264).

Digitized by Google

какъ то, что должно быть, къ тому, что есть. Естественное право —мѣра, критерій, положительное—объектъ измѣренія и оцѣнки". *)

Считаетъ-ли проф. Залѣсскій естественно правовыми нормами наиболѣе цѣлесообразныя, „практичныя при существующихъ отношеніяхъ", какъ онъ выражается, нормы положительнаго права или же нормы, которыя не стали еще положительнымъ правомъ? Судя по его утвержденію на стр. 69, что право отличается отъ другихъ императивовъ внѣшнею организованною принудительностью, такія идеальныя нормы авторъ не долженъ бы былъ смѣшивать съ правомъ. Положивъ въ основаніе своего общаго ученія о правѣ вышеприведенныя положенія утилитарно-эволюціонной философіи, проф. Залѣсскій переходитъ къ изложенію общаго ученія о правѣ. Въ главѣ I авторъ различаетъ три понятія права: 1) право въ общемъ смыслѣ—общественный порядокъ 2) право въ объективномъ смыслѣ—юридическія нормы; 3) право въ субъективномъ смыслѣ—принадлежность лица или сфера свободнаго проявленія воли и дѣятельности индивидуума, создаваемая для него наличностью даннаго общественнаго порядка;

Авторъ сожалѣетъ, что въ современной юридической литературѣ недостаточно ясно разграничиваются понятія о правѣ, какъ общественномъ порядкѣ, и о правѣ въ объективномъ смыслѣ, какъ совокупности нормъ (стр. 56). По мнѣнію автора, понятіе права, какъ общественнаго явленія „охватываетъ собою и объективное и субъективное право, являющіяся лишь двумя сторонами одного и того же явленія правопорядка, и кромѣ того объективное право и соотвѣтствующій правопорядокъ могутъ быть различны.

Съ такимъ разчлененіемъ понятія права трудно согласиться. Право въ объективномъ и субъективномъ смыслѣ исчерпываютъ все понятіе о правѣ. Авторъ, очевидно, смѣшиваетъ юридическій бытъ съ правомъ. Говоря (стр. 56), что „право есть общественный порядокъ, извѣстнымъ образомъ урегулированное, нормированное поведеніе людей, авторъ не замѣчаетъ, что это все равно, равно, что сказать: *право* есть

*) В. М. Гесенъ: О наукѣ права (Введеніе въ изученіи соціальныхъ наукъ. Сборникъ статей подъ ред. проф. Карѣева. 1903 стр. 140, также стр. 144).

Digitized by Google

нормированное *правомъ* поведеніе людей. Такое опредѣленіе будучи логически неправильнымъ, нисколько не объясняетъ понятія права.

Замѣчаніе же проф. Залѣсскаго, что объективное право и соотвѣтствующій правопорядокъ могутъ быть различны, совершенно ошибочно. Порядокъ, не соотвѣтствующій никакой объективной нормѣ права не можетъ быть правопорядкомъ, а является фактическимъ или даже неправомѣрнымъ порядкомъ. Ссылка автора на примѣры обхода гражданскихъ законовъ въ нашемъ быту неосновательна, такъ какъ противъ такихъ обходовъ, поскольку они клонятся вообще къ цѣли закономъ воспрещенной, существуетъ ст. 1529 ч. 1 т. X св. Зак., объявляющая ничтожными юридическія послѣдствія такихъ актовъ.

Поэтому точность научной терминологіи требуетъ, чтобы право не смѣшивалось съ комплексомъ явленій, который оно нормируетъ.

Говоря о происхожденіи права, авторъ отвергаетъ естественноправовую договорную теорію происхожденія права, указываетъ и на односторонность теоріи трансформированной силы, подчеркивая важность внутренняго психическаго элемента въ въ правѣ т. е. его внутренней принудительной силы и связь съ нравственностью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчаетъ такъ называемую психологическую теорію права проф. Петражицкаго, обращающую исключительное вниманіе на субъективные психологическіе факторы въ правѣ.

Болѣе близкой къ истинѣ даже въ общемъ правильной авторъ признаетъ теорію ортодоксальной исторической школы права, хотя эта теорія и несвободна отъ недостатковъ; недостатки эти: утвержденіе спокойнаго, естественнаго роста права, признаніе источникомъ обычнаго права общаго народнаго убѣжденія и одностороннее увлеченіе обычнымъ правомъ, преувеличеніе національнаго элемента въ правѣ. Эти недостатки были исправлены Іерингомъ и послѣдующимъ развитіемъ науки. Послѣ этого утвержденіе автора, что, несмотря на эти существенные недостатки, „теорія происхожденія права исторической школы въ основныхъ чертахъ своихъ остается безусловно вѣрной, формулированный ею законъ историческаго развитія права представляетъ собою прочное пріобрѣтеніе науки и незыблемый фундаментъ для всѣхъ всѣхъ философско-юридическихъ построеній кажется намъ

Digitized by Google

преувеличеннымъ. Большая заслуга исторической школы состоитъ дѣйствительно въ утвержденіи закономѣрнаго историческаго развитія права, но самый законъ этого развитія былъ формулированъ ею неправильно и въ такомъ видѣ отнюдь не можетъ служить незыблемымъ фундаментомъ для дальнѣйшихъ философско-юридическихъ построеній.

Въ вопросѣ о взаимноотношеніи права и нравственности авторъ является защитникомъ теоріи этическаго минимума. Проф. Залѣсскій стремится опровергнуть возраженія сдѣланныя этой теоріи, но, по нашему мнѣнію, не убѣдительно, такъ какъ дѣйствительная жизнь показываетъ достаточно примѣровъ, когда нормы права противорѣчатъ даже минимуму нравственныхъ понятій даннаго общества. Утвержденіе Еллинека, которое авторъ признаетъ правильнымъ (стр. 78), что дѣйствующій согласно съ предписаніемъ права, напримѣръ взыскивающій безпощадно свои деньги съ должника, поступаетъ не безнравственно—договоры надо соблюдать и долги платить,--но такъ какъ это минимумъ нравственности, то въ сравненіи съ болѣе нравственными поступками, такой поступокъ является безнравственнымъ, очевидный софизмъ. При этомъ самъ же проф. Залѣсскій признаетъ вслѣдъ за Муромцевымъ, что въ эпохи переходныя реформъ и общественнаго броженія право часто коллидируетъ съ моралью (стр. 78--89), но замѣчаетъ, что „какъ только жизнь войдетъ въ обычную колею, такъ тотчасъ же наступаетъ постепенное соглашеніе требованій морали и права и послѣднее опять становится этическимъ минимумомъ“.

Но разъ это такъ, авторъ, значитъ, самъ допускаетъ коллизію права съ нравственностью, а что касается переходныхъ эпохъ, то вѣдь общественная жизнь въ каждый данный моментъ является переходной эпохой, а съ другой стороны право, какъ консервативное начало, часто хранитъ въ себѣ архаическіе пережитки, не соотвѣтствующіе современнымъ этическимъ воззрѣніямъ.

На стран. 79—84 авторъ доказываетъ, что внѣшняя организованная принудительность должна быть признана существеннымъ элементомъ права, отличающимъ его отъ другихъ соціальныхъ императивовъ.

Въ современной литературѣ права многократно доказывалось, что эта организованная принудительность является лишь обыкновенной гарантіей правовыхъ нормъ, но не

Digitized by Google

неизбѣжно имъ сопутствующей; хотя право и нуждается и допускаетъ такую принудительность, но она не составляетъ существеннаго элемента въ понятіи юридической нормы, которое можетъ быть установлено путемъ анализа самой юридической нормы.

Признаки правовой нормы заключаются въ ней самой, а не въ ея гарантіяхъ, между тѣмъ проф. Залѣсскій вслѣдъ за многими смѣшиваетъ самую юридическую норму съ ея защитою.

Опредѣляя далѣе право со стороны его содержанія, авторъ отвергаетъ волевую теорію и присоединяется къ ученію Іеринга, полагающаго въ основу права элементъ интереса, и на стр. 87 формулируетъ понятіе права такъ; „право есть этическій минимумъ, охрана наиболѣе существенныхъ интересовъ людей въ обществѣ".

Но въ ученіи о субъективномъ правѣ авторъ, какъ увидимъ ниже, непослѣдовательно самъ сходитъ на волевую теорію.

Въ главѣ II излагается ученіе объ объективномъ правѣ какъ юридическихъ нормахъ. Указавъ на отличіе научныхъ законовъ, устанавливающихъ причинную связь явленій, отъ нормъ, правилъ должнаго, опредѣляющихъ цѣлесообразность человѣческихъ дѣйствій, и замѣтивъ, что цѣлесообразность человѣческихъ дѣйствій отнюдь не вызывается свободной волей, являющейся лишь нашей иллюзіей, а совершается съ безусловной необходимостью, какъ любыя явленія природы, авторъ различаетъ техническія и этическія нормы. Первыя устанавливаютъ практическіе пріемы для достиженія извѣстныхъ опредѣленныхъ результатовъ, этическія же регулируютъ взаимоотношенія людей въ обществѣ. Этическія нормы раздѣляются на нравственныя и юридическія. Юридическія нормы по содержанію всегда являются велѣніями. Опредѣлительныя и дозволительныя нормы лишь по формѣ являются таковыми, а по содержанію онѣ тѣ же велѣнія.

Въ этомъ отношеніи авторъ, по нашему мнѣнію, совершенно правильно оспариваетъ противоположный взглядъ проф. Гредескула.

Далѣе авторъ разсматриваетъ элементы юридическихъ нормъ (стр. 103), указываетъ на условность юридическихъ нормъ, вслѣдствіе чего юридическія нормы слагаются изъ гипотезы и диспозиціи, къ нимъ присоединяется санкція, причемъ

Digitized by Google

авторъ допускаетъ, что санкція можетъ принимать не только форму самостоятельной нормы, но иногда являться и третьимъ элементомъ одной и той же юридической нормы.

Съ послѣднимъ мы согласиться не можемъ. Санкцію всегда слѣдуетъ разсматривать какъ особую норму, обезпечивающую дѣйствіе другой нормы, хотя бы послѣдняя была соединена въ одной статьѣ закона съ санціонирующей ее нормой, какъ это видно изъ приводимой же авторомъ статьи 12 таблицъ: si in jus vocat ito, ni it antestamino igitur em capito.

Переходя къ вопросу объ источникахъ права (стр. 109), авторъ указываетъ трояное значеніе источниковъ: 1) источники познанія права, 2) силы и факторы, создающіе право и обусловливающіе его развитіе, 3) формы права

Авторъ объясняетъ каждое изъ этихъ значеній. Источники правъ въ смыслѣ факторовъ, создающихъ право и способствующихъ его развитію, авторъ раздѣляетъ на матеріальные, психическіе и историческіе факторы.

Къ историческимъ факторамъ проф. Залѣсскій относитъ и рецепцію права, при чемъ даетъ кстати историческій обзоръ знаменитой рецепціи римскаго права на западѣ.

Источники въ смыслѣ формъ права авторъ раздѣляетъ на главные или самостоятельные (законъ, обычное право) и вспомогательные или подчиненные (указы, автономныя правила или статуты и судебная практика).

На стр. 120—153 авторъ даетъ обстоятельный очеркъ ученія объ обычномъ правѣ. Между прочимъ, по вопросу объ источникѣ обязательной силы обычнаго права авторъ примыкаетъ къ теоріи народнаго правоваго убѣжденія, но отвергаетъ теорію, выводящую обычное право изъ объективированнаго народнаго духа, а также и теоріи, которыя основываютъ обязательную силу обычнаго права на *общемъ* правовомъ убѣжденіи, хотя и не объективируютъ народный духъ и находятъ содержаніе правоваго убѣжденія въ томъ, что норма обычнаго права есть правовая норма, или въ томъ, что норма обычнаго права должна быть правовой нормой.

Авторъ признаетъ, что „народное правовое убѣжденіе есть необходимый признакъ обычнаго права, но что содержаніе этого правового убѣжденія не дифференцировано, не всегда опредѣленно и что по характеру своему оно въ извѣстныхъ случаяхъ то приближается къ ясному правовому сознанію, то можетъ быть скорѣе названо правовымъ чувствомъ“ (стр. 129).

Digitized by Google

Къ сожалѣнію, авторъ не объясняетъ, что именно онъ подразумѣваетъ подъ „правовымъ убѣжденіемъ“.

Впрочемъ, на стр. 128 и 130—135 авторъ повидимому отождествляетъ правовое убѣжденіе съ сознаніемъ юридической необходимости. „Между простыми обычаями, говоритъ онъ (стр. 128), основывающимися исключительно на фактическомъ примѣненіи и нормами обычнаго права, примѣняемыми съ сознаніемъ юридической необходимости, есть переходныя ступени и всякая норма, наличность правоваго убѣжденія для которой сомнительна, должна быть отнесена къ категоріи такихъ переходныхъ формъ, стоящихъ то ближе къ обычному праву, то къ обычаямъ“. Надо поэтому думать, что авторъ подъ „сознаніемъ юридической необходимости“ разумѣетъ сознаніе безусловной (т. е. независимой отъ воли и убѣжденія примѣняющаго норму) обязательной силы послѣдней.

Изложивъ затѣмъ на стр. 153—244 очень обстоятельно ученіе о законѣ, о кодификаціи, при чемъ авторъ даетъ историческій очеркъ кодификаціи на западѣ Европы и въ Россіи, о вспомогательныхъ формахъ права т. е. указахъ, автономическихъ правилахъ и судебной практикѣ, авторъ заканчиваетъ ученіе объ объективномъ правѣ разсмотрѣніемъ системы объективнаго права. При этомъ проф. Залѣсскій особенно останавливается на основномъ раздѣленіи права на публичное и частное. Разсмотрѣвъ существующія теоріи о различіи права частнаго отъ права публичнаго и указавъ ихъ недостатки, авторъ приходитъ къ заключенію, что наиболѣе правильной является теорія римскихъ юристовъ. „Разъ мы опредѣляемъ, говоритъ онъ, право какъ охрану интересовъ, то всего естественнѣе для установленія такого крупнаго дѣленія, какъ разчлененіе всей массы юридическихъ нормъ на право публичное и право частное — взять критеріемъ различіе этихъ интересовъ по субъекту. Но мы не стали бы говорить объ исключительной охранѣ интересовъ индивидуума или общества, а предпочли бы ограничиться указаніемъ на преобладаніе тѣхъ или другихъ. Въ правѣ частномъ преобладающимъ является частный интересъ, въ правѣ публичномъ— общественный“ (стр. 251).

При этомъ авторъ оговаривается, что раздѣленіе права на публичное и частное сложилось историческимъ путемъ, благодаря тому, что въ извѣстное время въ данныхъ юридическихъ отношеніяхъ признавалась наличность преобладанія

Digitized by Google

частнаго интереса, а въ другихъ общественнаго; и воззрѣнія эти съ теченіемъ времени измѣнялись. Поэтому авторъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе проф. Дювернуа, что ни въ какой догмѣ границы частнаго и публичнаго права не отдѣлены непереходимой чертой, а съ другой стороны, время и успѣхи культуры приносятъ, что въ одномъ и томъ же исторически данномъ правѣ въ разныя эпохи предѣлы частнаго и публичнаго права не одни и тѣ же. (стр. 252).

Къ сожалѣнію, авторъ упустилъ изъ виду одну изъ главнѣйшихъ теорій о различіи правъ частнаго и публичнаго, а именно теорію утверждающую, что публичное право регулируетъ отношенія властвованія (отношенія субординаціи), а частное—отношенія въ принципѣ равныхъ лицъ (отношенія координаціи). Исторія обособленія частнаго права отъ права публичнаго даетъ весьма много основаній въ пользу этой теоріи, которая, по нашему мнѣнію является наиболѣе правильной. Кромѣ незначительнаго остатка властвованія частныхъ лицъ надъ лицами (въ области семейственнаго права) современное право не признаетъ такого властвованія за частными лицами. И не даромъ личная власть супруга, отца, опекуна въ области семейственнаго права многими признается по существу имѣющей публичноправовой характеръ и скорѣе по политическимъ нежели юридическимъ основаніямъ относится къ гражданскому праву.

Въ главѣ третьей излагается ученіе о правѣ въ субъективномъ смыслѣ. Авторъ начинаетъ съ критики волевой теоріи субъективнаго права, опредѣляющей послѣднее, какъ индивидуальную волю, согласную съ волей общей, или же какъ власть, господство надъ внѣшнимъ міромъ на основаніи предписаній объективнаго права, такъ какъ понятіе власти включаетъ въ себя понятіе воли. Вслѣдъ за Іерингомъ авторъ объявляетъ, что право принадлежитъ тому, кто пользуется, а не тому кто изъявляетъ волю. Субъектъ права есть дестинатарій. Право имѣютъ и лица, не имѣющія воли (безумные, малолѣтніе, утробные, младенцы, юридическія лица). Такимъ образомъ въ разрѣшеніи крайне спорнаго вопроса о существѣ субъективнаго права авторъ присоединяется къ опредѣленію Іеринга субъективнаго права, какъ охраненнаго интереса, но дѣлаетъ нѣкоторую поправку въ его опредѣленіи.

Именно онъ замѣчаетъ: „противъ этого опредѣленія возражали, что опредѣляя право какъ охрану интересовъ,

Digitized by Google

Іерингъ не могъ назвать право субъективное охраненнымъ интересовъ, потому что охраняемое не можетъ быть въ то же время и охраняющимъ. Это возраженіе имѣетъ свою долю основательности: если право охраняетъ интересы, то интересъ уже не есть право. Но не надо забывать, что съ другой стороны ничто иное какъ наличность охраны интересовъ, т. е. право, даетъ субъекту возможность осуществлять эти интересы. Іерингъ, конечно, именно это имѣлъ въ виду, и, опредѣляя субъективное право какъ охрану интересовъ, онъ употребилъ лишь не совсѣмъ точное выраженіе, вовсе не смѣшивая интересъ съ охраной". (стр. 255).

Поэтому самъ проф. Залѣсскій формулируетъ такъ субъективное право: „право въ субъективномъ смыслѣ есть наличность охраненнаго интереса".

Противъ этихъ утвержденій проф. Залѣсскаго необходимо замѣтить, что указываемая имъ неточность Іеринга—мнимая, такъ какъ охрана интересовъ не означаетъ то же, что охраненный интересъ, слѣдовательно, тутъ смѣшенія понятій объективнаго права и субъективнаго права нѣтъ. Поправка же, дѣлаемая проф. Залѣсскимъ, является совершенно излишней. Всякій интересъ необходимо предполагаетъ его субъекта, обладателя. Слѣдовательно, понятіе охраненнаго интереса необходимо включаетъ и наличность даннаго интереса у его субъекта. Слабость же опредѣленія Іеринга заключается въ томъ, что самое опредѣленіе объективнаго права какъ охраны интересовъ очень односторонне. Право не только охраняетъ интересы, но его функція гораздо шире. Оно вообще регулируетъ, опредѣляетъ, разграничиваетъ эти интересы, расширяетъ или ограничиваетъ возможность ихъ осуществленія. Потому и опредѣленіе права, какъ охраненнаго интереса—односторонне. При этомъ необходимо добавить, что это именно *юридически* охраненный интересъ, такъ какъ интересы охраняются не только правомъ, но и всякимъ другимъ способомъ, даже „вооруженной силой".

Далѣе не всякій юридически охраненный интересъ является субъективнымъ правомъ у его обладателя. Возлагая путемъ законовъ на различныхъ лицъ, призванныхъ быть органами государства, различныя обязанности и карая этихъ лицъ въ случаѣ нарушенія таковыхъ, государство, конечно, удовлетворяетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и охраняетъ много различныхъ интересовъ своихъ подданныхъ въ области государственной

Digitized by Google

жизни, но оно не устанавливаетъ тѣмъ никакихъ субъективныхъ правъ своихъ подданныхъ по отношенію къ органамъ, если только обязанности этихъ правительственныхъ лицъ и учрежденій установлены по отношенію къ самому государству, а не къ подданнымъ; подданные пользуются здѣсь лишь рефлективно выгодами чужого правомочія; и это потому, что здѣсь охраняется прежде всего государственный интересъ, а интересъ частнаго лица, даже, если онъ совпадаетъ съ интересомъ государства, охраняется лишь косвенно, такъ сказать, рефлективно. Значитъ, не всякій юридически охраненный интересъ есть субъективное право. Нужно значитъ, обращать еще вниманіе на способъ и характеръ охраны.

Проф. Залѣсскій и самъ не выдерживаетъ послѣдовательно своей точки зрѣнія на субъективное право. Такъ, принявъ ученіе Іеринга о существѣ субъективнаго права, и отвергнувъ волевую теорію, опредѣляющую субъективное право какъ власть надъ внѣшнимъ міромъ на основаніи объективнаго права, онъ въ дальнѣйшемъ изложеніи ученія о субъективномъ правѣ полагаетъ въ основаніе своихъ разсужденій опредѣленіе субъективнаго права въ смыслѣ власти надъ внѣшнимъ міромъ. Оправдываетъ такое отступленіе авторъ тѣмъ, «что въ большинствѣ случаевъ субъектами права оказываются лица взрослыя, обладающія нормально развитыми умственными способностями и одаренныя, слѣдовательно, сознательною волей, то опредѣленіе субъективнаго права какъ власти надъ внѣшнимъ міромъ на основаніи предписаній объективнаго права— можетъ въ общемъ и цѣломъ считаться достаточно удовлетворительнымъ; не нужно лишь забывать, что есть извѣстная категорія случаевъ, гдѣ это опредѣленіе непримѣнимо». (стр. 256).

Авторъ не замѣчаетъ, что субъектами одного и того же права часто могутъ быть признаны совершенно различныя лица въ зависимости отъ того, полагаемъ-ли мы въ основаніе понятія субъективнаго права моментъ воли или моментъ интереса.

И какъ же тогда конструировать правоотношенія именно для той „извѣстной категоріи случаевъ“, гдѣ это опредѣленіе субъективнаго права по собственному утвержденію автора непримѣнимо?

Зачѣмъ же тогда опредѣлять понятіе правомочія и правопритязанія при помощи такого колеблющагося, условнаго и не всегда примѣнимаго масштаба, а не вывести всѣхъ послѣдствій изъ абсолютно вѣрнаго основанія, какимъ, съ точки зрѣ-

Digitized by Google

нія автора, является ученіе Іеринга о существѣ субъективнаго права? Именно авторъ говоритъ, что понимая субъективное право въ смыслѣ власти надъ внѣшнимъ міромъ на основаніи предписаній права, мы можемъ разсматривать его съ двухъ точекъ зрѣнія: какъ власть надъ внѣшнимъ міромъ и съ точки зрѣнія зависимости этой власти отъ предписаній объективнаго права.

Разсматриваемое съ точки зрѣнія власти надъ предметами внѣшняго міра и человѣческими дѣйствіями субъективное право является намъ въ формѣ правопритязанія; разсматриваемое же съ точки зрѣнія зависимости субъективнаго права отъ предписаній права объективнаго, субъективное право представляется намъ въ формѣ правомочія (стр. 256).

Оказывается такимъ образомъ, что понятія правомочія и правопритязанія авторомъ конструированы исключительно при помощи непризнаваемой имъ волевой теоріи субъективнаго права. Ну а какъ же конструировать ихъ съ точки зрѣнія его теоріи интереса, авторъ объ этомъ молчитъ. Что касается соотношенія между субъективнымъ правомъ и обязанностью, авторъ раздѣляетъ воззрѣніе тѣхъ ученыхъ, которые отвергаютъ необходимую связь между правомъ и обязанностью, считая противоположное воззрѣніе „совершенно ошибочнымъ“ (стр. 257). Мы, наоборотъ, признаемъ совершенно ошибочнымъ раздѣляемое авторомъ воззрѣніе. Впрочемъ, при томъ неправильномъ опредѣленіи субъективнаго права, какое даетъ авторъ, а именно наличности охраненнаго интереса, его воззрѣніе въ данномъ случаѣ совершенно послѣдовательно. Мы уже указывали, что далеко не всякій юридически охраненный интересъ является правомочіемъ, а только рефлексомъ чужаго правомочія, и слѣдовательно, не связанъ съ обязанностью другого лица. Но, конечно, дѣло обстоитъ иначе для тѣхъ, кто такое опредѣленіе субъективнаго права отвергаетъ. Какъ на примѣры того, что часто субъективному праву не соотвѣтствуетъ ничья обязанность, авторъ указываетъ на то, что существуютъ многочисленныя личныя права, которымъ не соотвѣтствуетъ ничья обязанность.

Напримѣръ, обладаніе учеными степенями и званіями, говоритъ онъ, даетъ право носить извѣстные знаки отличія —но никакихъ обязанностей для постороннихъ лицъ это право не создаетъ. Обладаніе ученою степенью доктора даетъ право занять каѳедру въ университетѣ—но правительство не обязано каждаго доктора сдѣлать профессоромъ. Пассивному из-

Digitized by Google

бирательному праву извѣстныхъ лицъ также не соотвѣтствуютъ ничьи обязанности; если данный субъектъ по закону имѣетъ право быть выбраннымъ въ гласные думы или земскаго собранія и пр., то это еще не создаетъ ни для кого обязанности непремѣнно выбрать его (стр. 257).

Всѣ приведенные авторомъ примѣры нисколько не могутъ служить подтвержденіемъ его мнѣнія, что здѣсь праву не соотвѣтствуетъ ничья обязанность. Обладаніе учеными степенями составляетъ по закону необходимое условіе для ношенія ученыхъ знаковъ и для занятія каѳедры въ университетѣ. Предоставленіе ношенія ученыхъ знаковъ лицамъ, обладающимъ ученой степенью, представляетъ собою исключеніе изъ общаго предписанія, возлагающаго на всѣхъ лицъ обязанность воздерживаться отъ ношенія неприсвоенныхъ имъ знаковъ отличія, а указаніе закона на то, что лишь имѣющіе извѣстную ученую степень могутъ занимать каѳедру, возлагаетъ на всѣхъ лицъ, которымъ принадлежитъ замѣщеніе каѳедры въ университетѣ, обязанность назначать лишь лицъ съ соотвѣтственной степенью. Поскольку въ обоихъ случаяхъ можно говорить о субъективномъ правѣ обладающаго ученой степенью носить ученые знаки или занимать каѳедру въ университетѣ, то этому праву необходимо соотвѣтствуетъ обязанность не препятствовать ношенію ученыхъ знаковъ и обязанность признавать научный цензъ лица достаточнымъ для занятія каѳедры. Ни въ какомъ другомъ смыслѣ право лица, имѣющаго докторскую степень, занимать каѳедру въ университетѣ понимать нельзя, такъ какъ самъ проф. Залѣсскій признаетъ, что правительство „не обязано каждаго доктора сдѣлать профессоромъ“. Для того, чтобы такое право образовалось, требуется осуществленіе цѣлаго ряда другихъ условій (избраніе университетомъ, утвержденіе правительствомъ).

То же самое должно сказать и относительно указываемаго авторомъ пассивнаго избирательнаго права. Если даже оставить въ сторонѣ новѣйшія государственноправовыя теоріи, видящія въ такъ называемомъ активномъ и пассивномъ избирательномъ правѣ не субъективныя права гражданъ, а лишь своеобразныя обязанности осуществленія государственныхъ функцій, налагаемыя на гражданъ государствомъ, то, во всякомъ случаѣ, объ активномъ и пассивномъ избирательномъ правѣ можно говорить лишь постольку, поскольку на третьихъ лицъ и органы государства, возложена обязанность содѣйст-

Digitized by Google

вовать осуществленію избирательныхъ функцій гражданъ, или какъ при пассивномъ избирательномъ правѣ, обязанность признавать избирательный цензъ лица достаточнымъ и не препятствовать ему быть избираемымъ. Вѣдь въ этомъ прежде всего и состоитъ охрана правомъ избирательнаго права, и репрессивныя мѣры слѣдуютъ лишь въ случаѣ неисполненія соотвѣтственныхъ обязанностей.

Такимъ образомъ, нѣтъ никакой нужды понимать эту обязанность лишь въ смыслѣ обязанности непремѣннаго избранія лица обладающаго пассивнымъ избирательнымъ правомъ и на этомъ основаніи утверждать, что, такъ какъ такой обязанности нѣтъ, то пассивному избирательному праву и вовсе не соотвѣтствуетъ никакой обязанности.

Чѣмъ же тогда это право отличается отъ простой фактической возможности?

Затѣмъ проф. Залѣсскій указываетъ еще на право собственности какъ право, которому не соотвѣтствуютъ ничьи обязанности. Проф. Залѣсскій въ этомъ мнѣніи, правда, не одинокъ. Какъ извѣстно, есть и другіе сторонники этого взгляда, основывающіеся на томъ же, что и проф. Залѣсскій, а именно будто неправильно утвержденіе господствующей теоріи, что абсолютнымъ правамъ соотвѣтствуетъ отрицательная обязанность всѣхъ и каждаго не препятствовать субъекту этихъ правъ въ ихъ осуществленіи, такъ какъ понятіе отрицательныхъ правъ является логической ошибкой. Обязать человѣка можно лишь къ какому-либо дѣйствію, говоритъ проф. Залѣсскій, а всякое дѣйствіе имѣетъ положительный характеръ, а не отрицательный. „Также въ высшей степени является страннымъ представленіе, говоритъ проф. Залѣсскій, будто бы по поводу субъективнаго права собственника на какую-нибудь ничтожную вещь рождаются обязанности всѣхъ людей". Всѣ эти и дальнѣйшія разсужденія и недоумѣнія автора (стр. 257), по нашему мнѣнію, совершенно неосновательны Совершенно непонятно, почему обязать можно кого нибудь только что-либо сдѣлать, а не къ тому, чтобы онъ воздерживался отъ извѣстныхъ дѣйствій. Законы запретительные именно и представляютъ собой нормы, возлагающія на лицъ обязанность воздержанія отъ извѣстныхъ поступковъ. Такія обязанности въ извѣстныхъ случаяхъ могутъ быть возлагаемы на всѣхъ и каждаго ради признаваемыхъ закономъ интересовъ другихъ лицъ, какъ это мы и видимъ въ вещныхъ правахъ,

Digitized by Google

какъ бы иногда объективно и ничтоженъ не былъ защищаемый правомъ интересъ. Авторъ утверждаетъ, что субъективному праву собственника соотвѣтствуютъ не отрицательныя обязанности другихъ людей, а отсутствіе у нихъ правъ на данную вещь: нарушитель права собственности нарушаетъ не свои отрицательныя обязанности, а чужое право, такъ какъ, не имѣя самъ права на данную вещь, онъ желаетъ пользоваться и распоряжаться ею.

Но весь именно вопросъ, въ чемъ же состоитъ это „чужое право", на которое посягаетъ нарушитель права собственности? На это можно было бы отвѣтить различно съ точки зрѣнія теоріи допускающей юридическія отношенія къ вещамъ и съ точки зрѣнія теоріи такія отношенія не допускающей. Къ сожалѣнію, проф. Залѣсскій по этому вопросу своей точки зрѣнія не выясняетъ, а ограничивается совершенно не убѣдительными доказательствами, что обязанностей, состоящихъ въ воздержаніи отъ извѣстныхъ дѣйствій не можетъ быть и нарушать ихъ нельзя.

Указавъ затѣмъ содержаніе субъективнаго права, могущаго слагаться изъ трехъ элементовъ пользованія, владѣнія и распоряженія и охарактеризовавъ каждый изъ этихъ элементовъ, авторъ переходитъ къ изложенію ученія о субъектахъ права (стр, 261—270). Здѣсь укажемъ на пародоксальное утвержденіе автора, что субъектомъ права человѣкъ является не съ момента рожденія, а съ момента зачатія. Автора вводитъ здѣсь въ заблужденіе, какъ видно изъ его доказательствъ, охрана интересовъ утробнаго младенца на случай рожденія его живымъ и обязанности нѣкоторыхъ лицъ въ отношеніи зародыша. Но юридическія обязанности не вредить жизни утробнаго младенца и кара за это поврежденіе вызываются не правами зародыша, а правами государства, установившаго эти обязанности въ интересахъ общественныхъ, а субъективныя права пріобрѣтаются родившимся лишь въ томъ случаѣ, если онъ родится живымъ.

Съ фактомъ возможнаго рожденія ребенка живымъ связывается лишь въ извѣстныхъ случаяхъ въ правовой сферѣ выжидательное положеніе, но никакого присвоенія правъ зародышу здѣсь нѣтъ.

Въ ученіи о юридическихъ лицахъ авторъ исходитъ изъ воззрѣнія Іеринга, считая субъектомъ правъ юридическаго лица дестинатаріевъ. Авторъ такимъ образомъ не обратилъ вни-

Digitized by Google

манія на основательную критику, которой подверглась эта теорія въ научной литературѣ, но въ то же время не оставляетъ безъ вниманія критическія замѣчанія по поводу нѣкоторыхъ другихъ теорій о юридическихъ лицахъ.

Въ ученіи объ объектахъ правъ (стр. 270) авторъ признаетъ лишь объектами права предметы внѣшняго міра и дѣйствія людей. Личность человѣка, его собственныя силы и безтѣлесныя вещи, доказываетъ авторъ, не могутъ быть объектомъ права.

Это утвержденіе автора должно признать правильнымъ для современнаго гражданскаго права, но для публичнаго права оно не вполнѣ правильно. Въ публичномъ правѣ объектомъ права властвованія государства и въ настоящее время является самая личность человѣка, это видно уже изъ того, что карательная власть государства доходитъ до лишенія жизни человѣка.

Что касается интереснаго,особенно для уголовнаго права вопроса, что является объектомъ правонарушенія, авторъ отвѣчаетъ, что объектомъ не могутъ быть вещи и человѣческія дѣйствія. Совершая правонарушеніе, человѣкъ пользуется и распоряжается такими вещами, которыя не являются объектами его права, вообще не совершаетъ дѣйствій, которыя обязанъ совершать.

Объектами правонарушенія не могутъ быть и уголовные законы (какъ думаетъ Спасовичъ и Ортоланъ), такъ какъ нормъ, запрещающихъ кражу, оскорбленія и т. д. нѣтъ, а есть лишь нормы, устанавливающія наказаніе за это дѣяніе.

Но этотъ доводъ автора неубѣдителенъ, такъ какъ запрещеніе извѣстнаго дѣянія юридической нормой вытекаетъ уже изъ его наказанія и запретительная норма права (съ гипотезой и диспозиціей) implicite содержится въ карательной санкціи уголовнаго закона, даже въ томъ случаѣ, если она прямо не выражена законодателемъ.

Скорѣе авторъ долженъ былъ привести другой доводъ, а именно, что законъ, какъ таковой, какъ обстрактное правило, строго говоря, нарушенъ не можетъ быть, а можетъ быть нарушено лишь то, что онъ защищаетъ.

Самъ авторъ примыкаетъ къ воззрѣнію, что объектомъ правонарушенія являются интересы индивида или цѣлаго общества (стр. 274).

На стр. 274—279 авторъ излагаетъ ученіе о юридиче-

Digitized by Google

скихъ фактахъ. Принимая во вниманіе наличность или отсутствіе сознательной воли при возникновеніи юридическихъ фактовъ, а съ другой стороны согласованность или несогласованность ихъ съ требованіями права, авторъ различаетъ по общепринятой системѣ четыре вида фактовъ: юридическіе факты въ тѣсномъ смыслѣ слова, юридическія дѣйствія, неправомѣрныя состоянія и правонарушенія, и характеризуетъ каждый изъ этихъ видовъ. Въ частности, авторъ останавливается на различіи уголовныхъ и гражданскихъ правонарушеній и видитъ отличіе этихъ правонарушеній не въ существѣ правонарушающихъ дѣйствій, а въ послѣдствіяхъ правонарушенія.

„По существу уголовное и гражданское правонарушеніе, говоритъ авторъ, ничѣмъ другъ отъ друга не отличаются; неправда одна". Эта теорія лишь формальнаго различія уголовной и гражданской неправды, какъ извѣстно, раздѣляется въ настоящее время многими юристами.

Для цѣлей практическихъ, для различенія уголовной отъ гражданской неправды въ положительныхъ законодательствахъ эта теорія, конечно, вполнѣ удовлетворительна и другой масштабъ для этой цѣли не можетъ быть найденъ. Но теоретическое изслѣдованіе существа этихъ двухъ видовъ неправды не можетъ удовлетвориться такимъ объясненіемъ ихъ отличія по чисто формальнымъ признакамъ послѣдствій, связанныхъ съ правонарушеніемъ: является прежде всего вопросъ, почему именно одни правонарушенія облагаются уголовнымъ наказаніемъ, а другія нѣтъ?

De lege ferenda это--вопросъ огромной важности. Сами сторонники теоріи формальнаго отличія указываютъ, что уголовныя правонарушенія признаются законодателемъ наиболѣе опасными, вредными для общежитія, или нарушающими жизненные интересы общежитія. «Государство, говоритъ и проф. Залѣсскій, признавая нѣкоторые виды правонарушающихъ дѣйствій наиболѣе опасными, наиболѣе вредными для общежитія—устанавливаетъ за такіе проступки извѣстныя невыгодныя послѣдствія для лицъ ихъ совершающихъ, такъ называемыя наказанія (стр. 278)".

Но если такъ, то, значитъ, должно быть, и матеріальное, хотя-бы количественное, различіе между уголовной и гражданской неправдой. Вѣдь нельзя же признать правильнымъ взглядъ, что законодатель по произволу можетъ признавать такое-то дѣйствіе влекущимъ за собой смертную казнь и каторжныя

Digitized by Google

работы, а такое-то лишь гражданское взысканіе по иску потерпѣвшаго.

Это матеріальное различіе, поскольку оно можетъ выразиться въ объективныхъ признакахъ, должно состоять въ томъ, что уголовными правонарушеніями должны быть признаваемы лишь тѣ правонарушенія, которыя посягаютъ на жизненные интересы общежитія, т. е. грозятъ опасностью наиболѣе важнымъ условіямъ существованія даннаго общежитія. Субъективная оцѣнка этой опасности законодателемъ должна по мѣрѣ крайней возможности совпадать съ оцѣнкой самого общества (соотвѣтствіе нормъ законодателя общественнымъ нормамъ, нравственнымъ убѣжденіямъ общества, есть одно изъ важнѣйшихъ основаній разумной государственной политики).

Ученіе о юридическихъ отношеніяхъ авторъ излагаетъ весьма кратко, всего на одной страницѣ (стр. 279), между тѣмъ этотъ важный вопросъ теоріи права требуетъ гораздо большаго вниманія.

На стр. 280—300 авторъ излагаетъ ученіе объ осуществленіи правъ. Этотъ отдѣлъ обратилъ особенное вниманіе автора и изложенъ у него очень основательно. Онъ указываетъ, что осуществленіе правъ, проведеніе юридическихъ нормъ въ жизнь, распадается на четыре стадіи: критику юридическихъ нормъ, толкованіе ихъ, догматическую переработку и конкретизацію юридическихъ нормъ. Авторъ характеризуетъ каждую изъ этихъ стадій и замѣчаетъ, что къ толкованію законовъ весьма близко стоитъ процессъ логическаго развитія нормъ права, состоящій въ извлеченіи изъ существующихъ правоположеній новыхъ нормъ права.

Главнѣйшіе пріемы при этомъ слѣдующіе: заключеніе на основаніи полнаго тождества: въ нашемъ правѣ напримѣръ право собственности называется иногда вотчиннымъ правомъ, поэтому все, что говорится о правѣ собственности, относится и къ вотчинному праву; заключеніе a fortiori т. е. заключеніе относительно однородныхъ предметовъ, обстоятельствъ и дѣйствій—отъ большаго къ меньшему, если дѣло идетъ о дозволеніи, и отъ меньшаго къ большему, если дѣло идетъ о запрещеніи; заключеніе отъ цѣлаго къ части; сужденіе по аналогіи; заключеніе по противоположности (argumentum a contrario); выведеніе новыхъ юридическихъ нормъ изъ общихъ принциповъ даннаго законодательства.

Говоря о догматической переработкѣ нормъ права, ав-

Digitized by Google

торъ замѣчаетъ, что догматическая переработка юридическихъ нормъ представляетъ собой упрощеніе и упорядоченіе законодательнаго матеріала сообразно правиламъ и пріемамъ, разбираемымъ въ отдѣлѣ методологіи юридическихъ наукъ.

Конкретизація юридическихъ нормъ представляетъ собою субъективное преобразованіе нашихъ свѣдѣній о правѣ (по опредѣленію проф. Гредескула, принимаемому авторомъ), процессъ распознаванія нормъ. Установивъ именно, чего требуетъ или что запрещаетъ право извѣстнымъ категоріямъ лицъ при извѣстныхъ условіяхъ, мы должны для каждаго конкретнаго случая рѣшить вопросъ—*можетъ* или *не можетъ* данный субъектъ совершить такія то дѣйствія при наличныхъ условіяхъ и *не долженъ* ли онъ совершить какихъ-нибудь дѣйствій?

Ученіе объ осуществленіи правъ авторъ заканчиваетъ разсмотрѣніемъ двухъ видовъ сочетанія правъ, такъ называемыхъ стеченія правъ и столкновенія правъ.

Послѣдняя IV глава (стр. 300—311) книги посвящена методологіи юридическихъ наукъ, т. е. путямъ, какими идетъ человѣческое мышленіе въ процессѣ изученія юридическихъ явленій и отысканія управляющихъ ими законовъ. Авторъ указываетъ на два основныхъ метода: дедуктивный и индуктивный, и воспомогательные: анализъ, синтезъ, абстракція, детерминація, дефиниція и классификація. Охарактеризовавъ каждый изъ этихъ общихъ пріемовъ изслѣдованія, авторъ замѣчаетъ, что при разработкѣ юридическихъ наукъ употребляются эти же общіе пріемы научнаго изслѣдованія, но въ одномъ отношеніи юридическія науки представляютъ замѣчательную особенность: право можетъ быть изучаемо двоякимъ путемъ—или только какъ объективное право, совокупность юридическихъ нормъ, или какъ общественное явленіе. Соотвѣтственно съ этимъ наука права принимаетъ двоякую форму —юридической догматики и соціологическаго изученія права. Авторъ объясняетъ сущность каждой изъ этихъ формъ научнаго изученія права. Между прочимъ, видомъ соціологическаго изученія права онъ считаетъ и политику права; „эта юридическая дисциплина изучая право соціологически, имѣетъ цѣлью—путемъ дедуктивныхъ умозаключеній и, руководясь данными исторіи и сравнительной юриспруденціи,—выводить заключенія о наиболѣе цѣлесообразныхъ способахъ урегулированія правомъ существующихъ жизненныхъ отношеній (стр. 311).

Digitized by Google

Таковы содержаніе и характеръ книги проф. Залѣсскаго. Мы особенно останавливались на тѣхъ положеніяхъ и воззрѣніяхъ автора, которыя, по нашему мнѣнію, не могутъ не вызвать критическихъ замѣчаній. Но наше разногласіе по нѣкоторымъ существеннымъ вопросамъ теоріи права съ авторомъ „Лекцій по энциклопедіи права“ не мѣшаетъ намъ признать учебникъ проф. Залѣсскаго весьма полезнымъ пріобрѣтеніемъ нашей юридической литературы. Написанный интересно доступнымъ для учащихся и живымъ языкомъ, не загроможденный деталями, систематичный, онъ можетъ служить подходящимъ пособіемъ для изученія общей теоріи права. Автору нельзя не выразить признательности за изданіе въ свѣтъ его лекцій по общей теоріи права тѣмъ болѣе, что составленіе учебника по общей теоріи права въ настоящее время, когда еще далеко не установилось согласіе ученыхъ по многимъ основнымъ вопросамъ этой науки и въ наукѣ права проявляется вновь борьба двухъ направленій идеалистическаго и позитивнаго, составленіе учебника по общей теоріи или философіи права представляетъ значительныя трудности. Въ заключеніе нашего обзора книги проф. Залѣсскаго мы не можемъ не выразить еще сожалѣнія, что авторъ не далъ указателя главнѣйшихъ научныхъ работъ по каждому изъ излагаемыхъ имъ въ учебникѣ вопросовъ. Это могло бы послужить большимъ облегченіемъ для учащихся, желающихъ болѣе обстоятельно познакомиться съ предметомъ и ориентироваться въ его литературѣ.

Не изложены у автора и основныя начала юридическаго ученія о государствѣ. Отношеніе права къ государству составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ общей теоріи права. Впрочемъ, какъ мы слышали, это ученіе авторомъ изложено въ особомъ прибавленіи къ «Лекціямъ по энциклопедіи права».

Проф. Н. И. Палієнко

Digitized by Google

I. *Теобальдъ Циглеръ.* „Умственныя и общественныя теченія XIX вѣка". СПБ. 614 стр. 1901 г.

Прошло нѣсколько лѣтъ XX столѣтія, а интересъ къ его предшественнику въ европейскомъ обществѣ не только не исчезаетъ, но еще больше возрастаетъ. Положимъ, теперь уже нѣтъ такого обилія разнаго рода произведеній, въ которыхъ разсматриваются разнообразные итоги XIX ст., оставленные въ наслѣдіе XX столѣтію. Въ первый его годъ много появилось книгъ, въ которыхъ описывалось, что далъ текущему вѣку прошлый въ идеяхъ, нравахъ и учрежденіяхъ. Большинство такого рода трудовъ по описанію разныхъ сторонъ общественной жизни въ Европѣ XIX вѣка были разсчитаны на потребности минуты, удовлетвореніе желанія знать, съ какими культурными благами, полученными отъ XIX в., начинаетъ свою жизнь новый, XX вѣкъ, что хорошаго или дурнаго дало ему XIX столѣтіе, съ чѣмъ неизбѣжно приходится считаться его преемнику. Прошло первое время въ новомъ вѣкѣ, къ нему всѣ привыкли, но не забыли и не могутъ забыть, особенно въ исключительные, критическіе моменты общественной жизни народовъ неразрывной связи двухъ сосѣднихъ столѣтій при видѣ тѣхъ или другихъ событій, объяснимыхъ лишь такимъ тѣснымъ единеніемъ общественнаго и политическаго строя въ оба вѣка. Для иллюстраціи этой мысли можно указать на совершающуюся теперь на Дальнемъ Востокѣ великую драму, гдѣ происходятъ великія событія, рѣшается міровой вопросъ о роли европейской культуры въ Азіи, возникшій и назрѣвшій особенно въ XIX вѣкѣ.

Среди тѣхъ научныхъ произведеній, которыя имѣютъ своей задачей представить картину всей общественной жизни въ Европѣ XIX в., выдѣляется книга извѣстнаго въ ученомъ мірѣ нѣмецкаго философа—*Т. Циглера*. Уже самое названіе его сочиненія указываетъ на важность его работы и обширность содержанія книги, гдѣ авторъ задался цѣлью дать образъ XIX ст., какъ онъ отразился въ умственныхъ и общественныхъ теченіяхъ

Digitized by Google

прошлаго вѣка. Названіе книги показываетъ, что Циглеръ беретъ не всю цивилизацію XIX ст. въ ея цѣломъ, а останавливается преимущественно на одной, хотя и важнѣйшей ея сторонѣ—умственной жизни европейскаго общества. Названіе отдѣльныхъ главъ книги Циглера также открываетъ нѣкоторую односторонность въ его воззрѣніяхъ на XIX столѣтіе. Видно, что авторъ разсматриваетъ его „цивилизацію“ съ чисто нѣмецкой точки зрѣнія, потому что все время говоритъ объ умственныхъ направленіяхъ въ Германіи, забывая объ аналогичныхъ явленіяхъ въ другихъ сосѣднихъ западно-европейскихъ государствахъ. Стремленіе нѣмецкаго ученаго придавать особое значеніе общественнымъ явленіямъ своей родины очень понятно, особенно если принять во вниманіе, что въ XIX вѣкѣ въ Германіи совершились могучія движенія въ области умственной жизни нѣмецкаго народа. Но нельзя забывать всякому ученому, независимо отъ его національности, также и не менѣе крупныхъ пріобрѣтеній въ области умственной жизни, совершенныхъ другими европейскими народами. Достаточно вспомнить такія имена знаменитыхъ европейскихъ ученыхъ, какъ Огюстъ Контъ, Чарльзъ Дарвинъ, Гербертъ Спенсеръ, чтобы представить себѣ связанныя съ этими именами, ставшія знаменитыми и общепризнанными, цѣлыя научныя теоріи и направленія. Положительная философія О. Конта произвела рѣшительный поворотъ во всѣмъ міровоззрѣніи европейскихъ народовъ XIX вѣка, порвала связь съ той раціоналистической философіей XVIII вѣка, которая продолжала развиваться въ Германіи въ первую половину XIX столѣтія, не смотря на успѣхи положительнаго знанія. Въ этомъ случаѣ большую услугу оказала положительной наукѣ новая эволюціонная теорія Дарвина, которую Г. Спенсеръ внесъ въ изученіе общественныхъ явленій.

Помимо указанныхъ здѣсь общихъ пробѣловъ въ сочиненіи Т. Циглера, оно представляетъ собой одну изъ выдающихся попытокъ характеризовать минувшее столѣтіе со стороны многихъ общихъ чертъ общественной и политической въ немъ жизни европейскихъ народовъ. Циглеръ даетъ въ своей книгѣ больше того, что обѣщаетъ, заходитъ въ другія области, кромѣ умственной жизни и въ предисловіи къ своему труду, а еще болѣе въ послѣдней (XIV) главѣ рисуетъ смѣлыми штрихами общую картину состоянія европейскихъ народовъ въ XIX ст., а особенно въ концѣ его, почему по-

Digitized by Google

слѣдняя глава сочиненія Циглера озаглавлена прямо «Конецъ вѣка». Въ краткомъ изложеніи содержанія книги Циглера мы особенно остановимся на этихъ общихъ очеркахъ Циглера, а въ изображеніи имъ умственной жизни у нѣмецкихъ народовъ въ XIX ст.—преимущественно на явленіяхъ, получившихъ кромѣ національнаго нѣмецкаго и общечеловѣческій характеръ и значеніе.—Въ введеніи къ своему обширному труду Циглеръ указываетъ на трудность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на привлекательность предпринимаемой имъ задачи — подвести итоги умственной жизни въ XIX ст. Оправданіемъ попытки характеризовать въ этомъ отношеніи прошлый вѣкъ служитъ для Циглера идеалистическое отношеніе къ вопросу. Различныя столѣтія обладаютъ чѣмъ-то вродѣ собственной физіономіи, выдѣляются одно на фонѣ другого удивительно характерными чертами. Таковы вѣка—двѣнадцатый, шестнадцатый, восемнадцатый. И XIX вѣкъ тоже не менѣе типиченъ. Циглеръ указываетъ на разныя попытки опредѣлить общую физіономію истекшаго столѣтія, которое Ю. Дюбокъ называетъ вѣкомъ умственной жизни, Шопенгауэръ — вѣкомъ философіи, Куно Фишеръ—столѣтіемъ критики, разрушающей миоы. Одинъ ученый считаетъ XIX вѣкъ «пропитаннымъ принципомъ борьбы за личность», другому онъ представляется «эпохой великаго томленія». Одни называютъ его историческимъ или соціальнымъ вѣкомъ, другіе въ противоположность первымъ характеризуютъ его эпохой естествознанія и техники, торжествующей надъ всякой отвлеченной наукой. Однако, всѣ эти термины по своей краткости и взаимномъ ихъ противорѣчіи не въ состояніи обнять безконечнаго разнообразія и богатства явленій умственной жизни трехъ поколѣній. Нѣтъ такой формулы, которая могла бы сразу дать намъ пониманіе всего столѣтія во всей его совокупности. Если объ XVIII вѣкѣ говорили, какъ о вѣкѣ просвѣщенія, то это потому, что одни считаютъ просвѣщеніе наиболѣе цѣннымъ явленіемъ въ XVIII столѣтіи, а другіе оттого, что именно просвѣщеніе кажется имъ самою ненавистною его чертой. Самъ Циглеръ не претендуетъ исчерпать въ своей работѣ всѣ особенности прошлаго вѣка, а ограничивается умственными и общественными теченіями, которыя произошли въ Германіи за истекшіе сто лѣтъ. Чужеземное же настолько интересуетъ Циглера, на сколько оно оказало то или другое вліяніе на нѣмецкую общественную жизнь въ XIX столѣтіи.

Digitized by Google

Матеріаломъ для Циглера являются: книги, факты и личности. Въ книгахъ продолжаютъ жить тѣ же задачи, интересы и идеи, которые оказываютъ вліяніе на эпоху. Въ концѣ XIX в. люди труда и желѣзной воли цѣнятся гораздо выше, чѣмъ то было въ началѣ. Не касаясь вопроса о томъ, являются ли великіе люди продуктами или творцами своей эпохи, мы понимаемъ, чего домогается ихъ эпоха и каковы сокровенныя ея побужденія.

Первую главу своей книги Циглеръ озаглавливаетъ: «Три міросозерцанія», разумѣя подъ ними: просвѣщеніе, классицизмъ и романтизмъ въ общественной жизни Германіи XIX в. Всѣ эти направленія падаютъ на время отъ начала XIX вѣка и включая 1830 г. Обращаясь къ характеристикѣ просвѣщенія XIX в. въ Германіи, Циглеръ указываетъ три его момента. Во первыхъ, просвѣщеніе насильно водворяетъ дотолѣ абсолютистическое государство въ назначенныхъ ему границахъ, въ лицѣ Фридриха Великаго вступаетъ на прусскій престолъ и возвѣщаетъ съ высоты его, что король—первый слуга государства, въ предѣлахъ котораго каждый можетъ быть счастливъ по своему. Подъ вліяніемъ просвѣщенія въ связи съ экономическимъ развитіемъ въ Англіи и Голландіи возникаетъ новый классъ общества—бюргеры. Наименѣе плодотворнымъ просвѣщеніе оказалось въ области поэзіи. Наибольшее вниманіе обращаетъ коллизія просвѣщенія съ богословіемъ. Послѣднее должно было предстать предъ судомъ разума и доказать ему правильность своихъ притязаній. Такъ связь между наукой и вѣрой оказывалась вновь порванной. Просвѣщеніе находило всюду естественныя нормы и правила для религіи, политики, права, искусства и поэзіи, освободило исторію отъ парадоксальныхъ схемъ и богословскихъ точекъ зрѣнія. Такимъ образомъ, просвѣщеніе знаменуетъ собой эмансипацію во всѣхъ областяхъ, преимущественно же освобожденіе имъ отъ авторитета церкви; благодаря просвѣщенію, жизнь и государство, наука и литература получили мірской характеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ произошла также эмансипація каждой отдѣльной личности, которой весьма энергично указывалось на присущій ей разумъ и въ связи съ чувствительностью Руссо на собственное сердце.

Но, продолжаетъ Циглеръ, просвѣщеніе оказалось побѣжденнымъ и притомъ не противниками, а величайшими его послѣдователями. Это были, съ одной стороны, крупнѣйшій изъ

Digitized by Google

германскихъ просвѣтителей, Лессингъ, а съ другой Э. Кантъ, который въ своей «Критикѣ Чистаго Разума» одной ногой опирался на просвѣщеніе, защищая идеи Бога, свободы и безсмертія, но за то другую ногу занесъ далеко за предѣлы просвѣщенія, разбилъ всѣ его главныя основы, такъ что всѣ мыслящіе люди отвернулись отъ просвѣтительнаго движенія и примкнули къ Канту, этому всесокрушителю метафизическихъ quasi—доказательствъ. Высказывая эти мысли о просвѣщеніи XIX ст., Циглеръ, однако, не разъясняетъ, чѣмъ же на самомъ дѣлѣ отличается оно отъ просвѣщенія XVIII ст., противникомъ котораго, по его словамъ, явился Кантъ. Въ дѣйствительности послѣдній философъ былъ наиболѣе типичнымъ представителемъ раціоналистическаго направленія въ философіи XVIII ст., въ которое онъ внесъ идею о законахъ въ дѣятельности разума при пріобрѣтеніи человѣкомъ познаній и въ нравственной его жизни. При всемъ томъ все философское міровоззрѣніе Канта носитъ на себѣ яркіе слѣды всей школы естественнаго права съ субъективнымъ характеромъ ея отвлеченныхъ, несчитающихся съ исторіей и опытомъ построеній въ области основныхъ понятій о морали, правѣ и государствѣ. Можно думать, что Циглеръ, противопоставляя Канта просвѣщенію XXIII в., къ которому послѣдній принадлежалъ цѣликомъ по своимъ взглядамъ о жизни, желалъ указать на заслугу Канта въ критикѣ основныхъ началъ раціоналистическаго направленія, къ которому онъ не переставалъ принадлежать до конца дней своихъ. Самъ же Циглеръ потомъ отмѣчаетъ нѣкоторые важные результаты просвѣщенія XVIII в., имѣвшіе вполнѣ практическій характеръ. Упраздненіе въ 19 в. пытки въ судебномъ процессѣ, отмѣна тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ, освобожденіе отъ крѣпостной зависимости, уничтоженіе дворянскихъ привиллегій и сближеніе сословій, ранѣе замкнутыхъ подобно кастамъ—все это указываетъ, что просвѣтительное движеніе имѣло глубокіе корни въ потребностяхъ общественной жизни XVIII в., играло видную роль въ разрушеніи феодальнаго строя и созданіи на его развалинахъ новаго общественнаго устройства въ 19 вѣкѣ. Справедливо нашъ авторъ замѣчаетъ, что все то, чего достигъ нѣмецкій народъ во время войны за освобожденіе, въ большей мѣрѣ находится въ зависимости отъ просвѣтительнаго движенія наилучшихъ наставленій и стремленій послѣдняго. Еще рельефнѣе сказалось вліяніе и результатъ просвѣтительной эпохи въ либеральныхъ

Digitized by Google

взглядахъ въ области государства и политики, гдѣ она ожила съ особенной силой.

Относительно второго направленія въ умственной жизни Германіи—классицизма Циглеръ указываетъ на произведенія Шиллера и Гете,—Діоскуровъ поэзіи и Ж. Ж. Руссо, котораго Циглеръ при всей близости и родственности и его идей къ просвѣтительному движенію считаетъ великимъ андиподомъ и настоящимъ его побѣдителемъ: 19 вѣкъ въ сферѣ чувства вполнѣ находится подъ обаяніемъ Руссо и въ наше реалистическое время мы до сихъ поръ относимся къ самой природѣ столь же сантиментально, какъ относился къ ней Руссо. Повидимому, Циглеръ забываетъ, что этотъ сантиментализмъ Руссо въ поклоненіи природѣ человѣка и внѣшней вытекъ изъ того же раціонализма XVIII вѣка, исходилъ изъ отвлеченнаго представленія о несуществующемъ совершенствѣ человѣческой натуры и возможности счастливой райской жизни всѣхъ людей на лонѣ природы. Вполнѣ отвлеченный характеръ носитъ и то государство Руссо, о которомъ онъ мечталъ въ своемъ сочиненіи: „Объ общественномъ договорѣ". Античные образцы въ произведеніяхъ Руссо занимаютъ второстепенное мѣсто, были выраженіемъ общаго увлеченія жизнью древнихъ грековъ и римлянъ, которое одинаково сказалось и въ сочиненіяхъ знаменитыхъ современниковъ Руссо: Гердера, Гете и Шиллера. На этотъ послѣдній фактъ указываетъ и Циглеръ, который замѣчаетъ тѣсное отношеніе между успѣхами филологическихъ наукъ и развитіемъ классицизма. Филологія положила начало тому подъему гуманитарныхъ наукъ въ Германіи, съ которымъ вполнѣ аналогиченъ разцвѣтъ естествознанія въ первое десятилѣтіе XIX вѣка. Вновь проснувшійся духъ поэзіи сталъ оживлять научную работу, а классицизмъ нашихъ поэтовъ почерпалъ у филологовъ пониманіе, вдохновеніе и наставленіе относительно содержанія и формы произведенія. Рядомъ съ Шиллеромъ и Гете въ качествѣ самаго тонкаго посредника между языкознаніемъ и поэтическимъ творчествомъ стоитъ В. ф. Гумбольдтъ, который развилъ свои эстетическія воззрѣнія, первоначально почерпнутыя изъ области античнаго греческаго міра, изъ Гетевскаго произведенія „Германъ и Доротея". Вмѣстѣ съ Кантомъ и Шиллеромъ Гумбольдтъ видѣлъ въ гомеровской Греціи осуществленіе идеала эстетической культурности. Древній грекъ представлялся Гумбольдту въ идеалистическомъ ореолѣ. Увлеченіе всѣмъ греческимъ имѣло

Digitized by Google

для него значеніе чего-то религіознаго. Впрочемъ, въ началѣ XIX в. неогуманизмъ былъ преимущественно привиллегіей лишь немногихъ высоко-образованныхъ лицъ, былъ насквозь аристократическимъ. Спустя только 10 лѣтъ неогуманизмъ вошелъ въ сферу общаго нѣмецкаго образованія. Шиллеръ и Гете, какъ представители классическаго идеализма, стояли въ началѣ XIX в. одиноко. Развитіе гуманности стало, благодаря Гердеру, цѣлью образовательныхъ стремленій неогуманистовъ, идеалъ которыхъ несомнѣнно носилъ эстетическій характеръ и выражался въ стремленіи создать такую эстетическую культуру, какой обладали греки.—

Одна изъ причинъ того факта, почему Шиллеръ и Гете не пользовались въ началѣ прошлаго вѣка общепризнанностью, является то обстоятельство, что въ то время рядомъ съ классицизмомъ пролагало себѣ путь новое направленіе—романтизмъ. Циглеръ останавливается на этомъ послѣднемъ направленіи въ умственной жизни Германіи XIX в. болѣе подробно, нежели на двухъ предшествующихъ. На первомъ планѣ снова появляется фигура Ж. Ж. Руссо, который заступался за все чувствительное, инстинктивное въ противоположность интелектуализму просвѣтительнаго направленія и такимъ образомъ подалъ сигналъ къ наступленію эпохи преобладанія чувства надъ разумомъ. Рядомъ съ Руссо стоитъ Гердеръ, который внесъ новое начало въ духовную жизнь нѣмецкаго народа. Ф. Шлегель начинаетъ строить теорію романтизма, въ которомъ онъ различаетъ три главныхъ момента: начало революціонное, полная субъективность и эстетика, какъ основа существованія, связанныя съ практикой жизни, представляли романтизмъ, какъ универсальную поэзію. Ощущеніе неразрѣшимаго соперничества между неусловнымъ и условнымъ, отдаленностью идеала и узостью и мелочностью реальнаго міра съ Руссо и Гердера являются, быть можетъ, основными настроеніями начала XIX вѣка. Новое направленіе соприкоснулось съ старымъ и тогда также подъ вліяніемъ Руссо, контрастъ между идеаломъ и дѣйствительностью снова и всецѣло проникъ въ сознаніе общества. Романтизмъ связанъ съ философіей Фихте, который продуктивной силой воображенія создаетъ себѣ міръ объектовъ, являющихся одновременно свободными и связанными. Художественное, поэтическое „Я“ становится вполнѣ самостоятельнымъ. „Я“ Фихте обращается въ „Я“ романтиковъ. Ихъ поэзія становится высшей степенью ея развитія. Дальше Фихте

Digitized by Google

въ уясненіи значенія романтическаго направленія пошелъ Новалисъ. На мѣсто разумнаго знанія и познаванія онъ ставилъ инстинктъ и геній человѣка, „Я“ Фихте отличается міровой творческой силой и властвуетъ надъ природой, благодаря своимъ разумнымъ законамъ. Поэтъ чудесной силой своего воображенія прославляетъ мощь геніальнаго „Я“, а человѣкъ религіозный провозглашаетъ мощь вѣры, сдвигающей съ мѣста горы и творящей чудеса. Все это затѣмъ сливается въ вѣру во всемогущество „Я“ романтизма, которое единовременно отличается геніальностью, поэтичностью и религіозностью. Такимъ образомъ, это „Я“ становится магомъ міра, чудодѣемъ и волшебникомъ.—

Крупнѣйшимъ между нѣмецкими романтиками былъ Шлейермахеръ, содержаніе сочиненія котораго (Рѣчи о религіи) Циглеръ излагаетъ очень подробно. Основывая религію на чувствѣ, Шлейермахеръ сдѣлалъ ее, какъ нѣчто лично пережитое, независимою отъ прогрессирующей науки, равно какъ отъ измѣненія взглядовъ на нравственность. Религія, по его убѣжденію, занимаетъ центральное мѣсто въ жизни человѣка, какъ и во всемъ мірозданіи, которое сливается воедино съ самимъ Божествомъ. На этой только почвѣ возможно то примиреніе религіи и культуры, къ которому стремились и отъ котораго отказались люди. Шлейермахеръ понимаетъ религію, какъ чувство зависимости отъ Божества.

Въ своихъ «Монологахъ», которые Циглеръ называетъ брачнымъ даромъ XIX вѣку со стороны Шлейермахера, послѣдній поетъ гимнъ въ честь свободы самостоятельно развивавшейся и развитой природы, на самомъ же дѣлѣ программой новаго образованія и насквозь идеалистической нравственности. Шлейермахеръ исправилъ основную ошибку философіи Канта, его пренебреженіе къ индивидуальности въ области нравственной жизни: первый провозгласилъ какъ для религіи, такъ и нравственности право индивидуальной своеобразности. Нравственная задача и вообще предназначеніе человѣка заключается, по Шлейермахеру, въ томъ, чтобы развить свою личность. Философу недостаетъ лишь одного—связи съ окружающей его дѣйствительной нравственностью и историческаго пониманія ея, своего собственнаго изъ нея происхожденія и своей отъ нея зависимости. Девизомъ Шлейермахера было «полное благочестіе при полной свободѣ». Вліяніе романтики на науку и жизнь особенно ощутительно сказалось

Digitized by Google

въ трехъ пунктахъ. Кантъ указалъ людямъ при познаніи ими природы на законы разума, установилъ зависимость природы отъ познающаго «я». Фихте возвелъ человѣческое «я» съ его продуктивной силой воображенія на степень единоличнаго творца міра внѣшнихъ явленій. И романтики были, подобно ему, субъективными идеалистами, но они отняли у «я» закономѣрность и законность и одарили его произволомъ геніальности. По ихъ мнѣнію, творческимъ характеромъ обладаетъ лишь геніальное, художественное «я». Этимъ они отрѣшили его въ области науки отъ дисциплины логическаго закона и отъ сухой реальности фактическихъ данныхъ. Въ области идеализма, излюбленной темой котораго скоро стало все чудесное, они придали ему всемогущество, а въ игрѣ властно произвольной иронiи сдѣлали его необузданнымъ и наглымъ. Даже въ самой сокровенной своей области—въ поэзіи романтики возвели принципъ неправильности на степень правила и безформенности на степень формы. Точно такимъ же образомъ въ практическомъ отношеніи они освободили это аристократическое и высокообразованное „я“ отъ узъ обычая и нравственности.

Изъ всего святого романтики наименѣе почтительно относились къ святости брака, на который они смотрѣли крайне легкомысленно. Циглеръ соглашается, что все существованіе общества XVIII вѣка было неестественнымъ, все міровоззрѣніе и вся жизнь его филистерствомъ и педантизмомъ Романтики всюду усматривали лишь прозу, полезность и экономію. Мораль также являлась кажущеюся нравственностью. Резюмируя свое изложеніе о романтикахъ, Циглеръ находитъ, что отсутствіе дисциплины въ теоріи и на практикѣ было первою опасностью, которою грозилъ романтизмъ умственной жизни Германіи. Вторая опасность заключалась въ многознаменательномъ реакціонномъ движеніи. Наступила во всемъ своемъ старинномъ величіи лунная волшебная ночь идеализированнаго романтиками средневѣковья, воскресъ преисполненный чудесъ сказочный міръ императора Октавіана и св. Женевьезы и началось прославленіе среднихъ вѣковъ. Если неогуманисты тосковали по Элладѣ и душой рвались въ эту страну красоты, то романтики превозно или блескъ и дивныя краски міра средневѣковыхъ рыцарей и пѣвцовъ, древнегерманскихъ замковъ и городовъ. Въ тоже время романтизмъ заставилъ нѣмецкій народъ вновь полюбить готическіе соборы и рейнскую худо-

Digitized by Google

жественную школу и снова далъ ему пониманіе нѣмецкой жизни и нѣмецкаго искусства. Романтизмъ оказалъ оживляющее вліяніе и на сравнительное языкознаніе, съ помощью котораго былъ раскрытъ вѣчно юный источникъ народной лирики. Но какъ романтики преувеличивали во всемъ, такъ и въ данной области предпочтеніе, оказываемое ими среднимъ вѣкамъ, было не менѣе несправедливо и неисторично, чѣмъ отвращеніе къ нимъ просвѣтителей. Романтики положили начало эпохѣ того преклоненія предъ исторіей, которымъ страдалъ весь прошлый вѣкъ. Мы по необходимости склоняемся предъ мощью всего исторически сложившагося, традиціоннаго и издавна привычнаго. Впаденіе въ полное рабство и подчиненіе исторіи реакціи со всѣми послѣдствіями—робкой бездѣятельностью и болѣзненной блѣдностью мысли--все это является также результатомъ романтизма и его обращенныхъ назадъ взоровъ. Но самое ужасное было въ немъ то, что стремясь ввести поэзію въ жизнь, романтизмъ пожелалъ также возобновить въ реальной жизни современности поэтическій и колоритный міръ средневѣковья со всѣми его установленіями. Онъ усматривалъ въ среднихъ вѣкахъ, главнымъ образомъ, источникъ обновленія религіозной и политической жизни. Романтики стали борцами и носителями реакціи въ церковной и государственной области.

Наконецъ, романтизмъ съ самаго начала представлялъ литературную школу, кучку критиковъ и стихотворцевъ. Всѣ его бурныя стремленія были направлены на литературу, на поэзію. Возникла новая эстетика, которая еще разъ поставила принципъ геніальнаго творчества въ области искусства и поэзіи, представленіе которой объ одухотворенности и одушевленности природы впервые выяснилось во всей его важности для пониманія прекраснаго. Однако, романтизмъ вовсе не могъ и не желалъ ограничиться эстетикой и поэзіей, книгой и словомъ. Свои писанія романтики считали реальными поступками, свою поэзію дѣйствительностью. Такимъ образомъ, въ ихъ представленіи поэзія и дѣйствительность, романъ и реальность, фантазія и историческій фактъ, сказка и жизненная правда сливались воедино. Всѣ ихъ стремленія и исканія были направлены не на то, чтобы возвысить искусство, а на обновленіе образованія, на введеніе поэзіи въ дѣйствительность, на приданіе самостоятельности эстетическому началу, на внесеніе романа въ реальную жизнь. Въ заключеніе своей характеристики романтизма Циглеръ сравниваетъ романтиковъ съ

Digitized by Google

Шиллеромъ. Между ними существуетъ огромная разница: Шиллеръ смотрѣлъ на прекрасное и на эстетическое воспитаніе людей, какъ на нѣчто серьезное, видя въ первомъ символъ нравственности, а во второмъ къ ней подготовку. Для романтиковъ же эстетика все и вслѣдствіе этого страдаетъ начало нравственное. Всѣ стремленія Шиллера глубоко серьезны, тогда какъ у романтиковъ все основано на внѣшности, произволѣ, игрѣ. Совершенно уходя въ міръ грезъ и сказокъ, они за этимъ теряютъ пониманіе дѣйствительности и правды. XIX-е столѣтіе съ большимъ трудомъ освобождается изъ подъ этого гнета и въ этомъ кроется лучшее оправданіе реализма во всѣхъ его формахъ и видахъ и даже въ преувеличеніяхъ и нелѣпостяхъ: реализмъ XIX вѣка ничто иное, какъ борьба съ изолгавшимся романтизмомъ. Циглеръ замѣчаетъ, что романтизмъ живетъ въ европейскомъ обществѣ и въ концѣ XIX вѣка и, добавимъ мы, и началѣ XX столѣтія въ философіи Нитцше, который возводилъ на тронъ отдѣльную личность и свое геніальное „я“ у всѣхъ, кто желаетъ ввести въ современную жизнь средніе вѣка или сливаетъ, какъ тотъ же Нитцше, Вагнеръ и король Баварскій Людовикъ II всѣ виды искусства, науку и жизнь въ одинъ необузданный океанъ и позволяетъ имъ носиться и крутиться необузданнымъ вихремъ. Можно также добавить къ этимъ словамъ Циглера, что романтизмъ проявляется на порогѣ прошлаго вѣка и въ настоящемъ въ разныхъ направленіяхъ искусства, обобщенныхъ въ названіе декаданса, науки въ ея разныхъ отрасляхъ, особенно же въ общественныхъ наукахъ (напр., юриспруденціи), какъ и въ разныхъ сторонахъ практической жизни. Можно утверждать, что романтизмъ является теперь благодѣтельной реакціей противъ уже чрезмѣрнаго развитія реализма въ общественной жизни Европы XIX ст.. Поэтому заключительныя слова Циглера о господствѣ романтизма и его могуществѣ въ концѣ XIX ст. имѣютъ ближайшее отношеніе къ одной Германіи и германскому духу, съ стремленіями и направленіями котораго романтизмъ, по словамъ Циглера, связанъ тѣснѣйшими узами родства.

Кромѣ различій въ указанныхъ Циглеромъ трехъ направленіяхъ умственной жизни не одной лишь Германіи, а и всей Европы XIX ст., онъ находитъ и черты, общія всѣмъ этимъ направленіямъ. Вѣрнѣе сказать, впрочемъ, что это была однако общая черта, на которую указываетъ Циглеръ. Это—индиви

Digitized by Google

удализмъ, который одинаково проявляется въ просвѣтительномъ движеніи, какъ и классическомъ и романтическомъ направленіи. Просвѣтители старались освободить отдѣльную личность отъ узъ вѣры и суевѣрія, привычки и обычая авторитетовъ и церемоніи и предоставить человѣка самому себѣ, его собственному рѣшенію, его собственному мышленію. Форма предлагаемаго ими образованія, ихъ этика и пониманіе счастья было всецѣло индивидуалистичны. Классическій идеалъ неогуманистовъ отличался также индивидуалистическимъ характеромъ. Стремленіе, которое соединяли всѣ эти люди съ образованіемъ было направлено къ тому, чтобы выработать прекрасную и гармонически развитую личность, которая могла бы точно и вполнѣ проявлять истинную человѣчность.

Этотъ принципъ владѣлъ неогуманистами и заставлялъ каждаго изъ нихъ заниматься исключительно самимъ собою. Такія насквозь пропитанныя стремленія къ самоусовершенствованію личности встрѣчались также и среди романтиковъ. Право и сила геніальной личности, несвязывавшей себя закономъ, обычаемъ и условностью ходячей филистерской морали и желавшей прожить въ неограниченной свободѣ своихъ наслажденій и чувствованій доходили у романтиковъ до признанія полнѣйшей самостоятельности, до вѣры въ чудодѣйственную мощь индивидуума и до фривольнаго отношенія ко всему, что являлось серьезнымъ и устойчивымъ. Этой индивидуализаціи отнюдь не противорѣчило также бѣгство столь многихъ, субъективно настроенныхъ романтиковъ въ область прошедшихъ, лишенныхъ индивидуальной окраски временъ и въ лоно церкви, подавлявшей и уничтожавшей всякую субъективность. Отдѣльная личность проявляла, замѣчаетъ иронически Циглеръ, свое превосходство и въ томъ случаѣ, когда она, свободнорожденная и свободомыслящая, внезапно сама „лишала себя свободы и такимъ образомъ наглядно показывала, что способна на все“.

Всю вторую главу своей книги Циглеръ посвящаетъ характеристикѣ нѣмецкой философіи въ первой половинѣ прошлаго столѣтія въ лицѣ главнѣйшихъ ея представителей Канта, Шеллинга, Фихте и Гегеля. Вся новѣйшая нѣмецкая философія является, по мнѣнію Циглера, натуральной философіей, стремящейся къ математически точному объясненію явленій внѣшняго міра. Кантъ положилъ начало такой натуральной философіи и сталъ сокрушителемъ старой отвлеченной метафизики.

Digitized by Google

Чтобы доказать возможность чистаго естествознанія, Кантъ допускаетъ, что предметы сообразуются съ нами, а не наше пониманіе зависитъ отъ нихъ. Природа въ законченномъ видѣ должна быть предварительно созидаема нами, нашимъ изслѣдованіемъ. Таковъ смыслъ положенія, что разумъ творецъ природы. Циглеръ разъясняетъ довольно удачно противорѣчіе, которое кроется въ наличности закона причинности въ видимой природѣ и свободной человѣческой дѣятельности. Кантъ самъ подчиняетъ нравственному закону личность человѣка. Кантъ отвергаетъ опытное познаніе сверхчувственнаго міра. Доказать его невозможно, можно лишь вѣрить: свобода, Богъ, безсмертіе—постуляты чисто практическіе, доступные нашей волѣ, но не мышленію. Въ этомъ взглядѣ Канта кроется, съ одной стороны, установленіе совершенно новаго соотношенія между вѣрою и знаніемъ, попытка дать мѣсто первой, не умаляя и не ограничивая второго. У вѣры и знанія оставалась своя область, цѣлая и нетронутая. Съ другой стороны, Кантъ допускаетъ, что у человѣка, смотря по степени его нравственнаго развитія, обнаруживается высшій элементъ въ видѣ нравственной силы, независимость разума. Правда, замѣчаетъ Циглеръ, мышленіе Канта двойственно; отсюда проистекаетъ и монашескій ригоризмъ его морали. Самъ Кантъ пытался побороть этотъ сознаваемый имъ дуализмъ между вѣрой и знаніемъ, міромъ интеллекта и внѣшними явленіями съ помощью понятія цѣлесообразности. Но телеогическое пониманіе явленій природы не способствуетъ объясненію органическихъ существъ, равнымъ образомъ мы не въ состояніи представить себѣ и конечной цѣли природы. Понятіе цѣлесообразности имѣетъ у Канта лишь направляющее, а отнюдь не рѣшающее значеніе. Кантъ признаетъ высшую цѣль природы во всей ея совокупности. Эта цѣль заключается только въ нравственномъ законѣ, который обращаетъ природу, какъ цѣльное, въ нѣчто осмысленное. Такимъ способомъ Кантъ пытался примирить между собою принципы механизма и телеологіи.

Философія Фихте получаетъ совершенно другой характеръ сравнительно съ Кантовской. У Фихте на первый планъ выдвигается субъективная часть кантовской философіи, ея идеализмъ. Отбросивъ „вещь саму въ себѣ“, Фихте сдѣлалъ личное „я“ предметомъ своей философіи, а самую философію ученіемъ о наукахъ. Такимъ образомъ онъ удалился отъ природы, которая самостоятельно не возбуждала въ немъ интереса.

Digitized by Google

Циглеръ отмѣчаетъ отдаленность философіи Фихте отъ романтиковъ въ этомъ отношеніи, хотя они чувствовали къ нему благодарность за самостоятельное выраженіе „я“ въ философіи. Новалисъ проложилъ путь къ болѣе жизненному пониманію природы. Гете обладалъ волшебнымъ ключемъ изъ раскрытой природы, проникъ въ самую глубь ея души. Гете познавалъ непрерывную эволюцію, мысль о необходимости развитія въ области органической природы, изслѣдовалъ законы видоизмѣненій, метаморфозы растеній и животныхъ.

Циглеръ называетъ Шеллинга первымъ цѣльнымъ и исключительнымъ романтикомъ, преисполненнымъ интересовъ эстетическаго характера. Для этого философа самая природа являлась только поэмой. Въ противоположность Фихте природа представлялась романтикамъ началомъ реальнымъ, самостоятельно существующимъ. Въ природу они вносили себя самихъ, свои чувства и настроенія. Шеллингъ превратилъ понятіе природы въ понятіе духа. Онъ признаетъ объективную, но при томъ безсознательную и слѣпую цѣлесообразность, основывая ее на единствѣ природы и духа. Эволюціонная идея впервые примѣняется Шеллингомъ къ природѣ въ совершенно современномъ духѣ и такой же формѣ. Онъ объявляетъ, что принципы организмовъ и механизмовъ тожественны. Кантъ и Фихте отдѣлили философію отъ природы. Въ противоположность имъ романтикъ Шеллингъ впервые вновь заинтересовался природой и снова возбудилъ вниманіе къ ней въ нѣмецкой наукѣ. Во взглядахъ Циглера на философію Гегеля мы замѣчаемъ двойственность и даже нѣкоторое противорѣчіе. Такъ, съ одной стороны, Циглеръ заявляетъ, что Гегель сохранилъ одну романтичную черту—историзмъ тѣмъ именно, что открылъ въ области исторіи разумность и одухотворенность. Такъ „феноменологія“ Гегеля даже по формѣ получаетъ романистическій характеръ. Въ этомъ сочиненіи идетъ рѣчь о возникновеніи науки и знанія, о развитіи сознанія отъ низшихъ его ступеней до высшей. Гегель отождествляетъ развитіе сознанія отдѣльной личности съ исторіей развитія и культурнаго роста всего человѣчества. Богатая жизнь духа раскрывается въ двухъ направленіяхъ: въ жизни отдѣльной личности, какъ исторія его постепеннаго развитія, *и жизни совокупности людей,* какъ исторія характерныхъ ступеней въ ходѣ развитія и культуры человѣчества. Обѣ эти стороны, однако, не разъединяются и не различаются между собой, а скрещиваются и переходятъ другъ къ другу. До сихъ поръ во взглядахъ Гегеля въ ихъ изложе-

Digitized by Google

ніи Циглеромъ нѣтъ чего-либо романтическаго, а есть только одна научная теорія, правда, очень смѣлая и мало подтверждаемая историческими фактами, особенно когда самъ Гегель, не называя именъ народовъ, останавливается покуда только на такихъ явленіяхъ, какія доказываютъ его взгляды. Но такова судьба всякой новой научной исторіи, которой дается одна общая схема, намѣчается группа фактовъ, объясняемыхъ теоріей. При созданіи научной теоріи ея творцу нужна большая работа богатой фантазіи, но отсюда нельзя еще заключить, что всякая теорія фантастична и ея авторъ романтикъ. Какъ не произвольны были историческія построенія Гегеля, несомнѣнно въ нихъ заключалась великая для его времени истина, что въ жизни отдѣльной личности, какъ и всего человѣчества проявляется одинъ и тотъ же законъ постепеннаго развитія, позже облеченный Дарвиномъ и Спенсеромъ въ формулу общаго закона вселенной. Поэтому Циглеръ болѣе правъ, когда онъ вслѣдъ за своимъ мнѣніемъ о романтизмѣ въ историческихъ взглядахъ Гегеля замѣчаетъ, что философія Гегеля является протестомъ противъ всякаго романтизма, знаменуетъ побѣду надъ нимъ. Духъ въ ней становится властелиномъ природы, а исторія начинаетъ господствовать надъ отдѣльными личностями и ихъ волею. Объективность, какъ она проявляется главнымъ образомъ въ могучихъ силахъ культуры и исторіи, преодолѣваетъ субъективный произволъ отдѣльной личности. Циглеръ даже понимаетъ всю философію Гегеля, какъ борьбу противъ личности.

Слѣдующія двѣ главы—3 и 4-я—книги Циглера переведены на русскій языкъ не въ полномъ видѣ. Но изъ сокращеннаго ихъ текста мы беремъ только нѣкоторыя мѣста, характерныя для излагаемыхъ въ этихъ главахъ вопросовъ. Въ третьей главѣ говорится о паденіи и возстановленіи Германіи въ концѣ XVIII вѣка и началѣ XIX ст. Ударъ, нанесенный Пруссіи Наполеономъ I, вызвалъ въ ея населеніи, какъ и во всей Германіи, ненависть къ завоевателю и стремленіе къ возстановленію разгромленнаго государства. Огромную роль въ этомъ отношеніи Циглеръ признаетъ за Кантомъ съ его властнымъ „ты можешь, ибо ты долженъ“ (категорическій императивъ). Громкій призывъ кенигсбергскаго моралиста пробудилъ къ живой дѣятельности сентиментально настроенныхъ представителей просвѣтительнаго направленія. Однако, главнѣйшая роль выпала въ дѣлѣ возрожденія нѣмецкаго народа, какъ это замѣ-

Digitized by Google

аетъ и Циглеръ, на долю Фихте. Въ его мощныхъ „Рѣчахъ къ германскому народу“ выражается вѣра въ необходимость продолженія историческаго существованія германскаго народа, какъ главнѣйшаго носителя общечеловѣческой образованности. Первоначальный космополитизмъ Фихте превратился въ полный патріотизмъ. Призывъ, раздавшійся съ университетской кафедры, не остался одинокимъ. Къ ней примкнули сцена и церковная проповѣдь въ лицѣ Шлейермахера, который воодушевлялъ нѣмцовъ къ предстоящей борьбѣ.

Рядомъ съ философами, проповѣдниками и драматическими писателями всеобщему обновленію способствовали государственные мужи и законодательная работа такихъ лицъ, какъ Штейнъ и Гарденберъ, въ сильнѣйшей степени обусловливала проведеніе новыхъ началъ въ жизнь. Государство стало жизненнымъ. Къ одной и той же цѣли—привлеченію народа къ государственной жизни стремились В. Гумбольдтъ, Штейнъ и знаменитый педагогъ Песталоцци, котораго Циглеръ называетъ творцомъ новой воспитательной методы, имѣвшей главнымъ назначеніемъ развить въ дѣтяхъ самодѣятельность. Очевидно, нѣмецкій философъ, оцѣнивающій жизнь европейскаго общества въ началѣ XIX ст. исключительно съ своей нѣмецкой точки зрѣнія, не знаетъ или намѣренно замалчиваетъ, тотъ неоспоримый фактъ, что принципъ самостоятельности въ дѣлѣ воспитанія впервые провозглашенъ и обстоятельно развитъ Ж. Ж. Руссо во Франціи, откуда его новая педагогическая теорія распространилась по всей Европѣ. Изъ біографіи Песталоцци извѣстно, что онъ предварительно познакомился со взглядами Руссо на основы воспитанія и заимствовалъ у него главный его принципъ самодѣятельности ребенка, при которомъ задача воспитателя слѣдить за развитіемъ всѣхъ его силъ.

Въ четвертой главѣ Циглеръ разсматриваетъ состояніе Германіи послѣ войнъ за освобожденіе, когда здѣсь явилось впервые общественное мнѣніе. Представителями новаго освободительнаго движенія явились выдающіеся университетскіе профессора и нѣмецкое студенчество. Послѣднее въ основанномъ студентами общегерманскомъ студенческомъ союзѣ занялось подготовкой къ созданію единой и свободной Германіи. Въ то время студенты смутно сознавали, въ чемъ должна заключаться основа настоящаго образованія, которая заключается во внутреннемъ обновленіи и возбужденіи наиболѣе чистыхъ нравственныхъ стремленій. Извѣстно, что Меттернихъ воспользо-

Digitized by Google

валея студенческимъ движеніемъ въ пользу своей реакціонной политики. Реакція достигаетъ во всей Европѣ полнаго развитія, давитъ умственную жизнь народа и, главнымъ образомъ, его образованныхъ представителей. Какъ слѣдствіе реакціи и противовѣсъ ей, возникла партія оппозиціи,—нѣмецкаго либерализма. Его желанія сводились къ единству Германіи и конституціонной свободѣ германскаго народа. Въ либерализмѣ было не мало и доктринерства: носителями его являлись профессора, адвокаты и вообще лица, принадлежащія къ образованному классу, все еще преисполненному духомъ просвѣтительной эпохи. Либерализмъ былъ близокъ къ этому направленію, отличаясь интеллектуалистическимъ характеромъ. Либералы стремились именно къ принципіальному отрицанію у дворянства всякихъ преимуществъ. Циглеръ упрекаетъ нѣмецкихъ либераловъ въ недостаткѣ оригинальности и творческой способности. Поэтому либераламъ пришлось искать на чужбинѣ образцовъ для тѣхъ новшествъ, которыя имъ хотѣлось внести на мѣсто отжившей старины. Этимъ образцомъ была французская тоже либеральная партія, которая сдѣлала попытку внѣшняго примиренія результатовъ, добытыхъ революціей и традиціи ancien regime. Перенося этотъ чужеземный продуктъ на нѣмецкую почву, либералы въ то же время выступили поборниками какъ политической свободы, такъ и національнаго единства. Чѣмъ болѣе укрѣплялась въ двадцатыхъ годахъ реакція въ Германіи, сковавшая печать, тѣмъ ридикальнѣе становится либерализмъ. Между студентами снова начиналось волненіе: студенческій союзъ продолжалъ существовать тайно и даже мечтать о революціи и республикѣ.

Въ пятой главѣ Циглеръ говоритъ о политическихъ воззрѣніяхъ въ философіи до тридцатыхъ годовъ, успѣхахъ языкознанія и гегелевской философіи права, но почему то при всемъ разнообразіи содержанія этой главы она названа «Торжествомъ гегелевской философіи права». Циглеръ начинаетъ пятую главу выясненіемъ пониманія государства, которое за это время обозначается обыкновенно индивидуалистическимъ. Во главѣ этого направленія стоялъ В. ф. Гумбольдтъ, который отрицалъ за государствомъ всякую культурчую задачу, предоставлялъ ему исключительно охрану, поддержаніе безопасности внутри и внѣ государства. Шиллеру реальное государство казалось лишь неизбѣжнымъ зломъ. Его идеалъ эстетическое государство красивой внѣшности и свободныхъ гражданъ. Для

Digitized by Google

Шиллера важнѣе всего эстетическое развитіе индивидуальности, а не взгляды отдѣльныхъ личностей на сущность государства. Циглеръ приписываетъ образованіе такого рода взглядовъ на государство, „низкую оцѣнку всего государственнаго“ традиціямъ древне-германской имперіи, которая не представляла изъ себя истиннаго государства, ничего не сдѣлала для культуры и не позаботилась объ охранѣ и защитѣ своихъ членовъ. Другою причиной того же явленія въ пониманіи государства Циглеръ считаетъ „мертвую механичность политической жизни“ въ Пруссіи послѣ Фридриха Великаго. И на этотъ разъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, нѣмецкій ученый введенъ въ заблужденіе при оцѣнкѣ факта изъ общественной жизни Германіи тѣмъ, что изолируетъ ее отъ общественной жизни всей Европы въ XIX ст., не обращаетъ вниманія на происходившія въ ней явленія умственной жизни. Индивидуалистическое пониманіе государства въ первую половину XIX вѣка было результатомъ не мѣстныхъ условій соціальной и политической жизни въ Германіи, Франціи или другихъ странахъ Европы, а необходимымъ слѣдствіемъ необычайнаго развитія идеи личности во всѣхъ областяхъ жизни западной Европы. Эта идея личности рельефно выразилась въ ученіи о государствѣ Ж. Ж. Руссо, оказавшемъ огромное вліяніе на политическія понятія всего XIX вѣка. Его признаетъ и самъ Циглеръ, когда вслѣдъ за этимъ онъ говоритъ, что нѣмецкая идея о государствѣ исходила изъ идей французской революціи и примыкала къ сочиненію Ж. Ж. Руссо „Du contrat social“. Ученіе его о правѣ разума или природы выше всякаго позитивнаго права, интернаціонально, стоитъ внѣ всякой зависимости отъ какой бы то ни было исторіи и отличается критическимъ и революціоннымъ отношеніемъ ко всему существующему. Другимъ основнымъ элементомъ теоріи Руссо было ученіе о договорѣ, въ которомъ очевидно преобладаніе народа. Циглеръ отмѣчаетъ неисторическій характеръ теоріи Руссо, которая носила атомистическій и индивидуалистическій характеръ, предоставляла государство произволу отдѣльныхъ личностей, не понимала необходимости государства, видѣла въ немъ нѣчто случайное, которое можетъ распасться на составные атомы, какъ оно произвольно создалось изъ нихъ.

Циглеръ допускаетъ вліяніе теоріи Руссо на взгляды Канта и Фихте. Подъ ея вліяніемъ сложились, между прочимъ, у Канта моральныя воззрѣнія: онъ понималъ государство, какъ

Digitized by Google

осуществленіе принципа справедливости. Государство у Канта олицетворяетъ законъ разума. Теорія Руссо проникла также въ сознаніе буржуазіи и либераловъ. Природное право давало средства и мѣрку для либеральной критики существующаго строя и мѣропріятій правительства, договоръ опредѣлялъ вѣру въ верховную власть народа и обосновывалъ съ его стороны требованіе соучастія въ изданіи законовъ, а правовое государство преслѣдовало на первомъ планѣ огражденіе правъ народа и проведеніе общаго равноправія предъ лицомъ закона. Оцѣнивая договорную теорію Руссо, Циглеръ замѣчаетъ, что въ настоящее время она оставлена навсегда: историческому направленію невыносимо ея непониманіе исторіи, предпочтеніе, оказываемое всему органическому и ея атомистичность. Природное право не отличается неизмѣняемостью; оно не вѣчное право. Но все-таки въ немъ заключается измѣняющаяся постоянно идея права лучшаго, какъ принципъ прогресса. Безъ этой идеи позитивное право на вѣки застыло бы и окаменѣло, а человѣчество оказалось бы приговореннымъ къ вѣчному застою въ области правовыхъ и государственныхъ условій своего существованія.

Подъ именемъ „Ученія романтиковъ о государствѣ“ Циглеръ излагаетъ политическіе взгляды представителей реакціоннаго направленія въ XIX вѣкѣ: Ф. Гентца, А. Мюллера и Галлера. Почему нѣмецкій философъ называетъ всѣхъ ихъ романтиками, не трудно понять: реакціонная школа стремилась возстановить средневѣковой общественный политическій строй, въ которомъ много находилось романтическихъ чертъ. Труднѣе понять, что Циглеръ забылъ помѣстить въ ряды представителей реакціоннаго направленія въ свое время извѣстнаго ученаго Ярке, а вмѣсто того причислилъ къ романтикамъ—политикамъ уже извѣстнаго намъ Новалиса. Послѣдній удостоился такой не особенно завидной чести за свой взглядъ на государство, какъ на союзъ людей, представляющійся неотложною потребностью ихъ природы. Такъ смотрѣлъ на государство отецъ политическихъ и общественныхъ наукъ, грекъ Аристотель, но еще никто и никогда не считалъ его поэтому романтикомъ.

Гентцъ усматривалъ въ государствѣ единственный оплотъ противъ революціоннаго настроенія отдѣльной личности, въ католической церкви видѣлъ оплотъ противъ протестанскаго субъективизма, въ реформаціи—источникъ великаго зла, нача-

Digitized by Google

ло всякой революціи. Циглеръ отмѣчаетъ вѣрный фактъ, когда онъ указываетъ на сопротивленіе реакціоннымъ стремленіямъ со стороны историковъ—юристовъ. Историческая школа права въ противовѣсъ либеральничающему естественному праву подчеркивала историческое и національное происхожденіе права. Но въ то же время отказъ Савиньи признать за своимъ временемъ право создавать новые законы означалъ осужденіе народовъ на консервативную неподвижность. Государственная теорія романтиковъ выразилась въ трудахъ А. Мюллера и Галлера. Первый называетъ государство совокупностью всѣхъ человѣческихъ дѣлъ и сочетаніемъ ихъ въ одно живое цѣлое, тѣсное сочетаніе всего физическаго и духовнаго богатства, внѣшней и внутренней жизни націи въ одно великое и живое цѣлое. Галлеръ въ противоположность основанному на договорѣ—искусственно гражданскому состоянію стремится вернуть природное состояніе, которое отождествляется у него съ божественнымъ началомъ. Галлеръ основываетъ государство на силѣ и власти королей и государей, установленной Богомъ. Они не слуги государства, не абсолютные его властители. Государство—ихъ собственность, государственное право—частное право.

Переходя отъ Галлера къ гегелевской философіи права, Циглеръ замѣчаетъ, что Гегель видитъ, какъ и Кантъ, въ государствѣ правовое начало, необходимость, а не случайность, разумное осуществленіе нравственной идеи. Гегель придаетъ огромное значеніе этому разумному началу въ понятіи государства, изъ котораго вычеркивается элементъ случайности. Циглеръ отмѣчаетъ кровную связь гегелевской философіи права съ прусскимъ государствомъ. Знаменитая формула философіи Гегеля „что разумно, то дѣйствительно“ освящала во многихъ случаяхъ реакціонные прусскіе порядки. Но въ философіи Гегеля, заключался и прогрессивный элементъ; это право критики существующаго разумомъ и пониманіе исторіи, какъ прогрессирующаго развитія понятія свободы. Въ философіи Гегеля заключается два момента—авторитета и свободы. Циглеръ указываетъ на схоластическій формальный характеръ ученія Гегеля о методѣ, въ которомъ въ то же время скрывалась идея эволюціи: принципъ противорѣчія выступаетъ здѣсь на смѣну начала тождественности. Изъ положенія же и отрицанія его вытекаетъ послѣдній принципъ—положеніе. Гегель своимъ пониманіемъ великихъ силъ духовной жизни человѣка

Digitized by Google

государства и права, науки и искусства, этики и религіи—подарилъ XIX столѣтію большое обиліе идей, ставшихся въ общемъ сознаніи эпохи, когда вся система Гегеля была разбита на куски.

Неогуманизмъ и романтизмъ приступили къ научному познанію и историческому пониманію на ряду съ правомъ и языкомъ. Циглеръ обращаетъ особенное вниманіе въ этомъ послѣднемъ отношеніи на труды В. Гумбольдта, Нибура и братьевъ Гриммъ. Первый стремился на основаніи языка понять сущность народнаго духа. У него мысли относительно языка, названнаго имъ жизнью и душой народа, становятся вмѣстѣ съ тѣми идеями для философіи исторіи человѣчества. Нибуръ—государственный дѣятель, прусскій патріотъ и великій человѣкъ съ строго опредѣленной нравственной физіономіей, прославился своими изслѣдованіями по исторіи древняго Рима, которыя придали исторіи древности совершенно новый характеръ. Братья Гриммъ воскресили древнія народныя сказки, подарили своему народу книгу, которая стала вполнѣ народной и завоевала симпатіи старцевъ и дѣтей. Яковъ Гриммъ своей грамматикой заложилъ прочный фундаментъ языкознанію и призналъ неприкосновенность и неизбѣжность историческихъ законовъ.

Слѣдующая, шестая глава книги Циглера одна изъ интересныхъ въ ней по эпохѣ, которую въ ней характеризуетъ нѣмецкій философъ. Это—время 1830—1848 гг., которое обозначается Циглеромъ общимъ названіемъ „Молодая Германія". Это названіе объясняется тѣмъ, что все нѣмецкое общество послѣ войнъ за освобожденіе было исполнено внутренняго здравія, силы и радости при видѣ прекраснѣйшаго и наилучшаго, что уже удалось создать германскому духу, и того, на что онъ надѣялся въ будущемъ и къ чему стремился. Однако, въ началѣ этого періода реакція проявляетъ болѣе грубый и опредѣленный характеръ: свобода печати и собраній ограничивается или совершенно уничтожается и весьма многимъ въ желѣзныхъ когтяхъ реакціи остается только выборъ между тюрьмой и изгнаніемъ. Но, замѣчаетъ Циглеръ, сковать духъ человѣка было невозможно: благодаря Іюльской революціи, наступили другія времена, воздухъ столь прозрачнѣе и чище и вся жизнь получила болѣе современную окраску. Характеризуя состояніе нѣмецкой литературы послѣ смерти Гегеля, Циглеръ констатируетъ ослабленіе въ ней романтизма. Уланъ—глубокій изслѣдователь, человѣкъ, преисполненный силы воли

Digitized by Google

совершенно не похожъ на сѣверо-германскихъ романтиковъ отличающихся отрицательнымъ тономъ. Рядомъ съ Уландомъ стоитъ Мерике, питающій по отношенію къ природѣ слишкомъ гетевскія чувства, чтобы уйти въ міръ романтическихъ грезъ. Противъ Гете боролись, съ одной стороны, В. Менцель, который возставалъ противъ универсализма и язычества Гете, пустилъ въ оборотъ легенду о заносчивости, эгоизмѣ и безсердечности Гете и громко и настойчиво высказывалъ къ нему отвращеніе. Съ другой стороны, Берне и Гейне явились отцами и родоначальниками молодой Германіи въ своихъ произведеніяхъ патріотическаго характера. Идеями Берне, за которыя онъ боролся, было стремленіе къ единству и свободѣ отечества, любовь къ которому поглощала его всего. Берне всю свою жизнь защищалъ свободу, въ которой онъ видѣлъ „залогъ здравія и чести народовъ". Берне былъ литературнымъ критикомъ и возвелъ иронію на степень литературнаго стиля, пытался косвенно высказать то, что прямо сказать было запрещено. Гете представляется холоднымъ и безсердечнымъ человѣкомъ Берне, сердце котораго всецѣло принадлежало свободѣ. Какъ неустрашимѣйшій и храбрѣйшій противникъ меттерниховскаго абсолютизма, Берне сдѣлался предметомъ ненависти властителей. Циглеръ называетъ Гейне хамелеономъ, сверкающимъ всѣми цвѣтами. Онъ никогда не былъ типиченъ. Лирика, какъ и вся поэзія Гейне, коренится въ романтизмѣ. Поэзія его принимаетъ не рѣдко специфическую форму міровой скорби—результатъ времени и признакъ ея паденія. Гейне преодолѣваетъ его, старается сравняться съ французами въ легкости, остроуміи и фривольности. Гейне глумится надъ несвободной Германіей, хочетъ пробудить нѣмецкаго Михеля отъ зимней спячки.

Молодая Германія, которая сгруппировалась около Берне и Гейне, смотрѣла на поэзію, въ высшей степени серьезно, предоставила ее въ распоряженіе обыденной жизни и вложила въ нее серьезныя цѣли. Подростающіе младогерманцы становятся тенденціозными писателями и публицистами, которые придаютъ своимъ передовымъ статьямъ форму драмъ или романовъ. Они стали реалистами, которые стремились изъ голубой области романтизма въ дѣйствительную жизнь, ненавидѣли все неестественное, сдѣлались сенсуалистами, отстаивавшими эмансипацію не только дѣтей и женщинъ, но и прямо таки чувственности и плоти. Гуцковъ первый изъ представителей

Digitized by Google

молодой Германіи проводилъ мысль, что романъ можетъ и даже долженъ трактовать „исторію послѣдняго прошлаго и современности“. Но и внѣ литературы, по словамъ Циглера, мы находимъ въ разсматриваемое время сочетаніе поэзіи съ активной политикой. Такъ Анастасіусъ Грюнъ смѣло и опредѣленно выступилъ въ защиту свободы слова и мысли, напалъ на меттерниховское рабство и лживость и патетически возвѣстилъ наступленіе новой весны, когда народамъ суждено будетъ воскреснуть для свободы и слова. Не только либералъ Ауэрбахъ, но и консервативный Иммерманъ (въ „Мюнхгаузенѣ)“ выражали свое неудовольствіе по поводу проявленія всемогущей бюрократіи, которая нарушала и устраняла старинныя права и освященные временемъ обычаи.

Въ седьмой главѣ Циглеръ очерчиваетъ религіозное движеніе въ Германіи въ 30—40 гг. прошлаго вѣка сначала до Штрауса и Фейербаха, затѣмъ при нихъ и послѣ обоихъ этихъ церковныхъ писателей. Въ первое время Генгетенбергъ выяснялъ необходимость единенія престола и алтаря и выставлялъ въ противоположность ему связь невѣрія съ революціей, насадилъ убѣжденіе, будто бы церковь служитъ реакціи. Наоборотъ Гегель стремится примирить вѣру и знаніе. Въ его глазахъ религія „та область, гдѣ разрѣшены всѣ міровыя загадки, раскрыты всѣ противорѣчія мысли, гдѣ прекращаются всѣ страданія чувства. Эта область вѣчной истины, вѣчнаго покоя“. Столь же энергично Гегель ограждаетъ и право разумнаго мышленія въ предѣлахъ религіи и богословія: религія является также твореніемъ божественнаго духа и потому разумна. Гегель полемизируетъ одинаково противъ разныхъ направленій—раціонализма съ его стремленіемъ устранить все догматическое, историческаго богословія, отвергающаго освѣщеніе религіозныхъ вопросовъ. Гегель обращается также и противъ Шлейермахера съ его теоріей чувства.

Послѣдовательно разсуждавшій раціонализмъ признавалъ въ личности Іисуса человѣка и отрицалъ всякія чудеса. Штраусъ ставитъ также личность Іисуса на почву чистой, естественной человѣчности. Понятіе „Сынъ человѣческій“ обнимаетъ собою не единичное лицо, но все человѣчество во всей его совокупности. По мнѣнію Штрауса, сообщенія относительно Христа и его ученія не рисуютъ намъ историческаго Іисуса, но Христа вѣры. Сообщенія эти—не произведеніе обманщиковъ, но образы безсознательно творящей фантазіи и резуль-

Digitized by Google

татъ міровоззрѣнія вѣрующей общины. „Жизнь Іисуса“ Штрауса имѣла рѣшительное вліяніе на все XIX ст. Оно вызвало просто ужасъ и, благодаря этому, всѣ сначала упустили изъ виду крупную услугу, оказанную Штраусомъ самому богословію устраненіемъ раціоналистическихъ способовъ толкованія и пріемовъ ортодоксіи, направленныхъ къ сокрытію фактовъ или компромиссамъ въ нихъ, равно какъ тѣмъ, что онъ подготовилъ путь къ историческому, основанному на источникахъ изслѣдованію основъ христіанства. Въ Штраусѣ скоро усматривали врага и святотатца, почему тотчасъ же приступили къ пристрастному опроверженію его идей. Самъ Штраусъ оказался страстнымъ борцомъ не только въ области религіозной, но и другихъ областяхъ соціальной жизни: жаждавшій свободы реализмъ напалъ на все, что доселѣ основывалось на чужомъ авторитетѣ, на тогдашнюю науку и литературу, на искусство и самый строй жизни. Такъ, замѣчаетъ Циглеръ, на нѣкоторое время восторжествовало революціонное начало въ гегелевской философіи.

Родикальнѣе Штрауса былъ философъ Фейербахъ, книга котораго (Сущность христіанства) вызвала значительно большее впечатлѣніе, чѣмъ „Жизнь Іисуса“ Штрауса. Фейербахъ исходитъ изъ противоположенія вѣры и знанія и объявляетъ „всемірно-историческимъ лицемѣріемъ“ то, что мы, не взирая на явное противорѣчіе нашей религіи съ научными, политическими, общественными, говоря короче, со всѣми духовными и матеріальными интересами, все-таки, придерживаемся ея. Фейербахъ былъ убѣжденъ, что главная сущность религіи заключается въ чувствѣ, въ которомъ нужно искать основаніе богословія. Это послѣднее сводится имъ къ антропологіи. Поэтому Фейербахъ искалъ сущности религіи въ самомъ человѣкѣ и нашелъ его въ стремленіи человѣка къ счастью. Сущность боговъ, по Фейербаху, въ ихъ человѣчности. Они являются отраженіями лучшихъ нашихъ стремленій, зеркаломъ человѣка, идеаловъ народовъ, центромъ высшихъ ощущеній и мыслей нашихъ Но вмѣстѣ съ тѣмъ они не объективны. Не Богъ создалъ людей по своему подобію, но люди создали своихъ боговъ по своему. Также и христіанство у Фейербаха, основные его догматы—наши душевныя настроенія, исполненныя сердечныя желанія. Человѣчество создаетъ, какъ и отдѣльная личность, божество по своему подобію. Благодаря этому, получается этика, въ которой рядомъ съ эгоистическимъ

Digitized by Google

требованіемъ счастья находится «туизмъ» (позднѣе «альтруизмъ»), отдѣльному индавидууму противополагается общество, собственному нашему стремленію къ счастью интересы всего рода. Эти послѣдніе являются началомъ сдерживающимъ и возлагающимъ на насъ различныя обязанности.

Въ этомъ взглядѣ Фейербаха Циглеръ видитъ зачатки настоящей соціальной этики. Но раздѣляя, повидимому, идеи Фейербаха о религіи, какъ это можно заключить изъ полнаго отсутствія въ книгѣ Циглера всякой ихъ критики, послѣдній не обращаетъ вниманія на совершенную безпочвенность такой соціальной этики, ея субъективный характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣчество само выдумываетъ божество, Оно не болѣе, какъ воплощеніе его стремленій, надеждъ и идеаловъ, то какія же возможны опредѣленныя, прочныя и до извѣстной степени неизмѣнныя правила морали въ обществѣ, гдѣ все поведеніе каждаго человѣка, взаимныя отношенія людей въ обществѣ регулируются обыкновенно кодексомъ его морали? Она является плодомъ продолжительно развивающихся въ исторіи общества взглядовъ его на основанія общежитія и необходимый въ его интересахъ образъ поведенія его членовъ. На нравственное міровоззрѣніе общество всегда оказываютъ большое вліяніе, особенно на первыхъ порахъ его жизни религіозные взгляды, слагающіеся въ зависимости отъ уровня духовнаго развитія всего общества. Въ исторіи религіи несомнѣненъ тотъ фактъ, что вмѣстѣ съ возвышеніемъ этого уровня складывается въ сознаніи людей идея о божествѣ, какъ Высшемъ Существѣ, обитающемъ внѣ видимаго міра, Творцѣ его, санкціонирующемъ выполненіе высшихъ, альтруистическихъ стремленій человѣка, надежды его на существованіе твердаго нравственнаго порядка, если не въ этой жизни, то въ будущей. Только съ этой точки зрѣнія понятенъ высшій авторитетъ интересовъ рода, идея долга каждаго отдавать имъ предпочтеніе предъ эгоистическими стремленіями личности. Придерживаясь исключительно субъективной религіи Фейербаха, раздѣляемой Циглеромъ, слѣдовало бы допустить, что эгоизмъ личности, какъ наиболѣе ей выгодный и полезный, долженъ стать на первомъ планѣ и ему необходимо отдать рѣшительное предпочтеніе предъ интересами другихъ людей. Но таковъ результатъ утилитарной системы морали, которая въ этомъ пунктѣ соприкасается съ метафизической системой Фейербаха. У послѣдняго указанное внутреннее средство край-

нихъ философскихъ взглядовъ выражается въ его извѣстномъ матеріалистическомъ пониманіи всего міра явленій. По словамъ Циглера, матеріализмъ Фейербаха былъ для него лишь „фундаментомъ зданія человѣческихъ сущности и знанія". Циглеръ видитъ въ матеріализмѣ не слѣдствіе гегелевской философіи, а реакцію противъ нея и ея пренебреженія природой. Кромѣ того, въ матеріалистическихъ взглядахъ Фейербаха Циглеръ видитъ соціалистическую тенденцію. Его изрѣченіе: „человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ" понималось имъ скорѣе въ соціалистическомъ, чѣмъ матеріалистическомъ смыслѣ и предвосхитило соціалистическое ученіе объ общественной средѣ и соціальной нуждѣ, какъ почвѣ возникновенія преступленій и безнравственности.

Въ восьмой главѣ своей книги Циглеръ разсматриваетъ сороковые годы въ Германіи, крайне интересную эпоху въ ея общественной жизни. Центральной фигурой этого времени была здѣсь личность прусскаго короля Фридриха Вильгельма IV—романтика на тронѣ цезарей. Онъ является ораторомъ, говорившимъ красиво, охотно и много, преисполненнымъ чувства прекраснаго и художественныхъ интересовъ, но притомъ человѣкомъ клерикальнаго направленія и мистически настроеннымъ. Еще конпринцемъ Ф. Вильгельмъ IV старался водворить въ церкви и во всѣхъ университетахъ крайне ортодоксальное направленіе. Извѣстна его любовь ко взглядамъ Галлера и ихъ вліяніе на него. Ф. Вильгельмъ не только вѣрилъ, что въ буквальномъ смыслѣ призванъ Божіею милостью править страной, но даже ссылался на вдохновеніе свыше. Революцію онъ ненавидѣлъ, какъ смертный грѣхъ: онъ стремился къ отеческому, а не къ конституціонному режиму. Весь этотъ образъ мыслей и поведенія короля постепенно привелъ даже самыхъ лойяльныхъ людей къ оппозиціи. Представителемъ умѣренной депозиціи явился Ф. Шенъ, старавшейся въ книгѣ: „Откуда и зачѣмъ"? доказать неотложность введенія сословнаго представительства. Оппозиція росла и принимала все болѣе страстный и злостный характеръ и даже отчасти потомъ и соціалистическій. Преслѣдованію короля подверглись всѣ приверженцы Гегеля, такъ что вскорѣ наиболѣе выдающіяся кафедры оказались занятыми крайне ортодоксальными клерикалами. Король былъ недоволенъ царствовавшимъ среди учителей вольнодумствомъ и гегеліанствомъ и въ 1846 г. рѣшился наказать примѣрно всю корпорацію педагоговъ, которая раз-

Digitized by Google

дражила его тѣмъ, что позволила себѣ торжественно отпраздновать столѣтній юбилей рожденія знаменитаго Песталоцци и тѣмъ подчеркнуть свое культурно-историческое значеніе. Король уволилъ отъ должности заслуженнаго директора учительской семинаріи,—знаменитаго педагога, Дистервега.

Романтизмъ прусскаго короля проявился въ области искусства. Ф. Вильгельмъ IV усматривалъ въ возстановленіи кельнскаго собора средство реставрировать въ прежней силѣ средневѣковое благочестіе и блескъ католической церкви. Циглеръ одинаково осуждаетъ прусскаго короля Ф. Вильгельма и его современника баварскаго короля Людовика. Все прекрасное и великое, задуманное и содѣянное этими двумя монархами, оказалось, говоритъ Циглеръ, отмѣченнымъ печатью партійности, принадлежности къ давно пережитому, романтическому направленію или весьма рѣзко выраженной вѣроисповѣдной исключительности и тенденціозности. Ф. Вильгельмъ IV въ области науки потерпѣлъ полное фіаско и оказялъ рѣшительно отрицательное вліяніе на дальнѣйшее теченіе нѣмецкой философіи. То было время особеннаго развитія критики и начало революціоннаго движенія, куда впервые вносится соціалистическій элементъ путемъ беллетристическихъ произведеній Гуцкова, Фрейлиграта. Вполнѣ убѣжденными соціалистами въ то время были портной В. Вейтлингъ и берлинскій профессоръ Губеръ. Первый написалъ „Евангеліе грѣшника“, гдѣ довольно смѣло вывелъ соціалистическіе элементы въ ученіи Христа и св. Апостоловъ и удачно сгруппировалъ ихъ съ агитаторской цѣлью. Губеръ требовалъ, чтобы высшіе классы Германіи старались путемъ соціально-политическихъ мѣръ предупредить угрожавшую соціальную революцію. Въ то время привиллегированные классы «рыцарство»—далеко еще не пришли къ сознанію, что на нихъ по отношенію къ пролетаріямъ и рабочимъ лежатъ не только права, но и обязанности. Поэтому Губеръ и порвалъ съ этими классами.

Въ это время, какъ бы въ противовѣсъ революціоннымъ стремленіямъ, отмѣчается значительный подъемъ національнаго самосознанія. Университетскіе наставники вышли наконецъ изъ состоянія полудремоты, въ которой они находились столько времени и рѣшились принять участіе въ волновавшихъ умы вопросахъ дня и политики. Ф. Раумеръ, Л. Ранке и Шлоссеръ своими капитальными трудами мощно будили національное чувство. Всѣ они громко провозглашали необходимость

Digitized by Google

возстановленія единой Германіи подъ властью императора. Ученикъ Шлоссера, Гервинусъ старался въ своихъ сочиненіяхъ установить тѣсную связь національной нѣмецкой литературы съ явленіями политической жизни и со всѣмъ ходомъ національнаго развитія нѣмецкаго народа.

Описывая въ 9 главѣ революціонное движеніе въ Германіи въ 1848—1849 гг. Циглеръ, признаетъ революцію 1848 г. результатомъ сороковыхъ годовъ. Мартъ этого года представляетъ время крупнаго перелома въ жизни германскаго народа: кто сохранилъ «домартовскіе взгляды на жизнь, тотъ считается устарѣвшимъ и умершимъ для нашего времени. Даже 1870 г. не имѣетъ такого крупнаго значенія въ духовной жизни нѣмецкаго народа, какое имѣла первая половина XIX столѣтія". Въ дни февральской революціи въ Австріи съ трескомъ рухнула система Меттерниха. Во Франксфуртѣ собрался общегерманскій парламентъ, въ которомъ участвовали многіе знаменитые германскіе ученые (Вайцъ, Гервинусъ, Безелеръ, Я. Гриммъ и др.). Большая заслуга франкфуртскаго парламента состоитъ въ томъ, что онъ вызвалъ къ жизни политическое самосознаніе и убѣжденіе, что однѣми идеями безъ сильнаго фактическаго могущества многаго не добьешся.

Въ 1848 г. германскій народъ сталъ націей, политически разсуждающей и чувствующей, сталъ тѣмъ, чѣмъ онъ остался и до сихъ поръ. Только что достигнутая свобода печати благотворно отразилась на всей литературной дѣятельности того періода и борьба за свободу мысли и слова касались не одной только политики. Въ Пруссіи, такъ и повсюду, стали требовать свободы и самостоятельности въ дѣлахъ церкви и школы, больше свѣта и простора для умственныхъ интересовъ, стали добиваться пережитковъ старины и новыхъ реформъ. Циглеръ указываетъ на результаты такого рода новыхъ стремленій въ разныхъ областяхъ народной жизни. Сравнительно съ католиками протестанты добились менѣе благопріятныхъ результатовъ. Мысль о независимости протестантской церкви и всего ея устройства помимо государства осталась неосуществленной. Общественное мнѣніе волновали также стремленія къ освобожденію школы отъ вліянія церкви. Школьная реформа была проведена въ Австріи. Но стремленіе освободить школу изъ подъ вліянія и старинной зависимости отъ церкви осталось въ области мечтаній. Въ германскихъ университетахъ все осталось попрежнему, хотя необходимость реформъ въ нихъ

Digitized by Google

была признана особымъ совѣщаніемъ изъ профессоровъ университетовъ, созванныхъ въ 1849 г. Такъ, заключаетъ Циглеръ, всѣ начинанія въ области общественной и духовной оказались тщетными. Всюду высказано было много смѣлыхъ пожеланій, громкихъ словъ, масса шума, бурнаго натиска, но нигдѣ небыло видно ничего дѣйствительно прочнаго и цѣннаго. Народныя массы, куда входили тогда наиболѣе образованные нѣмцы, въ своей борьбѣ за свободу личности не находили выдающагося руководителя, который бы смѣло и увѣренно велъ ихъ къ намѣченной цѣли. Поэтому революцію смѣнила реакція.

Циглеръ рисуетъ въ 10 главѣ мрачными красками реакцію пятидесятыхъ годовъ въ Германіи. Вновь, говоритъ онъ, наступила самая ужасная, гибельная реакція, часто проявлявшаяся въ грубой формѣ, особенно когда шло дѣло о личной мести и насиліи надъ противниками. Помимо разстрѣлянія революціонеровъ на полѣ битвы, по водвореніи мира были политическіе процессы и осужденія, личныя преслѣдованія и насилія, мелочныя придирки или безсовѣстныя увольненія чиновниковъ, духовныхъ лицъ и учителей. Подобная участь настигала даже такихъ людей, которые только мечтали о свободѣ и единствѣ и старались объ осуществленіи этихъ принциповъ безъ всякаго примѣненія и насилія. Къ такимъ же проявленіямъ личной мести Циглеръ относитъ преслѣдованія проповѣдниковъ и университетскихъ профессоровъ, которые съ высоты церковныхъ или университетскихъ кафедръ продолжали провозглашать не только принципы политической, но и научной и религіозной свободы. Такая участь постигла въ то время лучшихъ и наиболѣе выдающихся дѣятелей въ Германіи и у многихъ изъ нихъ либо временно, либо навсегда было отнято счастье ихъ жизни и убита всякая энергія. Конституція 1849 г. спокойно и рѣшительно отмѣнялась, основные законы рѣшеніемъ бундестага упразднены, а основныя права германскаго народа были грубо насилуемы и попираемы. Всюду наступили значительныя стѣсненія. Суды должны были соглашаться на преслѣдованія подозрительныхъ лицъ и тѣмъ подрывали репутацію безпартійности, которою они пользовались раньше.

Духъ реакціи обнаружился яснѣе всего въ школьномъ дѣлѣ. Въ школѣ, вообще образованіи стали видѣть главный источникъ и первопричину революціи. Возобновились вопли о нехристіанскомъ духѣ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ церковной жизни всякое требованіе свободы истолковывалось, какъ

Digitized by Google

стремленіе къ революціи и анархіи. Отнынѣ всякія антилиберальныя и реакціонныя стремленія отождествлялись съ клерикальными и клерикалы стали типическими представителями началъ и стремленій реакціи. Нетерпимость была возведена на степень закона. Благодаря тому, что общее настроеніе пятидесятыхъ годовъ были подавленнымъ, эти годы представляютъ самое бѣдное по творчеству и самое безсодержательное десятилѣтіе всего XIX в. въ Германіи.

Представителемъ реакціоннаго направленія въ наукѣ Циглеръ считаетъ въ это время Ф. Шталя, который возставалъ противъ недостатковъ государственныхъ теорій Руссо, Монтескье и Галлера. По мнѣнію Шталя, слѣдовало направить нападеніе на самую теорію естественнаго и договорнаго права, потому что изъ принциповъ этихъ ученій исходилъ либерализмъ и на нихъ онъ основывался. Шталь видѣлъ въ либерализмѣ первую причину грозной революціи, всю ея систему. Вся его дѣятельность поэтому была направлена къ подавленію либеральнаго духа, главными носителями котораго являлись ученые, профессора, преподаватели и цѣлый рядъ общественныхъ дѣятелей. Въ своемъ ученіи о государствѣ Шталь, являясь поклонникомъ исторической школы, восполнилъ его христіанскимъ міросозерцаніемъ. Онъ признаетъ одинаково божественность государства и государя. Шталь является типичнымъ представителемъ и приверженцемъ абсолютистическаго характера верховной власти, которая, по его мнѣнію, лишь при условіи полнѣйшаго и безпрекословнаго подчиненія подданныхъ можетъ стать центромъ тяжести всей государственной системы и успѣшно бороться съ революціей и ея тенденціями.

Циглеръ отмѣчаетъ регрессивныя теченія и въ сферѣ литературы тойже эпохи. Поэзія этого времени представляетъ довольно печальное зрѣлище. Она прославляла средневѣковые взгляды, благочестіе и любовное чувство. Гуцковъ рисуетъ въ своихъ романахъ могучую картину нѣмецкаго католицизма, его смѣлаго и неустрашимаго стремленія къ власти, не забывая также изобразить беззастѣнчивость его приверженцевъ и неразборчивость ихъ въ средствахъ.

Совершенно неожиданно, послѣ описанія разныхъ формъ, въ которыхъ проявлялась реакція въ Германіи въ половинѣ прошлаго вѣка Циглеръ заговорилъ о подъемѣ естествовѣдѣнія—фактѣ скорѣе прогрессивнаго, чѣмъ реакціоннаго харак-

Digitized by Google

тера, совершенно не подходящемъ къ общему содержанію излагаемой главы. Самъ Циглеръ представляетъ необыкновенные успѣхи естествознанія именно, какъ явленіе свѣтлое и отрадное на фонѣ реакціонныхъ стремленій въ первой половинѣ XIX ст. Въ это время, говоритъ авторъ, философія оказалась несостоятельной, вслѣдствіе крушенія школы Гегеля и неудачи Шеллинга въ Берлинѣ. Изъ историковъ нѣкоторый успѣхъ имѣлъ Ранке, который разсматривалъ исторію и государства сверху. Теодоръ Моммзенъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе своей „Исторіей Рима“. Циглеръ ставитъ Моммзену въ „незабвенную услугу“, что онъ сдѣлалъ прошлое понятнымъ и занимательнымъ для людей нашего времени и представилъ съ художественною наглядностью нашему взору мужей Рима: великаго реакціонера—Суллу, безхарактернаго болтуна и верхогляда—Цицерона, Катона—типичнаго Донъ-Кихота республики и Цезаря, истиннаго генія, господствующаго надъ всѣми. Но выше всѣхъ нѣмецкихъ историковъ XIX ст. Циглеръ ставитъ Александра ф. Гумбольдта, который властвовалъ надъ умами, обнимая всю современную ему область точнаго знанія «Космосъ Гумбольдта—результатъ стремленія представить природу, какъ нѣчто цѣлое, оживляемое и движимое внутренними силами». Гумбольдъ популяризовалъ точныя знанія и естественно-научныя изслѣдованія. Отнынѣ примѣру Гумбольдта, возбудившаго въ просвѣщенныхъ классахъ интересъ къ наукѣ своими трудами, послѣдовали Гельмгольцъ и Дюбуа-Реймонъ. Физіологъ Іоганнъ Мюллеръ придалъ естествовѣдѣнію характерное для XIX в. направленіе--познавать бытіе изъ зародыша. Самымъ же важнымъ для всего естествовѣдѣнію оказался законъ сохраненія энергіи, на который въ 40-хъ годахъ указалъ Робертъ Мейеръ, признавъ переходъ движенія въ теплоту и теплоты въ движеніе и пытаясь опредѣлить механическій эквивалентъ теплоты. Открытый Мейеромъ законъ служитъ основой не только физики, но и всего естествовѣдѣнія: онъ приложимъ къ органическимъ процессамъ и содержитъ въ себѣ принципъ измѣненія, но не новообразованія силы и матеріи. Большое вниманіе ученаго міра обратили изслѣдованія Либиха въ области химіи, гдѣ естествовѣдѣніе стало властвовать надъ природой и открыло путь къ лучшему пользованію его силами. Теперь знаніе стало мощью. Паровая машина и примѣненіе ея, какъ рабочаго средства, принадлежатъ XVIII вѣку, но пароходъ и локомотивъ, предназначенные для перевозки пассажировъ и

Digitized by Google

грузовъ, построены въ XIX столѣтіи. Наконецъ, паталогія клѣточки, созданная Вирховымъ, представляетъ не только для Германіи, но и далеко за ея предѣлами такой великій успѣхъ науки, что можетъ быть уподоблена заключительному звену цѣлаго ряда важнѣйшихъ открытій.

Рядомъ съ естественными науками развивался матеріализмъ, который Циглеръ называетъ метафизической системой о силѣ и матеріи. Матеріализмъ вмѣстѣ съ атеизмомъ выражалъ прямой протестъ противъ всего идеалистическаго направленія начала XIX вѣка, какъ и противъ реакціи 50-хъ годовъ. Съ другой стороны, въ матеріализмѣ проявился остатокъ нѣмецкаго идеализма и доктринерства: старались обосновать философски попеченіе о матеріальныхъ интересахъ и оправдать его метафизикой матеріализма. Главными его представителями были Молешоттъ, Фогтъ и Бюхнеръ. Всѣ они не обогатили матеріализма XVIII в. ни одной новой идеей. Цольбе стремился къ полному устраненію всего сверхчувственнаго. Самой слабой стороной матеріализма онъ признавалъ толкованіе и разъясненіе имъ сознанія и самосознанія. Другіе матеріалисты, какъ и Цольбе, старались установить связь своей метафизики съ моралью и многократно являлись передовыми борцами за политическую свободу и требованія гуманности. Въ этомъ заключалась сила нѣмецкихъ матеріалистовъ, которые ослабляли свое ученіе сомнительными выводами (напр., отрицаніемъ нравственной свободы). Циглеръ отмѣчаетъ общественный элементъ въ нѣмецкомъ матеріализмѣ, который ввелъ въ него Молешоттъ своимъ ученіемъ о пищевыхъ продуктахъ для народа. Обсуждая послѣднее, Фейербахъ употребилъ извѣстное выраженіе: «человѣкъ то, что онъ ѣстъ». Этими словами Фейербахъ желалъ только охарактеризовать вліяніе питанія, образа жизни и общественнаго положенія на нравственные поступки человѣка и вмѣстѣ съ Молешоттомъ обратиться къ улучшенію матеріальнаго положенія рабочихъ классовъ для поднятія ихъ нравственнаго уровня. Соціальныя тенденціи въ ученіи матеріалистовъ вызвали репрессивныя мѣры противъ главныхъ его представителей, но и въ средѣ самихъ матеріалистовъ нашлись противники крайнихъ, слабыхъ взглядовъ матеріалистовъ на происхожденіе міра и самого человѣка.

Гораздо большее вліяніе на рѣшеніе спора о значеніи матеріализма оказалъ дарвинизмъ, который отвергнулъ идею о слѣпой случайности въ происхожденіи явленій природы

Digitized by Google

и неизмѣняемости видовъ въ области органической природы. Слѣдуя общему въ XIX в. историческому направленію въ пониманіи явленій природы и пользуясь понятіемъ эволюціи, Дарвинъ попытался объяснить принципъ цѣлесообразности въ природѣ естественнымъ путемъ. Дарвинъ училъ, что различные роды и виды животнаго міра возникли путемъ постепеннаго развитія другъ изъ друга, при чемъ главнымъ дѣйствующимъ элементомъ являлись принципы наслѣдственности организаціи родителей въ ихъ потомствѣ и неограниченной измѣняемости организмовъ. Всѣ виды существующихъ животныхъ выработались въ борьбѣ за существованіе путемъ половаго и естественнаго подбора и примѣняемостью организма къ новымъ жизненнымъ условіямъ въ теченіе тысячелѣтій. Такъ, по словамъ Гельмгольца, теорія Дарвина заполнила дотолѣ пустое пространство, объясняя, „какъ цѣлесообразность организмовъ можетъ явиться результатомъ слѣпаго воздѣйствія закона природы даже безъ всякаго вмѣшательства начала духовнаго“. Также была заполнена и другая пропасть, отдѣляющая человѣка отъ животныхъ: онъ былъ помѣщенъ въ группу четверорукихъ подъ именемъ примата. По своему развитому мозгу и прямому положенію тѣла человѣкъ является привиллегированной формой среди различныхъ приматовъ. Въ Германіи теорія Дарвина о происхожденіи человѣка отъ обезьяноподобнаго животнаго вызвала особенно сильное возбужденіе умовъ. Ея выводы находились въ прямомъ противорѣчіи съ библейскимъ разсказомъ о сотвореніи міра и съ антропоцентрической теоріей объ исключительномъ положеніи, занимаемомъ человѣкомъ въ природѣ. Не смотря на возраженія, ученіе Дарвина въ общемъ признано, но принципы наслѣдственности и приспособляемости организмовъ, на которые оно опирается, сильно оспариваются учеными (напр., Вейсманомъ).

Циглеръ замѣчаетъ, что матеріалистическія тенденціи поддерживались въ теченіе всей второй половины XIX вѣка въ разныхъ слояхъ общества въ Германіи. Между прочимъ, этому помогало развитіе въ 60-хъ годахъ германской промышленности. Одностороннее подчеркиваніе матеріально-экономической стороны нѣмецкой жизни и проведеніе ея на практикѣ естественно способствовали возникновенію и побѣдному распространенію матеріалистическаго міросозерцанія. Матеріализмъ усиливался вслѣдствіе еще его преслѣдованія реакціонной партіей, видѣвшей въ матеріализмѣ государственное

Digitized by Google

преступленіе. Наконецъ, оффиціальная государственная церковь помогала распространенію матеріализма своимъ византизмомъ, подавляя въ своей средѣ чистый идеализмъ и тѣмъ давая противникамъ церкви вполнѣ законный поводъ къ презрѣнію или глумленію надъ церковью.

Все въ той же главѣ, посвященной реакціоннымъ явленіямъ въ Германіи 50-хъ годовъ, Циглеръ помѣщаетъ изложеніе философскихъ и моральныхъ взглядовъ Шопенгауэра, общаго очерка пессимизма въ нѣмецкомъ народѣ въ XIX ст. и философіи Гартмана. Все это такіе факты, которые въ гораздо большимъ основаніемъ можно причислить скорѣе къ прогрессивнымъ, а не регрессивнымъ явленіямъ. Циглеръ отмѣчаетъ въ философіи Шопенгауэра четыре тенденціи. Послѣдній—послѣдователь Канта и философія его является познавательно-теоретическимъ идеализмомъ. „Вселенная плодъ моего представленія“, такъ удачно формулировалъ свое міровоззрѣніе самъ Шопенгауэръ, который видитъ въ нашемъ тѣлѣ волю, принявшую форму представленія. Всюду онъ констатируетъ владычество воли. Природа—рядъ ступеней; верхнюю изъ нихъ занимаетъ человѣкъ съ своимъ строго развитымъ мозгомъ. Феноменъ его весь внѣшній міръ. Затѣмъ Шопенгауэръ утверждаетъ, что безпричинная воля вмѣстѣ съ тѣмъ и безцѣльна, почему она въ неустанномъ своемъ стремленіи и движеніи остается неудовлетворенною. Вся жизнь человѣческая колеблется между страданіемъ и скукой. Здѣсь заключается источникъ пессимизма Шопенгауэра, его настроеніе, которое выражается въ жалобахъ по поводу безцѣнности жизни, массы страданій и горя, глупости и испорченности людей. Пессимизмъ его обосновывается на утвержденіи, что всякое удовольствіе носитъ исключительно отрицательный характеръ, есть освобожденіе отъ какого-либо горя или страданія. Шопенгауэръ считаетъ оптимизмъ не только абсурдомъ, но даже преступнымъ міросозерцаніемъ. Пессимизмъ его требовалъ, по мнѣнію Циглера, ученія объ освобожденіи человѣка отъ его страданій, отъ самой жизни. Если утвержденіе воли къ жизни—источникъ всякаго горя, то единственно возможнымъ исходомъ изъ этого положенія будетъ отрицаніе воли, уничтоженіе жизни человѣка.

Циглеръ находитъ, что теорія Шопенгауэра выросла на почвѣ исключительно личныхъ ощущеній и потребностей. Въ философствованіи и эстетическихъ, особенно музыкальныхъ

Digitized by Google

наслажденіяхъ его стремленія находили полную удовлетворенность. Отсюда понятенъ тотъ энтузіазмъ, съ которымъ ученіе Шопенгауэра было встрѣчено Р. Вагнеромъ и его учениками. Циглеръ отмѣчаетъ внутреннее противорѣчіе во взглядѣ Шопенгауэра. Сущность зла заключается въ томъ, чтобы чувствовать себя укутаннымъ въ покровъ Майи, смотрѣть на собственную личность, какъ на отличную отъ другихъ, и чувствовать, что отъ послѣднихъ насъ отдѣляетъ широкая пропасть. Рядомъ съ этимъ у насъ проявляется представленіе, что подобное положеніе вещей воображаемое: какъ бы различныя условія жизни не отдѣляли людей и не отчуждали ихъ другъ отъ друга, во всѣхъ нихъ есть желаніе жизни и воля къ ней. Такъ въ человѣкѣ пробуждается чувство состраданія, которое въ противоположность эгоизму представляетъ изъ себя нравственный стимулъ. Но эта мораль состраданія теряетъ свой жизненный характеръ, когда въ человѣкѣ исчезаетъ его индивидуальность при отсутствіи различія между его личностью и чужими: тогда воля его отвращается отъ жизни, приходитъ въ состояніе добровольнаго отреченія, безразличія и апатіи, а сознаніе становится усыпляющимъ моментомъ. Воплощеніемъ такого отрицанія воли является аскетизмъ, примѣромъ котораго служатъ средневѣковые монахи и еще больше индійскіе факиры. Нравственною задачей здѣсь являются добровольное и полное цѣломудріе, сознательная бѣдность, посты, самомученія, умерщвленіе плоти, медленная голодная смерть. Цѣлью же служитъ нирвана, возвращеніе въ ничто. Такимъ полумракомъ религіознаго мистицизма и иллюзіонистскаго нигилизма заканчивается, замѣчаетъ Циглеръ, система Шопенгауэра.

Его философія далѣе лишена историческаго обоснованія. Это обнаруживается прежде всего въ области природы, гдѣ общія идеи Шопенгауэра оказываются вѣчными и неизмѣнными, какъ опредѣленныя ступени объективаціи воли. Поэтому для этихъ силъ природы, формъ и типовъ не существуетъ возникновенія, развитія. Шопенгауэръ умеръ въ то время, когда вышла знаменитая книга Дарвина: „О происхожденіи видовъ“. Если бы Шопенгауэръ познакомился съ нею, то, по справедливому замѣчанію Куно Фишера, „навѣрно отвергъ бы ученіе Дарвина, такъ какъ онъ понималъ виды какъ бы въ формѣ платоновскихъ идей. Дарвинъ же представлялъ ихъ эволюціонно, историческими продуктами и раскрылъ процессы ихъ возникновенія“. По отношенію къ царству человѣка фи-

Digitized by Google

лософія Шопенгауэра содержитъ тоже крупный пробѣлъ. Девятнадцатый вѣкъ носитъ преимущественно историческій характеръ, тогда какъ Шопенгауэръ отвергаетъ цѣнность исторіи.

Циглеръ останавливается на причинахъ того факта, что пессимистическая философія Шопенгауэра охватила всѣ стороны нѣмецкой общественной жизни. Здѣсь онъ соотвѣтствовалъ общему настроенію пятидесятыхъ годовъ XIX вѣка. Но и послѣ того вліяніе пессимизма сильно сказывалось въ области философіи и поэзіи еще долго въ теченіе 50-хъ и 70-хъ годовъ. Не смотря на такое продолжительное господство пессимизма въ Германіи, въ ней, замѣчаетъ Циглеръ, нѣтъ классическаго поэта пессимистическаго міросозерцанія, какими являются Байронъ въ Англіи и Джакомо Леопарди въ Италіи. Циглеръ оставляетъ безъ вниманія этотъ послѣдній фактъ общеевропейскаго пессимизма въ XIX столѣтіи, хотя онъ и заслуживаетъ вполнѣ того, чтобы быть не только отмѣченнымъ, но и выясненнымъ такимъ философомъ, какъ Циглеръ. Если бы онъ вздумалъ на этотъ разъ оставить свою узко-національную, ограниченную точку зрѣнія и разширить рамки своего изслѣдованія, для Циглера было бы ясно не только то, почему пессимизмъ вообще появился въ XIX столѣтіи въ видѣ цѣлаго міровоззрѣнія, но и нашелъ выраженіе въ философіи Шопенгауэра въ Германіи, въ поэзіи Байрона и Леопарди и даже русскихъ знаменитыхъ поэтовъ Пушкина и Лермонтова. Причину универсальнаго пессимистическаго настроенія въ жизни всей Европы XIX вѣка нужно искать въ глубокомъ разочарованіи европейскихъ народовъ въ пламенныхъ надеждахъ на быстрое и полное осуществленіе общественныхъ и политическихъ идеаловъ, съ какими Европа вступила въ XIX столѣтіе послѣ періода катастрофъ стараго феодальнаго порядка. Этотъ порядокъ долго держался въ XIX в., тормозилъ устройство общества на новыхъ началахъ, продолжающихъ оставаться въ полномъ ихъ содержаніи до сихъ поръ pia desideria европейскихъ народовъ при всемъ неоспоримомъ превосходствѣ европейской культуры XIX ст. сравнительно съ его предшественникомъ. Кромѣ этой общей причины возникновенія и распространенія пессимистическихъ взглядовъ въ Европѣ XIX вѣка, въ каждой странѣ были еще свои особенныя условія, вызвавшія болѣе или менѣе продолжительное господство пессимизма и тѣ или другія его формы въ разныхъ сторонахъ об-

Digitized by Google

щественной жизни. На эти національныя причины указываетъ по отношенію къ Германіи Циглеръ, для котораго нѣкоторыя стороны общеевропейскаго значенія пессимизма, отразившіяся и на нѣмецкой его разновидности, остались непонятными или по крайней мѣрѣ незатронутыми въ цѣляхъ болѣе лучшаго, всесторонняго освѣщенія факта нѣмецкой общественной жизни въ XIX вѣкѣ.

Въ заключеніи всей той же десятой главы Циглеръ говоритъ о дальнѣйшихъ явленіяхъ въ области нѣмецкой философіи, гдѣ вліяніе философіи Шопенгауэра выражалось въ своеобразномъ ея дополненіи Э. Гартманомъ и другими нѣмецкими философами. Циглеръ показываетъ, какъ Гартманъ восполнилъ философію Шопенгауэра мыслями эволюціоннаго ученія Дарвина и первая изъ пессимистическаго міровоззрѣнія обращается въ оптимистическое. Циглеръ подвергаетъ рѣзкой критикѣ взгляды Гартмана: вся его система полна противорѣчій, отличается фантастичностью и смѣшеніемъ разнородныхъ и противоположныхъ понятій: сознательнаго съ безсознательнымъ, разумнаго съ неразумнымъ, пессимизма съ оптимизмомъ.

Послѣднимъ знаменательнымъ явленіемъ нѣмецкой общественной жизни въ семидесятые годы XIX вѣка былъ поворотъ „Назадъ, къ Канту“ нѣмецкой философіи въ лицѣ Циглера, Ланге, Либмана и особенно Куно Фишера.

Одиннадцатая глава книги Циглера имѣетъ исключительно политическій характеръ, трактуетъ о „Бисмаркѣ и основаніи Германской имперіи“. Мы коснемся вкратцѣ ея содержанія, когда перейдемъ къ послѣдней, наиболѣе интересной для насъ части книги Циглера, гдѣ онъ говоритъ о культуркампфѣ, соціализмѣ и соціальдемократіи и концѣ вѣка „(fin de siecle)“ съ его характерными особенностями. Все это составитъ содержаніе нашей слѣдующей библіографической статьи, когда мы подведемъ итогъ всей нашей работы надъ изложеніемъ, и изученіемъ книги о XIX столѣтіи Теобульда Циглера.

(Окончаніе слѣдуетъ).

В. Г. Щегловъ.

Digitized by Google

2. *В. М. Гессенъ:* „Вопросы мѣстнаго управленія". Спб. 1904 г. 235 стр.

Книга профессора В. М. Гессена—сборникъ статей, напечатанныхъ въ разное время авторомъ въ періодическихъ изданіяхъ. Въ предисловіи къ книгѣ В. М. ставитъ цѣлью своего сборника—посильное уясненіе тѣхъ основныхъ началъ, которыя необходимо должны лечь въ основу правильно задуманной и послѣдовательно осуществленной реформы мѣстнаго края. Почтенный авторъ сборника такъ формулируетъ эти начала, которыя, по его словамъ, красною нитью проходятъ черезъ все содержаніе сборника. Необходимо, говоритъ онъ, прежде всего, точное и вполнѣ опредѣленное отграниченіе предметовъ вѣдомства, входящихъ въ понятіе *мѣстнаго управленія,* отъ предметовъ, входящихъ въ понятіе *центральнаго управленія* на мѣстахъ. Мѣстное управленіе, во всей полнотѣ своихъ функцій, должно вѣдаться не бюрократіей, а самоуправляющимся обществомъ. Самоуправленіе должно быть безсословнымъ. Наконецъ, въ сферѣ мѣстнаго управленія администраціи должна принадлежать функція высшаго, внѣ-вѣдомственнаго надзора, ограниченнаго рѣзкой и отчетливой чертой отъ функціи активнаго управленія. Гессенъ указываетъ на необходимое взаимодѣйствіе, органическую связь между центральнымъ и мѣстнымъ управленіемъ, замѣчаетъ, что настоящаго самоуправленія быть не можетъ при исключительно бюрократическомъ характерѣ центральнаго управленія, и что теперь, когда вопросъ о мѣстной реформѣ поставленъ въ законодательную очередь, надъ его рѣшеніемъ должна потрудиться научно-публицистическая мысль, чтобы такимъ путемъ помочь сознательному отношенію къ этому вопросу мысли общественной.

Всѣ эти основныя мысли сборника В. М. Гессена, появляющагося такъ своевременно, должны возбуждать въ читателѣ особенный интересъ при чтеніи самихъ статей въ сборникѣ. Уже одни ихъ названія показываютъ, какіе жизненные вопросы возбуждаетъ авторъ сборника. Онъ говоритъ здѣсь: о бюрократіи, губернаторѣ, какъ органѣ надзора, реформѣ продовольственнаго дѣла, мѣстной реформѣ, о „мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ" самоуправленія. Двѣ статьи сборника посвящены вопросу о крестьянскомъ самоуправленіи и три—отношеніямъ между администраціей и земствомъ. Одна изъ статей сбор-

Digitized by Google

ника отличаются принципіальнымъ характеромъ: въ нихъ излагаются взгляды автора на сущность и основы самоуправленія и его мѣсто въ системѣ государственнаго управленія. Въ другихъ берутся вопросы положительнаго законодательства, уже разрѣшенные, законы, примѣняющіеся на дѣлѣ. Наконецъ, въ третьей группѣ статей сборника разсматриваются, появившіеся за послѣднее время, проэкты разныхъ коммиссій по вопросамъ мѣстнаго самоуправленія. Само собою понятно, что въ обѣихъ двухъ послѣднихъ рубрикахъ статей Гессенъ высказываетъ свои взгляды при разборѣ и оцѣнкѣ законовъ и ихъ проэктовъ.

Первая статья въ сборникѣ: „О бюрократіи“ вполнѣ умѣстна въ книгѣ, трактующей о мѣстномъ управленіи: здѣсь авторъ выясняетъ, какой вредъ его интересамъ приноситъ необыкновенное развитіе бюрократическихъ порядковъ въ государственномъ управленіи. Гессенъ начинаетъ статью исторической справкой о возникновеніи бюрократіи на Западѣ и въ Россіи. Вездѣ ея появленіе находится въ связи съ усиленіемъ монархической власти. Но въ то время, какъ короли на Западѣ, чтобы сломить сильную аристократію противопоставили ей худородную, но властную бюрократію, наши цари превратили въ бюрократію самое боярство. Нашъ бюрократъ становится похожимъ на западнаго вполнѣ только со времени петровской табели о рангахъ. До Петра I-го служилое сословіе московской Руси было могущественнымъ, господствовало надъ „мужиками, черной костью“, надъ народными массами, обезсиленными политическимъ, соціальнымъ и экономическимъ рабствомъ.

Второй важной причиной развитія бюрократіи на Западѣ Гессенъ считаетъ демократизацію государственнаго и общественнаго строя. Особенно это замѣтно въ Англіи, гдѣ торжество демократіи повело къ постепенному разрушенію вѣковаго аристократическаго института въ мѣстномъ управленіи—мировой юстиціи и усиленію центральнаго управленія. Наконецъ, въ дѣлѣ развитія бюрократіи имѣетъ значеніе умноженіе функцій государственной власти въ современномъ государствѣ, которое воздѣйствуетъ на всю народную жизнь, всѣ ея проявленія. Бюрократическій строй является необходимымъ спутникомъ политическаго прогресса. Техническое усовершенствованіе административной организаціи выражается въ созданіи министерской системы, которая основана на строго бюрократи-

Digitized by Google

ческомъ началѣ. Бюрократизація центра влечетъ за собою бюрократизацію мѣстности. Бюрократія развивается въ современномъ государствѣ одинаково какъ въ абсолютныхъ монархіяхъ, такъ и въ государствахъ съ представительной формой правленія.

Особенно ярка характеристика современной бюрократіи въ статьѣ В. М. Гессена. Отличительное ея свойство профессіональный характеръ. Спеціальная, профессіональная подготовка должностныхъ лицъ, даваемая обыкновенно университетами, является въ тоже время источникомъ многихъ существенныхъ отрицательныхъ свойствъ бюрократіи. Слѣдующія слова о ней автора заслуживаютъ того, чтобы быть внесенными въ настольныя книги видныхъ представителей бюрократіи, послужить въ ихъ дѣятельности пророческимъ предостереженіемъ, своего рода memento mori. „На профессіональной почвѣ пышно произрастаетъ чертополохъ рутины. Подобно рѣкѣ, медленно текущей въ постоянныхъ берегахъ, профессіональная дѣятельность оставляетъ въ душѣ человѣка мертвый осадокъ окаменѣлыхъ навыковъ и понятій, подъ которымъ глохнетъ творческая сила человѣческаго духа. Профессіональная рутина—непроницаемая стѣна, отдѣляющая бумажный міръ канцеляріи отъ живого міра дѣйствительности. За стѣнами канцеляріи люди живутъ; въ ея стѣнахъ люди пишутъ. Бюрократическая, канцелярская рутина калѣчитъ, уродуетъ жизнь, стремясь во что бы то ни стало уложить ее въ прокустово ложе неподвижныхъ шаблоновъ. Рутина рождаетъ формализмъ. Трудно научиться пониманію жизни въ канцеляріяхъ, но легче научиться въ немъ писанію бумагъ. Лучшій чиновникъ тотъ, кто лучше владѣетъ формой, которую бюрократія возводитъ въ культъ; она приноситъ въ жертву формѣ содержаніе“.

Гессенъ указываетъ еще, какъ на отличительное свойство бюрократіи—ея оторванность отъ общества. Она стоитъ внѣ общественныхъ классовъ и интересовъ, къ которымъ она относится совершенно пассивно. Бюрократія не понимаетъ общественныхъ нуждъ, неспособна служить общественному благу; оторванная отъ общества, бюрократія одинаково чужда всѣмъ его классамъ. Не зная окружающей жизни, двигаясь ощупью въ темнотѣ, она боязливо останавливается передъ всякой опасностью, всякимъ рѣшительнымъ шагомъ. Бырократія любитъ маленькія дѣла, мелочную регламентацію, назойливую опеку. Наконецъ, бюрократія стремится къ кастовой организаціи,

Digitized by Google

обособленности; она создаетъ особую породу „командующихъ людей". Бюрократическій духъ ведетъ къ преувеличенной оцѣнкѣ достоинства чиновныхъ людей и пренебреженію къ достоинству нечиновныхъ людей. Бюрократія любитъ окружать себя непроницаемой тайной; она боится всего—самостоятельности общества, свободы во всѣхъ ея проявленіяхъ, особенно же свободы мысли и слова.

Всѣ эти отрицательныя свойства бюрократіи Гессенъ находитъ въ русской бюрократіи и притомъ въ наиболѣе рѣзкой формѣ. И наша бюрократія также представляетъ собою профессіональный классъ чиновниковъ, но только по сравненію съ западной она отличается слабымъ распространеніемъ въ ея средѣ общаго и профессіональнаго образованія. Особенно это нужно сказать про мѣстное управленіе, гдѣ, напр., должности губернаторовъ, обязанныхъ заботиться объ исполненіи законовъ и охраненіи законности, замѣщаются обыкновенно военными людьми, незнакомыми съ пріемами толкованія и примѣненія законовъ и всѣмъ дѣйствующимъ правомъ. Русской бюрократіи свойственны рутинность и безжизненный формализмъ. Въ центральномъ управленіи общепризнанное зло бумажность дѣлопроизводства. Она объясняется крайней централизаціей управленія, характеризующей нашъ административный строй. Гессенъ сравниваетъ въ этомъ отношеніи Россію съ дореволюціонной Франціей. У насъ теперь, какъ когда-то въ старой Франціи, вопросы мѣстнаго характера рѣшаются въ министерствахъ; отсюда безконечная переписка между министерствами иногда по ничтожному поводу. Еще большая бумажность дѣлопроизводства и безжизненный формализмъ господствуютъ въ мѣстномъ управленіи. Русская бюрократія отличается также оторванностью отъ жизни общества, непониманіемъ общественныхъ нуждъ и безразличнымъ отношеніемъ къ общественнымъ интересамъ. Гессенъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что ни одна серьезная реформа не была задумана и осуществлена у насъ бюрократіей. Великія реформы Александра II были дѣломъ немногихъ государственныхъ дѣятелей не изъ міра бюрократіи. На нее было возложено проведеніе реформъ въ самую жизнь и она исказила ихъ начала. Ссылаясь на Кавелина, авторъ указываетъ на олигархичность нашей бюрократіи, которая выражается въ упорномъ отстаиваніи всѣми вѣдомствами своихъ только интересовъ, въ враждебности представителей администраціи, какую она выказываетъ по отношенію къ кафедрѣ,

Digitized by Google

литературѣ, наукѣ, печати. Русская бюрократія относится съ презрительнымъ равнодушіемъ къ общественному мнѣнію, во имя престижа власти заботливо прячетъ отъ непосвященныхъ взоровъ свои заблужденія и преступленія, ошибки и пороки.

Могущество русской бюрократіи въ царствованіе Николая I выразилось, между прочимъ, въ правѣ каждаго изъ вѣдомствъ на предварительную цензуру печатныхъ произведеній, въ которыхъ затрагивались интересы вѣдомства. Теперь цензура находится въ вѣдомствѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, интересамъ котораго она прежде всего служитъ. Гессенъ выставляетъ еще одно отрицательное качество русской бюрократіи, которое рѣдко встрѣчается на Западѣ. Это—отсутствіе въ ней чувства законности, практика усмотрѣнія вопреки закону, неуваженіе къ человѣческой личности, взяточничество, грубость и насильственность административныхъ пріемовъ. Къ причинамъ административнаго самовластія Гессенъ причисляетъ безнаказанность административныхъ чиновниковъ въ отношеніи къ управляемымъ, беззащитность ихъ въ отношеніи къ начальству.

Свою интересную статью о бюрократіи В. М. Гессенъ заканчиваетъ „Профилактикой бюрократизма“, указаніемъ мѣръ къ его оздоровленію. Авторъ предлагаетъ коренную реорганизацію внутренняго строя бюрократіи путемъ поднятія умственнаго и нравственнаго уровня чиновничества, развитія въ его средѣ чувства законности и правильнаго пониманія своихъ обязанностей, установленія отвѣтственности чиновниковъ за ихъ выполненіе, огражденія ихъ отъ произвола начальства и проч.. Необходимы также контроль общественнаго мнѣнія надъ дѣятельностью чиновниковъ, который въ конституціонныхъ государствахъ совершается парламентомъ, а гдѣ его нѣтъ, печатью. В. М. Гессенъ краснорѣчиво изображаетъ то оздоровляющее вліяніе, какое оказываетъ свобода печати на всю дѣятельность бюрократіи. „Подобно дыханію вѣтра, печать не дастъ зацвѣсти и затянуться грязью стоячимъ водамъ бюрократизма. Она борется съ рутиной, выясняетъ народныя нужды, осмѣиваетъ бюрократическій духъ и вноситъ струю чистаго воздуха въ затхлую атмосферу бюрократическихъ канцелярій“.

Наконецъ, въ числѣ мѣръ, парализующихъ зло чрезмѣрнаго развитія бюрократизма, находится развитіе мѣстнаго само-

Digitized by Google

управленія,—этой „крѣпкой стѣны, защищающей низины народной жизни отъ бюрократическаго потока".

Отношеніе В. М. Гессена къ вопросу о роли бюрократіи въ государственномъ управленіи опредѣляетъ его взгляды въ другихъ статьяхъ сборника. Такъ въ слѣдующей статьѣ: „Губернаторъ, какъ органъ надзора" авторъ сначала дѣлаетъ справку изъ Учр. о губерніяхъ 1775 г., которое осталось основаніемъ губернскаго управленія до настоящаго времени. По Учр. о губерніяхъ въ нихъ активное управленіе было отдѣлено отъ надзора; первое было дѣломъ губернатора, второй—поручался генералъ-губернатору. Гессенъ слѣдитъ за различными попытками сохранить это необходимое отдѣленіе дѣйствительной власти отъ надзора въ губерніи въ теченіе прошлаго вѣка, когда стремились (въ проэктахъ и учрежденіяхъ) присвоить губернатору надзоръ за губернскимъ управленіемъ, а текущія въ немъ дѣла передать губернскому правленію. Реформы Александра II освободили губернатора отъ множества его судебныхъ и административныхъ обязанностей и предоставили ему надзоръ надъ вновь созданными учрежденіями въ мѣстномъ управленіи.

Обращаясь къ дѣйствующему законодательству, Гессенъ приходитъ къ тому заключенію, что губернаторъ является прежде всего органомъ верховной власти въ губерніи; ему принадлежитъ надзоръ за дѣятельностью всѣхъ учрежденій и, наконецъ, губернаторъ управляетъ губерніей. По убѣжденію Гессена, съ которымъ мы вполнѣ согласны, превращеніе губернаторской должности изъ органа активнаго управленія въ органъ надвѣдомственнаго надзора необходимо въ интересахъ водворенія въ управленіи законности, какъ необходимаго условія прочности юридическаго порядка и мирнаго развитія гражданской и политической свободы. Сильный и независимый правительственный органъ надзора нуженъ въ мѣстности при недосчаточности контроля надъ учрежденіями со стороны общества и печати. Но губернаторъ долженъ быть изъ юристовъ, знать законъ прежде, чѣмъ охранять его.

Вся слѣдующая статья сборника „Реформа продовольственнаго дѣла"—горячая отповѣдь автора противникамъ земскаго самоуправленія, попыткамъ возбудить противъ него недовѣріе въ средѣ общества и лишить земство одной изъ необходимыхъ функцій его дѣятельности. Продовольственный уставъ 1900 г. имѣлъ цѣлью устранить недостатки дѣла народнаго

Digitized by Google

продовольствія (краткосрочность ссудъ, сословность продовольственной помощи). Въ числѣ причинъ нестроенія продовольственнаго дѣла Гессенъ помѣщаетъ отсутствіе принудительной власти у земства и мѣстныхъ исполнительныхъ органовъ, какъ и недовѣріе къ земству центральнаго правительства. Послѣ подробнаго изложенія правилъ 12 іюня 1900 г., заключающихъ реформу продовольственнаго дѣла, Гессенъ замѣчаетъ, что центръ тяжести этихъ правилъ заключается въ изъятіи продовольственнаго дѣла изъ вѣдѣнія земства и передачѣ его администраціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ расчищенъ путь къ дальнѣйшему сокращенію компетенціи земства. Однимъ изъ результатовъ совершенной реформы явится устраненіе общества, частной благотворительности отъ участія въ продовольственной помощи населенію. Второе печальное послѣдствіе выражается въ отстраненіи печати отъ обсужденія народной нужды въ продовольствіи. В. М. Гессенъ съ грустью замѣчаетъ, что съ завершеніемъ реформы вся Россія по отношенію къ продовольственному дѣлу стала неземской. Надъ нимъ опустился занавѣсъ и то, что впереди будетъ происходить за нимъ, останется томящей и пугающей тайной для русскаго общества.

Живымъ словомъ въ сознаніи всей необыкновенной важности самоуправленія для блага всей нашей родины написана В. М. Гессеномъ статья «О мѣстной реформѣ», гдѣ идетъ рѣчь о противорѣчіяхъ, возникшихъ въ мѣстномъ административномъ строѣ при созданіи самоуправленія въ 60-хъ годахъ. Этотъ строй остался такимъ же, какимъ онъ былъ при Екатеринѣ II. Однѣ и тѣже задачи мѣстнаго управленія должны были осуществляться земствомъ и администраціей. Въ ея рукахъ осталась вся исполнительная власть. Земство управляло безъ власти; администрація—безъ средствъ. Губернаторъ въ одно и тоже время являлся органомъ активнаго мѣстнаго управленія и надзора надъ самоуправленіемъ. Такой порядокъ вещей оказывался невозможнымъ. Сознаніе неотложной необходимости кореннаго и систематическаго переустройства всего административнаго управленія въ мѣстности привелъ къ образованію въ 1881 году Кахановской коммиссіи для составленія проэктовъ мѣстнаго управленія. Гессенъ останавливается на работахъ этой коммиссіи, которая сначала въ отдѣльныхъ засѣданіяхъ намѣтила рядъ важныхъ мѣръ, представляющихъ дальнѣйшее развитіе началъ, которыя были положены въ основу реформъ 60-хъ годовъ. Тогда-то, между прочимъ, было намѣчено созданіе все-

Digitized by Google

сословной волости, какъ низшей обще-административной единицы, расширенъ кругъ городскихъ гласныхъ квартиронанимателями, предположены образованіе въ городахъ муниципальной полиціи, коренное преобразованіе вообще полиціи. Особенное вниманіе коммиссіей было обращено на реорганизацію должности губернатора, которому предоставлена одна функція надзора надъ мѣстнымъ управленіемъ.

Въ заключительныхъ своихъ засѣданіяхъ коммиссія Каханова откачалась отъ своихъ широкихъ преобразовательныхъ плановъ. Меньшинство ея членовъ предложило такія начала преобразованія мѣстнаго управленія, въ которыхъ заключались основные принципы реформы 1889 г. (о земскихъ начальникахъ). Гессенъ замѣчаетъ, что всѣ преобразованія послѣдняго времени покоятся на началѣ сословности и бюрократическомъ принципѣ. Элементъ бюрократическій усиливается сначала параллельно съ усиленіемъ дворянскаго, а потомъ изъ за противодѣйствія ему. За послѣднія 25 лѣтъ развилась вѣра въ непреодолимую силу, сверхчеловѣческое всемогущество бюрократіи. В. М. Гессенъ иронизируетъ надъ взглядомъ, по которому всякая отрасль мѣстнаго управленія мгновенно приходитъ въ цвѣтущее состояніе, разъ только она переходитъ отъ земства въ вѣдѣніе правительственныхъ органовъ въ мѣстномъ управленіи: „все оживетъ и разовьется въ золотыхъ рукахъ всемогущей бюрократіи“. По вѣрному замѣчанію автора, усиленіе вліянія на ходъ мѣстныхъ дѣлъ дворянскаго и бюрократическаго элементовъ дали одни только отрицательные результаты. Это доказывается, какъ нельзя лучше, какъ трудами уѣздныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, такъ и представителями центральнаго управленія (напр., покойнымъ мин. внутр. дѣлъ, В. К. Плеве въ его рѣчи на столѣтіемъ юбилеѣ министерства).

Въ статьѣ: „О мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ“ самоуправленія В. М. Гессенъ обстоятельно изслѣдуетъ то значеніе, которое имѣютъ эти термины въ нашемъ законодательствѣ. По Положенію о земск. учр. 1890 г., какъ и Городовому Положенію земскія и городскія учрежденія вѣдаютъ дѣла о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ. Противоположеніе мѣстныхъ интересовъ общегосударственнымъ—результатъ общественной теоріи самоуправленія, которое существуетъ рядомъ съ государствомъ: это двѣ самостоятельныхъ сферы общежитія съ своими особыми (мѣстными и національными) интересами. Гессенъ замѣ-

Digitized by Google

чаетъ, что несостоятельность общественной теоріи самоуправленія, положенной въ основаніе перваго земскаго (1864 г.) и городоваго положенія, доказана наукой. Въ кахановской коммиссіи всѣ ея предположенія о реорганизаціи мѣстнаго управленія были основаны уже на признаніи за земствомъ значенія государственнаго органа. Земское дѣло—часть того же общаго государственнаго органа, которое вѣдается и коренными органами. На такой государственной точкѣ зрѣнія на самоуправленіе стоитъ Зем. Положеніе 1890 г., по которому поручается земству: „важное государственное дѣло“. Теперь исчезаетъ рѣзкое различіе между общегосударственными и мѣстными интересами. Самоуправленіе осуществляетъ государственные интересы на мѣстахъ, вѣдаетъ мѣстныя пользы и нужды, какъ и всякое другое административное учрежденіе.

Гессенъ указываетъ, на сколько правильное пониманіе значенія терминовъ «мѣстныя пользы и нужды» важно для выясненія одного изъ существеннѣйшихъ правъ, предоставленныхъ закономъ органамъ русскаго самоуправленія. Въ послѣднее время, говоритъ авторъ, все чаще и чаще повторяются случая отказа губернаторовъ въ представленіи подлежащимъ министерствамъ ходатайствъ земствъ и городовъ, которыя будто бы касаются не мѣстныхъ, а общегосударственныхъ пользъ и нуждъ. Таковы особенно часто повторяющіяся за послѣднее время земскія ходатайства объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для крестьянъ. Сопоставляя статьи земскаго положенія съ мнѣніемъ государственнаго совѣта при обсужденіи Проэкта 1890 г., В. М. Гессенъ настаиваетъ, какъ на единственно правильномъ пониманіи права земствъ и городовъ ходатайствовать о всѣхъ вообще предметахъ управленія. При этомъ, безразлично, касается ли данный вопросъ интересовъ другихъ мѣстностей или всего государства. Такія ходатайства не нарушаютъ закона и поэтому не могутъ быть останавливаемы губернаторомъ. Послѣдній въ этомъ случаѣ превышаетъ свою власть, самъ нарушаетъ законъ. На практикѣ въ теченіе 35 слишкомъ лѣтъ органы самоуправленія пользовались неограниченнымъ правомъ ходатайства и пользовались имъ безъ всякихъ препятствій въ разнообразныхъ случаяхъ. Встрѣчаются ходатайства земствъ объ упраздненіи института урядниковъ, измѣненіи продовольственнаго устава, объ обязательномъ оспопрививаніи, отмѣнѣ акциза на соль и т. д. Гессенъ справедливо замѣчаетъ, что признаніе за губернаторами права останавливать

Digitized by Google

ходатайства земствъ, некасающіяся «мѣстныхъ пользъ и нуждъ», это драгоцѣнное право нашего самоуправленія сводится къ нулю. Авторъ также правъ въ своемъ замѣчаніи относительно того, чтобы земскія и городскія ходатайства признавались незаконными администраціей: тогда должно быть признано незаконнымъ всякое постановленіе собраній и думы, «явно нарушающее интересы мѣстнаго населенія».

Обширная статья сборника: «Сельское общество въ трудахъ Кахановской коммиссіи», являющаяся естественнымъ дополненіемъ къ статьѣ того же сборника: «О мѣстной реформѣ», заключаетъ въ себѣ подробное изложеніе всего хода разсужденій, происходящихъ въ коммиссіи по поводу вопроса о реорганизаціи крестьянскихъ учрежденій. Авторъ отмѣчаетъ двѣ группы взглядовъ на крестьянскую реформу, высказанныхъ въ кахановской коммиссіи. Она явилась ареной, на которой впервые вступаютъ въ борьбу другъ съ другомъ двѣ партіи—эпигоны 60-хъ годовъ съ застрѣльщиками «новаго курса»: въ реавціонныхъ начинаніяхъ коммиссіи корень того, что есть, въ прогрессивныхъ—зародышъ того, что будетъ. Гессенъ даетъ нѣсколько выводовъ изъ трудовъ коммиссіи, которая признала сельское общество самоуправляющимся населеннымъ центромъ, сельской коммуной, крторая должна быть организована на безсословномъ началѣ. Крестьянская волость подлежитъ упраздненію; вмѣсто волости необходимо образовать низшую единицу управленія, оргавизація которой должна быть аналогична устройству уѣзднаго и губернскаго управленія. Единственно правильной организаціей такой низшей крестьянской единицы управленія является мелкая земская единица.

Въ послѣднихъ двухъ статьяхъ своего сборника В. М. Гессенъ разсматриваетъ „Генезисъ института земскихъ начальниковъ“ и вопросъ объ отношеніяхъ между администраціей и земствомъ. Первая статья еще разъ касается работъ кахановской коммиссіи, въ которой ея меньшинствомъ (Пазухинымъ и др.) былъ вполнѣ разработанъ проэктъ учрежденія земскихъ начальниковъ, названныхъ въ проэктѣ земскими судьями. Эту должность предполагалось создать по образцу выборнаго англійскаго мироваго судьи, соединяющаго въ себѣ административную и судебную власть. Извѣстно, что въ должности земскаго начальника это соединеніе властей сохранилось, но выборъ замѣненъ назначеніемъ отъ правительства. Статья «Администрація и земство» трактуетъ о конфликтахъ между ними,

Digitized by Google

возникающихъ часто отъ чрезмѣрной «притязательности» мѣстной администраціи по отношенію къ земству, нарушенія первой предѣловъ своей власти, требованій и указаній закона.

Таково содержаніе сборника статей профессора В. М. Гессена, затрагивающаго въ нихъ самые важные и насущные вопросы мѣстнаго самоуправленія. Рѣшеніе ихъ авторомъ въ духѣ расширенія правъ органовъ мѣстнаго самоуправленія какъ нельзя болѣе совпадаетъ съ, переживаемымъ теперь русскимъ обществомъ, моментомъ особенно возбужденнаго интереса и надеждъ на возстановленіе первоначальнаго состоянія мѣстнаго самоуправленія эпохи реформъ Александра II.

В. Г. Щегловъ.

Digitized by Google

Годъ изданія XIII.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЪ

„Тюремный Вѣстникъ“,

издаваемый главнымъ тюремнымъ управленіемъ,

въ 1905 году.

Журналъ „Тюремный Вѣстникъ“ выходитъ ежемѣсячно, кромѣ іюля и августа, книжками отъ 3 до 5 листовъ и имѣетъ цѣлью: а) ознакомленіе тюремныхъ дѣятелей съ новѣйшими мѣропріятіями, какъ отечественными, такъ и иностранными, по тюремному дѣлу вообще, а также съ послѣдними данными, разработанными наукой тюрьмовѣдѣнія, б) обобщеніе практической дѣятельности тюремныхъ учрежденій, исправительныхъ заведеній для несовершеннолѣтнихъ и учрежденій тюремно-благотворительныхъ и попечительныхъ какъ о заключенныхъ, такъ и объ освобождаемыхъ изъ-подъ стражи, в) предоставленіе практическимъ тюремнымъ дѣятелямъ обмѣна мнѣній по вопросамъ, относящимся къ устройству тюремъ, организаціи арестантскаго труда, тюремныхъ чтеній и обученія, содержанія заключенныхъ, призрѣнія больныхъ и дряхлыхъ арестантовъ и ихъ дѣтей, организаціи патроната, воспитанія порочныхъ дѣтей и проч. и г) распространеніе свѣдѣній объ арестантскихъ работахъ и издѣліяхъ.

Въ журналѣ „Тюремный Вѣстникъ“ принимали и принимаютъ участіе: А. П. Аксаковъ, Г. Ф. фонъ-Беттихеръ, К. А. Вальтеръ, Л. И. Дашкевичъ, Д. А. Дриль, Э. Н. фонъ-Кубе, Н. Ф. Лучинскій, А. С. Лыкошинъ, Ф. Н. Малининъ, Н. Н. Малышевъ, А. К. Монякова, М. А. Соколовскій, Н. И. Фалѣевъ, К. Феннеръ, Г. К. фонъ-Шульцъ и мн. др.

Подписная плата 5 руб. за годъ и **3** руб. за полъ-года съ доставкой и пересылкой. За-границу **7** руб. за годъ и **4** руб. за полъ-года. Отдѣльныя книжки продаются по **50** коп. съ платою за пересылку по разстоянію.

Перемѣна адреса 60 коп.

Объявленія за строку **35** коп., за страницу **10** руб. и за полъ-страницы **6** руб. —за одинъ разъ. Объявленія на внѣшней задней сторонѣ обложки—**20** руб. за полную страницу и **12** руб. за полъ-страницы. Объявленія на весь годъ или на полъ-года, при условіи уплаты за все время впередъ, оплачиваются со скидкою не свыше 20% по соглашенію. Отдѣльныя объявленія разсылаются на условіяхъ, опредѣляемыхъ соглашеніемъ съ редакторомъ. Книжные магазины и другія торговыя заведенія за пріемъ объявленій пользуются скидкой не свыше 10%.

Редакторъ **Д. Ф. Огневъ.**

Подписка принимается:

въ С.-Петербургѣ, въ Главномъ Тюремномъ Управленіи (въ присутственные часы). Иногородніе подписчики благоволятъ съ подписными требованіями обращаться *непосредственно* въ редакцію журнала „Тюремный Вѣстникъ“ (С.Петербургъ, Греческій пр., 23).

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЫ

«ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ»

И

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“,

ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1) „ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“—еженедѣльный журналъ, служащій органомъ богословской мысли и церковно-общественной жизни въ Россіи и за границей.

2) „ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“—ежемѣсячный журналъ, органъ богословской и церковно-исторической науки въ общедоступномъ изложеніи.

Въ качествѣ *приложенія* къ журналамъ редакція издаетъ:

Полное Собраніе Твореній Св. Іоанна Златоуста

въ русскомъ переводѣ

на весьма льготныхъ для своихъ подписчиковъ условіяхъ. Именно, подписчики на оба журнала получаютъ большой томъ этихъ твореній въ двухъ книгахъ (около 1000 страницъ убористаго, но четкаго шрифта) вмѣсто номинальной цѣны въ три рубля за ОДИНЪ РУБЛЬ, и подписчики на одинъ журналъ—за 1 р. 50 к., считая въ томъ и пересылку. При такихъ льготныхъ условіяхъ подписчики „Церк. Вѣстника“ и „Христ. Чтенія“ получаютъ возможность при самомъ незначительномъ ежегодномъ расходѣ пріобрѣсть полное собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцевъ церкви.

Въ 1905 г. будетъ изданъ ОДИННАДЦАТЫЙ ТОМЪ въ двухъ книгахъ, въ который войдутъ Бесѣды на посланія св. Апостола Павла къ Ефесянамъ, Филиппійцамъ, Колоссянамъ, Ѳессалоникійцамъ, Тимоѳею, Титу и Филимону.

Подписчики на 1905 годъ, желающіе имѣть и ПЕРВЫЕ ДЕСЯТЬ ТОМОВЪ, могутъ получить ихъ по уменьшенной цѣнѣ, именно—по два рубля за каждый томъ, а въ изящномъ англійскомъ переплетѣ—по 2 р. 50 коп.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

а) Отдѣльно за „Церковный Вѣстникъ“ пять руб., съ приложеніемъ 11-го тома „ЗЛАТОУСТА“—6 р. 50 к., въ переплетѣ 7 руб.; за „Христіанское Чтеніе“ пять руб., съ приложеніемъ 11-го тома „ЗЛАТОУСТА“—6 руб. 50 к., въ переплетѣ 7 руб.

б) За оба журнала вмѣстѣ восемь руб., съ приложеніемъ 11-го тома „ЗЛАТОУСТА“—9 руб., въ переплетѣ 9 р. 50 коп.

За границей: за оба журнала 10 руб., съ приложеніемъ 11-го тома „ЗЛАТОУСТА“—11 р. 50 к. въ переплетѣ 12 р.; за каждый журналъ отдѣльно 7 руб., съ приложеніемъ 11-гв тома „ЗЛАТОУСТА“—9 р., въ переплетѣ 9 р. 50 к.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: Въ Редакцію „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Чтенія“ въ С.-Петербургѣ.

Подписывающіеся въ С.-Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Невскій пр. 151, кв. 3), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія и разсылки при „Церк. Вѣстникѣ“.

Редакторъ проф. свящ. *А. Рождественскій.*

Digitized by Google

XI годъ въ 1905 году годъ XI

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ“

будетъ выходить ежемѣсячно, кромѣ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ января 1905 г.

Въ „Журналѣ“ печатаются: 1) Узаконенія и распоряженія правительства, приказы и циркуляры по вѣдомству М. Ю.; 2) Статьи по исторіи, теоріи и практической разработкѣ права и судопроизводства, особенно гражданскаго и уголовнаго; 3) Обзоръ текущей судебной практики, систематическія извлеченія изъ рѣшеній Гражд. и Уголовн. Касс. Д—товъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената; 4) Литературное обозрѣніе: критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ, библіографическій указатель юридической литературы, русской и иностранной; 5) Обзоръ иностраннаго законодательства: свѣдѣнія о новыхъ законахъ и законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ; 6) Письма изъ Англіи.

Въ „Журналѣ“ за 1894—1904 годы были напечатаны, между прочимъ, статьи слѣдующихъ авторовъ: А. С. Алексѣева, А. Л. Боровиковскаго, Е. В. Васьковскаго, М. М. Винавера, Ю. С. Гамбарова, А. Г. Гасмана, Д. Д. Гримма, М. Ѳ. Громницкаго, А. М. Гуляева, П. Н. Гуссаковскаго, Д. А. Дриля, М. В. Духовского, М. А. Дьяконова, К. П. Змирлова, В. В. Ивановскаго, А. Ѳ. Кони, Н. М. Коркунова, В. Н. Латкина, Ѳ. И. Леонтовича, В. М. Нечаева, Д. А. Носенко, П. Н. Обнинскаго, А. А. Піонтковскаго, І. А. Покровскаго, А. К. фонъ-Резона, Н. М. Рейнке, В. И. Сергѣевича, Н. Д. Сергѣевскаго, В. К. Случевскаго, В. Д. Спасовича, Е. Н. Тарновскаго, А. Н. Филиппова, И. Я. Фойницкаго, М. П. Чубинскаго, В. М. Цвингмана, Г. Ф. Шершеневича, И. Г. Щегловитова, И. Е. Энгельмана и мн. др.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной Конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, лица, оставленныя при Университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію, а также студенты Императорскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, Воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ, при подпискѣ въ Главной Конторѣ,—по 5 рублей въ годъ.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки и объявленій уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28

Объявленія для напечатанія въ „Журналѣ“ принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по расчету 30 коп. за строчку и 8 рублей за страницу.

Редакція журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ **В. Ѳ. Дерюжинскій.**

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1905 годъ
НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ:

„ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ“

(50-й годъ изданія)

съ приложеніемъ:

„Толкованій на Новый Завѣтъ
бл. Ѳеофилакта Болгарскаго“.

Въ 1905 году при Казанской Духовной Академіи будетъ продолжаться изданіе журнала *„Православный Собесѣдникъ“*, который будетъ выходить, какъ и ранѣе, *ежемѣсячно* книжками до 15 печатныхъ листовъ въ каждой.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1. *Творенія св. отцовъ и церковныхъ писателей въ русскомъ переводѣ.* Будетъ продолжаться изданіе знаменитаго апологетическаго произведенія Оригена „Противъ Цельса“. - 2. *Статьи богословскаго, философскаго, церковно-историческаго и миссіонерскаго содержанія.* Между прочимъ, будутъ печататься нигдѣ еще не изданные письма, проекты и оффиціальныя донесенія Св. Синоду Иннокентія, митрополита Московскаго († 1879), за время его управленія Камчатскою епархіей. Эти произведенія Высокопреосвященнаго Иннокентія составятъ весьма цѣнный матеріалъ для изученія исторіи Дальняго Востока.—3. *Очерки текущей церковно-общественной жизни:* а) Россіи, б) Запада и в) православнаго востока.—4. *Обзоръ миссіонерской* (главнымъ образомъ—внѣшней, инородческой) *дѣятельности въ Россіи* въ связи съ изученіемъ жизни русскихъ инородцевъ.—5. *Хроника академической жизни.*—6. *Критическія статьи и библіографическія сообщенія* изъ области духовной литературы и журналистики, какъ русской, такъ и заграничной.

Въ видѣ особаго приложенія всѣ годовые подписчики на журналъ: „Православный Собесѣдникъ“ получатъ въ 1905 г. *два большихъ* (не менѣе 50 печатныхъ листовъ) *тома* (пятый и шестой), входящихъ въ составъ общаго восьмитомнаго, предпринятаго Казанской Академіей, изданія *„Толкованій на Новый Завѣтъ бл. Ѳеофилакта Болгарскаго“*. Въ составъ этихъ томовъ—пятаго и шестого—войдутъ: Толкованія на Дѣянія апостольскія, Соборныя посланія, Посланія ап. Павла къ Римлянамъ и Коринѳянамъ.

Само по себѣ предлагаемое приложеніе, которое будетъ использовано въ 4 года (по 2 тома въ годъ), явится весьма цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для подписчиковъ „Правосл. Соб.“ „Толкованія на Новый Завѣтъ“ принадлежатъ перу бл. Ѳеофилакта, ученѣйшаго мужа своего времени (XI ст.), и составлены на основаніи лучшихъ святоотеческихъ твореній, главнымъ образомъ—твореній Іоанна Златоуста. Являясь такимъ образомъ вѣрнымъ отраженіемъ истинно-церковнаго, авторитетно-отеческаго пониманія священнаго Новозавѣтнаго текста, предлагаемыя Творенія Ѳеофилакта,—написанныя къ тому же языкомъ простымъ, яснымъ и точнымъ—, могутъ служить любителямъ духовно-нравственнаго просвѣщенія вполнѣ надежнымъ руководствомъ при чтеніи Новозавѣтныхъ книгъ Священнаго Писанія. Особенно же важны и пригодны „Толкованія“ для лицъ, ведущихъ миссіонерскую противо-раскольническую дѣятельность, такъ какъ истолковательныя Творенія Ѳеофилакта имѣютъ особый священный авторитетъ въ глазахъ раскольниковъ.

Digitized by Google

Журналъ „Православный Собесѣдникъ“ рекомендованъ Св. Синодомъ для выписыванія въ церковныя библіотеки, „какъ изданіе полезное для пастырскаго служенія духовенства“ (Синод. опред. 8 сент. 1874 г. № 2792).

Цѣна за полное годовое изданіе „Православнаго Собесѣдника“ съ доставкой и пересылкой: ***безъ приложенія*** „Толкованій бл. Ѳеофилакта“—въ Россію ***семь рублей,*** за границу—***десять рублей; съ приложеніемъ*** же двухъ томовъ „Толкованій“—въ Россію ***восемь рублей,*** за границу ***одинадцать рублей.***

Отдѣльныя книжки журнала продаются по 80 коп.

Адресъ редакціи: Казань, Духовная Академія.

Редакторъ профессоръ *Л. Писаревъ.*

„ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ“

въ 1905 году

будутъ выходить четыре раза въ мѣсяцъ, нумерами до *двухъ* печатныхъ листовъ въ каждомъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

на годъ ***пять рублей;*** вмѣстѣ съ „Православнымъ Собесѣдникомъ“, но безъ приложенія „Толкованій бл. Ѳеофилакта“—***восемь рублей,*** съ приложеніемъ же двухъ томовъ „Толкованій“—***девять рублей.***

Адресъ: Казань, Духовная Академія.

Печатать дозволяется. 15 сентября 1904 года. Ректоръ Академіи Епископъ *Алексій.*

Digitized by Google

ИМПЕРАТОРСКІЙ ВАРШАВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.

ТЕМА,

предлагаемая историко-филологическимъ факультетомъ

на соисканіе въ 1903—1905 годахъ преміи по записи Адама Хойнацкаго
за популярное народообразовательное сочиненіе:

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЙ ТРУДЪ,

переносится на 1905 — 1907 годы.

Составить очерки, повѣсть или разсужденіе, рисующіе въ доступномъ для народа изложеніи значеніе земледѣльческаго труда въ сравненіи съ другими видами труда простолюдина (напр., фабричнымъ, горнымъ и др.).

Въ этой работѣ авторъ долженъ показать по этнографическимъ даннымъ то предпочтеніе, какое простолюдинъ оказываетъ земледѣльческому труду, причемъ матеріаломъ могутъ служить народныя пѣсни, сказки, пословицы и др. Слѣдуетъ представить также поэтическую сторону земледѣльческаго труда и отмѣтить, какъ много вниманія и вдумчиваго отношенія къ жизни природы проявляетъ земледѣлецъ (при этомъ авторъ можетъ пользоваться народными примѣтами о погодѣ, урожаѣ, домашнихъ животныхъ, обратить вниманіе на обычаи, соединенные съ земледѣльческимъ трудомъ и народными праздниками). Надлежитъ отмѣтить вліяніе земледѣлія на бытъ крестьянина, указать, какъ слагаются въ земледѣльческомъ быту семейныя и общественныя отношенія. Необходимо, наконецъ, разъяснить вліяніе земледѣлія на нравственную сторону жизни народа.

Отъ автора не требуется развитія въ одинаковой полнотѣ всѣхъ означенныхъ частностей даннаго предмета, но тѣмъ большей обстоятельностью и убѣдительностью должно отличаться раскрытіе главныхъ, по преимуществу положительныхъ его сторонъ, въ непремѣнныхъ цѣляхъ, согласно волѣ завѣщателя, „вліять на просвѣщеніе народа и тѣмъ самымъ на исправленіе нравственности и обычаевъ онаго“.

Авторъ не стѣсненъ въ выборѣ пріемовъ развитія настоящей темы; если сочиненіе по своему содержанію будетъ имѣть поэтическій характеръ, допускается перемѣна заглавія.

Премія присуждается въ размѣрѣ 900 рублей и выдается автору сочиненія и законнымъ его наслѣдникамъ по предварительномъ представленіи въ университет 150 печатныхъ экземпляровъ этого сочиненія и подъ условіемъ поступленія его в продажу по цѣнѣ доступной для читателей изъ среды простого народа. **Сочиненіе должно быть представлено не позже 30 апрѣля 1907 года.** Оно должно быть писано на русскомъ языкѣ и русскимъ подданнымъ, напечатано или переписано чисто и разборчиво. Выборъ между русскимъ и польскимъ языкомъ при печатаніи увѣнчаннаго сочиненія предоставляется усмотрѣнію автора. Если къ уплатѣ присужденной преміи представленъ будетъ напечатанное сочиненіе въ польскомъ переводѣ съ разсмотрѣннаго факультетомъ оффиціальнаго русскаго подлинника, то **къ сочиненію этому должно быть приложено удостовѣреніе Историко-Филологическаго факультета объ полномъ согласіи перевода съ означеннымъ подлинникомъ.**

Digitized by Google

Digitized by Google

Временникъ

Демидовскаго Юридическаго Лицея выходитъ книгами не менѣе **тридцати** печатныхъ листовъ.

Цѣна каждой книги **4** руб.

Можно получать въ Ярославлѣ въ Канцеляріи Лицея.

XC книга вышла 15 февраля 1905 года; въ ней 45 листовъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google